

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

P Slav 236.4

HARVARD
COLLEGE
LIBRARY

Калифорния Вестникъ

ОКТАВРЬ

1877

ДѢЛО

ГОДЪ ОДИНАДЦАТЫЙ

№ 10.

СОДЕРЖАНИЕ.

1. ИТОГИ НАШЕЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ. (Ст. вторая.) . . . . . Л. И. МЕЧНИКОВА.
2. МАТЬ. Стихотвореніе. (Съ сербскаго.) Н. И. КОБЫЛИНА.
3. ВИНОВАТЪ-ЛИ ОНЪ? Разсказъ. . . . . С—НА.
4. СФИНКСЪ. Романъ. . . . . В. И. ДУБРОВИНОЙ.
5. РУМЫНСКАЯ ЛЕГЕНДА. Стихотвореніе. (Изъ К. А. Россети.) . . . . . В. П. БУРЕВИНА.
6. ИДЕАЛЫ ЛИТЕРАТУРНОЙ ЕВРОПЫ XIX ВѢКА. (Ст. первая.) . . . . . Н. В. ЯЗЫКОВА.
7. ЗАПИСКИ УБИЙЦЫ. Романъ. (Гл. XXV—XXVIII). . . . . ЛЮБ УЛЬБАХА.
8. ПРИЗРАКЪ. Стихотвореніе. . . . . А. И. ГУСАЧЕВА.
9. НОВЫЕ РАЗСКАЗЫ: I. Калифорнскій пастушокъ.—II. Въ спальномъ вагонѣ.—III. Человѣкъ съ тяжелымъ бременемъ.—IV. Барабанъ. . . . . БРЕВЪ-ГАРТА.

(См. на оборотѣ.)

59-16

10. ПОГИБАЮЩІЯ ВЪ ДѢТСТВѢ СИЛЫ. Очерки общественной жизни. (Ст. пятая) . . . . . А. МХАНІЮВА.
11. НАБОВЪ. Очерки парижскихъ нравовъ. Романъ. Часть I. (Гл. XI—XII). АЛЬФОНСА ДОДЭ.
12. РОДСТВЕННИКИ. Сцены изъ современныхъ нравовъ. Въ 3-хъ дѣйствіяхъ . . . . . Б. И. СТАНЮКОВИЧА.

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

13. ПРОДУКТЪ ПОЛИТИКИ XIX ВѢКА. (Ст. первая.) . . . . . И. У—ВА.
(Benjamin Disraeli, Earl of Beaconsfield, a Biography, vol. I, London, 1877.)
14. НАУЧНАЯ ХРОНИКА. . . . . И. ГР—ОЛН.

Историческое воспоминаніе, лишённое современнаго интереса.—Любопытный документъ, открытый Драпейрономъ въ парижской Національной библиотекѣ.—Турція два вѣка тому назадъ и виды на нее Франціи.—Французскіе Суворины XVII в.—Чѣмъ они отличаются отъ русскихъ Суворинныхъ державамъ?—Торжество науки и торжество мога! въ Гаврѣ.—О расахъ ископаемыхъ людей (рѣчь Брокера).—Чего ждали гаврскіе негоціанты отъ конгресса „соревнователей преемственныхъ наукъ“ и оправдались-ли ихъ ожиданія?—Правственно-саціментальная цѣль конгресса.—Нѣчто объ общеобразовательномъ значеніи ученыхъ съездовъ вообще и гаврскаго въ частности.—Какъ ученые съезды разъясняютъ профанамъ „общедоступные и общенитересные“ вопросы?—Гаврскіе экономисты, разрѣшающіе нравственно-экономическіе вопросы по формулѣ передовыхъ статей петербургскихъ газетъ.—Могутъ-ли они поступать иначе?—Кровавое шествіе „цивилизанціи“ по дѣтственнымъ лѣсамъ внутренней Африки.—Письмо Стэнли.—Post-Scriptum.—Еще письмо Стэнли.

15. ИСТОРИЯ ПРЕСТУПЛЕНІЯ. Показаніе свидѣтеля. . . . . Г. Б.
(Histoire d'un crime, par V. Hugo. Paris. 1877.)

16. ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ. . . . . И. Ш.
Вопросъ о поразрядной подати, поднятый „Голосомъ“.—Почему „Голосъ“ считаетъ необходимымъ введеніе новаго налога?—Приблизительныя жертвы Россіи на войну.—Вытѣсненіе бумажнаго рубля металлическимъ.—Кому платить долги?—Долги и налоги, какъ единственное наличное средство противъ безденежья.—Поспѣшность, съ какою „Голосъ“ хватается за московскій проектъ поразрядной подати.—Поможетъ-ли проектъ „Голоса“ экономическому положенію или снова сдѣлаетъ земледѣльца козломъ отпущенія?

17. КАЛЕЙДОСКОПЪ. Литературныя и общественныя замѣтки . . . . . И. МИЗАНТРОЛОВА.
Умные въ рѣчахъ нашихъ шовинистовъ.—„Это не я, это Петръ Ивановичъ!“—Потухшая „всемирная свѣчка“ „Отечественныхъ Записокъ“.—Князь А. И. Васильчиковъ, бодрствующій на стражѣ славянофильскихъ

О ПОДПИСКѢ

НА

ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛѢ

„ДѢЛО“

ВЪ 1878 ГОДУ.

Журналъ „ДѢЛО“ будетъ издаваться въ 1878 году, при постоянномъ участіи прежнихъ его сотрудниковъ, въ томъ-же направленіи и по той-же программѣ, какъ и въ прошлыя ОДИНАДЦАТЬ ЛѢТЪ.

Годовое изданіе журнала „ДѢЛО“ состоитъ изъ *двѣнадцати* книгъ, отъ 30—32 листовъ каждая, большого формата.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА ЖУРНАЛУ НА ГОДЪ:

безъ пересылки и доставки	14 р. 50 к.
съ дост. въ Петербургъ	15 р. 50 к.
съ пересылкой иногороднимъ	16 р. „

ЗА-ГРАНИЦУ ВО ВСѢ ГОСУДАРСТВА. . . . . 19 р.

Подписку просить адресовать исключительно въ С.-Петербургъ, въ Главную Контору журнала „ДѢЛО“, по Надеждинской ул., д. № 39.

1262

СОДЕРЖАНІЕ ДЕСЯТОЙ КНИЖКИ.

Итоги нашей промышленности. (Ст. вторая.)	<i>Л. И. Мечникова.</i>
Мать. Стихотвореніе. (Съ сербскаго.)	<i>Н. Н. Кобылина.</i>
Виновать-ли онъ? Разсказъ.	<i>С—на.</i>
Сфинксъ. Романъ.	<i>Е. И. Дубровиной.</i>
Румынская легенда. Стихотвореніе. (Изъ К. А. Россети.)	<i>В. П. Буренина.</i>
Идеалы литературной Европы XIX вѣка. (Ст. первая.)	<i>Н. В. Языкова.</i>
Записки убійцы. Романъ. (Гл. XXV—XXVIII.)	<i>Леои Ульбаха.</i>
Призракъ. Стихотвореніе.	<i>Ал. Гусачева.</i>
Новые разсказы: I. Калифорнійскій па- стушокъ. — II. Въ спальномъ ва- гонѣ. — III. Человѣкъ съ тя- лымъ бременемъ. — IV. Ва- банъ.	<i>Бретъ-Гарта.</i>
Погибающія въ дѣтствѣ силы. Оче- ки общественной жизни. (Ст. пятая.)	<i>А. Михайлова.</i>
Набобъ. Очерки парижскихъ нравовъ. Романъ. Часть I. (Гл. XI—XII.)	<i>Альфонса Додэ.</i>
Родственники. Сцены изъ современ- ныхъ нравовъ. Въ 3-хъ дѣй- ствіяхъ.	<i>К. М. Станюковича.</i>

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Продуктъ политики XIX вѣка. (Ст. первая.)	<i>П. У—ва.</i>
Научная хроника.	<i>П. Гр—оли</i>
Исторія преступленія. Показаніе сви- дѣтеля.	<i>Г. Б.</i>
Внутреннее обозрѣніе.	<i>Н. III.</i>
Калейдоскопъ. Литературныя и об- щественныя замѣтки.	<i>Н. Мизантропова.</i>
Военная хроника.	

ДѢЛО

ЖУРНАЛЪ

ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКІЙ

ГОДЪ ОДНАДЦАТЫЙ.

№ 10. ✓

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ Г. Е. ВЛАГОСВѢТЛОВА, ПО НАДЕЖДИНСКОЙ УЛИЦѢ, ДОМЪ № 39.
1877.

△ P-512v 236.4 (11, No. 10)

65 * 12

Доволено пензурою. С.-Петербургъ, 23 октября 1877 года.

ИТОГИ НАШЕЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ.

(Статья вторая *.)

I.

Трудъ какъ отдѣльныхъ лицъ, такъ и цѣлыхъ народовъ не при всѣхъ условіяхъ и не на всѣхъ почвахъ даетъ одинаково цѣнные результаты и способенъ обмѣниваться на соотвѣтственныя ему единицы чужого труда. Дикарь, наприимѣръ, иногда по цѣлымъ недѣлямъ гоняется за звѣремъ, натерпитя при этомъ всевозможныхъ невзгодъ, напастей и лишеній, и, поймавъ добычу, радъ отдать ее за нѣсколько гвоздей, за горсть пороху, за ножъ или тому подобную бездѣлицу, представляющую собою очень ничтожную единицу труда для европейскаго работника. Мы вправѣ смотрѣть на подобныя мѣновныя сдѣлки какъ на грабежъ, но дѣятельно помочь обижаемому дикарю можно все-таки не иначе, какъ черезъ повышеніе его культурнаго уровня, черезъ измѣненіе условій, столь невыгодно вліяющихъ на цѣнность его труда. Самый обмѣнъ можетъ и не существовать, но трудъ дикаря все-таки окажется менѣе цѣннымъ, чѣмъ болѣе благоприятно обставленный и цѣлесообразнѣе направленный трудъ человѣка цивилизованнаго, вооруженнаго всѣми техническими и культурными преимуществами науки. Безъ существованія обмѣна, дикарь все-же останется осужденнымъ на болѣе упорный и тяжелый трудъ, вырабатывая при этомъ значительно меньшее количество продуктовъ.

Въ меньшихъ размѣрахъ точно такая-же различная цѣнность

*) См. ст. 1-ю въ августовской книжкѣ „Дѣло“.
„Дѣло“, № 10, 1877 г.

труда существует и относительно народовъ, принадлежащихъ въ сравнительно высшимъ культурнымъ группамъ. Даже народы, стоящіе на одинаковой культурной высотѣ, не на всѣхъ поприщахъ труда могутъ состязаться съ равнымъ успѣхомъ. Чтобы не быть побѣжденнымъ во всемірной промышленной борьбѣ, въ которую давно уже отлилась борьба за существованіе и за развитіе человѣческихъ обществъ, каждый народъ поставленъ въ необходимость опредѣлить, такъ-сказать, свое экономическое призваніе, т. е. найти условія и поприща для наивыгоднѣйшаго примѣненія своего труда. Это опредѣленіе совершается только отчасти теоретическимъ путемъ, а главное — путемъ практическихъ опытовъ, начинаній и предпріятій на разныхъ поприщахъ дѣятельности. Экономическая зрѣлость начинается только тогда, когда экономическое призваніе народа уже найдено, когда сложилась его промышленная фізіономія или индивидуальность, отражающая обыкновенно и всѣ физическія свойства страны, и историческіе антецеденты, и психологическія особенности самой нации. Только разивъ въ себѣ такую фізіономію, каждый народъ получаетъ возможность вступить въ стройную группу передовыхъ культурныхъ бойцовъ въ качествѣ равноправнаго члена, а не данника, не подмастерья, не прихвостня.

Для насъ возможность нормального культурнаго роста, нестѣсненнаго посторонней опекой и всевозможными преградами, открылась еще столь недавно и столь неполно, что ждать отъ насъ экономической зрѣлости нѣтъ, конечно, законнаго основанія. Подводя итоги нашей промышленности, мы ждемъ отъ нея не блестящихъ результатовъ, не одержанныхъ надъ передовыми сверстниками побѣдъ, а лишь только болѣе или менѣе рациональныхъ зачатковъ и стремленій. Мы готовы съ любовью прислушиваться къ дѣтскому лепету ея, внимательно наблюдать ея промахи и шалости (вродѣ, на примѣръ, уже указанного существованія завода съ годовымъ оборотомъ въ 38 руб. сер. на каждаго работника), надѣясь въ нихъ отыскать хоть слабые намеки на силу и характеръ будущей серьезной дѣятельности. Но и при такомъ эмбриологическомъ возрѣніи на нашу задачу, работа наша значительно затрудняется тѣмъ, что эта юная отечественная промышленность мечется, какъ разыгравшійся теленокъ, то прищелкивая себя для бодрости хвостомъ доктринерски-экономич-

ческих измышлений, то ласково изловчаясь пососать двухъ матокъ государственнаго покровительства. На огромной массѣ худолы, хорошо-ли доставляемаго ей нашимъ земледѣльемъ сырья она съуждала основать только двѣ крупныя (относительно говоря) индустріальныя отрасли: сахарное и водочное производство, съ годовымъ оборотомъ свыше 50 мил. р. с. И вотъ уже она какъ-бы наскучила этимъ земледѣльческимъ сырьемъ, бѣжить отъ него прочь, по дорогѣ успѣвъ потоптать и зеленый ленъ, и душистую коноплю... Бѣжить, но куда?.. Конечно, въ спокойный хлѣвъ покровительственнаго тарифа. Согласитесь, что не легко услѣдить такіе причудливыя скачки; объяснить-же ихъ и вовсе нельзя ничѣмъ другимъ, кромѣ игривости, свойственной вообще ея телячьему возрасту.

Между тѣмъ какъ наше земледѣльческое сырье или гниетъ въ закромахъ, не имѣя возможности обратиться въ порядочную муку, или поспѣшно бѣжитъ за-границу отъ этихъ чудаковъ, которые даже разсортировать-то его порядочно не умѣютъ, отечественныя капиталы съ истинно-славянскимъ гостепріимствомъ устремляются на-встрѣчу какому-то пришельцу съ азіатскими чертами лица, грязному, взлохмаченному, угловатому. „Я, бачва, хлопокъ бухарскій; былъ прежде татарска, теперь сталъ твоя“, говоритъ онъ, умильно ухмыляясь и съ акцентомъ, напоминающимъ термаламу, „Русскій Миръ“ и похождения омудскаго принца.

Появленіе бухарскаго хлопка производитъ сенсацію. „Инвалидъ“ печатаетъ біографію его, изъ которой мы узнаемъ, что онъ родится повсюду въ Туркестанѣ и даже въ Чечкентѣ, хотя сколько-нибудь удовлетворительныя его сорта зрѣютъ исключительно на югѣ. Бухара одна производитъ до 2 мил. пудовъ хлопка, тогда какъ Хива, Хокандъ и независимыя земли по теченію Аму не даютъ и 1½ миліоновъ.

И до появленія средне-азіатскаго хлопка въ Москвѣ у насъ уже существовало бумаго-прядильное и ткацкое производство, вызванное къ жизни, какъ и большая часть русскихъ промышленныхъ производствъ, покровительственнымъ тарифомъ 12 марта 1822 г. Хлопчато-бумажная наша промышленность была даже излюбленнымъ дѣтищемъ руководителей нашего экономическаго развитія, и если по отношенію ко всѣмъ другимъ проявленіямъ отечественнаго индустріализма этотъ таможенный тарифъ можетъ быть названъ

только покровительственнымъ, то въ отношеніи къ ней его покровительство несомнѣнно равнялось полному запрещенію, такъ-какъ заграничныя ткани обложены были пошлиною въ 50% ихъ цѣны. Прилагая особенную заботливость къ дѣлу возникновенія у насъ этой промышленной отрасли, неизмѣющейся, впрочемъ, никакихъ жизненныхъ корней въ нашихъ климатическихъ и другихъ условіяхъ, министръ финансовъ графъ Канкринъ отнюдь еще не заслуживаетъ упрека, будто онъ наталкиваетъ зарождающееся наше промышленное развитіе на ложную, совершенно несвойственную ему дорогу. Шаткое и произвольное положеніе, будто страна можетъ съ успѣхомъ заниматься разработкою только своего мѣстнаго сырья, никакъ не можетъ быто возведено на степень непреложнаго экономическаго закона. Англія долго работала исключительно, а теперь главнѣйшимъ образомъ работаетъ изъ чужого, сѣверо-американскаго хлопка, но это вовсе не помѣшало ей развить эту отрасль у себя до степени чисто-національнаго дѣла и. при помощи именно этой промышленной отрасли, экономически подчинить себѣ самыя отдаленныя народы всѣхъ странъ и частей свѣта. Читателю извѣстно то громадное употребленіе, которое дѣлаетъ нашъ народъ изъ хлопчатобумажныхъ тканей не только при своей жизни, но и по смерти, такъ-какъ коленкоровый саванъ, цѣною отъ 1½ до 2 р. с., считается для покойника столь-же необходимымъ, какъ для живого и сколько-нибудь достаточнаго крестьянина ситцевая рубаха, а для жены его—ситцевое платье или сарафанъ. Предѣлъ потребленію миткала и ситца въ нашемъ народѣ владеть только та безысходная нужда, которая не легко поддается статистическимъ вычисленіямъ; а потому едва-ли мы особенно преувеличимъ, если положимъ огуломъ на каждую дѣлу нашего населенія отъ 5 до 7 аршинъ ситца, т. е. всего на 1½ р. с., какъ среднюю годовую норму этого потребленія. Такимъ образомъ получается уже весьма уважительная цифра свыше 120 мил. р. сер. въ годъ, которую со стороны министра финансовъ весьма похвально было стараться удержать въ народномъ карманѣ. Правда, налагая тяжелую пошлину на привозныя заграничныя ткани, таможенный тарифъ осуждалъ нашихъ крестьянъ покупать свои рубахи въ 1½ раза дороже, чѣмъ онѣ обошлись-бы имъ при условіяхъ свободной торговли. Но на установленіе такого тарифа обыкновенно смотрятъ, какъ на временное предпріятіе. Всякое на-

чало трудно, но, однажды начавши, наши капиталисты сознаниемъ собственной своей выгоды будутъ побуждаемы къ тому, чтобы по возможности удешевить свое производство. Не только неудивительно, что графъ Канкринъ разсуждалъ такъ слишкомъ пол-вѣка тому назадъ, но и теперь еще точно такъ же разсуждаютъ государственные люди многихъ передовыхъ странъ, и разсужденія ихъ часто оправдываются тамъ, гдѣ промышленность доросла, по крайней мѣрѣ, до сознанія своихъ собственныхъ выгодъ. Система покровительства разорила вконецъ Испанію, а въ Соединенныхъ Штатахъ создала многія такія вѣтви промышленности, по которымъ янки, при всей своей предпримчивости, оказались осужденными на-всегда быть данниками Старого Свѣта. Изъ всего этого можно-бы вывести одну только мораль, что не принципы дѣлаютъ людей, а люди дѣлаютъ принципы. Но мы говоримъ не о принципахъ, а о хлопчато-бумажной промышленности, а потому и возвращаемся къ ней безъ дальнѣйшихъ оговорокъ.

Подъ вліяніемъ запретительной системы она дѣйствительно приняла у насъ быстро прогрессирующій ходъ относительно общей цѣнности годового своего оборота. Такъ въ 1824 г. вся цифра этого оборота не превышала $9\frac{1}{4}$ мил., а къ 1832 г. она уже увеличилась на 230% (Шницлеръ — „Empire des Tzars“); къ началу крымской войны оборотъ этотъ оцѣнивался болѣе $35\frac{1}{2}$ мил. р. с., а теперь (по Ежегоднику министерства финансовъ) оборотъ ея доходитъ до 116,775,635 р. с., число занятыхъ этимъ дѣломъ рабочихъ 132,354, работающихъ на 1,879 фабрикахъ, прядильныхъ и ткацкихъ, группирующихся преимущественно въ центральныхъ губерніяхъ, но встрѣчающихся и на сѣверѣ до Петербурга включительно, а на югѣ до Харькова и Астрахани.

Уже въ концѣ пятидесятихъ годовъ русскіе фабриканты, работывавшіе до тѣхъ поръ исключительно превосходный американскій хлопокъ, стали обращаться за сырьемъ въ среднюю Азію, гдѣ оно гораздо дешевле, хоть и несравненно низшаго достоинства. Впрочемъ, привозъ этого сырья сталъ принимать уважительные размѣры только съ тѣхъ поръ, какъ возстаніе плантаторскихъ штатовъ вызвало кризисъ хлопчато-бумажнаго производства въ Америкѣ. Съ 665,018 пуд. въ 1861 г., привозъ азіятскаго хлопка въ Россію внезапно поднялся слишкомъ на 2 миліона, по-

томъ на $3\frac{3}{4}$ и въ 1864 г. достигъ крайняго своего предѣла, болѣе 9 мил. пуд. Послѣ этого онъ уже быстро, хоть и неравномѣрно, началъ упадать, остановившись на цифрѣ отъ 5-ти до 6-ти мил. Подъ вліяніемъ того-же самаго американскаго кризиса и Англія оказалась временно вынужденною обратиться къ азіатскому хлопку, который отличается своимъ короткимъ волокномъ и терпкостью, такъ-что англійскія машины не могли даже прясть его и англійскіе эксперты должны были являться въ Москву, учиться этому дѣлу на фабрикѣ, если не ошибаюсь, г. Третьякова. Все это было-бы очень лестно для насъ, если бы только не отравлялось тѣмъ соображеніемъ, что въ дѣйствительности англичане являлись къ намъ учиться не усовершенствованію своихъ бумаго-прядильныхъ станковъ, а ихъ необходимой порчѣ, временно-обусловленной критическимъ положеніемъ хлопчатобумажнаго дѣла на земномъ шарѣ. Впрочемъ, въ Англіи этотъ кризисъ очень скоро прошелъ, вызвавъ къ жизни новыя хлопчатныя плантаціи въ британской Индіи, такъ что теперь средне-азіатскомъ хлопкѣ въ Европѣ уже нѣтъ и помину. Индіійскій хлопокъ нѣсколько уступаетъ американскому, но онъ безъ всякаго сравненія превышаетъ нашъ бухарскій и дѣлаетъ ему очень сильную конкуренцію въ Москвѣ, гдѣ онъ обходится по 8 р. с. за пудъ. Замѣна его бухарскимъ тогда только выгодна для фабрикантовъ, когда этотъ послѣдній въ Москвѣ-же продается не дороже 5 или $5\frac{1}{2}$ р. с., а при дороговизнѣ доставки это случается рѣдко. Такимъ образомъ завоеваніе средне-азіатскихъ владѣній не только не оказало никакого вліянія на ходъ нашей хлопчатобумажной промышленности, но по времени даже совпадаетъ съ уменьшеніемъ потребленія средне-азіатскаго хлопка на нашихъ фабрикахъ.

Впрочемъ, странно было-бы и думать, что какая-нибудь вѣтвь промышленности можетъ натурализироваться въ странѣ только черезъ завоеваніе мѣстности, производящей сырье, служащее матеріаломъ для этой промышленности. Всякое дѣло становится національнымъ только тогда, когда оно за-живо затрогиваетъ интересы народныхъ массъ, прямо или косвенно побуждаетъ эти массы къ производительной дѣятельности или, черезъ увеличеніе общедоступности, т. е. дешевизны продукта, способствуетъ возрастанію матеріальнаго благосостоянія потребителей.

Въ Англіи хлопчатобумажною отраслью тѣсно заинтересованы,

кромѣ многочисленныхъ прядильщиковъ, ткачей, красильщиковъ, занятыхъ этимъ производствомъ непосредственно, кромѣ многочисленной арміи рабочихъ, трудящихся по различнымъ побочнымъ, тѣсно съ ними связаннымъ промысламъ, — еще и моряки, купцы, снабжающіе всесвѣтные рынки дешевымъ продуктомъ своихъ отечественныхъ фабрикъ и т. д. У насъ-же и по сю пору активно участвующихъ въ этой крупнейшей отечественной промышленной отрасли не считается и 135,000 челов., включая въ это число и около 1,500 патროновъ-предпринимателей. О томъ, чтобы наши бумаго-прядильныя и ткацкія издѣлія служили предметомъ дѣятельной заграничной торговли, не можетъ, конечно, быть и рѣчи, даже на азіатскихъ торжищахъ, во-1-хъ, уже потому, что все количество издѣлій едва достигаетъ низшей нормы потребностей самой страны; во-2-хъ, потому, что пытаться вырвать изъ рукъ англичанъ эту наиболѣе упрочившуюся за ними монополію было-бы со стороны нашихъ чахоточныхъ индустриальныхъ бойцовъ даже и не отвагою. Впрочемъ, относительно подвоза сырья мы до сихъ поръ еще зависимъ исключительно отъ тѣхъ-же англичанъ. Привоза ежегодно хлопка на сумму около 30 или даже 40 мил. р. с., мы преимущественно обращаемъ за нимъ къ ливерпульскому рынку; прямыхъ-же сношеній съ Индією или съ Америкой мы еще не пытались завести, да оно и не легко безъ своего торговаго флота.

Такимъ образомъ, масса нашего народонаселенія оказывается заинтересованною въ этомъ дѣлѣ только пассивно, только какъ обязательная данница этого производства, основаннаго хотя и на русской землѣ, но поглощающаго не мало и иностранныхъ капиталовъ. Впрочемъ, національность капиталовъ въ подобныхъ вопросахъ никакой существенной роли не играетъ, и если-бы наша хлопчато-бумажная промышленность находилась даже въ рукахъ самыхъ чистокровныхъ почвенниковъ, то платить въ полтора-двора за свои ситцевые рубашки и сарафаны для нашего народа было-бы не менѣе убыточно.

О томъ, что высшіе сорта нашихъ хлопчато-бумажныхъ издѣлій не выдерживаютъ соперничества съ иностранными, едва ли станетъ спорить самый ярый патриотъ; да и спорить невозможно, такъ-какъ даже при 50%-номъ покровительственномъ тарифѣ къ намъ ежегодно привозилось значительное количество лучшихъ иностранныхъ ситцевъ, а достаточно было са-

маго ничтожнаго пониженія пошлинь для того, чтобы ввозъ ихъ повысился тотчасъ-же почти до 100,000 пуд. въ годъ, дающій нашимъ таможнякъ до 1½ мил. р. с. годового дохода. Но насъ увѣряютъ, что отечественная промышленность и въ этой отрасли, также какъ въ большей части другихъ, не имѣетъ въ виду потребителей слишкомъ разборчивыхъ, но что она за то превосходно приспособлена къ удовлетворенію средняго потребителя. Отъ людей, совершенно безкорыстныхъ, приходится слышать на каждомъ шагу, будто у насъ дѣлаются такіе превосходные миткали и ситцы, какіе иностранцамъ и во снѣ не снились; что одни французы перещеголяли насъ, да и то только изяществомъ рисунка и красотою нѣкоторыхъ красокъ; но что по добротности ткани и прочности окраски русскія хлопчато-бумажныя издѣлія съ успѣхомъ выдержали-бы соперничество привозныхъ. Иностранцы-же эксперты, въ томъ числѣ и Маттеи, не отрицая достоинства нѣкоторыхъ нашихъ издѣлій этого рода, тѣмъ не менѣе утверждаютъ единодушно, что, при равныхъ достоинствахъ, русскія ткани не въ примѣръ дороже заграничныхъ; при равныхъ-же цѣнахъ онѣ не въ примѣръ хуже ихъ не только по качеству, но и по внѣшней отдѣлкѣ. Нѣкоторыхъ-же очень дешевыхъ заграничныхъ сортовъ въ Россіи и вовсе нѣтъ.

Мы-бы не взяли на себя рѣшеніе столь деликатнаго вопроса, требующаго большихъ техническихъ свѣдѣній. Къ счастью, вопросъ этотъ уже безапелляціонно разрѣшенъ людьми, полнѣйшую компетентность которыхъ невозможно не признать въ этомъ дѣлѣ. При пересмотрѣ таможеннаго устава въ 1869 г. *), по распоряженію министра финансовъ ф.-Рейтерна, находившаго вполне основательно, что пол-вѣка существованія запретительнаго тарифа совершенно достаточно для того, чтобы вѣтъ, имѣющая въ себѣ хоть малѣйшіе задатки жизненности, встала, наконецъ, на свои ноги,—главнѣйшіе изъ нашихъ хлопчато-бумажныхъ фабрикантовъ были приглашены подать свое мнѣніе. Изъ всего числа спрошенныхъ по этому вопросу, одинъ только швейцарскій консулъ въ Петербургѣ, онъ-же и директоръ с.-петербургской тюлевой фабрики, заявилъ, что онъ считаетъ возможнымъ продолжать свое производство при обложеніи заграничныхъ издѣлій пошлиною въ

*) Новый тарифъ обнародованъ съ 1-го янв. 8169 г.

10% съ ихъ цѣны. Слѣдуетъ замѣтить, что въ это время русскій рубль уже терялъ при заграничномъ обмѣнѣ никакъ не менѣе 12%; слѣдовательно, и съ принятіемъ проекта швейцарскаго консула русская промышленность пользовалась-бы весьма уважительнымъ охранительнымъ цензомъ. Но дѣло въ томъ, что принять этотъ проектъ было рѣшительно невозможно, такъ-какъ всѣ прочіе консулянты признавали единодушно, что сколько-нибудь значительная сбавка запретительныхъ пошлинъ заставитъ ихъ прекратить свою дѣятельность. Нельзя не сознаться, что при этомъ были пущены въ ходъ уже чисто - поздравскія преувеличенія. Такъ, напримѣръ, на правительство старались подѣйствовать соображеніемъ, будто упадокъ отечественнаго производства по этой части унесетъ изъ нашего бюджета ежегодно отъ 500 до 600 миліоновъ, которые направятся за-границу. А между тѣмъ весь годовоі оборотъ нашихъ бумаго-прядильныхъ и ткацкихъ фабрикъ не превышалъ 116 миліоновъ р. с., изъ которыхъ необходимо вычесть отъ 35 до 40 мил. въ годъ, выплачиваемыхъ нами и теперь иностраннымъ купцамъ за сырой матеріалъ. Въ результатѣ добились, что пошлины и потерпѣли номинальную сбавку (въ общей сложности менѣе 15%), но въ дѣйствительности остались такими-же, какъ ихъ установилъ графъ Канкринъ пол-вѣка тому назадъ (въ 1822 г. вексельный курсъ рубля былъ въ нашу пользу).

Очень легко, конечно, предположить, что фабриканты настаивали на сохраненіи высокаго тарифа вовсе не по необходимости, а только изъ желанія и впродъ прозябать въ свое удовольствіе, подъ его охранительною сѣнью. Но это для насъ рѣшительно все равно. По нашему мнѣнію, перенесеніемъ высокихъ покровительственныхъ пошлинъ во второе пятидесятилѣтіе существованія нашей хлопчатобумажной промышленности подписанъ ея смертный приговоръ. Въ самомъ дѣлѣ, чѣмъ оправдать существованіе такой промышленной отрасли, которая даетъ себя чувствовать странѣ только тѣмъ, что населеніе этой страны вынуждено платить въ 1½ раза дороже за одинъ изъ главнѣйшихъ продуктовъ своего потребленія. Выгодна ли эта отрасль или убыточна для самихъ предпринимателей — до этого намъ нѣтъ рѣшительно никакого дѣла. Что-же касается тѣхъ 130,000 человекъ рабочихъ, которые заняты теперь этимъ производствомъ, то, теоретически говоря, насчетъ ихъ участи особенно заботиться

нечего, такъ-какъ намъ отовсюду и постоянно приходится слышать жалобы на недостатокъ рабочихъ рукъ, мѣшающей будто бы развитію у насъ всякой промышленности. Само собою является предположеніе, что, съ исчезновеніемъ съ лица русской земли нынѣшняго хлопчато-бумажнаго производства, освободятся не только эти 130,000 слишкомъ рабочихъ силъ, но также и капиталы, затрачиваемые теперь на это производство. Капиталы же праздными оставаться не могутъ, слѣдовательно, на смѣну уже оказавшей свою несостоятельность промышленной отрасли явится непременно другая. Съ точки зрѣнія рациональныхъ экономическихъ началъ все это, конечно, основательно. Вѣда только въ томъ, что здравыя экономическія начала сами по себѣ, а русская промышленность сама по себѣ и что она есть по преимуществу міръ всевозможныхъ неожиданностей, сюрпризовъ, противорѣчій и нескончаемаго самодурства. Капиталь повсюду отличается большою осторожностью, склонностью предпочитать классическую силицу въ рукахъ погонѣ за журавлемъ въ небѣ. Но русская *силица* превосходитъ даже классическую: долготѣνια привычка мирно пожинать индустріальные жемчуги подъ сѣнью охранительныхъ тарифовъ отняла у насъ не только желаніе, но и самую способность какой-бы то ни было предприимчивости. Только отсутствіе ея и долговременной привычкой ловить жареныхъ голубей прямо разинутымъ ртомъ можно объяснить нашу падкость на всѣ спекулятивныя операціи, на всякую легкую, хотя и сомнительную наживу. Посмотрите, съ какой необыкновенной быстротой возникаютъ у насъ конторы ростовщиковъ, банки, акціонерныя общества, основанныя на мыльныхъ пузыряхъ, а между тѣмъ для организаціи и поддержки какого-нибудь промышленнаго предпріятія у насъ не оказывается ни желанія, ни средствъ, ни знапія. Иначе какъ-же объяснить себѣ, что матеріалы для очевидно полезной промышленной дѣятельности бесполезно гніютъ по разнымъ концамъ нашей земли, тщетно призывая къ себѣ имѣющіе оплодотворить ихъ капиталы. Но капиталъ нашъ остается вѣмъ и глухъ; тамъ, гдѣ онъ не видитъ охранительнаго клейма, одно только краснорѣчіе д-ра Струсберга способно расшевелить его отъ его хронической летаргіи.

Чтобы еще полнѣе оправдать тотъ строгій, но справедливый приговоръ, который наши хлопчато бумажные фабриканты сами произнесли надъ своею индустріальною дѣятельностью, намъ остается

ся только показать, что дѣятельность эта представляет одно изъ невыгоднѣйшихъ примѣненій нашего народнаго труда. Это уже отчасти и само собою явствуетъ изъ того, что на армію въ 130,000 слишкомъ рабочихъ силъ приходится около 70 мил. годового продукта (за вычетомъ стоимости сырья), т. е. приблизительно по 500 р. с. на каждого работника *). Правда, фабрики губерній с.-петербургской и калужской вырабатываютъ значительно больше, а именно: въ 1-й на каждого рабочаго приходится больше 1,400 р. с. въ годъ, а въ послѣдней 1,029. Но за то губерніи центральныя, гдѣ по преимуществу сосредоточивается эта промышленность, стоятъ гораздо ниже средняго уровня. Для московской губерніи средняя цифра годового заработка немного выше 400 р. с.; для владимірской-же, съ ея пресловутымъ русскимъ Манчестеромъ (село Иваново-Вознесенскъ), всего только 329 р. с. Просимъ обратить особенное вниманіе на то, что въ петербургской и калужской губерніяхъ всего только по 9-ти фабрикъ, занимающихъ въ общей сложности немного больше 4,000 рабочихъ. Въ московской, по Ежегоднику Министерства финансовъ, 263 фабрики (а по Тимирязеву 371), въ владимірской только 60, но размѣрами своими значительно превышающія всѣ остальные, такъ-какъ на этихъ 60 фабрикахъ работаютъ почти 30,000 человекъ (т. е. почти $\frac{1}{4}$ всего числа занятыхъ этимъ производствомъ въ Россіи, со включеніемъ Финляндіи, остзейскихъ провинцій и Царства Польскаго), всѣ-же московскія фабрики вмѣстѣ довольствуются 17,933 чел. Но что-же подумать о такихъ шалостяхъ, которыя мы здѣсь заимствуемъ изъ официальныхъ таблицъ: губ. астраханская, 3 фабрики съ 5-ю рабочими, выдѣлываетъ ежегодно продукта на 45 р. с.; губ. вятская, 3 фабрики съ 220 раб., — 36,000 р.? Послѣдняя, по нашему мнѣнію, гораздо краснорѣчивѣе первой. Что среди астраханской глуши выискались шутники, задумавшіе позабавить себя фабрикою, выдѣлывающею на 45 р. с. продукта въ годъ, — это только одинъ изъ тѣхъ курьезовъ, которымъ имя у насъ легіонъ. Но вятская промышленность, отрывающая отъ дѣла 220 человекъ, чтобы занять ихъ производствомъ по 160 р. с. въ годъ на рабочаго, уже выходитъ изъ размѣровъ позволительныхъ шалостей.

*) Маттен принимаетъ 497 р. с. для ткацкихъ фабрикъ, дающихъ окончательный продуктъ (кромѣ окраски).

Но оставимъ въ сторонѣ эти захоластные курьезы, а перенесемъ въ самый нашъ Манчестеръ и тамъ рѣшимъ вопросъ: какого приговора заслуживаетъ промышленная вѣтвь, поглощающая десятки тысячъ рабочихъ силъ, созидаящая индустріальные центры со всѣми ихъ тяжелыми нравственными и матеріальными послѣдствіями и окупающая все это продуктомъ въ 85 коп. сер. въ день на человѣка, да и то только при возможности сбывать свой продуктъ по цѣнѣ, вдвое выше той, по которой можно купить его у западно-европейской промышленности?

Итакъ, эта колоссальнѣйшая изъ нашихъ промышленныхъ отраслей, годичный оборотъ которой превышаетъ всю цѣнность нашего сахарнаго и водочнаго производства, взятыхъ вмѣстѣ, — это излюбленное дѣтище нашихъ святелей и дѣятелей, этотъ не-благоухающій оранжерейный цвѣтокъ, возвращеніе котораго обошлось уже русскому народу около 2,000 мил. руб. сер., выплачиваемыхъ въ видѣ ежегоднаго налога въ пользу нѣсколькихъ сотъ капиталистовъ-предпринимателей, неумѣвшихъ по большей части даже разбогатѣть отъ этой подачки, — обазывается величиною чисто-отрицательною. Исчезни сегодня русская хлопчато-бумажная промышленность съ лица земли, то только одно удешевленіе крестьянскихъ рубахъ ознаменуетъ собою эту трагическую катастрофу. Единственнымъ памятникомъ ея останутся третьяковскіе станки, но ими едва-ли кто-либо воспользуется, такъ-какъ безъ обезпеченнаго сбыта продуктовъ по произвольной цѣнѣ ни одинъ фабрикантъ не станетъ прядь дряннаго бухарскаго хлопка, который и у насъ стали, наконецъ, почти на половину мѣшать съ хошими американскимъ.

II.

Архимедовъ рычагъ нашей промышленности находится въ рукахъ Тить-Титычей и Сила-Силычей, стоящихъ по своему умственному развитію почти на одинаковой степени съ папуасами, хотя нѣкоторые изъ нихъ и отшлифованы внѣшне въ коммерческихъ училищахъ, а по любви ихъ къ рутинѣ даже превосходящихъ папуасовъ. Нѣтъ сомнѣнія, что для нихъ всякое нарушеніе рутинны кажется свѣтопреставленіемъ и процвѣтаніе національ-

наго труда возможно только подъ покровительственнымъ ярлыкомъ. Но у насъ есть и такія промышленныя отрасли, которыя даже и при высокомъ покровительствѣ таможеннаго тарифа не привлекаютъ къ себѣ отечественныхъ капиталовъ. Таково, на примѣръ, наше бумажное производство. По статистическому атласу Тимирязева, въ Россіи, за исключеніемъ Финляндіи и Царства Польскаго, этимъ дѣломъ заняты всего 8,054 работника; вся-же стоимость годичнаго продукта=5,522,181 р. с., слѣдовательно въ 10 разъ меньше водочнаго и въ 23 раза меньше нашего хлопчато-бумажнаго производства. Очевидно, что при такой скудости своего оборота, дающаго, во всякомъ случаѣ, меньше 8 к. въ годъ на каждого обывателя, отрасль эта можетъ интересоваться насъ никакъ не по національно-экономическому своему значенію, а только своимъ прямымъ соотношеніемъ къ культурному развитію народа. А потому поспѣшимъ замѣтить, что привозъ иностранной писчей и др. бумаги простирается среднимъ числомъ до $\frac{1}{2}$ мил. р. с. въ годъ. Если оцнить все валовое производство въ предѣлахъ имперіи въ 8 мил. руб. *) то окажется, вмѣстѣ съ привозомъ, что потребление бумаги у насъ все еще не доходитъ до 10 к. сер. въ годъ на каждого жителя. Эта скромность размѣровъ потребленія объясняется главнѣйшимъ образомъ дороговизною продукта. Покровительство, оказываемое таможеннымъ тарифомъ въ довольно высокихъ размѣрахъ (заграничная бумага платитъ у насъ 3 р. с. съ пуда) отечественнымъ фабрикантамъ въ этомъ дѣлѣ, помимо своего общаго экономическаго вліянія, слишкомъ очевидно и непосредственно задерживаетъ развитіе грамотности въ народѣ. При этомъ надо замѣтить и то, что бумага, и при отсутствіи таможенныхъ пошлинъ, въ очень слабой степени способна быть предметомъ международной торговли: только высшіе сорта почтовой и писчей бумаги могутъ оплачивать обыкновенныя издержки перевозки; всего-же менѣ могла-бы быть привозима изъ-за границы дешевая непроклеенная бумага, обыкновенно употребляемая для печати, но и эта послѣдняя платитъ транзитной пошлины 2 р. с. съ пуда.

Но русскій бумажный фабрикантъ имѣетъ въ свою пользу не только эту искусственную дороговизну продажныхъ цѣнъ, но еще и

*) По Ежегоднику—5,747,681 р. с., но эта цифра и устарѣла, и неточна.

крайнюю дешевизну сырья. Въ то время, какъ повсюду въ Европѣ центнеръ тряпокъ, пригодныхъ для бумажнаго производства, цѣнился до 7 руб. с., мы отправляли за-границу около $\frac{1}{2}$ мил. пуд. этого тряпья по 75 в. с. за пудъ, т. е. по 2 р. 25 в. за центнеръ. Съ тѣхъ поръ (т. е. съ 1868 г.) цѣны эти нѣсколько поднялись и у насъ, но этотъ крайне не-лестный для нашего національнаго самолюбія ходъ бумажной торговли не измѣнился; мы все еще продолжаемъ отправлять за-границу тряпье съ покорнѣйшей просьбой обратить его тамъ въ порядочную бумагу, которая потомъ частью вернется къ намъ-же, оплативъ двойныя издержки перевоза + вышепомянутый таможенный сборъ въ размѣрѣ 3 р. с. съ пуда, который въ этомъ случаѣ уже нѣсколько смахиваетъ на штрафъ за самое потребление этого продукта. Если вывозъ нашего тряпья за-границу нѣсколько и сократился за послѣдніе 2 или 3 года, то мы изъ этого не можемъ еще заключить, будто внутреннее наше производство усилилось, такъ-какъ именно за послѣднее время въ Европѣ въ значительной степени тряпки начинаютъ замѣняться болѣе дешевыми сурогатами, преимущественно деревянными стружками и опилками. Наши отечественные фабриканты, оказывающіеся очень чуткими только къ такимъ удешевленіямъ производства, которыя не требуютъ соотвѣтственнаго усовершенствованія самыхъ процесовъ выдѣлки, перенесли это новое изобрѣтеніе и на нашу почву. Петербургскій фабрикантъ, г. Крутниковъ, напалъ даже на счастливую мысль приготовить бумажную массу изъ конопляной соломы, негодной ни для какого иного употребленія. Нечего и распространяться о томъ, что всякое удешевленіе сырья или умѣнье при-мѣнить къ дѣлу матерьялъ, неизмѣвшій прежде никакой цѣнности, составляетъ дѣло весьма почтенное и желательное въ каждомъ производствѣ, но только подъ условіемъ, чтобы это удешевленіе матеріяла сопровождалось также и возрастаніемъ общедоступности издѣлій, въ особенности-же, чтобы оно не отзывалось невыгодно па качествахъ продуктовъ. А между тѣмъ въ хлопчатобумажной промышленности мы уже видѣли, что русскіе фабриканты, работая изъ дряннаго и крайне дешеваго сырья, продаютъ свои издѣлія несоотвѣтственно дорого. То-же самое пока еще можно сказать и о бумажномъ нашемъ производствѣ, которое въ техниче-

скомъ отношеніи отстало даже и отъ тѣхъ отраслей, о которыхъ мы уже упоминали на страницахъ этого очерка.

Изъ сказаннаго вытекаетъ само собою, что русскіе бумажные фабриканты находятся въ положеніи не менѣе привилегированномъ, чѣмъ и ситцевые ихъ товарищи, а потому, съ чисто-экономической точки зрѣнія, невозможно себѣ объяснить условій, столь замѣтно задерживающихъ у насъ развитіе этой, столь важной въ быту цивилизованныхъ народовъ промышленной отрасли. Что же касается выгоды примѣненія народнаго труда именно на этомъ поприщѣ, то она даже довольно ярко выступаетъ на видъ изъ цифръ, приведенныхъ выше; изъ данныхъ тимиразевскаго атласа явствуется, что за исключеніемъ Финляндіи и Царства Польскаго (т. е. такихъ именно мѣстностей, гдѣ эта промышленность развита технически даже больше, чѣмъ въ самой Россіи), 1 работникъ на бумажной фабрикѣ вырабатываетъ продукта почти на 700 р. с. въ годъ. Сама по себѣ эта цифра, конечно, не можетъ еще быть найдена очень выгодною, но будучи сопоставлена съ среднимъ годовымъ продуктомъ ситцевыхъ фабрикъ или свеклосахарныхъ заводовъ, она представляется уже въ совершенно иномъ свѣтѣ. Но такъ-какъ эта отрасль въ развитіи своемъ вообще отстала отъ другихъ, то и въ производительности одной рабочей силы на разныхъ фабрикахъ здѣсь нельзя ожидать меньшихъ отклоненій отъ этого средняго уровня, по крайней мѣрѣ, въ смыслѣ минимума. Выше средняго уровня стоятъ главнѣйшимъ образомъ губерніи новгородская (1,217 р. с. въ годъ на 1 работника), петербургская (1,143), лифляндская (883), ярославская (827). Для польскихъ губерній самый этотъ средній уровень уже повышается до 755 р. с. Значительно ниже средняго уровня стоятъ фабрики въ губ. пензенской (594 р. с.), тульской (570), московской (567), костромской (380), вологодской (342). Минимумъ производительности представляютъ губ. нижегородская (277 р. с.), тамбовская (262), казанская (240). Минимумы эти, конечно, таковы, что при нихъ существованіе фабрикъ должно считаться непоправимою затратою рабочихъ силъ; но и въ бумажномъ дѣлѣ, какъ во всѣхъ остальныхъ, не обходится безъ такихъ явленій, для которыхъ даже приличнаго статистическаго прозвища придумать нельзя. Такъ, напримѣръ, въ орловской губ. существуютъ 4 бу-

важныхъ фабрики съ 306 работниками и съ годовымъ продуктомъ по 121 р. с. на каждаго работника.

Максимумы производительности одного работника на бумажной фабричѣ оказываются изъ этой таблицы значительно ниже такихъ-же максимумовъ на нѣкоторыхъ ситцевыхъ фабрикахъ, работающихъ при особенно благопріятныхъ условіяхъ. Но это въ значительной степени происходитъ оттого, что у насъ, рядомъ съ превосходными и снабженными всѣми утонченностями современной изобрѣтательности промышленными заведеніями, повсюду неизбежно ютятся и такія созданія досужей фантазіи какихъ-нибудь самодуровъ, которыхъ образчиками могутъ служить астраханскія ситцевныя фабрики съ оборотомъ въ 45 р. с. въ годъ. Такъ, на примѣръ, средняя цифра, данная выше для бумажныхъ фабрикъ новгородской губерніи, только 1,217 р. с. на каждаго работника въ годъ. Но двѣ большія фабрики, существующія здѣсь при станціи Окуловкѣ, будучи взяты отдѣльно, представляютъ слѣдующія, гораздо болѣе благопріятныя отношенія: фабрика В. И. Пассбурга, при 150 рабочихъ, даетъ продукта на 335.000 р. с. въ годъ; фабрика М. К. Аттонъ, при 37 рабоч., — на 80,000 р. с. въ годъ.

Впрочемъ, изъ одного того уже, что бумажное производство не поглощаетъ у насъ такихъ крупныхъ капиталовъ, какъ, на примѣръ, ситцевое или свеклосахарное, естественно вытекаетъ и то, что максимумы должны быть ниже, такъ-какъ максимумы эти зависятъ ни отъ чего иного, какъ отъ цѣлесообразнаго устройства фабрикъ, требующаго при первомъ обзаведеніи большихъ затратъ, которыя при нашемъ хроническомъ безденежьи дѣлаются не легко. Впрочемъ, мы видимъ въ числѣ русскихъ бумажныхъ фабрикъ и такія, которыя, даже безъ примѣненія пара, даютъ болѣе 2,000 р. с. продукта въ годъ на каждаго работника. Такова, на примѣръ, фабрика Рѣшеткина въ Петербургѣ, гдѣ при 42 рабочихъ годовою продуктомъ больше 93,000 р. с.; и тутъ-же подлѣ покровская бумажная фабрика, при 3 паровыхъ машинахъ въ 150 лошадиныхъ силъ, вырабатываетъ всего по 1,500 р. с. на каждаго работника. Варгунинская фабрика представляется еще неблагопріятнѣе, такъ-какъ, при 7 паровикахъ въ 350 лошадиныхъ силъ и при 276 рабочихъ, она даетъ продукта только на 400,000 р. с. Это несомнѣнно показываетъ, что въ бумажномъ

производствѣ доходность зависитъ не столько отъ грандіозности предпріятія, предполагающей большой первоначальный капиталъ сколько отъ рациональнаго веденія дѣла.

Итоги бумажной промышленности, быть можетъ, равно нехотны и для капиталистовъ, занимающихся у насъ этою отраслюю, и для тѣхъ, которые, по совершенно неувимымъ для насъ причинамъ, упорно чуждаются ея, несмотря на несомнѣнныя выгоды, общаемыя ею даже для умѣренной предпріимчивости. Первыхъ сильно компрометируетъ въ нашихъ глазахъ техническая отсталость производства, жадно усвоивающаго себѣ только такія изобрѣтенія, которыя удешевляютъ его въ ущербъ доброкачественности продукта, при искусственно поддерживаемыхъ высокихъ цѣнахъ на бумагу. Это выходитъ уже изъ предѣловъ законной бережливости. Нельзя не упрекнуть ихъ также и за нерасчетливое обращеніе съ рабочими силами, которому мы выше привели весьма осязательные примѣры. Что же касается дороговизны самаго продукта, то она только частью можетъ быть поставлена на счетъ фабрикантовъ, частью-же на счетъ тарифа, и при всемъ томъ обуславливается тѣмъ, что существующія въ наличности фабрики не покрываютъ спроса. Послѣднее несомнѣнно подтверждается тѣмъ, что цѣны на различные сорта бумаги у насъ ни съ того, ни съ сего внезапно повышаются, и каждый грамотный обыватель вынуждается платить добавочный налогъ, совершенно произвольно накиннутый на него горстью беззащитныхъ эксплуататоровъ.

Здѣсь кстати было-бы привести въ концѣ этой главы хоть бѣглый очеркъ состоянія у насъ тѣхъ промышленныхъ вѣтвей, которыя непосредственно вяжутся съ бумажнымъ производствомъ, являются необходимымъ дополненіемъ его, какъ-то: словолитни, типографія, переплетныя, литографія и т. п. Но печатное слово играетъ еще въ нашемъ національно-культурномъ быту такую ничтожную роль, что большая часть этого рода предпріятій, и по размѣру, и по характеру, держатся еще гораздо больше на ремесленной, чѣмъ на чисто-промышленной ногѣ. Къ тому-же, пришлось-бы сказать или слишкомъ много, или ужъ лучше совсѣмъ не говорить: въ этой области, поставляющей, такъ-сказать, умственный насущный хлѣбъ народа, вліяніе такихъ условій, которыя, съ чисто-экономической точки зрѣнія, принято счи-

тять посторонними, слишкомъ тѣсно сливается съ самой индустриальной сущностью дѣла, а потому

Meglio è tacer che dire.

Единственно обстоятельства-ради приведемъ нѣсколько статистическихъ указаній и цифръ. По Ежегоднику министерства финансовъ къ 1869 году существовали въ Россіи 10 словолитень, съ оборотомъ въ 89,480 руб. сер. въ годъ; съ тѣхъ поръ эти цифры нѣсколько измѣнились, главнѣйшимъ образомъ, въ смыслѣ упраздненія довольно многихъ изъ нихъ, такъ-какъ по расчету выгоднѣе оказывается заказывать требуемые дома шрифты у Флинша и К^о во Франкфуртѣ-на-Майнѣ.

Типографій довольно много въ столицахъ, изъ провинціальныхъ-же городовъ только нѣкоторые имѣютъ свои типографіи, въ собственномъ значеніи этого слова. Вообще-же Россія находится въ томъ періодѣ, когда число типографій казенныхъ въ общемъ итогѣ еще превышаетъ число частныхъ заведеній этого рода. Издержки печатанія у насъ среднимъ числомъ обходятся на 30% дороже, чѣмъ за-границею, дурныя качества нашей бумаги слишкомъ часто вредятъ отчетливости и красотѣ нашихъ изданій.

III.

Да не упрекнуть насъ въ отсутствіи послѣдовательности за то, что изъ міра ситцевыхъ и бумажныхъ фабрикъ, гдѣ удушье, тѣснота и вонь царятъ не менѣе, чѣмъ въ любомъ заправскомъ Манчестерѣ или Бристолѣ, изъ столичныхъ типографій, насквозь пропитанныхъ запахомъ голандской сажи, залежавшейся бумаги и мышей, — мы непосредственно перенесемъ читателя въ неизмѣримыя безлюдья нашихъ южныхъ и юго-восточныхъ степей. Мы уже предупредили, что скачки и пируеты нашей промышленности таковы, что, слѣдя за ними, невозможно удержать приличную писателю округленность и плавность переходовъ. Заводы и фабрики вырастаютъ у насъ по тому-же невозможному плану, по какому бабы сажаютъ бобы: одинъ — направо, другой — налѣво, а больше каждый тамъ, куда попалъ. Никакой внутренней связи, никакого взаимнаго пополненія тутъ вовсе не полагается. Обзоромъ хлопчато-бумажнаго и просто-бу-

мажнаго производствъ поневоля́ исчерпывается наша экскурсія въ область отечественнаго индустріализма, ибо дальше обозрѣвать нечего. Звучная рубрика „промышленности, питающейся поставляемимъ ей отечественнымъ земледѣльческимъ сырьемъ“, выжата уже, какъ лимонъ, въ предыдущемъ очеркѣ: вѣдь не процесъ-же печенія филиповскихъ калачей описывать, въ самомъ дѣлѣ! Не дай Богъ! пожалуй, у иного брезгливаго читателя отобьетъ аппетитъ къ этимъ вкуснѣйшимъ изъ продуктовъ роднаго творчества.

Чтобы переговорить о единственной остающейся у насъ въ запасъ промышленной отрасли *), превышающей годовымъ своимъ оборотомъ крупную цифру одного серебрянаго полтинника въ годъ на каждого обывателя имперіи, мы вынуждены открыть новую (къ сожалѣнію, сильно скомпрометированную) рубрику „заводской и промышленной обработки животныхъ продуктовъ“. По непреложному закову природы, каждый животный продуктъ началъ съ того, что былъ скотомъ, и въ этомъ званіи состоялъ не по промышленному, а по сельско-хозяйственному вѣдомству.

Повсюду земледѣліе и скотоводство идутъ рука объ руку. Нѣжный союзъ ихъ не рѣшаются расторгнуть даже составители географическихъ учебниковъ, хотя, по правдѣ говоря, скотъ въ этомъ союзѣ ведетъ себя истиннымъ скотомъ: земледѣліе ласково простираетъ къ нему свои лучшіе заливные луга, заботливо кормитъ его своими свѣжими и душистыми злаками, онъ-же топчетъ нѣдра ея своей двухкопытной ногой и удобряетъ ихъ своими изверженіями. Но, какъ добродѣтельная супруга въ англійскихъ пестистскихъ романахъ, земледѣліе этимъ не обижается нигдѣ. Кажется, мы одни во всемъ свѣтѣ съумѣли разъединить этихъ сельско-хозяйственныхъ Филимона и Бавкиду. Разладъ между ними вышелъ изъ-за того, что земледѣліе наше вовсе никуда не желаетъ идти, застывъ на роковой эпохѣ Юрьева дня и запрещенія крестьянскихъ переходовъ. Скотъ-же нашъ, обуянный какииъ-то вовсе несвойственнымъ ему археологическимъ пристрастіемъ, устремляется вспять, чуть не въ до-историческую эпоху.

---

*) Обзору минеральныхъ и металургическихъ производствъ мы намѣреваемся посвятить особую статью.

Тщетно земледѣліе сводитъ его на прохлаждающій режимъ соломы, древесной коры или даже и абсолютнаго воздержанія: онъ только пухнетъ, сердечный. Завелъ себѣ шпатель, сапѣ, сибирскую язву, чуму, и за невозможностью осуществить въ XIX вѣкѣ свой до-историческій идеаль, доставляетъ себѣ, по крайней мѣрѣ, археологическое удовольствіе издыхать отъ различныхъ средне-вѣковыхъ недуговъ. Интересныя подробности объ этомъ дѣлѣ можно прочитатъ въ книжкѣ французскаго ветеринара Журдье (Jourdiere, „Les forces productives, improductives et destructives de la Russie“.) Но бѣда въ томъ, что эта семейная распра грозитъ конечнымъ разореніемъ нашего народнаго хозяйства.

Правда, ссылаясь на данныя официальнаго статистическаго сельско-хозяйственнаго атласа (изданнаго сельско-хозяйственнымъ департаментомъ удѣльнаго вѣдомства въ 1869 г.), мы все еще можемъ утѣшать себя сознаниемъ, что Россія и до сихъ поръ абсолютно больше всѣхъ европейскихъ странъ питаетъ на своихъ пажитяхъ всякаго рода скота:

Лошадей	15,499,000
Рогатаго скота	20,966,000
Свиней	9,391,000
Овецъ толсто-рун.	32,516,000
— мериносов.	11,655,000
Козъ	1,392,000

Однакожь, утѣшеніе это едва-ли утѣшительно. Извѣстно, что, по отношенію скота къ числу жителей. Россія занимаетъ одно изъ послѣднихъ мѣстъ въ Европѣ и стоитъ значительно ниже Англии, Франціи, Австріи и Швеціи, но и это отношеніе окажется еще неизмѣримо невыгоднѣе для насъ, если мы станемъ соразмѣрять количество скота не сообразно съ населеніемъ разныхъ странъ (на это нѣтъ достаточныхъ логическихъ основаній, хоть это и составляетъ одинъ изъ общеупотребительныхъ сравнительно-статистическихъ приемовъ), а сообразно съ ихъ территориями. Чѣмъ гуще страна заселена, тѣмъ менѣе въ ней и надобности и возможности разводить скотъ, въ особенности теперь, когда техническія усовершенствованія съ одной стороны, а химическія удобренія съ другой, служатъ столь значительнымъ подспорьемъ для земледѣлія. На нашихъ губерніяхъ и областяхъ мы уже можемъ замѣтить, что количество скота обратно пропор-

ціонально населенности; въ Европѣ-же скотоводство, какъ и земледѣліе, давно изъ экстенсивнаго стало интенсивнымъ, т. е. тамъ никто не думаетъ о разведеніи большого числа головъ одичалого скота, а воспитываютъ только въ ограниченномъ числѣ однѣ культурныя расы. При такомъ качественномъ различіи нашего скотоводства съ заграничнымъ совершенно тождественныя числовыя данныя имѣютъ, естественно, крайне различную цѣну. Съ нѣкоторыхъ поръ въ Европѣ очень замѣтно проявляется стремленіе къ ограниченію своего скотоводства. Стремленіе это весьма рачіонально и законно вытекаетъ тамъ изъ исключительно-буржуазнаго, т. е. городского строя всей европейской цивилизаціи, но возможность къ осуществленію стремленіе это начинаетъ получать по мѣрѣ того, какъ страны, подобно Россіи, обладающія большими территоріальными пространствами, сознательно и цѣлесообразно берутъ на себя роль поставщиковъ животныхъ продуктовъ и сельскохозяйственнаго сырья на европейскіе рынки. Намъ эта роль поставщиковъ оказывается не подъ силу даже въ настоящее время. Бѣда, которая еще только грозитъ нашему земледѣльческому сырью отъ ежечасно возрастающей конкуренціи Новаго Свѣта, уже страшась надъ нашимъ животнымъ продуктомъ. Количество отправляемой нами въ Европу шерсти уменьшается всего примѣтнѣе каждый годъ, и это уменьшеніе только тѣмъ и объясняется, что никто не хочетъ подчинять себя крайне своеобразной требовательности нашихъ апатическихъ и неумѣлыхъ производителей и купцовъ, когда страны, лежащія, положимъ, далеко не подъ бокомъ (мы говоримъ про Австралію и Америку), научились поставлять тотъ-же самый продуктъ или сырье не только дешевле, но и лучше нашего.

Обладая все еще громаднѣйшимъ въ Европѣ количествомъ всякаго рода скота, нашъ народъ употребляетъ животной пищи гораздо меньше западныхъ пролетаріевъ, несмотря на то, что, при нашихъ климатическихъ условіяхъ, она для него всего болѣе необходима. А между тѣмъ о серьезномъ вывозѣ нашего мясного продукта никогда не было и рѣчи. Только за послѣдніе годы начинаютъ появляться нѣкоторыя, очень еще разрозненныя попытки сбыта за-границу нашего рогатаго скота. Въ этой статьѣ нашего вывоза можно ожидать даже нѣкотораго возрастанія до тѣхъ поръ, пока все дѣло будетъ ограничиваться нѣсколькими десят-

вамя тысячъ рублей сер., но серьезнаго будущаго эта промышленная отрасль передъ собою не имѣетъ уже прежде всего потому, что скотъ, какъ уже было сказано, вымираетъ у насъ въ ужасающихъ размѣрахъ. Помянутый выше французскій ветеринаръ Огюсть Журдые утверждаетъ, что почти на его глазахъ въ Россіи погибло въ одинъ годъ до 3 мил. штукъ одного только рогатаго скота. Это страшное условіе подтачиваетъ въ самомъ корнѣ наше сельскохозяйственное довольство не тѣмъ только, что уноситъ ежегодно несмѣтныя количества скота, но еще и главнѣйшимъ образомъ тѣмъ, что рѣшительно препятствуетъ развитію скотоводства на сколько-нибудь рациональныхъ началахъ. Кому-же охота тратить и трудъ, и деньги на разведеніе стадъ, которыя въ одинъ прекрасный день передохнуть чуть не поголовно отъ ежегодно свирѣпствующей у насъ язвы, которая отличается замѣчательною склонностью истреблять особенно тѣ расы, на которыхъ видны нѣкоторыя задатки культурности? По изслѣдованіямъ акадѣмика Миддендорфа, дивій степной скотъ отъ этихъ эпидемій вымираетъ только на половину, между тѣмъ какъ улучшенныя его породы мрутъ въ размѣрахъ отъ 80 до 90%. Зло это лежитъ не только въ промышленныхъ, но и во всѣхъ культурныхъ условіяхъ нашего быта и требуетъ для своего исцѣленія самыхъ энергическихъ мѣръ. Страхуваніе, хотя-бы и обязательное, въ этомъ случаѣ легко можетъ быть не улучшеніемъ, а существеннымъ ухудшеніемъ положенія нашихъ сельскихъ хозяевъ.

Но даже предположивъ, что намъ удастся совладать съ этимъ бичемъ, изъ этого еще вовсе не слѣдуетъ, чтобы намъ удалось опять захватить въ наши руки ту роль, которую мы такъ небрежно проглядѣли. Такое трудное дѣло, какъ улучшеніе животныхъ породъ, требуетъ долгаго времени, а мы и такъ уже дали нашимъ соперникамъ въ экономической борьбѣ слишкомъ много преимуществъ.

Короче говоря, мы, повидимому, разъ на-всегда упустили изъ своихъ рукъ относительно выгодную роль стать сельскими хозяевами всего культурнаго міра, хотя роль эта, казалось, всего лучше обусловливалась для насъ и территоріальнымъ раздольемъ, и даже самою культурною запоздалостью. На далекомъ Западѣ выискались бойцы, еще позже насъ выступившіе на поприще международной промышленной борьбы, но уже вырвавшіе изъ нашихъ неумѣлыхъ рукъ атрибуты нашего предпола

гаемого земледѣльческаго величія. Калпфорнія, Австралія, даже южная Америка побиваютъ насъ на европейскихъ рынкахъ превосходствомъ и дешевизною своихъ продуктовъ, животныхъ еще болѣе, чѣмъ растительныхъ. Австралія давно уже стала всесвѣтною кухней: запаковавъ герметически свои супы, телячьи или бараньи котлеты, приправленныя на всякій вкусъ, она разсылаетъ ихъ во всѣ концы свѣта. Въ Сахаръ или въ пустыняхъ внутренней Бразиліи, въ глуши средне-азіятскихъ степей или у большихъ озеръ Нила вы можете полакомиться превосходно изготовленнымъ на австралійскихъ фабрикахъ европейскимъ обѣдомъ, заплативъ за него не дороже, чѣмъ въ иномъ петербургскомъ ресторанѣ или московскомъ трактирѣ. Чикаго снабжаетъ парижскіе табль-д'оты своими превосходными мясными консервами, и въ текущемъ году сооружается цѣлый своеобразный такъ-называемый фригорифическій паровой флотъ для перевоза въ Европу свѣжей говядины изъ степей Аргентины.

Въ Россіи-же громадное количество обладаемаго ею скота породило только одну промышленную отрасль, превышающую своимъ годовымъ оборотомъ суму въ 50 мил. руб. сер. Мы говоримъ о шерстяной промышленности, которая по Ежегоднику министерства финансовъ (1870 г.) занимала у насъ 100,344 работника и производила продукта на 52,089,436 руб. сер. въ годъ, не включая въ этотъ расчетъ той части этого производства, которая ведется на кустарномъ основаніи и не поддается статистическимъ вычисленіямъ.

Россія давно уже обладаетъ уважительнымъ количествомъ барановъ и овецъ (около 45 миліоновъ), изъ которыхъ почти 12 мил. представляютъ собою относительно культурную расу мериносовъ. Нельзя не замѣтить, что и культурныя и климатическія условія весьма значительной южной и юго-восточной полосы прекрасно приспособлены къ развитію у насъ именно этой отрасли скотоводства. Кромѣ испанскихъ тонко-рунныхъ, существуетъ у насъ еще и своя мѣстная, такъ-называемая романовская (ярославской губ.) порода овецъ, дающая лучшія овчины и которую можно-бы было считать тоже культурною породою. Къ сожалѣнію, неудача всѣхъ, сдѣланныхъ до сихъ поръ попытокъ развитъ и распространить эту породу въ другихъ мѣстностяхъ, наводитъ на мысль, что эта малочисленная порода не есть про-

дуктъ цѣлесообразныхъ усилій человѣка, а выработалась какъ-нибудь сама собой. Ярославская природа не отличается никакими такими особенностями, которыхъ-бы рѣшительно невозможно было найти въ другихъ мѣстностяхъ, и то, что человѣкъ сѣмѣлъ сознательно сдѣлать тамъ, онъ, безъ сомнѣнія, сѣмѣлъ-бы повторить и въ иномъ мѣстѣ, но наши романовскія овцы рѣшительно нигдѣ акклиматизироваться не хотятъ, и мы рѣшительно не въ состояніи совладать съ этимъ непостижимымъ упорствомъ.

О другихъ производствахъ, для которыхъ эта 45-ти-миліонная масса овецъ послужила у насъ основаніемъ, мы поговоримъ послѣ. такъ-какъ эти производства, даже въ нашемъ скудномъ народномъ хозяйствѣ, играютъ уже черезчуръ второстепенную роль. Шерстяная-же промышленность хотя и принадлежитъ къ числу отраслей сравнительно юныхъ, но по обширности своего годичнаго оборота занимаетъ уже одно изъ самыхъ видныхъ мѣстъ. Хлопчатобумажное производство, съ суммою продукта свыше 100 миліоновъ рублей сер. въ годъ, стоитъ у насъ слишкомъ еще изолированно, и мы не можемъ открыть для него особой категоріи. Первостепенною промышленною вѣтвью мы должны считать у насъ каждое производство съ валовымъ оборотомъ свыше 50 миліоновъ рублей сер. Такихъ первостепенныхъ производствъ мы знаемъ въ Россіи только три: сахарное, водочное и шерстяное.

Мы мало думали о рациональной разработкѣ этого сырья до тѣхъ поръ, пока Европа принимала его отъ насъ не только въ совершенно невоздѣланномъ, но даже въ невмытомъ видѣ. Но за послѣднее пятнадцатилѣтіе вывозъ русской шерсти за-границу уменьшается довольно существенно и правильно каждый годъ. Еще въ началѣ шестидесятыхъ годовъ ея вывозилось болѣе миліона пудовъ; теперь вывозъ не доходитъ уже и до 900,000, несмотря на то, что потребность въ этомъ сырьѣ почти ежегодно возрастаетъ вмѣстѣ съ успѣхами европейскаго производства. Впрочемъ, не только размѣры, сколько правильность этого упадка, должна бы послужить весьма серьезнымъ предостереженіемъ для нашихъ производителей. Напрасно нѣкоторые оптимисты стараются объяснить это хроническое броженіе цифръ вывоза тѣмъ, что прежде мы отправляли шерсть неперегонную, т. е., что вмѣстѣ съ шерстью мы сбывали заграничнымъ покупателямъ значительное количество

отечественной грязи, издержки по перевозкѣ которой весьма естественно падали на нашъ счетъ. Теперь-же подобныя шалости уже невозможны. Однако, уменьшилось количество не только грязи, но и самой шерсти; сравненіе цифръ нашихъ годовыхъ отпусковъ, выраженныхъ въ деньгахъ, а не въ пудахъ, не оставляетъ на этотъ счетъ никакого сомнѣнія и рисуетъ это дѣло еще въ болѣе мрачномъ свѣтѣ. Такъ, въ началѣ шестидесятыхъ годовъ мы получали изъ-за границы за нашу шерсть, перемѣшанную съ грязью, всего до 17 мил. р. сер., а уже къ концу тѣхъ-же шестидесятихъ годовъ цифра эта упала до 9 1/2 мил., и съ тѣхъ поръ правильно и постоянно понижается каждый годъ. Изъ этого прямо слѣдуетъ, что за границую это наше сырье за послѣдніе годы не только меньше требуется, но и меньше цѣнится.

Намъ кажется излишнимъ распространяться о томъ огромномъ значеніи, которое имѣетъ шерстяное дѣло вообще и для сельскаго, и для промышленнаго народнаго хозяйства. Наша деревня до того бѣдна ресурсами, что отказаться отъ тонкоруннаго овцеводства для нея значило бы вернуться къ тому первобытному состоянію, въ которомъ даже папуасамъ живется тяжело. Съ тѣхъ поръ, какъ за границую это сырье отправляется очень мало и на невыгодныхъ для нашихъ производителей условіяхъ, другого ничего не оставалось дѣлать, какъ приняться за обработку его дома. Слѣдовательно, при подведеніи итоговъ въ нашей шерстяной промышленности необходимо имѣть въ виду, что она уже самымъ своимъ появленіемъ оказала существенную услугу нашему народному хозяйству, а потому и къ ея промахамъ мы должны отнестись съ великодушнымъ снисхожденіемъ. Такъ, напримѣръ, изъ приведенныхъ выше огуловыхъ цифръ явствуетъ, что въ цѣломъ на 1 работника шерстяное производство даетъ у насъ только 520 руб. въ годъ; значить, *an und für sich*, какъ говорятъ нѣмцы, она отнюдь не можетъ считаться поприщемъ выгоднаго примѣненія нашего народнаго труда. Но мы станемъ утѣшать себя тѣмъ соображеніемъ, что хлопчато-бумажная промышленность даетъ еще меньше, а поглощаетъ гораздо больше капиталовъ и существованіемъ своимъ не оказываетъ услуги никому, ни даже самимъ предпринимателямъ, изъ которыхъ только очень немногіе умѣютъ богатѣть при обязательной для всего народа покупкѣ ихъ издѣлій. Къ тому-же теперешнее состояніе нашей шерстяной промышленности слишкомъ

незрѣлое, переходное и не можетъ еще служить мѣркою того, что она способна будетъ дать при болѣе рациональномъ веденіи дѣла.

Главный центр шерстяной промышленности у насъ — московская губернія, которая одна выработываетъ значительно больше половины всего ежегоднаго продукта, т. е. около 28 мил. руб.; губерніи петербургская и нѣкоторыя остзейскія, стояція во главѣ нѣкоторыхъ другихъ промышленныхъ вѣтвей, въ этомъ дѣлѣ играютъ очень второстепенную роль, съ оборотомъ отъ 2 до 4 1/2 мил. руб. Къ этой-же группѣ относятся Черниговъ и Симбирскъ, вообще неблестающіе промышленнымъ развитіемъ. Во всѣхъ другихъ губерніяхъ (за исключеніемъ польскихъ) промышленность эта развита слабо (отъ 50 до 500,000 р. годового продукта), или-же вовсе не существуетъ.

Шерстяная промышленность распадается на двѣ вѣтви (какъ и хлопчато-бумажная), изъ которыхъ первая даетъ только полупродуктъ этой отрасли, т. е. шерстяную пряжу, крашеную или натуральную; вторая-же обращаетъ эту пряжу въ ткани, представляющія собою уже окончательный продуктъ этой отрасли. Каждая изъ этихъ вѣтвей представляется у насъ чрезвычайно различно. Такъ, на примѣръ, изготовленіемъ полупродукта занимаютъ всего только 3,152 работника, выдѣлывающіе годового продукта на 3,025,732 р.; фабрикаціей различныхъ шерстяныхъ тканей заняты 18,719 чел., дающіе всего только 13,164,752 р. с. продукта въ годъ. Къ этой-же вѣтви слѣдуетъ отнести и 77,548 человекъ, работающихъ на суконныхъ фабрикахъ, дающихъ относительно еще болѣе скромный годовою продуктъ — 35.945,477 р. Конечно, сукно рѣшительно ничѣмъ не разнится отъ другихъ шерстяныхъ тканей, но условія его фабрикаціи нѣсколько иныя. Главнѣйшимъ-же образомъ мы даемъ цифру этого производства отдѣльно для того, чтобы нагляднѣе показать, въ какихъ размѣрахъ оно преимущественно поглощаетъ наши силы, посвященныя шерстяной промышленности вообще.

Это распредѣленіе нашей предпримчивости по различнымъ отраслямъ шерстяного дѣла вообще прямо противоположно тому, котораго слѣдовало-бы ожидать а ргіогі. Начавъ съ отправки за границу шерсти пополамъ съ грязью, вынужденные потомъ необходимостью учиться отмывать ее у себя дома и, наконецъ, приведенные къ тому, что мы рѣшаемся прилагать къ этому сырью

нашъ трудъ въ формѣ болѣе разумной и сложной, чѣмъ простой перегонъ овецъ черезъ рѣку или прудъ передъ ихъ стрижкою, мы естественно, казалось-бы, должны были первоначально довольствоваться передѣлкою ея въ хорошій полупродуктъ и уже затѣмъ устремляться далѣе въ томъ-же разумномъ направленіи. Естественность именно этого пути несомнѣнно подтверждается въ нашихъ глазахъ тѣмъ, что полупродукта 1 русскій работникъ выработываетъ среднимъ числомъ на 812 р. въ годъ; шерстяныхъ-же тканей только на 730 р. въ годъ; сукна-же и того меньше, а именно на 466 руб. Если-же для шерстяныхъ тканей и для сукна вывести одну общую среднюю, то окажется, что окончательнаго продукта 1 русскій рабочій способенъ выработать въ годъ на 598 руб., но въ дѣйствительности выработываетъ и того меньше, вслѣдствіе страннаго пристрастія нашихъ капиталистовъ фабриковать непременно сукно, которое имъ всего меньше дается. Во многихъ другихъ промышленностяхъ приниматься за высшія категоріи продукта хотя-бы временно и оказывалось невыгодно, но все-же можетъ быть желательно, такъ-какъ выдѣлка иныхъ сложнѣйшихъ продуктовъ способна оказывать благопріятное вліяніе на общее культурное развитіе работниковъ. Но въ разсматриваемомъ нами теперь вопросѣ это соображеніе не играетъ никакой роли, такъ-какъ, съ культурной точки зрѣнія, рѣшительно безразлично сучить гарусъ или ткать сукно. Наши фабриканты принялись за продукты высшей категоріи исключительно потому, что въ этой сферѣ они въ большей степени могутъ воспользоваться покровительствомъ тарифа, своего надежнѣйшаго кормильца и поилца. А между тѣмъ привозъ къ намъ заграничныхъ полупродуктовъ (сученой и крашеной шерсти) за послѣдніе годы примѣтно возрастаетъ: въ 1868 г. ея было привезено только 173,872 пуда, а въ началѣ текущаго десятилѣтія статья эта доходила почти до 300,000 пуд. въ годъ. Такимъ образомъ, даже развитіе отечественнаго шерстянаго производства въ разнѣрахъ, выражаемыхъ цифрами, весьма замѣтными въ нашемъ тощемъ хозяйственномъ бюджетѣ, все еще не избавляетъ насъ отъ неурядной необходимости перекупать у толковыхъ промышленниковъ Запада свое-же собственное сырье въ слегка обработанномъ ими видѣ. О вывозѣ въ Европу нашихъ шерстяныхъ тканей и суконъ не можетъ быть и рѣчи, потому-что каждому извѣстно, что вообще наши продукты

этого рода отличаются своею пепощѣнною тяжестью и шероховатостью. Только фабрикація самыхъ низшихъ сортовъ, такъ-называемаго солдатскаго сукна, признается у насъ хоть относительно удовлетворительною. Всѣ-же безъ различія русскія ткани, при равныхъ достоинствахъ, не въ примѣръ дороже заграничныхъ и рѣшительно не могли-бы выдерживать соперничества съ ними даже у себя дома, если-бы не поддерживались высокими пошлинами. Правда, въ послѣднія нѣсколько лѣтъ вывозъ нашихъ суконъ въ Азію принялъ довольно уважительные размѣры, т. е. доходитъ до 3 мил. руб. въ годъ. Говорятъ, будто китайцамъ издѣлія московскихъ суконныхъ фабрикантовъ прилились до того по вкусу, что англичане, которыхъ сукно обходится и въ Небесной имперіи значительно дешевле нашего, прибѣгаютъ иногда къ поддѣлкѣ русскихъ клеймъ. Купивъ англійское сукно и найдя, что оно вѣситъ меньше, чѣмъ русское, китаецъ считаетъ себя обманутымъ. Но если-бы китайцы и вдесятеро больше покупали нашихъ суконъ, то это все-же могло-бы считаться выгоднымъ только для купцовъ, сѣмѣвшихъ сорвать на такихъ сдѣлкахъ болѣе или менѣе существенный кушъ. Экономическое-же развитіе народовъ отъ такихъ срываній не подвигается ни на шагъ. Коль скоро мы убѣдились, что примѣненіе нашего народнаго труда на этомъ поприщѣ оплачивается скудною цифрою—466 руб. въ годъ, то упорствовать на немъ—значило-бы только добровольно напрашиваться на роль экономическихъ недодумковъ и прихвостней. Тѣмъ хуже для насъ, если въ столь важномъ дѣлѣ интересы спекуляторовъ идутъ въ разрѣзъ съ національными интересами. Впрочемъ, какъ ни сильна въ Небесномъ царствѣ рутинна, а подобный порядокъ дѣлъ и тамъ долго не простоятъ. Будучи-же только и удовлетворительно перерабатываема въ полупродуктъ, наша шерсть нашла-бы себѣ обезпеченный сбытъ и въ Европѣ. При этомъ чрезчуръ осязательныя выгоды нашихъ фабрикантовъ требовали-бы отмѣны стѣснительныхъ таможенныхъ постановленій: являясь потребителями иностраннаго сукна, мы тѣмъ самымъ усиливали-бы спросъ за-границею нашей шерсти, которая отправлялась-бы туда уже не въ первобытномъ видѣ, а воплотивъ въ себѣ извѣстную долю производительно-направленнаго народнаго труда. При этомъ не было-бы надобности вовсе отказываться и отъ выдѣлки суконъ, такъ-какъ у насъ и теперь уже оказываются фабрики, дающія продук-

та значительно болѣе средняго уровня. Впрочемъ, болѣе 1,000 р. въ годъ на 1 работника даютъ только очень немногія изъ нихъ; при этомъ замѣчательно, что часто очень производительными оказываются у насъ фабрики съ небольшимъ оборотомъ и безъ паровыхъ машинъ. Такъ, напр., фабрика Бобыкина въ Москвѣ при 165 рабочихъ даетъ продукта на 167,000 р. въ годъ; Бѣлова (тамъ-же) — 194,000 р. Фабрика-же Бутикова, при 77 паровыхъ силахъ и 950 рабочихъ, вырабатываетъ только на 825,766 р. въ годъ *); громадное заведеніе Ефима Тучкова и сыновей въ Москвѣ, при 90 паровыхъ силахъ и 1,500 рабочихъ, вырабатываетъ продукта на 800,000 р. (по Тимирязеву-же только на 640,000 р.).

Вышеуказанный и, по нашему мнѣнію, желательный порядокъ веденія у насъ шерстяного дѣла, конечно, не можетъ выражать собою экономическаго идеала, такъ-какъ при немъ намъ все-же приходилось-бы посылать нашъ полупродуктъ на фабрики технически-опередившаго насъ Запада для обращенія его въ окончательный продуктъ. Но онъ обходился-бы нашему народному бюджету дешевле и имѣлъ-бы то громадное преимущество передъ нынѣшнимъ, что съ нимъ мы вступили-бы на выгодныхъ условіяхъ въ роль ученика, котораго работа въ нѣкоторыхъ отрасляхъ уже хорошо цѣнится и оплачивается самимъ мастеромъ. Толковый ученикъ непременно скоро выучится дѣлу, а прихвостень — никогда.

Ковровое и войлочное производства обыкновенно разсматриваются какъ самостоятельный видъ шерстяной промышленности. Оба они играютъ у насъ довольно важную роль въ кустарномъ хозяйствѣ и заслуживаютъ самаго серьезнаго вниманія тѣхъ, кому дороги интересы нашего нормальнаго экономическаго развитія. При толковомъ примѣненіи къ нимъ артельнаго начала, оба они, въ особенности-же войлокъ, способны открыть новое и выгодное поприще для примѣненія нашего крестьянскаго труда. Но попытки поднять ихъ на степень фабричнаго производства такъ ничтожны и такъ несостоятельны, что о нихъ не стоитъ и говорить. Правда, существующая въ Тамбовѣ ковровая фабрика при 100 рабочихъ даетъ продукта на 30,000 р. Но одна ласточка

*) По Тимирязеву; по «Ежегоднику-же мин. финансовъ» — 1,200,000 р.; но цифры Тимирязева новѣе и заслуживаютъ большаго довѣрія. Разногласія между этими двумя источниками самая вопіющая — на каждомъ шагѣ.

не дѣлаетъ весны. Ёхъ-же такихъ фабрикъ у насъ только 9, съ годовымъ оборотомъ въ 398,725 р. При такихъ скромныхъ размѣрахъ обобщенія рѣшительно невозможно, въ особенности же при той запутанности условій, которую представляетъ всякое промышленное дѣло у насъ.

IV.

Кожи, сало, щетина — для насъ не только болѣе или менѣе благоухающіе, болѣе или менѣе благовидные продукты нашей сельско-хозяйственной дѣятельности, но еще и памятники поражений, постоянно наносимыхъ намъ въ неравной культурной борьбѣ, — поражений, которыя мы въ наивной близорукости своей очень часто готовы считать за побѣды. Политическая экономія еще не настолько выяснила и расчистила свои разнообразныя категоріи для того, чтобы простыми числовыми данными безъ всякихъ оговорокъ можно было обрисовывать сравнительное экономическое развитие разныхъ странъ. Вывозъ большого количества совершенно законченныхъ, готовыхъ продуктовъ, казалось-бы, всего болѣе можно было принять за безусловно-высокій признакъ промышленнаго развитія. А между тѣмъ почти на всякомъ шагу мы видимъ примѣры того, что и этотъ вывозъ окончательныхъ продуктовъ служитъ больше указаніемъ на неравномѣрность или негармоничность экономическаго развитія страны. Случается, напротивъ, и такъ, что страна ежегодно сбываетъ за-границу, въ самые отдаленные края, большое количество дешеваго и превосходнаго товара только потому, что въ ней значительныя массы отечественнаго народонаселенія бѣдствуютъ и не могутъ покупать этотъ товаръ, а потому существуетъ цѣлая школа экономистовъ (Прудонъ), которая утверждаетъ, что нечего даже особенно хлопотать объ открытіи для своего производства отдаленныхъ заграничныхъ рынковъ, которые слишкомъ часто способны обогащать только монополистовъ, оказывая притомъ вредное вліяніе на массу производителей страны. Для насъ всѣ вопросы, касающіеся вывоза за-границу окончанныхъ продуктовъ, могутъ имѣть еще только теоретическое, отвлеченное значеніе. Правда, мы вывозимъ слишкомъ на 3 мил. въ годъ сукна въ Азію, преимущественно въ

Китай. Но тутъ уже слишкомъ ясно само собою, что веземъ мы не отъ избытковъ своихъ и что вывозъ этого продукта обезпеченъ вовсе не его дешевизною и доброкачествомъ. Мы веземъ наше сукно китайцамъ только потому, что нашъ народъ вынужденъ ходить въ посконныхъ платьяхъ и по праздникамъ только рядится въ ситцевыя или миткалевыя, поставляемыя ему по крайне-несходной цѣнѣ отечественными комерсантами; достаточные же потребители отечественнаго сукна не хотятъ, такъ-какъ оно дорого и плохо.

При общей путаницѣ экономическихъ понятій трудно ориентироваться и въ такихъ частныхъ вопросахъ, какъ, на примѣръ, слѣдующій: уменьшеніе вывоза нашего собственнаго сырья выражаетъ-ли нашу побѣду или пораженіе въ состязаніи съ нашими соперниками? Отвѣтить на этотъ вопросъ можно только условно, смотря по тому, суждѣли-ли мы основать на остающемся дома сырьѣ выгодную съ національно-экономической точки зрѣнія промышленность. Такимъ образомъ, уменьшеніе вывоза русской шерсти еще отнюдь не выражаетъ улучшенія нашихъ производительныхъ условій, но, однакъ, открываетъ возможность ихъ существеннаго улучшенія. Возьмемъ другой примѣръ: наша щетина дорого цѣнилась на иностранныхъ рынкахъ. Ее, какъ и пшеницу или рожь, мы отправляли, даже не сортировавъ ее порядкомъ, такъ-что въ прусскихъ портахъ ее приходилось пересортировывать вновь. Но иностранцы все-таки охотно покупали нашу щетину, пользующуюся даже въ Европѣ почетною репутаціею. Уже много было говорено о томъ, что наша щетина потому только и хороша, что дающія ее свиньи очень скверны, а слѣдовательно, развитіе этого отпуска нашей заграничной торговли не представлялось желательнымъ. Но когда съ 1868 г. вывозъ за-границу русской щетины начинаетъ нѣсколько уменьшаться (съ 90,506 пуд. въ 1868 г. онъ упалъ уже въ 1870 на 86,112 пуд.), намъ приходится вовсе не радоваться этому явленію, а, совершенно напротивъ, занести его въ нескончаемый рядъ нашихъ экономическихъ пораженій. Уменьшеніе вывоза щетины за-границу никакимъ образомъ не можетъ быть принято за признакъ хоть малѣйшаго улучшенія въ нашемъ сельскомъ быту, а служить только однимъ изъ очень многочисленныхъ доказательствъ того, что количество свиней, какъ и всѣхъ вообще полезныхъ животныхъ, у насъ уменьшается. Щетина въ лучшіе

годы давала намъ только около 3 мил. р. с. въ годъ; слѣдовательно, доходъ съ этой отрасли на-столько ничтоженъ, что никакимъ образомъ не могъ окупать того, котораго мы лишаемся, пренебрегая разумною разработкою свиного мяса и сала, способныхъ служить матеріаломъ очень серьезной промышленной отрасли. Со времени проявленія въ Германіи трихинной болѣзни ввозъ заграничныхъ копченыхъ и соленыхъ свиныхъ продуктовъ къ намъ запрещенъ. Однакожь, падкіе вообще на запрещенія и поощренія, наши капиталисты почему-то тщательно обходятъ и до сихъ поръ эту доходную статью своимъ вниманіемъ. Фабричная разработка мясныхъ продуктовъ вообще въ Россіи существуетъ въ совершенно ничтожныхъ размѣрахъ. Знаменитые наши угличскіе заводы (преимущественно колбасные) даютъ очень плохой продуктъ, да и то въ очень ограниченномъ количествѣ. Заводъ г. Волнухина въ Москвѣ имѣетъ годового оборота на 300,000 р. с. въ годъ и занимаетъ при этомъ только 60 рабочихъ; на cadaго приходится, слѣдовательно, 5,000 р. с. въ годъ продукта, а это представляетъ у насъ рѣдко-выгодное отношеніе труда къ производству, причеъ не слѣдуетъ упускать изъ виду, что цѣны на свѣжую свинину въ самомъ Петербургѣ не превышаютъ 6 р. с. за пудъ. Но для большей части копченыхъ издѣлій у насъ употребляютъ мерзлую свинину, которая цѣнится вдвое дороже; значитъ высокую производительность рабочихъ на заводѣ г. Волнухина никакъ нельзя объяснить будто бы драгоценностью обрабатываемаго ими сырья. Если, при всѣхъ этихъ очень выгодныхъ для него условіяхъ, производство это у насъ все-же не развивается, то это только и можно объяснить значительнымъ уменьшеніемъ самаго количества нашихъ свиней. Впрочемъ, оно подтверждается и многими другими данными. Выгоды, извлекаемыя нашими крестьянами отъ домашнихъ животныхъ, до того ничтожны, что легко уносятся однимъ штрафомъ за поправу, который имъ такъ часто приходится платить. Прибавьте къ тому случаи продажи крестьянскаго имущества за недоимки, а наконецъ, и такіе, при которыхъ крестьянину, не то что скотинку, а и семью не на что бываетъ прокормить, и вы потеряете всякую охоту радоваться тому уменьшенію вывоза нашей щетины, которое, однакожь, легко могло-бы быть и результатомъ улучшенія сельскаго хозяйства.

Замѣтнѣе, чѣмъ щетина, уменьшается также количество ежегодно отправляемаго нами за-границу сала. Вмѣсто 3 мил. р. с. въ годъ, прежде довольно правильно получавшихся нами изъ за-границы въ обмѣнъ на это сырье, въ 1869 г. мы выручили только 2,439,919 р. с., отпустивъ 1,671,178 пуд. сала; въ 1870 г. количество это уже упало до 1,329,976 р. с. Въ этомъ случаѣ уменьшеніе вывоза служитъ только слабымъ отраженіемъ безусловнаго уменьшенія самаго производства этого полезнаго матеріала въ Россіи. Проф. Петцольдъ (Petzholdt) въ своемъ „Путешествіи по южной и западной Россіи“ *) говоритъ, что въ первой половинѣ текущаго столѣтія одна воронежская губ. производила до 500,000 пуд. сала, чѣною свыше тогдашнихъ 4 мил. руб. ассигнаціями въ годъ. Въ самомъ Воронежѣ существовало 16 боенъ, на которыхъ убивалось каждую осень до 350,000 овецъ и до 7,000 головъ крупнаго рогатаго скота. Но уже въ концѣ пятидесятихъ годовъ производство это (или истребленіе) здѣсь пришло въ совершенный упадокъ, т. е. не достигало и $\frac{1}{5}$ вышеприведенныхъ цифръ. То-же самое говоритъ онъ о Ельцѣ, Лебедяни и другихъ мѣстностяхъ орловской, тамбовской и астраханской губ., прежде бывшихъ главными центрами этой промышленности. Еще недавно въ Коломнѣ (московской губ.) существовало 33 завода, снабжавшіе обѣ столицы и весь нашъ флотъ солониною, приготовляемою изъ мяса овецъ и быковъ, истребляемыхъ, главнѣйшимъ образомъ, въ виду доставляемаго ими сала. Теперь-же обѣ этихъ фабрикахъ нѣтъ и помину. Круглою цифрою можно опредѣлить все количество прежде добывавшагося у насъ сала до 25 мил. пуд. въ годъ; въ текущемъ-же десятилѣтіи цифра эта уже колеблется между 10 и 12 миліонами.

„Нельзя не осудить, говоритъ Маттеи на стр. 368 своего II-го тома,—тотъ противохозяйственный складъ, который господствовалъ на прежнихъ заводахъ этого рода; тѣмъ не менѣе существованіе въ Россіи большихъ фабрикъ, гдѣ вмѣстѣ съ саломъ приготовлялась-бы также солонина и копченое мясо, было-бы весьма умѣстно и желательно. Не говоря уже о томъ, что живой скотъ при перевозкѣ по желѣзнымъ дорогамъ теряетъ свой вѣсъ (приблизительно по 1 пуду на каждого быка между Петербургомъ и

*) Reise im westlich. und südl. Russland im Jahre 1855, Лейпцигъ, 1864.
„Дѣло“, № 10, 1877 г.

Москвою), но русскія желѣзныя дороги такъ мало приспособлены къ этого рода перевозкѣ и такъ дороги, что гораздо разсчитливѣе было-бы, по крайней мѣрѣ, солонину, копченое мясо и сало производить на мѣстѣ, въ южныхъ и восточныхъ губерніяхъ. Продукты эти нужны не только для русскаго военнаго флота. но въ русскія гавани ежегодно приходитъ больше 12,000 иностранныхъ судовъ, вмѣщающихъ до $1\frac{3}{4}$ мил. тоннъ. При возможности получать въ Россіи этотъ продуктъ дешевле, чѣмъ за-границею, они-бы стали запасаться имъ не только для своихъ экипажей, но увозили-бы еще и для перепродажи. Предполагая, что каждое судно увезло-бы всею только по 50 пуд., то составилась-бы довольно уважительная цифра около 600,000 пуд. въ годъ⁶.

Но выше мы уже говорили о томъ, что наши предприниматели великодушно предоставляютъ своимъ американскимъ и австралійскимъ соперникамъ дѣло снабженія морскихъ и сухопутныхъ рынковъ Европы тѣми цѣнными мясными консервами, которые при возрастающей потребности повсюду нашли-бы себѣ вѣрный сбытъ. Австралійскіе промышленники умѣютъ съ большою выгодною для себя подать кстаті совершенно уже изжаренный бифштексъ или баранью котлету путешественнику, затерянному въ средне-африканскихъ, средне-азіатскихъ и даже нашихъ русскихъ пустыняхъ. А мы даже нашъ драгоценный и чрезвычайно удобный къ перевозкѣ сухой бульонъ не умѣемъ сдѣлать предметомъ заграничной торговли.

Мы уже видѣли, что, за удовлетвореніемъ заграничныхъ потребителей, у насъ остается ежегодно отъ 8 до 10 мил. пуд. сала, служащаго, какъ извѣстно, матеріаломъ для нѣсколькихъ промышленныхъ отраслей. Самая простѣйшая изъ нихъ есть, конечно, выдѣлка салныхъ свѣчей, которою въ 49 нашихъ губерніяхъ, по Ежегоднику министерства финансовъ, занимаются 1,728 рабочихъ, выдѣлывающихъ продукта на 4,303,342 р. с. въ годъ. Замѣтимъ кстаті, что цифры эти довольно сомнительны. Впрочемъ, о техническомъ развитіи этого производства распространяться нечего, такъ-какъ самое производство заключается, главнѣйшимъ образомъ, въ рафинированіи сала, цѣна котораго вслѣдствіе этого способна возрастать только въ очень ограниченныхъ размѣрахъ. Мы знаемъ, что у насъ существуютъ двѣ или три такія фабрики съ годовымъ оборотомъ около (или даже болѣе) $\frac{1}{2}$ мил.

р. сер. въ годъ. Таковъ, напр., заводъ М. А. Нурова въ Екатеринбургѣ, непоказанный въ таблицахъ вышепомянутаго Ежегодника, но тѣмъ не менѣе, при 80 рабочихъ, вырабатывающій на 650,000 р. с. продукта въ годъ и сбывающій значительную его часть въ Лондонъ.

Стеаринъ и мыло представляютъ какъ-бы только дальнѣйшее усложненіе того-же самаго производства. Ежегодникъ министерства финансовъ оцѣниваетъ все наше годичное стеариновое производство въ 7,337,642 р. с., причежъ занятыми оказываются 2,137 рабочихъ. Для того, чтобы составить себѣ опредѣленное статистическое понятіе о размѣрахъ всѣхъ производствъ, обрабатывающихъ одинъ изъ наиболѣе національных матеріаловъ, т. е. сало, къ вышеприведеннымъ цифрамъ слѣдуетъ еще прибавить 3,155,352 р. с. за мыло, производимое у насъ 1,256 рабочими. Однако, эта послѣдняя цифра требуетъ нѣкоторыхъ оговорокъ. Мыльныхъ заводовъ, самостоятельно существующихъ, у насъ мало: низшіе сорта мыла обыкновенно фабрикуются на свѣчныхъ, мыла-же олеиновыя и глицериновыя—на стеариновыхъ заводахъ. Такимъ образомъ, легко можетъ оказаться, что эти послѣднія цифры преувеличены. Но, во всякомъ случаѣ, онѣ позволяютъ намъ съ достовѣрностью сказать, что промышленности, обрабатывающія сало, представляются однимъ изъ выгодныхъ поприщъ примѣненія нашего народнаго труда. Тѣмъ болѣе приходится пожалѣть о томъ, что онѣ играютъ численно столь ничтожную роль въ нашей народной экономіи. А именно:

Сало и свѣчи, при 1,728 рабоч., даютъ продукта на 4,303,432 р.
Стеаринъ, олеинъ, и глицеринъ

	при 2,137	„	„	„	7,337,642	„
Мыло.	1,256	„	„	„	3,155,352	„
	<hr/>					
	Всего 5,121 рабоч.				14,796,426	р.

Прибавивъ къ этому среднюю ежегодную выручку за сало, отправляемое за-границу въ видѣ непосредственнаго сырья, получимъ скромную круглую цифру 17 мил. р. с. въ годъ; т. е. все наше салное производство не обогащаетъ и 20-ю коп. сер. въ годъ бюджетъ статистически-средняго обывателя русской имперіи.

О технической сторонѣ этого дѣла мы считаемъ излишнимъ и распространяться, такъ-какъ она мало представляетъ поучитель-

наго. Стеаринъ нашъ за-границу идетъ очень тихо, а скоро, вѣроятно, и совсѣмъ будетъ оставаться дома, — такъ, по крайней мѣрѣ, слѣдуетъ заключить по движенію отпускныхъ цифръ за истекшее десятилѣтіе: въ 1861 г. его было вывезено отъ насъ 1,766 пуд., на сумму 16,156 р. с. Къ концу-же десятилѣтія только 1,054 пуда, на сумму 9,486 р. с., и чтобы выдерживать свободную конкуренцію съ заграничнымъ, нашему стеарину предстоитъ еще подешевѣть на 10% своей нынѣшней цѣны. Собственно говоря, это было-бы дѣломъ возможнымъ и при настоящихъ условіяхъ, такъ-какъ средній барышъ заводчика рѣдко ниже 30%. Но прежде, чѣмъ наши предприниматели или улучшатъ технику своего производства, или рѣшатся довольствоваться меньшимъ барышомъ, очень легко можетъ статься, что заграничные рынки и вовсе закроются для этого товара. По крайней мѣрѣ, освѣщеніе минеральными маслами и выдѣлываемыми изъ нихъ парафиновыми свѣчами значительно уже вытѣснило стеаринъ изъ употребленія. Гораздо обезпеченнѣе будущность добываемаго при стеариновомъ производствѣ олеина: спросъ на него съ каждымъ годомъ увеличивается и отпускъ достигаетъ уже цифры $\frac{1}{2}$ мил. р. сер., тогда-какъ въ 1861 г. онъ немногимъ превышалъ 40,000 р. с. Развитію мыльнаго производства у насъ служитъ весьма существеннымъ препятствіемъ дороговизна соды, которую приходится выписывать изъ Англіи. Техникъ, который-бы изобрѣлъ средство успѣшно обойти этотъ камень преткновенія, оказалъ-бы нашей промышленности и нашему бѣдному хозяйству великую услугу.

Безспорно крупнѣйшею промышленною отраслю изъ всѣхъ, матеріаломъ для которыхъ служитъ поставляемое нашимъ скотоводствомъ сырье, — является кожевенная промышленность, но и она въ общей сложности (не считая отправляемаго за-границу сырья) даетъ намъ только 20,595,279 р. с., т. е. не обогащаетъ бюджета того-же статистически-средняго русскаго обывателя на 24 коп. сер.

По тому-же Ежегоднику министерства финансовъ, различныя бѣтви этой промышленности распределяются такъ:

Дубильное производство, при 1,384 рабочихъ, даетъ продукта на 18 563,958 р. с. въ годъ; сафьянное — при 1,568 раб. — 1,849,225 р.; замшевое — при 139 раб. — 37,306 р.; лакиро-

ванныя кожи — при 167 рабочихъ — 144,790 руб.; всего, при 15,768 рабоч., на 20,595.279 р. с. продукта.

Не желая распространяться о техническихъ условіяхъ этого производства, котораго итогъ долженъ-бы оказаться однимъ изъ наиболѣе благопріятныхъ сравнительно со всѣми другими порожденіями отечественнаго индустріализма, мы не можемъ, къ сожалѣнію, умолчать о той бочкѣ желчи, которая въ этомъ случаѣ не преминетъ отравить ложку меда, которую наше народное са-молюбіе могло-бы собрать съ этого неблагоуханнаго, но классическаго родного цвѣтка. Какъ ни невыгоденъ вообще балансъ нашей заграничной торговли, но нигдѣ онъ не даетъ столь оскорбительныхъ для нашей экономической зрѣлости показаній, какъ въ кожевенномъ дѣлѣ. Можете сами судить по нижеслѣдующимъ цифрамъ: въ 1868 году изъ Россіи вывезено юфти и другихъ дубленыхъ кожъ 40,239 пуд.; сырыхъ шкуръ 343,143 пуда; въ 1869 — юфти и другихъ дубленыхъ кожъ 28,430 пудовъ, сырыхъ шкуръ 358,660 пуд.; въ 1870 — юфти и другихъ дубленыхъ кожъ 27,303 п. (вывозъ сыромятныхъ кожъ и шкуръ случайно падаетъ по поводу войны, но затѣмъ снова начинаетъ возрастать еще въ большихъ размѣрахъ).

Общепонятное значеніе этой краткой, но выразительной таблицы таково: иностранцы *тѣмъ болѣе* соглашаются покупать наше сырье, чѣмъ *меньше* мы приложили къ нему нашего труда, и если только это движеніе статистическихъ цифръ нашего отпуска не будетъ своевременно приостановлено нашею инициативою, то иностранцы попросятъ насъ отдавать имъ только сырье, а трудъ нашъ приберечь для менѣе разборчивыхъ потребителей.

Балансъ вывоза съ привозомъ по заграничной торговлѣ кожами рисуется тоже для насъ крайне невыгодно уже теперь и грозитъ въ близкомъ будущемъ принять еще болѣе неблагопріятные размѣры. Въ началѣ шестидесятыхъ годовъ мы отпускали всего за границу выдѣланныхъ и невыдѣланныхъ кожъ на сумму менѣе $\frac{1}{2}$ миліона р. с.; получали-же оттуда исключительно выдѣланныхъ кожъ и продуктовъ меньше, чѣмъ на 300,000 р. с. Слѣдовательно, Европа все-же приплачивала намъ около 200,000 р. Но уже въ концѣ того-же десятилѣтія отпускъ преимущественно сыромятныхъ кожъ выражается цифрою 615,249 р. с.; но за то привозъ къ намъ за-границею выдѣланныхъ кожевенныхъ полу-

продуктовъ и издѣлій доходить до 860,796 руб. сер. Такимъ образомъ, при повсемѣстно возрастающемъ потребленіи продуктовъ этой промышленности, мы являемся данниками западной Европы на сумму свыше 250,000 руб. с. въ годъ. Говоря другими словами, съ каждымъ годомъ не только заграничные потребители, но и мы сами все менѣе и менѣе способны удовлетворяться отечественными издѣліями по этой отрасли.

Нужно-ли вдаваться въ дальнѣйшія подробности, чтобы имѣть право сказать, что русская кожевенная промышленность должна считаться едва-ли не всего болѣе отсталою изъ всѣхъ нашихъ отсталыхъ промышленныхъ вѣтвей? Вѣдь такого рѣшительнаго и разносторонняго пораженія намъ еще не приходилось заносить на страницы нашего очерка, хотя онъ вообще имѣетъ характеръ далеко не героической эпопеи. А между тѣмъ кожевенное дѣло, какъ это уже очевидно изъ вышеприведенныхъ валовыхъ цифръ, представляетъ (какъ и вообще обработка животныхъ продуктовъ) одно изъ наивыгоднѣйшихъ примѣненій нашего народнаго труда. Среднее отношеніе его производительности выражается цифрою 1,336 р. с. годового продукта на cadaго работника. При томъ-же нѣкоторыя русскія мѣстности (напримѣръ, Сибирь), почти вовсе незнающія никакой промышленной дѣятельности, являются въ кожевенномъ дѣлѣ производителями полу-продуктовъ на весьма уважительныя цифры.

Русскія дубленныя кожи пользуются за-границею совершенно заслуженною репутаціей. Правда, находятся пессимисты, утверждающіе, будто самое совершенство этого нашего полу-продукта обусловлено техническою отсталостью самаго производства, но это едва-ли основательно. Техническая да и вообще экономическая отсталость этого производства у насъ — фактъ, неподлежащій никакому сомнѣнію и грознщій тяжелыми невзгодами не одному только балансу нашей заграничной торговли, но и самому народному хозяйству по чрезвычайно разнообразнымъ его отраслямъ, тѣсно связаннымъ съ успѣхами этого дѣла. Однако, эта отсталость сказывается въ данномъ случаѣ не дурными качествами, а возмутительною дороговизною продукта, предназначеннаго, однакожь, вовсе не для храненія въ музеяхъ и украшенія собою разныхъ коллекцій рѣдкостей, а для ношенія на ногахъ въ видѣ сапоговъ и для тому подобныхъ будничныхъ и прозаическихъ употребленій. За-границею

русская кожа (преимущественно поддѣльная) употребляется исключительно на бумажники, портфельчики, кошельки и т. п. бездѣлушки. У себя-же дома мы только потому и можемъ еще щеголять въ доморощенныхъ сапогахъ, что рѣшаемся платить за нихъ ни съ чѣмъ несообразныя цѣны; да и то привозъ вѣнской, уже скроенной, но не сшитой обуви, возрастаетъ примѣтно каждый годъ. Вообще о русскихъ кожевенныхъ издѣліяхъ въ гораздо сильнѣйшей степени, чѣмъ о всѣхъ другихъ, приходится сказать, что, при равныхъ достоинствахъ, они безъ всякаго сравненія дороже иностранныхъ; при равныхъ-же цѣнахъ, они безъ всякаго сравненія хуже ихъ. Этотъ первородный грѣхъ естественно передается нашему ремесленному производству поставщиками полу-продукта, изъ котораго они выдѣлываютъ свой товаръ.

Крайняя отсталость нашей кожевенной промышленности объясняется не тѣмъ только, что къ ней еще не примѣнено употребленіе пара, но для нея не существуетъ даже заведеній, организованныхъ на большую ногу и предполагающихъ значительныя затраты первоначальнаго капитала. Во всей Россіи не существуетъ пяти кожевенныхъ заводовъ съ годовымъ оборотомъ въ $\frac{1}{2}$ миліона или болѣе рублей. Но это-бы еще не бѣда, такъ-какъ мы уже видѣли, что небольшіе капиталы, будучи примѣнены къ дѣлу цѣлесообразно и безъ затѣй, способны давать у насъ даже лучшіе результаты. Но кожевенныхъ заводовъ у насъ вообще недостаточно: отечественные капиталисты словно приняли для себя лозунгомъ обходить свою инициативую тѣ промышленныя отрасли, которыя наиболѣе оправдываются мѣстными условіями и представляютъ наивыгоднѣйшее примѣненіе нашего народнаго труда. Чтобы дать хоть нѣкоторое понятіе о неурядицѣ, господствующей и на этихъ немногихъ заводахъ, приведемъ еще нѣсколько цифръ, выражающихъ годовичное производство одного кожевенника при различной обстановкѣ его труда: въ тульской губерніи, гдѣ не существуетъ ни одного завода съ оборотомъ болѣе 300,000 рублей въ годъ, производство это достигаетъ своего максимума—2,917 руб. въ годъ на одного работника; въ казанской — 2,607 руб. с.; въ петербургской — 2,303; въ тобольской—2,012 р. с. Но уже въ московской оно падаетъ ниже средняго уровня, на 1,211 р. с. въ годъ; въ воронежской на 517 руб. Западные губерніи даютъ только отъ 200 до 250 рублей въ годъ на cadaго работника. При томъ-

же мы беремъ только среднія цифры для каждой мѣстности; въ заводахъ-же, дающихъ менѣе 100 рублей, и тутъ не встрѣчается недостатка, на Волынѣ-же оказываются и такіе безкорыстные предприниматели, что трудятся изъ-за 30 рублей въ годъ на каждаго работника.

Не желая заводить непривычнаго читателя въ непроглядныя дебри статистическихъ цифръ и всякаго рода подробностей, мы предпочитаемъ вовсе воздержаться отъ дальнѣйшихъ экскурсій въ такія области нашей отечественной промышленности, изъ которыхъ каждая обогащаетъ годовой бюджетъ статистически-средняго русскаго гражданина какою-нибудь копейкою, а между тѣмъ представляетъ путаницу не меньшую той, которую намъ приходилось распутывать съ немалымъ трудомъ на предъидущихъ страницахъ. На всемъ обилии сырья, поставляемаго для нея земледѣліемъ и скотоводствомъ, наша предприимчивость не успѣла основать ни одной промышленной отрасли, которую можно было-бы назвать хотя второстепенною, за исключеніемъ развѣ шелковой промышленности, которая въ общей сложности хоть и выражается довольно крупною сравнительно цифрою 20 миліоновъ въ годъ, но съ общей точки зрѣнія не представляетъ рѣшительно никакого интереса: по отношенію къ ней пришлось-бы только еще разъ повторить, что русская промышленность, когда ей удастся добыть сколько-нибудь удовлетворительный продуктъ, тотчасъ-же цѣнятъ его на вѣсъ золота, по сходной-же или общедоступной цѣнѣ она способна производить только такую дрянь, которая не всегда можетъ удовлетворить даже неразборчивыхъ обязательныхъ потребителей.

Наши вѣковые лѣса, со всѣми нѣкогда ютившимися въ нихъ растительными и животными богатствами, безслѣдно исчезаютъ съ лица земли, не породивъ у насъ и вовсе ни одной промышленной отрасли. А затѣмъ намъ только и остается спуститься въ самыя нѣдра этой земли, въ глубь копей и рудниковъ. Окончательные-же валовые итоги по всѣмъ отраслямъ русской промышленной дѣятельности мы надѣемся свести тогда, когда изъ этого предполагаемаго странствія мы снова благополучно возвратимся на свѣтъ божій.

Л. Мечниковъ.

(Продолженіе слѣдуетъ.)

МАТЬ.

(Съ сербскаго.)

I.

„Что жнѣ слышалось? Выстрѣлъ!. Вотъ снова!
Третій, четвертый... Замолкли... Опять!..
Что-то тамъ съ ними? Ни звука, ни слова,—
Кромѣ пальбы ничего не слышать.

„Такъ ихъ немного и такъ они слабы...
О, неужели осиять враги?
Смѣло со знаменемъ къ нимъ я пошла-бы,
Крикнула-бъ слабому: братъ, не бѣги!..

„Спали борцы—я борцовъ разбудила,
Мною отточены когти орла;
Я и теперь-бы ихъ страхъ побѣдила,
Если-бъ къ смущеннымъ рюдамъ ихъ пришла.

„Братъ, спасайте великое дѣло!
Съ вами дралась-бы я въ первомъ ряду,
И чрезъ мое лишь бездушное тѣло
Я пропустила-бы вражью орду...

„Что-то тамъ съ ними? Ни слова, ни звука...
Смогла пальба... Неужели позоръ?
Боже, какая смертельная мука!“
Вдругъ на постельку упалъ ея взоръ.

Спало дитя въ ней подъ пологомъ бѣднымъ,
Ручки худыя скрестивъ на груди,
Съ грустной улыбкой на личикѣ блѣдномъ...
Спи-же, дитя, и на мать не гляди!

Взоръ ея полонъ тоски, укоризны;
Ты ихъ сочтешь не за скорбь о судьбѣ
Скованной рабскою цѣпью отчизны,
А за недоброе чувство къ тебѣ...

Мальчикъ проснулся, большими глазами
Робко взглянулъ на угрюмую мать...
Вдругъ, зарыдавъ, обливаясь слезами,
Кинулась сына она обнимать.

Долго, беззвучно и горько рыдая,
Взоры вперивъ въ дорогія черты,
Сына ласкала все мать молодая,
Онъ-же все спрашивалъ: „Что это ты?“

II.

„Богъ мой! тебя-ли я вижу живого?“
„Матушка, сынъ твой стоитъ предъ тобой,—
Руки скрести надъ его головою,
Благословляя, отправь его въ бой!“

„Кто ты? мой сынъ?.. Ты вернулся и снова
Хочешь идти... отъ меня... на войну?..
Дай-же всмотрѣться мнѣ въ сына родного,
Мать умереть оставляя одну...“

„Матушка, развѣ хотѣла-бъ ты видѣть,
Чтобы нашелся средь насъ хоть одинъ,
Кто не умѣлъ-бы враговъ ненавидѣть,
И чтобы имъ оказался твой сынъ?“

„Гордо поднявъ наклоненное темя,
На полѣ, вспаханномъ рабскимъ трудомъ,
Долго влачившее цѣпь свою племя
Жаждетъ сразиться съ исконнымъ врагомъ.“

„Матушка, мнѣ-ль въ малодуши позорномъ
Спрятать въ ножны мой отточенный ножъ?
Мнѣ-ли остаться тирану покорнымъ?
Что съ тобой, матушка, слезы ты льешь...“

Вспомнила бѣдная время былое!
Вспомнила прежнія муки свои.
Что-же томишь ты дитя дорогое?
Радости чувства въ груди не таи,

Сына, не медля, дрожащей рукою
Благослови на рѣшительный бой;
Пусть увлечется онъ той-же рѣкою
Что увлекала тебя за собой.

Вдругъ она вскрикнула: „Эта дорога
Кончится гибелью можетъ легко.
Сынъ мой, оставься со мной ради Бога!
Сынъ мой!..“ Но сынъ уже былъ далеко.

III.

„Сынъ твой—измѣнникъ странѣ и народу,
Сынъ твой—предатель отчизны своей.
Продалъ за деньги онъ нашу свободу...
Страшную казнью погибнетъ злодѣй!“

Такъ говорили бѣжавшіе съ сѣчи
Родины, скованной рабствомъ, сыны;
Слушала мать ихъ несвязныя рѣчи,
Стоя у выжженной, черной стѣны.

Слушала; ноги ея подгибались,
Руки искали опоры въ стѣнѣ,
Очи невольно къ землѣ опускались,
Рѣчи шептали уста, какъ во снѣ:

„Да, онъ измѣнникъ великому дѣлу...
Онъ ужъ не сынъ мнѣ... Пускай онъ умретъ—
Я не приду къ его мертвому тѣлу,
Я ни на шагъ не подвинусь впередъ...“

„Да, онъ предатель, онъ проклятъ во вѣки!..“
Вдругъ загремѣли проклятыя толпы.
Мать подняла потемнѣвшія вѣки:
Связанный сынъ направлялъ къ ней стопы...

Рваное платье въ лохмотьяхъ висѣло
На искалѣченныхъ палкой плечахъ,
Стерлось до крови веревками тѣло,
Дикое пламя блуждало въ очахъ...

Мать пошатнулась и кинулась къ сыну
Съ воплемъ, извергнутымъ сердцемъ самимъ:
„Милый! несчастный! тебя-ль я повиную?
Изверги, что вы мнѣ сдѣлали съ нимъ!“

Н. Кобылинъ.

или
просто
ли...

ВИНОВАТЪ-ЛИ ОНЪ?

(РАЗСКАЗЪ.)

— Великое и страшное дѣло быть въ этой должности! Я-бы теперь, кажется, всёжъ капиталомъ готовъ откупиться, только ослобоните Христа-ради, а не то чтобъ самому нарваться, вотъ какъ ты, напримѣръ! Смѣлости у васъ много и смѣлость ваша самая для человѣчества погубительная, вотъ что я тебѣ скажу... Опять и опыту мало... Потерся-бы такъ, какъ я, между всякимъ людомъ, не сталь-бы такъ зря судить да засуживать человѣка,—нѣтъ, ужъ извини, голубчикъ!

— Да вѣдь подлогъ былъ, Гаврило Ивановичъ, это несомнѣнно. Всѣ улики на лицо и, наконецъ, собственное сознание...

— Вотъ го-то и есть! Охъ, ужъ мнѣ это сознание! Ну, пока артачится человѣкъ, ухищряется всячески, ну, тогда и веди съ нимъ борьбу, какъ съ равнымъ себѣ значить, а ужъ разъ сознался,—что съ нимъ станешь дѣлать? Ничего не подѣлаешь. Вѣдь ты пойми, голубчикъ, пойми ты, сколько ему пришлось намучиться прежде, чѣмъ до этого самаго признанія дойти!.. Вѣдь это значить все кругомъ рушилось, все измѣнилось, все мало-по-малу расплозлось, почва изъ-подъ ногъ ушла, совсѣмъ убитый-человѣкъ, значить... Ну, какъ такого судить, скажи на милость? Вотъ поэтому-то я и говорю, что должность эта присяжническая самая что ни на есть соблазнительная и опасная. Ты говоришь, въ чужихъ члахъ къ ней относятся серьезнѣе, потому что тамъ гражданское чувство въ народѣ лучше выработано и люди правильнѣе цѣютъ общественную пользу и смыслъ всякаго закона... А я скажу, вся разница только въ томъ, что тамъ всякъ особ-

някомъ живеть и привыкъ только о себѣ думать... У нихъ ужъ такъ съ измалѣтства заведено, ну, и ведутъ все въ такихъ рамкахъ... Да и по что не вести? И тепло, и уютно, и безопасно, — живи только да Господа Бога хвали! Въ ширину не расплывайся, за края не заглядывай, а знай свой уголь, свою семью, жену тамъ да дѣтей, сколько Богъ пошлетъ. Живи, да и страдай только за себя да за нихъ... На весь мѣръ не настрадаешься и не напасешься никакого добра, а какъ всякъ будетъ такимъ манеромъ въ своемъ гнѣздѣ орудовать, ни себѣ, ни другимъ въ обиду — разлюбезное выйдетъ государство!.. И за примѣромъ не далеко ходить: вотъ-хоть-бы Швейцарія — и за горами она, а все-таки съумѣли они тамъ эти самыя горы приспособить и просверлить, что скорѣе и безопаснѣе доѣдешь до мѣста, чѣмъ по нашимъ степямъ...

— Видите, вы-же отдаете имъ справедливость...

— Отдаю, другъ любезный, отдаю! Въ томъ-то и разница между такимъ травленнымъ звѣремъ, какъ я, и такими, извини за выраженіе, брехунцами, какъ вы, что я всякому отдаю справедливость — и себѣ, и швейцарцамъ, и нѣмцамъ, и даже вамъ... потому я знаю, что всѣ ваши промахи и завирательства больше отъ недомыслія происходятъ... Вотъ ты сейчасъ сказалъ: сознался, значить виновать. А я скажу: кто знаетъ, можетъ съ отчаянія и черезъ край хватилъ? Да и непременно черезъ край, потому что совершить такое страшное надъ собой дѣло нельзя хладнокровно, въ такомъ дѣлѣ нельзя не пересыпать, непременно пересыпешь!

— Согласитесь, однако, Гаврило Ивановичъ, что есть такія преступленія, которыя, какъ ихъ ни верти, безспорно останутся преступленіями...

— Ты думаешь?

— Подлогъ, напримѣръ, при тѣхъ обстоятельствахъ, при которыхъ онъ былъ совершенъ въ данномъ случаѣ, съ полнымъ обладаніемъ всѣхъ чувствъ и способностей. Сколько ему представлялось случаевъ и времени одуматься и прекратить трудное и опасное дѣло, подумайте только! И если онъ не одумался, не доказываетъ-ли это, что онъ закоренѣлый негодяй, что признаніе е вынужденное и что тутъ вовсе не играетъ роль раскаяніе или душевное разстройство, какъ вамъ угодно предполагать, а просто невозможность дальнѣйшаго заpiresательства, улики, свидѣтели...

Гаврило Ивановичъ болѣзненно поморщился и махнулъ рукой.

— Знаемъ, знаемъ! Я самъ черезъ всё эти ваши продѣлки прошелъ.

— Кого-же вы судили?

— Мужиченка какого-то лядящаго. Пару лошадей изъ сосѣдняго села свель... И тоже вѣдь своего рода смекалка явилась: сейчасъ на дальнюю ярмарку угналъ, черезъ рѣку провелъ, въ другую губернію, значить, да и продалъ татарамъ, въ тѣхъ мысляхъ, что, молъ, сожрутъ они ихъ, чертовы дѣти, и поминай, какъ звали! Однимъ словомъ, все произвелъ наилучшимъ порядкомъ, ну вотъ что твой баринъ изъ какого угодно червоннаго клуба... Словили, однакожь, и въ нашу губернію предоставили. А прокуроръ-то у насъ шустрый, изъ молодыхъ, все-то ему въ рѣдкость и готовъ всякую дрянь цвѣтами краснорѣчія обсыпать... Какъ пошелъ, какъ пошелъ!.. „Прослѣдите всю его жизнь, господа присяжные, и вы убѣдитесь, что въ немъ отъ юности костей это самое пристрастіе къ чужой собственности таятся! Младенцемъ пяти-шести лѣтъ, онъ, вѣроятно, похищалъ груши и яблоки изъ сосѣднихъ садовъ, позже началъ совершать болѣе серьезныя преступленія противъ общества“... Ну, и такъ далѣе... Цѣлыхъ два часа тарантилъ безъ передышки! Ахъ ты, лѣшій тебя дери! думаю, самъ вѣдь не понимаетъ, что говорить, право, ей-богу, не понимаетъ! Если въ немъ, въ мужичонкѣ этомъ, преступность отъ юности костей кроется, отъ природы, значить, такъ чѣмъ-же онъ виноватъ, скажи на милость? Нѣтъ, знаешь, какъ зачнуть эти господа прокуроры да адвокаты въ чужой душѣ копать, какъ зачнуть, — омерзительно это, одно слово! Что тамъ ни говори и какъ ты тамъ свой кагалъ ни отстаивай, а давно-бы слѣдовало этому порядку какой ни на есть предѣлъ положить! Вѣдь нельзя-же такъ, въ самомъ дѣлѣ, безоружнаго совѣмъ человѣка на сѣденіе давать!.. Ужь они его рвутъ, рвутъ... живого мѣста не оставляютъ! Да еще хватаются я: мы, дескать, охранители общественнаго порядка, а сами какъ что не такъ — сейчасъ разорвемъ на части!.. Ну, и рвите себѣ на здоровье, на то вамъ и законы, и полиціи, и всякія каторги предоставлены, да рвите-же съ толкомъ, по крайней мѣрѣ, въ свое время, когда дѣло разобрано и приведено въ ясность такими людьми, для которыхъ нѣтъ существеннаго интереса въ

томъ, чтобъ во что-бы то ни стало накидываться на людей и рвать ихъ на-сколько зубовъ хватить!

— Что-жь, по-вашему старые суды были лучше?

— Бываетъ—оба хуже, вотъ что я тебѣ скажу.

— Такъ какъ-же быть-то? Вовсе не судить людей? Предоставить общественную безопасность на произволъ перваго встрѣчнаго мерзавца?

— Постой, постой!.. Наизусть знаю все, что ты хочешь сказать, да не въ томъ совѣмъ дѣло. Ты все изъ книжки, а я изъ жизни, вотъ намъ столковаться-то и трудно! Дай мнѣ рассказать одинъ случай... Ты, можетъ быть, изъ него и выведешь что-нибудь себѣ въ уясненіе... Я многое вывелъ. У меня, можно сказать, съ этого самаго случая такое раздвоеніе въ мысляхъ пошло, что я въ отчаянность впалъ и долго, долго точно шальной ходилъ... Если и утѣшился впоследствии, то потому только, что куда ни оглянешься, вездѣ такіе-же слѣпые скоты, какъ и я; всѣ лѣзутъ на какую-то недоступную высоту правду искать, а сами того не замѣчаютъ, что въ усиліяхъ этихъ они частехонько эту самую правду ногами топчутъ!

Случилось это со мной въ одномъ изъ тѣхъ городовъ, что на одной изъ окраинъ Россіи построены. Люблю я эти окраины! Несравненно онѣ чище, здоровѣе и силы въ нихъ больше, чѣмъ во внутренности. Дичь тамъ, глушь, грубость часто непроходимая, но за то къ природѣ ближе и цѣльнаго человѣка встрѣтить вовсе не такая рѣдкость, какъ у васъ тутъ. •

Заѣхалъ я туда надолго, съ большими надеждами и мечтами, да разлетѣлся сразу слишкомъ высоко, крылья коротки оказались и пришлось спуститься. Главное дѣло—скоты со всѣхъ сторонъ одолѣли... Бился, бился я съ ними, да и плюнулъ! Теперь у меня тамъ дѣло самое маленькое и оборотъ совѣмъ ничтожный; людей занимаю человѣкъ сорокъ, не больше, но вначалѣ-то у меня однихъ приказчиковъ было тридцать да столько-же кассировъ.

Вотъ на кассирскую-то должность и рекомендуетъ мнѣ однажды пріятель одинъ, изъ тамошнихъ, одного человѣчка.

— Будешь доволенъ, говорить, братуша, вѣрнѣющій малый.

— А вѣрнѣющій, говорю, такъ и подавай его сюда, намъ только такихъ и надо.

— Онъ у насъ въ стрѣлочникахъ, говорить, на десяти руб-

ляхъ жалованья... Ну какъ тутъ жить, самъ посудитъ! Вѣдь пить, ѣсть надо, одежда опять, квартира.

— Ладно, говорю, что тутъ расписывать! Знаемъ мы, въ какомъ у васъ изморѣ народъ содержитсяъ.

— А знаешь, такъ и толковать нечего. Не нами это, братуша, начато, не нами и кончится.

У нихъ тамъ все „братуша“! Выпили вмѣстѣ, закусили, опять выпили, и какъ, значить, начнеть все кругомъ ходуномъ ходить, сейчасъ цѣловаться и на „ты“... Теплый народъ, безцеремонный, какъ есть степной.

— Ну вотъ, милый ты мой, является ко мнѣ на другой день утромъ молодчикъ, лѣтъ такъ двадцати пяти. Но только съ перваго разу онъ мнѣ много старше показался: бородастый такой да угрюмый... Сертучишка на немъ потертый, изъ-подъ галстука розовая ситцевая рубашка вылѣзаетъ, сапоги худые, штаны въ заплаткахъ,—ну, десять рублей въ мѣсяцъ, одно слово... Разжирѣть не на что.

При такомъ положеніи каждый человѣкъ себя по-своему проявляетъ, по темпераменту значить. Иной дѣлается совсѣмъ смиренный и унижается всласть, такъ-сказать, ну вотъ точно и ни вѣсть какое наслажденіе въ этомъ униженіи находить; въ хмѣлю благодушень, самъ весель и всю честную компанію потѣшаетъ.

Другой-же, напротивъ того, относится къ своему положенію критически, а потому злится и, разумѣется, тоже пьетъ,—у насъ безъ этого нельзя,—но въ хмѣлю суровъ, придиричивъ и часто обидчивъ не по чину бываетъ.

Съ перваго-же взгляда я увидѣлъ, что этотъ ко второй категоріи принадлежитъ: блѣдный, щеки ввалились, глаза прямо не смотрятъ—то въ полъ упираются, то по сторонамъ косятся.

— Посмотримъ, чему ты обученъ, братецъ, говорю. Писать четко умѣешь?

— Умѣю-съ.

Подаю ему бумаги, перо.

— Садись, покажи намъ твое искусство.

— Что прикажете-съ?

— Да вотъ напиши мнѣ прошеніе о принятіи тебя на службу. Мы встаети увидимъ, силенъ-ли ты въ формѣ. Немудреная это, братецъ, штука, форма... а безъ нея нельзя въ нашемъ дѣлѣ:

частехонько приходится писать и губернатору, и даже самому господину министру.

Скосясь малый губы, не то въ усмѣшку, не то въ гримасу, и сѣлъ писать. Минуть черезъ двадцать подаетъ мнѣ исписанный листъ. Заглядѣнье, да и только! Начато гдѣ слѣдуетъ, поля оставлены какія нужно, титулъ и подпись на самомъ мѣстѣ, а ужъ про почеркъ и говорить нечего: твердый, крупный, круглый... каждая буква смѣется! Даже грамматическихъ ошибокъ совсѣмъ мало—на всей страницѣ двѣ-три, не больше.

— Ну, говорю, господинъ Калистратъ, сынъ Захарьинъ, коломенскій мѣщанинъ (это у него въ подписи значилось), отлично вы пишете, честь вамъ и слава! И откуда у васъ такой военнописарской пошибъ въ перѣ? спрашиваю.

Смутился на минутку мой парень.

— Не могу знать, говоритъ, меня приходскій дьячекъ обучалъ.

— Прекрасно онъ васъ чистописанію выучилъ, господинъ Захарьинъ! Можетъ, онъ васъ, по милости своей, также арифметикѣ и счетоводству обучилъ?

— Могу и это-съ.

Проекзаменовалъ я его и въ этомъ, и тоже предоволенъ остался.

— Теперь можно и про условія потолковать, говорю. На первый разъ получишь ты отъ меня тридцать рублей въ мѣсяцъ и готовую квартиру при конторѣ, потому кассиръ завсегда при своемъ мѣстѣ долженъ быть, какъ солдатъ при ружьѣ, а насчетъ харчей—ѣсть будешь съ нами, что Богъ пошлетъ. Доволенъ?

— Очень вамъ благодаренъ, ваше бл...

Замаялся, не знаетъ ужъ, какъ и назвать меня на радостяхъ.

— Меня, братецъ ты мой, пошь не благородіемъ крестилъ, говорю, а Гаврилой, а отца-покойника Иваномъ всю жизнь дразнили, вотъ и смекай послѣ того, какъ меня звать-то. Будешь трудиться какъ слѣдуетъ—друзьями будемъ, а нѣтъ—не погнивайся, свято мѣсто никогда не бываетъ пусто.

На томъ и порѣшили. Переѣхалъ нашъ новый кассиръ въ контору на другой-же день и зажили мы съ нимъ припѣваючи. Такой оказался смиренный, прилежный и душевный малый, что все мы отъ души его полюбили. И домовитый: сейчасъ это изъ пер-

выхъ же деньжонокъ чистенько одѣлся, самоварчикомъ собственнымъ обзавелся, купилъ канареечку, цвѣточки на окна...

Одинъ только и былъ за нимъ порокъ — шумнаго веселья не долюбливалъ и всякаго безобразія пуще красной дѣвки пугался. Пригласить къ себѣ, бывало, товарищей на пироги, бутылочки три красеньяго выставить, да и полно: больше не проси, ни за что не поднесетъ.

А казаку что такое бутылка? Съ одной бутылки ноги въ плясъ не подымутся, маленько только повеселѣе на сердцѣ станетъ, встѣ и все.

И какъ дойдетъ его компанія до такого душевнаго размягченія, онъ сейчасъ гитару со стѣны отцѣпнитъ и начнетъ пѣсни пѣть.

Никогда я у него до этихъ пѣсень не досиживался. Нѣтъ у меня, признаться сказать, большого пристрастія къ этимъ самымъ пѣснямъ степнымъ. Заунывныя такія да жалостливныя, всю душу выворотить, ихъ слушавши, а ужъ особливо послѣ пирога съ рыбой — сейчасъ подѣ ложечкой засосетъ и злость такую въ себѣ чувствуешь...

Онъ это зналъ, и какъ только гитару со стѣны снять, такъ и предупреждаетъ:

— Мы сейчасъ пѣсни зачнемъ играть, Гаврило Ивановичъ.

— Ладно, ладно, братцы, пойте себѣ на здоровье, а я пойду домой да сосну съ часокъ.

И, бывало, частехонько, какъ уйдутъ отъ него гости, зайдешь опять чѣмъ-нибудь къ слѣдующему дню распорядиться и ужъ все у него въ наилучшемъ порядкѣ, все прибрано, опять на главномъ мѣстѣ конторка стоитъ, бумаги на ней разложены и сидятъ надъ ними нашъ Калистратъ, согнувшись въ три погибели, да такіе ферты да мыслете выводить, что смотрѣть любо. Вотъ какъ сейчасъ вижу. И каждый разъ, какъ обликнешь его, такъ и вздрогнетъ.

Я разъ пошутилъ ему:

— Что это ты, братецъ, какъ-будто пугаешься, когда тебя по имени назовешь? Краденое, что-ли, у тебя имя-то?

Говорю это, а самъ контрактъ пересматриваю. Къ спѣху онъ его списывалъ, двѣ-три ошибочки ввралась.

— Вотъ тутъ надо поправить, говорю.

А онъ мнѣ вдругъ хриплымъ такимъ голосомъ:

— Я всегда такъ, Гаврило Ивановичъ, съ малолѣтства... у меня паучая была... вотъ я и пужаюсь... это у меня природа такая.

Я ему о контрактѣ, а онъ мнѣ насчетъ моего перваго замѣчанія рапортуетъ, да безсвязно такъ, скороговоркой... Я вдругъ-то и не понялъ.

— Что ты городишь, говорю, какая тамъ паучая? Надо смотрѣть въ оба, вотъ и все... Придется переписать, пожалуй.

Очнулся мой малый.

— Пожалуйте, говорить, я сейчасъ перепишу.

И руку за бумагой протягиваетъ, а рука-то трясется.

Взглянулъ я тутъ на него повнимательнѣе: блѣдный весь, нижняя челюсть дрожить, на лбу жилы напряжились.

— Что съ тобой? Нездоровъ, что-ли?

— Ничего-съ.

И какъ уперся на этомъ словѣ, такъ и не сдвинешь; на томъ и разошлись.

Теперь мнѣ кажется, что попытай я его тогда хорошенько, онъ-бы во всемъ мнѣ признался. Недосугъ мнѣ было да и неохота. Ужъ судьба видно. Потому не я одинъ, всѣ мы припоминали и рассказывали его странности, кто что замѣтилъ, ну а тогда... Вотъ только разъ, помнится мнѣ, дразнили его какъ-то ребята насчетъ женскаго полу: такой молодецъ, красавчикъ, можно сказать, а второй годъ здѣсь живетъ безъ зазнобушки, страхъ просто!

Нашъ Калистратъ какъ встряхнетъ кудрями.

— А, можетъ, и есть!

— Что ужъ секретно больно?

— Въ такомъ дѣлѣ завсегда нужна тайность, говорить; что за удовольствіе безъ тайности?

Говорить это и самъ смѣется.

Въ то время онъ еще смѣялся и даже за дѣвчонками бѣгалъ. Мнѣ разъ и самому удалось застать его съ одной у плетня.

Время было осеннее, грязь вездѣ невылазная. Какъ-то разъ подъ вечеръ мѣсилъ я се. мѣсилъ, эту грязь, по улицѣ да и вспомнилъ про одну тропочку вдоль рябиновыхъ кустовъ, которыми нашъ огородъ насаженъ. Завсегда было сухо на этой тропочкѣ; еще весной ее ребята, ради шутки, толченымъ кирпичемъ утоптали да шоссейной дорогой назвали.

Темнѣть начало; дождь лиль ливнемъ и конца ему не предвидѣлось. Иду я, поднявъ воротникъ на уши, и объ одномъ только и думаю, какъ-бы скорѣе до дому добраться да чайкомъ согрѣться, и вдругъ вижу въ сторонкѣ что-то бѣлѣется. Подхожу ближе—дѣвчоночка въ свѣтленькомъ ситцевомъ платицѣ! Стоитъ, къ кому-то прижавшись. Большой темный платокъ спустился на плечи, изъ-подъ юбочки маленькія ножки въ прюпелевыхъ ботинкахъ выглядываютъ... мокрая всѣ, въ грязи! А онъ ее одной рукой подъ кафтанъ прикрываетъ, а другой—обнявъ да такъ-то цѣлуетъ, такъ вкусно цѣлуетъ, что даже жалко стало мѣшать!

Будь только тутъ другая дорога, непременно свернулъ-бы на нее, но дѣлать было нечего, поубавилъ я шагу, потоптался маленько на мѣстѣ, да и кашлянулъ что было мочи.

Встрепенулись мои голубки!.. Сейчасъ она, однимъ нигожь, платочекъ накинудла на голову и шмыгъ въ кусты!.. А онъ въ другую сторону побѣжалъ и прямо мнѣ на-встрѣчу. Смотрю—Калистрать!

„Ахъ, ты, тихоня эдакая!“ думаю. Однако, прошелъ мимо и виду никакого не подаю, точно и не узналъ его и ничего не видѣлъ.

А вскорѣ потомъ нашъ тихоня такъ задумался, съ такимъ пасмурнымъ лицомъ ходить, что не ловко было и докучать ему. Ужь и безъ того видно, что малому до смерти тошно.

Видно не ладно что-нибудь съ той бѣленькой птичкой, думалъ я, на его тоску гляючи. Можетъ, какихъ-нибудь богатыхъ родителей дочка, за другого за кого просватали... а можетъ, мужняя жена.

Бываетъ и это, особливо въ нашей мѣстности. Климатъ знойный, вино сладкое да пьяное, дѣвчонокъ зачастую по пятнадцатому году замужъ отдають. До двадцати-то лѣтъ времени много, такъ успѣють надоѣсть другъ другу, что непременно вачнутъ по чужимъ огородамъ лазить. Отъ скуки больше. Ну, и просторъ всяческій, степь раздольная, мужей далеко на службу усылають... не знай вернется, не знай вѣтъ съ этой службы. А зачастую и такъ случается, что самъ женится тамъ на чужбинѣ, а домой свидѣтельство о смерти пришлетъ.

Ну, оттого-ли, отъ другого, только скучаетъ нашъ Калистрать,

да и все тутъ. Полно и гостей зазывать, и пѣсни играть. Гитару совсѣмъ паутиной затянуло; когда ни придешь, сидить у стола и прописи строчить, съ кудрявыми-раскудрявыми завитушками, да такими красивыми, что хоть въ рамку вставляй.

Наступила весна. Ледъ тронулся, зашвыряли барки, засвистали пароходы. У насъ въ эту пору завсегда всякой работы по горло. Много-много часа четыре въ сутки уснешь, часто случается, что и пообѣдать порядкомъ некогда. Прихожу я какъ-то рано утромъ въ контору, спрашиваю Калистрата. Нѣтъ Калистрата. Заглянулъ въ его комнатку—и тамъ его нѣтъ. А все въ порядкѣ: и постель прибрана, и птичкѣ кормъ засыпанъ.

Ждемъ его часъ, другой—нѣту! Фу, ты пропасть! Такъ и ушелъ домой, не дождавшись.

Собрались молодцы къ обѣду, выхожу къ нимъ:

— Ну, что-жь нашъ кассиръ, спрашиваю, отыскался, что-ли?

— Нѣтъ, Гаврило Ивановичъ, не отыскался. Онъ, сказываютъ, на зорькѣ купаться пошелъ. Путиловскій управляющій съ нимъ встрѣтился: шелъ, говорить, къ рѣкѣ, съ махонькимъ узелочкомъ подъ мышкой.

— Чортъ! Ужь не утонулъ-ли, съ дуру-то! Теперь мѣстовъ глыбкихъ много.

— Что вы, Гаврило Ивановичъ! Онъ, что твоя рыба, въ шутку въ самомъ широкомъ мѣстѣ рѣку переплываетъ. Сколько разъ онъ намъ этотъ фокусъ показывалъ!

— Куда-же ему дѣться?

Молчать на это, только переглядываются да пересмѣиваются.

— Что такое?

— Да вотъ, говорятъ, на примѣчаніи онъ у насъ за послѣднее время, Гаврило Ивановичъ: частехонько сталъ въ огородъ, что за конторой, бѣгать... Подкараулили мы его тамъ съ дѣвицей...

— Такъ что-жь, запретъ, что-ли, ему на это положенъ?

— Какъ можно, Гаврило Ивановичъ! Мы только къ тому, что если онъ къ вечеру не отыщется, можно ту дѣвицу попытать, ужъ она, вѣрно, въ извѣстности.

— Ладно, ладно, говорю, Богъ дастъ къ вечеру и самъ проявится.

Однако, не проявился. Вижу я, что дѣло дрянъ—либо сгибъ гдѣ, либо сбѣжалъ, одно изъ двухъ.

По городу говоръ пошелъ, носу нельзя показать на улицу — всякій скотъ съ разспросами да съ разговорами лѣзеть. На другой день катить изъ уѣзда мой компаньонъ.

— Кассу бы провѣрить, Гаврило Ивановичъ.

— Успѣется еще, говорю; осрамить человѣка всегда успѣется, а надо сперва отыскать его, живого или мертваго.

Зачали искать. Изъ полиціи никого не оповѣстили, а самъ сѣлъ на коня, захватилъ съ собой трехъ молодцовъ изъ самыхъ надежныхъ, тоже верхами, и пустился въ путь.

Ужъ мы по степи-то рыскали, рыскали, много верстъ изѣздили, до киргизскихъ кочевьевъ доѣзжали, раза три на калмыцкія кибитки натыкались, два табуна краденыхъ коней повстрѣчали и, наконецъ, на мертвое тѣло набрели. Молодцы мои разогнали воронье, что на него налетѣло, вытащили его изъ тростника на сухое мѣсто да и кричать мнѣ во все горло:

— Нашли, Гаврило Ивановичъ, нашли!

Я отъ нихъ отсталъ маленько, — за драфой погнался; подѣзжаю. Нѣтъ, не онъ; хохоль какой-то. Лицо-то все исклевано, а по одеждѣ и по стрижкѣ видно, что хохоль.

— Пусть тутъ лежитъ, говорю, некогда намъ съ полиціей возжаться.

Съ тѣмъ и вернулись домой. Только умаялся я по-пустому, да такъ умаялся, что, кажется, часовъ двадцать спалъ безъ просыпу.

Компаньонъ мой опять изъ уѣзда пріѣхалъ и опять началъ приставать:

— Открой да открой кассу!

— Отстань, говорю, я знаю, что дѣлать. Успѣется.

Говорю это, а самъ понимаю, что онъ правъ, что кассу провѣрить въ такомъ случаѣ необходимо, и даже чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше. Ужъ и то много прошло дней, и если чего недостаетъ, сейчасъ скажутъ: зачѣмъ раньше не оповѣстили?

Все это я отлично понимаю, а между тѣмъ медлю и вотъ точно все жду чего-то... Рѣшилъ, однакожъ, на завтра. Приказалъ съ вечера за слесаремъ сходить да за квартальнымъ, чтобъ все, значить, въ порядкѣ и при законной власти, чтобъ было кому и протоколъ составить въ случаѣ надобности.

Улеглись мы въ тотъ день поздно и спалъ я очень скверно.

Всю ночь мнѣ то Калистратъ, то хохоль тотъ, вороньемъ исклеванный, грезился, и, наконецъ, на самой на зорькѣ, ну вотъ еле еле донъ за стекломъ забѣлѣлся... стукъ, стукъ въ мое окно.

Просыпаюсь, слушаю: опять въ стекло стукнули и какъ-будто тѣнь какая-то промелькнула, и все смолкло, а черезъ минуту у двери кто-то скребется, а тамъ опять въ окно, а тамъ опять въ дверь,—такъ и перебѣгаетъ.

— Что за чортъ! Ужь не онъ-ли, не Калистратъ-ли, вернулся?

И какъ только мелькнула мнѣ эта мысль въ голову, сейчасъ прыгнуть съ постели и шастъ къ двери.

Скребуть, замокъ пробуютъ.

— Кто тутъ? спрашиваю.

— Я.

Голосокъ тоненькій, какъ у ребенка.

— Кто такой?

— Отворите, ради Бога! Скорѣе... Это я, Маша.

Что за Маша? Никакой я въ то время Маши не зналъ настолько коротко, чтобъ въ рубашкѣ принимать.

Однако, думаю, значить нужно, когда въ такое непоказанное время пришла. Посмотримъ, что за Маша такая.

Прислушался—плачешь, и все ручку отъ двери дергаетъ, все дергаетъ.

Накинулъ я на себя первое, что подъ-руку попалось, отворяю.

Нежданная гостья точно вихрь какой ко мнѣ ворвалась, чуть съ ногъ не сбила, а за ней утренній паръ бѣлымъ клубомъ, холодный такой, сырой, до костей пронизываетъ. Заглянулъ я въ сѣнцы, не гонится-ли кто за красавицей?

Ужь совсѣмъ разсвѣло, изъ всѣхъ воротъ коровъ выгоняютъ, и у насъ тоже заскрипѣла калитка и Матрена свою буренушку провожаетъ.

Я началъ поплотнѣе дверь припирать и нарочно прокляжусь подольше: пусть оправится моя гостья, думаю.

Однако не оправилась. Стоитъ среди комнаты, какъ вкопанная, глаза въ полъ уставила, дрожить вся.

Я въ ней тотчасъ-же ту дѣвчечку узналъ, что прошлой осенью съ мномъ Калистратомъ у плетня цѣловалась; тотъ-же на ней платокъ темный и платьице свѣтленькое, тѣ-же стройныя ножки въ башмачкахъ съ каблучками. Живо такъ припомнился мнѣ тотъ

дождливый вечеръ, когда я на нихъ наткнулся. Я тогда не разглядѣлъ хорошенько ея личика, темно слишкомъ было, но только врядь оно было такое блѣдное и испуганное, какъ сегодня!

Подожель я къ ней поближе.

— Что же вамъ отъ меня угодно, красавица?

Очнулась наконецъ.

— Вы получили письмо отъ Андрюши?

Она называла его Андрюшей, но я ни на минуту не усомнился, что рѣчь идетъ о нашемъ пропавшемъ кассирѣ.

— Никакого письма, говорю, я не получалъ, и если вамъ что-нибудь про него извѣстно, сдѣлайте ваше одолженіе, сообщите, премного обяжете... Мы вотъ ужъ который день съ ногъ сбились, его искавши, трехъ коней заморили.

Слушаетъ, во всѣ глаза смотреть, да какъ вдругъ залепечетъ:

— Какъ-же это, вѣдь онъ сказалъ... безпремѣнно въ воскресенье письмо придетъ... пять дней туда, пять дней оттуда. Сегодня вторникъ... я нарочно два дня пропустила, все ждала. Онъ сказалъ: Гаврило Ивановичъ вѣрно самъ тебя отыщетъ; какъ получить мое письмо, такъ и отыщетъ... Ты ему тогда все скажи. Господи! Мы съ нимъ такъ вѣрно разсчитали: пять дней туда, пять дней оттуда...

Меня нетерпѣніе начало разбирать.

— Да откуда-же? говорю.

А она все свое:

— Непремѣнно хотѣлъ написать... Пуще всего насчетъ денегъ сомнѣвался, чтобъ вы не подумали чего-нибудь... У него тамъ все въ порядкѣ, видѣли?.. Ключъ въ божничкѣ лежитъ... Наказывалъ вамъ сказать, да вы, чай, и сами нашли... А раньше я прійти не могла. Татка у меня злющій... вотъ и теперь... Господи! Да что-жь это значить, что письма отъ него нѣтъ?.. Ужь не случилось-ли чего съ нимъ?.. Я ему и то говорила: какъ это тебѣ не страшно, Андрюша?.. Ничего, говорить, простать!.. Ну, а какъ вдругъ не простать?.. Какъ вы думаете, простать они его? Вернется онъ сюда?..

— Что-же я могу вамъ сказать, Маша, я ничего не знаю. Расскажите мнѣ все по порядку, тогда и придумаемъ что-нибудь сообща.

Взялъ я ее за руку и посадилъ на стулъ въ уголочекъ, а самъ сѣлъ поодаль.

— Рассказывайте, говорю, не бойтесь. Вѣдь онъ самъ вамъ велѣлъ ко мнѣ придти, стало быть не надѣялся на письмо; рассказывайте.

Ну, и рассказала. Да просто такъ, въ самыхъ краткихъ и ясныхъ выраженіяхъ, точно заранѣе вытверженный урокъ. Видно, они частехонько говорили вдвоемъ про эту исторію. Всѣ подробности были ей такъ-же хорошо извѣстны, какъ и ему; она даже теперь не находила ничего ужаснаго въ этихъ подробностяхъ и передавала ихъ послѣдовательно и обстоятельно. но торопливо и равнодушно, какъ необходимое предисловіе, безъ котораго нельзя понять самаго главнаго, то-есть того, что въ настоящую минуту такъ ее мучило и волновало, что она даже рѣшилась прибѣжать ночью къ совершенно чужому человѣку за совѣтомъ и помощью.

Она такъ спѣшила дойти до этого „главнаго“, что даже не замѣчала, какое впечатлѣніе производитъ на меня ея рассказъ.

Въ казія-нибудь десять минутъ я узналъ, что моего бывшего кассира зовутъ не Калистратомъ Захарынымъ, а Андреемъ Мирволиннымъ, что онъ не коломенскій мѣщанинъ, а казакъ терской области. Пять лѣтъ служилъ писцомъ въ штабѣ, женился на красавицѣ-казачкѣ, и, заставъ у нея однажды вечеромъ старшаго адъютанта, такъ ловко пырнулъ его пашкой въ бокъ, что у того тотчасъ-же и духъ вонъ. Присудили Андрея военнымъ судомъ къ разстрѣлянью, да товарищи выручили и совѣтовали бѣжать безъ оглядки либо въ Сибирь, либо въ Польшу. Но вѣдь сердце не камень: прежде, чѣмъ пуститься въ путь, онъ сдѣлалъ большой кругъ въ сторону, чтобъ повидать жену и попытаться уговорить ее бѣжать вмѣстѣ съ нимъ. Онъ былъ тогда еще очень юнъ и глупъ: ему казалось, что если она и не любила его раньше, то теперь непремѣнно должна полюбить за выказанное молодечество и за выстраданныя изъ-за нея муки. Не тутъ-то было! Красавица-казачка успѣла за это время обзавестись новымъ обожателемъ, цѣлыми двумя чинами выше перваго, и такъ нахально обошлась съ мужемъ, что Андрей не на шутку озлился и ушелъ одинъ. Добрелъ до Польши, сфлбриковалъ себѣ тамъ фальшивый видъ и выучился службѣ при желѣзной дорогѣ, а потомъ явился сюда...

— Куда-же онъ теперь пропалъ? спрашиваю.

— Туда пошелъ, въ ту станицу, гдѣ она живетъ... Онъ ужь давно собирался, еще въ прошломъ году, да повстрѣчался со мной... Полюбились мы съ нимъ... ну, и отлегло у него маленько отъ сердца. А тамъ опять заскучаль... Смерть моя, говорить, такая скука, что хоть въ петлю! Зачалъ толковать про то, какъ-бы *туда* пойти, повидать жену и во всемъ повиниться начальству... Пусть дѣлають, что хотять! Я ему: страшно, Андрияша, говорю... А ну, какъ они тебя разстрѣляють?

— Гдѣ разстрѣлять! говорить.— Столько прошло годовъ съ тѣхъ поръ... Я-же самъ съ повинной приду... тогда и смисхожденіе бываетъ.

— А все-же страшно...

— Чего страшно? Ты настоящаго страху не знаешь, вотъ и говоришь. Настоящій-то страхъ ужь былъ у меня, да весь вышелъ, а теперь одна только скука осталась, и такая провзительная, что какъ я только до сихъ поръ не повѣсился, дивиться надо!

Пуще всего тянуло его на жену посмотрѣть: остепенилась-ли она или все такую-же безпутную жизнь ведетъ, какъ прежде?

Сначала Маша его удерживала: не думай объ этомъ, голубчикъ! Не говори такихъ словъ, родиный, пожалѣй меня! Ну, а потомъ увидѣла, что никакими ласками, никакими уговорами его не проймешь, день ото дня все хуже да хуже. Упрется глазами въ землю и сидитъ по цѣлому часу, ну вотъ точно въ какомъ-то безчувствіи! Заскучала и она на него гляючи, до того заскучала, что даже и самой стало порой думаться: ужь не лучше-ли, въ самомъ дѣлѣ, ему *туда* пойти да повиниться? Что тамъ отъ разстрѣлянія погибать, что здѣсь вѣшаться или топиться—не все-ли равно?

И ужь какъ разъ запала ей эта мысль въ голову, ничѣмъ и не отвяжется!

— Навожденіе какое-то! Сойдемся, бывало, сидимъ рядышкомъ и другъ на дружку смотрѣть боимся... Точно у насъ мысли-то на лбу написаны! Намеднись взглянулъ онъ на меня мелькомъ, да и усмѣхнулся. Такъ меня и рѣзанула эта усмѣшка по сердцу!

— Что ты, Андрияша? спрашиваю.

— Ничего, говорить.

И вижу я, что ему все извѣстно, ну вотъ все до крошечки.

Господи! думаю, что-жь это будетъ? Пытаюсь, однако, въ шутку оборотить, смѣюсь:

— Дурень ты эдакой, тебѣ все глупости въ голову лѣзутъ.

— А онъ мнѣ: полно, говорить, Мама! Я вѣдь знаю... ты теперь и сама думаешь, что мнѣ лучше уйти, да только сказать не смѣешь.

И я ему вдругъ на это: иди, голубчикъ, Христось съ тобой! Можетъ, и вправду намъ обоимъ тогда легче станетъ!

Говорю это и сама не понимаю, какъ это у меня на такую страсть языкъ поворачивается. А ужъ онъ такъ обрадовался, такъ обрадовался, ну вотъ точно я его и ни вѣсть чѣмъ подарила! Зачалъ меня ласкать да всячески успокаивать... Безпремѣнно простять, какъ не простить! Совсѣмъ веселый ушелъ, никогда я его такимъ не видала. Объ одномъ только и заботился, чтобъ вы чего не подумали насчетъ денегъ въ кассѣ. Первое-то время я и успокоилась, точно закаменѣла совсѣмъ, даже мыслить не могу о томъ, что съ нимъ теперь дѣлается. Что-жь это, думаю, неужто-же я объ Андрюшѣ совсѣмъ скучать не стану? А сегодня ночью представилось мнѣ вдругъ, какъ онъ, голубчикъ, туда пришелъ, да какъ его схватили, да пытать зачали... и такая на меня тоска напала, такая... моченьки моей нѣтъ! Вѣдь я у васъ ужъ тутъ давно подъ окномъ дожидаюсь, да только до свѣту-то стучаться не смѣла!

Посидѣли мы съ ней еще пол-часика, помолчали... Она все свое высказала, а мнѣ ужъ и давно нечего ей было сказать. Наконецъ, ужъ передъ тѣмъ, какъ ей уйти, спросилъ я ее:

— Неужто-же онъ вамъ съ перваго разу во всемъ признался?

— Съ перваго разу. Я ему сказала: если любишь меня, такъ женись... Не могу, говорить. Я, конечно, пытать зачала, почему да почему? Ну, онъ мнѣ и рассказалъ все.

— И вы все-таки послѣ этого любили его?

Она посмотрѣла на меня съ большимъ удивленіемъ.

— За что-же его не любить? Развѣ онъ виноватъ?

Въ тотъ-же день мы отперли кассу и нашли въ ней все въ наилучшемъ порядкѣ: денегъ четыре тысячи съ копейками, всѣ записи, всѣ росписки, все на своемъ мѣстѣ. А вѣдь убійца былъ и подлогъ совершилъ... да еще ловко-то какъ! А потомъ цѣлыхъ пять лѣтъ промежъ людей мотался, и съ такой опаской да сноровкой, что никому и невдомѣкъ. Вотъ поди-же ты, и суди послѣ того человѣка!

С—къ.

С Ф И Н Ж С Ъ.

РОМАНЪ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Въ одномъ изъ отдаленныхъ уголковъ восточной Сибири, въ больницѣ, умеръ мой другъ Весеньевъ. Умеръ онъ отъ болѣзни сердца, застигнутый смертью врасплохъ. Я нашелъ его сидящимъ за столомъ, надъ толстой тетрадю: голова была опущена на грудь, одна рука лежала на бумагѣ, другая безсильно повисла съ боку покосившагося въ сторону туловища. Онъ имѣлъ видъ спящаго человѣка и я подошелъ разбудить его, чтобъ заставить лечь въ постель. Его синія лицо и губы испугали меня. Я подошелъ и убѣдился, что его уже не разбудить никакимъ силамъ: онъ былъ мертвъ.

Я позвалъ сторожа, съ его помощью уложилъ покойника на койку и далъ знать коменданту. На заглавномъ листѣ тетради, надъ которой трудился Весеньевъ въ послѣдній годъ, стояла надпись: „доктору“. Я завладѣлъ этой тетрадю и на первой страницѣ прочелъ:

„Завѣщаю вамъ, докторъ, эту рукопись; вы лечили меня, васъ интересовало мое прошлое по степени связи его съ настоящимъ; для васъ я задумалъ продолжать эти записки, начатыя въ счастливые дни, когда я, идеалистъ-юноша, мечталъ о возможности всегда оставаться чистымъ и безупречнымъ. Теперь на мнѣ лежитъ вѣдомо отверженія, я — Шайца, варнакъ. Но вы не отвернулись отъ меня, вы были мнѣ другомъ, и я ввѣряю вамъ печальную повѣсть моей коротенькой жизни, съ ея многими печалами и

немногими радостями. Я уношу въ могилу глубокую благодарность къ вамъ. Примите, какъ выраженіе этой благодарности, мой сильный трудъ, прочтите его товарищамъ и потомъ дѣлайте съ нимъ все, что хотите“.

Пользуясь позволеніемъ Весеньева, я прочелъ его записки и хочу дать ихъ прочесть другимъ. Но прежде я долженъ познакомить читателя съ личностью Весеньева, такого, какимъ я зналъ его.

Онъ попалъ къ намъ при дурныхъ условіяхъ: комендантомъ былъ назначенъ человекъ, видѣвшій въ каторжникахъ чуть не личныхъ враговъ и потому ожесточенно ихъ преслѣдовавшій. Онъ былъ изъ монголовъ, человекъ не глупый, но узкій и жестокий до звѣрства. Каторжники его ненавидѣли, а со времени появленія Весеньева ненависть эта усилилась еще больше. Весеньевъ пользовался особенной симпатіей товарищей и это было весьма понятно: какъ уголовный преступникъ, онъ попалъ въ среду мелкихъ и крупныхъ мошенниковъ; но какъ ни были развращены эти послѣдніе, чутье подсказало имъ, что Весеньевъ не ихъ полнаго, хотя законъ и унижилъ его до равнаго наказанія съ ними. Они знали, что онъ изъ „господъ“, и цѣнили въ немъ то, что онъ не только не чуждался ихъ, а даже старался съ ними сблизиться.

Смерть его поразила ихъ. Кто теперь подѣлится съ ними словомъ и мыслью просвѣщеннаго наукой ума? Кто оживитъ тюрьму прочувствованной, сердечной рѣчью въ длинныя зимніе вечера, когда вѣтеръ воетъ въ трубахъ и врывается въ щели стѣнъ? Ему они не боясь открывали самыя завѣтныя думы свои, тающіяся въ томъ глубокомъ уголкѣ души, куда не проникаетъ порча и который даже у самыхъ развращенныхъ людей остается на всю жизнь нетронутымъ. Рѣдко кого пускаетъ туда человекъ, и пускаетъ по выбору, зная, что тотъ, кто онъ пустилъ, не осквернитъ его святилища.

Весеньеву открылись двери въ эти душевные тайники его товарищей; у cadaго изъ нихъ была привязанность, воспоминаніе о которой чистой струей обмывало наслоившуюся жизнью грязь; одинъ плакалъ объ умершей съ горь по немъ матери, другой вспоминалъ любовницу, отдавшую ему свое безкорыстное, чистое чувство, въ тѣ дни, когда и самъ онъ былъ честенъ и чистъ.

Они, стидившіеся другъ друга за всякое проявленіе человѣчности, гордились передъ Весеньевымъ этимъ самымъ проявленіемъ и не боясь повѣряли ему свою борьбу, свои муки за совершенный грѣхъ. Не укоризной, а снисхожденіемъ, примиреніемъ звучалъ имъ его кроткій голосъ.

Его исповѣди они не могли добиться. На всѣ вопросы ихъ, задаваемые всегда деликатно и тонко, онъ отвѣчалъ печальной улыбкой и говорилъ, что „убилъ потому, что самъ не вѣдалъ, что творить“.

Неразрѣшимой загадкой было для нихъ это убійство. Онъ — убійца! Онъ, этотъ человѣкъ съ душою ребенка, съ грустною нѣжностью глазъ, съ тихою, кроткою рѣчью! Они недоумѣвали, но допытываться не рѣшился ни одинъ изъ нихъ, боясь разбередить глубокую рану, боясь употребить насиліе съ тѣмъ, кто самъ не позволялъ себѣ никакого насилія.

Комендантъ возненавидѣлъ Весеньева съ перваго дня его появленія на работахъ, и съ каждымъ отпоромъ, который давалъ ему Весеньевъ на его дикія выходки, ненависть эта усиливалась. Онъ не могъ помириться съ тѣмъ, что въ жилахъ Весеньева текла барская кровь, отнимающая у него, коменданта и прямого начальника, право зуботычинъ.

— Все равно, такой же варнакъ, какъ и другіе, говорилъ онъ, но дальше такихъ словъ идти не рѣшался.

Наружность Весеньева была тоже изъ тѣхъ, которыя не нравятся начальству: высокій, худенькій, съ впалой грудью и тонкимъ, блѣднымъ лицомъ, онъ олицетворялъ собою отсутствіе той мускульной силы, которая можетъ подкупить начальника и надсмотрщика тяжелыхъ каторжныхъ работъ. Сердце болѣло у того, кто смотрѣлъ, какъ потъ градомъ лился съ его высокаго, блѣднаго лба отъ ворочанья тачекъ съ камнями; но онъ ворочалъ ихъ, не прося, не ища отдыха, ворочалъ наравнѣ съ другими, вильными, и только хриплое дыханье выдавало усталость да тонкія, длинныя руки, гремя цѣпами, какъ плети бессильно падали по бокамъ истощеннаго тѣла, когда кончался урочный часъ его непосильной работы. Но онъ ни разу не пожаловался на усталость и работалъ ожесточенно усердно, какъ-будто торопясь догнать себя. Онъ и работая сохранялъ ту-же прелесть выраженія, которая составляла главную красоту его лица, тотъ-же задумчи-

вый, кроткій свѣтъ большихъ сѣро-карихъ глазъ. Одна барыня, прийдя посмотрѣть на работы, говорила потомъ, что долго видѣла передъ собою эту благородную, склоненную на бокъ голову съ безкровнымъ, тѣмнымъ лицомъ и чистымъ, греческимъ профилемъ.

Передъ ссылкой въ Сибирь Весеневъ три мѣсяца содержался въ больницѣ умалишенныхъ; онъ потерялъ разсудокъ отъ того страшнаго потрясенія, которое перенесъ, совершая преступленіе. Миѣ былъ отданъ приказъ зорко слѣдить за состояніемъ его умственныхъ способностей и, пользуясь этимъ, я часто проводилъ цѣлыя вечера въ тюрьмѣ, бесѣдуя съ нимъ.

Эти бесѣды доставляли миѣ много наслажденія. Я въ первый разъ въ жизни натолкнулся на тотъ болѣзненно-повышенный анализъ, который постоянно, упрямо слѣдитъ за всѣми тончайшими изгибами собственной мысли, собственнаго чувства, не упуская изъ вида ни одной самой мелкой подробности.

Слушая его, я заподозрилъ въ немъ слишкомъ раннее мозговое развитіе, при полномъ отсутствіи какого-нибудь опредѣленнаго направленія; онъ отчетливо, рельефно помнилъ все свое дѣтство, проведенное въ кругу превосходной, любящей семьи, среди богатой, живописной природы; болѣзненная чуткость и впечатлительность слышались въ его разсказѣ; каждое дерево, лужокъ, озеро, пригорки и долины своей родины онъ любилъ, какъ живыхъ людей, какъ друзей, раздѣлявшихъ его дѣтскіе грезы и планы; онъ, какъ Гете, слышалъ живую рѣчь въ журчаніи ручья, шептался съ листьями стараго дуба, сосѣда его комнаты. Во всѣхъ поступкахъ его дѣтскихъ лѣтъ преобладала порывистость, желаніе сдѣлать все, что-бы только ни пришло въ голову, и онъ цѣликомъ перенесъ это свойство въ зрѣлый возрастъ. Любимое, балованное дитя, онъ не привыкъ ни въ чемъ получать отказа.

Когда Сережѣ минуло тринадцать лѣтъ, отецъ подарилъ ему ружье и научилъ охотиться. Вся порывистая страсть, зрѣвшая въ организмѣ, перешла у него въ охоту. Я мучился за него, слушая его разсказы о томъ, что онъ чувствовалъ, подстерегая своихъ пернатыхъ жертвъ, какъ трепетало, замирало и снова прыгало его дѣтское сердце, какъ его кидало то въ жаръ, то въ ознобъ. Передавать это состояніе онъ умѣлъ такъ картинно и образно, какъ мое перо не въ силахъ передать. Передавая былыя впечатлѣнія,

онъ снова переживалъ былыя ощущенія, блѣднѣлъ, краснѣлъ, жилы напрягались на лбу и я боялся, что онъ кинется на меня, — такъ неудержимо его подавала впередъ какая-то напряженная, страстная сила. Въ такія минуты я не узнавалъ его спокойныхъ глазъ, — такая дикая страсть, такой неодолимый огонь загорались въ нихъ; въ такія минуты я считалъ его способнымъ на преступленіе и не удивлялся тому, что онъ убилъ ту, которая, по его словамъ, не сумѣла отвѣтить полнымъ чувствомъ на его страстную, все пережившую привязанность.

За три недѣли до смерти у Весеньева повторился приступокъ бѣшенства и продолжался восемь дней, съ коротенькими промежутками угнетенія; но и въ эти промежутки разсудокъ не возвращался. Я въ первый разъ наблюдалъ такое тяжелое помѣшательство: ни одной минуты облегченія, ни одной свѣтлой иллюзіи, какъ у другихъ. Ему все представлялось тогда, что за нимъ гонится кто-то, хватаетъ за горло, душитъ; онъ кричалъ, плакалъ, молилъ о пощадѣ, и затѣмъ начинался періодъ бѣшенства; его связывали, обливали холодной водой и клали на койку; усталый, разбитый, онъ впадалъ въ уныніе, тихо, жалобно стоналъ, плакалъ, призывалъ смерть и, повидимому, переживалъ съизнова все, что было горькаго въ его надломленной жизни.

Повтореніемъ помѣшательства Весеньевъ обязанъ былъ коменданту. Дѣло было такъ: придя неожиданно на работы, комендантъ увидѣлъ спящимъ одного изъ ссыльныхъ; Весеньевъ работалъ неподалеку отъ спящаго и, окончивъ свой урокъ, взялся за его работу. Этотъ послѣдній былъ слабый, больной старикъ, просидѣвшій 18 лѣтъ въ тюрьмѣ и растратившій въ ней здоровье и силы.

— Какъ вы осмѣлились позволить этому бездѣльнику валяться въ рабочіе часы? сердито спросилъ комендантъ надзирателя, тыкая пальцемъ на спящаго. — Я взыщу съ васъ, если онъ не кончитъ урока.

— Я кончу за него, кротко вступился за товарища Весеньевъ. — Ему нездоровится, пусть поспитъ.

— У меня не смѣтъ распоряжаться, крикнулъ на него комендантъ. — Вы и свою-то работу еле одолеваете; лядащій, туда-же помогать!

Весеньевъ ничего не отвѣтилъ и, покорно опустивъ голову, продолжалъ работать.

— Я буду стоять надъ этимъ негодяемъ, продолжалъ комендантъ въ томъ-же тонѣ, — и считать, сколько минутъ онъ проспигь.

Онъ вынулъ часы и подошелъ къ спящему.

— По пробужденіи дать ему столько-же розогъ!

— Ему шестьдесятъ три года и вы убьете его; да и законъ избавляетъ отъ розогъ такихъ стариковъ, опять сказалъ Весеньевъ, поднявъ на коменданта свои грустные, кроткіе глаза.

— Я не съ тобой говорю, варнакъ, душегубецъ! забылся комендантъ.— Я покажу тебѣ, мерзавецъ, какъ лѣзть въ разговоръ съ начальствомъ.

Дико сверкая глазами и не рѣшаясь ударить Весеньева, онъ подошелъ къ спящему и, схвативъ его за горло, приподнялъ съ земли.

Зарывавъ, какъ раненый звѣрь, Весеньевъ въ одинъ прыжокъ былъ подлѣ коменданта и не слобровать-бы этому послѣднему, если-бы надзиратель не бросился между ними. Комендантъ въ ужасѣ убѣжалъ домой, а Весеньева, кричавшаго и бѣсновавшагося, отвели въ больницу и послали за мной.

Я нашель его въ припадкѣ сильнѣйшаго бѣшенства. Онъ стоялъ въ углу, загородясь стуломъ, и кричалъ, чтобъ мы не давали дупить его, что ему больно, что онъ одинъ не въ силахъ справиться съ кѣмъ-то, кто хватаетъ его за горло; онъ разорвалъ воротъ рубашки, открывалъ широко ротъ, хрипѣлъ, задыхался. Изъ изстѣдованію его я, конечно, не могъ приступить: въ такомъ состояніи за него нельзя было ручаться, а жизнь мнѣ еще не надоѣла.

Болѣзнь его продолжалась восемь дней и послѣ нея насталъ такой страшный упадокъ силъ, такое общее разстройство организма, что его нельзя уже было допустить до работъ и онъ оставался въ больницѣ до самой смерти.

Комендантъ смягчился, сознавая себя виновникомъ болѣзни Весеньева, и давалъ ему всевозможныя льготы, даже присылалъ книги, которыхъ, впрочемъ, Весеньевъ не читалъ. Онъ часа по три въ день сидѣлъ надъ своими записками, и когда, видя, какъ вредно дѣйствуютъ на него воспоминанія прошлаго, я хотѣлъ отнять у него бумагу, перо и чернила, онъ расплакался, какъ

ребенокъ. Я не рѣшился лишать его послѣдней отрады и въ награду за это онъ завѣщалъ мнѣ свою рукопись.

ЗАПИСКИ ВЕСЕНЬЕВА.

Я родился въ губернскомъ городѣ, въ одной изъ среднихъ губерній Россіи. Дѣтство мое промелькнуло, какъ мелькаетъ передъ глазами вѣдущаго по желѣзной дорогѣ бархатистый лугъ, испещренный полевыми цвѣтами: пестрое смѣшеніе красокъ и переливовъ, однообразное въ своемъ разнообразіи, блестящее, цвѣтущее, пріятно ласкающее глазъ и чувство и недающее никакой пищи уму и наблюдательности. Слишкомъ быстро, слишкомъ ярко одни впечатлѣнія смѣняются другими, не оставляя времени задуматься ни надъ однимъ изъ нихъ.

Такъ шло дѣло до смерти отца. Смерть его слетѣла на нашу семью, какъ молнія, и сожгла все наше благосостояніе. Не стало друга, кормильца семьи, — и семья эта пошла въ разбродъ. Мать, жившая душа въ душу съ отцомъ, стала хирѣть и прихварывать; пенсіи, которую она получала, было недостаточно для содержанія семьи въ привычной обстановкѣ; мать сжалась, переѣхала въ маленькую квартирку и взяла съ собой мою старшую сестру, больную, нервную дѣвушку; младшую сестру взяла къ себѣ одна богатая барыня, Марина Яковлевна Кокшина, старая пріятельница матери, приходившаяся намъ какъ-то сродни. Она же предложила мнѣ не брать стипендіи, обѣщаясь присылать ежемѣсячно двадцать пять рублей на прожитіе. Отказаться отъ ея благодѣяній мать не рѣшилась, боясь оскорбить отбавованную самодурку, для которой двадцать пять рублей въ мѣсяцъ значили меньше, чѣмъ двадцать пять копеекъ для насъ; да и Катя, сестра моя, взятая ею въ домъ, могла понести на себѣ послѣдствія нашего отказа.

Это происходило въ 1859 году. Я былъ тогда на второмъ курсѣ медико-хирургической академіи. Съ этого года я начинаю мою лѣтопись, потому что собственно только въ этомъ году я вступилъ въ настоящую будничную жизнь большинства, — жизнь, отмѣченную мелкими волненіями, неудачами, лишеніями и немногими блѣдными радостями. На мнѣ болѣзненно отразилась эта

жизнь. Выросшій въ холѣ и ласкѣ мирнаго домашняго очага, я осиротѣлъ, упалъ духомъ, очутившись между чужихъ людей, безучастныхъ, холодныхъ, расчетливыхъ. Мое вниманіе къ своей внѣшности, желаніе сохранить въ ней привычную опрятность и порядочность, назвали барствомъ; мою деликатную, сдержанную осторожность въ отношеніи къ другимъ, воспитанную во мнѣ деликатной до щепетильности матерью, приняли за гордость и нежеланіе сближаться, и товарищи начали сторониться меня. Я не искалъ ихъ, я жилъ въ сторонѣ отъ нихъ, и это одиночество, эта отчужденность не могли не отразиться на состояніи моего духа. Я скучалъ, тосковалъ, мнѣ недоставало привязанности, дружбы, любви.

Тяжелое мое настроеніе выразилось еще сильнѣе, когда наступила весна, когда кончились занятія въ академіи, когда пришло время долгожданнаго отдыха, а между тѣмъ я не могъ даже уѣхать домой, такъ-какъ моя мать и старшая сестра гостили въ это время у Кокшиной, гдѣ я былъ-бы лишнимъ. Не имѣя уроковъ, утомленный работой за зиму, я отдыхалъ теперь, посвящая время ознакомленію съ петербургскими окрестностями. Солнце такъ сильно жгло землю, что меня тянуло въ зелень, и я нерѣдко направлялъ стопы къ Александровскому парку, этому студенческому оазису.

Весело было смотрѣть на весеннія, радостныя лица, на живыя краски женскихъ нарядовъ, прислушиваться къ хихиканью барышень, къ хохоту и визгу дѣтей. Кругомъ раздается веселый смѣхъ, неумолчный говоръ, живую волной охватываетъ со всѣхъ сторонъ и подмываетъ самого на молодыя, глупыя выходки. Жизнь, кровь закипаетъ внутри, ошняпяешься отъ теплыхъ лучей, отъ наркотическаго воздуха, пропитаннаго запахомъ сирени и тополя, и ногъ подъ собой не слышишь, словно несешь тебя что-то куда-то. Я жадно смотрѣлъ на толпу гуляющихъ, такъ мало походившую на ту толпу, гдѣ я вертѣлся всю зиму,—толпу съ сухими, желтыми лицами, кожаными фартуками, латынью на языкѣ и груберистикой подъ мышкой.

Меня тянуло сблизиться съ этою толпою, повеселиться вмѣстѣ съ нею ея безхитростнымъ весельемъ, и, наконецъ, случай представился. Это было въ концѣ мая. День былъ воскресный; шарманки дразнили своимъ визгомъ мою разыгравшуюся удалъ и я чувствовалъ, какъ сдержанность постепенно начинаетъ сходить

съ меня. Увидавъ, что на скамьѣ сидятъ три молодя, смазливя дѣвушки, я подошелъ и сѣлъ подлѣ нихъ. Дѣвушки курили папирсы и грызли орѣшки. Я попросилъ огня у той, которая сидѣла ближе ко мнѣ. Закуривая, я уронилъ ее и своей огонь.

— Мой огонь у вашихъ ногъ, спохличалъ я. — Неужели вы его растопчете?

— Совсѣмъ напротивъ, я его подниму, смѣясь, отвѣчала дѣвушка и наклонилась за огнемъ. Я сдѣлалъ то же и наши руки столкнулись. Руки у ней были бѣлыя, безъ перчатокъ.

— Славныя ручки, подумалъ я вслухъ.

— Ахъ, какой вы веселый, кокетничала дѣвушка. — Съ вами не соскучишься. Вы изъ студентовъ?

— Да, студентъ. А вы?

— А мы здѣсь, на Дворянской, въ магазинѣ работаемъ. Намъ къ Тучкову мосту надо идти, только что вечеръ очень прелестный, вотъ и захотѣлось воздухомъ подышать. Давайте въ горѣлки играть, предложила она.

— Лиза, ты съума сошла! оставила ее подруга.

— Что-жъ такое? Я двадцать лѣтъ знаю, что я Лиза. Они простые, ну и я съ ними по просту.

— Да какъ-же мы будемъ играть? спросилъ я. Предложеніе мнѣ положительно понравилось. — Насъ всего четверо. Вонъ тѣхъ-бы трехъ пригласить.

Я кивнулъ головой на трехъ дѣвусекъ, ходившихъ взадъ и впередъ по алейкѣ и видимо скучавшихъ.

— Что-жъ такое? Я приглашу, согласилась бойкая Лиза и подлетѣла къ гуляющимъ.

— Лиза! опять оставила ее солидная сосѣдка, но было уже поздно: дѣвушки вмѣстѣ съ Лизой подходили къ намъ.

Горѣлки устроились на славу; мы шумѣли, хохотали и развеселили даже угрюмую Пашеньку, какъ называла свою подругу Лиза. Наконецъ, поднявшійся пискъ и визгъ привлечь къ намъ вниманіе блюстителя порядка, очень деликатно напомнившего намъ, что „бѣгать здѣсь не дозволяется“. Мы притихли, но уже не разставались болѣе и чинно гуляли вмѣстѣ, куря папирсы и погрызвая орѣшки. Барышни мои были не изъ церемонныхъ и, проведя весело время, взяли съ меня слово приходить въ паркъ каждый вечеръ.

Вѣрный данному слову, я и на другой, и на третій день снова и снова являлся въ паркѣ. Безъ труда находилъ я моихъ барышень; онѣ еще издали узнавали меня и привѣтливо махали мнѣ платками и зонтиками. Подойдя къ лотку и набивъ карманы орѣхами, я направился къ моимъ новымъ пріятельницамъ. Мы сѣли на скамеечку и, щелкая орѣшки, принимались разбирать проходившую мимо публику. Язычки у барышень были такъ-же остры, какъ зубки; это забавляло меня и я нарочно хвалилъ проходившихъ женщинъ, чтобы дать имъ возможность позлословить. Онѣ болтали безъ умолку, торопясь и перебивая другъ друга. Даже серьезная Пашенька сбрасывала съ себя непрístupный видъ и щебетала, какъ дома.

Въ одинъ изъ такихъ вечеровъ, поджидая веселую, но уже начинавшую мнѣ надоѣдать своею пошловатостью компанію моихъ новыхъ знакомыхъ, я, лежа съ книгою на травѣ, случайно подслушалъ разговоръ двухъ молоденькихъ женщинъ, сѣдѣвшихъ на скамѣ и очевидно незамѣтившихъ меня.

Одной изъ нихъ было на видъ лѣтъ двадцать пять, другая казалась моложе. Старшая была бѣлокура, тонка, съ тонкими, прямыми чертами блѣднаго, миниатюрнаго лица и сѣрыми, задумчивыми глазами. Младшая походила на нее, но лицо ея было свѣжѣе, ростъ меньше и глаза почти черные. Нарядъ ихъ былъ изысканъ и довольно рѣзко отличался отъ костюмовъ остальной публики, гулявшей въ паркѣ.

— Удивляюсь, говорила старшая, — какъ это татап рѣшается принимать ее; какъ она не болтается, что тебѣ можетъ быть вредно такое общество?

Младшая презрительно вздернула губку.

— Матап слишкомъ хорошо знаетъ меня, чтобы предполагать, что Ольга можетъ имѣть на меня вліяніе; я терпѣть не могу такихъ женщинъ, какъ она, и скорѣе умру, чѣмъ пойду по ея дорогѣ. Матап слѣпа къ ней и не видитъ грязи за притворной искренностью.

— Матап очень добра, снова заговорила старшая. — Ольга наговорила ей ужасовъ о своемъ мужѣ, рассказывала, какъ онъ билъ, тиранилъ ее, и татап оправдываетъ совершенно, что она его бросила. Я согласна съ тѣмъ, что это можно оправдать, но интересно знать, чѣмъ объясняетъ себѣ татап ея новую связь?

Я началъ прислушиваться внимательнѣе; отвѣтъ интересовалъ

меня и подслушать тайну людей, съ которыми меня, конечно, никогда не столкнеть судьба, не казалось мнѣ ни нескромнымъ, ни безнравственнымъ.

— Чѣмъ объясняетъ! сердито повторила младшая слова сестры. — Конечно, натурой, какъ и всё это объясняютъ. Смѣшно, право! Если-бъ ко всѣмъ были такъ снисходительны, какъ къ Ольгѣ Павловнѣ, у насъ не было-бы потерянныхъ женщинъ. Нѣтъ, я не могу такъ милостиво относиться къ поступкамъ Ольги, не могу помириться съ мыслью, что она наша родственница. Ты еще мало знаешь ее, Софи, оттого и относишься къ ней мягче меня. Ты, конечно, думаешь, что Причетовъ—ея первая связь? Ошибаешься, милочка, это уже третій.

Я вздрогнулъ: Причетовъ былъ мнѣ знакомъ, стало-быть слушать продолженіе разговора было уже нескромностью; но уйти отъ него у меня почему-то не хватило силъ и я остался на мѣстѣ.

Засмѣявшись ужасу, выразившемуся на лицѣ сестры при извѣстїи, что „Причетовъ—уже третій“, барышня продолжала съ виднымъ удовольствіемъ:

— А какая она кокетка, если-бъ ты знала! На нее противно смотрѣть, когда она въ кругу мужчинъ: ломается, кривляется, фразируетъ и позируетъ; видишь, я даже стихами заговорила въ скобкахъ вставила она и весело засмѣялась, точно ей доставляло удовольствіе кидать грязью въ другого, враждебнаго; ей человекъ. — Замѣчательно, какъ она умѣетъ влюбить въ себя вѣчно кто-нибудь да вяжется за ней.

— Вяжется! Что за выраженіе, Нина!

— Вульгарно, сознаюсь; но къ Ольгѣ идетъ: она сама очень вульгарна.

— Ну ужъ это ты клеветешь, моя милая! У Ольги хорошенкїя, очень женственныя, мягкія манеры: вообще наружно она очень мила и я понимаю, что въ нее можно влюбиться, смѣясь, поддразнивала сестру Софи.

— Не знаю, право, что въ ней милого; такъ-себѣ, вертлява, жива, довольно свѣжа, но и только.

— *Beauté de diable.*—самая опасная красота.

— Не забудь пожалуйста, что она румянится; это всё говорятъ. Хороша *beauté de diable!*

— Это вздоръ, оборвала ее Софи. — Она не разъ при мнѣ умывалась. Я не говорю, что она красива; напротивъ, скорѣй некрасива; но это „je ne sais quoi“ французскихъ героинь въ ней развито въ полной силѣ. Потому, она не глупа, довольно находчива и очень любезна, — этого не отнимешь.

— То-есть вкрадчива, лукава, какъ кошка; о, да, это въ ней есть.

— Причетовъ-то любить ее?

— Еще какъ! Онъ на всѣхъ смотритъ ея глазами, мѣритъ достоинства людей по ихъ отношеніямъ къ ней. Противная! терпѣть ее не могу! горячо закончила Нина.

— Не могу не сказать одного слова за Ольгу, задумчиво говорила Софи. — Это то, что она изумительно добра. А-ахъ, какъ добра! Я не встрѣчала еще такой доброй души. Въ ней это — наследіе дяди.

— Вольно-жъ называть добротой безтолковую распущенность!

— Скажи откровенно, Нина — (Софи повернула къ ней лицо и пристально на нее уставилась): — ты не имѣешь личностей противъ Ольги? Ужь не отбила-ли она у тебя какого-нибудь избраннаго вздыхателя?

— Глупыя шутки, Софи!

— Чѣмъ-же глупыя? Это возможно: она очень увлекательна.

— Послушай, тихо заговорила Нина, обернувшись всѣмъ корпусомъ къ собесѣдницѣ, и глазки ея сердито свергнули, — ты, кажется, сердись меня? Если это тебѣ такъ пріятно, то я предпочитаю идти домой.

Она быстро встала; Софи удержала ее.

— Ну, ну, не злись. не буду; домой не пушу, мужъ взялъ слово, что я приведу тебя къ намъ. Давай говорить о другомъ. Скажи мнѣ только, что ея Вася? Хорошій мальчикъ?

— Ничего себѣ. Избалованъ очень. Она его на спартанскій ладъ воспитываетъ, чуть не босикомъ по морозу пускаетъ; за то и худъ, какъ щепка, въ чемъ душа держится.

Разговоръ перешелъ на другую барыню, которая воспитываетъ своихъ дѣтей на англійскій ладъ, и Боже, что это за чудныя дѣти! Выдержанныя, тактичныя, любезныя, милыя! Какъ одѣвается — прелесть! Плочки, оборки, вышивки, бархатъ и голыя ножки въ высокихъ сапожкахъ. Прелесть! Какая это чудная мать!

Голосокъ барышни принялъ плѣнительную пѣвучесть и восторженность. Я предположилъ, что и изъ нея должна современемъ получиться чудная мать, обувающая дѣтей въ высокіе сапожки на голыя ножки, и поднялся съ мѣста, чтобы удалиться отъ нихъ. Интересовавшій меня разговоръ пресѣлся и не было надежды на его возобновленіе.

Я встрѣтилъ своихъ модистокъ, забросавшихъ меня разными вопросами, на которые, признаюсь, я отвѣчалъ неохотно. Онѣ меня уже не занимали. Мое праздное воображеніе живо заинтересовалось этой грѣшницей, надъ которой молодая, родная душа произнесла свой беспощадный судъ, ставя ее въ разрядъ потерянныхъ женщинъ. Другая, повидимому, относилась къ ней лучше, хотя очень слабо защищала ее.

„Развитая, добрая, умная“ — слышались мнѣ отзывы старшей сестры. Да развѣ такая можетъ быть, потерянной женщиной? Вздоръ! Злость, зависть, можетъ быть даже ревность вырыли ей яму и, окунувъ ее туда съ головой, забросали ее грязью.

Мнѣ было искренно жаль ея. Мужъ билъ, тиранилъ, она ушла отъ него съ ребенкомъ, беспомощная, оттолкнутая родными, молодая, съ кипучей кровью, бросившей ее въ объятія свободной любви; эта любовь не дала ей того, чего она искала, а одной трудно прожить, разъ перешагнувъ преграду супружескаго долга, такъ многихъ удерживающаго отъ увлеченій. Опять полюбила и, беззавѣтно страстная, опять отдалась; развѣ ложится позоромъ отсутствіе расчетливости? Легко судить другого, не посидѣвъ въ его шкурѣ.

Я-бы дорого далъ за возможность встрѣтиться съ такой женщиной, узнать ее ближе, заслужить ея полное довѣріе, даже полюбить ее и вызвать въ ней отвѣтное чувство. Мысль о ней пронеслась въ головѣ моей сквозь отрывочныя слова, которыя я говорилъ своимъ модисткамъ. Я не думалъ, чтобъ она была счастлива съ Причетовымъ; онъ былъ бесспорно хорошимъ, но тяжелымъ и скучнымъ человекомъ; свѣжее, незнакомое съ горемъ сердце могло помириться съ его строгой, сухой серьезностью, въ виду идеальной честности и чистоты его натуры, но сердце оскорбленное, израненное, конечно, нуждается въ мягкой ласкѣ, въ женственной, материнской нѣжности. Вѣдь у нея нѣтъ ни подругъ, ни сестры, ни матери! Меня неудержимо тянуло къ ней.

въ этой бѣдной невольной грѣшницѣ, въ этой „доброй душѣ“ — какъ выразилась о ней Соня.

Я скоро ушелъ изъ парка, ссылаясь на головную боль. Дома я долго не могъ заснуть: Ольга не выходила у меня изъ головы. Тревожно ворочался я на моей жесткой постелѣ и заснулъ только утромъ, когда солнце взошло уже высоко.

Проснулся я поздно и, странно, все съ тою-же неотвязною мыслью. Быстро одѣвшись, я отправился къ однимъ знакомымъ, гдѣ часто встрѣчалъ Причетова; мнѣ хотѣлось сойтись съ нимъ поближе и черезъ него познакомиться съ ней.

Судьба съ перваго раза отказалась помогать мнѣ: Причетова не было въ городѣ и Серпуховы (фамилія моихъ знакомыхъ) не знали даже, когда онъ вернется: его вызвали къ больному, въ одну знакомую помѣщичью семью за нѣскольکو верстъ отъ Петербурга. Ольга оставалась одна и — да простить мнѣ тѣнь прародителя! — желаніе познакомиться съ нею заговорило еще сильнѣе.

— Какъ-же это онъ рѣшается оставлять свою барыню? хватилъ я наудачу, смотря на Серпухова съ тревожнымъ ожиданіемъ, — вѣдь за ней, говорятъ, нужны глаза и глаза?

Серпуховъ укоризненно покачалъ головой.

— И до васъ дошли эти слухи? Бѣдная женщина! Чѣмъ могла она такъ уронить себя, что отовсюду ей летать укоры? Не понимаю. По-моему, она положительно хорошая женщина; мы съ женой знаемъ ее давно и очень любимъ. Къ Причетову она такъ привязана, что ему было-бы грѣхъ ей не вѣрять; да и не таковъ онъ, чтобы сталъ стѣснять свободу ея чувства. Не вѣрьте вы ничему дурному, что говорятъ о ней: у нея много недоброжелателей, но знаютъ-ли ее тѣ, кто злословить, — это вопросъ. Правда, у нея были двѣ недостойныхъ связи, но она жестоко поплатилась за нихъ: ее опозорили въ глазахъ знакомыхъ, оторвали отъ семьи, сдѣлали басней кружка. А сколько горя, бѣды, нищеты она вынесла, бѣдная! Вѣдь родные бѣгутъ отъ нея, какъ отъ зачумленной; она совсѣмъ одинокая, всѣмъ, кромѣ Причетова, чужая.

— Да, я это знаю; надняхъ мнѣ случилось быть свидѣтелемъ разговора ея родственницъ.

И я слово въ слово передалъ ему разговоръ, подслушанный въ паркѣ.

— Дрянъ онѣ, дрянъ! горячо обругался Серпуховъ. — Не видать ничего дальше носа и берутся судить другихъ, сами подлежа осужденію. Развѣ сдѣлаютъ онѣ для ближняго то, что Томашевская дѣлаетъ? Если онѣ и дадутъ бѣдняку, то дадутъ отъ избытка; она-же послѣднимъ дѣлилась. Вѣдь онѣ готовы ругать ее за то, что она не умѣетъ одѣться по модѣ, не спросивъ, есть ли во что одѣться-то; онѣ называютъ эксцентричностью то, что она не подаетъ руки подлцу и назоветъ ласковымъ словомъ челоуѣка симпатичнаго ей. Ну, и вѣрите послѣ этого ихъ приговору.

— А кокетка она?

— Богъ ее знаетъ! Можетъ, и кокетка; я не замѣтилъ. Знаю только, что это изумительно-добрая и открытая душа.

Опять эта „изумительно-добрая“ душа! Мнѣ стало даже досадно и я хотѣлъ спросить, чѣмъ выражается эта „изумительная“ доброта, когда въ кабинетъ вошла жена Серпухова, молодая, живая и симпатичная барыня.

— Катя, обратился къ ней Серпуховъ, — скажи ему, какого ты мнѣнія объ Ольгѣ Павловнѣ?

— Объ Олечкѣ?

Она привѣтливо протянула мнѣ руку и спросила:

— А вы, небойсь, тоже браните ее? При мнѣ не смѣйте: я въ нее влюблена по уши.

Она обратилась къ мужу и заговорила съ нимъ о дѣтяхъ. Послѣ разговоръ перешелъ на другіе предметы и о Томашевской не было произнесено ни слова болѣе.

Но мнѣ было достаточно знать, что она подруга Серпуховой и что сближеніе съ ними непременно столкнетъ меня съ нею. Давъ имъ и себѣ слово бывать чаще, я откланялся и вернулся домой.

Слова Серпухова объ Ольгѣ не очень меня обрадовали: они налагали на меня цѣпь ограниченій. Чего я хотѣлъ, я самъ не могъ дать себѣ отчета; обругай онъ ее, я, вѣроятно, былъ-бы огорченъ еще болѣе.

Мнѣ было тогда двадцать два года и жажда любви охватила все существо мое, — любви горячей, волнующей, неиспытанной. Сердце жадно рвалось на-встрѣчу къ этой незнакомой женщинѣ, которую такъ неумолимо-строго карали и судьба, и люди; и за что-

же? За то, что она не умѣла выбрать средину, жить по предписаннымъ свѣтомъ условіямъ, не умѣла любить вполонину.

Но не странно ли: рядомъ съ желаніемъ найти въ ней человѣка неспорченнаго нравственно внутри меня поднималось что-то темное, грѣшное, что волновало мою кровь, кружило голову и глухо жалѣло о томъ, что Ольга не изъ тѣхъ, къ которымъ легко подойти, что она любить и вѣрна любимому человѣку. Во мнѣ клочкотала жажда бурь, порывовъ, увлеченія, а кругомъ не было никого, кто-бы могъ утолить эту жажду; ухаживаніе за глупенькими, довѣрчивыми швейками, гдѣ пошлость становится ковечною цѣлью, — было мнѣ всегда противно. Выросшій на рукахъ доброй, честной и нравственной матери, я съ дѣтскихъ лѣтъ научился уважать человѣка въ женщинѣ; на падшихъ женщинъ я смотрѣлъ, какъ на больныхъ нравственно, жалѣлъ ихъ, но никогда не рѣшался подходить къ нимъ близко. Свѣтскія барышни пугали меня добродѣтельной чопорностью, замужня женщины — миромъ домашняго очага. И вдругъ встрѣчается мнѣ женщина, свободная отъ брачныхъ узъ, отъ которой даже враги не могутъ отнять прекрасныхъ сторонъ и слабой стороны которой друзья не могутъ покрыть. Не значить-ли это, что добро и зло рѣзко, отчетливо въ ней выдѣляются, что она не изъ тѣста, не изъ дерева, не изъ рядовыхъ, дюжинныхъ барынь? Она не выходила у меня изъ головы весь этотъ день; насталъ другой — и я уже не могъ думать рѣшительно ни о чемъ, кромѣ нея.

Такъ прошло около недѣли послѣ моего визита къ Серпуховымъ. Въ эту недѣлю я много спалъ и пилъ и, наконецъ, доспался до такой страшной головной боли, что рѣшился покончить съ той „дурью“, которая довела меня до такого безобразія. Я съ трудомъ всталъ съ постели и смочилъ виски холодной водой; голова у меня кружилась, какъ у пьянаго, передъ глазами разстилалась темная сѣть. Я съ самыхъ юныхъ дней былъ подверженъ приливамъ крови къ головѣ и мать часто говорила, что боится, какъ бы я не сошелъ съума. Дѣдъ мой по отцу и дядя, родной братъ отца, умерли въ съумасшедшемъ домѣ. Привыкнувши со страхомъ смотрѣть на свои головныя боли, я весь день провозился съ компрессами, а вечеромъ, когда солнце сѣло, отправился гулять. Не имѣя ни малѣйшаго желанія встрѣтиться съ юными швейками, я зашелъ въ глушь, въ самый конецъ парка,

лего подѣ дерево и раскрылъ „Флорентинскія ночи“, Гейне. Моя головная боль почти прошла, оставивъ послѣ себя какое-то странное, хаотическое ощущеніе, нашедшее себѣ гармоническій отголосокъ въ бурныхъ, огневыхъ потокахъ страстныхъ, безформенныхъ грезъ великаго писателя. У меня въ ухахъ звенѣлъ трехугольникъ Тюрлютютю, трещали барабаны супруги знаменитаго вантрилога, въ глазахъ сверкали искры палящихъ глазъ красавицы Лорансъ. Я понялъ ея танецъ, я его почувствовалъ: невольное упоеніе, роковое и неотразимое, какъ сама судьба, жило теперь и во мнѣ, трепетало въ каждомъ біеніи сердца, куда-то, къ чему-то неудержимо рвущагося. Я чувствовалъ, что если мозгу моему суждено измѣниться въ силу наслѣдственности, то онъ дѣлаетъ теперь первый шагъ къ этому измѣненію, что онъ уже отказывается отъ самосознанія—первый признакъ идиотизма; что что-то шумитъ въ головѣ, копошится, кружится, переполняетъ, давитъ, заливаешь мозгъ. Я читалъ, читалъ и упивался, переживалъ каждое палящее слово, каждую пламенную страницу. Я мчался за Лорансъ въ изступленномъ нафосѣ дьявольской пляски, задышался отъ звуковъ смычка. Паганини, вѣрилъ, что звуки эти могутъ сорвать семь печатей той урны, гдѣ заключены духи и демоны, такъ-какъ во мнѣ самомъ все напрягалось и билось, стремясь вырваться на волю или дикимъ крикомъ, или адскимъ, съумасшедшимъ хототомъ, надъ чѣмъ, отчего? — не пьяному мозгу рѣшать это!

Звонкій хохоть перенесъ меня въ міръ дѣйствительности и я съ досадой швырнулъ книгу, одурившую, закружившую мою слабую, бѣдную голову.

Хотали дѣти, да вѣдь какъ хотали: звонко, откровенно, весело. Этотъ хохоть прозвучалъ въ ухахъ моихъ какъ звучать мелодичные хоры за сценой послѣ трубъ и литавръ, рѣжущихъ уши слушателей. Чѣмъ-то мягкимъ, свѣжимъ, успокоительнымъ повѣяло на меня этотъ звучный, открытый хохоть.

Что во мнѣ происходило тогда, я до сихъ поръ не могу дать себѣ отчета. Я жилъ двойною жизнью и жизни эти были диаметрально противоположны: чистый, почти нежившій ребенокъ, какимъ былъ тогда я, обращался въ сына тьмы и хаоса, со всѣми страстями и зломъ ихъ представителя. Въ минуты отрезвленія я ужасался себя; я готовъ былъ отдать себя на изслѣдованіе психі-

атра, я боялся буйнаго похѣшательства, доведшаго до самоубійства моего дядю и отдавшаго дѣла въ руки сторожей-палачей. связывавшихъ его и наслаждавшихся его безсильнымъ бѣшенствомъ. О, страшная перспектива, особенно если останется хотя проблескъ сознанія!

Я вздрогнулъ и поднялъ голову, надѣясь развлечься видомъ дѣтскихъ игръ и мысленно давая себѣ слово никогда больше не брать въ руки Гейне. Передо мною скакала, бѣгала, шумѣла цѣлая толпа дѣтей, мальчиковъ и дѣвочекъ, отъ семи до двѣнадцати лѣтъ влючительно; просто и свободно одѣтыя, они лазили на деревья не хуже любыхъ обезьянъ. Двѣ дѣвочки постарше полулежали на травѣ подъ деревомъ и внимательно слушали разсказъ сидѣвшей съ ними дамы, гувернантки, сестры, или даже матери, я не могъ опредѣлить этого, такъ-какъ она сидѣла ко мнѣ спиной и лица ея не было видно. Молода, стара, хороша, дурна, — не все-ли равно было мнѣ, отдавшему свое средневѣковое сердце призраку! Тѣмъ не менѣе, тонкая талія и пепельные, вьющіеся кудри незнакомки пріятно бросились мнѣ въ глаза.

Дѣти очень понравились мнѣ: они были какъ дома, какъ въ своемъ саду. Полулежа, опершись на локоть, я принялся наблюдать за ними и чувствовалъ, какъ буря утихала въ душѣ моей, тучи разсѣвались, открывая ясную лазурь, веселую спутницу свѣта.

Прошло минутъ двадцать. Барыня, до сихъ поръ спокойно сидѣвшая, вдругъ безпокойно зашевелилась и, вставъ на колѣни, начала что-то внимательно искать въ травѣ. Она очень граціозно склоняла и отгибала станъ, но ни разу не повернула головы въ мою сторону.

— Вася! крикнула она.

Мальчуганъ въ нанковой курткѣ подбѣжалъ къ ней, подтягивая штанишки, красный, запыхавшійся, мокрый отъ пота. Выслушавъ безъ возраженія то, что она ему сказала, онъ такъ-же скоро подбѣжалъ ко мнѣ.

— Господинъ! Мама потеряла спички и спрашиваетъ, не дадите-ли вы ей нѣсколько штукъ?

Я поспѣшно вынулъ спичечницу и подаль ея мальчику. Онъ былъ такъ-же бѣловуръ и тонокъ, какъ мать, и имѣлъ на видъ

лѣтъ десять. Я предположилъ, что барыня должна быть привлекательна только съ затылка, имѣя такого взрослого сына, и рѣшительно подошелъ къ ней.

— Позвольте, сударыня, взаимно спички попросить у васъ папиросу... началъ я и остановился: на меня смотрѣло молодое, живое лицо съ яркимъ румянцемъ, большими сѣрыми глазами и смѣющимися, краснымъ ротикомъ. Это было лицо двадцати-лѣтней дѣвушки, а между тѣмъ десяти-лѣтній ребенокъ называетъ ее мамой.

„Не мачиха-ли?“ подумалось мнѣ, но думать было некогда: маленькая рука уже протягивала мнѣ папиросу. Я взялъ ее и сѣлъ рядомъ съ барыней.

Ее, повидимому, ни чуть не удивила такая смѣлость.

— Я все любовался на вашихъ ребятешекъ, началъ я, желая завязать разговоръ и чувствуя, что молча сидѣть неловко. — Вы, должно быть, не приучили ихъ стѣсняться: они здѣсь какъ дома.

Она усмѣхнулась и около глазъ ея быстро собрались морщинки и такъ-же быстро разгладились.

— Я очень дурная воспитательница, созналась она; — такъ, по крайней мѣрѣ, всѣ говорятъ. Но я всѣмъ сердцемъ люблю дѣтей и очень боюсь сдѣлать имъ что-нибудь непріятное. Говорятъ, что этимъ самымъ я порчу ихъ, приучаю къ эгоизму; можетъ быть, но я никогда не умѣю дѣлать иначе.

Она взглянула на меня какъ-то дѣтски кротко и беспомощно, какъ-будто просила извиненія въ томъ, что „никакъ не умѣетъ дѣлать иначе“.

— И потомъ, знаете-ли... въ жизни, право, и безъ того такъ много горя; оно придетъ непременно, отъ него никуда не спрячешься; пусть-же хоть дѣтство-то вспомнить добромъ.

Она говорила тихо, задумчиво, какъ-будто думала вслухъ и говорила не мнѣ и не для меня.

— Но вы забыли, что послѣ радости горе сильнѣе покажется.

— А развѣ къ горю можно привыкнуть? По-моему, нѣтъ. Оно можетъ утомить, измучить до оупѣнія, но примирить съ собой — никогда! Впрочемъ, это мое личное мнѣніе, вынесенное изъ личного опыта; я, конечно, могу ошибаться.

Слова „личное мнѣніе“, „личный опытъ“ были рѣзко подчеркнуты и вся фраза сказалась крайне осторожно и неувѣренно; видно было, что она не полагалась на непреложность своихъ выводовъ.

— Вы студентъ? спросила она, тряхнувъ кудрями и посмотрѣвъ мнѣ въ глаза просвѣтлѣвшимъ, привѣтливымъ взглядомъ.

— Да, студентъ.

— Я очень люблю студентовъ, продолжала она все тѣмъ-же откровеннымъ тономъ;—это тоже ребята, безшабашные, готовые на все. Послѣ, по выпускѣ, они измѣняются, вносятъ въ свой лексиконъ проклятыя Богомъ слова: карьера и нажива. А пока сидятъ на школьной скамьѣ, — это прелесть, чудо! Воображаю, какъ вы рады веснѣ, продолжала она, видя, что я молчу и не собираюсь говорить. — Какъ, я думаю, дышется-то легко послѣ духоты аудиторій и препаровочной. Вы на которомъ курсѣ?

— На второмъ.

— У васъ уже кончены экзамены?

— Да.

Мнѣ не хотѣлось говорить самому; хотѣлось слушать и слушать ее. Не потому, чтобы то, что она говорила, было такъ умно и интересно, а потому, что голосъ у нея былъ необыкновенно обаятеленъ: въ немъ сопранныя нотки чередовались съ контральтовыми, такъ-что слышался какъ-бы двойной голосъ. Я въ первый разъ слышалъ такой тембръ и онъ ласкалъ мое ухо своей гармоничной двойственностью. Поймавъ мой пристальный взглядъ, барыня слегка отвернулась, но я видѣлъ, какъ край щеки ея покрылся румянцемъ и уголь рта задрожалъ отъ сдержаннаго смѣха. Мнѣ стало неловко; я чувствовалъ, что надо-же, наконецъ, и мнѣ заговорить о чемъ-нибудь.

— Почему вы узнали, что я медицинскій студентъ? спросилъ я, вовсе не интересуясь тѣмъ, почему она это узнала.

— Почему узнала? переспросила она и бѣгло усмѣхнулась. — Да... какъ вамъ сказать?.. Право, не знаю... такъ, чутьемъ должно быть. Вы всѣ студенты, по внѣшности, какъ-то ходите другъ на друга: небрежный костюмъ, длинные волосы, очки, книга въ рукахъ. Ну, а что медикъ, такъ это не трудно сообразить: что можетъ занести сюда университетскаго или технолога?

Она сидѣла, повернувъ ко мнѣ свое розовое, залитое весе-

лостью лицо. Что-то неуловимое, полудѣтское было на немъ. Вглядываясь пристально, можно было подмѣтить подъ глазами двѣ-три морщинки—слѣды подступающей старости; но глаза эти такъ часто жмурились и щурились, что морщинки могли складываться искусственно. Лобъ гладкій, блестящій, глаза прекрасные, бѣсовскіе глаза: такіе измѣнчивые и юркіе, что не рѣшишь, какое выраженіе въ нихъ преобладаетъ. Ротъ небольшой, съ задорной, поддразнивающей усмѣшкой; черты неправильныя; вся суть въ яркости красокъ и въ массѣ страстной жизни, сверкающей и въ глазахъ, и въ вспыхивающемъ румянцѣ, и въ поднимающихся черныхъ бровяхъ.

— Что это вы читаете?

Она прищурила глаза и близко наклонилась ко мнѣ, стараясь прочесть заглавіе книги; прочла — и сдѣлалась вдругъ необычайно серьезна; глаза засвѣтились глубокимъ, вдумчивымъ свѣтомъ.

— А, Гейне! Какъ я люблю его! Этотъ бредъ флорентійскихъ ночей—продуктъ наболѣвшаго до отчаянья сердца; этотъ смѣхъ сквозь слезы больнѣе слезъ: въ его каскадѣ слышатся рыданія, брызжетъ кровь. И какая широкая, всеобъемлющая любовь могучаго, страднаго сердца, какое тонкое пониманіе чужого страданія! Да, я очень люблю Гейне; онъ такъ часто утѣшалъ и развлекалъ меня въ часы горькаго одиночества.

Замолчала, но лицо продолжало говорить и приковало къ себѣ мой взглядъ; какъ оно измѣнилось! Каждая черта, каждая складка лица озарилась печалью и думой, оторвавшейся отъ настоящаго, утонувшей въ прошедшемъ; ужь, конечно, это прошедшее было не весело, иначе откуда было придти на смѣну лучезарному смѣху этой скорбной, болѣзненной улыбки? Отчего со щекъ такъ быстро сбѣжалъ румянецъ, отчего голова опустилась такъ низко?

Да, отчего? А отчего въ мое сердце закралась такая глубокая жалость къ чужой, почти незнакомой мнѣ женщинѣ? Я не сводилъ съ нея глазъ и все ближе, милѣй, симпатичнѣй она становилась мнѣ, какъ-будто я зналъ ее много-много времени.

Она быстро подняла голову и, прямо, открыто взглянувъ мнѣ въ глаза, поймала мой пристальный взглядъ. Я вздрогнулъ отъ изумленія: за минуту грустные и мечтательные, глаза ея вдругъ превратились въ брызги огня и смѣха.

— А все-таки вы напрасно читаете Гейне, лукаво усмѣхнулась она. — Онъ вреденъ вамъ: вы очень впечатлительны.

Я понялъ, что она угадала мои мысли, и не нашелся, что отвѣчать ей. Она казалась мнѣ живой загадкой, живымъ сфинксомъ: въ ней бросалась въ глаза смѣсь серьезности съ насмѣшливостью, шаловливой веселости ребенка съ слѣдами пережитаго горя, всплывающими отъ времени до времени въ выраженіи усталости, близкой къ апатіи, въ скорбномъ сжатіи губъ, въ потухающемъ, мгновенно старѣющемъ взглядѣ. Въ живой, слегка отрывистой рѣчи подчасъ, какъ-бы невольно, прокрадывались горькія нотки и она тотчасъ-же силилась сгладить ихъ впечатлѣніе или звонкимъ хохотомъ, или мѣткой остротой. „Она гордая женщина“, заключилъ я.

Солнце уже садилось; она кивнула дѣтей и встала, чтобы идти домой.

— До свиданья, ласково обратилась она ко мнѣ и подала руку. — Мы сюда очень часто приходимъ, авось и съ вами еще когда-нибудь встрѣтимся. Я-бы желала.

Это было сказано такъ добродушно и просто, что самый избалованный фатъ не посмѣлъ-бы усмотрѣть въ этомъ назначенія свиданія. Я долго смотрѣлъ ей вслѣдъ; роста она была немного меньше средняго, стройна, легка и подвижна. Походка ея походила на походку всѣхъ нервныхъ женщинъ, въ томъ числѣ и на походку моей сестры: она вся какъ-то вздрагивала, когда шла, точно ей колело ноги. Фигура ея, мягко округленная, эластичная, граціозная, пріятно ласкала глазъ. Долго еще послѣ того, какъ она скрылась изъ вида, мнѣ слышался ея голосъ, вспоминался измѣнчивый взглядъ, видѣлись мягкія, граціозныя движенія.

Домой я не пошелъ. Ночь была теплая, тихая; я дошелъ до Сампсоньевскаго моста и крикнулъ лодочника, велѣвъ ему везти меня куда глаза глядятъ.

Тихіе всплески воды погрузили меня въ полудремотное, полумечтательное состояніе. Лодка тихо подвигалась, оставляя за собою конусъ мелкой ряби, постепенно сглаживающейся въ отдаленіи. Давно уже не чувствовалъ я въ душѣ такой тишины и покоя. навѣянныхъ глубокимъ, таинственнымъ шепотомъ природы. На меня эти бѣлыя майскія ночи производили всегда неотразимое впечатлѣніе, но никогда онѣ до такой степени, какъ въ

этотъ разъ не подчиняли меня себѣ. Я готовъ былъ всю ночь просидѣть въ этой едва скользящей лодкѣ, прислушиваться къ плеску струй, смотрѣть, какъ съ неба сбѣгали сумрачныя тѣни, ждать момента, когда румянецъ покроетъ блѣдный востокъ. Въ моей убаюканной душѣ, смутно, какъ блѣдные призраки, вставали образы полузабытыхъ, когда-то близкихъ людей, вставая—проходили мимо, проходя—не оставляли слѣда.

Но отчего такъ упорно и долго воображеніе задержало явившійся въ немъ симпатичный обликъ моей новой знакомой? Конечно, то была неотразимая сила новизны впечатлѣнія. Рядомъ съ ней мнѣ почему-то вспомнилась Томашевская и я невольно началъ примѣнять къ моей барынѣ все, что слышалъ отъ Серпуховыхъ о Томашевской; безконечная доброта чувствовалась въ ея словахъ и улыбкѣ; прямой, свѣтлый взглядъ сулилъ покой и радость тому, на кого обращался, но жгучія искры, подчасъ сверкавшія въ этихъ большихъ, открытыхъ глазахъ, возбуждали сомнѣніе, страхъ передъ задернутой завѣсой будущаго. Я былъ въ состояніи, недопуская строгая анализа; моя новая знакомая минутами казалась мнѣ злою кокеткой, когда я припоминалъ ея задорный смѣхъ, ея бойкую рѣчь, ея умѣнье сразу встать на короткую ногу; но рядомъ съ этимъ, какъ-бы опровергала меня, большіе, открытые глаза бросали на меня свой серьезный, смѣлый и добрый взглядъ, губы улыбались мнѣ такъ привѣтливо и ласково, что я стыдился того, что смѣлъ заподозрить въ кокетствѣ ея, простую, добрую, милую. Въ такія минуты она казалась мнѣ табой, какъ я привыкъ рисовать въ мечтахъ моихъ женщину, съ которой не страшно соединить жизнь; она внесетъ свѣтъ въ тюрьму, думалъ я,— ея смѣхъ прозвучитъ тамъ, какъ вѣстникъ свободы.

Меня вдругъ, мгновенно охватилъ приливъ жгучей тоски; мнѣ нестерпимо хотѣлось еще разъ увидать эту милую, свѣтлоокую женщину, хотѣлось поговорить съ ней, не такъ, какъ я говорилъ въ паркѣ, робѣя и смущаясь, а какъ съ давно знакомой, какъ съ родной, какъ съ другомъ. Я почувствовалъ, что при дальнѣйшемъ сближеніи съ ней могу безумно полюбить ее, и все-таки жадно желалъ этого сближенія, готовъ былъ на все, чтобы еще разъ встрѣтить ее.

Думы мои прервало стройное пѣніе: баритонъ дружно сливался

съ soprano. Пѣли русскую пѣсню, гдѣ говорилось о тоскѣ-змѣѣ, о разлукѣ, объ одиночествѣ. Какъ ножемъ полоснула меня эта пѣсня: ея заунывно-тоскливые звуки раздражающимъ эхомъ отразились въ душѣ моей.

Яликъ, изъ котораго слышалось пѣвiе, поравнялся со мной; я вздрогнулъ: въ немъ сидѣлъ Причетовъ и возлѣ него бѣлокурая, тоненькая женщина; лица ея я не могъ разсмотрѣть, — она сидѣла ко мнѣ спиной, — но эти свѣтлые кудри, этотъ тонкій станъ живо напомнили мнѣ мою новую знакомую. Я хотѣлъ окликнуть Причетова, но вмѣсто его имени изъ моего горла вырвался какой-то хриплый, неясный звукъ. Яликъ ихъ, плывя по теченiю, быстро скрылся изъ вида.

Пѣсня замолегла, затерялась вдали, но не замолегла усилившаяся подъ ея звуки тоска моя. Горло сдавили тиски, въ глазамъ подступили слезы и я едва могъ проговорить лодочнику, чтобы онъ везъ меня обратно. Машинально расплатился я съ лодочникомъ, шатаясь вышелъ изъ лодки, шатаясь вошелъ въ „Грачевку“ и тамъ уже все забылъ, — забылъ даже ее, мою бѣлокурую барыню, которой имени я не зналъ и въ которую по первому впечатлѣнiю влюбился, какъ нездорѣлый мальчишка.

Проснулся я на другой день съ ломомъ во всемъ тѣлѣ, съ тяжелой, больной головой и съ удивленiемъ оглядѣлся кругомъ: я лежалъ въ своей комнатѣ, подлѣ меня сидѣлъ мой товарищъ Кудравцевъ и мѣнялъ мнѣ холодные компрессы.

— Экъ нализался-то, укориженно сказалъ онъ; — съ чего это ты? Одинъ, безъ компанiи, какъ горькiй пьяница.

— Да ни съ чего, такъ, здорово живешь. Захандрилось, ну и развлекся. Какъ я домой-то попалъ, скажи на милость?

— Что-жь, тебя на улицѣ бросать было, что-ли? Изъ „Грачевки“ городской вывелъ, хотѣлъ ужъ въ участокъ вести проспать, да, спасибо, я встрѣтился: пройтись пошелъ; не спалось что-то, а утро чудесное, ну и пошелъ. Смотрю — городской ведетъ тебя изъ „Грачевки“; остановилъ меня, спрашиваетъ, не знаю-ли я тебя; какъ-же, молъ, имѣю честь, однокурсники. Взялъ извозчика и поволокъ домой раба божьяго. Хозяйка испугалась, думала мертвое тѣло тащить. Насилу привели въ чувство; одной воды-то что вылили.

И, дѣйствительно, въ комнатѣ было море разливанное. На

полу стояли цѣлыя лужи воды, самъ я лежалъ на всемъ мокромъ, съ мокрой головой и бѣльемъ.

Я вликнулъ хозяйку, прося ее придать по-возможностиличный видъ комнатѣ. Она сдѣлала это съ изумительнымъ проворствомъ и усердіемъ и, матерински распекая меня, заставила выпить стаканъ огуречнаго рассола.

— Отъ головы это, говорятъ, хорошо оттягиваетъ, успокоительно добавила она.

И, дѣйствительно, это освѣжило меня на-столько, что за чаемъ я уже могъ вести бесѣду съ Кудравцевымъ и рассказалъ ему всѣ мои походы за послѣдніе дни.

Выслушавъ мой рассказъ о вчерашней встрѣчѣ въ паркѣ, онъ оставилъ свойственный ему насмѣшливый тонъ и задумался.

— Брось ты, голубчикъ, эту погоню за любовью, на кой она тебѣ прахъ! Когда намъ амуры-то разводить? Пусть ужъ баричи этимъ занимаются. А то какъ втянешься въ этотъ омутъ проклятый, не скоро и выходъ найдешь. Глядь—сегодня этотъ нарвалъ, завтра тотъ нарѣзалъ, ну и сиди, пріятель, еще годъ, другой, азы пережевывать; спи на слышанныхъ лекціяхъ, чѣмъ-бы впередъ идти да за дѣло скорѣй приниматься. Плюнь ты на бабъ-то, лучше работай больше. А надоѣло работать—въ „Лѣсной“ махнемъ, къ теткѣ; она насъ дешево пуститъ и комнату путную дастъ: къ зимѣ по крайности хоть жиру нагуляемъ. Я, братъ, самъ бывалъ въ любовныхъ-то передрагахъ, знаю: по сю пору вотъ гдѣ сидитъ, указалъ онъ на шею;—убѣжалъ безъ оглядки, да и теперь не нарадуюсь, что развязался.

Его лицо, впрочемъ, было не очень радостно.

— А ужъ какъ она меня мучила-то, какъ измывалась надо мной! Ревнива была какъ чортъ знаетъ кто, самолюбива до мелочности. Похвали, бывало, какую-нибудь женщину, сейчасъ и пойдутъ упреки: и я безчестенъ, и я не люблю ее, боюсь, видишь-ли, сказать, что она мнѣ надоѣла, расплачется, какъ ребенокъ, разсердится, раскричится. А я-то, дуракъ, какъ виноватый, въ ногахъ у нея валяюсь, прощенья прошу, руки цѣлую. Да что тутъ! Обезличился совсѣмъ, скотомъ сталъ, вотъ оно какъ! Да! Красиво? Ну, прощай! Поправляйся скорѣе да приходи ко мнѣ: поѣдемъ въ „Лѣсной“ тоску разгонять.

Онъ старался казаться спокойнымъ, но это плохо удалось ему:

лицо его поблѣднѣло, губы сложились въ горькую усмѣшку. Рассказъ его обдалъ меня ужасомъ: онъ, этотъ человѣкъ, считавшійся самымъ сильнымъ и стойкимъ изъ всего нашего кружка, подпалъ до такой степени подъ гнетъ женской любовной ласки, что не можетъ освободиться отъ него до сихъ поръ, не можетъ побѣдить въ себѣ тоску безповоротной разлуки, не можетъ разлюбить и забыть. Что-же будетъ со мной, бессильнымъ и увлекающимся! Я быстро вскочилъ съ постели, сбросилъ съ головы компрессы и, одѣвшись, пошелъ за Кудрявцевымъ. Я засталъ его задумчиво сидящимъ за письменнымъ столомъ; передъ нимъ была куча писемъ, исписанныхъ мелкимъ, сжатымъ почеркомъ, и фотографическая карточка молодой женщины съ живымъ, умнымъ личикомъ.

— А, пришелъ! сконфуженно пробормоталъ онъ, увидѣвъ меня, и всталъ со стула;—а я вотъ тутъ старый хламъ разбираю.

Онъ чиркнулъ спичкой объ стѣну и одно за другимъ сжегъ лежавшія передъ нимъ письма.

— Много тутъ глупостей, много пустого бреда; а какъ волновали, какъ мучили во время оно всѣ эти глупости! Вотъ она, смотри,—та самая, о которой я говорилъ давеча.

Онъ протянулъ мнѣ карточку и самъ посмотрѣлъ на нее черезъ мое плечо.

— Любилъ я ее страсть какъ!

Онъ со злостью швырнулъ ее въ ящикъ стола и заперъ его на ключъ. На глазахъ его навернулись слезы. У меня сжалось сердце при видѣ этихъ мужскихъ слезъ и я внутренно отъ души ругнулъ его возлюбленную.

Черезъ часъ мы ѣхали по дорогѣ къ „Лѣсному“. Выйдя изъ дилижанса и пройдя по парку, мы свернули въ какую-то улицу и остановились передъ маленькимъ, сѣрымъ домикомъ съ тремя окнами, завѣшанными кисейными драпировками и сплошь уставленными цвѣтами.

Кудрявцевъ стукнулъ въ окно и сильно позвонилъ у подъѣзда. Молодая дѣвушка, очень опрятно одѣтая, отворила намъ дверь и широко улыбнулась, увидѣвъ Кудрявцева.

— Милости просимъ, Владиміръ Ивановичъ, давно пора, привѣтливо сказала она;—Дарья Михайловна заждалась васъ.

— Здравствуйте, Лизокъ, здравствуйте!

Шумя крахмальными юбками, Лизокъ кинулась было къ две-

Надежда Павловна слишкомъ холодна и невинна, чтобъ я могъ рассчитывать на полное увлеченіе съ ея стороны, а довольствоваться дружбой я не могу дольше“. Я, конечно, не сталъ доказывать ему, что съ Надей нечего бояться за свободу, что она не способна стать чьимъ-либо тормазомъ,—я откланялся и ушелъ. Надѣ эта исторія стоила много горькихъ слезъ. Я, разумѣется, не сказалъ ей всего: сказать—значило подорвать въ ней довѣріе къ людямъ, а въ ея годы это тяжело и вредно. Да, моя Надя—славная дѣвочка, закончилъ Кудрявцевъ и отвернулся къ стѣнѣ, прибавивъ:—спать пора.

Я тоже скоро заснулъ крѣпкимъ, здоровымъ сномъ, но спать, не долго: въ пять часовъ меня разбудилъ яркій солнечный лучъ, освѣтившій комнату черезъ отворенное окно: увлекшись бесѣдой мы забыли опустить стору. Бодро вскочилъ я съ кровати, одѣлся и подошелъ будить Кудрявцева, но онъ промывчалъ мнѣ въ отвѣтъ что-то неясное, потянулся и захрапѣлъ крѣпче прежняго. Я спустилъ стору и, тихо выйдя изъ комнаты, спустился съ терасы въ садъ.

Утро было роскошное; роса сверкала радужными переливами на травѣ, цвѣтахъ и деревьяхъ, длинныя тѣни которыхъ узорными полосами переплетались у моихъ ногъ. Все кругомъ ликовало и праздновало. Мою душу тоже охватило чувство молодого, неповторяющагося восторга; я смотрѣлъ на небо, на деревья, на бархатистый лугъ, широко, глупо раскрывъ глаза, точно видѣлъ ихъ въ первый разъ въ жизни—такъ хорошо они разстилались передо мной, такъ ярко, картинно освѣтило ихъ раннее іюньское солнце.

Сквозь темные стволы деревьевъ серебрился прудъ; я направился къ нему съ намѣреніемъ выкупаться. Вскорѣ я услышалъ плескъ воды и, сдѣлавъ еще нѣсколько шаговъ, оствновился, какъ вкопанный: шагахъ въ десяти отъ меня, изъ-за маленькаго островка, засаженнаго группой деревьевъ, выплыла женская фигура, и какая фигура! Длинные волосы широкими прядями разстилались на водѣ, стройный станъ ослѣпительной бѣлизной сверкалъ на солнцѣ; она плавала ловко, граціозно, сильно отбрасывая и вытягивая тонкія, красивыя руки и быстро подаваясь впередъ. Какъ художникъ картиной, я любовался на ея гибкія движенія, нѣжную, лебединую шею, розовый край щеки. Но вотъ она повернула

голову; я едва сдержалъ крикъ и опрометью бросился прочь: это была Надя.

Я остановился уже не подалеку отъ дома, на широкой, зеленой лужайкѣ, и легъ подъ раскидистую тѣнь большого, стараго дуба.

Прошло съ полчаса времени; я лежалъ и курилъ, закинувъ назадъ голову и слѣдя за измѣнчивыми очертаніями облаковъ. Они плыли по небу прихотливыми, мелкими группами, то раскидываясь тонкими, дымными волокнами, то образуя жемчужныя инкрустаціи на лазурномъ фонѣ неба, то принимая образы птицъ, звѣрей и разныхъ неодушевленныхъ предметовъ. Хорошо было небо, украшенное этими бѣлыми узорами и застѣнчиво ласкавшее меня сквозъ густой навѣсъ вѣтвей, но не затмило оно недавно проплывшій передъ моими глазами образъ земной красоты. Да, вотъ это красота, — красота настоящая, безъ прикрасъ и ухищреній.

— А я васъ ищу, баринъ; Надежда Павловна зовутъ васъ парное молоко пить, отъ ихней коровушки, окликнула меня босонгая дѣвочка лѣтъ двѣнадцати. — Пожалуйте.

И она убѣжала, показывая мнѣ свои запыленные пятки.

Я нашелъ Надю въ бесѣдкѣ изъ акацій; подлѣ нея сидѣлъ Кудрявцевъ и оба они съ большимъ аппетитомъ пили молоко съ чернымъ хлѣбомъ. Надя наливала его изъ хрустальнаго графина. Отъ молока шель легкій паръ, отъ хлѣба тоже.

Надя ласково протянула мнѣ руку и усадила рядомъ съ собой на дерновую скамейку.

— Садитесь сюда, здѣсь такъ мягко, душисто. Молоко отличное, хлѣбъ домашній, прямо изъ печи. Бѣляночку мою я сама дою, стало быть, въ чистотѣ молока вы можете быть увѣрены.

И она, смѣясь, показала мнѣ свои розовыя ладони.

Молоко, дѣйствительно, было прекрасное и я пилъ его съ наслажденіемъ, изрѣдка поглядывая на Надю; она тоже была прекрасная, бѣлая и чистая, какъ это молоко. Онъ нея вѣяло такой дѣтской, трогательной прелестью, что я устыдился моего давнишняго невольнаго подсматриванья и внутренно далъ себѣ слово покаяться въ немъ Надѣ при болѣе короткомъ сближеніи.

— А Надя ужъ нагулялась и наработалась, заговорилъ Ку-

дьявцевъ, ласково глядя на дѣвушку. — Ты тоже, кажется, рано всталъ? А я такъ только-что съ постели. Купался ты?

— Нѣтъ, отвѣчалъ я, запинаясь и краснѣя, какъ варенный ракъ. — А я вѣдь, Надежда Павловна, виноватъ передъ вами, ляпнулъ я, не будучи въ состояніи выносить ея зовущаго на искренность взгляда.

— Когда-же вы успѣли провиниться? спросила она, смотря на меня съ удивленіемъ.

— Я, видите-ли, нечаянно забрелъ къ пруду, когда вы купались и... нечаянно...

— Нечаянно поглядѣлъ на нее, смѣясь, докончилъ Кудрявцевъ. Лицо Нади вспыхнуло яркимъ румянцемъ. Я молча опустилъ голову, сконфуженный не меньше ея. Нѣсколько времени длилось молчаніе.

— Надежда Павловна! испуганно вскрикнулъ я, взглянувъ на нее изподлобья: по щекамъ ея катились крупныя слезы. — Простите меня ради Христа! я не хотѣлъ... я нечаянно... я сейчасъ-же ушелъ, ей-богу... растерянно бормоталъ я, готовый расплакаться самъ.

— Я сама виновата. Ну, да что тутъ! Не будемъ говорить объ этомъ. Бабушку будить пора.

Она быстро вышла изъ сада, украдкой вытирая салфеткой глаза.

— Отчего она заплакала? спросилъ я Кудрявцева по уходѣ Нади. — Неужели я такъ сильно обидѣлъ ее?

— Нѣтъ, отвѣчалъ онъ. — Это слезы стыда, а не обиды. Я видѣлъ еще однѣ такія-же слезы, видѣлъ ихъ у безконечно любимой женщины, когда ненавистный ей человѣкъ, войдя въ комнату, засталъ ее полураздѣтою. Много времени спустя, когда она вспоминала, какая страсть загорѣлась въ глазахъ его при видѣ ея обнаженныхъ плечъ, щеки ея заливала жгучая краска стыда. Тонкая струнка, братъ, этотъ женскій стыдъ, и осторожно надо задѣвать его. Да ты не безпокойся: денекъ-два пройдетъ — и Надя забудетъ этотъ казусъ. Это ничего, что ты покаялся: она тебѣ теперь еще больше вѣрить будетъ. Ты только не вздумай повторять эти нечаянности, цинично засмѣялся онъ.

Я не считъ нужнымъ отвѣчать на это предостереженіе: оно оскорбило меня и за себя, и за Надю.

Выпивъ молоко и забравъ книги, мы ушли съ Бударявцевымъ въ рощу. Вернувшись домой къ завтраку, мы нашли Надю за кипящимъ самоваромъ. Дарья Михайловна сидѣла возлѣ нея въ большомъ креслѣ и ѣла жирные пирожки, прихлебывая горячимъ кофе. Мы съ жадностью принялись подражать ей и скоро опорожнили щедро уложенное блюдо.

Дни не шли, а летѣли, въ завтракахъ, обѣдахъ, чаепитіяхъ, ужинахъ и прогулкахъ. Примѣръ Нади, занимавшейся ежедневно два-три часа, мало заражалъ насъ; книги вадились изъ рукъ, тянуло въ лѣсъ, хотѣлось находиться и надышаться за всю сидячую, мертвую зиму. Кто не лѣнился въ годы студенчества и кто не вспоминалъ его съ сожалѣніемъ, когда оно проходило? Нѣтъ такого человѣка. А если и найдется, то это будетъ не юный, горячій студентъ, жадно отрывающій объятія всему живому, увлекающему, а мертвая буква, сухая формула отжившаго бурсачества, гдѣ плоть умерщвлялась во имя духа, гдѣ все, невходящее въ узкую пропись условной добродѣтели, считалось „соблазномъ и беззаконіемъ“.

Е. Дубровина.

(Продолженіе будетъ.)

РУМЫНСКАЯ ЛЕГЕНДА.

(Изъ К. А. Росетти.)

I.

Надъ Аржискими горами
Встало утро золотое...
Десять каменщиковъ грустно
Собралися на работу.

Той страны властитель гордый
Рада Черный повелѣлъ имъ
Церковь божію построить
Въ честь святой Маріи Дѣвы.

Много дней они трудятся,
Много дней выводятъ стѣны,
А на мѣстѣ церкви божьей
Лишь рѣзвалинъ видны груды.

Все, что въ день они построятъ,
Въ ночь невидимая сила,
Попущеньемъ злого духа,
Разрушаетъ все до камня.

Десять каменщиковъ утромъ
Вновь сошлись на работу
И Маноль—надъ ними старшій—
Держить къ нимъ такія рѣчи:

—«Братья! нынѣшнею ночью
Долго я молился Богу,
Чтобы мнѣ помогъ Создатель
Храмъ его святой воздвигнуть.

„Долго плакалъ и просилъ я
Божьей помощи, покуда
Не забылся сномъ глубокимъ.
И видѣніе мнѣ было:

„Я услышалъ тайный голосъ—
Отъ земли онъ былъ иль съ неба,
Не могу уразумѣть я—
И сказалъ мнѣ этотъ голосъ:

„Не воздвигнуть церкви божьей
Вамъ до той поры, покуда
Не дадите обѣщанья,
Не исполните вы клятву.

„Вотъ въ чемъ это обѣщанье:
Пусть одинъ изъ васъ на утро
Замуруетъ въ стѣны церкви,
Что ему всего дороже:

„Иль сестру свою родную,
Или милую супругу,
Чья придетъ на завтра первой
Въ полдень къ вамъ съ питьемъ и пищей.

„Братья! грозному завѣту
Воли грозной покоримся:
Мы исполнить обѣщанье
Клятвой вѣрной поклянемся!»

И, руками вѣрно взявшись,
Десять каменьщиковъ блѣдныхъ
Съ старшиной Маноломъ вмѣстѣ
Тотъ завѣтъ клялись исполнить.

II.

Надъ Аржискими горами
Золотое солнце прямо
Бьетъ горячими лучами:
Перешло оно на полдень.

Десять каменьщиковъ молча
На стѣнахъ трудятся церкви,
А Маноль стоитъ и смотритъ
Въ даль, подернутую зноемъ.

Смотритъ въ даль Маноль и видитъ:
Въ глубинѣ долины чей-то
Появился темный образъ
И все двигается ближе.

Смотрить пристальнѣй... узналъ онъ.
 Кто идетъ тамъ по долинѣ—
 Это Флора дорогая,
 Флора милая его!

Поблѣднѣлъ Маноль, какъ мертвый,
 И упалъ онъ на колѣни
 И, воздѣвши руки къ небу,
 Сталъ онъ Господу молиться:

«Боже, Господи Всесильный!
 Ты пошли на землю дождикъ,
 Пусть взволнуются потоки,
 Пусть ручьи польются быстро,

„Пусть, надувшись, грозно воды
 Съ горъ помчатся на долину
 И жену мою заставить
 Вернуться въ домъ свой къ дѣтямъ...»

И Господь его услышалъ:
 Шлетъ онъ дождь ужасный съ неба.
 Шумно съ горъ бѣгутъ потоки,
 Разливаясь по долинѣ.

Быстро воды землю роютъ,
 Препраждая путь-дорогу;
 Но по ней безстрашно Флора
 Все идетъ, не возвращаясь.

И Маноль взмолился снова:
 «Боже, Господи Всесильный!
 Ты спусти на землю съ цѣпи
 Вѣтеръ шумный, вихоръ бурный;

„Тотъ, что съ корнемъ вырываетъ
 Густо-листные платаны,
 Обиваетъ вѣтви елей,
 Опрокидываетъ скалы.

„Боже, Господи Всесильный!
 Пусть помчится онъ въ долину
 И жену мою заставить
 Вернуться въ домъ свой къ дѣтямъ.»

И Господь его услышалъ:
 Налетѣла быстро туча,

Буйный вихрь понесся съ неба,
Громъ ударомъ раскатился...

И шумить гроза, бушуетъ,
Блещетъ молнья, воеетъ вѣтеръ,
И глядитъ Маноль въ долину,
Не воротится-ли Флора.

Но, встрѣчая грозу смѣло,
Путь свой Флора продолжаетъ.
Ближе все идетъ—и вотъ ужъ
Всходитъ на стѣну съ улыбкой.

III.

И тогда Маноль ей руку
Подаетъ и говорить ей:
„Стань сюда, моя подружка“,
И ее на стѣну ставить.

„Стань безъ страха, безъ боязни;
Я съ товарищами вмѣстѣ
Пошутить задумалъ: въ стѣну
Заложить тебя хотимъ мы.“

И, ему повѣривъ, Флора,
Отъ души смѣясь, покорно
Стала на стѣну—и началъ
Класть Маноль за камнемъ камень...

И стѣна, все поднималась
Съ каждымъ камнемъ выше, выше,
Обхватила ужъ колѣни
Молодой его подруги.

И тогда она, бѣдняжка,
Вдругъ смѣяться перестала
И, объятая боязнью,
Говорить съ тоскою мужу:

— «О, Маноль, о, господинъ мой,
Перестань шутить, довольно;
Посмотри, стѣна, сжимаюсь,
Тяжко давить мнѣ колѣни.»

Но Маноль молчитъ и, блѣдный,
Онъ кладетъ за камнемъ камень...

И стѣна, все возвышаясь,
Скрыла стань ея до груди.

И въ отчаяніи Флора
Горько плачетъ, горько молить:
«О, Маноль, о, господиѣ мой,
Перестань шутить, довольно...

„О, Маноль, Маноль, мой милый,
Скоро матерю я буду,
Ты дитя мое задушишь,
Сердце мнѣ сдавивъ стѣною.

«Сжался! Видишь-ли, какъ плачетъ
Грудь молочными слезами»...
Но Маноль молчить и, блѣдный,
Онъ кладетъ за камнемъ камень...

И стѣна, все выше, выше
Воздвигаясь, ей сжимаетъ
Грудь, глаза—и вотъ на темя
Ужь налегъ послѣдній камень.

И какъ-будто изъ могилы,
Задыхающейся Флоры
Слышитъ онъ молящій голосъ:
«О, Маноль... я умираю»...

В. Вуреникъ.

ИДЕАЛЫ ЛИТЕРАТУРНОЙ ЕВРОПЫ XIX ВѢКА.

(Статья первая.)

I.

Докторъ Георгъ Брандесъ, датскій писатель и професоръ, составившій себѣ извѣстность, какъ историкъ литературы своего отечества, недавно прочиталъ нѣсколько лекцій въ копенгагенскомъ университетѣ о европейской литературѣ XIX вѣка. Лекціи Брандеса имѣли небывалый успѣхъ; аудиторію его буквально осаждала публика; въ ожиданіи входа, она толпой стояла на улицѣ, подъ дождемъ или снѣгомъ, чтобы добиться мѣста. Цѣлыя недѣли говорили только о молодомъ лекторѣ, о новости высказываемыхъ имъ идей, о смѣлости, съ какою онъ разоблачалъ пустоту и ложь умственныхъ интересовъ своего отечества.

Брандесъ задался отважною мыслию разбудить заснувшій скандинавскій Сѣверъ смѣлой критикой не только его литературы, но и всего философскаго міровоззрѣнія. Онъ первый познакомилъ датчанъ съ свободными воззрѣніями американскаго теолога Паркера, съ Тэнномъ и его критическимъ методомъ, и, наконецъ, выступилъ въ качествѣ пропагандиста новыхъ, еще неизвѣстныхъ въ Даніи идей.

Лекціи Брандеса отличаются необыкновенно искусной группировкой матеріала, остроумными сопоставленіями и богатствомъ идей, какъ-бы само-собою вытекающихъ изъ анализа и сравненія литературныхъ произведеній Европы. Можетъ быть, Брандесъ грѣшитъ тѣмъ, что остроуміе его иногда переходитъ въ слишкомъ рѣзкій тонъ, но ужь, конечно, нельзя обвинить его ни въ какихъ

разрушительныхъ стремленійхъ, а тѣмъ болѣе въ ненависти къ своему отечеству. Потому именно, что онъ горячо его любитъ, онъ и относится къ нему съ словомъ суровой и беспощадной правды. А между тѣмъ противъ него выступила почти вся датская журналистика. Она обвиняетъ его въ революціонныхъ тенденціяхъ, въ неуваженіи къ традиціямъ добраго стараго времени и въ желаніи внушить молодежи полнѣйшее равнодушіе и презрѣніе къ установившимся нравственнымъ обычаямъ общества. Чтобы возбудить недовѣріе правительства, Брандеса обвиняли и въ томъ, — и это дѣлали въ формѣ очень коварной инсинуаціи, — что будто онъ хочетъ потрясти нравственныя основы семьи и ради этого проповѣдуетъ „свободную любовь“. Поводомъ къ подобному обвиненію послужило то, что Брандесу приходилось говорить о сочиненіяхъ, въ которыхъ разбираются взаимныя отношенія мужчины къ женщинѣ. А на этотъ счетъ датчане очень щекотливы, несмотря на то, что добродѣтели ихъ въ этомъ отношеніи нисколько не выше добродѣтели другихъ народовъ. Самое-же главное обвиненіе заключалось въ томъ, что въ Брандесѣ нѣтъ ни одной капли патриотизма, что во всѣхъ его порицаніяхъ сквозитъ затаенная антипатія къ отечеству, что его критика имѣетъ лишь одну цѣль — поколебать уваженіе къ патриархамъ скандинавской литературы, и только ради этого онъ старается внести европейскія идеи на родную почву, предлагая скандинавамъ знакомство съ литературой французовъ, англичанъ и ненавистныхъ имъ нѣмцевъ.

Брандесъ, конечно, не желалъ оставить безъ отвѣта всѣхъ этихъ инсинуацій, дозосовъ и нелѣпныхъ обвиненій; но, къ стыду Даніи, въ ней нашлась всего только одна газета, которая согласилась печатать возраженія молодого профессора. Какъ человѣкъ весьма даровитый, Брандесъ пользовался всѣми формами слова, чтобы выставить на видъ ослиныя уши своихъ оппонентовъ; онъ возражалъ имъ и въ серьезной формѣ, и въ полемически-саркастической, и даже въ формѣ сказки. Вотъ сказка, которою онъ началъ свою полемику. Мы приводимъ ее цѣликомъ.

„Давно когда-то жила крошечная свободная мысль. Такъ какъ она обыкновенно носила маленькую красную шапку, то ее и называли маленькою Красною Шапочною. Разъ дѣдушка, задумавшій какія-то перемены въ своемъ домѣ, сказалъ Красной Шапочно:

„сходи, милая внучка, къ своей бабушкѣ Свободѣ, отнеси ей вотъ этого укрѣпительнаго напитка и узнай, какъ ея здоровье“.

Красная Шапочка сейчасъ-же отправилась въ дорогу. Но когда она проходила лѣсомъ, ее встрѣтила оппозиционная печать и спросила: „куда ты идешь?“ Ребенокъ, незнавшій, какъ опасно разговаривать съ волками, отвѣтилъ: „я иду къ бабушкѣ, чтобы узнать, какъ ея здоровье, и въ этой бутылочкѣ несу ей подкрѣпляющій напитокъ“. — „И я иду къ ней“, отвѣтилъ волкъ. А между тѣмъ онъ уже давно-давно съѣлъ бабушку. И вотъ волкъ спѣшитъ, чтобы придти раньше Красной Шапочки. Пришелъ, легъ въ постель и ждетъ. Наконецъ, пришла и Красная Шапочка, постучала въ дверь и вошла. Дѣвочка очень удивилась, увидѣвъ, какъ бабушка ея была одѣта и какой она имѣла странный видъ.

— „Бабушка, отчего это у тебя такія длинныя руки?“ спросила Красная Шапочка.

— „А чтобы лучше спасти отечество отъ разныхъ зажигательныхъ тенденцій“.

— „А что это у тебя такія длинныя ноги, бабушка?“

— „А чтобы удобнѣе преслѣдовать неблагонамѣренныхъ людей.“

— „А что это у тебя такія длинныя уши, бабушка?“

— „Чтобы по воскресеньямъ лучше слышать нашихъ проповѣдниковъ“.

— „А что это у тебя такіе большіе зубы, бабушка?“

— „Чтобы лучше тебя съѣсть“.

„И съ этими словами злой волкъ напалъ на бѣдную маленькую Красную Шапочку, задушилъ ее и съѣлъ“.

Разумѣется, эта сказка не отличается такою силою неотразимости, чтобы могла заставить замолчать всѣхъ волковъ обскурантной печати. Какъ мы сказали, въ умственномъ арсеналѣ Брандеса было и другое хорошо отточенное оружіе и къ нему онъ прибѣгалъ чаще. Прибѣгая къ серьезному слову, Брандесъ разъясняетъ своимъ до смѣшнаго самолюбивымъ соотечественникамъ, что умственные богатства Скандинавіи вовсе созданы не ею, а получены въ наслѣдство отъ Европы. Поэтому напрасно скандинавскіе мраколюбцы нападаютъ на представителей въ ихъ отечествѣ европейскихъ идей. „Если-бы, говорить Брандесъ, — вся клика рецензентовъ „Dagbladet“ и „Fädrelandet“ дала клятву остановить свободное развитіе мысли, то, это имъ на-столько-же удалось-бы, какъ и

желаніе писать на воздухѣ. Будь идеи на-столько свѣтски воспитаны, что прежде, чѣмъ имъ перейти датскую границу, онѣ стали-бы просить позволенія, то рецензенты еще могли-бы питать надежду спасти свое отечество отъ всякихъ идей. Теперь совершенно бесполезно устраивать пограничную стражу и сзывать гражданъ подъ оружіе, потому что сколько-бы штыковъ ни выставили датскіе газетчики, имъ не протѣнуть на смерть ни одной идеи“. Отвѣчая датскимъ теологамъ, Брандесъ говоритъ: „у насъ свободнымъ мыслителямъ считаютъ такого человѣка, который во всемъ сомнѣвается или ведетъ преступную борьбу противъ всего высокаго въ жизни, противъ морали и религіи. Я-же думаю, говоритъ Брандесъ,—что самая вѣрная поддержка морали заключается въ любви къ истинѣ. Въ обществѣ, которое разрабатываетъ тѣ религіозные вопросы, которыми занимается Давія, никто, конечно, не занимается ими ради другой какой-нибудь причины, кромѣ любви къ истинѣ, т. е. по чисто-моральной причинѣ; слѣдовательно, каждый изслѣдователь будетъ свободомыслящимъ человѣкомъ. Я думаю дальше, продолжаетъ Брандесъ,—что какія-бы человѣкъ ни носилъ въ себѣ воззрѣнія на божественность, но если только человѣкъ думаетъ, онъ непременно пойметъ, что божественность—именно то высшее и прекрасное, что составляетъ откровеніе человѣческой жизни и исторіи. А это высшее есть духъ прогресса. Если въ исторіи раскрывается божественное, то оно раскрывается какъ духъ борьбы противъ всякаго насилія, лжи и предразсудковъ, для того, чтобы открыть дорогу счастью, истинѣ и свободѣ. Въ исторіи нѣтъ другого высшаго плодотворнаго духа, кромѣ духа прогресса. Свободомыслящій человѣкъ — и это онъ знаетъ и чувствуетъ — стоитъ на сторонѣ этого прогрессивнаго духа и если онъ служитъ ему, то вмѣстѣ съ тѣмъ онъ служитъ божественному и божественное пребываетъ въ немъ. Не свободомыслящій человѣкъ, но его противники—истинные безбожники, потому что все, что первый понимаетъ подъ именемъ божественнаго—истина, свобода и высшая любовь къ человѣчеству—стоитъ на его сторонѣ, а не на сторонѣ ихъ“. Подобными горькими истинами Брандесъ, конечно, не создавалъ себѣ друзей между датскими теологами.

Кого-же слѣдуетъ понимать подъ именемъ свободомыслящаго человѣка? спрашиваетъ Брандесъ. Не забудьте, что главныхъ враговъ онъ встрѣтилъ себѣ въ датскомъ духовенствѣ, поэтому и

отвѣты его главнымъ образомъ направлены на вразумленіе пѣтистовъ и геологовъ Даніи. „Убѣжденіе въ правѣ свободнаго мышленія равносильно убѣжденію, что ни въ природѣ, ни въ исторіи нѣтъ такихъ исключеній, которыя-бы не подвергались закону, управляющему всей природой и всей исторіей. Свободомыслящаго человѣка нельзя ничѣмъ убѣдить, что часть западной Азіи когда-бы то ни было управлялась совсѣмъ особенными законами природы и духа, чѣмъ другія части свѣта. Убѣжденіе свободомыслящаго именно и заключается въ признаніи единства природы, — единства, которое онъ признаетъ истиной. Это признаніе истины составляетъ не личное достояніе одного свободомыслящаго человѣка, но цѣлой массы изслѣдователей. Если-бы извѣстныя идеи, извѣстное знаніе не признавались истиной, никто-бы за ними не пошелъ. А чтобы имѣть возможность открывать истину, надо имѣть возможность ее изслѣдовать. Поэтому мы-бы требовали свободы мысли для того, чтобы обезпечить знаніе отъ всего того, что ему мѣшаетъ сдѣлаться истиной. То не наука и не истина, что въ римско-католической странѣ должна быть римско-католической. въ протестантской — протестантской, иначе мы будемъ имѣть десятки истинъ, а въ сущности ни одной“.

Болѣе рьянымъ противникомъ Брандеса явился одинъ изъ самыхъ сильныхъ клерикаловъ, епископъ Монрадъ. Ему показалось неслыханнымъ требованіе Брандеса, чтобы каждый выработывалъ самъ себѣ нравственныя убѣжденія, независимо отъ вліянія общества и отъ традиціи. „Слѣдовательно, говорить Монрадъ, — каждый отдѣльный человѣкъ долженъ начать снова громадную работу, совершенную раньше человѣчествомъ? Что же будетъ изъ этого? Будетъ только то, что человѣческое развитіе совершенно остановится и люди превратятся въ толпу дикарей“. Съ перваго раза, отвѣчаетъ Брандесъ, возраженія Монрада могутъ показаться вѣрными. Но все-таки правды въ нихъ нѣтъ. Что въ сущности значить начать думать сначала, или, говоря иначе, повторять снова громадную работу человѣчества? Это вовсе не значить, что каждый долженъ начать думать, точно онъ первый человѣкъ на землѣ. Нѣтъ, это значить, что человѣкъ долженъ продѣлать всю работу мысли своимъ собственнымъ умомъ, не обращая вниманія на всякія предвзятости и авторитеты. Было-бы безуміемъ, если-бы для облегченія труда ребенку во время

САМАРСКАЯ
 БИБЛИОТЕКА
 205
 ДАВЫДОВСКОМУ

хожденія мы лишили-бы его возможности упражнять свои ноги. Дѣло-бы кончилось тѣмъ, что его ноги отказались-бы работать и ему пришлось-бы дать костыли. Можно говорить чужими словами, повторяя то, что говорятъ другіе, но нельзя думать чужимъ мозгомъ, какъ нельзя быть сытымъ, когда ѣсть другой. Въ томъ, что человѣкъ начинаетъ мыслить съ начала, и заключается его величайшее преимущество. Говорить чужими словами онъ предоставляетъ попугаямъ, а подражательность—обезьянамъ. Поэтому человѣкъ, бѣдно одаренный отъ природы, обыкновенно безъ размышленій подчиняется воззрѣніямъ его общества. Напротивъ, для каждаго выдающагося человѣка обществомъ служить та умственная атмосфера, въ которой онъ живетъ. Общество это состоитъ изъ великихъ умовъ, знакомство съ которыми ему предоставлено свободно. Въ этомъ обществѣ стремящійся человѣкъ можетъ вступать въ общеніе съ Гете, Гейне, Гегелемъ, Фейербахомъ, Контомъ, Литре, съ Байрономъ, Стюартомъ Милемъ. И чѣмъ мыслящій и стремящійся человѣкъ вступаетъ тѣснѣе въ сношенія съ подобными умами, тѣмъ скорѣе онъ приходитъ въ столкновеніе съ окружающимъ его непосредственно обществомъ. А чѣмъ тѣснѣе это общеніе, тѣмъ вѣроятнѣе, что окружающее общество будетъ смотрѣть на развитаго человѣка какъ на своего врага, если оно неспособно принять его убѣжденій.

Ко мнѣ относятся, говорить Брандесъ, точно идеи, которыя я высказываю, мое изобрѣтеніе. „Идеи эти не мои, а интеллигентной Европы. Если преступленіе имѣть ихъ, то вина этого не во мнѣ, а въ европейскомъ знаніи, или, скорѣе, если новое поколѣніе виновато, что раздѣляетъ эти убѣжденія, то вина падаетъ на поколѣніе старое. Отчего оно не воспитывало насъ лучше? Если идеи эти можно опровергнуть, отчего оно ихъ не опровергло? Если новое поколѣніе нужно было вооружить противъ свободныхъ идей, зачѣмъ ему не дали оружія? Вы ничего этого не сдѣлали, потому что не имѣли для того силы и потому что идеи эти неопровержимы. Вы не сдѣлали этого потому, что многіе изъ васъ, и преимущественно руководители прессы, держали насъ въ невѣденіи, пока мы сами, наконецъ, не выросли и сами не начали пролагать себѣ пути. Да вы и не могли надѣть на насъ наглазники и заткнуть намъ уши ватой. Поколѣніе, на которое вы обрушиваетесь, изучало послѣднихъ мыслителей Европы—мыслителей,

которыхъ вы не знаете и имена которыхъ едва въ состояніи прсчесть. Поэтому вы должны говорить съ нами другимъ языкомъ и напрасно вы стараетесь возбудить въ народѣ къ намъ недоувѣріе. Вамъ не удастся держать его на той низкой ступени развитія, на которой онъ стоитъ. Наступитъ время, когда каждому будетъ понятно, что эпоха умственнаго развитія, которую вы отстаиваете, ртва и бесплодна“.

Мы привели почти подлинникомъ возраженія Брандеса, собственно для того, чтобы познакомить читателя съ характеромъ нападокъ, которые вынесъ Брандесъ, съ характеромъ защиты, къ которой онъ долженъ былъ прибѣгать; наконецъ, и для того, чтобы дать болѣе точное понятіе объ умственномъ развитіи скандинавскаго Сѣвера. Хотя скандинавы съ великой гордостію говорятъ о себѣ и выдаютъ себя за культурный народъ, но это не больше, какъ національное самообольщеніе. Скандинавскій Сѣверъ, усвоившій европейскія формы и принимавшій даже живое участіе въ разрѣшеніи вопросовъ, нѣкогда сильно волновавшихъ міръ, въ сущности не принадлежалъ къ активнымъ творцамъ европейской цивилизаци и культуры, а шелъ во хвостѣ Европы. Брандесъ явился тѣмъ энергическимъ борцомъ, которому если и не удастся разбудить скандинавскій Сѣверъ къ самобытной умственной жизни, то, во всякомъ случаѣ, ему принадлежитъ честь сыграть по отношенію къ своему народу подобную-же роль, какая въ Германіи выпала на долю Лессинга, а у насъ на долю Бѣлинскаго. Мы очень хорошо знаемъ, что Брандеса нельзя сравнить вполне ни съ Лессингомъ, ни съ Бѣлинскимъ; но тѣмъ не менѣе онъ по отношенію къ своему заснувшему отечеству является несомнѣннымъ будильникомъ и творцомъ поваго умственнаго движенія среди начавшаго просыпаться молодого поколѣнія. Борьба, которую приходится выдерживать Брандесу, только повтореніе того, что всегда выпадаетъ на долю людей, желающихъ доказывать вредъ лжи и бѣдствіе невѣжества. Можетъ показаться страннымъ, что въ протестантской странѣ, какъ Данія, еще такъ сильны предрасудки, особенно среди духовенства, но это не должно удивлять читателя, если онъ обратитъ вниманіе на то, что во всѣхъ почти безъ исключенія государствахъ Европы, безразлично, протестантскія-ли они или католическія, главную борьбу при разрѣшеніи вопросовъ политическихъ, социальныхъ и даже экономическихъ приходится вести

именно противъ высшаго духовенства и ученыхъ теологовъ. Въ этомъ, конечно, одно изъ несчастій Европы, и потому совершенно понятно, что Брандесъ, встрѣтивъ наиболѣе сильныхъ враговъ въ духовенствѣ, обрушился преимущественно на него съ своею полемикою.

Лекціи Брандеса о литературѣ девятнадцатаго столѣтія не по формѣ, а по содержанію служатъ въ извѣстной степени продолженіемъ и дополненіемъ Гетнеровской „Исторіи литературы восемнадцатаго столѣтія“. Впрочемъ, Брандесъ не задается мыслию дать полную картину литературной дѣятельности каждаго болѣе выдающагося писателя. Онъ обрисовываетъ взаимный международный обмѣнъ идей и показывааетъ ихъ развитіе въ литературахъ культурныхъ народовъ Европы. Съ этою цѣлью Брандесъ останавливается только на такихъ произведеніяхъ, въ которыхъ умственное развитіе достигаетъ уже поворотной точки, и пытается пайти новые идеалы и разрѣшить новыя проблемы. Такъ-какъ подобное развитіе по самому существу своему не можетъ быть односторонне-національнымъ, а является обще-европейскимъ, то понятно, почему авторъ прибѣгаетъ къ сравнительному изложенію, не упуская никогда изъ виду политическихъ, религіозныхъ и социальныхъ отношеній, среди которыхъ явилось то или другое произведеніе.

II.

Французы въ концѣ восемнадцатаго вѣка измѣнили политическія условія и нравы Европы; на долю же нѣмцевъ выпало внести реформу въ литературу. Франція въ этомъ отношеніи представляетъ весьма любопытныя явленія. Отважная и смѣлая, когда ей приходилось дѣйствовать противъ средневѣковой тираніи, вести войну противъ цѣлой Европы, она, эта страна энергическаго почина, смѣлая до того, что уничтожила у себя католическія принципы и декретировала новый культъ, оказывалась безсильною передъ авторитетомъ Корнеля и Буало. Вольтеръ, неуважавшій ничего ни на небѣ, ни на землѣ, тѣмъ не менѣе питалъ глубокое уваженіе къ александрійскому стихосложенію. Ниспровергнувшій всѣ традиціи, пользовавшійся трагедіей, какъ оружіемъ противъ власти, исключившій любовь изъ драмъ, безъ которыхъ она не могла существовать, и подражавшій Шекспиру, котораго не ува-

жали его соотечественники, онъ не посмѣлъ посягнуть ни на одно изъ „трехъ единствъ“ и, вырывая изъ рукъ королей скипетръ, онъ почтительно преклонялся передъ традиціоннымъ мечемъ Мельпомены.

Но былъ другой народъ, — народъ, къ которому Вольтеръ относился высокоумѣнно и презрительно, которому онъ желалъ имѣть побольше ума, но который тѣмъ не менѣе обнаружилъ громадное вліяніе на всю европейскую литературу и поэзію. То были нѣмцы, — добродушные и задумчивые нѣмцы, о которыхъ во Франціи знали лишь то, что они пьютъ пиво, курятъ табакъ да ѣдятъ кислую капусту. Эти добродушные нѣмцы, поклонявшіеся титуламъ, несмѣвшіе обнаруживать ни малѣйшаго непослушанія своимъ правителямъ, жившіе патриархальнымъ бытомъ, — эти люди, несмотря на свое политическое ничтожество, сдѣлали въ мірѣ идей гораздо больше завоеваній, чѣмъ французы на европейскомъ материкѣ; они дали міру философію такой глубины, какой человечество не встрѣчало еще со временъ Аристотеля, они создали поэзію, какой Европа не видѣла со временъ Шекспира, они создали новыя изслѣдованія въ области исторіи и въ мифологіи. И все это нѣмцы могли сдѣлать потому, что у нихъ было все несвободно, кромѣ мысли.

Съ нынѣшняго столѣтія только начинается впервые умственное общеніе народовъ. Прежде каждый народъ жилъ въ своей скорлупѣ, не выходя изъ своихъ границъ. Со времени же политическихъ переворотовъ, созданныхъ французами, начинается умственное общеніе и идеи становятся общимъ достояніемъ, переходя отъ одного народа къ другому. Этотъ новый порядокъ общенія создала Франція преимущественно своими войнами и тѣми ужасами террора, которые заставили цѣлыя массы ея интеллигентныхъ представителей эмигрировать въ другія страны. Понятно, что при этомъ подчинялись международному вліянію преимущественно тѣ классы общества, которые долѣе выносили его на себѣ. Правда, оказывали не малую услугу развитію собственно и военные походы; но вліяніе, которое приносили домой военные, не могло быть ни прочно, ни продолжительно. Иную услугу оказали эмигранты. Изъ Франціи цѣлая масса ихъ искала спасенія въ Германіи; чтобъ не умереть съ голоду, они должны были изучать нѣмецкій языкъ, знакомиться и съ обычаями, и съ порядками людей, оказавшихъ имъ гостепрійство, а затѣмъ, когда наступила пора возможности возвра-

тятся на родину, они явились, обогащенные новыми знаніями и новымъ опытомъ. Интеллигентные французскіе эмигранты, вернувшись во Францію, внесли новый духъ и новое направленіе въ литературу. Въ этомъ причина, что французская литература новаго столѣтія принимаетъ характеръ литературы преимущественно эмиграціонной.

Когда говорятъ о восемнадцатомъ вѣкѣ, первымъ является имя Вольтера. Онъ какъ въ фокусѣ отражаетъ въ себѣ все свое время и соединяетъ его въ себѣ. На-сколько эмигранты реагировали противъ него, на-столько они, конечно, реагировали и противъ всего его вѣка. Но есть въ восемнадцатомъ вѣкѣ еще писатель, почти столь-же великій, какъ и Вольтеръ, но вліяніе котораго идетъ гораздо дальше и глубже. Онъ-то и вдохновлялъ эмиграціонную литературу. На-сколько она исходила изъ Руссо и продолжала его, на-столько-же она продолжала и прошедшее столѣтіе съ его литературой. Всѣ наиболѣе выдающіяся движенія конца восемнадцатаго и начала девятнадцатаго столѣтія идутъ отъ Руссо. Въ Германіи его продолженіемъ явились Гердеръ, Кантъ, Фихте, Якоби, Гете, Жанъ-Поль, Шиллеръ, Тикъ; во Франціи Сей-Пьеръ, Робеспьеръ, Дидро, Шатобрианъ, ш-ше Сталь и Жоржъ-Зандъ; въ Англии Байронъ, одинъ стоящій сотни писателей. Въ то время, какъ Вольтеръ дѣйствуетъ на умы вообще, вліяніе Руссо обнаруживается собственно на выдающіеся таланты, на самихъ писателей. Вольтеръ и Руссо попеременно господствовали надъ міромъ идей и надъ послѣдующими писателями. Въ началѣ настоящаго вѣка Вольтеръ передалъ свой скипетръ Руссо. Затѣмъ наступилъ періодъ, когда владычество перешло къ Вольтеру, а въ новѣйшее время они, какъ, напр., въ Ренанѣ, соединили свое обоюдное вліяніе.

Что-же новаго сказалъ Руссо своею Элоизой? Онъ описываетъ природу, описываетъ страсть, добродѣтель; но въ этомъ пока еще нѣтъ ничего новаго. Содержаніе книги держится на исторіи любви, о которой во Франціи писалось и раньше очень много. Новое заключается въ томъ, что Руссо своею Элоизой положилъ конецъ цѣлому возрѣнію на чувство и на ту галантерейную форму, въ которую оно выродилось. Въ классическій періодъ смотрѣли на всѣ вообще чувства и на любовь, какъ на продуктъ цивилизаціи, предполагая совершенно вѣрно, что нужна извѣстная

степень культуры прежде, чѣмъ такое чувство, какъ любовь, можетъ возникнуть. Пока женщина была только производительницей чловѣческаго рода, не было настоящей женщины, не было и любви. Исходя изъ этой мысли, такое время, какъ, напр., вѣкъ Людовика XIV, пришло къ тому, что всякая голая страсть, не прикрытая, не украшенная, не смягченная, считалась чѣмъ-то грубымъ.

Образчикомъ цивилизованнаго, утонченнаго чувства являются героини и герои Мариво. Это — благоухающіе цвѣты и сама грація. Любовники Мариво — всегда два существа одинаковаго образованія и одного общественнаго положенія. У Мариво патриціанка не любить плебея или королева — своего подданнаго. Если у Мариво баринъ переодѣнется въ лакея или барышня въ горничную, то они сейчасъ-же узнаютъ другъ друга даже въ маскарадномъ костюмѣ. Любящіе наполовину естественны только наполовину, и если они не всегда носятъ парики, то волосы ихъ всегда напудрены. Они носятъ парадныя шпаги, но владѣть ими не умѣютъ; ихъ разговоры — всегда какая-то задержка, обходы, что-то неясное, замаскированное и вѣчно недоговариваемое. Они не дадутъ вспыхнуть въ себѣ любви, такъ чтобы чувство это было ясно, припрятуютъ всякій порывъ, изъ боязни прямого, открытаго объясненія. Но за то они отлично умѣютъ понимать разговоръ глазъ, малѣйшій намекъ, и въ своемъ препровожденіи времени могутъ цѣлыя часы стоять на мѣстѣ, не подвигаясь ни на шагъ впередъ. Натуры эти впечатлительны, нѣжны, чрезчуръ рафинированы и напоминаютъ собой скорѣе мимозы, чѣмъ обыкновенныя полевые цвѣты. Впрочемъ, при всей ихъ манерности въ нихъ нѣтъ афектаціи и все, что они продѣлываютъ, они продѣлываютъ совершенно естественно. Напротивъ, неестественно было-бы въ нихъ прямое, непосредственное поведение. Французское слово „*marivaudage*“ лучше всего доказываетъ, на-сколько Мариво подмѣтилъ вѣрно эту всеобщую черту времени.

Руссо совершенно иначе относится къ пресловутому „*marivaudage*’у“ и галаптерейность кажется ему смѣшной. Какъ во всемъ онъ отдаетъ предпочтеніе естественному состоянію, такъ и въ любви онъ признаетъ только естественную страсть. Героя его совсемъ не похожи на героевъ Мариво, которые, даже вставъ на колѣни передъ дамой своего сердца, стараются все это сдѣлать

прилично и пристойно. Герой Руссо скорѣе похожъ на заряженную электрическую машину. Онъ—сама страсть, забывающая себя, и первый поцѣлуй, который ему достается, дѣлаетъ его безумнымъ, точно въ него ударила молнія. И героиня стоитъ своего героя. Поцѣлуй производитъ въ ней головокруженіе, она падаетъ въ обморокъ, и этотъ обморокъ вовсе не кокетство утонченныхъ героинь Мариво, а простое выраженіе страсти, охватившей молодое, здоровое дитя природы.

Вторая отличительная черта Руссо, что его герой и героиня не одного общественнаго положенія. Она—дочь значительнаго лица, онъ—бѣдный домашній учитель и плебей. Третья особенность, что какъ страсть смѣнила галантерейность и различіе состояній—аристократическое, кастовое равенство, такъ моральное чувство высокаго уваженія къ браку смѣнило прежнюю брачную приличность, превращавшую бракъ лишь въ аристократическую гордость и сохранявшую лишь внѣшнюю добродѣтель, потому что внутренней въ немъ не было. Супружеская добродѣтель до Руссо не имѣла никакого курса. Но Руссо и его школа въ чувствѣ природы и въ естественномъ состояніи, которое она проповѣдывала, открыли и усмотрѣли ту святость семейнаго союза, которую онъ утратилъ въ утонченномъ аристократизмѣ. Во Франціи супружеская невѣрность во время Людовика XIII считалась времяпрепровожденіемъ, при Людовикѣ XIV была правиломъ, а во время регентства обратилась въ обязательство. Руссо бросилъ вызовъ своему времени и написалъ книгу, которая должна была возстановить бракъ во всей его естественной нравственной чистотѣ. Конечно, автору не удалось совершенно освободиться отъ духа времени и его героиня падаетъ...

Наконецъ, послѣдняя особенность. Слово „природа“ Руссо понимаетъ буквально и потому въ первый разъ онъ выводитъ любовниковъ изъ салона и сада и заставляетъ ихъ дѣйствовать не въ раздушенной атмосферѣ. При Людовикѣ XIV чувство природы настолько исчезло, что естественный лѣсъ смѣнился стриженными садами и даже сама архитектура, утративъ чистый, простой характеръ, стала стремиться къ искусственности, къ завиткамъ и украшеніямъ. Комната и садъ смѣнили непосредственную природу и раздушенные салоны—естественную чистоту воздуха, пропитаннаго ароматомъ растительности. И въ одеждѣ человѣкъ,

покинувъ свободу и естественность, придумалъ накрахмаленные манжеты и воротники, въ которыхъ не могли свободно двигаться ни голова, ни рука. Если во время регентства кинулись въ другую крайность, то это была опять распушенность и фривольность, а будуары и ароматы остались, по-прежнему, единственной природой, среди которой жили и которую понимали люди того времени.

Теперь взгляните на ту природу, въ которой происходятъ сцены „Новой Элоизы“. Это природа Женевского озера, лучшей, прекраснѣйшей мѣстности въ мірѣ. Тутъ, въ этой мѣстности, природа соединила всѣ противоположности. Даже въ самое теплое время года, отдаляясь нѣсколько отъ озера, чувствуешь въ горныхъ теченіяхъ ледяной холодъ, въ то время, какъ въ защищенныхъ мѣстахъ грѣетъ солнце. Не побывавъ на мѣстѣ, трудно сдѣлать себѣ точное представленіе объ укрѣпляющей свѣжести воздуха Женевского озера. И эта-то мѣстность была мѣстомъ дѣйствія „Новой Элоизы“, и отсюда распространилось новое, свѣжее чувство природы на всю Европу, — чувство, явившееся протестомъ противъ той аристократической искусственности, которая придумала благовонные салоны, подстриженные парки и естественное, простое чувство любви превратила въ искусственную, кокетливую галантерейность.

III.

Тринадцать лѣтъ спустя, въ другой странѣ, совсѣмъ при иныхъ условіяхъ, писатель, неимѣвшій ничего общаго съ Руссо, но находившійся подъ вліяніемъ его идей, написалъ маленькую книгу, которая, со всѣми достоинствами „Новой Элоизы“, не имѣла, однако, ни одного изъ ея недостатковъ. Книга эта точно ударъ молніи подѣйствовала на все поколѣніе и возбудила въ немъ какое-то страстное стремленіе къ самоубійству. То былъ „Вертеръ“. Въ „Вертерѣ“ герой „Новой Элоизы“ перемѣнилъ свой костюмъ на знаменитый голубой сюртукъ и желтый жилетъ, а Руссо „belle âme“ превратилась въ нѣмецкую „schöne Seele“.

Книга кончается такъ: „Ремесленники весли его и ни одинъ духовный его не провожалъ“. Это короткое, рѣжущее заключе-

не говоритъ, что жизнь кончилась, и въ борьбѣ съ обществомъ глубоко оскорбленный въ своихъ симпатіяхъ и стремленіяхъ, погибъ человѣкъ. Трупъ его несли ремесленники, потому что остальное фарисействующее общество не понесло-бы на рукахъ самоубійцу. Его не провожали духовные, потому что онъ самъ порвалъ свои религіозныя и церковныя обязательства. Но онъ любилъ простаго человѣка, любилъ быть въ сношеніяхъ съ необразованными и они проводили его до могилы.

Что такое Вертеръ? Въ его исторіи страстной и несчастной любви изображается въ сущности не личная страсть погибаго, но страсти, стремленія и муки цѣлой эпохи. Въ „Вертеръ“ изображено право и безправіе глубоко чувствующаго сердца при столкновеніи его съ тривіальными, черствыми установленіями расудочно-сложившейся жизни; стремленіе къ безконечному, къ свободѣ, которой общество поставило всевозможныя преграды. Вертеръ говоритъ, что все, что разрѣшается обществомъ, это — право на тѣхъ стѣнахъ, въ которыхъ запертъ человѣкъ, нарисовать веселые ландшафты и фигуры; но вѣдь отъ этого стѣны не будутъ дальше и не исчезнуть. И вотъ заключенный бьется головой, стонетъ, болѣетъ, впадаетъ въ отчаяніе и кончаетъ пистолетнымъ выстрѣломъ, который только и могъ вылечить его. Вертеръ — это исходъ страсти, гибнущей вслѣдствіе неизбѣжной фаталистической необходимости.

Романъ Гёте вызвалъ цѣлую массу подражаній, драмъ и романовъ, въ которыхъ, однако, самъ Вертеръ нисколько не виноватъ. Несчастная сердечная запутанность Вертера и его неясныя стремленія — только одна сторона того цѣлаго, что даетъ Гёте. Во всемъ романѣ чувствуется здѣловый порывъ жизненнаго чувства и озлобленіе противъ нелѣпыхъ общественныхъ условій, аристократическихъ предразсудковъ и всякаго педантизма. Поэтому въ своемъ цѣломъ впечатлѣніи „Вертеръ“ возбуждаетъ въ каждомъ свѣжемъ и ненадломленномъ человѣкѣ чувство поэтической свѣжести, обновленія и успокоивающей энергіи для борьбы.

Идеаль Руссо, перейдя по сю сторону Рейна, совершенно измѣнилъ свой характеръ. Герой Руссо былъ рыцарскій идеаль. Гёте же, какъ поэтъ новаго времени, съ рыцарскимъ идеаломъ совѣмъ кончаетъ. Въ героѣ Гёте всѣ качества и рыцарскія черты и

прежде всего физическое мужество, изображеніе котораго всегда производитъ впечатлѣніе на наивнаго читателя, оставлены въ сторонѣ. Таковы у него и всѣ герои: Вертеръ, Вильгельмъ Мейстеръ, Фаустъ.

Вертеръ вовсе не рыцарь — онъ поэтъ, мечтатель, фантастъ. Въ сущности-же онъ больной. Въ немъ постоянно бродитъ лихорадочное безпокойство; но если это безпокойство и является душевнымъ стремленіемъ, неимѣющимъ точныхъ границъ, то въ то-же время оно вовсе не сомнѣніе и не безнадежность. Вертеръ вполне принадлежитъ своему времени, которое, предчувствуетъ и предвѣщаетъ, а не воздерживается и сомнѣвается. Главнымъ источникомъ несчастій Вертера служитъ противорѣчіе между безконечными требованіями сердца и предѣлами, которые ставитъ ему общество. До Вертера героями литературы являлись князья и короли и условія ихъ жизни находились въ полнѣйшемъ согласіи съ ихъ духовными стремленіями. Противоположность между внутреннимъ и внѣшнимъ, между желаніемъ и возможностью была неизвѣстна. Потому, когда литература расширила кругъ своихъ любимцевъ, она продолжала придерживаться аристократическаго происхожденія своихъ героевъ и изображала только тѣхъ, кто стоялъ на высшихъ ступеняхъ общественной лѣстницы. По словамъ Вильгельма Мейстера, трижды счастливъ тотъ, кто стоитъ надъ низшими слоями человѣчества. Съ самаго рожденія онъ попадаетъ на корабль, который, переплывая море жизни, пользуется благопріятнымъ вѣтромъ и можетъ миновать или выждать вѣтры противные. А между тѣмъ другіе, работая собственными руками, не могутъ пользоваться попутными вѣтрами и во время бури гибнуть очень скоро отъ истощенія силъ. Другими словами, Вильгельмъ Мейстеръ указываетъ на выгоды богатства и обезпеченія. И подобное-же противорѣчіе между желаніемъ и возможностью обрисовываетъ Гете и въ „Вертерѣ“. Вертеръ по своему развитію и по душевнымъ требованіямъ не стоитъ ниже тѣхъ привилегированныхъ пловцовъ и героевъ предыдущихъ романовъ, которымъ были открыты всѣ возможности и средства пользоваться жизнью во всей ея широтѣ. И въ то-же время этотъ Вертеръ не болѣе, какъ легационсъ-секретарь, получающій 200 талеровъ въ годъ и обязанный полдня просиживать въ своей конторѣ, внѣ общества, внѣ удовлетвореній душевныхъ требованій своихъ, имѣя въ своемъ распоря-

женіи только кухарку, которую можетъ отбить отъ него первый филистеръ. Эта невозможность удовлетворить всѣмъ требованіямъ своей души и жить полною жизнью сердца, невозможность приложить къ дѣлу и свои общественныя стремленія, и удовлетворить требованіямъ уже развитой мысли, должна была вызвать внутреннее страданіе, жолчь и озлобленіе противъ какого-то неуязвимаго врага, борьба съ которымъ могла имѣть только роковой исходъ.

Но вотъ на крайнемъ западѣ Европы поднимается всеобщее движеніе, падаютъ общественныя стѣны и всѣ общественныя формы жизни, стѣснявшія до сихъ поръ человѣка, уничтожается всякое общественное различіе, ниспровергается тысячи лѣтъ существовавшая религія и артилерійскій лейтенантъ провозглашаетъ себя наслѣдникомъ революціи. Всѣ пути для развитія таланта открыты: сынъ харчевника занимаетъ тронъ Неаполя, а бывший гренадеръ принимаетъ въ руки шведскій скипетръ. Всѣ преграды, повидимому, исчезли и свободно развивающемуся духу свободного человѣка открытъ, какъ кажется, просторъ и пробита новая дорога къ безконечному развитію и пользованію благами жизни во всей ихъ широтѣ. Но очень скоро прекрасныя мечты о свободѣ и равенствѣ исчезли подъ потоками крови и ужасовъ и борьба за человѣческое право лица похоронена подъ самыми грубыми солдатскимъ деспотизмомъ. Тогда явился новый типъ новаго человѣка новаго столѣтія. И какъ-же этотъ новый человѣкъ измѣнился сравнительно съ своимъ предшественникомъ! Блѣдный, запуганный, потерявшійся, выкинутый изъ общества, къ которому онъ стремился, потому что не нашелъ въ немъ своего мѣста, онъ является какииъ-то свитальцемъ и въ его душѣ поселился новый элементъ, Вертеру неизвѣстный—меланхолія. Вертеръ былъ большой, но онъ не былъ меланхоликъ, Ренэ-же Штотбріана потерялся въ своемъ внутреннемъ страданіи, съ которымъ онъ не можетъ справиться. Онъ ненавидитъ людей и самого себя.

IV.

Со времени Штотбріана меланхолія и мизантропія превращаются въ поэтическій элементъ литературы. И раньше литературѣ

случалось рисовать мизантроповъ, но между мизантропами Мольера и Шекспира и между мизантропами новѣйшаго времени есть громадная разница. Альцестъ Мольера возмущенъ мелкой и крупной ложью, соткавшей паутину такъ-называемаго общества. Но едва-ли онъ правъ; безъ фикціи, которая выражается въ условной вѣжливости, жилось-бы еще труднѣе, чѣмъ съ нею. Одинъ мудрецъ сказалъ, что такъ-какъ на свѣтѣ не существуетъ красоты, то было придумано искусство, а такъ-какъ нѣтъ ни доброты, ни сердечности, то выдумали вѣжливость. Но едва-ли есть достаточное основаніе только поэтому желать, чтобы маска была снята. Для многихъ было-бы пріятнѣе остаться неразгаданными, чѣмъ исполнѣ разгаданными, и много есть такихъ людей, которымъ снять маску не слѣдуетъ чисто по эстетическимъ причинамъ,—потому, что ихъ маски гораздо лучше ихъ лицъ. Да и точно-ли Мизантропъ вооружался противъ лжи и маскарада изъ тѣхъ глубоко-нравственныхъ убѣжденій, которыя могли-бы оправдывать его мизантропію? Брандесъ, бывшій въ Парижѣ при представленіи Мизантропа, по выходѣ изъ театра сдѣлалъ директору его замѣчаніе насчетъ игры актера. На это Тьері ему отвѣтилъ: „находите-ли вы, скажите по совѣсти, что Альцестъ дѣйствительный мизантропъ и что къ нему нейдетъ это имя, я-же думаю, что если-бы Целина не была кокеткой, то Альцестъ не былъ-бы больше мизантропомъ, чѣмъ я“. Хотя это и шутка, но въ ней заключается вѣрная психологическая оцѣнка. Бываютъ обстоятельства и такія столкновенія съ людьми, которыя правдивые характеры, сближающіеся съ случайными лицами, приводятъ къ мизантропіи. Но эти мизантропы—не мизантропы по темпераменту, они мизантропы по размышленію. И Альцестъ вовсе не типъ новѣйшаго меланхолика. Съ XIX столѣтія возникаетъ не то личное меланхолическое чувство, которымъ болѣли предъидущіе меланхолики, и болѣзнь эта не національная, а міровая, по существу своему приближающаяся къ религіознымъ болѣзненнымъ формамъ, существовавшимъ въ Европѣ въ средніе вѣка.

Послѣ необыкновеннаго напряженія силъ, пережитаго людьми въ началѣ столѣтія, явился въ извѣстной степени упадокъ воли. И тогда-то сформировалась цѣлая масса безпокойныхъ умовъ, меланхолія которыхъ хотя и принимала различныя формы, но, въ сущности, была одна и та-же и была обязана однимъ и тѣмъ-

же причинами. Представителемъ этихъ новыхъ больныхъ является Ренэ.

Ренэ—это воплощенный эгоизмъ, проникнутый безграничною гордостью и самообоготвореніемъ, способный впасть даже въ помѣшательство величія. И въ то-же время этотъ человѣкъ обременяетъ себя самыми горькими обвиненіями. Ренэ представляетъ намъ первую стадію душевнаго безпокойства *избраннаго*, чтобы руководить другими, но въ то-же время недостаточно сильнаго, чтобы быть дѣйствительнымъ руководителемъ. Въ этомъ отношеніи онъ напоминаетъ еврейскихъ пророковъ, которые принадлежали къ подобнымъ-же избраннымъ и безпокойнымъ натурамъ. Какой-то голосъ призываетъ ихъ на проповѣдь, но будущій проповѣдникъ сомнѣвается въ себѣ, не увѣренъ въ своихъ силахъ и хочетъ уклониться отъ чести, къ которой его призываютъ. „Господи, взываешь онъ,—избери другого, избери брата моего, я слишкомъ слабъ и не совладѣю съ словомъ проповѣди“. И призванный все надѣется, что другой смѣнитъ его, а другой не является. Онъ самъ-бы хотѣлъ служить другому, болѣе сильному, и такъ-какъ его не находятъ, то и рѣшаетъ, что если нѣтъ другихъ, то это онъ призванный быть вождемъ, руководителемъ и опорой другихъ, болѣе слабыхъ людей, чѣмъ самъ онъ. И вотъ онъ слѣдуетъ призыву, онъ видитъ, что время сомнѣній и мечтаній прошло и наступило время дѣйствовать. Сомнѣнія и недовѣрія имъ откинута и, почувствовавъ на себѣ солнечный лучъ, онъ преобразуется въ другого человѣка, проникаясь чувствомъ собственной силы. Онъ не колеблется болѣе, онъ не сомнѣвается, онъ хочетъ, онъ дѣйствуетъ. Въ этотъ моментъ онъ дѣйствительно прекрасенъ, но противорѣчіе между тѣмъ, къ чему онъ стремится, и тѣмъ, что онъ можетъ, очень скоро нарушаетъ гармонію его души. Онъ знаетъ, что Богъ съ нимъ и въ немъ, и скоро теряетъ способность различать самого себя отъ Бога. Молясь Богу, онъ молится себѣ; онъ знаетъ, что его мысли и его рѣчи вдохновлены, но гдѣ границы между тѣмъ, что отъ него и что не отъ него? Онъ даже больше любитъ свои увлеченія и ошибки, чѣмъ истины, которыя онъ высказываетъ, быть можетъ, потому, что въ своихъ ошибкахъ онъ видитъ больше самого себя. Поклоненіе толпы производитъ въ немъ головокруженіе, его враги—не его враги, а враги того дѣла и того блага, во имя котораго онъ дѣйствуетъ, и потому всѣ средства про-

тивъ ихъ онъ считаетъ справедливыми. Онъ требуетъ для себя всего — и любви народа, и любви женщинъ, и всѣхъ лавръ и всѣхъ розъ жизни, но ему никогда не приходитъ въ голову, что онъ, съ своей стороны, обязанъ тоже оказывать услуги. Онъ хочетъ, чтобы его любили, но самъ себя не считаетъ обязаннымъ любить. Онъ, подобно Шатобриану, говоритъ любимой женщинѣ: „моя жизнь не больше, какъ случайность; возьмите отъ этого случая его страсть, страданія и несчастія, и я вамъ въ одинъ день дамъ больше, чѣмъ другіе въ состояніи дать вамъ втеченіи многихъ лѣтъ“. Несмотря на христіанскій оттѣнокъ, который Шатобрианъ хотѣлъ дать своему герою, въ сущности основное чувство, которое онъ проводитъ въ немъ, есть самый глубокій, сосредоточенный и грубый эгоизмъ, стремленіе къ наслажденію, злое начало въ мягкой формѣ, въ кажущемся стремленіи къ счастью ближняго. Ренэ пишетъ Целинѣ: „я, прижавъ тебя въ первый разъ къ своему сердцу, охотно бы противнулъ тебя въ то-же мгновеніе выжалою, чтобы продлить въ твоей груди на вѣкъ счастье и чтобы наказать самого себя, что я далъ его тебѣ такъ много“. Да, немного тутъ христіанской любви, за то цѣлый океанъ себя-любиваго и заносчиваго эгоизма.

V.

Какъ въ физическомъ мірѣ въ извѣстныя времена являются эпидемическія болѣзни, такъ и въ интеллектуальномъ являются подобныя же эпидеміи. Деятнадцатое столѣтіе началось именно этими болѣзнями духа, послѣдовавшими за тѣмъ революціоннымъ періодомъ, который потрясъ человѣчeskій духъ. Симптомами новой болѣзни явилось освобожденіе лица и освобожденіе мысли.

Было провозглашено, что лицо стало свободнымъ. И вотъ человѣкъ, недовольный тѣмъ мѣстомъ, городомъ, селомъ, гдѣ онъ жилъ или гдѣ онъ родился, не хочетъ продолжать дѣло своего отца, ощущаетъ въ себѣ какое-то демократическое чувство и въ буквальной смыслѣ думаетъ, что весь свѣтъ лежитъ передъ нимъ открытымъ. Прогрессъ чувства дѣйствительно необыкновенный сравнительно съ тѣмъ, что было ранѣе. Человѣку, почувствовавшему себя свободнымъ, все кажется возможнымъ и слово „невоз-

можно“ потеряло для него смыслъ. Но въ то время, когда возможность явилась чѣмъ-то безпредѣльнымъ и безграничнымъ, силы человѣка не выросли въ томъ-же размѣрѣ, а меньше всего сила самоуправленія. Вотъ гдѣ причина безпредѣльныхъ желаній и требованій и безпредѣльной меланхолии. Когда человѣку показалось все возможнымъ, ему показалось и все дозволеннымъ. Теперь человѣкъ пересталъ признавать всякое запрещеніе, въ которомъ онъ могъ усмотрѣть чисто-человѣческое происхожденіе. На каждое запрещеніе у него былъ готовъ одинъ отвѣтъ или, скорѣе, вопросъ, страшный вопросъ, въ которомъ лежитъ начало всѣхъ человѣческихъ знаній и всей человѣческой свободы—вопросъ: „почему?“

И мысль тоже стала свободной. Человѣкъ почувствовалъ себя микрокосмомъ, отражающимъ весь міръ. Сознавъ въ себѣ право, освобожденная мысль въ то-же время не почувствовала въ себѣ столько силы, чтобы воспользоваться возможностями, которыя себѣ завоевала. Человѣкъ очутился въ какихъ-то потемкахъ и не можетъ понять ничего изъ тайнъ своего личнаго существованія. Для чего мы родимся, для чего живемъ, съ какою цѣлью? И вотъ явилось недовольство недостаткомъ нашихъ знаній, а слѣдующее за нимъ душевное страданіе олицетворилось въ новомъ литературномъ типѣ—въ „Оберманѣ“.

„Оберманъ“ написанъ въ томъ-же году, какъ и Ренэ, написанъ въ смыслѣ, страстнымъ скептикомъ и глубоко чувствующимъ стоикомъ Сепанкуромъ. „Обермана“ можно-бы назвать французскимъ Вертеромъ, потому что онъ во Франціи вызвалъ такую-же манію къ самоубійству. Въ отличіе отъ Вертера, въ Оберманѣ вы не встрѣтите исторіи любви. Если Ренэ былъ избранный, то Оберманъ—обойденный. Его душа на-столько-же многообразна и его чувства такъ-же глубоки, какъ и у Ренэ, но ангель, призвавшій перваго, обошелъ втораго. Въ Ренэ какъ-бы высказалась натура, ищущая господства, Оберманъ есть исторія большинства, но не вульгарной массы, а глубоко возбужденнаго и одареннаго множества, составляющаго хоръ избранныхъ людей.

„Оберманъ“ написанъ для несчастныхъ, для тѣхъ, которые созданы для тѣневой стороны жизни и никогда не выбираютъ на солнце. Счастье проходитъ мимо нихъ и всю жизнь они кажутся мертвыми, хотя и живы. Въ большинствѣ случаевъ имъ никогда не удается явиться на сценѣ общественной дѣятельности; какъ

Гамлетъ говорить, въ нихъ между многими прекрасными качествами есть одна ошибка, уничтожающая всю силу ихъ природы. Они похожи на часы, въ которыхъ лопнула пружина и вся прекрасная машина останавливается. Оберманъ—меланхоликъ по преимуществу; какъ онъ самъ говорить про себя, онъ родился только для того, чтобы страдать. Для него существуетъ не солнце въ природѣ, а только мракъ, туманъ и холодъ; понятно, что для такого человѣка жизнь становится невыносимой. А въ то-же время Оберманъ не хочетъ подчиниться никакимъ жизненнымъ законамъ, онъ не выносить зависимости, ни къ чему у него нѣтъ такой сильной ненависти, какъ къ тому, что можетъ его связать и отнять его свободу. Слишкомъ глубоко чувствующій дѣйствительность и въ то-же время слишкомъ слабый, чтобы съ нею бороться, Оберманъ не можетъ найти себѣ мѣста въ природѣ, бѣжитъ отъ людей, удаляется въ горы, взбирается на самыя вершины ихъ, одинъ, безъ проводника, и сидитъ тамъ одинокій, углубившись въ свои мысли.

Забравшись къ самымъ звѣздамъ, этотъ „энергическій человѣкъ безъ воли“, какъ онъ самъ себя называетъ, предается, между прочимъ, размышленіямъ о самоубійствѣ, объ этомъ единственномъ средствѣ, которое придумала литература для освобожденія личности. Конечно, самоубійство—самое радикальное средство, чтобы освободить себя отъ тяжелаго нравственнаго гнета, покончить съ тѣмъ общественнымъ давленіемъ, подъ которымъ человѣкъ задыхается. И нѣтъ ничего мудренаго, что манія самоубійства такъ господствовала въ началѣ нынѣшняго столѣтія; благодаря Наполеону и его кровавымъ войнамъ, когда жизнь миліоновъ не цѣнилась ни во что, особеннаго уваженія къ человѣческой жизни, конечно, и не могло явиться. „Я слышу повсюду, говорить Оберманъ,—что лишить себя жизни есть преступленіе. Но тѣ-же самые софисты, которые запрещаютъ мнѣ смерть, сами выставляютъ меня на смерть. Хорошо тому, кому жизнь улыбается, и онъ долженъ ее сохранить. Но если для человѣка жизнь тяжела, будетъ-ли преступленіемъ, если онъ лишить себя ея? И кто судья этого права? Тотъ-ли, кому дана жизнь, или общество? Если я хочу умереть, за что вы меня заставляете сохранить жизнь, которая для меня невыносима, а если я не имѣю права самъ отнять отъ себя жизнь, то я точно также не имѣю никакого права подвергать себя вѣроятной смерти.“

Поэтому всѣ ваши герои только преступники. Повелѣніе, которое вы имъ даете, отправляя ихъ на войну, не оправдываетъ ихъ. И если я самъ не имѣю права на смерть, кто-же передалъ это право обществу? Могу-ли я передать то, чѣмъ не владѣю? Что за безумный принципъ, что я не могу самъ себя освободить отъ того, что меня давить!“

Философія Обермана принесла, конечно, свои плоды. Главное возраженіе противъ самоубійства, которое тогда дѣлалось, — обязательство относительно другихъ людей. Достаточно или недостаточно этотъ аргументъ, пусть рѣшаютъ моралисты, что-же касается исторіи развитія мысли, то, констатируя фактъ, мы указываемъ лишь на то, что подавленное душевное состояніе, которое явилось въ европейскомъ обществѣ въ началѣ нынѣшняго столѣтія, внесло въ литературу два такіе документа, какъ „Оберманъ“ и „Вертеръ“. Но кромѣ нихъ было еще нѣсколько сочиненій, которыя усиливались оправдывать самоубійство. Ренэ тоже писалъ своей женѣ, что бывають въ жизни такіа обстоятельства, которыя могутъ заставить насъ желать вылетѣться отъ „маніи существованія“. Совершенно справедливо, замѣчаетъ при этомъ Сен-Бѣвъ, что выраженіе „манія существованія“ оскорбляетъ самымъ страшнымъ образомъ чувство любви. Все самое лучшее, чѣмъ каждый смертный дорожитъ, даже когда онъ несчастливъ, возможность жить полнымъ сердцемъ и наслаждаться „свѣтомъ дня“, это лучшее чувство человѣка называютъ маніей! Жить и носить въ себѣ чувство жизни — величайшая человѣческая добродѣтель, отвѣчали на разсужденія Обермана философы. Оберманъ кончаетъ тѣмъ, что принимаетъ намѣреніе сдѣлаться писателемъ. Какой рассчетъ на успѣхъ буду я имѣть? спрашиваетъ онъ себя при этомъ. Если недостаточно высказать истину, и высказать ее съ убѣжденіемъ, то я, конечно, не буду имѣть никакого успѣха. „Идите первыми, восклицаетъ онъ, — вы, кто ищете славы минуты. Идите первыми вы, которые считаете царствомъ своимъ идею, рассчитанную на минуту, и искусство, бьющее на эффектъ. Съ вами нѣтъ у меня ничего общаго и вашъ успѣхъ меня не плѣняетъ. Спѣшите, спѣшите, хорошо и то, что у васъ есть свое время. Я-же, съ своей стороны, думаю, что вовсе нѣтъ нужды въ томъ, чтобы быть признаннымъ при жизни“. Породѣ людей этого типа, людей „лишнихъ“, вытолкнувшихъ самихъ себя изъ жизни и считавшихъ

себя ненужными, обойденными, непризнанными, оставалась, конечно, одна вѣра, что ихъ признають послѣ смерти.

VI.

За разсудочнымъ періодомъ Вольтера, конечно, должна была наступить реакція. Революція его времени, незнавшая мѣры, должна была вызвать поправку. Вольтеръ былъ не только критикомъ, но и разрушителемъ; это былъ страшный воинъ, для котораго годилось всякое оружіе, и борьба его была направлена преимущественно противъ грубаго вѣшняго авторитета, мѣшавшаго всякому умственному и матеріальному прогрессу того времени. Но побѣда надъ одними головными принципами и разсудочное торжество не могло еще удовлетворить чувства, и тогда повторилось то-же, что повторилось послѣ реформаціи. Кромѣ вѣшнихъ авторитетовъ, испровергнутыхъ Вольтеромъ, есть еще авторитеты внутренніе — истина, право, благо, и потому понятно, что недостаточное сознание силы внутреннихъ авторитетовъ привело къ злоупотребленію чисто-разсудочными принципами, какъ свобода, равенство и братство, которые были провозглашены. Эти красивыя слова оказались звукомъ безъ содержанія. А между тѣмъ и новому поколѣнію писателей, воспитавшихся на идеяхъ предъидущихъ, оказалось совершенно невозможно отъ нихъ освободиться. Поэтому шатобриановская проповѣдь законности такъ-же сквозить безвѣріемъ, какъ и констановская вѣра въ религію. Реакціонные писатели, старавшіеся пополнить пустоту, пользовались для своихъ построекъ старымъ матеріаломъ и старыми обломками. Понятно, что ихъ новая постройка оказалась наполовину новой, наполовину старой. И въ то-же время они продолжали и прежнюю борьбу съ обществомъ, недоведенную до конца. Одинъ изъ моментовъ этой борьбы представляетъ романъ Бенжамена Констана „Адольфъ“.

„Адольфъ“ — тоже исторія любви. Но герой поступаетъ не такъ, какъ его предшественники, онъ не рисуетъ любовь въ ея утренней прелести и въ иллюзіяхъ едва возбуждавшагося чувства. Онъ даетъ цѣлую біографію любви, рисуетъ ея ростъ, колебанія, отступленіе, смерть. Въ сравненіи съ Адольфомъ, Вертеръ не больше, какъ наивное дитя. Въ то время, какъ Вертеръ гибнетъ отъ

любви и цвѣты ея оказываются для него смертельными, Адольфъ хладнокровно общипываетъ ихъ одинъ за другимъ. Но есть и еще одинъ шагъ впередъ противъ гётевскаго Вертера. Теперь энтузіазмъ переносится на женщинъ и „Адольфъ“ является „Вертеромъ“ ихъ. Болѣзни времени дѣлаетъ еще одинъ шагъ впередъ и переходитъ съ мужчины на женщину. Въ Вертерѣ сомнѣвался, страдалъ и болѣлъ мужчина, Шарлота-же была здорова, тверда и, конечно, нѣсколько холодна и незначительна. Теперь наступила очередь ея; теперь она любитъ и сомнѣвается.

Молодое поколѣніе, смѣнившее Вертера, относилось къ любви совершенно иначе. Пусть любятъ старики, говорили они; у насъ нѣтъ для любви ни времени, ни охоты, ни достаточнаго спокойствія духа. И отказавшись отъ любви, мужчины передали ее въ наслѣдіе женщинѣ, и какъ раньше мужчина протестовалъ противъ общества и его оковъ и предрасудковъ, такъ теперь возстаетъ противъ него Элеонора. Но результатъ борьбы тотъ-же самый. Во времена Вольтера амуръ являлся прекраснымъ ребенкомъ, богомъ удовольствія и наслажденій. У Руссо онъ является началомъ страсти. Гёте превращаетъ его въ добродѣтельнаго демона и смотреть на него такъ-же, какъ смотрѣлъ Шопенгауеръ, т. е. что богъ любви, слѣдуя собственной волѣ, не обращаетъ ровно никакого вниманія на счастье или несчастье человѣка. Въ Фаустѣ амуръ является не дитятей, а скорѣе злодѣемъ. Онъ не источникъ счастья, блага и наслажденія, а какая-то подземная, темная сила, заманивающая человѣка приманкою счастья и наслажденія, чтобы потомъ погубить его и низвергнуть въ пропасть грѣха и преступленія. Фаустъ и Маргарита любятъ одинъ другого, это значить, что Фаустъ увлекаетъ Маргариту и оставляетъ. Любовь Гретхенъ приноситъ ея матери, брату, ребенку и ей самой не счастье и наслажденіе, а смерть. Она, прелестная и вполне невинная дѣвушка, — дѣвушка, способная на самопожертвованіе, способная отдать свою жизнь, — отравляетъ свою мать соннымъ папикомъ, чтобы Фаустъ могъ посѣтить ее ночью. Фаустъ и Мефистофель сталкиваютъ ея брата, когда онъ хотѣлъ мстить за оскорбленную честь сестры. Гретхенъ изъ чувства стыда убиваетъ своего ребенка, затѣмъ ее сажаютъ въ тюрьму и казнятъ. Правдивое чувство Гёте не позволило ему рисовать бога любви въ такомъ плѣнительномъ видѣ, въ какомъ его обыкновенно рисовали романисты, т. е. окруженнымъ

граціями и розовыми вѣнками. И не только по своимъ послѣдствіямъ, но по своему существу, любовь, какъ ее рисовалъ Гёте, есть нѣчто роковое и губящее. Въ „Wahlverwandschaften“ Гёте рисуетъ симпатіи и антипатіи, опредѣляющія взаимныя тяготѣнія душъ, какъ законъ химическаго сродства. Гёте прослѣживаетъ возникновеніе, магическую силу любви, какъ темной естественной силы, дѣйствующей въ бессознательной глубинѣ человѣческой души. Дальше этого Гете не идетъ. Теперь наступило время сдѣлать еще шагъ впередъ и эту работу взяло на себя послѣдующее, рефлектирующее поколѣніе. Какъ ни различны были причины и послѣдствія любви, изображавшейся поэтами и писателями всѣ были согласны въ томъ, что любовь есть нѣчто данное, вполне извѣстное и очень простое. Теперь-же начинается время химическаго анализа этого простаго тѣла, и въ „Адольфѣ“ и во всей послѣдующей художественной литературѣ доказывается, что любовь есть тѣло очень сложное. Послѣдующіе химики стараются доказать, сколько въ этомъ кажущемся простомъ чувствѣ грановъ дружбы, самопожертвованія, суетности, уваженія, тяготѣнія, иллюзій, самообольщенія, обмана, ненависти, очарованій, энтузіазма, рассудочнаго расчета и т. д., при каждомъ отдѣльномъ случаѣ. При такомъ анализѣ любовь, конечно, потеряла свой сверхъестественный характеръ и утратила всякое обоготвореніе. Вмѣсто поэзіи любви явилась ея психологія. Вмѣсто того, чтобъ излагать самое чувство въ его красивыхъ, поэтическихъ сторонахъ, вниманіе обращалось на то, чтобы опредѣлить его продолжительность и его конецъ. Чувство вѣрности и безграничной преданности, на которое такъ наирали прежде, утратило свое значеніе и химики старались доказать, при какихъ условіяхъ страсть продолжительна и при какихъ нѣтъ. Такой именно романъ и написалъ Констанъ. Въ „Адольфѣ“ являются два лица, безъ малѣйшихъ намековъ на сценичность. Все совершается по внутреннимъ законамъ и читатель наблюдаетъ теченіе двойной душевной исторіи до самаго конца, точно передъ нимъ совершается какой-то химическій опытъ.

Герой романа — очень молодой человѣкъ, въ первой порѣ юности, но, какъ Ренэ и Оберманъ, преждевременно постарѣвшій. На немъ лежитъ клеймо какого-то недовольства и онъ принадлежитъ къ числу тѣхъ дѣтей, отцы которыхъ не оставили имъ въ на-

слѣдство никакого дѣла. Хотя Адольфъ умственно никогда не насытился вполне, но онъ не чувствуетъ и умственного голода. Хотя онъ ничего не пережилъ, но стоитъ какъ-бы внѣ или выше жизни. Будущее не представляетъ для него никакого интереса, потому что онъ все пережилъ въ воображеніи; прошедшее онъ тоже пережилъ головою. Онъ ко всему стремился, но ничего не хотѣлъ сильно, и чѣмъ безсильнѣе онъ чувствуетъ себя въ дѣйствительности, тѣмъ большіе разжѣры принимаетъ его тщеславіе. Тщеславіе есть именно тотъ матеріалъ, которымъ люди безъ силы и воли стараются заполнить пустоту ихъ внутренняго содержанія. Онъ желаетъ любить и хотеть, чтобъ его любили, думая воспользоваться любовью, какъ укрѣпляющимъ напиткомъ.

Рядомъ съ этими героями, не совсемъ новымъ, выступаетъ новая женщина. Она тотъ новый типъ въ литературѣ, которымъ впоследствии воспользовался Бальзакъ, создавшій изъ нея гениально-многообразный типъ, творцомъ котораго его и признали, хотя отцомъ этого типа является Констанъ. Типъ этотъ — тридцатилѣтняя женщина. Адольфъ, холодный, сухой, при всемъ своемъ честолюбіи и стремленіи къ чему-то, совершенное дитя и по лѣтамъ, и по опыту, и по знанію жизни, и даже по страсти. Дополненіемъ его является женщина. Пренія героини романовъ, молодая, наивная дѣвушка, выросавшія подъ кровомъ своихъ матерей, не могли-бы быть поддержкою для такого заходѣвшаго и надломленнаго мужчины; да и восторжествовать надъ подобною дѣвушкою, легко поддающейся чувству любви, едва-ли было-бы торжествомъ для подобнаго мужчины. Наконецъ, любовь ея и не могла-бы его успокоить и наполнить. Для этого требовалась женщина, имѣвшая перевѣсъ и въ лѣтахъ, и въ опытѣ, и потому понятно, что сближеніе съ подобною женщиною должно было измѣнить характеръ взаимнаго чувства и всѣ его подробности.

Прежде романисты соединяли всегда болѣе молодую женщину съ мужчиною нѣсколько старше ея. Предполагалось, что любовь соединяетъ два существа, которыя уже впередъ были назначены одинъ для другого. Такъ что, какъ только мужчина увидѣлъ женщину, сейчасъ-же ее полюбилъ и она полюбила его съ перваго взгляда. Если такой счастливый моментъ являлся для двухъ половинокъ, назначенныхъ одна для другой, онѣ соединялись и жили счастливо до конца жизни. При этомъ, конечно, не упускалось изъ виду,

чтобы всё украшающія жизнь мелочныя обстоятельства помѣщались подлѣ въ эстетическомъ порядкѣ. Повятно, что какъ только одна изъ половинокъ нарушала разъ установленную традицію, должна была и во всемъ воззрѣніи на чувство совершиться цѣлая революція. Эту-то революцію мы и видимъ, произведенную романами Бальзака и Жоржъ-Занда. Прежнюю молоденькую героиню смѣняетъ новая героиня — женщина развитая. Но чтобы это возможно было въ дѣйствительности, — встаетъ зашѣтимъ, что Бенжамень Констанъ рисовалъ собственно себя и свои отношенія къ г-жѣ Сталь, — чтобы это возможно было въ дѣйствительности, Европѣ нужно было пережить три очень важные момента: сен-симонизмъ съ его гуманистическими тенденціями, июльскую революцію, которая во многомъ измѣнила положеніе женщины и потрясла тотъ этикетъ, которымъ она была обружена, и, наконецъ, появленіе Жоржъ-Занда. Жоржъ Занду, какъ выразительницѣ всего предъидущаго, соединившей въ себѣ, какъ въ фокусѣ, идеи конца восемнадцатаго и начала девятнадцатаго вѣка, выпала наиболѣе выдающаяся историческая роль. Она одна своимъ лицомъ повела борьбу за свободу женщины, и то, что французская революція 1789 г. сдѣлала для мужчины, толчекъ того Ж. Зандъ дала женщинѣ. Только теперь, спустя почти 40 лѣтъ, выступилъ на сценѣ и въ литературѣ женскій вопросъ. Жѣнщина до этихъ поръ вздыхала уже давно по мѣстѣ, котораго ее лишили, и давно ждала своего художника и поэта. Только въ этомъ причина, что Бальзакъ произвелъ такое необыкновенное возбужденіе между женщинами, хотя онъ, въ сущности, не открывалъ никакой Америки; открытіе его заключалось только въ томъ, что Бальзакъ показалъ, что зрѣлая женщина, выработавшая себѣ житейскій опытъ, имѣетъ болѣе чувства, страсти, зрѣлыхъ мыслей и силы характера, чѣмъ была молодая дѣвушка. Теперь пока эта женщина выступаетъ лишь въ сферѣ любви, но наступитъ для нея, конечно, и другая пора — дѣятельность общественная. Успѣхомъ своимъ Бальзакъ обязанъ былъ, между прочимъ, и тому, что между женщинами гораздо болѣе читающихъ тридцатилѣтнихъ, чѣмъ двадцатилѣтнихъ. Прибавимъ здѣсь еще, что тридцатилѣтняя женщина, этотъ вѣрный историческій продуктъ, а не изобрѣтеніе романистовъ, у послѣдователей Бальзака превратился въ карикатуру — въ сорокалѣтнюю женщину. На этомъ типѣ мы не станемъ останавливаться, потому что онъ давно уже

умеръ, частью осмѣянный, частью отринутый серьезною критикою. Несмотря на то, что Бальзакъ былъ совершенно вѣренъ истинѣ и правдѣ жизни, и онъ не миновалъ нападокъ. М-ше Emile de Girardin, защищая его, совершенно справедливо говоритъ: „Развѣ Бальзакъ виноватъ въ томъ, что тридцати-лѣтній возрастъ есть нынче возрастъ любви? Бальзакъ долженъ былъ рисовать страсть тамъ, гдѣ онъ ее находилъ, а нынче ее не найти въ шестнадцати-лѣтнемъ сердцѣ“. Къ этому можно прибавить, что въ шестнадцати-лѣтнемъ сердцѣ не можетъ быть не только той любви, въ которую игралъ амуръ, но, что еще важнѣе, нѣтъ и не можетъ быть той внутренней силы, которая личную любовь превращаетъ, наконецъ, въ общественное чувство.

Тридцати-лѣтняя женщина, какъ зрѣлое существо, вступающее въ жизнь активнымъ дѣятелемъ, будетъ еще понятнѣе, если сравнить ее съ героинями Гете. Вообразите Гретхенъ и Клерхенъ. Несмотря на нѣкоторую разницу ихъ натуръ, онѣ совершенныя дѣти. Онѣ обѣ поглощены однимъ и тѣмъ-же чувствомъ, обѣ онѣ любятъ въ первый разъ и одинъ разъ навсегда. Обѣ онѣ въ любви не видятъ ничего; одна исходитъ изъ глубокой женской привязанности, другая — изъ глубокаго женскаго воодушевленія. Все, что онѣ ни дѣлаютъ, во всемъ дѣйствуютъ какъ-то непроизвольно, даже сами не зная, почему. Ихъ нѣжныя и мягкія, какъ воскъ, сердца, принявъ разъ впечатлѣніе, такъ и остаются съ нимъ на-вѣки. Чистота ихъ, благородство, непорочность не имѣютъ ничего себѣ подобнаго. Онѣ вѣрны по инстинкту и не понимаютъ, какъ можно быть невѣрными. Въ нихъ соединились всѣ добродѣтели безъ всякой морали, потому что мораль есть головное сознаніе, а доброта дается намъ отъ природы. Онѣ не смотрятъ на тѣхъ, кого любятъ, какъ на равныхъ себѣ, а спизу вверхъ, точно для нихъ осуществилась въ дѣйствительности старая сказка о томъ, что сыновья боговъ снизошли на землю. Въ своей любви онѣ не видятъ ничего, не знаютъ ничего, не понимаютъ ничего. Все въ предметѣ ихъ страсти кажется имъ колоссальнымъ и имѣющимъ непремѣнное достоинство. Поэтому любовь ихъ лишена всякой критики; для ихъ любви не пужна свобода мысли, не нуженъ даже разумъ. Имъ кажется, что выше предмета ихъ страсти етъ ничего и что весь міръ долженъ смотрѣть на него, какъ онѣ смотрятъ. Вотъ ужъ дѣти-то чистой природы!

Въ Элеонорѣ является иной типъ. Въ ней все—сознаніе и воля; характеръ ея активный. Въ основѣ ея чувства всегда лежить опытъ, иногда очень болѣзненный, тяжелый, горькій, но который пронизываетъ ея душу по всѣмъ направленіямъ. До сихъ поръ женщина была какъ-бы лишена этого элемента, ей даже не требовался умъ; теперь-же разумъ, вмѣшавшійся даже въ страсть, является какъ-бы на первомъ планѣ. Элеонора пренебрегла всѣмъ—богатствомъ, связями, родствомъ, семействомъ, даже родной, чтобы слѣдовать за тѣмъ, кого она полюбила. Ей приходилось выбирать между нимъ и цѣлымъ свѣтомъ, и она выбрала его. Она совершенно себя изолировала, чтобы принести себя въ жертву во всемъ ему. И свѣтъ, конечно, ей этого не простилъ. На нее обрушилось и презрѣніе, и всякихъ родовъ преслѣдованія, и каждая ничтожность считала себя вправе указывать на нее пальцемъ. Одинъ домъ за другимъ закрывались отъ нея и скоро она осталась только въ обществѣ мужчинъ и друзей ея избранника. Но въ отношеніяхъ этихъ лицъ къ ней было тоже что-то странное, двусмысленное, оскорбительное. А она, пожертвовавшая всѣмъ, поставившая всю свою жизнь на одну карту, въ то-же время сосредоточила всѣ свои силы для борьбы съ тѣми, кто ее отталкивалъ. „Если я упала въ обществѣ мнѣніи, потому что связала свою судьбу съ этимъ человекомъ, говоритъ она,—то я искуплю ошибку самой строгой вѣрностью. Неужели страстная любовь и безграничная жертва не значать ничего? Не заключаютъ-ли онѣ сами въ себѣ столько силы, чтобы искать одобренія или неодобренія? Они могутъ смотрѣть на меня съ ненавистью, презрѣніемъ, могутъ лишить меня своего вниманія, лести, побѣдъ, но моя жизнь въ моемъ единственномъ чувствѣ будетъ имѣть несравненно больше сокровищъ, чѣмъ весь ихъ изолгавшійся блескъ“. Желѣзная энергія и воля не спасаютъ, однако, Элеонору. Она понимаетъ свое неравенство и вотъ въ ней является сомнѣніе, любить-ли онъ ее въ дѣйствительности или только маскируетъ. Она чувствуетъ всѣ противорѣчія, чувствуетъ, насколько къ непосредственной любви примѣшивается посторонняго, наконецъ, сама понимаетъ, что въ ея нѣжной привязанности къ нему есть много напоминающаго любовь старшей сестры или даже матери. И, дѣйствительно, любовь Элеоноры—нѣчто болѣзненное, ненормальное, и какъ гений Бальзака и Жоржъ-Занда ни усиливались опозитизм-

ровать эту ненормальность, она навсегда останется признакомъ только душевной болѣзненности того поколѣнія, которое пережило подобный душевный моментъ. Мы уже говорили, что матеріяль для романа данъ Констану любовью къ нему м-ше Сталь, которая служитъ представительницей той борьбы съ обществомъ, которую въ началѣ девятнадцатаго вѣка взяла на себя женщина.

Духовное и нравственное неравенство должно было, конечно, кончиться печально. Всепоглощающая любовь Элеоноры начала тяготить Адольфа. Если бывали мужчины, которые страдали, потому что любовь ихъ не встрѣчала отвѣта, то Адольфъ страдалъ оттого, что любили его, а онъ любить уже не могъ. Какъ часто онъ долженъ былъ показывать себя счастливымъ и довольнымъ, когда въ душѣ у него было несчастье и недовольство! А въ то же время Элеонора приносила всевозможныя жертвы, чтобы сдѣлать Адольфа счастливымъ. И все это не помогало, потому что, кромѣ того, противъ ихъ любви былъ и свѣтъ, былъ и отецъ Адольфа, который жалѣлъ сына, потому что онъ убивалъ на этой любви и свои силы, и свою молодость. Передъ нимъ возникали и личныя сомнѣнія, и являлись постороннія вліянія, которыя дѣлали ему ясной естественность разрыва, и какъ обязательство относительно отца, и какъ обязательство относительно его собственного будущаго, и какъ единственный исходъ изъ того несчастнаго настоящаго, которое его мучило. Элеонора получаетъ разъ письмо, изъ котораго она узнаетъ, на-сколько любовь ея къ Адольфу стоитъ поперекъ его жизни. Съ нею дѣлается горячка и она умираетъ, храня любовь къ Адольфу до послѣдней минуты. Но въ тотъ моментъ, когда онъ сталъ, повидимому, свободенъ, онъ сдѣлался еще несчастнѣе; онъ не знаетъ, что дѣлать съ своею свободою, и онъ опять готовъ запутаться въ прежнія сѣти. Констанъ кончаетъ свой романъ слѣдующимъ нравоученіемъ: „страстная любовь, страстное чувство безсилны бороться съ установившимся порядкомъ; общество слишкомъ сильно; оно сдѣлаетъ невыносимой любовь, которую не одобрило и не благословило. Горе женщинъ, ищущей поддержки исключительно въ чувствѣ, оно отравитъ все, съ чѣмъ будетъ связано. И если общество не признаетъ чего-нибудь законнымъ, оно вооружится всѣмъ, что есть самаго свѣрнаго въ человѣческомъ сердцѣ, чтобы раздавить въ немъ все, что есть самаго лучшаго“.

VII.

Байронъ сказалъ объ „Адольфѣ“, что въ немъ есть смутныя истины, и потому, что это сочиненіе нѣсколько туманно, оно никогда не будетъ популярнымъ. Извѣстно, что Байронъ не считалъ возможнымъ счастье въ бракѣ, а смутныя истины „Адольфа“ пытаются доказать невозможность счастья внѣ брака. Въ такомъ случаѣ, гдѣ же искать счастья, если его нельзя найти ни въ бракѣ, ни внѣ брака? Вопросъ этотъ въ началѣ нынѣшняго столѣтія явился главнымъ вопросомъ большинства передовыхъ писателей, и въ сочиненіяхъ г-жи Сталь онъ служитъ постоянной основной идеей. Г-жа Сталь не включаетъ страсть въ понятіе о долгѣ, но въ понятіе о счастьѣ, и идеалы, которые она высказываетъ въ „Адольфѣ“ и въ „Кориннѣ“, это—стремленіе найти счастье въ любви. Невѣроятность найти это счастье въ бракѣ, какъ онъ устроенъ въ европейскомъ обществѣ, и невозможность найти его опять внѣ брака,—вотъ тѣ главныя идеи, которыя у писателей этой эпохи постоянно противодѣйствуютъ другъ другу. Лично для г-жи Сталь сердце—все, даже слава для нея не больше, какъ средство, чтобы покорять сердца. „Когда я искала славы, говорить она,—я постоянно надѣялась, что она заставитъ людей любить меня“. Фанатическая послѣдовательница равенства, она проповѣдывала его во всемъ. Она видѣла его не только въ равенствѣ человѣческихъ способностей, но даже и въ чувствѣ, и ничто не томило ее такъ, какъ неравенство въ положеніи ближнихъ и то страданіе, которое составляетъ повсюдное несчастье людей. Понятно, почему Наполеонъ, старавшійся ввести въ французское общество прежній режимъ и воротить его къ тому, что было имъ отброшено, такъ не любилъ м-ше Сталь, возставшую во всеоружіи своего таланта, чтобы бороться съ тѣмъ самымъ обществомъ, заблужденія и предразсудки котораго онъ желалъ возстановить.

Но что-же значить эта борьба лица съ обществомъ, котору м-ше Сталь вела отъ своего лица, и что значить „общество“, съ которымъ она боролась? Развѣ общество не есть выраженіе воли соединенныхъ индивидовъ и развѣ во мнѣніи общества заключается менѣе разума, чѣмъ въ тѣхъ личностяхъ, которыя его

составляютъ? Общество есть нѣчто очень сложное, и болѣе сложное, чѣмъ простое представленіе о мнѣніи случайно составляющихъ его личностей. Общественное мнѣніе есть очень сложная комбинація обычаевъ, законовъ, воззрѣній, того разнообразнаго умственнаго наслѣдія, въ которомъ мѣшается ясное съ смутнымъ, умное съ глупымъ, вполне устарѣвшее съ вновь возникающимъ, что вмѣстѣ, частью изъ несовершенства человѣческой природы, частью изъ ограниченности большинства, держится на ошибочномъ и недостаточномъ знаніи сущности человѣческой природы.

Главная, основная ошибка общественныхъ правилъ въ томъ, что они признаются всеобщими, т. е. что они должны служить закономъ рѣшительно для всѣхъ безъ исключенія; поэтому понятно, сколько они должны вызывать жертвъ. Правила, обычаи, установленія общества, которымъ оно велитъ подчиняться каждому безъ исключенія, не больше, какъ прокустово ложе, на которомъ cadaго растагиваютъ прилаживаютъ и обрѣзываютъ до тѣхъ поръ, пока онъ въ него не войдетъ. Для примѣра мы возьмемъ хотя языкъ. Языкъ есть тоже нѣчто общее. Мы всѣ пользуемся однимъ и тѣмъ-же языкомъ, и каждый изъ насъ, если онъ владѣетъ какою-нибудь оригинальностью, то, желая выразиться на своемъ языкѣ, принужденъ приносить постоянныя жертвы. Такъ-какъ человѣкъ не самъ создаетъ выраженія и не самъ выдумываетъ слова, а только долженъ ихъ приискать, то онъ постоянно вынужденъ то ослабить выраженіе, то усилить его, или-же выразиться около. На тысячу случаевъ каждый языкъ представляетъ развѣ только одну возможность выразить вполне точно отдѣлки личнаго чувства и идей, которые человѣкъ хочетъ высказать. Вся наша рѣчь ничего болѣе, какъ только приближеніе къ тому, что мы чувствуемъ и усиливаемся высказать. Только вслѣдствіе невозможности высказаться такъ, какъ-бы человѣкъ хотѣлъ, писатели обыкновенно прибѣгаютъ къ образности и къ извѣстнаго рода искусственной картинности, лишь-бы сдѣлать свой языкъ понятнымъ для большинства и придать ему общій характеръ.

Въ жизни общества господство его надъ каждымъ отдѣльнымъ лицомъ, и тѣмъ болѣе даровитымъ или гениальнымъ, является болѣе или меньшей тиранией, всегда существовавшей, всегда возбуждавшей протестъ даровитыхъ, непокладливыхъ личностей, потому

что и обыкновенный человекъ, и гений—все должны поступать одинаково, какъ-бы ни были различны ихъ стремленія, чувства, мысли и желанія. Гениальный человекъ, какъ справедливо замѣчаетъ Брандесъ, --являлся только первымъ ученикомъ этой дурно-устроенной школы. Бѣдняга долженъ былъ постоянно слушать одиѣ и тѣ-же старыя лекціи и долженъ былъ тысячи разъ повторять зады только потому, что все это было нужно для учениковъ послѣдней скамейки. Въ этомъ классѣ, гдѣ часть учениковъ похожа на дикихъ звѣрей, часть напоминаетъ собою обезьянъ, а наибольшая часть состоитъ изъ невѣждъ, установилось такого рода общественное мнѣніе и о морали, что какъ-бы этотъ первый ученикъ ни чувствовалъ всю ея лживость, невѣрность и ошибочность, онъ все-таки долженъ ей подчиняться, а если вздумаетъ противодѣйствовать ей, то горе ему! Еще хуже во всѣхъ подобныхъ отношеніяхъ женщинѣ. И вотъ эту-то постоянную борьбу съ ограничивающимъ общественнымъ мнѣніемъ, которую выдающейся личности, вроде м-ше Сталь, приходилось выносить, она сдѣлала предметомъ своихъ литературныхъ произведеній. Возбуждая общество противъ его самого, Сталь вмѣстѣ съ тѣмъ указывала, на-сколько стѣсняющей фальши заключается въ установленіяхъ и морали общества; на-сколько его собственное сдерживающее невѣжество стоитъ поперекъ его самого и, мѣшая счастью отдѣльныхъ лицъ, дѣлаетъ несчастнымъ и самое общество, состоящее изъ этихъ единицъ.

Г-жу Сталь обвиняли въ томъ, будто-бы она пыталась поколебать вѣру въ святость брака. Въ сущности-же она говоритъ вовсе не то. Она говоритъ собственно противъ законовъ о бракѣ, которые существуютъ въ католическихъ земляхъ и въ замѣвъ которыхъ въ протестантскихъ странахъ общественное мнѣніе являлось болѣе строгимъ судьей, чѣмъ католическіе законы. М-ше Сталь доказываетъ или усиливается доказать, что бракъ является лишь въ томъ случаѣ дѣйствительнымъ нравственнымъ идеаломъ, если два лица, въ одинъ изъ моментовъ ихъ жизни обѣщавшія другъ другу вѣрную совмѣстную жизнь до конца ихъ дней, дѣйствительно другъ друга знаютъ и любятъ. При этомъ Сталь указываетъ на необыкновенную трудность узнать вполне другъ друга. Въ основѣ брака должно лежать взаимное полное пониманіе и знаніе другъ друга, а если этого въ союзѣ женщины съ мужчиной нѣтъ, нѣтъ и брака, говоритъ она. Бракомъ не будетъ тотъ со-

взъ, въ которомъ люди, не зная одинъ другого, будутъ прибѣгать ко лжи или дадутъ свое согласіе, вызванное или страхомъ, или принужденіемъ, или посторонними расчетами и соображеніями, въ которыхъ нѣтъ любви. Такой бракъ, по словамъ г-жи Сталь, будетъ ложью.

Протестуетъ-ли г-жа Сталь противъ общественнаго мнѣнія и обычаевъ и установленій, она опять является тѣмъ-же адвокатомъ правъ женщины, является опять тою-же защитницей свободы и возможности свободнаго развитія, которыя одни создаютъ счастье, честь, добродѣтель, однимъ словомъ, все лучшее и благородное что только кроется въ человѣческой душѣ и что такъ тѣсно связано съ свободою. М-ше Сталь не признаетъ никакой частной морали: она говоритъ, что гордый и честный человѣкъ долженъ слушать только голоса всеобщей морали, а ея-то именно она и не усматриваетъ въ современномъ ей обществѣ. Со всѣхъ сторонъ она видитъ только далеко развившуюся сѣть наслѣдственныхъ, установившихся мнѣній и всякихъ предрасудковъ, давно переставшихъ быть истинами, въ которые люди, точно рыцари, вооружились съ ногъ до головы и противъ которыхъ все-таки нельзя поднять голоса, несмотря на то, что кругъ, въ которомъ они дѣйствуютъ, занимаетъ не болѣе нѣсколькихъ квадратныхъ миль. И несмотря на то, что каждый со дня своего рожденія долженъ облечься въ доставшійся ему костюмъ, общество не проститъ тому, кто бы хотѣлъ сбросить съ себя эту старую, обветшавшую, порванную и заплятанную одежду, а другіе, питая къ ней какое-то религіозное уваженіе, носятъ на себѣ ее до конца дней, какъ какую-то святыню. Чтобы показать рѣзче невѣрность тѣхъ частныхъ идеаловъ съ которыми носилось современное ей общество, Сталь прибѣгаетъ къ сравнительному методу. Людей нельзя убѣждать логикой, большинство совершенно для нея глухо, и чтобы убѣдить ихъ, нужно искать другое средство. М-ше Сталь выбрала его удачно. Она написала романъ, въ которомъ подвергаетъ критикѣ воззрѣнія нѣмцевъ, французовъ, англичанъ и итальянцевъ и, такъ-сказать, указываетъ на относительность тѣхъ истинъ, которыя каждою изъ этихъ странъ признаются истиной безусловной.

Большинство народовъ создало свои идеалы и понятія о долгѣ и добродѣтели прежде всего изъ условій той природы, въ которой оно жило. Климатическія условія при этомъ играли, ко

нечно, весьма важную роль. Мы заговорили объ этомъ не для того, чтобы изложить исторію происхожденія народныхъ обычаевъ и воззрѣній, но для того, чтобы показать, что слѣдуетъ понимать подъ относительными истинами. Напр., сѣверные народы Европы, германскаго корня, никогда не жилали въ благопріятныхъ климатическихъ условіяхъ и потому для нихъ дождь, т. е. удобное, хорошо обставленное помѣщеніе, гдѣ послѣ дневного труда такъ пріятно отдыхалось передъ камелькомъ, въ обществѣ своихъ и близкихъ, какъ, напр., жена и дѣти, представлялось особенно пріятнымъ и отраднымъ отдыхомъ. И вотъ всѣ народы нѣмецкаго корня очень богаты выраженіями и словами, характеризующими этотъ Gemuth домашней жизни и ту домашнюю роль женщины, которую она при этомъ играетъ. Напр., нѣмецкое Frauenzuhause вовсе не указываетъ на духовную сущность женской природы, а указываетъ ея мѣсто въ природѣ, опредѣляя ее какъ извѣстную домашнюю принадлежность. У народовъ романскаго корня, преимущественно расположившихся на югѣ Европы, гдѣ и климатъ лучше и гдѣ не приходится спасаться въ четырехъ стѣнахъ отъ холода, мрака и слякоти, не существуетъ такихъ обиходныхъ словъ, которыя-бы указывали на особенную специальную домашность женщины, и вся жизнь итальянцевъ, испанцевъ и даже французовъ имѣетъ болѣе вѣв-домашній, общественный характеръ. И вотъ возникаетъ весьма интересное явленіе, что народъ не довольствуется своими идеалами о счастіи, довольствѣ, какъ идеалами чисто-мѣстными, но изъ нихъ создаетъ цѣлое представленіе объ обязательствахъ, добродѣтеляхъ и долгахъ, на которые смотритъ, какъ на всеобщіе, и, проникнувшись собственными добродѣтелями, хочетъ ихъ сдѣлать обязательными для всего міра. Но этого мало: народъ или нація, создавшая себѣ цѣлый кодексъ нравственныхъ постановленій, явившійся чисто изъ мѣстныхъ условій, проникается такимъ гордымъ чувствомъ, что только свое считаетъ безошибочнымъ и желаетъ, чтобы оно было принято всѣми. Но такъ-какъ всѣ эти представленія коренятся все-таки въ реальной дѣйствительности и имѣютъ практическій смыслъ, то, конечно, на нихъ нужно смотрѣть только какъ на истину относительную.

„Коринна“ написана г-жею Сталь именно противъ національныхъ предрасудковъ Европы. Освальдъ является представителемъ

предразсудковъ Англiи, графъ д'Эрфель—предразсудковъ Франціи, и противъ предразсудковъ этихъ двухъ самыхъ сильныхъ и вмѣстѣ съ тѣмъ самодовольныхъ націй Европы возстаетъ Коринна со всею силою воодушевленія ея поэтического чувства. Борьба эта вовсе не спокойная и не хладнокровная борьба, потому что все счастье Коринны зависитъ отъ того, насколько ей удастся побѣдить въ Освальдѣ его врожденные предразсудки относительно его взгляда на женщину и тѣхъ условій, которыя въ Англiи признаются единственными, опредѣляющими ея судьбу. Въ графѣ Освальдѣ олицетворяется чувство въ его „сѣверномъ“ представленіи; поведеніе Коринны его шокируетъ, потому что онъ привыкъ смотрѣть на женщину, какъ на домашнее животное, и не можетъ простить ей преступленіи свободной мысли, а тѣмъ болѣе генія. Ему кажется, что женщина съ свободнымъ душевнымъ порывомъ совершенно не подходитъ къ тому домашнему счастью, въ представленіи о которомъ онъ выросъ. И когда, наконецъ, онъ полюбилъ, полюбилъ ее съ такою страстью, что все остальное, что онъ когда-либо или видѣлъ, или слышалъ, или чувствовалъ, поблѣднѣло, онъ забываетъ и ее, и ея геній, и ея душевный идеалъ, и ея дѣйствительное душевное величіе, какъ только онъ снова вступилъ на англійскую почву, какъ только вдохнулъ снова въ себя англійскій туманъ и англійскіе предразсудки, какъ только онъ увидѣлъ непорочную шестнадцатилѣтнюю дѣвочку, которая создана какъ-разъ по англійскому рецепту, чтобы быть женою и исполнять семейныя обязательства—тихое, непорочное, молчаливое, ничего невѣдающее существо съ голубыми глазами и свѣтлыми волосами.

Графъ д'Эрфель—мастерской типъ всѣхъ французскихъ достоинствъ, соединенныхъ съ національнымъ легкомысліемъ и пустотой. Французъ любитъ не такъ, какъ англичанинъ. У него въ любви главную роль играетъ суетность, тщеславіе и боязнь общественнаго мнѣнія. По словамъ м-ше Сталь, французская любовь не больше, какъ тщеславіе и постоянная боязнь общественнаго мнѣнія, боязнь того, „что скажутъ“, т. е. постоянное чувство страха быть осмѣяннымъ и оскорбленнымъ въ своемъ тщеславіи.

И какъ-же это сѣверное пуританское высокомеріе и французское тщеславіе съ его страхомъ смѣха посрамляются непосредственной простотой естественности итальянскаго народа, который сумѣлъ сохранить свою душевную чистоту даже въ томъ подавленномъ

состояніи, въ которомъ онъ тогда находился! „Какимъ образомъ, спрашиваетъ Освальдъ Коринну, говоря съ ней объ Англіи, — вы оставили эту страну съ ея святыней нравственныхъ обычаевъ, принявъ погрязшую Италію за свое второе отечество?“ Коринна отвѣчаетъ: „Въ этой странѣ мы защищены и противъ англійской гордости, и противъ самодовольства французовъ“. И она обрисовываетъ вѣрными и тонкими чертами трогательную наивность, въ которой Италія проявляетъ свои чувства. Нѣтъ тутъ ни накрахмаленной сдержанности англичая, ни кокетства, какъ во Франціи. Женщина здѣсь хочетъ нравиться только тому, кого любить, и нисколько не боится, если объ этомъ знаетъ хоть весь свѣтъ.

Коринна вѣрнымъ взглядомъ видитъ, что официальное уваженіе къ долгу и морали не ведетъ ровно ни къ чему у народовъ нѣмецкаго корня, гдѣ общественные законы въ сущности построены на величайшей грубости нравовъ. Она знаетъ очень хорошо, что мужчина въ Англіи не уважаетъ никакихъ общацій, никакихъ отношеній, если они не занесены въ официальный протоколъ, и что въ этой-же щепетильной Англіи, считающей бракъ святыней, уживается рядомъ въ высшей степени недостойная, безстыдная, животная жизнь. Въ Англіи, говоритъ Коринна, — славу и счастье женщины составляютъ ея домашнія добродѣтели, но гдѣ дѣйствительный святой союзъ является въ бракѣ, то это только тамъ, гдѣ обращено главное вниманіе на счастье женщины, — въ Италіи. Мужчины создали тамъ тотъ родъ морали, который рассчитанъ исключительно на судъ самого сердца. М-ше Сталь доказываетъ, что всякое душевное приобрѣтеніе женщины и высшее ея развитіе, какъ ума, такъ и чувствъ, только одни и ведутъ къ взаимной нравственности отношеній и создаютъ дѣйствительное счастье. И почему гений — несчастье, спрашиваетъ Коринна, — почему отринули мою любовь? „Развѣ Освальдъ найдетъ у другой женщины болѣе душевнаго содержанія, болѣе способности его понять, болѣе нѣжності? Нѣтъ, онъ найдетъ меньше, и останется все-таки довольнѣе, потому что будетъ чувствовать себя въ большемъ согласіи съ своимъ обществомъ. Какія-же ложныя радости и какія мнимыя страданія даетъ оно намъ! Уже одинъ взглядъ на солнце и на небо возбуждаетъ въ насъ потребность любить и чувствовать взаимную цѣну, а общество! Какъ оно черствитъ сердце и дѣлаетъ умъ легкомысленнымъ! Какъ-бы чисто и легко дышалось,

если-бы въ одинъ прекрасный день люди встрѣтились, освобожденные отъ того давленія, которое они, взятые вмѣстѣ, обнаруживаютъ на cadaго въ отдѣльности! Сколько-бы новыхъ мыслей и истинныхъ чувствъ устремилось въ нихъ освѣжающимъ потокомъ!“

„Прими мой послѣдній привѣтъ, о, мое отечество, восклицаетъ дальше Коринна, обращаясь къ Риму, и въ ея словахъ чувствуется горечь оскорбленнаго чувства достоинства и непризнанность ея настоящимъ отечествомъ;—прощай, великодушный народъ, желавшій мнѣ славы, изъ храма которой ты не изгоняешь женщинъ, народъ, дающій вѣчные дары, а не льстящій преходящему тщеславію, народъ, дарящій постоянное одобреніе паренію генія, того самаго генія, который во всемъ является побѣдителемъ, но безъ жертвъ, и творитъ вѣчное, чтобы обогатить временное“.

Н. Языковъ.

(Продолженіе будетъ.)

ЗАПИСКИ УБИЙЦЫ.

РОМАНЪ.

ЛЮИ УЛЬБАХА

ГЛАВА XXV.

ФЕРЕОЛЬ.

Оставивъ Амичи, я отправился пѣшкомъ въ дому г-жи Иибо. Итакъ, мои подозрѣнія и предположенія оказались правильными; я угадалъ подробности совершившейся драмы. Теперь я могъ уже дѣйствовать не въ потьмахъ...

Г-жа Иибо, встревоженная моимъ продолжительнымъ отсутствіемъ, при первыхъ моихъ словахъ совершенно успокоилась. Мы съ нетерпѣніемъ ожидали возвращенія Шамбюра, желая знать, гдѣ находится Фереоль. Мнѣ казалось, что лучше повидаться съ нимъ въ Парижѣ, чѣмъ на его родинѣ, въ Оверни. Шамбюръ вернулся въ восемь часовъ вечера.

— Фереоль въ театрѣ вмѣстѣ съ своимъ новымъ другомъ, сказалъ онъ. — Я ѣхалъ за ними до палерояльскаго кафе, гдѣ они пробыли съ полчаса, и затѣмъ отправились въ гостиницу въ улицѣ Пруверъ. Вѣроятно, они шушукались, запершись въ номерѣ, занятомъ Фереолемъ, и мнѣ пришлось ожидать ихъ съ добрымъ часъ; я остановилъ карету напротивъ гостиницы. Наконецъ, они вышли и я услышалъ, какъ Фереоль сказалъ: „Итакъ, до вечера, докторъ!“ Фереоль вернулся къ себѣ, а я остался въ каретѣ ожидать, когда онъ снова выйдетъ... Утромъ я похулилъ парав-

ских лошадей, г. Максимъ; сознаю теперь свою несправедливость. И кучера, и лошади здѣсь одарены изумительнымъ терпѣніемъ. Фереоль обѣдалъ почти до семи часовъ, затѣмъ вышелъ съ трубкой въ зубахъ, направился къ бульварамъ и вошелъ въ театръ, на представленіе какой-то фееріи. Какой у него спокойный видъ! Онъ шель, слегка посвистывая, точно на совѣсти у него не лежало никакого гадкаго дѣла. Онъ, правда, убилъ Леона д'Альверта, но что-жъ изъ этого? Другой обвиненъ вмѣсто него, слѣдовательно, онъ можетъ спокойно позабавиться, смотря феерію. Что-же, пойдѣмъ и мы въ театръ, чтобы переговорить съ нимъ, или я долженъ отпустить карету? Что вы думаете предпринять?

Я передалъ Шамбюру полученныя мною свѣденія и мы рѣшили отпустить карету. Затѣмъ мы сѣли обѣдать и стали обсуждать, гдѣ лучше мнѣ свидѣться съ Фереолемъ. Я стоялъ за Парижъ; Шамбюръ держался другого мнѣнія; онъ полагалъ, что въ Брассакѣ, гдѣ Фереоль извѣстенъ всему городку, онъ побоится скандала и скорѣе войдетъ въ соглашеніе, чѣмъ въ Парижѣ. Въ провинціи въ ходу мнѣніе, котораго держится, конечно, и Фереоль, что Парижъ представляетъ самое удобное убѣжище для негодяевъ. Въ Брассакѣ легче накрыть его, если у него находятся письма или какія нибудь другія компрометирующія его бумаги. Шамбюръ также подтвердилъ, что деньгами, пожалуй, можно соблазнить Фереоля. Г-жа Имбо во всемъ согласилась съ мнѣніемъ Пьера и я долженъ былъ уступить. Мы рѣшили ѣхать въ Брассакъ на слѣдующемъ поѣздѣ послѣ отъѣзда туда Фереоля.

Бѣдный Шамбюръ! Какъ терзается онъ теперь, что уговорилъ меня ѣхать въ Брассакъ!

На слѣдующее утро, пока Шамбюръ ходилъ на развѣдки, я сбѣгалъ въ домъ д'Альверта. Бѣдный отецъ! Я засталъ его въ большомъ горѣ; сегодня онъ получилъ извѣстіе о смерти Бонафу и считалъ ее послѣдствіемъ моего осужденія.

Его очень заинтересовалъ рассказъ о моемъ свиданіи съ Амичи; у него вырвалось восклицаніе удивленія къ этой пагубной для него женщинѣ. Онъ не сомнѣвался въ моемъ успѣхѣхъ и снабдилъ меня весьма значительной суммой денегъ въ чекахъ на его банкю, а при прощаніи вручилъ мнѣ револьверъ.

— Кто знаетъ, что можетъ случиться, сказалъ онъ; — иди къ такому человѣку, необходимо быть хорошо вооруженнымъ.

Принимая этотъ подарокъ, я подумаль, что у Леона было ружье и, однаковъ, оно не помогло ему.

Въ этотъ-же день мы узнали, что разносчикъ отправился въ Брассакъ; слѣдующій поѣздъ туда отходилъ только на слѣдующій день и я выразилъ мнѣніе, что необходимо заказать экстренный поѣздъ.

— Зачѣмъ? Мы, пожалуй, обгонимъ Фереоля, сказалъ Шьерь, которому очень хотѣлось еще побыть въ Парижѣ.

— Нѣтъ, отвѣчалъ я,—мы все-таки будемъ въ Брассакъ позже него, хотя прїѣдемъ ранѣе его въ Клермонъ.

— Понимаю: мы ѣдемъ не прямо въ Брассакъ.

— Надо побывать на кладбищѣ въ Турѣ.

Вечеромъ мы выѣхали изъ Парижа; остановившись на одинъ часъ въ Клермонѣ и взявъ верховыхъ лошадей, мы поѣхали въ Туръ. Въ горахъ выпалъ такой снѣгъ, что ѣхать въ экипажѣ было затруднительно.

Въ Турѣ мы прїѣхали ночью. Я пошелъ одинъ къ кладбищу; Шамбюръ долженъ былъ присоединиться ко мнѣ позже съ верховыми лошадьми. Проходя мимо нашего дома, я потихоньку подошелъ къ окну; комната слабо освѣщалась лампой; моя пріемная мать сидѣла на табуретѣ, на своемъ обычномъ мѣстѣ у очага, противъ табурета ея покойнаго мужа. Она сидѣла задумавшись и не вязала чулка. Думала-ли она о своемъ старикѣ или, можетъ быть, въ эту минуту вспоминала обо мнѣ и въ тысячный разъ твердила, что никакой судъ въ мірѣ не можетъ признать меня виноватымъ? Я не рѣшился войти къ ней; я мысленно облобызалъ ее и съ грустью удалился. Я шелъ тихо и когда подошелъ къ воротамъ кладбища, Шамбюръ былъ уже тамъ съ лошадьми.

Я пробылъ на кладбищѣ не долго и когда вышелъ оттуда, снѣгъ пересталъ падать.

— Поздно теперь заѣзжать въ Гляндери, сказалъ Шамбюръ, когда мы тронулись въ путь.

— Да; но, кажется, мы непремѣнно должны проѣхать мимо него; другой дороги нѣтъ.

— Конечно, конечно, сказалъ Шамбюръ съ улыбкой.—Къ нашему благополучію, тучи разсѣялись и луна свѣтитъ ярко; можно будетъ хорошо рассмотреть замокъ.

Когда я увидѣлъ, что снѣжная пелена окружаетъ замокъ и на

ней почти незамѣтно слѣдовъ, что деревья покрыты инеемъ, а изъ трубъ выходятъ густые клубы дыма, я понялъ, что г-жѣ де-Лавезакъ, осужденной проводить зиму не въ Парижѣ, а въ этой отдаленной и уединенной мѣстности, живетъ не красно и что про себя она, вѣроятно, часто бранить меня, какъ причину ея невзгоды. Въ нижнемъ этажѣ свѣту вовсе не было. Въ верхнемъ лампа горѣла въ комнатѣ г-жи де-Лавезакъ. Вскорѣ свѣтъ показался въ спальнѣ Сирилы,—явный признакъ, что она простилась уже съ матерью; немного погода освѣтилось окно и въ комнатѣ миссъ Бутсъ.

Нѣсколько минутъ пробылъ я въ тихомъ созерцаніи и, наконецъ, сказалъ:

— Ыдемъ.

Шамбюръ былъ правъ, назвавъ Брассака дряннымъ городишкомъ. Когда мы вѣхали въ него, мы не нашли и слѣда снѣга; онъ обратился въ жидкую грязь; городъ выглядѣлъ крайне непривѣтливо. Мы остановились въ извѣстной Шамбюру гостиницѣ; онъ отправился на развѣдку и, вернувшись черезъ четверть часа, сообщилъ мнѣ, что Фереоль пріѣхалъ и находится теперь въ своей квартирѣ. Я рѣшился идти къ нему тотчасъ-же.

Я положилъ въ одинъ карманъ бумажникъ съ чеками, а въ другой револьверъ и вышелъ. Мы сговорились, что я одинъ войду въ комнату къ разносчику; Пьеръ-же останется за дверью и при малѣйшемъ шумѣ или по моему призыву присоединится ко мнѣ, чтобы либо помочь мнѣ, если представится надобность, либо быть свидѣтелемъ, если по ходу переговоровъ въ немъ ~~будетъ~~ ~~явится~~ необходимость.

Фереоль занималъ одну комнату въ обширномъ домѣ, который, очевидно, былъ заѣзжимъ домошъ, хотя не имѣлъ вывѣски, что можно было заключить по его обширнымъ конюшнямъ, сараямъ и возамъ, скученнымъ на дворѣ, а также по тому, что его выходная дверь не запиралась ни днемъ, ни ночью.

Я постучалъ въ дверь комнаты Фереоля; она отворилась и разносчикъ такъ внезапно очутился передо мной, что мы оба невольно отступили.

— Г. Фереоль? спросилъ я вѣжливо.

Прежде, чѣмъ отвѣтить, разносчикъ подозрительно осмотрѣлъ меня съ ногъ до головы.

— Да, это я, отвѣчалъ онъ спокойно, вѣроятно, найдя меня по наружности неопаснымъ.

— Мнѣ необходимо переговорить съ вами объ одномъ дѣлѣ...

— О какомъ такомъ дѣлѣ? спросилъ онъ рѣзко, растопырявая руки и какъ-бы заграждая мнѣ проходъ.

— О дѣлѣ... связанномъ съ вашей поѣздкой въ Парижъ.

Фереоль нахмурилъ брови и невольно отступилъ.

— Кто вы такой? спросилъ онъ тономъ угрозы.

— Какъ! вы меня не признаете?

— Я васъ совсѣмъ не знаю.

— Ошибаетесь, вы должны меня знать.

— Я вижу васъ въ первый разъ.

— Напротивъ, въ третій.

Говоря это, я подвинулся впередъ, а Фереоль еще отступилъ назадъ. Войдя въ комнату, я заперъ дверь.

— Что вы дѣлаете? спросилъ разносчикъ.

— Необходимо, чтобы никто не слышалъ и не помѣшалъ намъ, отвѣчалъ я съ улыбкой.— Вы забыли, г. Фереоль, что видѣли меня въ сироварнѣ Пужа, въ то время, когда вы и я скрывались въ ней по одной и той-же причинѣ.

Лицо Фереоля побагровѣло, глаза засверкали.

— Все это, однакожь, не разъясняетъ мнѣ, кто вы такой, сказалъ онъ.

— Меня зовутъ Максимъ Бонафу.

— А!.. осужденный! прошепталъ онъ.

— Да, осужденный... вмѣсто васъ.

Кровь снова ударила ему въ голову и онъ схватился за лобъ.

— Я думалъ, что вы убѣжали, прошепталъ онъ.

— Какъ видите, нѣтъ, и пришелъ къ вамъ за тѣмъ, чтобы попросить васъ уѣхать вмѣсто меня.

— Мнѣ! уѣхать!

Онъ пытался засмѣяться, но это ему не удалось; онъ сѣлъ и облокотился локтемъ на столъ. Я взялъ стулъ и тоже сѣлъ на другомъ концѣ стола.

— Если позволите, г. Фереоль, сказалъ я какъ могъ спокойно, — я прямо приступаю къ дѣлу. Съ вами случилось большое несчастье; меня обвинили вмѣсто васъ. Меня осудили заочно; я

не являлся въ судъ потому, что не могъ представить доказа-
тельствъ моей невиновности. Теперь я ихъ имѣю.

Фереоль вскочилъ и такъ оттолкнулъ стулъ, что онъ ударился
въ стѣну.

— Если вы ихъ имѣете, спросилъ онъ,—что вы намѣрены съ
ними дѣлать?

— Я намѣренъ уничтожить ихъ, если вы согласитесь на
предложенныя мной условія, выгодныя какъ для васъ, такъ и
для меня.

— Какое дѣло мнѣ до вашихъ доказательствъ!

— Они противъ васъ.

— Противъ меня?.. Я могу доказать...

— Знаю. Вы скажете, что на другой день послѣ того, какъ
произошелъ несчастный случай, рано утромъ вы были въ Пине-
рандѣ, а чтобы не могло выйти никакого сомнѣнія на этотъ
счетъ, вы поколотили одного изъ вашихъ должниковъ. Потомъ
вы пришли въ сыроварню Пужа. Оттуда вы ушли въ Брассакъ,
гдѣ жили смирно все время, пока шло слѣдствіе и судъ. Приго-
воръ постановленъ и вы сочли, что для меня все кончено... Тогда
вы отправились въ Парижъ, чтобы свести съ кѣмъ слѣдуетъ
счета; свѣда ихъ, вы возвратились въ Брассакъ... Вѣрны собран-
ныя мною свѣденія?

По своему темпераменту Фереоль былъ неспособенъ хладнокровно
выслушать рассказъ о такихъ открытіяхъ. Сперва онъ не могъ
выговорить ни слова отъ изумленія, но потомъ прибѣгъ къ обыч-
ному дипломатическому средству грубыхъ людей—къ гнѣву.

— Какія сказки вы мнѣ рассказываете! вскричалъ онъ, ударяя
кулакомъ по столу,—ни слова нѣтъ правды въ вашей болтовнѣ!
Вы, должно быть, очень смѣлый человѣкъ, если рѣшаетесь гово-
рить со мной такимъ образомъ... Стоитъ мнѣ только отворить
окно и кликнуть жандарма и вы попадете въ тюрьму.

— Зовите жандарма, но тогда не пеняйте, если я выдамъ
васъ.

— Вы? вы выдадите меня? сказалъ онъ, скрестивъ руки на
груди и смотря на меня съ недоумѣніемъ.

— Я не желаю васъ выдать, напротивъ, я хочу избавить
васъ отъ опасности, угрожающей вамъ не отъ меня.

— Какая еще опасность можетъ угрожать мнѣ?

— Хотя-бы и та, что на васъ можетъ донести м-ль Амичи. Это имя снова озадачило его. Онъ видѣлъ, что мнѣ извѣстны его тайны, что я слѣдилъ за нимъ. Однакожь, онъ не хотѣлъ сдаваться.

— Я не знаю никакой м-ль Амичи, отвѣчалъ онъ свирѣпо.

— Можетъ быть, знаете доктора Ранчели?

Онъ вскочилъ, какъ ужаленный, и зашагалъ по комнатѣ, съ скрещенными на груди руками, стараясь не смотрѣть мнѣ въ глаза. Я ждалъ терпѣливо, пока пройдетъ его гнѣвъ; я не сомнѣвался, что благоразуміе возьметъ въ немъ верхъ и онъ захочетъ узнать, въ какой мѣрѣ долженъ меня опасаться. И дѣйствительно, черезъ нѣсколько минутъ онъ сѣлъ на прежнее мѣсто противъ меня.

— Правы вы или не правы, спорить не будемъ, сказалъ онъ;—но мнѣ любопытно знать, что именно вы намѣрены мнѣ предложить?

— Подписать заявленіе, что вы, выведенный изъ себя въ ссорѣ съ Леономъ д'Альвертомъ, ударили...

— Никогда не подпишу я такого заявленія. Я не убійца.

— Вы вспыльчивы, дерзость Леона вывела васъ...

— Да, онъ плюнулъ мнѣ въ лицо, прервалъ меня Фереоль.— Развѣ вы позволили-бы кому-нибудь безнаказанно плюнуть вамъ въ лицо?

— Конечно, нѣтъ.

— Я знаю, мнѣ слѣдовало дать ему плюху, поступить съ нимъ, какъ съ мальчишкой. Но у него въ рукахъ было ружье и онъ вздумалъ угрожать имъ мнѣ. Тогда, будучи не въ силахъ сдержать себя, я бросился къ нему, вырвалъ у него ружье и ударилъ... Развѣ это преступленіе?

— Преступленіе, г. Фереоль, отвѣчалъ я мягко, — допустить осужденіе невиннаго, когда вы можете однимъ словомъ оправдать его.

— Почему-же невинный не защищаетъ самъ себя?

— Я и намѣренъ защищаться.

— Вы требуете отъ меня это слово, о которомъ говорили?

— Я намѣренъ купить его у васъ.

— Я не продаю своей головы.

— Вашей головы не тронуть.

— Я не продаю своей свободы.

— И вашей свободѣ не угрожаетъ опасность.

— Такъ что-же вы хотите купить?

— Одну истину. Вы напишете и подпишете откровенный рассказъ о томъ, что произошло. Я представляю его въ судъ и законное рѣшеніе будетъ уничтожено.

— А я?

— Вы, г. Фереоль, будете за границами Франціи, куда уѣдете только на-время.

— На-всегда.

— Нѣтъ. Дѣло, по всей вѣроятности, будетъ передано въ судъ исправительной полиціи.

— Вы забываете, что могутъ потребовать выдачи меня.

— Даю вамъ слово, этого не будетъ.

— Ну, а что вы дадите за мое согласіе?

Я наудачу сказалъ первую представившуюся мнѣ цифру.

— Такъ мало! сказалъ Фереоль.

— Назначьте сами вашу цѣну, отвѣчалъ я.

Фереоль въ это время уже совсѣмъ успокоился; въ немъ проснулся инстинктъ ростовщика, дѣльца. Ему предстояло обсудить денежное дѣло и у него явилось опасеніе, какъ-бы не опростоволоситься.

— Вы мнѣ говорили о доказательствахъ, сказалъ онъ, пристально всматриваясь въ мое лицо, — я не вѣрю, что они у васъ есть... Если-бы они имѣли настоящую цѣну, вы представили-бы ихъ въ судъ, а не стали-бы подѣзжать ко мнѣ съ предложеніями.

— По нѣкоторымъ уважительнымъ причинамъ я представляю ихъ въ судъ только въ крайнемъ случаѣ.

— Нельзя-ли, однакожь, мнѣ ознакомиться съ этими доказательствами?

— Какъ вы думаете, г. Фереоль, можетъ-ли служить достаточнымъ доказательствомъ письмо, писанное вами къ Амичи тотчасъ послѣ происшествія?

— Она отдала вамъ его? спросилъ онъ живо.

— Отдала или нѣтъ, отъ этого сила его не измѣняется.

— У васъ нѣтъ его и вы никогда его не получите.

— Почему?

„Дѣло“, № 10, 1877 г.

— Она побойтся отдать его.

— Я знаю, это письмо можетъ нѣсколько компрометировать ее, но васъ оно погубить.

— Меня? Вздоръ!

— Это письмо вы сочли ловкой штукой, но вы ошибаетесь, г. Фереоль, оно — большая, единственная ваша ошибка.

— Не понимаю.

— Написавъ Амичи, что вы исполняли ея волю, вы установили преднамѣренность убійства, которое иначе могло быть признано случайнымъ.

Фереоль, очевидно, не думалъ объ этомъ. Въ первый моментъ по совершеніи преступленія ему не пришло въ голову, что судъ можетъ признать преступленіе случайнымъ. Первой мыслью его было обезопасить себя отъ Амичи, которая могла выдать его, и онъ написалъ ей письмо, въ которомъ говорить съ ней, какъ съ своей сообщницей, даже подстрекательницей на преступленіе. Теперь онъ сознавалъ свою неосторожность, но не хотѣлъ въ этомъ сознаться.

— Ба! сказалъ онъ, — вы не получите этого письма, потому что...

Онъ остановился.

— Потому что, продолжалъ я его фразу, — Ранчели обѣщала вамъ перехватить это письмо.

— Кто вамъ сказалъ объ этомъ? спросилъ быстро Фереоль.

— Я могъ-бы отвѣчать вамъ, что Ранчели. Подобные ему негодяи легко измѣняютъ своимъ сообщникамъ, но я буду искрененъ. Я угадалъ это и предупредилъ Амичи. Она знаетъ, что вы сообщили Ранчели свѣденія объ ея состояніи, которыхъ она не хотѣла дать ему. Она знаетъ, что вы оба ждете ея смерти, чтобы раздѣлить ея пожитки; она иногда думаетъ, что Ранчели, пожалуй, ускорить ея конецъ.

При этихъ словахъ Фереоль снова побагровѣлъ.

— Вы очень неосторожны, сказалъ онъ, сжимая кулаки, — если рѣшаетесь говорить такимъ тономъ мнѣ, у меня въ квартирѣ.

— Меня не такъ легко уничтожить, какъ моего обѣднаго друга, Леона д'Альверта, отвѣчалъ я. — Вы сами неосторожны, г. Фереоль, повторяя сцену, разыгравшуюся въ паркѣ; такимъ путемъ вамъ трудно будетъ доказать свою невиновность.

— Какъ знать! сказалъ онъ дерзко.

— Я пришелъ сюда вмѣстѣ съ другомъ, г. Фереоль; онъ остался за дверью и, можетъ быть, слышитъ ваши слова, такъ-какъ вы говорите очень громко... Трудно скрыть слѣды преступленія. Я не былъ въ тотъ моментъ, когда вы убивали Леона, я не видѣлъ, какъ вы убѣгали изъ парка, и, однакожь, я такъ хорошо знаю подробности вашего преступленія, точно я былъ свидѣтелемъ его. И тогда у васъ былъ угрожающій видъ и сжатые вулаки; но я спокойнѣе Леона и не плюну вамъ въ лицо.

— Но развѣ вы меня не оскорбляете?

— И я въ свою очередь спрошу васъ, отвѣчалъ я,—неужели предложеніе мое поправить сдѣланное вами зло можно считать за оскорбленіе?

— Довольно болтовни, сказалъ онъ нетерпѣливо,—окончимъ скорѣе.

— Этого и я желаю.

— Вы согласитесь, не такъ-же я глупъ, что взялъ да и написалъ заявленіе, которое вы отъ меня требуете.

— Я предлагаю вамъ сдѣлать это на извѣстныхъ условіяхъ.

— Условія эти—западня. Я дамъ вамъ безспорное доказательство вашей невинности, а потомъ суду вздумается захватить меня, и онъ захватитъ, хотя-бы я былъ въ Бельгіи или Швейцаріи; для меня свобода дороже двадцати, тридцати... ста тысячъ франковъ.

Объявивъ послѣднюю цифру, Фереоль посмотрѣлъ мнѣ прямо въ глаза.

— И вы полагаете, что ваше заявленіе стоитъ сто тысячъ франковъ? спросилъ я.

— Оно стоитъ дороже, такъ-какъ дѣло идетъ о моей свободѣ. Я вижу только одно средство уладить наше дѣло. Чѣмъ обезпечите вы, что меня не арестуютъ?

— Прежде всего—моимъ словомъ, сказалъ я гордо.

— И только? Вы, право, смѣшите меня; мы говоримъ о дѣлѣ, а не о чувствахъ. Вашего слова мнѣ недостаточно.

— Чего-же вы еще желаете?

— Вашей подписи взамѣнъ моей.

— Для чего?

— Я подпишу заявленіе, требуемое вами, а вы напишете ко

мнѣ письмо, въ которомъ скажете, что за такую-то сумму вы просите меня согласиться принять на себя ваше преступленіе. Такимъ образомъ, если вы вздумаете измѣнить мнѣ...

— Вы не изобрѣтательны, г. Фереоль, прервалъ я, — мое письмо будетъ подражаніемъ письму, написанному вами Амичи.

— Если средство хорошо...

— Оно не хорошо, потому что не помѣшаетъ Амичи передать мнѣ ваше письмо.

— Это мы увидимъ.

— И потому, что обязываетъ меня подписать ложь для того, чтобы гарантировать истину.

— Итакъ, вы не желаете?

— Не хочу.

— Берегитесь!

— Чего?

Фереоль поднялся и бросилъ вокругъ себя взглядъ, какъ-бы отыскивая оружіе.

ГЛАВА XXVI.

А р е с т ь .

Въ углу комнаты помѣщался цѣлый арсеналъ палокъ и тростей, съ желѣзными наконечниками и безъ нихъ; между ними была палка, срѣзанная Фереолемъ у сыроварни. Войдя въ комнату, я замѣтилъ это собраніе аргументовъ, при случаѣ пускаемыхъ въ ходъ брасакскимъ дѣльцомъ, и, споря съ нимъ, я часто измѣрялъ глазомъ разстояніе, отдѣлявшее ритора отъ его риторики. Каждый разъ, какъ онъ угрожалъ мнѣ жестомъ, тономъ, голосомъ и приближался къ своимъ палкамъ, я инстинктивно вложилъ руку въ карманъ и хватался за револьверъ. У меня сильно билось сердце, не скажу, чтобы я чувствовалъ себя вполне спокойнымъ, не разъ начинала у меня бушевать кровь, — я имѣлъ вспыльчивый характеръ, — но каждый разъ разумъ бралъ верхъ и я относительно хладнокровно выслушивалъ грубыя выходки свирѣпаго разносчика.

При послѣдней угрозѣ Фереоля я отошелъ нѣсколько назадъ; ему представилось, что я хочу бѣжать.

— Вы не выйдете отсюда, вскричалъ онъ,—пока не исполните моего требованія.

— И вы хотите навязывать мнѣ условія? сказалъ я.

— Да, я; слышите-ли, я васъ не боюсь.

— Если вы не боитесь меня, не препятствуйте мнѣ уйти.

— Да, какъ бы не такъ; я васъ пущу, а вы надѣлаете мнѣ пакостей.

— Нѣтъ; я дамъ вамъ время на размышленія, а потомъ вернусь къ вамъ.

Мнѣ послышались шаги по лѣсенкѣ и затѣмъ въ сѣняхъ, за дверь. Вѣроятно, подходилъ Шамбюръ, до котораго донесся шумъ нашего спора: мой другъ спѣшилъ ко мнѣ на помощь. Я вынулъ руку изъ кармана; я не нуждался болѣе въ револьверѣ; насъ будетъ двое противъ одного, къ тому-же Пьеръ имѣлъ при себѣ палку.

— Вы не выйдете, повторилъ разносчикъ.

— Пожалуй; но вы успокойтесь, поразмыслите и примите мои предложенія.

— Хороши ваши предложенія; надо быть сѣмасшедшимъ, чтобы принять ихъ. Вы, кажется, считаете меня дуракомъ.

Онъ подошелъ къ своему арсеналу; губы его дрожали, глаза налились кровью.

— Да или нѣтъ, почти закричалъ онъ:—согласны вы написать это письмо?

— Нѣтъ.

Фереоль схватилъ первую попавшуюся палку (не самую толстую) и, опершись на нее, сказалъ мнѣ рѣзкимъ, шипящимъ голосомъ:

— Вы полагаете, что со мной можно шутить, что меня можно напугать; что я, какъ баранъ, пойду за вами и еще буду просить, чтобы вы потащили меня въ судъ!.. Ошибаетесь!.. Вы знаете мою тайну... вы должны раздѣлять со мной опасность... Вы должны написать то, что я требую, иначе...

— Что-же иначе?

Меня изумляло, что Шамбюръ все еще остается за дверь; слышался только скрипъ, происходящій, когда кто-нибудь нажимаетъ плечемъ запертую дверь.

Фереоль метнулъ палкой въ воздухъ; видимо, онъ только угро-

жалъ мнѣ, но не желалъ еще ударить. На его угрозу я вынулъ револьверъ изъ кармана и нацѣлилъ въ него.

— Вотъ какъ! вскричалъ онъ, захохотавъ, — не думаете-ли вы испугать меня этой игрушкой? Опустите вашу руку!

— Поставьте палку на мѣсто! отвѣчалъ я.

— Говорю вамъ, къ чорту вашу руку! закричалъ онъ, подходя ко мнѣ, и такъ близко взмахнулъ палкой подлѣ меня, что я почувствовалъ вѣтеръ на своей щекѣ.

Вѣроятно, я очень сильно поблѣднѣлъ. Я отступилъ къ двери и оперся на нее; теперь уже я самъ мѣшалъ войти Шамбюру. Я не опустилъ руку, я внимательно слѣдилъ за Фереолемъ. Прошла секунда, онъ еще разъ взмахнулъ палкой; я закрылъ глаза и выстрѣлилъ; палка Фереоля скользнула по моему плечу.

Едва раздался выстрѣлъ, я почувствовалъ, что кто-то высаживаетъ дверь; я едва не упалъ и очутился въ объятіяхъ Шамбюра. Я не замѣтилъ, что, войдя въ комнату, я машинально два раза повернулъ ключъ въ замкѣ двери.

Фереоль упалъ на спину; онъ лежалъ безъ движенія у ногъ ногъ; крови не показывалось и я вообразилъ, что онъ, можетъ быть, не раненъ, а только оглушенъ. Шамбюръ нагнулся, разстегнулъ жилетъ Фереоля, заструилась кровь. Мы съ ужасомъ посмотрѣли другъ на друга; я онѣмѣлъ; мнѣ хотѣлось спросить: „умерли ли Фереоль?“ но языкъ мнѣ не повиновался. Шамбюръ поднялся и, точно отвѣчая на невысказанный мною вопросъ, отрицательно покачалъ головой.

Кто-то быстро подымался на лѣсенку; вошла хозяйка дома. Вскрикнувъ отъ ужаса, она убѣжала въ сѣни.

— Помогите! помогите! кричала она. — Г. Фереоля убили!

Я слышалъ ея крики и у меня явилось страстное желаніе, чтобы кто-нибудь дѣйствительно пришелъ на помощь и спасъ раненаго. Я все еще держалъ револьверъ въ рукѣ. Шамбюръ, желая вывести меня изъ столбняка, ударилъ меня по плечу.

— Уходите! сказалъ онъ задыхающимся голосомъ. — Бѣгите! Пока у васъ оружіе въ рукахъ, никто не осмѣлится васъ остановить... Уходите же.

— Нѣтъ, Шамбюръ, на этотъ разъ я останусь, сказалъ я, приходя въ себя и бросая револьверъ на комодъ.

— Но васъ арестуютъ.

— Конечно.

— Я этого не хочу! Я далъ слово спасти васъ.

— Спасемъ этого несчастнаго, если есть какая-нибудь возможность его спасти.

— Но...

— Поторопимся, Шамбюръ, я не хочу, чтобы онъ умеръ.

Пьеръ, можетъ быть, продолжалъ-бы мнѣ противорѣчить, если-бъ ему не пришло на мысль, что необходимо спасти Фереоля, какъ единственнаго свидѣтеля, который можетъ доказать мою невиновность. Самъ я объ этомъ не помышлялъ, въ моемъ желаніи спасти несчастнаго не было эгоистической подкладки. Я думалъ только объ его ранѣ и, странно, я забылъ, что я виновникъ несчастія, мнѣ казалось, что я лицо постороннее въ разыгравшейся драмѣ. Я поднялъ Фереоля. Вмѣстѣ съ Шамбюромъ, мы перенесли его на кровать, раздѣли и изъ салфетки сдѣлали компрессъ; раненный стоналъ.

Хозяйка дома своими криками о помощи созвала народъ; толпа собралась во дворъ; ничего невидѣвшая хозяйка передавала собравшимся свои предположенія.

— Еще есть время, сказалъ Шамбюръ со слезами на глазахъ, — бѣгите, г. Максимъ! Я расскажу обо всемъ, что произошло.

— Нѣтъ, Шамбюръ. Выслушайте меня. Вотъ портфель, въ немъ деньги, которыя я предлагалъ... отдайте его г-жѣ Имбо, а она передастъ тому, кто мнѣ ихъ далъ. Потомъ скажите ей, что я умоляю ее именемъ моей матери употребить всѣ усилія, чтобы имя моего отца не вмѣшали въ мое дѣло.

На лицѣ Шамбюра выразилось изумленіе.

— А если, сказалъ онъ, — это будетъ единственное средство спасти васъ?

— Оно только доведетъ меня до отчаянія, Шамбюръ. Я убью себя, зная, что это открытіе покроетъ стыдомъ мою мать, пока мнѣ неизвѣстную. Скажите это г-жѣ Имбо, она пойметъ меня.

По тону моей рѣчи Шамбюръ видѣлъ, что бесполезно мнѣ противорѣчить.

Вскорѣ комната наполнилась людьми.

— Вотъ убійца, сказала хозяйка, указывая на меня.

Двое мужчинъ схватили меня за руки.

— А вотъ его сообщникъ, прибавила она, кивая на Шамбюра, который при этомъ пожалъ плечами.

— Стойте, это Пьеръ Шамбюръ, почтальонъ на трактѣ отъ Тура въ Мондоръ, сказалъ одинъ изъ присутствующихъ.

— Да, это я, сказалъ Пьеръ;—считаете-ли вы меня способнымъ совершить убійство?

— О, нѣтъ! вскричали многіе.

— Мои друзья, сказалъ Шамбюръ авторитетнымъ тономъ, который объяснялся вліяніемъ его въ этой мѣстности, — если здѣсь есть убійца, то не этотъ господинъ, не я, а вотъ тотъ!

И онъ указалъ рукой на Фереоля. Его заявленіе было слишкомъ смѣло, но онъ зналъ, что окружающая его толпа готова ему повѣрить. Разносчикъ тоже услышалъ его слова. Онъ открылъ глаза и, сдѣлавъ необычайное усиліе, поднялся на своей постели.

— Не хорошо, сказалъ онъ;—стыдно обвинять жертву.

И снова упалъ.

Пьеръ бросилъ вокругъ себя испытующій взглядъ, желая убѣдиться, на-столько-ли великъ авторитетъ его, что онъ можетъ заставить выслушать себя даже послѣ протеста Фереоля. Онъ рѣшился сдѣлать еще попытку, чтобы обезпечить мнѣ свободу хотя на нѣсколько часовъ.

— Я настаиваю на томъ, что сказалъ, продолжалъ Шамбюръ;—клянусь вамъ, друзья мои, что этотъ господинъ, стрѣляя, защищался отъ нападенія... Смотрите, на землѣ лежитъ палка, которой ударилъ его Фереоль.

Разносчикъ былъ извѣстенъ, какъ человекъ вспыльчивый и задира. Послышались вздохи сожалѣнія и сочувствія ко мнѣ; руки, державшія меня, опустились. Въ глазахъ Шамбюра блеснула надежда. Фереоль снова открылъ глаза.

— Не слушайте его, сказалъ онъ съ сильной икотой, — не слушайте, онъ пришелъ за тѣмъ, чтобы убить меня... онъ убійца...

— Вы ждете! прервалъ его Шамбюръ съ отчаяніемъ и направился къ кровати раненаго, отстраняя рукою тѣхъ, которые пытались загородить ему дорогу. Онъ подошелъ къ Фереолю, взялъ его за руку, посмотрѣлъ ему строго въ глаза и продол-

жалъ: — вы лжете! Берегитесь, Фереоль! Васъ слышитъ Тотъ, который, можетъ быть, очень скоро призоветъ васъ къ себѣ и обличитъ во лжи, какъ обличаю я.

Жестъ, которымъ мой другъ указалъ наверхъ, торжественность тона, искренность вѣры оказали сильное вліяніе на присутствующихъ, большинство которыхъ были люди религіозные. Женщины перекрестились, точно слышали слова священника, а мужчины сняли шляпы. Блѣдный, разбитый, съ блуждающими глазами, Фереоль, видя впечатлѣніе, произведенное Шамбюромъ, задрожалъ отъ страха. Онъ вырвалъ свою руку изъ руки Шамбюра.

— Я сказалъ правду, пробормоталъ онъ. — Этотъ человѣкъ никто иной, какъ Максимъ Бонафу, убійца виконта д'Альверта.

Шамбюръ долженъ былъ признать себя побѣжденнымъ. Мое имя приобрѣло мрачную извѣстность. Въ толпѣ послышался ропотъ; меня снова окружили.

— Вы Максимъ Бонафу? спросилъ, хватая меня за воротникъ моего пальто, одинъ изъ тѣхъ, которые прежде держали меня за руки.

— Да, отвѣчалъ я, — но этотъ несчастный лжетъ. Я не убійца.

— Вы осуждены на смерть?

— Да.

Мой отвѣтъ возвратилъ мнѣ уваженіе толпы. Народная масса всегда оказываетъ почтеніе приговоренному къ смертной казни; меня снова оставили въ покоѣ.

Шамбюръ быстро отошелъ отъ кровати Фереоля и остановился посрединѣ комнаты.

— Г. Максимъ Бонафу, сказалъ онъ громко, — осужденъ потому, что онъ не явился въ судъ; онъ ожидалъ, рассчитывая явиться туда, когда Фереоль заявитъ...

— Мнѣ нечего заявлять, прервалъ его раненый.

— А, несчастный, отвѣчалъ Шамбюръ, — вы осуждены на смерть и не надѣйтесь на милосердіе.

— Доктора! полицію! приведите полицію, сказалъ Фереоль, падая на подушку.

Но за докторомъ и за полиціею уже давно ушли. Первымъ пришелъ докторъ.

— Уведите меня! сказалъ я, обращаясь къ толпѣ. Я не хотѣлъ уходить, хотя имѣлъ возможность убѣжать, такъ-какъ никто не сталъ-бы меня удерживать.

Я вышелъ въ сопровожденіи толпы; я шелъ свободно, никто меня не держалъ. Я просилъ, чтобы меня заперли въ какой-нибудь комнатѣ. Комнату мнѣ указали, но дверей за мной не заперли. Я остался въ ней вдвоемъ съ Шамбюромъ.

— Зачѣмъ остаетесь вы со мною, мой другъ? сказалъ я Шамбюру, когда могъ говорить съ нимъ безъ свидѣтелей.

— Я васъ не оставлю, отвѣчалъ онъ, удивленный моимъ вопросомъ. — Я хочу, чтобы меня арестовали вмѣстѣ съ вами, чтобы посадили въ тюрьму вмѣстѣ съ вами.

— Васъ не арестуютъ, Шамбюръ; васъ хорошо знаютъ и уважаютъ въ этой мѣстности.

— Къ чему служить это уваженіе, если мнѣ не вѣрятъ?

— Оставаясь на свободѣ, вы можете принести мнѣ большую пользу; вмѣстѣ съ моими друзьями вы добьетесь того, чего я не могъ добиться. Я дамъ вамъ порученіе, отъ исполненія котораго, что-бы ни случилось, зависитъ спокойствіе моей совѣсти... Вы бываете у Амичи, расскажете ей о томъ, что произошло... и если Фереоль не переживетъ...

— Ахъ, г. Максимъ, прервалъ онъ меня съ рыданіями, — сейчасъ я хотѣлъ убить этого презрѣннаго Фереоля... Можетъ быть, теперь лучше пожелать, чтобы онъ остался живъ, раскаялся и сказалъ правду.

— Это не моя вина, Шамбюръ, если я ранилъ его смертельно.

— Когда я подумаю, что я посоветовалъ вамъ ѣхать въ Браскасъ, я проклинаю себя! Въ Парижѣ этого не случилось-бы.

— И въ Парижѣ у Фереоля была палка, а у меня револьверъ.

— Какое несчастіе! Судьба...

— Не судьба, Шамбюръ, виновата. Все, что происходитъ, составляетъ результатъ нашей воли. Я жалѣю только, что злоупотребилъ своей волей.

Только-что я успѣлъ сказать это, къ намъ въ комнату вошли полицейскій комисаръ и два жандарма. Комисаръ видимо торопился и, вѣроятно, отправилъ-бы меня въ иссоарскую тюрьму, даже не снявъ съ меня допроса, если-бъ не виѣшался Шамбюръ, хорошо ему знакомый.

— Прекрасно! я знаю свою обязанность, г. Шамбюръ, сказалъ комисарь, которому приходилось арестовывать преимущественно пьяницъ и онъ никогда не любопытствовалъ узнавать ихъ именъ.

— Потому-то, что вы знаете вашу обязанность, отвѣчалъ Шамбюръ, — я и рѣшаюсь обратитъ ваше вниманіе на слѣдующій фактъ: мы, г. Бонафу и я, обвиняемъ Фереоля въ убійствѣ виконта д'Альверта. Г. Максимъ прибылъ сюда съ единственной цѣлью побудитъ разносчика признаться въ совершенномъ преступленіи. Въ бумагахъ Фереоля, можетъ быть, находятся доказательства его вины. Я прошу васъ произвести немедленно обыскъ или же наложить печати, чтобы никто не смѣлъ ничего тронуть здѣсь.

— О, о! г. Шамбюръ вы требуете отъ меня превышенія моей власти, этого сдѣлать я не въ правѣ.

— Однакожь, отъ принятія этихъ двухъ мѣръ зависитъ свобода и жизнь невиннаго.

— Ихъ примутъ въ свое время.

— Но Фереоль успѣетъ уничтожить компрометирующія его бумаги.

— Жаль, но что-же дѣлать?

— Ну, а если Фереоль умретъ, не успѣвъ дать никакого показанія?

— Я знаю, что необходимо сдѣлать ему допросъ, того требуетъ законъ, и я постараюсь это исполнить. Я спрошу доктора, можно-ли приступить къ допросу безъ вреда для раненаго.

Комисарь, кругленькій, толстенькій, краснощекій человѣчекъ медленно повернулся и медленно вышелъ, предложивъ жандармамъ наблюдать за мною, что было излишне. Черезъ пять минутъ онъ вернулся. Теперь, напротивъ, онъ горѣлъ желаніемъ начать допросъ и усѣлся съ важнымъ видомъ, который обыкновенно принимаютъ на себя рутинные слѣдователи.

— Фереоль еще слабъ, сказалъ онъ, — но докторъ увѣряетъ, что черезъ нѣсколько минутъ послѣ наложенія перевязки его можно подвергнуть допросу.

— Надѣется докторъ спасти его? спросилъ я.

— Онъ не отчаявается.

— А! тѣмъ лучше! сказалъ Шамбюръ, но такимъ угрожающимъ тономъ, что его восклицаніе можно было объяснить въ противоположномъ смыслѣ.

— Г. Шамбюръ, сказалъ комисарь официальнымъ тономъ, — я попрошу васъ удалиться. Вы подождите въ другой комнатѣ, мнѣ необходимо дать вамъ нѣсколько вопросовъ, но пока я желаю остаться одинъ съ обвиняемымъ.

Шамбюръ повиновался; уходя, онъ крѣпко пожалъ мнѣ руку, какъ-бы желая ободрить меня.

Комисарь задалъ мнѣ нѣсколько обычныхъ вопросовъ, потомъ спросилъ, почему я не явился въ судъ къ разбору дѣла по обвиненію меня въ убійствѣ, если я чувствовалъ себя невиннымъ. Я далъ ему необходимыя разъясненія.

— Гдѣ вы скрывались? спросилъ онъ меня.

— Я не скрывался.

Не говоря ни слова о вмѣшательствѣ министра юстиціи (что было-бы не благоразумно), я сказалъ, что я спокойно ѣздилъ и ходилъ по Парижу, точно мнѣ хотѣли дать возможность отыскать самому настоящаго убійцу. Мое заявленіе произвело совсѣмъ то дѣйствіе, какого я ожидалъ. Я желалъ убѣдить комисара, что имѣю могущественныхъ покровителей, но онъ бросилъ быстрый взглядъ на жандармовъ, въ которомъ можно было прочесть презрѣніе къ парижской полиціи, и сказалъ мнѣ:

— Надѣюсь, вы отъ меня не ждете, что я стану подражать парижской полиціи и оставлю васъ свободно разгуливать.

Я поклонился.

— Вы не отрицаете, что стрѣляли изъ револьвера въ Фереоля?

— Нѣтъ, г. комисарь.

— Отлично. Вы признаете, что оружіе было спрятано у васъ въ карманѣ?

— Признаю.

— Еще лучше. Считаю нужнымъ обратить ваше вниманіе на то обстоятельство, что Фереоль былъ безоруженъ.

Я сказалъ, что у Фереоля была толстая палка, но комисарь, привыкшій, вѣроятно, къ разбору мелкихъ дѣлъ, въ которыхъ палка фигурируетъ, какъ обычный доводъ въ обыкновенныхъ ссорахъ, не обратилъ никакого вниманія на мое заявленіе. Онъ только улыбнулся.

— Мнѣ заявлено, продолжалъ онъ, — что въ моментъ произведенія вами выстрѣла входная дверь была залерта на замокъ. Кто принялъ эту предосторожность — вы или Фереоль?

— Я по разсѣянности повернулъ ключъ два раза.

— Совѣтую вамъ обдумывать ваши показанія, сказалъ комисаръ съ улыбкой. — Вы пришли, говорите вы, требовать объясненія у человѣка, по вашимъ словамъ, запальчиваго, а потому изъ предосторожности захватили съ собою револьверъ. Васъ сопровождалъ человѣкъ... солидный; когда-же вы явились въ квартиру Фереоля, страшнаго своей запальчивостію, вы заперлись на ключъ, точно желали облегчить ему нападеніе на васъ. Согласитесь, что такая неосторожность или разсѣянность невѣроятна для человѣка размышляющаго, какимъ я имѣю право считать васъ.

Высказавъ такое мудрое замѣчаніе, комисаръ гордо посмотрѣлъ на жандармовъ, а тѣ выразили на своихъ лицахъ одобреніе. Я не оспаривалъ. Не зная, о чемъ еще спрашивать меня, комисаръ прекратилъ мой допросъ и позвалъ Шамбюра. Пьеръ не ожидалъ вопросовъ. Онъ сталъ подробно объяснять все, что зналъ. Онъ говорилъ страстно, увлекательно, но не убѣдилъ комисара, напротивъ, возбудилъ еще болѣе его недоувѣріе.

— Почему-же г. Бонафу, спросилъ комисаръ, — не представилъ суду своихъ разъясненій? Почему не высказалъ онъ своихъ подозрѣній? Зачѣмъ предпочелъ онъ дѣйствовать одинъ? Если онъ невиновенъ, зачѣмъ понадобилось ему покупать у Фереоля признаніе, которое судъ могъ-бы получить отъ него даромъ?

— Ну такъ получите его, еще есть время, отвѣчалъ Шамбюръ. — Фереоль еще живъ. Вы сдѣлаете хорошее дѣло, угодное Богу и за которое вамъ будутъ благодарны всѣ честные люди.

— И въ самомъ дѣлѣ, я полагаю, можно снять съ него допросъ. Да вотъ и докторъ.

Врачъ вошелъ и заявилъ, что хотя раненый слабъ, но можетъ вѣчать; лихорадка, которой онъ опасался, еще не наступила. Въ всякомъ случаѣ, допросъ, продолжающійся не болѣе четверти часа, и даже очная ставка не могутъ причинить вреда больному.

Мы вошли въ комнату Фереоля; Шамбюръ слѣдовалъ за нами. Пьеръ пользовался такимъ авторитетомъ въ этой мѣстности, что комисаръ, хотя и не особенно довѣрялъ ему въ настоящемъ дѣлѣ, однакожь, не рѣшился отстранить его, какъ моего свидѣтеля, и не сказалъ, моего адвоката. Изъ комнаты удалили всѣхъ постороннихъ и они столпились во дворѣ. Одна хозяйка дома оста-

валясь у кровати раненаго, но и ее попросили удалиться; мѣсто ей занялъ врачъ.

Фереоль былъ очень блѣденъ. Его вѣчно обѣгавшіе лукавныя глаза имѣли теперь выраженіе суровости, даже жестокости. Онъ, какъ говорится, пожиралъ меня глазами; онъ видимо сдерживалъ гнѣвъ изъ боязни или измѣнить себѣ, или умереть. Увидя Шамбюра, онъ почувствовалъ безпокойство; онъ понималъ, какъ трудно будетъ ему бороться съ этимъ моимъ защитникомъ, которому онъ самъ былъ хорошо извѣстенъ.

Комисаръ пошелъ къ кровати Фереоля съ знаками уваженія; сперва это удивило меня, но потомъ я вспомнилъ, что Фереоль имѣлъ вліяніе на избирателей и не разъ получалъ отъ комисара избирательныя бюлетени съ именемъ офиціального кандидата для раздачи ихъ избирателямъ, подчиненнымъ вліянію разносчика.

— Фереоль, мой другъ, сказалъ ему чиновникъ второй инсперіи, — необходимо предложить вамъ нѣсколько вопросовъ... Можете ли вы отвѣчать мнѣ?

Фереоль боязливо взглянулъ на врача; тотъ сдѣлалъ головою утвердительный знакъ.

— Да, отвѣчалъ разносчикъ.

— Вы знаете г. Максима Бонафу?

— Я вижу его въ первый разъ.

— Онъ стрѣлялъ въ васъ?

— Да, онъ.

— Угрожали вы ему?

— Да, я угрожалъ ему вытолкнуть его за дверь, потому что онъ позволилъ себѣ оскорблять меня въ моемъ домѣ.

Этотъ отвѣтъ, нелишенный правдоподобія, былъ сдѣланъ очень искусно.

— Г. Бонафу утверждаетъ, что вы совершили убійство, въ которомъ его обвиняютъ.

— Пусть онъ это докажетъ.

— Онъ увѣряетъ, что пришелъ за тѣмъ, чтобы исторгнуть у васъ это доказательство.

Эти слова были произнесены комисаромъ ироническимъ тономъ конечно, съ цѣлію представить въ смѣшномъ видѣ мое заявленіе. Фереоль отлично замѣтилъ этотъ тонъ.

— Это неправдоподобно! сказалъ онъ болѣе увѣреннымъ тономъ.

сомъ, чѣмъ прежде.—Развѣ спрашиваютъ у убійцы доказательствъ совершеннаго имъ убійства?

Комисаръ пожалъ плечами, какъ-бы извиняясь, что долженъ былъ по обязанности предлагать такой странный вопросъ, и съ этого момента сталъ относиться ко мнѣ пренебрежительно.

— Бонафу утверждаетъ, сказалъ онъ,— что вы намѣревались ударить его и даже убить; онъ выстрѣлилъ въ васъ, побуждаемый необходимостью защиты. Правда это?

— Зачѣмъ-бы я сталъ убивать человѣка, предлагавшаго мнѣ сто тысячъ франковъ и безнаказанность, если я подпишу необходимое ему заявленіе? отвѣчалъ съ лицемѣрной кротостью Фереоль.

Комисаръ поразился громадностью предложенной мною суммы и это обстоятельство еще болѣе убѣдило его въ моей виновности.

— Итакъ, продолжалъ онъ, обращаясь къ Фереолю,— вы не оскорбляли Бонафу?

— Развѣ я заперъ дверь? Развѣ я имѣлъ при себѣ револьверъ? Развѣ я вошелъ въ чужую квартиру? сказалъ Фереоль, не отвѣчая прямо на вопросъ.

— Вы поклянетесь?..

— Клянусь! клянусь! сказалъ быстро Фереоль, радуясь, что допросъ должно-быть конченъ.

— Вы слышите? обратился ко мнѣ комисаръ съ довольнымъ видомъ.

Я подошелъ къ кровати. Разносчикъ отворачивался, не рѣшаясь посмотрѣть мнѣ прямо въ глаза.

— Фереоль! сказалъ я твердо, — имѣйте мужество заявить истину.

— Я заявилъ ее. Ваше намѣреніе убить меня не служить-ли лучшимъ доказательствомъ того, что вы убійца виконта д'Альверта.

Этотъ отвѣтъ показался очень серьезнымъ комисару, онъ кивнулъ головой въ знакъ своего согласія. Въ эту минуту врачъ объявилъ, что необходимо поскорѣе окончить допросъ, потому что у больного уже начинается лихорадка.

— Позвольте мнѣ, сказалъ я, обращаясь къ врачу,— сдѣлать нѣсколько вопросовъ больному; я буду говорить спокойно... Фереоль, припомните сцену въ паркѣ: васъ оскорбили и вы въ раздраженіи ударили оскорбителя. Здѣсь случилось обратное: вы яви-

лись оскорбителемъ, и я не могъ не защищаться; я очень жалѣю, что такъ случилось... Но ни въ томъ, ни въ другомъ случаѣ не было преступленія, была только роковая случайность. Если же вы не признаетесь, зная, что ваша вина падаетъ на невиннаго, вы совершите тяжкое преступленіе.

Фереоль безповойно заерзалъ на постели; нѣсколько разъ онъ пытался взглянуть на меня, но не рѣшался. Молчаніе длилось нѣсколько минутъ.

— Ничѣмъ вы не устршите меня, наконецъ сказалъ онъ прерывающимся голосомъ, — ничѣмъ не подкупите... Я никого не убивалъ... меня убили... оставьте меня... уведите его... уведите убійцу!

Онъ говорилъ тяжело и прерывисто; надо было предполагать, что у него началась горячка; я уже отчаявался добиться отъ него какого-нибудь разумнаго отвѣта и отошелъ отъ кровати, но Шамбюръ, который нѣсколько разъ порывался вмѣшаться, отстранилъ врача и быстро подошелъ къ раненому.

— Фереоль, сказалъ онъ на овернскомъ нарѣчій, — неужели вы хотите умереть трусомъ?

— Я не желаю умирать, отвѣчалъ онъ.

— Но вы сами умерщвляете себя, отравляя свою рану.

— Г. Шамбюръ, началъ комисаръ, — вы не имѣете права...

— Я также протестую, сказалъ врачъ.

— Оставьте меня въ покоѣ оба, прервалъ ихъ Шамбюръ; — если онъ въ состояніи лгать, то у него хватитъ силъ для того, чтобы заявить истину... Фереоль, берегитесь! Лучше признайтесь теперь! А то, какъ только вы выздоровѣете, чего я вамъ желаю, васъ потребуютъ въ судъ, какъ свидѣтеля и какъ обвиняемаго.

— Меня? какъ обвиняемаго!

— Да, будетъ доказано, что вы дали ложное показаніе и убили виконта д'Альверта.

— Кто докажетъ это?

— Я, давшій себѣ слово не оставлять васъ въ покоѣ. Сдѣлку, неудавшуюся г. Максиму здѣсь, можно будетъ совершить въ Парижѣ... въ Пасси!

На этотъ разъ Фереоль испугался; онъ поднялся, забывая о своей ранѣ.

— Въ Парижѣ! прошепталъ онъ.

— Конечно.

Фереоль тотчасъ-же замѣтилъ изумленіе, выразившееся на лицахъ присутствующихъ, при его смущеніи. Онъ закрылъ глаза, откинулся назадъ и сдѣлалъ надъ собой нечеловѣческое усиліе, чтобы успокоиться и не измѣнить себя.

— Шамбюръ, сказалъ онъ черезъ минуту, въ которую успѣлъ сообразить, что, можетъ быть, опасности для него болѣе не существуетъ, что, можетъ быть, Амичи уже не живеть, — Шамбюръ... вы пришли съ нимъ... вы знаете, что онъ ворвался сюда за тѣмъ, чтобы убить меня.

— Не желаете-ли вы, чтобы и меня арестовали? Я самъ того же хочу. Не беспокойтесь, я все расскажу слѣдователю, отвѣчалъ Шамбюръ.

Фереоль промолчалъ; онъ посоветовался глазами съ комисаромъ и не рѣшился болѣе обвинять Шамбюра. Въ это время къ больному подошелъ врачъ и, пощупавъ его пульсъ, многозначительно покачалъ головою.

— Мы удалимся, Фереоль, сказалъ комисаръ торжественно. — Вы ничего не прибавите къ своему показанію?

— Ничего.

Ко мнѣ подошли жандармы, очевидно, съ намѣреніемъ взять меня подъ руки.

— Развѣ у васъ въ обычаѣ принимать такія предосторожности? спросилъ я. — Если...

— Нѣтъ! нѣтъ! этого не нужно, отвѣчалъ комисаръ, покраснѣвъ.

Мы вышли изъ комнаты. На порогѣ Шамбюръ обернулся.

— Я остаюсь здѣсь, сказалъ онъ, обращаясь къ Фереолу съ угрожающимъ видомъ, но спокойнымъ голосомъ; — если вы захотите говорить со мной, позовите меня.

Фереоль хотѣлъ отвѣчать, но докторъ, опасаясь вредныхъ послѣдствій для него отъ волненія, сдѣлалъ ему знакъ, чтобы онъ молчалъ.

Въ коридорѣ комисаръ, негодующій на Шамбюра за его вѣщательство, но нежелавшій ссориться съ человѣкомъ вліятельнымъ во всемъ околоткѣ, сказалъ ему добродушнымъ тономъ:

— Г. Шамбюръ, всякій другой на моемъ мѣстѣ, заставъ васъ въ компаніи съ Максимомъ Бонафу въ комнатѣ, гдѣ совершилось

убійство, счелъ-бы себя обязаннымъ задержать васъ до прибытія императорскаго прокурора или судебного слѣдователя.

— Не стѣсняйтесь, г. комисарь.

— Нѣтъ, я не охотникъ выказывать чрезмѣрную ретивость.

— Вы дѣлаете мнѣ упрекъ?

— Я не упрекаю васъ, но хочу дать вамъ совѣтъ. Предоставьте суду дѣйствовать одному. Люди неопытные въ дѣлахъ, желая помочь суду, часто только мѣшаютъ ему.

— Отлично дѣйствовалъ до сихъ поръ вашъ судъ! Онъ при-судилъ къ смерти невиннаго; онъ не сумѣлъ допросить какъ слѣдуетъ двухъ важнѣйшихъ свидѣтелей и, можетъ быть, не успѣетъ снова снять съ нихъ допроса, потому что они умираютъ... Благодарю васъ за совѣтъ, но я не послѣдую ему.

Я пожалъ руку Шамбюру.

— А вы, г. Максимъ, продолжалъ онъ, разгнѣваясь, — не сдѣлаете мнѣ упрека?

— Я васъ попрошу, мой другъ, отвѣчалъ я, — повидаться съ тѣми, кому мой арестъ причинить горе. Скажите имъ, что пока я буду увѣренъ въ ихъ уваженіи, я не потеряю мужества.

— Ваше порученіе на первый разъ я исполню письменно, потому что останусь пока въ Брассахъ.

— Вы помните, мой другъ, что должны сказать или написать г-жѣ Имбо?

— Да, да, я все напишу ей, г. Максимъ.

— Когда будете проѣзжать черезъ Туръ, повидайтесь съ моею приѣмной матерью. Скажите ей, чтобы она не горевала и спокойно ожидала окончанія дѣла. Можетъ быть, я буду оправданъ и не запятнаю честнаго имени, которое она мнѣ дала... никакого другого имени не должно быть произнесено на судѣ... Но если она умретъ, вы, Шамбюръ, проводите ее въ могилу, рядомъ съ тѣмъ, который уже умеръ по моей винѣ... Ахъ! вотъ мои жертвы! Я поразилъ эти преданныя мнѣ сердца моею неосторожностью и моею гордостью!

Шамбюръ горько плакалъ. Мнѣ тоже хотѣлось плакать вмѣстѣ съ нимъ, но я сдержалъ свое волненіе; мнѣ было необходимо во что-бы то ни стало обладать хладнокровіемъ.

— Я не даю вамъ никакого порученія къ Сирили, продол-

жалъ я тихо послѣ минутнаго молчанія.— Она можетъ подумать, что я потерялъ мужество...

Какъ предупредить д'Альверта? Я опасался дѣйствія, какое произведетъ новое несчастіе на моего отца. Воспоминаніе о револьверѣ, данномъ имъ мнѣ, способно довести его до отчаянія... Я снова заговорилъ съ Шамбюромъ о г-жѣ Иμπο. Ей я поручилъ заботу о чести и жизни моей неизвѣстной матери. Я былъ убѣжденъ, что она сдѣлаетъ все возможное, чтобы предостеречь д'Альверта отъ неосторожности, на которую онъ способенъ въ моментъ отчаянія.

Не забылъ я и Амичи. Приметь-ли она Шамбюра? Дастъ-ли она моему другу Пьеру тѣ свѣденія, которыя обѣщала мнѣ въ послѣднее наше свиданіе? Найдетъ-ли ее въ живыхъ Шамбюръ? Моя судьба зависѣла теперь отъ двухъ умирающихъ. Если Амичи уже испустила духъ, моей жизни грозитъ серьезная опасность. Относительно Амичи я не могъ дать своему другу никакихъ опредѣленныхъ инструкцій.

— Дѣйствуйте, какъ укажетъ вамъ ваше сердце, распоряжайтесь, смотря по обстоятельствамъ, сказалъ я. — Да, не забудьте: г-жѣ Иμπο не трудно выхлопотать, чтобы мое дѣло получило быстрый ходъ и чтобы меня судили въ первую сессію въ пюи-де-домскомъ департаментѣ. Это будетъ весной. Если въ три мѣсяца мы не откроемъ истины, бесполезно добиваться новой отсрочки. Я сочту себя побѣжденнымъ и подчинюсь безпрекословно печальному жребію, меня ожидающему.

Я обнялъ Шамбюра и расцѣловалъ его отъ чистаго сердца. Наше прощаніе взволновало даже комисара и онъ отвернулся отъ насъ, чтобы скрыть свое волненіе. Черезъ пять минутъ онъ сдѣлалъ знакъ жандармамъ исполнить ихъ обязанность.

Мы сошли съ лѣсенки. Шамбюръ слѣдовалъ за нами до выхода, но не переходилъ порога, а остался въ толпѣ, скучившейся во дворѣ, чтобы посмотреть на меня.

Черезъ четверть часа меня заперли въ брассакскую тюрьму; на другой день меня перевели въ иссоарскую тюрьму, а черезъ шесть дней въ ріомскую, гдѣ я нахожусь и теперь.

ГЛАВА XXVII.

Последніе дни обвиняемаго.

Я ожидалъ новой очной ставки съ Фереолезь, но на слѣдующій день моего ареста, когда въ Brassacъ поспѣшно прибыли прокуроръ и судебный слѣдователь, я узналъ, что раненый умеръ ночью отъ отека легкихъ, что часто бываетъ послѣдствіемъ ранъ. Это извѣстіе причинило мнѣ большое горе. Хотя я стрѣлялъ, вынужденный защищаться, но все-же я былъ виновникомъ смерти человѣка. Притомъ эта смерть унесла свидѣтеля, который могъ своимъ показаніемъ подтвердить мою невиновность; конечно, если-бы обстоятельства заставили его высказать истину—добровольно онъ едва-ли-бы сдѣлалъ это. Одна надежда для меня оставалась на показаніе Амичи, но эта умирающая находится теперь вполнѣ подъ властью Ранчели; онъ можетъ не допустить ее сказать правду.

Лишенные возможности дать мнѣ очную ставку съ Фереолезь, прокуроръ, слѣдователь и полицейскій комисаръ привели меня къ трупу моей жертвы, разсчитывая, что, можетъ быть, видъ его такъ подѣйствуетъ на меня, что я измѣню свои показанія, данныя наканунѣ. Конечно, мнѣ тяжело было видѣть этого несчастнаго, но я твердо повторилъ свое прежнее показаніе. Чиновники холодно выслушали мои слова; на ихъ лицахъ выразалось полнѣйшее безучастіе, которое волнуетъ подсудимаго болѣе, чѣмъ даже рѣзкія выходки, обращенныя къ нему.

Меня избавили отъ присутствованія при вскрытіи трупа, что сдѣлано было по рутинѣ, развѣ только для того, чтобы дать поводъ brassакскому врачу написать обстоятельный, ученый докладъ.

Ужасно сдѣлаться убійцей человѣка; никакая необходимость не можетъ извинить убійство. До сихъ поръ блѣдный, окровавленный Фереоль носится передо мною...

Со смертію его, какъ я говорилъ, я потерялъ главнаго свидѣтеля. Мнѣ неизвѣстно было, уѣхалъ-ли Шамбюръ въ Парижъ тотчасъ, какъ узналъ о смерти Фереоля. Впрочемъ, я не сомнѣ-

вался, что онъ не станетъ терять времени, но о его дѣйствіяхъ въ мою пользу я могъ узнать только спустя нѣкоторое время, когда я получилъ разрѣшеніе ознакомиться со всѣми документами, касающимися моего процесса.

Я перечиталъ ихъ со вниманіемъ и пришелъ въ печальному выводу, что почти все говоритъ противъ меня. Свидѣтели показывали, что я, еще ребенкомъ, выказывалъ строптивость, что у меня вспыльчивый характеръ, что я зараженъ тщеславіемъ. Садовникъ утвердительно обвинялъ меня въ убійствѣ Леона; д'Альвертъ ни обвинялъ, ни оправдывалъ меня въ первомъ своемъ показаніи. Во второмъ — онъ уже болѣе рѣшительно говорилъ въ мою пользу, но показаніе его насчетъ письма Амичи, изорваннаго въ борьбѣ Леона съ Фереолемъ, отрывокъ котораго я сжегъ, еще болѣе запутало дѣло.

Д'Альвертъ высказалъ убѣжденіе, что это письмо поможетъ суду напасть на настоящій слѣдъ. Его спросили, что онъ сдѣлалъ съ этимъ драгоценнымъ свидѣтельствомъ, и онъ отвѣчалъ, что, по моей просьбѣ, отдалъ его мнѣ. Слѣдователь, разумѣется, долженъ былъ задать себѣ вопросъ, что могло побудить д'Альверта вступить въ прямыя сношенія со мною. Я увѣренъ, что мой отецъ терзался, принужденный хранить тайну, открытіе которой могло ужасно подѣйствовать на мою мать, но разъясняло многія темныя стороны моего дѣла. Впрочемъ, открытіе ея скорѣе повредило-бы мнѣ, чѣмъ принесло пользу, потому что и слѣдователь, и прокуроръ, твердо убѣжденные въ моей виновности, нашли-бы мотивъ, который они тщетно искали, для объясненія совершеннаго мною убійства.

Спросили и меня о письмѣ; я отвѣчалъ, что сжегъ его. Но чѣмъ я могъ объяснить безуміе такого поступка?

Сняли допросъ съ Амичи; она такъ была больна и слаба, что съ трудомъ отвѣчала на вопросы. Она припомнила, что разъ, вечеромъ, я сжегъ у нея какой-то клочекъ бумаги, но было-ли это письмо или что-нибудь другое — она не знаетъ. О письмѣ Фереола она ничего не сказала. Неужели она забыла данное мнѣ обѣщаніе? Или, можетъ быть, слабая и умирающая, она настолько подчинилась Ранчели, что не осмѣлилась рѣшиться на великодушный порывъ? Несмотря, однакожь, на ея забывчивость или на ея нежеланіе открыть истину, я нѣсколько дней надѣялся, что, мо-

жетъ быть, она, узнавъ, что подходитъ время суда надо мною, одумается и пришлетъ письмо, но теперь я уже болѣе не надѣюсь...

Уже почти пятнадцать дней я неуставно пишу свои записки, употребляя для этого и часть ночи. Онѣ подходятъ къ концу и я все болѣе и болѣе убѣждаюсь въ ихъ бесполезности. Кому онѣ нужны? Одинъ Жюль Имбо, можетъ быть, найдетъ въ нихъ нѣкоторый интересъ... Для него я и буду продолжать ихъ, если я выйду изъ суда приговореннымъ къ нѣсколькимъ годамъ тюремнаго заключенія; мнѣ кажется, что галеры будутъ слишкомъ суровымъ наказаніемъ для такого неловкаго преступника, какъ я... На сколько лѣтъ должна состарить меня тюрьма? Время, проведенное въ военной кампаніи, считается вдвое для службы; время же тюремнаго бездѣйствія слѣдуетъ считать втрое и вчетверо... И теперь мнѣ уже кажется, что много лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ я разлучился съ Сирилю, г-жей Имбо, Шамбюромъ, моимъ отцомъ и моею пріемной матерью. Между мной и этими милыми видѣніями лежитъ рядъ тюремъ, обитаемыхъ мною, начиная съ грязной брассакской и кончая ріомской, гдѣ я, точно актеръ въ своей уборной, przygotowляюсь явиться передъ своею публикой.

Что-то подѣлываетъ моя фея, моя милая Сириль! Мнѣ передала г-жа Имбо, что Сириль пріѣдетъ въ Ріомъ... она, можетъ быть, здѣсь. Но она, навѣрно, не явится въ засѣданіе, когда будутъ судить меня, — не изъ опасенія измѣнить себя или привести меня въ смущеніе, а изъ цѣломудрія нашей любви.

Я повиновался г-жѣ Имбо, пожелавшей, чтобы я ввѣрилъ свою защиту избранному ею адвокату, парижской знаменитости, хотя, я увѣренъ, онъ скорѣе повредитъ, чѣмъ поможетъ мнѣ. Я знаю нашихъ овернцевъ; они не охотники до краснорѣчія. Присяжные будутъ изъ нихъ и блестящая рѣчь парижскаго адвоката, навѣрное, покажется имъ излишней болтовней.

По французскимъ законамъ президентъ ассизнаго суда долженъ допросить подсудимаго въ тюрьмѣ, передъ публичнымъ засѣданіемъ, въ которое будутъ судить его. Сегодня президентъ ріомскаго суда дѣлалъ мнѣ допросъ.

Президентъ ріомскаго ассизнаго суда, де-Вору, принадлежалъ къ старинной фамиліи, члены которой постоянно занимали судеб-

скія мѣста. Фамилія эта въ Оверни извѣстна съ 1665 г., когда одинъ изъ ея членовъ былъ совѣтникомъ мѣстнаго парламента.

Я не знаю, какъ проходитъ дѣтство въ фамиліяхъ, изъ поколѣнія въ поколѣніе занимающихъ судейскія мѣста. Такъ-ли оно шумно и бурливо, какъ во всѣхъ другихъ, несудейскихъ семьяхъ? Можно въ этомъ сомнѣваться, смотря на лица судей, которыя такъ-же важны и имѣютъ то-же выраженіе, какъ на лицахъ ихъ предковъ, портреты которыхъ за нѣсколько послѣдовательныхъ генерацій свято у нихъ сохраняются. Можно подумать, что въ ихъ венахъ течетъ болѣе холодная кровь, чѣмъ у другихъ людей.

Мнѣ случалось прежде видѣть де-Вору, и всѣмъ въ судейскомъ платьѣ, но я не былъ знакомъ съ нимъ; я помнилъ его длинное блѣлое лицо, высокій ростъ, величественный взглядъ. Но когда онъ вошелъ ко мнѣ въ тюрьму въ простомъ шерпюмъ куртукѣ, онъ показался мнѣ менѣе величественнымъ, но я почувствовалъ какой-то повольный трепеть. Мнѣ пришло на мысль, что онъ привыкъ выслушивать показанія только ради соблюденія формальности, что онъ заранѣе по документамъ моего процесса уже составилъ свое убѣжденіе по моему дѣлу и, слѣдовательно, мнѣ нечего надѣяться измѣнить это убѣжденіе.

Я робко поклонился ему. Онъ спросилъ меня, что я могу сказать ему въ свое оправданіе.

— Ничего, г. президентъ, отвѣчалъ я. — Ничего не могу сказать болѣе того, что говорилъ во время слѣдствія. Я не совершалъ перваго убійства, въ которомъ обвиняюсь; второе — совершилъ, вынужденный къ тому самозащитой.

Де-Вору пристально посмотрѣлъ на меня! Взглядъ его былъ холоденъ.

— Вы ненавидѣли... этого молодого человѣка, вашего друга? спросалъ онъ.

Не сонъ-ли это? Мнѣ показалось, что его голосъ не такъ жестокъ и нѣсколько дрожить.

— Нѣтъ, отвѣчалъ я, — я не чувствовалъ къ нему ненависти; напротивъ, въ тотъ моментъ, когда я услышалъ его крикъ, я думалъ о томъ, чтобы предложить ему еще болѣе тѣсную дружбу.

— Скажите, что побудило васъ желать усиленія вашей дружбы къ нему?

Меня удивилъ этотъ вопросъ. Я, въ свою очередь, пристально посмотрѣлъ на судью, неспускавшаго съ меня глазъ.

— Просто желаніе еще болѣе сблизиться съ нимъ... я былъ въ это время въ исключительномъ настроеніи...

— Да, я знаю; говорятъ, что вы были влюблены... Не были ли вашъ другъ вашимъ соперникомъ въ этой любви?

— Нѣтъ, Леонъ, д'Альвертъ зналъ, что его не любятъ и не выйдутъ за него замужъ.

— Вы имѣли разговоръ съ отцомъ... этого молодого человѣка передъ тѣмъ, какъ отправились въ парижъ?

— Да, имѣлъ.

— Въ вашемъ показаніи я не вижу никакихъ подробностей, никакихъ разъясненій относительно этого разговора.

— Это правда, я ихъ не рассказывалъ.

— Почему?

— Я находилъ это бесполезнымъ для своей защиты.

— Какъ знать?

Это возраженіе было сдѣлано быстро; въ глазахъ де-Вору блеснулъ огонь. Неужели судья превратился въ человѣка и я встрѣчаю въ немъ сочувствіе къ себѣ?

— Отецъ... вашего друга, продолжалъ онъ, — также проходить молчаніемъ разговоръ съ вами. Это странно.

— Его, вѣроятно, не допрашивали о подробностяхъ.

— Сперва обвинивъ васъ... этотъ несчастный отецъ внезапно становится вашимъ защитникомъ. Онъ даже отдаетъ вамъ для уничтоженія доказательство, найденное... у вашего... у вашей жертвы. Это еще болѣе странно. Какъ объясните вы эту быструю перемѣну?

— Г. д'Альвертъ убѣдился, что я невиненъ, и счелъ своей обязанностью загладить несправедливое подозрѣніе, вселившееся въ него въ минуту сильнаго горя.

Де-Вору задумался, продолжая смотрѣть мнѣ прямо въ глаза; мнѣ пришло на мысль, что онъ старался не произносить имени д'Альверта, а называлъ его постоянно „отецъ“.

— Не передадите-ли вы мнѣ вашего разговора съ нимъ? сказалъ онъ.

Я покраснѣлъ, я колебался.

— Я прошу объ этомъ не изъ любопытства, пояснилъ онъ;— я не стану повторять его въ засѣданіи... Вы адвокатъ?

— Да.

— Слѣдовательно, вы должны знать, что статья 268 уголовныхъ законовъ предписываетъ мнѣ употреблять всѣ средства для открытія истины.

— Я это знаю.

— Прошу васъ, разъясните мнѣ это обстоятельство; оно тревожитъ меня, какъ судью; разъясненіе его, какъ мнѣ кажется, поможетъ мнѣ составить правильный взглядъ на ваше дѣло.

— Извините меня, отвѣчалъ я съ волненіемъ,— мнѣ невозможно удовлетворить ваше требованіе.

— А! сказалъ онъ и опустилъ глаза. — Вы упрямы, продолжалъ онъ черезъ нѣсколько секундъ слегка дрожащимъ голосомъ.

— Еще разъ извините меня, г. президентъ.

— Мнѣ ~~нѣ~~ въ чемъ извинять васъ. Ваши тайны принадлежатъ вамъ. Вы должны сказать суду всю правду, но никто не можетъ обязать васъ говорить ее, если это противно вашей чести... по не ошибаетесь-ли вы и не расширяете-ли слишкомъ границы, до которыхъ должна простираться ваша молчаливость?

Онъ проговорилъ это почти нѣжно. Я не могъ не увлечься такъ явно выраженнымъ мнѣ сочувствіемъ. Почему-бы мнѣ не до-вѣрить ему свою тайну? Онъ отнесется благосклонно къ жертвѣ, приносимой мною моею матери, и почувствуетъ ко мнѣ уваженіе. Не оказывая вліянія на присяжныхъ, онъ можетъ повести такъ пренія, что и безъ тѣхъ доказательствъ, которыя я не желаю представлять суду, меня могутъ все-таки оправдать. Но прежде, чѣмъ начать свою исповѣдь, я рѣшился испытать его.

— Г. президентъ, сказалъ я съ уваженіемъ, — меня трогаетъ ваша настойчивость; но если я не могу убѣдить васъ, поклявшись въ своей невинности, вы можете принять мои сообщенія, до сихъ поръ отъ всѣхъ скрываемаыя, за вымаливаніе вашей жалости ко мнѣ, между тѣмъ я желаю только справедливости.

— Убѣдить вамъ слѣдуетъ присяжныхъ, г. Бонафу, а не меня.

— Тогда, къ чему напрасно волновать васъ, г. президентъ, къ чему добиваться вашей симпатіи?

— Берегитесь, молодой человекъ, сказалъ де-Вору съ слабой улыбкой, — вы начинаете ваши признанія.

— Я!

— Вы заявляете, что вашъ рассказъ меня тронетъ. Какая тайна можетъ существовать между вами и...

Президентъ остановился; онъ, видимо, не желалъ произнести имени д'Альверта. Очевидно, де-Вору врагъ моего отца, слѣдовательно и мой.

— Если существуетъ какая-нибудь тайна между г. д'Альвертомъ и мной, сказалъ я твердо, дѣлая удареніе на имени моего отца, — я не могу довѣрить ее вамъ безъ разрѣшенія на то графа.

— А! вы сознаетесь, что она существуетъ.

Де-Вору сильно поблѣднѣлъ.

— Я не говорю, что она существуетъ. Я удивляюсь. почему вы не спросили г. д'Альверта.

— Я могу это сдѣлать, но въ публичномъ засѣданіи, прошепталъ президентъ.

— Вамъ легко поговорить съ нимъ до засѣданія. Вы должны встрѣчаться съ нимъ; вы принадлежите къ одному обществу.

Де-Вору на нѣсколько секундъ закрылъ глаза, измѣнявшіе ему. Когда онъ открылъ ихъ, въ нихъ было холодное выраженіе; человекъ исчезъ въ немъ и онъ снова преобразился въ судью, исполняющаго свою служебную обязанность.

— Вы незаконнорожденный? спросилъ онъ меня, какъ мнѣ показалось, суровымъ голосомъ.

— Да.

— Вы не знаете вашего отца... вашей матери?

— Меня воспитали добрые люди, пріотившіе меня.

— Они дали вамъ воспитаніе, для котораго у нихъ не было средствъ.

— Я никогда не справлялся о ихъ средствахъ.

— У васъ не являлось желанія узнать вашего отца... вашу мать?

— Я-бы солгалъ, если-бы отвѣтилъ отрицательно.

— И вы узнали?

— Да.

— А!..

Де-Вору остановился. Я замѣтилъ, что онъ колеблется; онъ отвернулъ отъ меня свои глаза.

— Что-же вы узнали? спросилъ онъ слабымъ голосомъ.

— Я узналъ, что мой отецъ не можетъ признать меня своимъ сыномъ, что моя мать умерла для меня.

— Умерла! На самомъ дѣлѣ?

Въ свою очередь я не рѣшился посмотрѣть ему въ глаза.

— Умерла она или жива, сказалъ я, — я ея не знаю и, вѣроятно, не узнаю никогда, въ особенности если буду осужденъ.

Между нами воцарилось молчаніе. Де-Вору размышлялъ. Въ свою очередь и я задумался надъ разрѣшеніемъ вопроса, что сдѣлалъ д'Альвертъ этому непоколебимому человѣку? Не подозрѣваетъ-ли онъ истину и не станетъ-ли онъ невольно мстить мнѣ? Онъ имѣлъ репутацію справедливаго и безпристрастнаго судьи; онъ всегда съ большимъ тактомъ руководилъ судебными преніями. Но во мнѣ онъ могъ видѣть теперь своего личнаго врага; ненависть свою къ д'Альверту, которая слишкомъ явно выражалась, онъ могъ перенести и на меня. Во мнѣ зародилось подозрѣніе; я старался отогнать его, но оно не оставляло меня. Я чувствовалъ, что мнѣ теперь особенно необходимы хладнокровіе и самообладаніе. Я боялся, чтобы это подозрѣніе не выразилось на моемъ лицѣ, чтобы слеза не нависла на моихъ рѣсницахъ, чтобы, однимъ словомъ, этотъ судья не могъ прочесть моей тайны на моемъ лицѣ (о которой онъ, очевидно, догадывался), а главное, чтобы не угадалъ, какое подозрѣніе такъ сильно взволновало меня.

Де-Вору заставилъ меня страдать, но не страдаетъ-ли также и онъ, этотъ прославленный судья, уважаемый мужъ, возбуждающій зависть отца семейства? Въ его рукахъ моя жизнь... но и онъ можетъ предположить, что я держу въ своихъ рукахъ его честь, если подозрѣніе, внидрившееся теперь въ моемъ мозгу, имѣетъ основаніе... Въ такомъ случаѣ его настойчивость объясняется очень просто.

Что-бы ни случилось со мною, я рѣшился держаться твердо и не сдаваться. Де-Вору, должно быть, убѣдился, что напрасно будетъ задавать мнѣ вопросы. Сожалѣлъ-ли онъ о томъ, что наставлялъ? Созналъ-ли онъ, какое подозрѣніе возбудилъ во мнѣ?

— Итакъ, сказалъ онъ, приготовляясь уйти, — вы сирота?

— Да, г. президентъ.

— У васъ много мужества, сказала де-Вору, но какимъ холоднымъ, чисто-судейскимъ тономъ!

— На него только и могу я опираться, отвѣчалъ я, — если честные люди отказываются поддержать меня.

— Искренно желаю, чтобы вы убѣдили судъ въ своей невинности.

— Благодарю васъ, г. президентъ.

— Не благодарите; этого я желаю всякому подсудимому.

— Если вы не убѣждены въ моей невинности, сомнѣваюсь, чтобы присяжные могли проникнуться этимъ убѣжденіемъ.

— Почему-же? Присяжные не справляются съ моимъ мнѣніемъ; они самостоятельно выражаютъ свое убѣжденіе.

— Не могу-ли я узнать ваше мнѣніе, г. президентъ? спросилъ я.

— Это моя тайна, сказалъ онъ холодно. — Позвольте мнѣ сохранить ее, какъ вы храните вашу.

Онъ поклонился мнѣ и вышелъ; до меня донесся звукъ ключей и запираемыхъ за нимъ дверей. Когда тюремщикъ пришелъ за мной, чтобы отвести меня въ мой номеръ, онъ могъ замѣтить на глазахъ моихъ слезы. Съ горемъ я думалъ о томъ, что мнѣ не удалось до сихъ поръ ни разу встрѣтить г-жу де-Вору, о которой рассказывали, что она прекрасна и добра... Можетъ быть, я увижу ее въ судѣ...

Мой адвокатъ принесъ мнѣ списокъ присяжныхъ съ отмѣтками противъ каждаго имени. Онъ очень удивился и даже нѣсколько обидѣлся, когда я сказалъ, что не желаю никого отводить, между тѣмъ онъ доказывалъ необходимость добиться, чтобы мои судьями были люди небогатые, не баловни судьбы. Онъ никакъ не хотѣлъ понять, что я желаю только простой и прямой защиты, и намѣревался построить свою защиту на томъ, что я, незаконно-рожденный, несправедливо лишенный семьи и отцовскаго наслѣдства, совершенно естественно возмущенъ этой несправедливостью. Въмѣсто того, чтобы просто доказывать мою невинность, для чего, правда, онъ имѣлъ мало фактовъ въ своемъ распоряженіи, онъ хотѣлъ извинять меня побужденіями, недѣлающими мнѣ чести.

Большого труда мнѣ стоило убѣдить его, что система его защиты не совсѣмъ нравственна и что будетъ гораздо полезнѣе для меня, если присяжные увѣрятся, что я, незаконнорожденный, не питаю зависти къ сыновьямъ, происшедшимъ отъ родителей, находившихся въ легальномъ бракѣ; что я не чувствую ненависти къ отцамъ, имѣющимъ незаконныхъ дѣтей, которыхъ они бросаютъ. Меня, можетъ быть, обвинять, несмотря на мою невиновность, но меня не унижать; я выйду изъ расѣданія съ гордо-поднятой головой. Я докажу, что мое мужество, устояло передъ всѣми испытаніями и что для облегченія моихъ страданій мнѣ достаточно знать, что есть люди, связанные со мной искренней дружбой. Но, разумѣется, я жажду оправданія и я вправѣ его требовать, потому что оно будетъ справедливостью.

Кромѣ официальныхъ присяжныхъ, у меня есть свои собственные присяжные: группа моихъ друзей; они твердо убѣждены въ моей невиновности. Для нихъ въ особенности я долженъ употребить всѣ усилія, чтобы выйти изъ суда свободнымъ отъ обвиненія. Однакожь, для достиженія этой цѣли я не намѣренъ прибѣгать къ сравнительно-легкому средству, которое многимъ удавалось, — къ дѣйствию на чувства присяжныхъ. Я хочу оправданія, какъ справедливости, а не какъ сожалѣнія.

Все это я высказалъ моему адвокату и, кажется, убѣдилъ его. Это добрый знакъ. Я просилъ его не отводить ни одного изъ присяжныхъ, покориться случайному выбору ихъ. Если-бы изъ двѣнадцати присяжныхъ не нашлось ни одного, который-бы сталъ на мою сторону, я и тогда не буду жалѣть, что довѣрился случаю. Я всегда такъ рѣшительно отвергалъ участіе судьбы въ человѣческихъ дѣйствіяхъ, что теперь мнѣ было-бы странно бояться ея. И къ чему принимать предосторожности, когда я твердо увѣренъ въ своей честности, когда желаю только одной справедливости? Но да не упрекнуть меня въ излишней гордости. Я повиновался только глубокому убѣжденію, укрѣпленному во мнѣ людьми, дружбой которыхъ я дорожу.

Прежде всего это вы, Сириль, моя милая жена (вы дали мнѣ право звать васъ такъ и будете ею въ дѣйствительности, если обстоятельства не станутъ противъ меня), вы, моя фея, съ того момента, какъ вы тронули меня своей волшебной палочкой, вы направили меня на стезю свѣта и никакой мракъ не скроетъ его

отъ меня. Скажите, развѣ вашъ ученикъ, вашъ другъ дѣтства, вашъ мужъ можетъ пасть?

И вы, добрая г-жа Имбо, выказавъ мнѣ материнскую нѣжность, предложивъ мнѣ считать вашего сына моимъ братомъ, вы приняли меня со свѣтомъ, выбросившимъ меня изъ своей среды, вы показали мнѣ лучшія его стороны.

Вы, мой настоящій отецъ, котораго я искалъ и нашель, вы открыли мнѣ свое сердце, вы страдаете теперь за меня, и это самое тяжелое въ моемъ положеніи. Я желалъ-бы васъ утѣшить въ потерѣ умершаго сына, желалъ-бы избавить васъ отъ страха за участь живого. Бѣдный отецъ, наша дружба началась слезами; но я осушу эти слезы своимъ мужествомъ, если буду обвиненъ. своей нѣжностью, если буду оправданъ.

Въ числѣ моихъ собственныхъ присяжныхъ, мысль о которыхъ будетъ поддерживать во мнѣ мужество во время засѣданія суда, конечно, находятся и мой приемный отецъ, и моя приемная мать. Вы имѣли свою долю нравственнаго вліянія въ моей жизни вашей постоянной добротой, рѣдкой строгостью, вашей привязанностію ко мнѣ.

Безкорыстный другъ, Пьеръ Шамбюръ, и вы явитесь въ судъ, чтобы засвидѣтельствовать мнѣ ваше твердое и мужественное уваженіе. Гдѣ-то вы теперь? Не явитесь-ли вы слишкомъ поздно?

Вы, Жюль Имбо, милый и преданный другъ, отправившійся въ добровольное изгнаніе ради моей любви, вы принесете мнѣ въ тюрьму ваши американскія впечатлѣнія, если мнѣ невозможно будетъ соединиться съ вами подъ синимъ флагомъ, усѣянномъ звѣздами.

И ты, имени которой я не знаю, ты, чье изображеніе скрыто отъ меня завѣсой, отдернуть которую, можетъ быть, я буду въ состояніи, но, клянусь, не нарушу твоего покоя, — ты, моя мать, ты меня не осудишь, не зная меня. Неужели ты не вздрогнешь, когда меня осудятъ, неужели ты не порадуешься, хотя-бы изъ жалости, освобожденію, восстановленію честнаго имени неизвѣстнаго тебѣ сына? Мечта-ли это только, что мнѣ представляется твой сочувственный взглядъ и твоя улыбка съвозъ слезы рядомъ съ блѣднымъ, холоднымъ лицомъ президента ассизнаго суда! Но, можетъ быть, и теперь предчувствіе не обманываетъ меня, какъ не обмануло относительно д'Альверта и Фереоля.

Кто-бы ты ни была, моя мать, но я причисляю тебя къ тѣмъ людямъ, которые поддержать во мнѣ мужество во время суда, а оно поможетъ мнѣ вынести тяжелое испытаніе, не лишая меня ихъ уваженія и ихъ любви.

Я готовъ теперь явиться въ судъ. У меня находится списокъ присяжныхъ, выбранныхъ не случайно. Я знаю ихъ приговоръ.

ГЛАВА XXVIII.

ВЫПИСКА ИЗЪ „КЛЕРМОНСКОЙ ГАЗЕТЫ“.

*Ассизный судъ пюи-де-домскаго департамента.
Засѣданіе подъ предсѣдательствомъ де-Вору.
Двойное убійство.*

„Сегодня началось разбирательство дѣла Максима Бонафу, много мѣсяцевъ уже занимающее общественное мнѣніе нашего департамента. Мы такъ часто бесѣдовали о немъ съ нашими читателями, что, думаемъ, нѣтъ надобности останавливаться на его подробностяхъ, тѣмъ болѣе, что онѣ выяснятся изъ допроса свидѣтелей.

„Боже сохрани насъ отъ желанія отягчать участь обвиняемаго! Но это таинственное дѣло побуждаетъ насъ — и это мы считаемъ своимъ долгомъ — еще разъ указать на опасность для общества давать высшее образованіе тѣмъ, кто, своимъ происхожденіемъ, самой судьбой осужденъ на смиреніе, на подчиненіе.

„Максима Бонафу, можетъ быть, стануť извинять разными облегчающими обстоятельствами, — мы ничего не имѣемъ противъ этого; но намъ кажется, что онъ принадлежитъ къ расѣ тѣхъ „Антони“, которыхъ омерзительная часть нашей литературы ввела въ моду; войдя въ свѣтъ путемъ оскорбленія чистоты нравовъ и цѣломудрія, эти люди считаютъ себя какъ-бы обязанными обращать противъ общества способности, которыми надѣлила ихъ щедрая на свои дары природа. Рожденный — если наши свѣденія вѣрны — отъ бѣдной крестьянки, испорченной городской жизнью, и отъ одного изъ тѣхъ шалопутовъ, которые всегда готовы безсовѣстно обмануть нашихъ овернскихъ простодушныхъ, сильныхъ деревен-

скихъ красавицъ, Максимъ Бонафу не захотѣлъ остаться въ томъ скромномъ положеніи, въ какомъ находились дѣдъ и бабка его по матери и въ какомъ они желали его оставить. Онъ захотѣлъ возвыситься надъ своей средой. Напитанный идеями, которыми революція отравила Францію и весь міръ, онъ возсталъ противъ благочестивыхъ намѣреній своей семьи, предлагавшей ему духовную карьеру, и бросился въ объятія университета; ему захотѣлось сдѣлаться адвокатомъ и, когда наступитъ революція, получить при раздѣлѣ свою долю власти. Плодъ возмущенія противъ божественнаго закона, онъ желалъ присоединиться къ возмутителямъ противъ человѣческихъ законовъ и попалъ на скамью подсудимыхъ!

„Еще разъ мы не настаиваемъ, что Максимъ Бонафу виновенъ *матеріально*. Этотъ вопросъ рѣшать присяжные. Мы не хотимъ упреждать человѣческое правосудіе, но можемъ сказать, что судъ Божій уже наказалъ его стыдомъ появленія на скамьѣ подсудимыхъ: какъ долженъ тяжело себя чувствовать этотъ необузданный умъ, неодоухотворенный вѣрою!

„Мы имѣемъ свѣденія изъ вѣрнаго источника и они вполне сходятся съ нашими собственными воспоминаніями. Мы знали Максима Бонафу въ университетѣ. Мы расстались съ нимъ въ то время, когда, побуждаемые благочестивыми внушеніями, мы взяли на себя служеніе алтарю и дѣлаемъ милосердія, а Максимъ Бонафу, поощряемый своей гордостью, пошелъ по стезѣ, приведшей его къ гибели. Нѣкоторый успѣхъ вскружилъ ему голову и онъ вообразилъ себя гениемъ. Кажется, онъ постоянно вращался въ кружкѣ свободныхъ мыслителей, и неудивительно, если онъ со страстію предавался порочнымъ наслажденіямъ, столь обыкновеннымъ въ новомъ Вавилонѣ. Говорятъ, что предварительное слѣдствіе открыло любопытныя подробности на этотъ счетъ; ожидаютъ, что во время засѣданія придется познакомиться съ еще болѣе скандальными открытіями.

„Одинъ извѣстный намъ судья въ дѣлахъ, подобныхъ дѣлу Максима Бонафу, всегда говоритъ: „Ищите прежде всего женщину!“ Мы можемъ сообщить нашимъ читателямъ, что и въ настоящемъ дѣлѣ женщину искали и она найдена. Она, вѣроятно, прольетъ свѣтъ на многія темныя до сихъ поръ стороны дѣла.

„На этомъ покончимъ съ фактами, добытыми предварительнымъ

слѣдствіемъ. Мы провели ихъ подъ нѣкоторымъ освѣщеніемъ, которое мы обязаны были сдѣлать, какъ консерваторы и христіане. Теперь перейдемъ къ описанію засѣданія въ судѣ.

„Зала ассизнаго суда слишкомъ мала и не могла вмѣстить въ себя всю публику, толпившуюся въ галереяхъ, несмотря на то, что былъ поставленъ рядъ стульевъ сзади креселъ судей для римскихъ и клермонскихъ дамъ. Предсѣдательствовалъ судья де-Вору съ величіемъ, унаслѣдованнымъ имъ отъ цѣлаго ряда предковъ, засѣдавшихъ въ парламентѣ провинціи Овернь. Онъ былъ истиннымъ олицетвореніемъ закона, нѣмого, непоколебимаго.

„При входѣ Максима Бонафу въ толпѣ пронесся ропотъ. Не знаешь, было-ли это враждебное чувство или, можетъ быть, симпатія, которую люди недостаточно благочестивые выражаютъ къ преступнику, если онъ красивъ и прилично одѣтъ. И дѣйствительно, Бонафу не дуренъ собой; онъ высокаго роста, имѣетъ темно-каштановые, слегка вьющіеся волосы; глаза у него черные, глубокіе, красивой формы борода, правильно-очерченный ротъ; руки сильныя и очень красивыя. Когда на столъ положили револьверъ и переломленное на три части ружье виконта д'Альверта, глаза всѣхъ присутствующихъ невольно обратились на руки подсудимаго; съ одной руки онъ снялъ перчатку, видимо, изъ кичливости. Каждому, разумѣется, представились сцены насилія, совершенныя подсудимымъ.

„Бонафу въ траурѣ по дѣдѣ, умершемъ съ горя по выходѣ изъ засѣданія суда, когда его внучъ былъ заочно приговоренъ къ смерти. Объ этомъ печальномъ событіи мы рассказали въ свое время и видимъ въ немъ предостерегающій перстъ Провидѣнія! Жена покойнаго, восьмидесяти-лѣтняя старуха, явилась въ засѣданіе и мы считаемъ долгомъ сдѣлать упрекъ сосѣдямъ, друзьямъ и роднымъ г-жи Бонафу, зачѣмъ они не уговорили ее остаться дома. Входъ этой старушки, ни на кого неопирающейся и бодро усѣвшейся у барьера, отдѣляющаго свидѣтелей отъ публики, произвелъ глубокое впечатлѣніе. Всѣ охотно давали ей мѣсто и, благодаря этому, она имѣла возможность сѣсть на передней скамейкѣ. Какъ только она сѣла, тотчасъ-же устремила свои взоры на внука и не спускала съ него глазъ во все время засѣданія. Убѣждала ли она его сказать правду? Умоляла-ли она его пощадить ее, хотя онъ не пощадилъ своего дѣда? Прощала-ли она ему впе-

редъ за то, что онъ убьетъ ее? Кто знаетъ, какая потрясающая драма разыгрывалась здѣсь рядомъ съ драмою, обсуждаемою ассизнымъ судомъ? Одно можно сказать, что въ глазахъ г-жи Бонафу блестяло энергическое выраженіе; на нихъ не было ни слезинки.

„Г-жа Бонафу сидѣла какъ-разъ напротивъ президента де-Вору. Отъ этихъ двухъ лицъ зависѣла судьба Максима Бонафу. Будетъ-ли онъ осужденъ однимъ, прощенъ другою? Мы показали бы мало уваженія къ присяжнымъ, если-бы стали повторять слухи и коментаріи, ходившіе въ публикѣ.

„Президентъ задалъ обыкновенные вопросы подсудимому; онъ отвѣчалъ звучнымъ голосомъ, который — приходится съ горемъ признаться — понравился нѣкоторымъ дамамъ, присутствовавшимъ въ засѣданіи. Затѣмъ президентъ приказалъ секретарю прочесть обвинительный актъ. Позволяемъ себѣ сдѣлать замѣчаніе, что, по нашему мнѣнію, голосъ секретаря благозвучнѣе, чѣмъ голосъ обвиняемаго. Секретарь въ чтеніи далъ трагическій оттѣнокъ обвинительному акту, по нашему убѣжденію, составленному съ изумительнымъ искусствомъ. Поразительная логика, ясность изложенія, отсутствіе эпизодическихъ фразъ и украшеній напоминаютъ обвинительные акты Беляра и Маршаньи, славныхъ представителей прокурорскаго надзора во время Реставраціи.

„Когда при вызовѣ свидѣтелей было провозглашено имя графа д'Альверта, взоры всѣхъ обратились съ скромнымъ и симпатичнымъ любопытствомъ на этого несчастнаго отца. Отвѣчая на вызовъ, онъ постарался утишить свое горе и всѣ замѣтили, что когда онъ проходилъ мимо скамьи подсудимыхъ, онъ опустил глаза и сильно поблѣднѣлъ. Максимъ Бонафу, въ свою очередь, покраснѣлъ и слѣдовалъ безпокойнымъ взглядомъ за человѣкомъ, котораго онъ заставилъ носить трауръ, между тѣмъ этотъ великодушный человѣкъ, истинный представитель стариннаго дворянства, своими показаніями старается оправдать его.

„Садовникъ, видѣвшій обвиняемаго за нѣсколько секундъ до убійства и обвиняющій его въ совершеніи убійства, также возбудилъ любопытство публики. Свидѣтелей, вызванныхъ какъ защитой, такъ и обвиненіемъ, множество. Всѣхъ удивило отсутствіе важнѣйшаго изъ нихъ, Пьера Шамбюра, страннаго почтаря, который, говорятъ, оставилъ свое дѣло и занялся исключительно исполненіемъ порученій Максима Бонафу. Мы замѣтили ирониче-

скую улыбку на губахъ императорскаго прокурора при извѣстіи, что Шамбюръ отсутствуетъ; вѣроятно, прокурорскій надзоръ предвидѣлъ это отсутствіе. Можно было думать, что этотъ слишкомъ горячій другъ подсудимаго испугался, когда ему пришло на мысль, что онъ долженъ будетъ присягать и что за святотатственную ложь его накажетъ Судья судей!

„Если вѣрить ходящимъ слухамъ, Пьеръ Шамбюръ богатъ и Максимъ Бонафу воспитывался и жилъ въ Парижѣ на его деньги. Но почему этотъ деревенскій почтарь въ такой степени интересовался молодымъ человѣкомъ? Не связывали-ли ихъ болѣе тѣсныя узы, чѣмъ неправдоподобная дружба? Мы, конечно, не можемъ утверждать, что эти слухи вѣрны, но, во всякомъ случаѣ, они правдоподобны; принимая ихъ за истинные, легко было объяснить отсутствіе Шамбюра, знавшаго, что его свидѣтельство очень важно. По предложенію прокурора, неявившійся свидѣтель былъ оштрафованъ ста франками.

„По удаленіи свидѣтелей изъ залы засѣданія начался допросъ подсудимаго. По словамъ Максима Бонафу, садовникъ былъ введенъ въ заблужденіе: онъ принялъ дружескія измѣненія подсудимаго за произнесеніе угрозъ; раненаго онъ принесъ въ замокъ потому, что иначе поступить считалъ невозможнымъ и что всякій, на его мѣстѣ, сдѣлалъ-бы то-же самое.

„Что касается убійства Фереоля, подсудимый настаивалъ на томъ, что стрѣлялъ, побуждаемый самозащитой. Тщетно президентъ, важнымъ голосомъ, напомнилъ ему слова Фереоля передъ смертю: подсудимый стоялъ на своемъ. Гдѣ ему было понять, что человѣкъ благочестивый, какимъ былъ брассакскій разносчикъ, не станетъ лгать, зная, что его призываетъ къ себѣ Всевышній изъ сей временной жизни въ жизнь вѣчную!

„Въ числѣ присутствовавшей публики находилось нѣсколько горцевъ. Они, видимо, расположены къ подсудимому. Не знаемъ, въ какой степени проникли пагубныя идеи социализма въ наши горы, съ цѣлю, конечно, въ будущемъ приложить революціонную искру къ нашимъ потухшимъ вулканамъ, но надо думать, что онѣ проникли, ибо иначе горцы не рукоплескали-бы вызовамъ, бросаемымъ обществу незаконнорожденнымъ. И нельзя сказать, чтобы Бонафу нагло бросалъ вызовъ; нѣтъ, онъ относился съ уваженіемъ не только къ законамъ общества, но и къ его предразсудкамъ.

Но сколько было лицемерія въ его словахъ! только наивный могъ дать имъ вѣру.

„Да простить намъ читатель наше негодованіе. Невозможно не волноваться, присутствуя при подобныхъ преніяхъ. Нашу партію съ давнихъ поръ зовутъ партіей Тартюфа. Мы хотимъ указать, что существуютъ различные Тартюфы; есть они и въ партіи свободныхъ мыслителей.

„Допросъ подсудимаго продолжался два часа; президентъ де-Вору, утомленный непримѣрнымъ упрямствомъ подсудимаго, объявилъ перерывъ засѣданія. Въ эту минуту судебный приставъ ввелъ Пьера Шамбюра, который громкимъ голосомъ сталъ просить извиненія за позднее прибытіе. Если хитрый почтарь желалъ произвести эффектъ своимъ появленіемъ, онъ достигъ своей цѣли. Онъ былъ весь покрытъ пылью, точно онъ возвратился изъ продолжительнаго путешествія; въ его глазахъ блестѣлъ огонь, на лицѣ выражалась неправдоподобная надежда.

„Пока всѣ съ любопытствомъ разсматривали Шамбюра, къ президентскому столу подошелъ другой судебный приставъ и подалъ г. де-Вору запечатанный конвертъ. Взглянувъ на адресъ, президентъ выразилъ на своемъ лицѣ изумленіе, затѣмъ распечаталъ конвертъ, бросилъ бѣглый взглядъ на бумаги, въ немъ заключающіяся, и сказалъ, обращаясь къ присяжнымъ:

— „Господа, засѣданіе отлагается до завтра. Я получилъ важное сообщеніе, о которомъ мы должны посовѣтоваться съ г. прокуроромъ ранѣе продолженія преній.

— „Дозволить-ли г. президентъ и мнѣ участвовать въ совѣщаніи? спросилъ адвокатъ Бонафу.

— „Я не могу отвѣчать формально на этотъ вопросъ, отвѣчалъ президентъ.—Но какую-бы цѣну судъ ни придавалъ этимъ документамъ, они будутъ вручены подсудимому и его адвокату прежде завтрашняго засѣданія.

„Г. де-Вору говорилъ съ легкимъ волненіемъ, которое ни отъ кого не ускользнуло.

„Мы, конечно, не замедлили прослѣдить за дѣйствіемъ, произведеннымъ неожиданнымъ событіемъ на Максима Бонафу. При первыхъ словахъ президента онъ задрожалъ, поднялся на ноги, и твердость, съ которой онъ держался во все время засѣданія, смѣнилась безпокойствомъ. Онъ поблѣднѣлъ и сталъ искать гла-

зани Пьера Шамбюра. Но почтарь закрылъ свои глаза, не желая, вѣроятно, публично раздѣлять безпокойство подсудимаго. Шамбюръ, однакожь, улыбнулся, но его улыбка никого не обманула. Очевидно, это событіе устрашило Бонафу и самого благо-склоннаго къ нему свидѣтеля.

„Только одна старушка Бонафу поддалась надеждѣ, которая можетъ сдѣлаться ей пагубной. Она подняла свои руки и казалась на-столько тронутой, что мы не могли удержаться отъ слезъ. Эта старая христіанка подняла глаза къ распятію, висящему на стѣнѣ, и въ душѣ своей принесла мольбу. Пожелаемъ, чтобы Тотъ, кто даетъ силу и милосердіе, послалъ бы бѣдной женщи-нѣ твердость, въ которой завтра она будетъ сильно нуждаться.

„Судъ удалился. Товарищи окружили адвоката подсуди-маго.

„Мы можемъ сообщить слухи, ходящіе о рассказанномъ нами эпизодѣ. Говорятъ, что полученные документы такого сорта, что теперь явилась необходимость измѣнить заключеніе обвинительнаго акта, но что положеніе подсудимаго нисколько не улучшается. Вся перемѣна для него будетъ заключаться въ томъ, что его дѣло бу-детъ, можетъ быть, перенесено для сужденія въ будущую сессию ассизнаго суда.

„Кто знаетъ, можетъ быть, въ прошломъ Максима Бонафу открыты факты, способные прекратить всякое сомнѣніе въ умахъ присяжныхъ и уничтожить симпатіи крестьянъ, болѣе или менѣе испорченныхъ, оставшихся вѣрными обвиняемому.“

Таковъ былъ отчетъ о дѣлѣ Максима Бонафу, составленный клерикальною газетою.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

ПРИЗРАКЪ.

Вдругъ стала мнѣ тѣсна громадная столица:
Отъ злости и тоски въ ней задыхался я!
На шумныхъ улицахъ моихъ знакомыхъ лица
Глядѣли на меня, усмѣшку затая...
И люди, и дома—тамъ все напоминало
О томъ, что сердце мнѣ на части разрывало.

Напрасно я искалъ убѣжища отъ муки—
Воспоминаній рой передо мной вставалъ:
Безумную любовь и скорбный часъ разлуки
Во снѣ и на яву я вновь переживалъ.
И страстно я желалъ отъ тяжкихъ сновъ укрыться,
И жаждалъ всей душой лишь одного—забыться!

Во снѣ и на яву за мною призракъ гнался,
Надъ горестью моей безумно хохоча,
Укрыться отъ него напрасно я старался:
Какъ за убійцею сѣкира палача,
Такъ онъ слѣдилъ за мной. Страдая безъ границы,
Я порѣшилъ бѣжать далеко отъ столицы...

И я бѣжалъ, какъ воръ, таясь порой ночью!
Забвенью отыскать въ деревнѣ я хотѣлъ:
Сводъ неба голубой повиснулъ надо мною,
Дымились вокругъ поля, зеленый боръ шумѣлъ,
Прозрачная рѣка змѣю изгибалась,
И солнце такъ тепло, привѣтно улыбалось.

Но я и здѣсь, какъ тамъ, не находилъ забвенья:
Вокругъ меня былъ рай, въ душѣ моей былъ адъ!
Мой призракъ вновь терзалъ меня безъ сожалѣнья;
Дыханіемъ своимъ распространивши ядъ,
Онъ отравилъ и здѣсь, казалось, атмосферу...
И я бѣжалъ опять, подобно Агасферу.

И вотъ на островѣ далекомъ я укрылся,

Въ убогой хижинѣ, среди гранитныхъ скалъ.
Лишь гордый альбатросъ надъ бѣглецомъ кружился.
И океанъ меня отъ міра отдѣлялъ;
Отъ пережитыхъ мукъ онъ мнѣ служилъ оградой,
И я найти покой уже мечталъ съ отрадой...

Напрасная мечта! Опять меня терзало
Воспоминаніе—невидимый палачъ,
И съ грохотомъ волны сливались, бывало,
Мои проклятія и мой безумный плачъ.
Для многихъ океанъ былъ жадною могилой,
Но погребсти не могъ моей тоски унылой!

Мой призракъ былъ со мной... „Напрасно я спасался!“
Я въ бѣшенствѣ вскричалъ. Съ усмѣшкой роковой
Мой врагъ мнѣ отвѣчалъ: „Куда-бъ ты ни скрывался,
Повсюду и всегда—я вѣрный спутникъ твой!“
И съ ужасомъ тогда вполне я убѣдился:
Преслѣдователь мой во мнѣ самомъ таился!..

Ал. Гусачевъ.

НОВЫЕ РАЗСКАЗЫ

БРЕТЪ-ГАРТА.

I.

КАЛИФОРНІЙСКІЙ ПАСТУШОКЪ.

Онъ подошелъ ко мнѣ въ оперномъ фойе въ антрактъ; его фигура отличалась отъ всѣхъ; его одежда, пестрая, разноцвѣтная, видимо была куплена и надѣта часъ или два тому назадъ, что доказывалось магазиннымъ билетомъ, торчавшимъ на воротникѣ сюртука и открыто объяснявшимъ нисколько неинтересовавшейся этимъ публикѣ, по какой мѣркѣ шито платье. Панталоны опускались прямой линіей вдоль его ногъ, точно они были плоскіе; то-же самое можно было сказать о всей его фигурѣ, походившей на куколокъ, вырѣзываемыхъ дѣтьми изъ бумаги. Я могу еще прибавить, что онъ не сознавалъ своей исключительности въ окружающемъ его обществѣ и его добродушное лицо было совершенно неинтереснымъ и площаднымъ, за исключеніемъ хитраго выраженія въ нижней челюсти.

— Вы меня забыли, сказалъ онъ мнѣ, протягивая руку:—я изъ Солано въ Калифорніи. Я васъ видѣлъ тамъ весною 1857 года. Я пасъ овецъ, а вы жгли уголь.

Въ этихъ словахъ не было никакой намѣренной грубости; они просто свидѣтельствовали о фактѣ.

— Я васъ остановилъ вотъ для чего, продолжалъ онъ, когда я пожалъ ему руку:—вы только-что чиривали въ ложѣ съ одной

красивой, бойкой, молодой особой. Можете вы мнѣ сказать, какъ ее зовутъ?

Я назвалъ по имени извѣстную красавицу изъ сосѣдняго города, которая плѣняла въ послѣднее время сердца столичной молодежи; особенно усердно ухаживалъ за нею блестящій, молодой Дашбордъ, стоявшій со мною.

Соланецъ задумался и черезъ минуту произнесъ:

— Да, да, это та самая дѣвушка.

— Вы встрѣчали ее? спросилъ я съ удивленіемъ.

— Да, отвѣчалъ онъ медленно, — я встрѣтилъ ее нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ. Она путешествовала съ друзьями по Калифорніи и я въ первый разъ увидалъ ее на желѣзной дорогѣ по сю сторону Рено. Она потеряла билетъ на свой багажъ, я нашелъ его и отдалъ ей. Она меня поблагодарила. Я думаю, мнѣ прилично войти къ ней въ ложу и возобновить знакомство?

Онъ остановился и взглянулъ на насъ вопросительно.

— Любезный сэръ, сказалъ блестящій Дашбордъ, — если вы колеблетесь только ради вашего костюма, то можете не сомнѣваться, что онъ вполне приличенъ. Тираническая мода, конечно, заставляетъ вашего знакомаго и меня являться въ оперу въ условномъ нарядѣ, но, повѣрьте, ничто не можетъ быть прекраснѣе сочетанія вашего оливкового скрутка съ ярко-желтымъ галстукомъ и перловыхъ брюкъ съ свѣтло-голубымъ жилетомъ, на которомъ такъ рельефно блеститъ массивная золотая цѣпь.

Къ моему удивленію, соланецъ не ударилъ дерзкаго франта, и, серьезно взглянувъ на него, сказалъ съ удивительнымъ спокойствіемъ:

— Такъ вы, вѣроятно, не откажетесь представить меня ей? а

Въ первую минуту Дашбордъ былъ пораженъ этой просьбой, но потомъ оправился и, иронически поклонившись, повелъ соланца въ ложу. Я послѣдовалъ за ними.

Красавица была, по счастью, порядочная женщина и происходила отъ порядочной семьи, поэтому, несмотря на ироническую рекомендацію Дашборда, она тотчасъ поняла, въ чемъ дѣло, и, къ удивленію свѣтскаго франта, пододвинувъ къ себѣ стулъ, попросила соланца сѣсть. Потомъ, повернувшись спиною къ Дашборду, вступила въ разговоръ съ соланцемъ, несмотря на то, что сотни биноклей были наведены на нее.

Здѣсь, ради романическаго интереса, я желалъ-бы сказать, что онъ одушевился и выказалъ рѣдкій умъ или основательный разсудокъ, но положительно онъ былъ тушъ до невозможности и упорно говорилъ только о пропавшемъ у красавицы багажномъ билетѣ, хотя она всѣми силами старалась пережвнить разговоръ. Наконецъ, къ всеобщему удовольствію, онъ всталъ и, облокотясь на спинку кресла, сказалъ:

— Я думаю остаться здѣсь нѣсколько времени, миссъ, и такъ-какъ мы оба съ вами чужестранцы, то, можетъ быть, вы позволите мнѣ сопутствовать вамъ на подобныя общественныя зрѣлища.

Миссъ К. поспѣшно отвѣчала, что она останется очень недолго въ Нью-Йоркѣ и завалена приглашеніями, такъ что не можетъ воспользоваться, и т. д. Двѣ дамы, бывшія вмѣстѣ съ нею въ ложѣ, закрылись платками, чтобъ заглушить свой смѣхъ. Но соланецъ, нисколько не смущаясь, продолжалъ:

— Во всякомъ случаѣ, миссъ, когда вы поѣдете на какое-нибудь общественное зрѣлище, напишите мнѣ словечко. Вотъ мой адресъ.

И, вынувъ изъ кармана пол-дюжины полинялыхъ отъ времени писемъ, онъ подалъ красавицѣ одинъ изъ конвертовъ съ чѣмъ-то вродѣ поклона.

— Прекрасно! воскликнулъ Дашбордъ;— вотъ, напримѣръ, завтра миссъ К. будетъ на благотворительномъ балѣ. Вамъ ничего не стоитъ, какъ богатому калифорнійцу, взять билетъ и къ тому-же вы сдѣлаете доброе дѣло. Что-же касается рекомендаціи, вы, вѣроятно, легко ее добудете.

— Еще-бы, замѣтила миссъ К., бросивъ знаменательный взглядъ на дерзкаго франта:— м-ръ Дашбордъ, какъ одинъ изъ распорядителей, не откажется, безъ сомнѣнія, прислать вамъ приглашительный билетъ. Я давно знакома съ м-ромъ Дашбордомъ и знаю, что онъ джентльменъ и всегда любезенъ съ чужестранцами.

Съ этими словами она отвернулась и стала смотрѣть на сцену.

Соланецъ поблагодарилъ нью-йоркца и, пожавъ руки всѣмъ находившимся въ ложѣ, пошелъ къ дверямъ, но на порогѣ остановился и, обращаясь къ миссъ К., сказалъ:

— Не правда-ли, миссъ, ловкая штука была пайти билетъ?

Но въ эту минуту занавѣсъ взвился и началась знаменитая сцена въ саду (шла опера „Фаустъ“). Вниманіе миссъ К. было по-

гложено игрою. Соланецъ осторожно затворилъ за собою дверь
ложи и скрылся въ коридоръ. Я послѣдовалъ за нимъ.

Онъ не произнесъ ни слова до самаго фойе, а тамъ сказалъ,
какъ-бы продолжая начатый разговоръ:

— Правда, она прекрасная дѣвушка. Она совсѣмъ въ моемъ
вкусѣ и будетъ славной женой.

Мнѣ стало страшно за соланца и я поспѣшилъ объяснить ему,
что за нею ухаживали многіе, что она могла выбрать жениха
въ лучшемъ обществѣ и что, по всей вѣроятности, она уже дала
слово Дашборду.

— И очень ловко сдѣлала, сказала онъ совершенно спокойно.—
Однакожь, мнѣ пора домой. Я ни въ грошъ не ставлю эту виз-
итню. (Онъ отзывался такъ лестно о пѣннѣ знаменитой пѣвицы
сильоры Батти-Батти). Который часъ?

Онъ вынулъ свои часы. Это была такая громадная, блестящая
луковица, очевидно, не золотая, что я съ любопытствомъ взгля-
нулъ на нее.

— Вы смотрите на мои часы, сказалъ онъ;—они красивы на
взглядъ, но идутъ прескверно. Однакожь, я заплатилъ за нихъ
сто двадцать пять долларовъ. Я купилъ ихъ вчера на аукціонѣ
въ Чатамской улицѣ.

— Васъ жестоко обманули! воскликнулъ я съ негодованіемъ:—
часы съ цѣпочкой не стоятъ и двадцати долларовъ.

— А пятнадцать стоятъ? спросилъ онъ серьезно.

— Вѣроятно.

— Такъ сдѣлка выгодная. Я сказалъ аукціонисту, что я
калифорніецъ изъ Солано и что у меня нѣтъ бумажныхъ денегъ.
Я далъ ему три *пластинки*, а онъ вручилъ мнѣ за нихъ часы.
Вы помните, что значить *пластинка*? (Я помнилъ хорошо, что
пластинкой называли въ первое время калифорнійской золотой
горячки осьмиугольный, небольшой кусокъ золота объемомъ въ двѣ
монеты въ двадцать долларовъ; стоила она пятьдесятъ долларовъ.)
Дѣло въ томъ, что эти пластинки были не золотыя, я сдѣлалъ
ихъ изъ мѣдныхъ опиловъ и желѣзнаго колчедана; я часто спускалъ
такія *пластинки* въ картежной игрѣ. Вѣдь это не правитель-
ственные деньги, значить нѣтъ и подлога. Три *пластинки* стоили
мнѣ, считая время и безпокойство, не болѣе пятнадцати дола-

ровъ, такъ что если часы стоятъ этихъ денегъ, то игра съ обѣихъ сторонъ была честная. Не правда-ли?

Я началъ понимать, что за человекъ мой соланецъ. Положивъ часы въ карманъ, онъ поигралъ цѣпочкой и съ улыбкой замѣтилъ:

— Это придаетъ человѣку приличный и состоятельный видъ, не правда-ли?

Я согласился съ нимъ и спросилъ, что онъ намѣренъ дѣлать въ Нью-Йоркѣ.

— У меня есть капиталецъ въ семьсотъ долларовъ, но прежде, чѣмъ начать какое-нибудь дѣло, я присмотрюсь къ здѣшнимъ порядкамъ.

Я хотѣлъ было предостеречь его отъ опасностей, грозившихъ ему въ Нью-Йоркѣ, но вспомнилъ исторію о часахъ и промолчалъ. Вскорѣ мы съ нимъ разстались.

Черезъ нѣсколько дней я снова встрѣтилъ его на улицѣ. Онъ былъ опять въ новой, какъ съ иглочки, одеждѣ, но въ ней былъ замѣтенъ прогрессъ, такъ-какъ я насчиталъ только пять различныхъ цвѣтовъ.

Я спросилъ его, былъ-ли онъ на балу.

— Да, отвѣчалъ онъ; — красивая молодая дѣвушка также была, но избѣгала меня. Я нарочно для бала надѣлъ этотъ новый нарядъ, но лакеи заперли меня въ отдѣльную ложу и я никакъ не могъ продолжать съ миссъ К. интереснаго разговора о находкѣ ея билета. За то молодой Дашбордъ былъ чрезвычайно любезенъ. Онъ постоянно приводилъ ко мнѣ въ ложу молодыхъ мужчинъ и дамъ. А на другой день онъ повезъ меня къ дѣльцамъ Валь-Стрита и я купилъ акцій на пятьсотъ долларовъ, т. е. я промѣнялъ десять паевъ компаніи пивкесскихъ мѣдныхъ рудниковъ, въ которой вы были секретаремъ.

— Помилуйте, эти паи ничего не стоятъ; компанія лопнула десять лѣтъ тому назадъ.

— Можетъ быть; вамъ лучше знать. Но и я также ничего не зналъ о положеніи дѣлъ центральной комунипасской желѣзной дороги и нефтяно-газовой компаніи, акціи которыхъ я купилъ, такъ что игра была честная. Только, для большей осторожности, я тотчасъ продалъ акціи за четыреста долларовъ. Впрочемъ, вы видите, я рискнулъ, потому что пивкескія акціи, быть можетъ, и поднимутся.

Я взглянулъ ему прямо въ лицо; оно по-прежнему было спокойно, тривиально. Я сталъ бояться этого человѣка или, скорѣе, я сталъ бояться моего неузнанія судить о людяхъ по первому взгляду.

Прошло нѣсколько мѣсяцевъ, пока я снова встрѣтилъ соланца. Онъ уже отерылъ маленькую контору и велъ биржевую игру. Вспомнивъ объ его странномъ поведеніи съ миссъ К., я спросилъ, возобновилъ-ли онъ съ нею знакомство.

— Да, отвѣчалъ онъ, — я услыхалъ, что она проводитъ лѣто въ Нью-Портѣ, и поѣхалъ туда на педѣлю.

— Вы опять говорили съ нею о находкѣ багажного билета?

— Нѣтъ, сказалъ онъ серьезно, — она дала мнѣ комисію купить ей акцій. Я полагаю, что франты, окружающіе ее, смѣялись надо мною и она поставила наше знакомство на дѣловую ногу. Ловкая дѣвушка. Вы слышали, что съ нею случилось?

— Нѣтъ.

— Она однажды отправилась въ море на яхтѣ; я попалъ въ число приглашенныхъ на экскурсію, которую устроилъ, какъ говорятъ, ея будущій женихъ. Вдругъ поднялся свѣжій вѣтеръ и парусъ, оторвавшись, снесъ въ воду миссъ К. Вы, вѣрно, слышали объ этой исторіи?

Я ничего не слыхалъ, но съ поэтическимъ инстинктомъ романиста предчувствовалъ, что этотъ грубый, неотесанный человѣкъ, наконецъ, нашелъ удобную минуту, чтобъ блестящимъ образомъ выказать свою любовь къ молодой дѣвушкѣ.

— Поднялась суматоха, продолжалъ онъ, — я подбѣжалъ къ борту и увидалъ въ водѣ эту прелестную дѣвушку... я...

— Вы бросились за ней? прибавилъ я поспѣшно.

— Нѣтъ, отвѣчалъ онъ глубокомысленно; — я доставилъ это удовольствіе другому, а самъ спокойно смотрѣлъ.

Я взглянулъ на соланца съ удивленіемъ.

— Я разсудилъ, что если-бы я бросился первый и не спасъ ее, а утонулъ-бы самъ, то этотъ господинъ, ея женихъ, прыгнулъ-бы въ воду и спасъ ее. Значитъ я остался-бы въ дуракахъ. Запротивъ, давъ ему первому кинуться въ воду, я могъ разсчитывать, что онъ утонетъ и, слѣдовательно, мои фонды поднимутся. Вы, я вижу, не понимаете меня... и въ Калифорніи меня не понимали.

— Онъ спасъ ее?

— Конечно. Это была его прямая обязанность и я могъ благодарно исполнить ее только въ случаѣ его неудачи.

Эта исторія стала вездѣ известна и популярность соланца начала быстро расти. Его приглашали для забавы на обѣды и вечера и, такимъ образомъ, онъ познакомился со многими людьми, съ которыми иначе онъ никогда не сошелся-бы. Между тѣмъ его маленькій капиталъ въ семьсотъ долларовъ постоянно увеличивался и дѣла его шли хорошо. Многія калифорнійскія акціи, давно покоившіяся непробуднымъ сномъ, вдругъ воскресли, какъ-бы чудомъ, въ его конторѣ и публика начала уважать соланца. Наконецъ, новое обстоятельство доказало всѣмъ, что онъ за человекъ.

Онъ уже давно желалъ поступить членомъ въ одинъ изъ модныхъ клубовъ и его пригласили на карточный вечеръ, все съ той же цѣлью позабавиться надъ нимъ. На слѣдующее утро, очень рано, я проходилъ мимо этого клуба и случайно услышалъ, какъ двое членовъ, выходя изъ дверей, разговаривали между собою:

— Онъ всѣхъ обчистилъ.

— Онъ наградилъ тысячъ сорокъ.

— Кто? спросилъ я.

— Соланецъ.

Я продолжалъ свой путь, но одинъ изъ членовъ клуба, проигравшій довольно значительную сумму, догналъ меня.

— Скажите мнѣ правду, сказали онъ, — какимъ ремесломъ занимался вашъ знакомый въ Калифорніи?

— Онъ былъ пастухомъ.

— Что?

— Да, онъ пасъ стада на роскошныхъ зеленыхъ горахъ Солано.

— Ну, ужъ могу сказать, проклятые у васъ пастушки въ Калифорніи!

II.

ВЪ СПАЛЬНОМЪ ВАГОНѢ.

Это случилось въ пудманскомъ спальномъ вагонѣ, на одной изъ западныхъ желѣзныхъ дорогъ. Я очнулся отъ перваго за-

бытья, овладѣвающего всегда путешественникомъ, помѣстившимся въ койкѣ, и съ ужасомъ убѣдился, что проспалъ только два часа; слѣдовательно, предстояло сидѣть съ открытыми глазами большую часть длинной зимней ночи.

Не имѣя возможности заснуть, я думалъ о многомъ и задавалъ себѣ различные вопросы. Отчего одѣяла въ спальныхъ вагонахъ не походятъ на всѣ прочія, а облѣпляя тѣло какой-то холодной массой, тяготятъ жестокимъ гнетомъ, нисколько не согрѣвая? Отчего занавѣси надъ койками такъ толсты и такъ душны? Отчего пассажиры не предпочитаютъ дремать, сидя всю ночь въ простомъ вагонѣ, чѣмъ лежать, не смыкая глазъ, въ спальномъ? Потомъ воспоминаніе о позднемъ обѣдѣ на станціи, тяготившемъ меня не менѣе холоднаго одѣяла, возбудило новый рядъ вопросовъ. Отчего на всемъ американскомъ континентѣ не подаютъ ни одного мѣстнаго кушанья, а карта каждаго ресторана или буфета составляетъ блѣдный сколокъ съ столичныхъ преісъ-курантовъ, причемъ единственное различіе заключается въ болѣе или менѣе дурномъ приготовленіи блюдъ? Отчего американецъ, путешествуя, всегда спрашиваетъ индѣйку съ брусничнымъ желе? Отчего служанки въ ресторанахъ, набравъ въ охапку множество тарелокъ, сдаютъ ихъ, какъ карты, черезъ ваши головы и потомъ, мгновенно отойдя, принимаютъ гордую, презрительную позу, какъ-бы говоря: „Если вы думаете, сэръ, что я вамъ дозволю фамиллярное обращеніе со мною, вы зло ошибаетесь!“

Однакожь, лежа съ открытыми глазами въ спальномъ вагонѣ, я не только задавалъ себѣ вопросы, но и дѣлалъ замѣчанія, которыя, вѣроятно, не входятъ въ голову дневнымъ пассажирамъ; наприимѣръ, что скорость поѣзда не всегда одинакова. Отъ времени до времени паровозъ, очнувшись, беретъ дружнѣе, какъ-бы говоря слѣдующимъ за нимъ вагонамъ: „Ну, ну! братцы, такъ нельзя, мы не поспѣемъ, впередъ!“ При этомъ въ учащенномъ пыхтѣньи паровоза всегда слышится какой-то поэтический мотивъ, зависящій отъ мѣстныхъ условій желѣзной дороги. Такъ, на центрально-нью-йоркской желѣзной линіи, гдѣ полотно гладкое и стальные рельсы безъ перерывовъ, въ пыхтѣньи паровоза торжественно раздается одинъ изъ духовныхъ гимновъ Занки и Моді. На нью-йорко-нью-говеиской дорогѣ, гдѣ множество поперечныхъ вѣтвей и свистъ машины не замираетъ ни на минуту, ясно слы-

шится лихой припѣвъ: „Бѣги, бѣги, Томъ, красотка тебя ждетъ!“ На евебекской линіи, среди дѣвственныхъ лѣсовъ, я ясно слышала, какъ паровозъ краснорѣчиво декламировалъ первыя строфы поэмы Лонгфелло „Эванжелина“: „О, лѣсъ вѣковой, вѣчный!“ Наконецъ, однажды ночью, но ужъ не помню на какой дорогѣ, поднявъ стору, чтобы полюбоваться на снѣжный пейзажъ, залитый серебристымъ свѣтомъ луны, я тотчасъ получилъ выговоръ отъ паровоза, громко, хотя и мелодично распѣвавшего, какъ Эолова арфа: „Спусти стору, спусти стору!“

Среди всѣхъ этихъ размышленій пробило четыре часа. Въ туалетной слуга уже чистилъ сапоги. Мнѣ очень хотѣлось заговорить съ нимъ, но, по счастью, я вспомнилъ, что всякая попытка вступить въ разговоръ съ кондукторомъ или слугою всегда принимается ими за желаніе причинить ущербъ компаніи, которой они служатъ. Я вспомнилъ, какъ однажды я старался убѣдить кондуктора, что неблагоприятно производить повѣрку билетовъ ровно въ полночь, и онъ обошелся со мною, какъ съ сумасшедшимъ. Нѣтъ, рѣшительно не было никакого средства избавиться отъ душнаго, нестерпимаго одиночества. Я поднялъ стору и посмотрѣлъ въ окно. Мы проѣзжали мимо фермы; слабое мерцаніе фонаря, вѣроятно, въ рукахъ работника, слегка освѣщало овинъ, а далеко-далеко на горизонтѣ небо уже розовѣло. Наконецъ-то повѣяло утромъ.

На послѣдней станціи въ вагонъ сѣли два пассажира. Они помѣстились другъ противъ друга въ пустомъ отдѣленіи и разговаривали между собою отрывочно, позѣвывая и, очевидно, тяготясь обществомъ другъ друга. Когда я взглянулъ на нихъ изъ-за занавѣси моей койки, одинъ изъ нихъ говорилъ другому самымъ апатичнымъ тономъ:

— Да, одно время онъ былъ очень популярнымъ гробовщикомъ.

Второй пассажиръ (не менѣе апатично). А былъ онъ... этотъ гробовщикъ, христіаниномъ? Ходилъ онъ въ церковь?

Первый пассажиръ (задумчиво). Не знаю, можно-ли сказать, что онъ исповѣдывалъ христіанство, но его считали вѣрующимъ.

Второй пассажиръ (послѣ долгаго молчанія и чувствуя, что общественный долгъ обязываетъ его сказать что-нибудь). А почему онъ былъ популярнымъ гробовщикомъ?

Первый пассажир (лѣниво зѣвая). Наибольшей популярностью онъ пользовался у вдовъ и вдовцовъ, благодаря своему искусству утѣшать ихъ чувствительными фразами изъ священнаго писанія и собственнаго житейскаго опыта. Онъ самъ, говорятъ, похоронилъ трехъ женъ и пятерыхъ дѣтей; послѣднія изъ нихъ умерли отъ новой болѣзни въ Висконсинѣ — дифтерита. Я не знаю, правда-ли это, но такъ говорятъ.

Второй пассажиръ. Но какъ-же онъ потерялъ эту популярность?

Первый пассажиръ. Въ этомъ-то и вся исторія. Онъ не довольствовался тѣмъ, что бралъ на себя, какъ всѣ гробовщики, полное устройство похоронъ, но вводилъ разныя новизны въ свое ремесло, напримѣръ, онъ *выработывалъ* фizioномію покойника.

Второй пассажиръ (спокойно). Какъ выработывалъ?

Первый пассажиръ (вызывающимъ тономъ). Вы замѣчали, что покойники вообще имѣютъ непріятное выраженіе?

Второй пассажиръ. Да.

Первый пассажиръ. Вотъ, напримѣръ, я устраивалъ похороны Мэри Побльсъ, дочери подруги моей жены; славная это была дѣвушка, красивая и набожная христіанка. Но, несмотря на великолѣпный гробъ съ рюшемъ и цвѣтами, я долженъ сознаться, что она производила отталкивающее впечатлѣніе.

Второй пассажиръ (съ напряженнымъ сочувствіемъ). Неужели?

Первый пассажиръ. Вотъ, для того, чтобъ покойникъ не отталкивалъ отъ себя живыхъ, гробовщиковъ, — его звали Вилькинсъ, — и выработывалъ приличное выраженіе лица. Онъ достигъ въ этомъ отношеніи такого искусства, что за извѣстную плату (у него была обширная такса) онъ придавалъ покойнику то или другое выраженіе. Столько-то стоила улыбка христіанскаго смиренія, а столько-то, — конечно, гораздо дороже, — сіяніе надежды на будущую жизнь.

Второй пассажиръ. Я желалъ-бы знать...

Первый пассажиръ (перебивая). Я самъ сомнѣвался, согласна-ли такая работа съ св. писаніемъ, но пасторъ успокоилъ меня, сказавъ, что онъ будетъ смотрѣть сквозь пальцы, пока Вилькинсъ выказываетъ свое искусство на извѣстныхъ набожностью прихожанахъ. Но когда умеръ Сай Дунгамъ... вы помните Сая Дунгана?

Наступило продолжительное молчаніе. Второй пассажиръ смотрѣлъ въ окно и, повидимому, забывъ о существованіи своего товарища. Высунувъ голову изъ-за занавѣски, я увидѣлъ, что четыре другіе пассажира, подобно мнѣ, съ любопытствомъ также высунули головы, жаждая услышать конецъ разсказа. Въ этомъ числѣ была одна женщина, которая, увидавъ меня, тотчасъ скрылась, но судорожно колебавшіяся занавѣси ея койки ясно доказывали, что интересъ къ разсказу въ ней нисколько не ослабъ. Въ сущности, во всемъ вагонѣ было только два хладнокровныхъ, равнодушныхъ человѣка: пассажиры, бесѣда которыхъ такъ интересовала насъ всѣхъ.

Второй пассажиръ (оторвавшись, наконецъ, отъ окна). Что вы говорите о Саѣ Дунгамѣ?

Первый пассажиръ. Саѣ никогда не отличался ни вѣрой, ни набожностью; это былъ блудный сынъ; онъ постоянно пьянствовалъ и водился съ развратными женщинами. Однажды онъ перешелъ черезъ край въ кутежъ и умеръ. Семейство его, гордое и богатое, не пожалѣло денегъ на похороны, и я долженъ сознаться, что никогда не видывалъ подобнаго блеска. Вилькинсъ превзошелъ себя. Онъ придалъ лицу блуднаго сына выраженіе № 1, то-есть надежду на будущую жизнь. Это ужъ было слишкомъ и даже пасторъ сталъ поговаривать, что надо положить конецъ его ремеслу. Однакожъ, не отъ этого потерялъ онъ свою популярность.

Новое молчаніе. Второй пассажиръ не выражалъ ни малѣйшаго желанія узнать, почему гробовщикъ потерялъ свою популярность. Но изъ-за занавѣсокъ сосѣднихъ коекъ высовывались лица, съ нетерпѣніемъ и даже злобой желавшія услышать результатъ системы выработыванія мертвыхъ физиономій.

Второй пассажиръ (неожиданно вспомнивъ предметъ разговора). Да, отчего-же онъ сталъ непопуляренъ?

Первый пассажиръ (чрезвычайно спокойно). Отъ слишкомъ большого рвенія... то-есть, я такъ предполагаю, а факты мнѣ положительно неизвѣстны. Когда, два мѣсяца тому назадъ, умеръ мужъ м-съ Видскомбъ, она очень горевала, хотя могла, кажется, къ этому привыкнуть, похоронивъ ранѣе двухъ мужей. Вы знаете, что она была замужемъ за Джономъ Баркеромъ?

Второй пассажиръ (съ замѣтнымъ интересомъ). Это не правда.

Первый пассажиръ (торжественно). Пусть я сегодня предстану на страшный судъ, если она не вдова Баркера.

Второй пассажиръ. А я присягну.

Первый пассажиръ (перебивая). Вотъ м-сь Видскомбъ устроила великолѣпные похороны и Вилькинсъ показалъ вполнѣ свое искусство. По несчастію, а быть можетъ, по счастью, одинъ изъ старыхъ друзей покойнаго, докторъ изъ Чикаго, пріѣхалъ на похороны. Онъ со всѣми другими пошелъ взглянуть на покойника, на лицѣ котораго была небесная улыбка, и всѣ говорили, что покойный уже получилъ высшую награду за свою примѣрную жизнь. Вдова, какъ всѣ женщины, съ утѣшеніемъ слушала комплименты, расточаемые покойнику. Вдругъ докторъ обратился къ ней съ вопросомъ: „отъ какой болѣзни умеръ вашъ мужъ?“ Бѣдная вдова отвѣчала со слезами: „Отъ чахотки, скоротечной чахотки“. Докторъ былъ невѣрующій и громко воскликнулъ: „Чортова чахотка! Какъ-бы не такъ! Онъ умеръ отъ яда. Посмотрите, какъ сведены всѣ личные мускулы. Это — riser sardonios, отъ стрихнина“. — „Помилуйте, докторъ, произнесла съ ужасомъ вдова, — это улыбка христіанской покорности волю Провидѣнія“. — „Чортъ возьми! Я вамъ говорю, что это ядъ! снова произнесъ докторъ; — и...“ Однакожь, мы уже пріѣхали. Вотъ и Джульета!

Двое или трое пассажировъ, заинтересовавшись рассказомъ, воскликнули съ своихъ коекъ:

— Эй вы, господинъ! Чѣмъ-же кончилось...

Но разговаривавшіе пассажиры исчезли.

III.

ЧЕЛОВѢКЪ СЪ ТЯЖЕЛЫМЪ БРЕМЕНЕМЪ.

Онъ былъ человекъ худощавный, на видъ болѣзненный, но такъ одѣтъ и такъ держалъ себя, что его нельзя было принять за бѣдняка. Онъ былъ очень блѣдень и эта блѣдность еще рельефнѣе выступала отъ черной одежды.

Онъ подалъ мнѣ записку отъ знакомаго доктора, известнаго своимъ высокимъ образованіемъ, широкой гуманностью и бла-

городной преданностью своему святому дѣлу. Письмо этого добраго, честнаго человѣка, никогда неспрашивавшаго, какой вѣры или какого положенія въ свѣтѣ былъ больной, а также имѣли онъ средства заплатить ему за леченіе или нѣтъ, заключалось въ слѣдующихъ немногихъ словахъ, набросанныхъ карандашомъ:

„Вотъ человѣкъ, о которомъ я вамъ говорилъ. Онъ можетъ быть для васъ хорошимъ матеріаломъ“.

Впродолженіи нѣсколькихъ минутъ я терялся въ догадкахъ, не понимая этихъ таинственныхъ словъ; но „хорошій матеріалъ“ вскорѣ вывелъ меня изъ затрудненія.

— Оно здѣсь, вы можете его ощупать, сказалъ онъ, указывая рукою на свой лѣвый бокъ.

Я тотчасъ вспомнилъ, что мой другъ докторъ рассказывалъ мнѣ объ одномъ бѣдномъ пациентѣ, который, находясь на службѣ солдатомъ, имѣлъ аневризмъ, происшедшій отъ тревія пряжкой ранца по дугѣ начальной артеріи, которая могла лопнуть каждую минуту при малѣйшемъ волненіи и даже безъ всякой видимой причины. Дѣйствительно, это былъ человѣкъ съ тяжелымъ бременемъ.

Признаюсь, въ первую минуту я испугался только за себя. Ну, а если онъ умретъ сейчасъ, что я съ нимъ сдѣлаю, какъ объясню обстоятельства его смерти, какъ удалю отъ себя всякое подозрѣніе присяжныхъ въ неосторожномъ или наивѣренномъ содѣяніи роковой катастрофы? Даже записка доктора съ таинственнымъ выраженіемъ: „хорошій матеріалъ“, могла послужить въ рукахъ ловкаго адвоката ужаснымъ орудіемъ противъ меня. Я немедленно разорвалъ ее и съ лихорадочной любезностью просилъ незнакома състь.

— Вы не желаете ощупать его? спросилъ онъ.

— Нѣтъ.

— Не желаете даже посмотреть?

— Нѣтъ.

Онъ грустно вздохнулъ и я понялъ, что онъ часто подвергался докторскимъ осмотрамъ, а потому былъ нѣсколько оскорбленъ моею невнимательностью. Моя догадка оказалась вполне справедливой, такъ-какъ онъ черезъ минуту вынулъ изъ кармана и подалъ мнѣ номеръ медицинскаго журнала, въ которомъ было помѣщено подробное описаніе его болѣзни.

— Могу я чѣмъ-нибудь служить вамъ? спросилъ я.

Онъ отвѣчалъ, что былъ-бы мнѣ очень благодаренъ, если-бы я досталъ ему какое-нибудь занятіе, не требующее большого физическаго труда или умственнаго напряженія, но прибавилъ, что, строго говоря, онъ не былъ бѣденъ, такъ-какъ за нѣсколько лѣтъ до обнаруженія въ немъ роковаго недуга застраховалъ свою жизнь въ пятнадцать тысячъ долларовъ и акуратно платилъ премію, а потому его жена и четверо дѣтей получаютъ послѣ его смерти порядочное наслѣдство.

— А вотъ если-бы я могъ найти какую-нибудь легкую работу, пока...

Онъ какъ-то неловко остановился и не могъ окончить фразы.

Я видывалъ не разъ, какъ великіе актеры однимъ словомъ приводили въ трепетъ зрителей, но никогда не ощущалъ такого волненія, какъ теперь, услыхавъ произнесенное этимъ несчастнымъ *пока*. Онъ самъ, повидимому, не сознавалъ, какое сильное впечатлѣніе произвелъ на меня, и сидѣлъ молча, смущенный.

Случайно, или, быть можетъ, подъ вліяніемъ этой драматической сцены, я черезъ нѣсколько дней пошелъ къ знакомому директору театра и спросилъ: нѣтъ-ли у него мѣстечка для инвалида.

— Онъ можетъ ходить? спросилъ директоръ.

— Да.

— И стоять четверть часа?

— Да.

— Я возьму его для послѣдней сцены въ „Гибели Сенахериба“. Вы знаете, что въ этой сценѣ будутъ участвовать двѣ тысячи человѣкъ.

Названіе пьесы меня испугало и, не обнаруживая тайны моего пріятеля, я объяснилъ, что онъ наврядъ-ли можетъ участвовать въ такой пьесѣ, одно зрѣлище которой могло слишкомъ сильно на него подѣйствовать.

— Не зачѣмъ ему и смотрѣть на сцену, отвѣчалъ директоръ;— мы поставимъ его на первомъ планѣ, лицомъ къ публикѣ; ему придется только войти и выйти.

Дѣйствительно, онъ былъ ангажированъ. Признаюсь, что меня нѣсколько мучило сомнѣніе, хорошо-ли я сдѣлалъ, скрывъ отъ директора театра болѣзненное состояніе новаго актера и возмож-

ность каждый вечеръ произойти на его сценѣ настоящей трагедіи; но первое представленіе „Гибели Сенахериба“, на которомъ я, конечно, присутствовалъ, меня успокоило. Я всегда съ улыбкой смотрю въ оперѣ на хладнокровное отношеніе хора къ самымъ трагическимъ происшествіямъ, которыя вызываютъ только вокальный протестъ, но я полагаю, что никогда не видано было на театрѣ такой забавной, безчувственной апатіи къ окружающимъ ужасамъ: убійствамъ, поджогамъ и пр., какую выражалъ мой пріятель. Въ нелѣпомъ костюмѣ, служившемъ уморительнымъ анахронизмомъ, мой пріятель стоялъ сбоку на первомъ планѣ, держа въ одной рукѣ копье, а другою какъ-бы придерживалъ тайну, скрывавшуюся въ его сердцѣ. Съ неподвижнымъ спокойствіемъ на своемъ восковомъ лицѣ, онъ апатично смотрѣлъ на веселую публику. Мнѣ казалось, однакожь, что въ его апатичномъ выраженіи проглядывало гордое сознаніе, что онъ могъ каждую минуту превратить эту искусственную катастрофу въ настоящую. Я не вытерпѣлъ и сообщилъ доктору свое наблюденіе.

— Да, отвѣчалъ онъ съ обычнымъ хладнокровіемъ врача, — когда настанетъ роковая минута, онъ всплеснетъ руками, дико закричитъ и упадетъ на полъ лицомъ книзу. Странно, но въ аневризмѣ всегда падаютъ лицомъ на полъ. Черезъ секунду его поднимутъ бездыханнымъ трупомъ, какъ Юлія Цезаря.

Какая-то странная притягивающая сила увлекала меня послѣ этого ежедневно въ театръ, но, какъ многіе изъ моихъ читателей припомнятъ, въ „Гибели Сенахериба“, имѣвшей громаднѣйшій успѣхъ, не было въ дѣйствительности ни одного человѣка.

Черезъ нѣсколько недѣль послѣ скромнаго дебюта „человѣка съ аневризмомъ“ я случайно обѣдалъ въ обществѣ финансистовъ и рассказалъ, на-сколько умѣлъ драматично, эту маленькую исторію. Но она не произвела никакого впечатлѣнія и только мой сосѣдь, извѣстный банкиръ, спокойно спросилъ:

— Отчего онъ не продастъ своего страхового полиса?

Я не понялъ и просилъ объясненія.

— Очень просто. Пусть онъ переведетъ на меня полисъ, а я дамъ ему стоимость, вычтя въ свою пользу небольшой дисконтъ: изъ вашихъ словъ я вижу, онъ протянетъ недолго.

По совѣту этого хладнокровнаго дѣльца, у котораго, однакожь, было теплое сердце, „человѣкъ съ аневризмомъ“ выручилъ

изъ страхованія своей жизни значительную сумму и помѣстилъ ее на имя жены въ государственные фонды, приносящіе небольшой, но вѣрный доходъ, причемъ, однакожь, онъ не покинулъ театра.

Отлучившись изъ Нью-Йорка на нѣсколько мѣсяцевъ, я долго не видалъ моего друга-доктора и при первой встрѣчѣ спросилъ его о „человѣкѣ съ аневризмомъ“.

— Право не знаю, какъ вамъ отвѣчать, хорошо или худо онъ поживаетъ, отвѣчалъ добрый докторъ. — Вы видали когда-нибудь его жену?

Я отрицательно покачалъ головой.

— Она моложе его и довольно красива. Вы помните, онъ перевелъ на ее имя всѣ свои деньги и, кажется, она могла спокойно дожидаться его близкой смерти. Но она не захотѣла ждать и убѣжала съ любовникомъ и деньгами.

— Онъ умеръ отъ такого тяжелаго удара? воскликнулъ я съ поэтическимъ жаромъ.

— Нѣтъ еще, я видѣлъ его вчера.

— Гдѣ онъ теперь?

— Все тамъ-же, на театрѣ. Вы помните въ знаменитой балетной сценѣ „Гибели Сенахериба“ молодую танцовщицу, которая дѣлала такіе удивительные пируэты? Нашъ пріятель, кажется, влюбился въ нее.

— Да это ужасно, докторъ.

— Многое на свѣтѣ бываетъ, философъ, о чемъ вы и не мечтали въ своихъ философскихъ стремленіяхъ. Можетъ быть, я и ошибаюсь, но на дняхъ ко мнѣ заѣзжала эта танцовщица и спрашивала о состояніи его здоровья. Я сказалъ ей всю правду и она упала въ обморокъ. Я съ трудомъ привелъ ее въ чувство: она, конечно, объяснила свой обморокъ духотою въ моей комнатѣ и усталостію отъ ежедневныхъ представленій. Но не правда-ли, это странный фактъ, и если-бъ я былъ писателемъ съ вашимъ талантомъ, то воспользовался-бы имъ.

— А какъ его здоровье?

— Все въ томъ-же положеніи. Вы знаете, что избѣгнуть рокового конца ему нельзя... Но прощайте, мнѣ пора.

Конечно, никакой моралистъ или писатель, имѣющій въ виду строго-нравственную публику, не могъ интересоваться человѣкомъ,

который, стоя на краю вѣчности, позволилъ себѣ влюбиться. Поэтому я совершенно выкинулъ изъ головы мысль о немъ и всецѣло сосредоточилъ свое вниманіе на ясно-опредѣленныхъ добродѣтеляхъ и грѣхахъ, озаглавленныхъ большими буквами. Однакожь, прошло не болѣе мѣсяца, какъ я, возвращаясь съ веселаго обѣда, снова встрѣтилъ доктора. Онъ ѣхалъ въ каретѣ и, оставившись, подозвалъ меня къ себѣ.

— Я могу вамъ сообщить новость. Нашъ пріятель умеръ.

— Скоропостижно?

— Конечно, въ одно мгновеніе, какъ я вамъ всегда говорилъ. Это прелюбопытная исторія. Танцовщица, получивъ отъ меня свѣденія объ его роковой болѣзни, написала ему тотчасъ письмо и онъ, прочитавъ его, упалъ на полъ мертвымъ.

— Какая жестокая! Развѣ она не могла, съ женскимъ тактомъ, понемногу отдалить его отъ себя?

— Вы совершенно ошибаетесь: она написала, что согласна выйти за него замужъ.

— Какъ?

— Да, его убила радость. Мы съ вами этого не предвидѣли. А вѣдь славный сюжетъ для разказа, не правда-ли?

— Но въ немъ нѣтъ никакой морали.

— Гмъ! можетъ быть! Ну, до свиданія, меня ждутъ больные.

IV.

БАРАБАНЪ.

Святочный разказъ для маленькихъ солдатъ.

Были святки. Въ Калифорніи въ это время всегда идутъ проливные дожди и зеленѣетъ трава. Среди нависшихъ тучъ, ливней и грязи проглядываетъ иногда солнце и на обнаженныхъ горахъ, въ царствѣ смерти, возникаетъ новая, веселая жизнь. Даже бури, уносящія мертвые листья, помогаютъ распускаться нѣжнымъ почкамъ. На калифорнійскихъ святкахъ уже нѣтъ и помину о снѣгѣ; плугъ поселянина уже вспахалъ тучныя поля и благоухающія розы въ садахъ придаютъ какой-то неестественный, чужестран-

ный видъ святочнымъ имортелямъ, которыя, по англійскому обычаю, украшаютъ гостинныя.

— Ну, сказалъ докторъ, пододвигая свое кресло къ камину и бросая добрый, но строгій взглядъ на окружавшія его русна дѣтскія головки, — я не желаю, чтобъ кто-нибудь прерывалъ мой рассказъ глупыми вопросами. При первомъ вопросѣ я замолчу, а при второмъ задамъ всѣмъ касторки. Если кто-нибудь изъ васъ пошевелитъ ногой или рукой, я сейчасъ ее отрѣжу. У меня съ собою инструменты. Дайте-же обѣщаніе слушать смирно.

— Да, да! отвѣчало шесть юныхъ голосовъ, но вслѣдъ затѣмъ посыпались вопросы отъ маленькихъ слушателей.

— Тихе, тихе! Бобъ, перестань шумѣть саблей и не семени ногами. Флора сядетъ рядомъ со мною, какъ большая барыня, и будетъ примѣромъ для всѣхъ. Фунгъ-Тангъ можетъ остаться, если захочетъ. Убавьте газъ; теперь огонь въ каминѣ и блескъ святочныхъ свѣчей много выиграетъ. Ну, тихе. Кто громко перевернетъ миндалинку или засопитъ, набивая ротъ изюмомъ, тотчасъ будетъ удаленъ изъ комнаты.

Воцарилась безмолвная тишина. Бобъ нѣжно положилъ саблю рядомъ съ собою и сталъ глубокомысленно поглаживать рукою свои колѣнки. Флора кокетливо поправила карманы своего передника, полные лакомствъ, положила свою маленькую ручку на плечо доктора и приютилась на его груди. Фунгъ-Тангъ, китайскій пажъ, которому дозволялось, въ видѣ исключенія, участвовать въ святочныхъ забавахъ христіанскихъ дѣтей, — смотрѣлъ на все съ философской улыбкой. Только мѣрный стукъ французскихъ бронзовыхъ часовъ съ классической пастушкой нарушалъ мирную тишину комнаты, наполненной странной смѣсью запаховъ зелени, новыхъ игрушекъ, лакированныхъ коробокъ и т. д.

— Четыре года тому назадъ, началъ докторъ, — я слушалъ лекціи въ одномъ изъ большихъ городовъ. Мой професоръ, добрый, хотя, быть можетъ, слишкомъ практичный и упрямый человекъ, пригласилъ меня провести въ его семействѣ канунъ Рождества. Я съ удовольствіемъ согласился, такъ-какъ давно уже желалъ увидать одного изъ его сыновей, мальчика лѣтъ двѣнадцати, который былъ удивительно уменъ. Я не могу вамъ сказать, сколько онъ зналъ наизусть латинскихъ стиховъ и сколько самъ написалъ англійскихъ, но всѣ считали его удивительнымъ ребенкомъ и пред-

сказывали ему блестящую будущность. Только одинъ отецъ сомнительно качалъ головой, когда говорили о сынѣ, но я вамъ уже упомянулъ, что онъ былъ слишкомъ практичный человекъ. Вечеръ у профессора былъ очень веселый. Онъ пригласилъ дѣтей всего околота и среди нихъ необыкновенный сынъ профессора Руперта казался какимъ-то уродомъ. Онъ былъ очень маленькій, худенькій мальчикъ, ростомъ съ Боба, а по слабости и нѣжному цвѣту лица онъ походилъ на Флору. По словамъ отца, здоровье его было плохое и онъ рѣдко бѣгалъ или игралъ съ товарищами, предпочитая читать книги или писать стихи. Конечно, профессоръ приготовилъ прекрасную елку и всѣ смѣялись, шутили и отгадывали, кому какой предназначенъ подарокъ. Дѣти были внѣ себя отъ счастья и выкликали имена другъ друга, выставленныя на ягрускахъ. Вдругъ кто-то произнесъ съ удивленіемъ и сарказмомъ:

— „Вотъ подарокъ и Руперту—отгадайте, что?

— „Письменный столъ?

— „Золотое перо?

— „Полное собраніе сочиненій Мильтона?

— „Словарь рифмъ?

— „Да скажите же, что такое?

„Всѣ эти вопросы посыпались со всѣхъ сторонъ.

— „Барабанъ.

— „Что? спросили мы всѣ въ одинъ голосъ.

— „Да, барабанъ.

„Дѣйствительно, мы увидали большой, новый, блестящій барабанъ съ мѣднымъ обручемъ и съ надписью: *для Руперта*. Конечно, мы всѣ разразились громкимъ хохотомъ, находя очень остроумной эту штуку.

— „Ты сдѣлаешь много шума въ свѣтъ, Рупертъ, говорилъ одинъ.

— „Это пергаментъ для поэта, замѣчалъ другой.

— „Это послѣднее сочиненіе Руперта въ кожаномъ переплетѣ, прибавлялъ третій.

— „Сыграй намъ классическій мотивъ, Рупертъ! восклицалъ четвертый.

„Но Рупертъ былъ такъ оскорбленъ, что не могъ произнести ни слова. Онъ поблѣднѣлъ, прикусилъ губу и, наконецъ, горько заплакавъ, выбѣжалъ изъ комнаты. Смѣявшимся надъ нимъ ста-

стыдно и всё спрашивали, кто повѣсилъ на елку барабанъ. Никто не зналъ, но если кому-нибудь и было извѣстно, то онъ промолчалъ изъ сочувствія къ впечатлительному ребенку. Даже слугъ допросили, но и они не знали, откуда явился барабанъ, и всего страннѣе было то, что никто не видалъ на елѣ барабана, пока на него не указалъ одинъ изъ мальчиковъ. А мое мнѣніе? Я вамъ его не скажу и вы не смѣете задавать вопросовъ, — таковъ ужъ былъ уговоръ. Какъ-бы то ни было, Рупертъ не возвратился въ гостиную и мы вскорѣ разошлись“.

Докторъ прокашлялся и продолжалъ:

„На слѣдующую весну началась война между Сѣверомъ и Югомъ и я былъ назначенъ врачомъ въ одинъ изъ вновь сформированныхъ полковъ. По дорогѣ въ армію, я проѣзжалъ мимо города, гдѣ жилъ профессоръ, и, конечно, зашелъ къ нему. Мой первый вопросъ былъ о Рупертѣ. Отецъ грустно покачалъ головой.

— „Онъ нездоровъ, сказалъ онъ, — онъ чахнетъ съ прошлаго Рождества. Это странный, очень странный случай. Взгляните на него сами; ваше посѣщеніе, быть можетъ, его развлечетъ.

„Я нашелъ Руперта на диванѣ, обложеннаго подушками. Вокругъ него валялись книги, а надъ самой головой висѣлъ на гвоздикѣ пресловутый барабанъ. Лицо мальчика было исхудалое, изнуренное, на обѣихъ щекахъ виднѣлись красныя пятна, а широко открытыя глаза ярко блестѣли. Онъ обрадовался мнѣ и, узнавъ, куда я ѣду, разспрашивалъ подробно о войнѣ. Я думалъ, что мнѣ удалось отвратить умъ его отъ болѣзненныхъ фантазій, но онъ вдругъ схватилъ меня за руку, привлекъ къ себѣ и сказалъ шопотомъ:

— „Докторъ, вы не будете смѣяться надо мною, если я что-нибудь вамъ скажу?

— „Нѣтъ, отвѣчалъ я.

— „Вы помните этотъ барабанъ? продолжалъ мальчикъ, указывая на стѣну: — нѣсколько недѣль послѣ Рождества я лежалъ въ постели, какъ вдругъ барабанъ, висѣвшій на этомъ самомъ мѣстѣ, сталъ издавать сначала тихіе, а потомъ все болѣе и болѣе громкіе звуки, такъ что, наконецъ, по всему дому загремѣлъ барабанный бой. Послѣ полуночи онъ снова повторился. На другой день я никому не сказалъ ни слова о случившемся; но съ тѣхъ поръ каждую ночь

барабанъ бьетъ надъ моей головой. Всегда начинается съ тихой дроби, а потомъ переходитъ въ такой частый бой, что я боюсь, чтобы онъ не разбудилъ весь домъ. Но, докторъ, прибавилъ мальчикъ, смотря на меня съ безпокойствомъ, — никто, кромѣ меня, кажется, не слышитъ барабана.

„Я въ этомъ былъ совершенно увѣренъ и спросилъ его, слыхаль-ли онъ барабанный бой днемъ.

— „Да, раза по два въ день барабанъ бьетъ очень громко и сердито, какъ-бы желая отвлечь меня отъ чтенія или писанія.

„Я пристально взглянулъ на него и пощупалъ пульсъ. Глаза его горѣли, а пульсъ былъ частый. Я старался объяснить ему, что его нервы отъ слабости были очень напряжены и когда онъ занимался чѣмъ-нибудь съ интересомъ или лежалъ ночью, утомленный бессонницей, то въ главной артеріи такъ стучала кровь, что ему слышался барабанный бой. Онъ выслушалъ мои слова съ недоувѣрчивой, грустной улыбкой, но поблагодарилъ меня и я съ нимъ простился. Возвратясь въ кабинетъ профессора, я высказалъ ему мое мнѣніе. Вамъ, друзья мои, до него нѣтъ никакого дѣла.

— „Ему просто нужны воздухъ, движеніе и практическая дѣятельность, отвѣчалъ профессоръ, который былъ не дурной человекъ и очень умный, но считалъ глупымъ и недостойнымъ размышленія все, чего онъ не понималъ.

„Въ тотъ-же день я отправился далѣе и въ пллу врачебной дѣятельности на поляхъ сраженій и въ лазаретахъ я совершенно забылъ о маленькомъ Рупертѣ. Но однажды, встрѣтивъ стараго товарища, я разговорился о профессорѣ и онъ сообщилъ мнѣ, что бѣдный Рупертъ, совершенно сойдя съума, бѣжалъ изъ дома во время одного изъ припадковъ. Такъ-какъ всѣ поиски не повели ни къ чему, то несчастные родители полагали, что онъ упалъ въ рѣку и утонулъ. Вы можете себѣ представить, какъ я былъ пораженъ извѣстіемъ, но я жилъ среди болѣе страшныхъ сценъ и не имѣлъ времени оплакивать бѣднаго Руперта“.

Докторъ остановился и, взявъ изъ рукъ Боба игрушечную саблю, замѣтилъ грустно:

— „О! друзья мои, эта блестящая игрушка — символъ жестокой, ужасной дѣйствительности. Вскорѣ послѣ моего разговора съ старымъ товарищемъ, продолжалъ онъ, — случилось одно изъ самыхъ кровопролитныхъ сраженій всей войны. Часть нашей арміи была

истреблена и меня послали на поле сраженія для того, чтобы раздѣлить труды врачей погибшей дивизіи, которые не могли справиться съ горами раненныхъ. Прибывъ въ овиць, служившій временнымъ лазаретомъ, я тотчасъ принялся за работу. Между прочимъ, я хотѣлъ перевязать раны одному солдату изъ Вермонта, у котораго были оторваны два пальца, но онъ просилъ меня прежде помочь другимъ, болѣе нуждавшимся въ моей помощи. Я не хотѣлъ обращать вниманія на его слова, такъ-какъ факты подобнаго самоотверженія часто встрѣчались въ арміи, но онъ съ жаромъ воскликнулъ:

— „Ради Бога, докторъ, оставьте меня и пойдите къ барабанщику нашего полка. Онъ просто ребенокъ и умираетъ, если уже не умеръ. Вонъ онъ тамъ лежитъ. Онъ спасъ сегодня не одну жизнь. Онъ былъ на своемъ мѣстѣ во время утренней паники и спасъ не только многихъ людей, но и честь полка.

„Эти слова были подтверждены другими ранеными и я тотчасъ пошелъ къ барабанщику, который лежалъ нѣсколько поодаль вмѣстѣ съ своимъ барабаномъ. Съ перваго взгляда я узналъ въ немъ бѣднаго Руперта. И безъ пророческихъ словъ раненаго солдата, и безъ креста, сдѣланнаго мѣломъ другимъ докторомъ на скамейкѣ и доказывавшаго, какъ необходима была помощь больному, можно было сразу сказать, что минуты его сочтены. Холодный потъ, выступившій на его блѣдномъ лбу, совершенно склеилъ его каштановые кудри. Я назвалъ его по имени. Онъ открылъ глаза и узналъ меня.

— „Я радъ, что вы пришли, но врядъ-ли вы можете мнѣ помочь, промолвилъ онъ шопотомъ.

„Я не хотѣлъ солгать и потому молча пожалъ ему руку.

— „Вы увидите отца, продолжалъ онъ, — попросите у него прощенія за меня. Я одинъ во всемъ виноватъ. Долго я не понималъ, зачѣмъ на елкѣ явился барабанъ и къ чему онъ постоянно билъ. Теперь я понимаю. Я сдѣлалъ свое дѣло и счастливъ. Скажите отцу, что все къ лучшему. Если-бъ я остался въ живыхъ, я только беспокоилъ-бы и сердилъ его, а теперь что-то говорить мнѣ: ты поступилъ хорошо.

„Бѣдный мальчикъ умолялъ и нѣсколько минутъ лежалъ тихо. Потомъ онъ схватилъ меня за руку и воскликнулъ:

— „Слышите?

„Я слышалъ только стонъ раненныхъ.

— „Барабанъ, промолвилъ Рупертъ едва слышнымъ голосомъ, — барабанъ зоветъ меня. Слышите, продолжалъ онъ, протягивая руку, чтобъ обнять свой барабанъ. — Это заря. Войско все въ сборѣ. Смотрите, какъ блеститъ солнце на штыкахъ. На-караулъ! Идетъ полководецъ... но что это... я не могу смотрѣть на его лицо, оно сіяетъ лучезарнымъ блескомъ... Онъ видитъ меня, улыбается мнѣ... это...

„Онъ умолеъ, тихо вытянулся во весь ростъ на деревянной скамьѣ — и все было кончено“.

— Ну, дѣти, довольно. Ни одного вопроса. Не спрашивать, что стало съ барабаномъ. Кто хнычетъ? Сейчасъ дамъ ка-сторки.

ПОГИБАЮЩІЯ ВЪ ДѢТСТВѢ СИЛЫ.

(СТАТЬЯ ПЯТАЯ.)

ХІІ.

Со всѣми этими язвами социальнаго организма общества боролись при помощи двухъ патентованныхъ средствъ, старыхъ, какъ міръ,—при помощи застрачиванія и филантропіи. Трудно представить себѣ, къ какимъ угрозамъ ни прибѣгали общества, чтобы запугать нищихъ, бродягъ, преступниковъ.

Людовикъ Святой въ 1270 году приказалъ выгонять нищихъ во Франціи изъ столицы. Іоаннъ II въ 1350 году приказываетъ наказывать здоровыхъ нищихъ заключеніемъ въ тюрьмы на хлѣбъ и на воду; приговаривать къ выставкѣ у позорнаго столба за вторичный захватъ нищаго и, наконецъ, къ клейменію горячимъ желѣзомъ лбовъ тѣхъ, которые попались въ третій разъ. Францискъ I осуждаетъ въ 1545 г. нищихъ на изгнаніе, а Генрихъ II въ 1547 г. запрещаетъ нищимъ просить милостыню на улицахъ Парижа, причемъ женщинъ за это будутъ стегать плетью и изгонять изъ города; мужчинъ-же стегать плетью и сслать на галеры, а дѣтей будутъ сѣчь розгами. Въ 1566 г. нищихъ во всей Франціи велѣно бить плетью, сслать на галеры на всю жизнь. Въ 1656 году, по указу Людовика XIV, запрещается „кому-бы то ни было, во имя чего-бы то ни было“ давать изъ рукъ въ руки милостыню нищимъ на улицѣ и въ другихъ публичныхъ мѣстахъ, „хотя-бы изъ состраданія или изъ неотложной необходимости помочь или ради какихъ-нибудь другихъ предлоговъ“, причемъ на нарушителей этого закона налагался штрафъ въ 4 ливра. Запре-

шалось также домохозяевамъ и квартирнымъ хозяевамъ держать у себя или допускать къ себѣ нищихъ подѣ страхомъ штрафа въ 100 ливровъ за первое нарушеніе закона и въ 300 ливровъ за повтореніе проступка. Кромѣ того, постель, матрацъ, простыни, перины, на которыхъ спалъ нищій, нашедшій себѣ пристанище у частнаго лица, конфисковались въ пользу главнаго госпиталя безъ всякихъ судебныхъ формальностей. Вдобавокъ къ этому законъ приказываетъ частнымъ лицамъ, въ дома которыхъ явятся нищіе, арестовывать этихъ нищихъ и передавать ихъ въ руки госпитальныхъ властей. Въ 1662 году снова повторяется угроза наказанія плетью и клейменія нищихъ и бродягъ, а въ 1700 году приказывается всѣмъ лицамъ 15-ти лѣтъ и старше существовать работою, если они не желаютъ быть признаны бродягами, нищимъ-же и бродягамъ въ двѣ недѣли приказывается отправиться на родину, причемъ имъ запрещается соединяться въ группы болѣе, чѣмъ изъ четырехъ лицъ, жить на большихъ дорогахъ, посѣщать фермы подѣ страхомъ плетей и заключенія въ тюрьмѣ для лицъ моложе 20-ти лѣтъ и ссылки на пять лѣтъ на галеры для лицъ старше 20-ти лѣтъ. Въ Англіи въ 1531 году, по закону Генриха VIII, каждаго здороваго нищаго, который не могъ указать на работу, дающую ему пропитаніе, привязывали сзади къ телѣжкѣ и сѣкли до тѣхъ поръ, „покуда пойдетъ кровь“. Въ 1536 г. велѣно сѣчь и потомъ сослать на родину нищихъ и бродягъ. При повтореніи нищенства обрѣзывалось совершенно правое ухо, а при третьей поимкѣ происходила смертная казнь. Въ 1547 году, при Эдуардѣ VI, каждый мужчина и каждая женщина, способные работать, если они не работали три дня, клеймились горячимъ желѣзомъ на груди и дѣлались рабами того, кто на нихъ донесъ, на два года. Если-же рабъ бѣжалъ отъ своего хозяина и былъ въ бѣгахъ двѣнадцать дней, то онъ дѣлался рабомъ на всю жизнь и клеймился горячимъ желѣзомъ на щекѣ или на лбу. Если онъ бѣжалъ вторично, его постигала смертная казнь. Если бродяга ложно утверждалъ, что онъ родился въ такомъ-то мѣстечкѣ, то ему клеймили лобъ и онъ дѣлался рабомъ этого мѣстечка на всю жизнь. Дѣтей нищихъ и бродягъ отдавали въ ученье: мальчиковъ до двадцати четырехъ лѣтъ и дѣвочекъ до двадцати лѣтъ, причемъ хозяинъ могъ надѣвать имъ на шею желѣзное ожерелье, чтобы они не бѣ-

жали. При Елизаветѣ въ 1572 году задержанные бродяги „сильно стегались плетью“, у нихъ выжигалось правое ухо. При третьемъ захватѣ они подвергались смертной казни безъ духовнаго напутствія. Въ позднѣйшія времена нищихъ и бродягъ сѣкли и сажали въ тюрьмы, ссылали на каторжныя работы, въ Мюльбанъ и Пентонвиль. Въ Швейцаріи нищихъ и бродягъ лишали гражданскихъ правъ, заключали въ тюрьмы, сѣкли, высылали изъ страны, принуждали работать и на нихъ устраивались цѣлыя облавы. Здѣсь велась настоящая охота на нищихъ, причемъ на стѣнахъ церквей, у заставъ городовъ вѣшались объявленія о запрещеніи подавать милостыню. Въ Германіи встрѣчались тѣ-же охоты на нищихъ, какъ и въ Швейцаріи, и такъ-же часто ихъ сѣкли, какъ и въ Англіи, такъ-какъ и англичане, и германцы привыкли прибѣгать къ тѣлеснымъ наказаніямъ всюду, — и въ школахъ, и въ войскахъ. Нѣтъ такой страны, гдѣ противъ нищихъ и бродягъ не было-бы издано строгихъ законовъ, и даже въ Испаніи, гдѣ нищихъ питаютъ и поддерживаютъ очень охотно богомольные католики, старые законы велютъ рѣзать нищимъ уши, выставлять ихъ къ позорнымъ столбамъ, изгонять плетью изъ городовъ этотъ праздный людъ. Но всѣ эти строгости, замѣчаетъ Моро Кристофъ, — походили на выстрѣлы по тѣмъ стаямъ птицъ, которыя спускаются на засѣянное поле: выстрѣлъ на минуту спугиваетъ птицъ, но онѣ тотчасъ-же снова спускаются на поле, потому что онѣ голодны. Да, голодъ заставитъ любого труса пренебречь угрозами закона и протянуть руку за милостыней. Но мало того, что эти строгіе законы не могли заставить нищаго не протягивать руки и умирать голодною смертью; они не могли даже и примѣняться къ дѣлу въ большинствѣ случаевъ, такъ-какъ въ то время, къ которому относятся эти законы, большая часть народа въ западной Европѣ была доведена до нищеты и наказывать приходилось-бы всѣхъ и cadaго.

Теперь трудно себѣ и представить, какими путями доводили разные тогдашнія условія общественной жизни до нищеты несчастную народную массу. Достаточно указать на два зла, господствовавшія въ тогдашнемъ обществѣ: на безконечныя войны и на эксплуатацію закрѣпощеннаго народа со стороны западно-европейскаго дворянства и духовенства, — и вы поймете, какъ развилась, окрѣпла и уку-

ренилась язва нищеты въ народѣ. Моро-Бристофъ говоритъ 1): послѣ крестовыхъ походовъ, продолжавшихся 200 лѣтъ, настали войны съ Англіей, продолжавшіяся чуть не 400 лѣтъ, войны съ Австріей, продолжавшіяся болѣе 200 лѣтъ, война съ Италіей, продолжавшаяся 6 лѣтъ. Но рядомъ съ этими войнами Франція, напримѣръ, страдала отъ гражданскихъ войнъ, изъ которыхъ одна, при короляхъ Іоаннѣ и Карлѣ V, продолжалась болѣе 10 лѣтъ, потомъ другая продолжалась при Карлѣ VI до 20 лѣтъ, наконецъ фронда продолжалась 5 лѣтъ. Религіозныя войны при Францискѣ II, Карлѣ IX, Генрихѣ III, Людовикѣ XIII и во время другихъ царствованій наполняли Францію несчастіями и злодѣйствами втеченіи 100 лѣтъ. Каковы были послѣдствія тогдашнихъ войнъ, видно изъ того, до чего довели, напримѣръ, Германію религіозныя войны. „Миліоны людей, говоритъ Кольбъ 2), — погибли или непосредственно отъ оружія, или отъ насилій, нужды и несчастій всякаго рода. Въ Богеміи, по тогдашнимъ современнымъ извѣстіямъ, при Фердинандѣ II, втеченіи 18 лѣтъ, число городовъ понизилось съ 732 на 130, число селъ понизилось съ 30,700 на 6,000, а число жителей понизилось съ 3,000,000 на 780,000 чел. Въ Виртембергскомъ герцогствѣ, гдѣ жило въ 1622 г. 334,700 чел., число жителей въ 1645 г. не превосходило 65,000 чел.; 8 городовъ, 45 деревень и 36,000 домовъ погибли совсѣмъ. Въ Рейнпфальцѣ въ 1636 г. остался только 201 самостоятельно жившій крестьянинъ. Въ Гессенѣ насчитывали 17 сожженныхъ городовъ и 400 сожженныхъ селъ. Опустошеніе Германіи было полное. Несмотря на страшную убыль числа жителей, недоставало средствъ для пропитанія слабыхъ остатковъ населенія. Переселенія продолжались не только во время войны, но и во время мира. Но даже и мѣстности, которыхъ не коснулась война, страшно пострадали, вслѣдствіе нарушенія всѣхъ сельскохозяйственныхъ и промышленныхъ условій. Здѣсь недоставало средствъ для прокормленія собственныхъ своихъ бѣдняковъ, а такъ-какъ пришлецы, одичавшіе въ нуждѣ, несчастіяхъ и невзгодахъ, перенесенныхъ ими, не отступали ни передъ какимъ насилиемъ, то на этихъ пришлецовъ въ сосѣднихъ земляхъ смотрѣли

1) *Moreau-Christophe*, *Loc. cit.*, t. III, p. 342.

2) *G. Kolb*, *Culturgeschichte der Menschheit*, II Auflage. Leipzig, 1873. В II, S. 414.

нерѣдко какъ на паразитовъ или дивихъ животныхъ, которыхъ слѣдовало гнать. Такъ, въ 1646 году бернское правительство издало постановленіе, въ которомъ говорилось, что граждане имѣютъ право „этотъ обременительный, опасный сбродъ истреблять и освобождаться отъ него побоями или убійствомъ“. Не менѣе войнъ вредили народному благосостоянію всевозможные поборы и подати. Народъ не могъ ступить ни шагу, не заплативъ за этотъ шагъ денегъ. „Мы, говоритъ Луазо,—столько угнетали народъ податями и тиранніей дворянства, что нужно удивляться, какъ онъ можетъ существовать и гдѣ находить онъ средства питаться“. Франція, наиримѣръ, была просто отдана на разграбленіе. „Страна, писалъ одинъ изъ старинныхъ наблюдателей,—не только опустошается жандармами и соляными приставами; нѣтъ, отъ времени до времени изъ цитаделей выходятъ солдаты на мародерство съ такою наглостью и съ такими страшными насиліями, что нѣтъ ни одного села, ни одного дома, которые разъ, два или три раза въ педѣлю не были-бы принуждены удовлетворить требованія этой сволочи; когда солдаты уходятъ, являются сержанты, и обыкновенно дома наполнены вооруженными людьми, солдатами, сборщиками податей, сержантами и соляными приставами, и нужно удивляться, если выдастся часъ, который пройдетъ безъ подобныхъ посѣщеній“. „Простой народъ въ послѣднее время очень убавился, говоритъ Вобанъ, — вслѣдствіе войнъ, болѣзней и недостатковъ, отъ которыхъ большое число людей умерло съ голода, тогда какъ многіе другіе пошли нищенствовать“. Народъ погибалъ на галерахъ за невзносъ податей. Въ 1780 году, по докладу Монтескью, на тулонскихъ галерахъ томилось въ кандалахъ тысяча восемьсотъ несчастныхъ за то, что они перевезли соль или табакъ изъ одной провинціи въ другую, изъ одного прихода въ другой. Ежегодно число людей, сосланныхъ на галеры за контрабандный провозъ соли или табаку, доходило до трехсотъ. Горе бѣдняку, если онъ не давалъ взятки соляному приставу или если его жена или дочь нравились этому приставу: бѣдняка обвиняли въ контрабандномъ провозѣ соли и сослали на галеры. Если-бы онъ вздумалъ сопротивляться, то его имѣли право, по закону 1680 года, просто убить ³⁾.

³⁾ N. *Villiaumé*, Nouveau traite d'écon. pol. 1864, t. II, p. 226.

Положеніе народа было такъ плохо, что даже сдержанный Фенелонъ рѣшился писать Людовику XIV: „Но ваши подданные умирають съ голоду. Обработка земли почти заброшена; города и деревни пустѣють; всѣ ремесла въ бездѣйствіи и не могутъ прокормить рабочаго; вся торговля уничтожена. Въмѣсто того, чтобы вытягивать деньги у этого бѣднаго народа, нужно бы давать ему милостыню и прокармливать его. Вся Франція сдѣлалась сплошнымъ большимъ госпиталемъ, находящимся въ отчаяніи и безъ провизіи. Чиновники пали низко и дошли до ничтожества. Дворянство, всѣ блага котораго зависятъ отъ какого-нибудь декрета, видитъ все свое спасеніе только въ этихъ декретахъ. Вы сами, государь, создали всѣ эти затрудненія, такъ-какъ все государство было разорено, а вся власть была взята вами въ свои руки и никто не могъ долѣе существовать безъ вашихъ щедротъ. Вотъ каково это великое государство, положеніе котораго вамъ ежедневно рисуютъ въ такомъ цвѣтущемъ видѣ“ ⁴⁾. Дворянство и духовенство не знали предѣловъ въ отношеніи взиманія податей. „Это былъ самый отвратительный негодяй во всей Оверни, пишетъ Флешье о маркизѣ де-Канильякъ. — Онъ бралъ подати съ народа въ свою пользу, въ пользу маркизы, въ пользу всѣхъ дѣтей своего дома, и подданные должны были платить все это, платя притомъ еще подати королю. Чтобы легче исполнять свои желанія и чтобы подавлять всякій ропотъ, онъ привлекъ къ себѣ двѣнадцать мерзавцевъ, готовыхъ на какое угодно преступленіе, и, кошуцествуя, называлъ ихъ своими „апостолами“, которые вели свою проповѣдь среди непокорившихся его законамъ людей при помощи шпаги и палки. Онъ далъ имъ очень характерныя имена; одинъ назывался: „Не довѣрай никому“, другой назывался: „Домай все“ и т. д. Запугивая народъ этими страшилищами, онъ налагалъ значительныя пошлины на мясо, шедшее въ ежедневное употребленіе, а такъ-какъ очень многіе лишали себя мясной пищи, то онъ налагалъ подать и на тѣхъ, кто не употребляетъ въ пищу мясного. Самый главный доходъ доставляло ему правосудіе, такъ-какъ онъ за самыя ничтожныя случаи хваталъ и судилъ несчастныхъ и заставлялъ ихъ откупаться отъ наказанія деньгами“. Подобные

⁴⁾ Loc. cit., t. II, p. 38.

поборы увеличивались съ каждымъ годомъ по мѣрѣ того, какъ увеличивались роскошь и распутство высшихъ классовъ того времени. Смотри на народъ, какъ на массу людей, обязанныхъ служить удовольствіямъ высшихъ классовъ, эти люди возвели въ положительное право унизительные обычаи и воспользовались гнусными привилегіями вродѣ *lex gramae postis*, — права, котораго громко требовали даже лонскіе каноники. Безумная расточительность и грубое распутство тогдашнихъ дворянъ и высшихъ духовныхъ лицъ въ западной Европѣ были такъ велики, что могли поддерживаться только изобрѣтеніемъ новыхъ и новыхъ поборовъ, доходившихъ до того въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Франціи, что викаріи продавали за кварту вина право безпрепятственно развратничать всю жизнь, а въ Римѣ папа давалъ каждому изъ своихъ духовныхъ лицъ право собирать подать съ двадцати, съ тридцати проститутокъ, которыя только при платежѣ этой подати и могли заниматься своимъ промысломъ.

Что-же мудренаго, что при такомъ положеніи дѣлъ среди народа, неумѣвшаго еще въ то время добывать изъ земли все то, что она могла дать, число нищихъ, несмотря на всѣ строгости законовъ, росло и росло? Эти массы плодили новыя и новыя поколѣнія нищихъ и бродягъ и все увеличивали количество преступленій.

Разумѣется, при такомъ положеніи дѣлъ нечего было и думать о прекращеніи нищенства при помощи какихъ-бы то ни было застрачиваній. Народъ нищенствовалъ не потому, что ему было такъ сладко бродяжничать и тунеядствовать, а потому, что его грабили со всѣхъ сторонъ, что онъ трудился не для себя, но для другихъ, что, наконецъ, по выраженію одного стараго французскаго писателя, „у него остались только глаза, чтобы оплакивать свои несчастія“. И вотъ въ это-то время повальнаго грабежа и эксплуатаціи начала развиваться все болѣе и болѣе система благотворительности, при помощи госпиталей, богадѣленъ, устройства публичныхъ работъ и тому подобныхъ мѣръ. Съ народа брали тысячи и хотѣли спасти его отъ нищеты, удѣляя сотую, тысячную часть въ его пользу изъ того, что было взято съ него-же. Нечего и говорить, что подобный способъ спасенія отъ нищеты обобранныхъ людей самъ по себѣ былъ ложенъ, что онъ не могъ поправить дѣла. Но этого мало: мы сейчасъ уви-

дѣньги, какъ употреблялись и тѣ крупницы, которыя стали отдѣлять въ пользу нищихъ.

Трудно предположить, чтобы люди, истощавшіе въ то время до послѣдней степени народъ податями и поборами, стали охотно платить съ своей стороны подати для поддержанія нищихъ, т. е. того-же народа. И, дѣйствительно, такъ и было: въ 1544 году, напримѣръ, Францискъ I создалъ „главное бюро для бѣдныхъ“, долженствовавшее ежегодно собирать деньги въ пользу бѣдныхъ, а въ 1547 году Генрихъ II приказалъ каждому парижанину платить налогъ въ пользу бѣдныхъ; но уже въ 1551 году Генриху II приходится сознаться, что „сборъ и милостыни въ каждомъ приходѣ такъ малы и благотворительность такъ охладилась, что нищимъ невозможно давать еженедѣльные вспоможенія, къ величайшему сожалѣнію и неудовольствію короля“. Вслѣдствіе этого, понужденія и приказы давать деньги на бѣдныхъ слѣдовали и повторялись безпрерывно. Но если при помощи строгостей деньги и собирались, то, во-первыхъ, подать падала, главнымъ образомъ, опять-таки на народъ, а, во-вторыхъ, эта подать доставляла чаще всего удобства и выгоды не нищимъ, а сборщикамъ, которые во вѣ эти времена были ничѣмъ инымъ, какъ ловкими плутами и аферистами. Такъ, съ одной стороны, въ Англіи вплоть до новѣйшаго времени случались, напримѣръ, такіе казусы: уже въ 1830 году въ Лондонѣ 50 семействъ, принужденныхъ заплатить подать на бѣдныхъ, должны были продать свой скарбъ и даже постели для уплаты приходскаго налога ⁵⁾. Съ другой стороны, мы видимъ, что клеркъ въ кантонѣ Блайзингъ, занимавшійся дѣлами нищихъ, получалъ жалованья 140 фунтовъ стерлинговъ въ годъ, врачъ — 700 фунт. стерл., помощники инспектора — 850 фунт. стерл. и т. д. Самыя официальные документы говорятъ о возмутительныхъ злоупотребленіяхъ администраціи, заботившейся о бѣдныхъ: инспекторы присвоивали себѣ деньги нищихъ и тратили ихъ на кутежи, такъ что въ одномъ изъ англійскихъ докладовъ, касавшихся этого вопроса, прямо указывается, что все это дѣло благотворительности является сплошнымъ мошенничествомъ. При такихъ администраторахъ нечего было и думать о томъ, чтобы дѣла шли хорошо. Во

⁵⁾ *Moreau-Christophe*, *Loc. cit.*, p. 181.

всѣхъ государствахъ, гдѣ строились госпитали, пріюты и богадѣльни,—эти учрежденія служили только къ обогащенію директоровъ и управляющихъ, но не къ спасенію бѣдняковъ. Еще въ 1543 году одинъ изъ королевскихъ эдиктовъ во Франціи начинается слѣдующими словами: „Мы извѣщены о большомъ безпорядкѣ, въ которомъ находятся въ настоящее время больницы и богадѣльни, основанныя еще въ древнія времена въ нашемъ государствѣ, какъ нашими предшественниками, королями, герцогами и другими лицами, такъ вообще благочестивыми христіанами, городами, общинами и капитулами; имущественныя записи, хартіи и бумаги этихъ заведеній потеряны или украдены администраторами и управляющими этихъ заведеній; эти люди выгоняютъ и душатъ бѣдныхъ больныхъ и страдающихъ язвами и такъ дурно обращаются съ ними, что они принуждены бѣжать изъ этихъ мѣстъ и дѣлаться нищими въ городахъ и селахъ; администраторы и управляющіе отчуждаютъ имущества этихъ заведеній въ пользу своихъ дѣтей, родственниковъ и друзей и дѣлаютъ другія безконечныя злоупотребленія“. Въ 1561 году въ официальномъ документѣ снова говорилось: „Мы узнали послѣ изслѣдованія, что госпитали и другія подобныя учрежденія нашего государства такъ дурно управлялись, что администрація присвоивала себѣ лучшую часть доходовъ и въ сущности тутъ не было ни призрѣнія больныхъ, ни ухода за ними, такъ-какъ у бѣдныхъ крали даже ихъ пищу“. Въ концѣ XVIII столѣтія въ домахъ призрѣнія и больницахъ во Франціи больныхъ скучивали вмѣстѣ на одной и той-же постели. Иногда вмѣстѣ лежало десять, двѣнадцать несчастныхъ. Иногда мѣста было до того мало, что больныхъ клали на балдахины, устраивавшіеся надъ кроватями. Иногда по цѣлымъ днямъ среди больныхъ, стиснутыхъ на одной кровати, лежало по три, по четыре покойника. Власти полагали, что онѣ сдѣлали величайшее благо для человѣчества, когда издали постановленіе, чтобы на одну кровать не класть „болѣе четырехъ человѣкъ“. Впрочемъ, передъ началомъ революціи все еще по-прежнему клали по пяти и по шести человѣкъ на одну постель. Въ одной книгѣ, напечатанной въ 1777 году, говорилось объ Hôtel Dieu: „Представьте себѣ длинную амфиладу смежныхъ комнатъ, гдѣ соединяютъ больныхъ всевозможными болѣзнями и гдѣ скучиваютъ часто по три, по четыре и по шести человѣкъ на одной постели“.

ли: живыхъ рядомъ съ умирающими и мертвыми; здѣсь воздухъ зараженъ испареніями этого множества больныхъ существъ, носящихъ на себѣ заразу страшныхъ недуговъ и выносящихъ мучительное зрѣлище агоніи, господствующей здѣсь. Вотъ „Hotel-Dieu“. „Въ этой больницѣ, говоритъ Тенонъ въ 1788 году,— число кроватей доходитъ до 1,219, изъ которыхъ 733 кровати называются большими, т. е. ихъ ширина равняется 52 дюймамъ, и на нихъ кладется по четыре и по шести человекъ, такъ что на каждаго приходится по 13 или по 8½ дюймовъ. Здѣсь есть залы, гдѣ больные такъ скучены, что ихъ помѣщается въ одной комнатѣ отъ 558 до 818 человекъ. Было доказано, что ни въ одномъ госпиталѣ не доставалось такъ мало воздуха на каждаго больного, какъ здѣсь: въ другихъ мѣстахъ приходилось по 7 кубическихъ шести-футовыхъ сажени на человекъ, тогда какъ здѣсь въ нѣкоторыхъ залахъ по двѣ съ половиной, по одной и даже менѣе“ ⁶⁾. „Палата сьумасшедшихъ примыкала къ комнатѣ, гдѣ находились больные, вынесіе тяжелыя операціи и неизлѣвныя покоя ни днемъ, ни ночью въ сосѣдствѣ съ бѣсновавшимися безумцами. Зала св. Іосифа была отдана беременнымъ женщинамъ: законныя жены и развратницы помѣщались вмѣстѣ по три, по четыре на одной кровати, страдая въ безсонныя ночи, подвергаясь зараженію, боясь ушибить и поранить своихъ младенцевъ. Роженицы, послѣ родовъ, соединялись на одной постели по четыре и болѣе, несмотря на время, прошедшее послѣ родовъ. Сердце надрывалось, глядя на ихъ положеніе, на ихъ взаимное зараженіе другъ друга. Большинство гибло или выходило отсюда изнуренными. Въ каждой палатѣ было нѣсколько соломенныхъ постелей, куда клали умирающихъ или нечистоплотныхъ. Ихъ соединяли на одной и той-же соломѣ по четыре, по пяти, по шести. Зала для операцій, гдѣ рѣзали и ампутировали члены, вмѣщала въ себѣ и тѣхъ, кого нужно было оперировать, и тѣхъ, которые уже вынесли операціи. Больные видѣли приготовленія къ операціямъ, видѣли самый процессъ операцій, слышали стоны и крики, выносили мученія сами и смотрѣли потомъ на мученія другихъ. Отсюда люди выносили заразу въ свои семьи и распространяли ее по Парижу“ ⁷⁾. Въ Сальпетриеръ и

⁶⁾ A. Tardieu, Diction. d'hygiène publ. Paris. 1862., t. II, p. 435.

⁷⁾ V. Villiaumé, Nouveau traité d'écon. pol. 1864, t. II, p. 39.

Бисетръ принимали только больныхъ сифилисомъ, причеиъ двадцать пять кроватей служили для двухсотъ больныхъ, изъ которыхъ умирали двѣ трети. Больныхъ сначала наказывали и сѣкли, потомъ лечили, потомъ опять наказывали и сѣкли, и это соединеніе палача и лекаря пускалось въ ходъ даже въ XVIII столѣтіи. Но несчастія народа были такъ велики, что онъ молилъ даже о приѣмѣ въ такіе больницы, богадѣльни и госпитали. Въ пріюты-же, гдѣ содержали людей хотя нѣсколько лучше, шли цѣлыя массы несчастныхъ. Достаточно указать на одинъ страшный фактъ. Въ „Убѣжищѣ для парижскихъ дѣвушекъ“ содержали нѣсколько лучше тѣхъ несчастныхъ, которыя являлись сюда. Но этотъ пріютъ былъ основанъ только для падшихъ дѣвушекъ. Вслѣдствіе этого многія дѣвушки рѣшались на развратъ только за тѣмъ, чтобы попасть сюда. Этого мало. Нашлись такія, которыя выдавали себя за развратницъ, чтобы пріютиться здѣсь, хотя онѣ и оставались дѣвственницами. Тогда управленіе этого убѣжища рѣшилось свидѣтельствовать всѣхъ поступающихъ въ пріютъ и выгнало изъ него всѣхъ тѣхъ, которыя оказались невинными созданіями. Авторы „Энциклопедіи“ сильно напали на всѣ эти учрежденія. Монтескье, Дюпонъ-де-Немуръ, аббатъ Рекальдъ и тому подобные писатели требовали ихъ преобразованія или даже полнаго уничтоженія. Сильнѣе всего нападала на эти учрежденія академія въ Шалонѣ-на-Марнѣ, издавшая цѣлое сочиненіе по этому вопросу.

Не лучше обставлялось дѣло благотворительности и тогда, когда рѣшались спасать людей отъ нищеты при помощи доставленія работы здоровымъ нищимъ. Укажемъ на Англію, гдѣ, по указу Елизаветы, принята была эта система помощи, — система, на которую есть уже намеки въ двухъ статутахъ, изданныхъ при Генрихѣ VIII. Прежде всего въ утвержденной Елизаветою системѣ помощи дѣло касалось работы на дому; но инспекторы не могли, не хотѣли и не умѣли организовать эту работу и замѣнили ее работою у частныхъ лицъ, которыхъ стали принуждать принимать бѣдняковъ и доставлять послѣднимъ работу. Этотъ опытъ оказался неудачнымъ, обременительнымъ для частныхъ лицъ. Далѣе приходи заняли заброшенныя земли и начали занимать здѣсь работою нищихъ, но нищихъ было столько, что работы не хватало на всѣхъ, а платить приходилось всѣмъ, и вышло: „Work nominal, wages real“. Работа была чистой фикціей, а затраты были очень реальными.

Наконецъ, приходы открыли особые дома для бѣдныхъ, гдѣ производились ничтожныя, ненужныя работы, причемъ нищія прививали къ праздности и разврату. Тогда придумали еще одно средство: добавочную плату бѣднякамъ-рабочимъ, которые не могли существовать на свои заработки. Съ одной стороны, это вызвало пониженіе задѣльной платы со стороны работодателей, а съ другой стороны бѣдняки-рабочіе перестали брать тяжелую, но хорошо оплачиваемую работу, зная, что имъ додадутъ то, чего они не заработали. Но хуже всего было то, что у приходовъ и государства начали истощаться всѣ средства для помощи бѣднякамъ, такъ-какъ число послѣднихъ росло и росло. Такъ въ 1830 году въ одномъ изъ приходовъ въ Зендерлэндѣ на 17,000 жителей приходилось 14,000 бѣдняковъ, признанныхъ закономъ; во всей-же Англіи на 8,700,000 жителей въ 1803 году было 1,234,000 бѣдняковъ, получавшихъ помощь изъ налога въ пользу бѣдныхъ. Немудрено, что при такомъ положеніи дѣль приходи только стремились сбывать съ рукъ бѣдняковъ и отдавали бѣдныхъ дѣтей буквально на гибель въ кабалу заводчикамъ: въ сущности фабричныя законы были вызваны положеніемъ именно этихъ дѣтей, которыя были отданы на заводы благотворительными комитетами приходовъ. А между тѣмъ такъ-какъ нищета нисколько не убавлялась, а даже росла, то налоги въ пользу бѣдныхъ должны были все увеличиваться и падать всею тяжестью на тотъ-же народъ. Въ одномъ небольшомъ приходѣ въ графствѣ Бокингэмъ нищета развилась до того и налогъ въ пользу бѣдныхъ возвысился до такой степени, что фермеры въ 1832 году, не имѣя возможности удовлетворить эти нужды, бросали свои земли; почва перестала, такимъ образомъ, обрабатываться и населеніе лишилось работы и заработка. Наконецъ, пришлось обратиться за помощью къ соеѣднему приходу ⁸⁾. Эти налоги въ пользу бѣдныхъ въ 1695 году равнялись 665.362 фунтамъ стерлинговъ; въ 1801 году они дошли до 4,000,000 фунтовъ стерлинговъ; въ 1815 году до 6,000,000 фунтовъ стерлинговъ; въ 1832 году до 7,000,000 фунтовъ стерлинговъ; въ 1833 году до 7.500 000 фунтовъ стерлинговъ, такъ что населеніе платило въ 1695 году только 4 шиллинга съ человѣка въ пользу бѣдняковъ, а въ 1833

⁸⁾ *Joire, Questions industrielles etc. Paris, 1870, p. 175.*

году оно платило уже 11 шиллинговъ съ души на нищихъ. „Зло этой системы, говоритъ Фосеттъ ⁹⁾),—такъ выяснилось изслѣдованіемъ комисіи, что всѣ сознали необходимость радикальной реформы. Въ нѣкоторыхъ округахъ помощь выдавалась здоровымъ бѣднякамъ въ такихъ щедрыхъ размѣрахъ, что пауперизмъ сталъ очень выгоднымъ ремесломъ. Сравнительная невыгода денежнаго положенія независимаго работника была такъ очевидна, что одинъ членъ комисіи слышалъ, какъ двѣ женщины жаловались, что ихъ мужья не улучшатъ своей участи и не сдѣлаются бѣдняками, получающими помощь отъ прихода. Въ сѣверномъ Девонширѣ и во многихъ другихъ частяхъ Англій выдавали такое большое пособіе на каждаго рождающагося ребенка, что чѣмъ многочисленнѣе было семейство, тѣмъ лучше становилось положеніе признаннаго бѣдняка. Такимъ образомъ былъ данъ искусственный стимулъ для увеличенія народонаселенія. Народонаселеніе увеличивалось еще болѣе при помощи другого безнравственнаго стимула: женщина получала отъ прихода большее пособіе на незаконнорожденнаго, чѣмъ на законнорожденнаго ребенка. Во всемъ королевствѣ не только позволяли людямъ жениться съ полной безопасностью, заставляя другихъ переносить всѣ послѣдствія этихъ браковъ, но и говорили женщинамъ: чѣмъ вы безнравственнѣе, тѣмъ больше будетъ ваша награда. Пауперизмъ часто считался выгоднымъ ремесломъ, которымъ послѣдовательно занималось нѣсколько поколѣній одной и той-же фамиліи. Такъ члены комисіи говорили о трехъ поколѣніяхъ одного семейства, получавшихъ помощь: сумма, вытщенная ими изъ прихода, превышала 100 фун. ст. въ годъ. Такъ-какъ приходскимъ властямъ предписывалось находить работу за вполне вознаграждающую плату для всѣхъ бѣдняковъ, то бѣдняки скоро почувствовали, что пауперизмъ—не позоръ и что полученное отъ прихода пособіе—такая-же законная собственность получающихъ, какъ и обыкновенная заработная плата. Но не одни бѣдняки были деморализованы такимъ порядкомъ вещей. Раздаватели приходской помощи бывали очень часто виноваты въ расхищеніяхъ суммъ. Едва-ли можно было ожидать высокой нравственности и отъ хозяевъ, когда они могли брать отчасти заработную плату изъ податей или, говоря другими словами, изъ

⁹⁾ *Henry Fawcett, Pauperism: its causes and remedies. P. 16 etc.*

кармановъ сосѣдей платить работникамъ. Стоимость пауперизма постоянно возрастала, подати возвышались такъ быстро, что становилось очевиднымъ, что онѣ поглотятъ весь фондъ, изъ котораго берутся. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ подати поглощали сумму, превышавшую чистый доходъ съ земли. Члены комисіи говорятъ, что отъ многихъ фермъ отказались, что многія духовныя лица оставили свои церковныя земли и что большое количество плодородной земли оставалось необработаннымъ. Они упоминали объ одномъ приходѣ Голесбюри, въ Беркширѣ, гдѣ всю землю предложили собравшимся бѣднякамъ, но они отказались отъ нея, говоря, что предпочитаютъ прежнюю систему помощи. Члены комисіи указываютъ на одного господина, который самъ обрабатывалъ свое помѣстье, состоявшее изъ 500 акровъ, въ Шельфордѣ близъ Кембриджа, и ежегодно платилъ 250 фунт. ст. податей въ пользу бѣдныхъ; земля-же, которую можно было отдать въ аренду, цѣнилась по 1 фунт. ст. за акръ, такъ что подати поглощали половину дохода. Но какъ ни великъ былъ этотъ налогъ, онъ далеко не представлялъ всего бремени пауперизма. Согласно съ закономъ, фермеръ обязанъ былъ давать работу извѣстному числу бѣдняковъ, соразмѣрно съ своимъ участкомъ земли, несмотря на то, нуженъ-ли былъ ему работникъ или нѣтъ. Вслѣдствіе этого господинъ, о которомъ идетъ рѣчь, несъ еще до 100 фунт. ст. въ годъ убытку отъ навязанныхъ ему работниковъ. Фермеры были до того обременены работой бѣдняковъ, что имъ приходилось отказываться отъ мѣста хорошихъ работниковъ, чтобы дать мѣсто этимъ приходскимъ бѣднякамъ. Одинъ фермеръ близъ Ройстона говорилъ членамъ комисіи, что онъ долго старался удержать двухъ отличныхъ работниковъ, которые давно у него работали, потому что ему навязали въ работники двухъ бѣдняковъ. Онъ также говорилъ, упоминая объ этихъ бѣднякахъ, что одинъ изъ нихъ оказался опаснымъ воровомъ, а другой безпроспирнымъ пьяницей. Бѣдняки были вообще такъ деморализованы зависимою и лѣнливою жизнью, что они были всегда худшими личностями во всемъ сосѣдствѣ. Даже тогда, когда имъ платили мало, работа ихъ обходилась дорого; они работали съ отвращеніемъ, были неискусны, ихъ надобно было заставлять работать партіями, чтобы имѣть возможность наблюдать

за ними; ихъ работа напоминала вообще всѣ экономическіе недостатки работы невольниковъ“.

Такія-же неурядицы происходили и въ другихъ мѣстахъ, когда дѣло шло о доставленіи нищимъ работы: во Франціи попробовали примѣнить къ дѣлу эту систему въ 1545, въ 1685, въ 1699, въ 1709, въ 1786, въ 1788 годахъ и всегда дѣло кончалось одинаково неудачно. Правители, за немѣнѣемъ другого дѣла, старались заставить нищихъ работать на дорогахъ, строить мосты, рыть канавы. Ихъ группировали въ роты, ихъ отправляли подъ присмотромъ сержантовъ, имъ выдавали плату и, истративъ нѣсколько миліоновъ, видѣли, что число нищихъ не убавлялось, что работа не приносила пользы, что поддержать всѣхъ нищихъ этимъ способомъ нѣтъ возможности. Къ этой мѣрѣ прибѣгали и въ XII году во время первой революціи и во время революціи 1848 года, когда Эмилю Тома приходилось заставлять сапожниковъ и портныхъ перетаскивать съ одного мѣста на другое деревья, чтобы давать этимъ несчастнымъ не „милостыню“, а „заработную плату“¹⁰⁾. Въ 1767 году попробовали занять нищихъ работой въ „депо нищихъ“. Но эти депо сдѣлались разсадниками заразы, разврата, и нищіе стали только держаться осторожнѣе, чтобы не попасть въ эти чистилища, гдѣ людей лишали свободы, гдѣ обстановка была страшна, гдѣ работа была тяжела, гдѣ кормили плохо, гдѣ угнетали человѣка, гдѣ даже нельзя было заработать хорошихъ денегъ. Но вѣдь при хорошемъ устройствѣ подобныхъ депо правители могли бояться другой бѣды: сюда побѣжалъ-бы весь народъ, которому плохо жилось.

Такова была та неурядица, съ которою не могло справиться общество ни при помощи застрачиваній, ни при помощи филантропіи. Это общество не понимало, что нищета могла исчезнуть только тогда, когда исчезнуть ея причины — тогдашнее истощеніе народа чрезмѣрными поборами; невѣжество, лишившее человѣка возможности извлекать изъ земли все то, что она можетъ дать; отсутствіе ремесленного, технического образованія, дающаго средства выбирать между различными родами труда; вѣрпостное состояніе, не дающее возможности работать на себя и заставляющее работать въ

¹⁰⁾ S. Englaender, Geschichte der fr. Arb.-Associationen. 1864. B. I. S. 42 B. II. S. 268.

пользу другихъ и т. д. Это общество не понимало, что филантропія, въ сущности, не только не искореняла, но увеличивала нищету народа, такъ-какъ каждый благотворитель, давая волей или неволей деньги на бѣдныхъ, пополнялъ свой кошелекъ или надбавкой податей на крестьянъ, если они у него были, или увеличеніемъ цѣнъ на товары, если онъ торговалъ, и т. п. Видя, что число нищихъ все растетъ, это общество теряло голову и готово было или выгнать, или убить поголовно всѣхъ этихъ людей, на которыхъ устраивались охоты, травли, облавы. Нищенство все росло и росло: нищіе дѣлили между собою города на кварталы и, умирая, нищій оставлялъ по наслѣдству своимъ роднымъ или друзьямъ право просить милостыню въ томъ кварталѣ, гдѣ собиралъ онъ самъ втеченіи всей жизни подаванія. А между тѣмъ именно нищенство и является тѣмъ разсадникомъ всѣхъ золъ и бѣдъ, отъ которыхъ гибнуть и физически, и нравственно подрастающія поколѣнія.

XIII.

Такии бесплодными, скорѣе вредными, чѣмъ полезными способами велась втеченіи столѣтій борьба съ нищенствомъ, и если мы не видимъ теперь такой повальной нищеты, какъ въ прошлые вѣка, то мы, конечно, обязаны этимъ не застращиваніямъ, не филантропіи, остающимся бесплодными и до сихъ поръ, хотя филантропія въ наше время и расширилась, ввела въ свою дѣятельность новыя принципы. Такъ, напримѣръ, филантропы теперь не только строятъ рабочіе дома, богадѣльни, убѣжища, но и стремятся подготовить дѣтей нищихъ къ работѣ, дать имъ средства пріобрѣтать трудомъ кусокъ хлѣба, открываютъ для нихъ школы. Но мы сейчасъ увидимъ, какъ ведется это дѣло и къ какимъ результатамъ оно приводитъ.

„Въ Англіи, говоритъ Тѣкнисъ ¹¹⁾, — существуютъ величественныя зданія, больницы, исправительныя заведенія, пенитенціарія, пріюты для больныхъ, изувѣченныхъ, калѣкъ, престарѣлыхъ, глухихъ, нѣмыхъ, голодныхъ, падшихъ, беспомощныхъ, и

¹¹⁾ *Mayhew*, London labour and London poor, P. XVII.

поддержкѣ этихъ учрежденій и ихъ дѣятельности англійскіе вельможи и купцы удѣляютъ значительную часть своего состоянія. Въ одномъ Лондонѣ существуетъ около 530 благотворительныхъ обществъ и они ежегодно тратятъ около 2,000,000 фунтовъ стерлинговъ, тогда какъ, по всей вѣроятности, частные благотворители раздадутъ ежегодно не менѣе 3,500,000 фунт. стерлинговъ. Но мы можемъ заключить изъ настоящаго положенія нашихъ преступниковъ, "какъ неудовлетворительны эти средства, несмотря на ихъ кажущуюся громадность, потому что мы до сихъ поръ насчитываемъ десятки тысячъ преступниковъ, несмотря на то, что наши тюрьмы, убѣжища и исправительныя заведенія переполнены. Несмотря на нашу тюремную дисциплину, нашу систему классификаціи, нашу систему молчанія и нашу систему одиночнаго заключенія, несмотря на всѣ усилія, которыя мы употребляемъ, чтобы вернуть правонарушителя на путь чести, ежегодно мы отсылаемъ въ тюрьму почти 30,000 преступниковъ".

Для примѣра обратимъ вниманіе на рабочіе дома Англии, гдѣ филантропы думаютъ воспитать дѣтей, приучая ихъ къ работѣ. Такъ-какъ дѣтямъ тѣхъ бѣдняковъ, которые поддерживаются приходами, грозитъ опасность излѣниться, развратиться и впасть въ преступленія, то приходы помѣщаютъ нерѣдко этихъ дѣтей, съ родителями или безъ родителей, въ дома для бѣдныхъ или, вѣрнѣе сказать, въ рабочіе дома—work-houses, — хотя работа этихъ домовъ въ сущности ничтожна и состоитъ, большею частью, въ щипаніи пеньки, волоса и т. п. Дѣти, живущія здѣсь, по закону 1834 года должны втеченіи трехъ часовъ ежедневно получать школьное образованіе и приучаться къ труду. Но, къ несчастію, дѣти находятся здѣсь въ тѣсной связи съ взрослыми, которые имѣютъ на нихъ самое дурное вліяніе. Здѣсь бѣдники теряютъ послѣдніе остатки самостоятельности, честности, способности къ труду. Здѣсь царствуютъ всѣ пороки. По словамъ одного изслѣдователя, изъ 74 дѣвушекъ, вышедшихъ отсюда, только 13 вели себя порядочно, а изъ 56 мальчиковъ не погибло только 18; 37 дѣвушекъ вернулись снова въ рабочій домъ нищими, то-же было съ 11 мальчиками. Изъ 39 мальчиковъ другого рабочаго дома двое были сосланы на 10 лѣтъ, четверо на 15 лѣтъ, одинъ на 20 лѣтъ; двѣнадцать попали въ тюрьму и только семеро вели себя сносно. Несчастное вліяніе этихъ заве-

деней, по словамъ комисіи, выражается не столько въ порочности, сколько въ потерѣ привычки къ самодѣтельности и независимому существованію. Выросшія здѣсь дѣти не имѣютъ никакого понятія о домовитости, о семейной жизни; они считаютъ рабочій домъ своей родиной и нищету — своимъ наслѣдіемъ; эти бѣдняки составляютъ отдѣльную касту и тѣ-же фамиліи, тѣ-же имена являются изъ году въ годъ въ средѣ населенія рабочихъ домовъ ¹²⁾. Самыя яркія указанія на результаты дѣятельности этихъ домовъ мы находимъ въ книгѣ Флорансъ Гилль. „Мы видимъ, говоритъ авторъ этой книги ¹³⁾, — что дурныя стороны въ воспитаніи юныхъ бѣдняковъ, на которыя указывалъ отчетъ членовъ комисіи закона о бѣдныхъ двадцать шесть лѣтъ тому назадъ, — все еще существуютъ среди насъ. Дѣти въ рабочихъ домахъ, даже въ тѣхъ, гдѣ придерживаются строгой классификаціи по возрастамъ, поламъ и т. п., сообщаются болѣе или менѣе съ взрослыми женщинами изъ обитательницъ рабочихъ домовъ. У взрослыхъ женщинъ, живущихъ въ рабочемъ домѣ, есть дѣти, которыхъ имъ, конечно, позволяютъ навѣщать, и, кромѣ того, дѣвочки не могутъ научиться ни одной домашней работѣ, не приходя въ соприкосновеніе съ этимъ разрядомъ женщинъ. Такое соприкосновеніе заразительно даже при самомъ бдительномъ надзорѣ. Рабочій домъ, даже обращая вниманіе на классификацію, не можетъ спасти и предохранить молодыхъ дѣвушекъ отъ нравственной порчи, какъ значится въ отчетѣ членовъ комисіи закона о бѣдныхъ статсъ-секретарю министерства внутреннихъ дѣлъ во время запроса о воспитаніи юныхъ бѣдняковъ. „Я не сомнѣваюсь, говоритъ мистеръ Гринъ, школьный учитель союза, — что число юныхъ преступниковъ значительно увеличилось вслѣдствіе небрежнаго отношенія къ бѣднымъ дѣтямъ въ рабочихъ домахъ и тѣхъ порочныхъ примѣровъ, которые они видятъ въ этихъ домахъ и которые потомъ заставляютъ ихъ тайкомъ уходить отъ ихъ хозяевъ“. Просвѣщенный предсѣдатель степнойскаго союза, мистеръ Джоржъ Фредерикъ Юнгъ, указываетъ на то, что обществу грозитъ опасность, что дѣти рабочаго дома сдѣлаются со временемъ отдѣльной кастой, заклеянной въ глазахъ другихъ

¹²⁾ *B. von Gugler, Industrie und Schule, Mittheilungen aus England von A. Tylor. Stuttgart. 1865. S. 336—338.*

¹³⁾ *Florence Hill, Children of the State. London. 1868. P. 5—10.*

тѣмъ оттѣнкомъ пауперизма, который слѣдовало-бы совершенно изгнать изъ памяти. „У меня есть причины думать, говорить мистеръ Туффнелъ, инспекторъ школъ, — что дѣти нерѣдко подвергаются жестокому обхожденію, которое не всегда обнаруживается, потому что школьному учителю не трудно запугать несчастнаго сироту, у котораго нѣтъ никого на свѣтѣ изъ близкихъ. Куда обратится за помощью бѣдный, бездомный сирота или найденнышъ, — а между тѣмъ значительная часть населенія рабочаго дома состоитъ именно изъ такихъ дѣтей, — когда онъ не можетъ никому довѣриться, когда ему некому жаловаться?“ Что же касается до отдѣленія дѣтей отъ взрослыхъ обитателей рабочаго дома, то мистеръ Туффнелъ говоритъ, что „всѣ лица, знакомыя съ закономъ о бѣдныхъ, знаютъ, что значительную часть взрослога населенія этихъ домовъ составляютъ личности дурнаго поведенія, поддонки народонаселенія... Конечно, прежде всего слѣдуетъ позаботиться о томъ, чтобы отдѣлить дѣтей отъ этого нравственно-зараженнаго класса, и каждый рабочій домъ стремится къ этой цѣли, устраивая отдѣльныя палаты и дворы для каждаго класса. Но я увѣренъ, что архитектурныя условія никогда не могутъ обезпечить должной классификаціи въ рабочемъ домѣ. Самые безнравственные разговоры ведутся черезъ стѣны и окна. Во время обѣда и въ часовнѣ есть много средствъ къ сообщенію, двери остаются случайно открытыми и взрослые выносятъ посуду и мебель“. Атмосфера рабочаго дома заражена порокомъ, и всякій, кто заботится о счастьи дѣтей, не пожелаетъ, чтобы они воспитывались въ его предѣлахъ. „Близость взрослыхъ, говоритъ одинъ изъ людей, хорошо изучившихъ этотъ вопросъ, — представляетъ сильныя невыгоды, и никакіе уставы, какъ-бы строги они ни были, не могутъ противодѣйствовать вредному вліянію испорченныхъ взрослыхъ на дѣтей“. Однако, въ томъ союзѣ, на который онъ указываетъ, по словамъ отчета, составленнаго совѣтомъ закона о бѣдныхъ, юные бѣдняки находятся въ отдѣльномъ зданіи. „Въ почти монастырскомъ уединеніи рабочаго дома, говоритъ мистеръ Эдвардъ Сеніоръ, — это соприкосновеніе взрослыхъ съ юными бѣдняками еще опаснѣе, потому что дѣти обихъ половъ обыкновенно берутъ примѣръ съ лицъ, окружающихъ ихъ, а эти окружающіе, къ несчастью, подонки общества“. „Мало такихъ союзовъ, говоритъ мистеръ Рюдокъ, школьный инспек-

„Дѣло“, № 10, 1877 г.

торь, — гдѣ существуютъ отдѣльныя палаты для больныхъ дѣтей. Мнѣ нечего указывать, какъ вредно помѣщать взрослыхъ и дѣтей въ одной и той-же больничной комнатѣ. Страданія дѣтей часто бываютъ не серьезны, но все-таки они заставляютъ ихъ отказываться отъ посѣщенія школы, а въ больничной палатѣ у нихъ нѣтъ другого занятія, какъ слушаніе разговоровъ тѣхъ, съ кѣмъ дѣтямъ не слѣдовало-бы вовсе сообщаться. Школьные учителя часто жаловались, что имъ трудно предохранить дѣтей отъ извѣстныхъ кожныхъ болѣзней и другихъ случайностей рабочаго дома, благодаря привлекательности больничныхъ палатъ, куда дѣтей отправляютъ на излеченіе. Они заражаютъ другъ друга, и такъ-какъ легкія болѣзни не влекутъ за собой потери аппетита, то трудно удержать дѣтей отъ желанія на время избавиться отъ школьной рутинны. „Рабочіе дома и вся система ихъ организаціи несомнѣнна съ надлежащимъ обученіемъ юношества, пишетъ другой инспекторъ, покойный мистеръ Джеллингерь Симмонсъ. — Обычай, позволяющій старшимъ дѣвочкамъ нанять малолѣтнихъ дѣтей, заставляетъ сталкиваться два класса, т. е. обитательницы женскихъ палатъ, въ которыхъ всегда много матерей незаконныхъ дѣтей, встрѣчаются здѣсь съ подростками и заражаютъ ихъ своимъ вліяніемъ“. И такъ, рабочая дисциплина и привычка къ труду, которая одна можетъ искоренить пауперизмъ, связана съ вреднымъ и растлѣвающимъ вліяніемъ.

„Мы будемъ теперь говорить о 300,000 юныхъ бѣдняковъ, которые представляютъ самый важный разрядъ, подающій больше всѣхъ остальныхъ разрядовъ надежды, продолжающій Гилль, — переходя къ вопросу о школахъ при рабочихъ домахъ ¹⁴⁾. Эти бѣдняки подають больше надежды потому, что они попадають въ наши руки въ то время, когда ихъ характеръ еще гибокъ и мы можемъ выработать его по произволу; это очень важно, потому что, воспитывая ихъ, мы можемъ или увеличить, или искоренить въ извѣстной степени язву пауперизма. Всѣ признають, что если эти дѣти будутъ способны и захотятъ впоследствии зарабатывать кусокъ хлѣба честнымъ трудомъ, то пауперизмъ значительно уменьшится. Мы не сомнѣваемся въ томъ, что всѣ желаютъ воспитать

¹⁴⁾ Loc. cit., p. 16 etc.

ихъ такъ даже изъ эгонистическаго чувства, не говоря уже о высшихъ мотивахъ; но мы не можемъ отрицать того факта, что употребляемыя для того средства не соотвѣтствуютъ цѣли. Мы уже видѣли, сколько причинъ заставляютъ отдѣлять этихъ дѣтей отъ обитателей рабочихъ домовъ и какъ невозможно подобное отдѣленіе, если ихъ школа находится подъ одной крышей или по близости съ рабочимъ домомъ. Въ болѣе чѣмъ 400 союзахъ изъ 623 въ Англіи и въ Валлисѣ дѣти явно находятся въ такомъ нецѣлесообразномъ положеніи; но, кромѣ того, двѣ извѣстныхъ намъ школы считаются отдѣльными, а въ сущности онѣ входятъ въ составъ рабочаго дома, и вслѣдствіе этого мы думаемъ, что соединеніе школы и рабочаго дома гораздо распространеннѣе, чѣмъ это видно изъ официальныхъ отчетовъ. Поэтому судьба дѣтей, воспитанныхъ въ школахъ рабочихъ домовъ, не удивляетъ насъ. Восемьдесятъ процентовъ изъ числа дѣвушекъ, поступающихъ въ услуженіе, погибаютъ, по мнѣнію почтенной мистрисъ Уей, основанному на долготѣнныхъ наблюденіяхъ и изслѣдованіяхъ. Недавно одна дама, проживающая въ одномъ изъ нашихъ большихъ городовъ, желая помочь дѣвушкамъ, поступившимъ въ услуженіе изъ рабочихъ домовъ, получила отъ властей адреса большинства вновь поступившихъ на мѣста. Но побывавъ въ сорока пяти изъ указанныхъ мѣстъ, она нашла только четырнадцать дѣвушекъ. Изъ остальныхъ однѣ переехали куда-то, другія были выгнаны за дурное поведеніе, третьи убились, а судьба четвертыхъ была неизвѣстна. Но, несмотря на это, приходскія власти, узнавъ судьбу только одной трети изъ нихъ, вѣроятно, показали-бы въ отчетѣ, что онѣ всѣ ведутъ себя хорошо. Одна надзирательница рабочаго дома утверждаетъ, что изъ 300 дѣвушекъ, которыхъ она знала, даже и треть не отличается хорошимъ поведеніемъ. Многія школьныя учительницы рабочихъ домовъ оплакивали судьбу, ожидающую тѣхъ дѣтей, которыхъ онѣ привыкли любить и которыя рано или поздно вернутся въ палату взрослыхъ опозоренными. Слѣдующее описаніе показываетъ намъ, что такое палата для взрослыхъ, въ которой порочныя женщины сходятся съ добродѣтельными. „Это — палата, въ которой собираются женщины различнаго возраста и характера и занимаются разщипываніемъ волоса или пеньки. Иногда мы можемъ встрѣтить здѣшнихъ обитательницъ въ прачечной,

но большею частью женщины средних лѣтъ работаютъ тутъ и ихъ всегда очень много. Въ швейной мастерской занимаются, большею частью, пожилыя женщины, такъ-что молодыя женщины встрѣчаются тутъ рѣдко. Такимъ образомъ женщинъ средняго возраста, большею частью, помѣщаютъ въ сараѣ (нерѣдко въ подвалѣ) и заставляютъ разщипывать волосъ, извѣстное количество котораго выдается на день надзирателямъ; надзиратель чаще всѣхъ другихъ лицъ приходитъ въ соприкосновеніе съ этими разрядамъ: отъ надзирателя зависитъ количество данной той или другой женщинъ работы, такъ-какъ трудъ обитательницъ рабочаго дома не имѣетъ опредѣленныхъ границъ. Работа кончается въ шесть часовъ, такъ-что у обитательницъ рабочаго дома всегда остается часа два свободныхъ до сна, тогда какъ въ воскресенье у нихъ много свободного времени и онѣ вполне предаются необузданнымъ порывамъ. Въ одномъ изъ лондонскихъ рабочихъ домовъ, а можетъ быть и во многихъ, обитательницы проводятъ ночь въ той-же мастерской, гдѣ онѣ щиплютъ пеньку. Если мы вспомнимъ, что къ утомительному занятію присоединяется отвратительный запахъ пеньки, грязь, которою покрыта эта пенька и волосъ, и полутьма сарая, гдѣ работаютъ женщины, то можемъ ли мы удивляться, что эти работницы предаются самому необузданному разгулу въ свободные часы? Надзирательница одного изъ рабочихъ домовъ рассказывала намъ объ отчаянныхъ выходкахъ этихъ несчастныхъ. Обнаженные до пояса, онѣ безумно плясали, пѣли самыя циничныя пѣсни, иногда и дрались. „Вся эта система, замѣчаетъ одно изъ официальныхъ лицъ, — такъ обветшала, такъ противорѣчитъ здравому смыслу, приличію и чувству справедливости, такъ нераціональна, что мы не знаемъ, какъ опредѣлить ее. Весь этотъ классъ людей, повидимому, съ самаго начала находится въ дурныхъ рукахъ; по-настоящему, ни попечители, ни надзиратели, ни приходскія власти не должны сообщаться съ ними и эти женщины должны находиться подъ управленіемъ опытной и энергической надзирательницы и учителя. Относительно этихъ женщинъ слѣдуетъ держаться системы одобренія и примиренія. Имъ надо обѣщать награды за хорошее поведение въ рабочемъ домѣ и въ услуженіи. Система-же, которой придерживаются по отношенію къ нимъ теперь, только раздражаетъ ихъ и заставляетъ ихъ вести порочную жизнь“. Молодыя женщины, жи-

росшія въ рабочемъ домѣ, образуютъ сословіе, отличающееся наглостью и безстыдствомъ. Священникъ рѣдко посѣщаетъ ихъ, сознавая, что онъ не можетъ имѣть на нихъ никакого вліянія, хотя мы знаемъ много такихъ примѣровъ, что самыя упрямныя изъ этихъ женщинъ уступали вліянію и сочувствію женщинъ-же и становились лучше. Наказаніе только раздражаетъ ихъ, и самый долгій срокъ заключенія въ темной кельѣ на хлѣбъ и водѣ, къ которому онѣ могутъ быть законно присуждены, усмиряя самаго грубаго мужчину, не имѣетъ вліянія на этихъ несчастныхъ. Года два тому назадъ, одинъ изъ учителей, говоря о возмущеніи въ одномъ изъ рабочихъ домовъ (и только тѣ, которые были свидѣтелями этого возмущенія, могутъ судить объ его размѣрахъ), сказалъ, какъ-бы оправдывая ихъ: „видите-ли, сударь, это дѣвушки, воспитанныя въ рабочемъ домѣ“. Рабочіе дома переполнены толпой лѣнивыхъ, невѣжественныхъ, упрямыхъ дѣвушекъ, воспитанныхъ на счетъ государства и волюнѣ испорченныхъ пребываніемъ въ палатахъ для взрослыхъ дѣвушекъ, которымъ трудно помочь. Если эти дѣвушки и вступаютъ въ жизнь съ твердымъ намѣреніемъ трудиться, то этому намѣренію препятствуетъ роковое воспоминаніе о томъ, что для ихъ лѣни и порочности всегда существуетъ такое убѣжище, какъ то учрежденіе, которое служило имъ домомъ и школой. Драгоцѣнные отчеты, доставленные намъ попечителями двухъ различныхъ союзовъ, показываютъ, какъ мало шансовъ на успѣхъ у воспитанныхъ такимъ образомъ дѣвушекъ. Изъ 165 дѣвушекъ, поступившихъ въ услуженіе, втеченіи трехъ лѣтъ 73 были снова приняты въ рабочій домъ, 13 убѣжали и оставили своихъ хозяевъ, 61 пропала безъ вѣсти, 18 устроились хорошо.

„Намъ указываютъ еще другой случай: рабочій домъ снабдилъ одеждой 160 молодыхъ женщинъ, чтобы доставить имъ возможность получить мѣста; изъ этихъ 160 дѣвушекъ 58 или почти одна треть вернулись въ рабочій домъ, пробывъ въ услуженіи не болѣе двухъ мѣсяцевъ съ половиной. Всѣ эти дѣвушки были привычными обитательницами рабочаго дома; двѣ изъ нихъ пробыли тамъ восемь лѣтъ, нѣкоторыя тринадцать и шестнадцать лѣтъ и ни одна не менѣе трехъ. Авторы той статьи, выдержки изъ которой мы приводимъ здѣсь и практическое знакомство которыхъ съ несчастными женщинами, описываемыми ими, можетъ

сравнятся только съ тѣми усиліями, которыя они употребляли, чтобы помочь этимъ несчастнымъ, — предлагаютъ помѣщать осиротѣлыхъ дѣтей бѣдняковъ въ порядочныя семьи и ввести въ рабочіе дома высшій надзоръ образованныхъ женщинъ. Изъ 180 здоровыхъ молодыхъ женщинъ, оставившихъ рабочій домъ въ Коркѣ, — 60 вернулись туда въ скоромъ времени. Когда миссъ Туинингъ открыла свой ремесленный пріютъ для дѣвушекъ въ Нью-Ормандской улицѣ, она вскорѣ убѣдилась, что тѣ дѣвушки, которыя выросли въ рабочихъ домахъ, отличаются наибѣйшимъ отсутствіемъ благодарности и привязанности. Онѣ хорошо знаютъ свои права быть поддерживаемыми на счетъ приходовъ и возвращаться въ рабочіе дома. Въ шестнадцать лѣтъ онѣ становятся полными распорядительницами своей участи и могутъ приходиться и уходить, когда имъ вздумается. Многія дѣвушки, говоритъ попечитель одного обширнаго союза, уходятъ подъ вечеръ для проституціи и возвращаются въ рабочій домъ поздно. Когда-же другого попечителя спросили, почему нарушающія порядокъ дѣвушки не подвергаются строгому наказанію, онъ отвѣчалъ: „мы не смѣемъ; если-бы мы прибѣгли къ насилію, то онѣ убѣжали-бы и было-бы еще хуже“. Одинъ изъ служащихъ при большой отдѣльной школѣ для бѣдняковъ въ Свинтонѣ, въ Ланкаширѣ, когда его спросили о томъ, велико-ли число дѣвушекъ, вышедшихъ изъ этого заведенія и ведущихъ развратную жизнь, сравнительно съ числомъ дочерей работниковъ, отвѣчалъ: „не спрашивайте меня, я просто не рѣшаюсь вамъ сказать, сколько выпущенныхъ изъ нашего заведенія погибло“. Такое-же показаніе далъ одинъ изъ служащихъ при киредальской отдѣльной школѣ, сказавъ: „грустно подумать о томъ, какое громадное число дѣвушекъ, воспитанныхъ въ киредальской школѣ, погибло безвозвратно“. Исправительныя заведенія и другія учрежденія для падшихъ женщинъ неохотно принимаютъ, а нѣкоторыя и вовсе отказываются принимать дѣвушекъ, воспитанныхъ въ рабочихъ домахъ, отчаяваясь въ возможности спасти ихъ. „Вы не должны забывать, пишетъ секретарь общества спасенія, объясняя, почему въ пріюты общества допускается только незначительное число выросшихъ въ рабочихъ домахъ дѣвушекъ, — что мы всегда неохотно принимаемъ поступающихъ изъ рабочихъ домовъ, потому что онѣ подають мало надежды на исправленіе и

подробности изъ жизни поступающихъ изъ рабочихъ домовъ подтверждаютъ это мнѣніе“. Мистеръ Коквичъ, членъ парламента, произнося рѣчь на первомъ годовомъ собраніи пріюта миссъ Туинингъ, сказалъ, что „онъ былъ нѣкоторое время председателемъ одного изъ обширнѣйшихъ земледѣльческихъ союзовъ и изучалъ недостатки закона. Одно изъ главныхъ затрудненій состоитъ въ томъ, какъ воспитать дѣтей въ стѣнахъ рабочаго дома. Даже если за ними существуетъ хорошій уходъ, то въ самой атмосферѣ рабочаго дома есть что-то заразительное. Онъ не знаетъ, что это именно. Ему кажется, что это воспитаніе неудачно, потому что дѣти не понимаютъ значенія слова *семья*“. По отношенію къ дѣвушкамъ, говоритъ миссъ Коббъ, замѣчанія которой основаны на личномъ опытѣ, эта система приноситъ несравненно больше вреда, чѣмъ по отношенію къ мальчикамъ, потому что она прямо противоположна ихъ природѣ. „Дѣйствительно, опасно собрать громадное число мальчиковъ и воспитывать ихъ безъ семейнаго вліянія и привязанности, но по отношенію къ дѣвушкамъ такая система еще опаснѣе. Для меня совершенно непонятно, почему, твердя постоянно о томъ, что семья есть единственная сфера женщины, мы систематически воспитываемъ всѣхъ дочерей государства такъ, что онѣ даже не имѣютъ понятія о томъ, чѣмъ должна быть семья. Дѣвушкамъ нужна привязанность, нуженъ личный уходъ, домашнія обязанности — все, что можетъ сдѣлать ихъ честными и чистыми, и для достиженія этой-то цѣли мы скучиваемъ ихъ сотнями тамъ, гдѣ нѣтъ привязанности, нѣтъ личнаго ухода, даже нѣтъ личнаго существованія, гдѣ онѣ являются только составными частями цѣлаго, гдѣ у нихъ нѣтъ домашнихъ обязанностей и гдѣ онѣ подвергаются униженію, принужденны носить отвратительную форменную одежду, стричь волосы подъ гребенку и шлепать въ стоптанныхъ сапогахъ. Результаты такого отношенія къ дѣлу становятся, наконецъ, до того осязательными, что мы не можемъ игнорировать ихъ. Бѣдныя дѣвушки, воспитанныя такимъ образомъ, поступаютъ въ услуженіе къ лицамъ изъ низшаго сословія, гдѣ ихъ незнаніе простѣйшихъ домашнихъ обязанностей, ихъ недостатокъ самообладанія и безнадежная тупость часто вызываютъ рѣзкое обхожденіе со стороны хозяевъ. Будучи на побѣгушкахъ, онѣ скоро научаются другому, болѣе легкому способу зара-

ботать себѣ кусокъ хлѣба. У нихъ нѣтъ ни матери, ни подруги постарше, которыя могли-бы спасти ихъ, нѣтъ другого убѣжища, кромѣ ненавистнаго рабочаго дома, и прежде, чѣмъ вернуться туда, онѣ прибѣгаютъ къ проституціи. Два года тому назадъ одинъ изъ лондонскихъ рабочихъ домовъ желалъ изслѣдовать, что случилось съ 80 выпущенными и поступившими въ услуженіе дѣвушками, и оказалось, что онѣ всѣ безъ исключенія увеличили собою число уличныхъ проститутокъ“. „Я утверждаю на основаніи личнаго опыта, говоритъ тотъ-же краснорѣчивый писатель,—что однимъ изъ главныхъ источниковъ гибели молодыхъ жизней является нашъ рабочій домъ“. Парламентскій отчетъ миддлсекскаго графства показываетъ, что 11% изъ числа мальчиковъ и 20,7% изъ числа дѣвочекъ, воспитанныхъ въ школахъ, находящихся при рабочихъ домахъ, вели себя дурно. При этомъ мы не должны забывать, что приходы обладаютъ очень неудовлетворительными средствами изслѣдованія и что очень трудно найти официальные отчеты о судьбѣ дѣтей бѣдняковъ старше шестнадцати лѣтъ, даже и о тѣхъ, которыя воспитаны въ окружныхъ школахъ. Такъ одинъ учитель большого суррейскаго союза сообщилъ мистрисъ Уей, что всѣ дѣвушки, которыхъ онъ опредѣлилъ на службу, получили превосходныя мѣста и оказались порядочными, но въ томъ-же городѣ жена одного почтеннаго купца сказала ей, что ни одинъ порядочный человекъ не рѣшится взять ребенка изъ рабочаго дома и что такихъ дѣтей берутъ только тѣ, которымъ нужны рабочія влячи; надзирательница одного большого рабочаго дома въ Кентѣ подтвердила это показаніе. Учитель глочестерскаго союза сказалъ мистрисъ Уей: „моя единственная надежда—выпустить этихъ дѣвушекъ какъ можно раньше, потому что я дрожу при мысли о томъ, что одинадцатилѣтнія дѣвочки услышатъ ужасный языкъ, на которомъ говорятъ въ рабочемъ домѣ“.

Мы могли-бы привести безконечное множество такихъ показаній служащихъ въ рабочихъ домахъ, попечителей и постороннихъ наблюдателей; но мы и такъ сказали довольно, чтобы доказать, что въ нашей средѣ растутъ тысячи дѣтей, которыя воспитываются на счетъ государства, — воспитываются, чтобы служить не Богу, а дьяволу. Конечно, филантропы стремятся не къ такимъ результа-

тамъ. Но что вы станете дѣлать, если сама филантропія основана на ложныхъ принципахъ?

Эти неурядицы заставили уже въ 1841 г. парламентъ назначить комисію для изслѣдованія законовъ о бѣдныхъ, и въ 1844 и 1848 годахъ законъ о бѣдныхъ нѣсколько измѣнился. Главное измѣненіе состояло въ томъ, что приходы и союзы получили позволеніе соединиться въ большіе округа и построить окружныя и отдѣльныя отъ рабочихъ домовъ школы, District Schools and Separate Workhouse Schools. Но это не повело къ особенному измѣненію дѣла, такъ-какъ еще въ 1859 году въ обновленныхъ рабочихъ домахъ жило и обучалось 35,000 дѣтей, а въ окружныхъ и отдѣльныхъ отъ рабочихъ домовъ школахъ было всего 7,000 дѣтей ¹⁵⁾.

Указавъ на это яркое явленіе, говорящее, какъ часто филантропія и въ настоящее время не понимаетъ сама, что творить, и какъ часто она вмѣсто пользы приноситъ вредъ, я укажу и на другое явленіе, характеризующее отношенія цивилизованныхъ обществъ къ тѣмъ дѣтямъ, изъ которыхъ выработываются „опасные классы“. Я хочу сдѣлать нѣсколько указаній на положеніе малолѣтнихъ преступниковъ и исправляемыхъ родителями дѣтей во Франціи.

Габріель Делессеръ, сдѣлавшись префектомъ полиціи, былъ сильно пораженъ сквернымъ положеніемъ тюремъ, въ особенности тюрьмою Ла-Рокеттъ, которая съ 1835 г. служила спеціально мѣстомъ заключенія для малолѣтнихъ арестантовъ и дѣтей, отданныхъ на исправленіе родителями. Истощенные нищетою, золотухою и раннимъ развратомъ, эти дѣти среди общей тюрьмы, гдѣ они были скучены безъ различія возрастовъ, находили новыя поводы къ возбужденію и къ поступкамъ, долженствовавшимъ довести ихъ въ будущемъ до уголовного суда. „Сюда входили дѣти испорченными, отсюда они уходили съ гангреною паденія, съ безвозвратно погибшею нравственностью, говоритъ Дю-Канъ:—зюда принимали негодяевъ, отсюда выпускали преступниковъ ¹⁶⁾. Конечно, не этого желало государство, не этого требовало общество. И вотъ Делессеръ предлагаетъ поправить дѣло — устроить одиочное заключеніе для дѣтей. Предложеніе было принято. „Те-

¹⁵⁾ B. v. Gugler, Loc. cit., S. 339.

¹⁶⁾ M. du Camp, Loc. cit., T. III, p. 264.

перь, говорить Дю-Банъ, — малая Ла-Рокеттъ специально принимаетъ дѣтей: въ нее заключаются подслѣдственные и осужденныя дѣти-арестанты моложе шестнадцати лѣтъ и несовершеннолѣтнія дѣти, которыхъ отдали родители для исправленія, добывъ нужное для этого разрѣшеніе. Такъ-какъ система одиночнаго заключенія введена была сюда послѣ устройства тюрьмы, то раздѣленіе на кельи пришлось дѣлать, какъ позволяло мѣсто; число келий недостаточно, онѣ слишкомъ малы — въ семь съ половиною футовъ въ длину и въ шесть футовъ въ ширину, и, въ физическомъ отношеніи, дѣти находятся далеко не въ безукоризненныхъ условіяхъ. Способъ отопленія нужно-бы передѣлать до основанія: печи помѣщаются въ концѣ галерей и онѣ-то должны сообщать всѣмъ кельямъ галерей равномѣрную теплоту; зимой температура всегда очень низка здѣсь, но въ нѣкоторыхъ кельяхъ, отдаленныхъ отъ печки, она никогда не можетъ подняться выше нуля. Дѣти перестаютъ здѣсь называться своими именами и получаютъ кличку по номеру своей кельи ¹⁷⁾. Дѣти должны работать: они дѣлаютъ желѣзныя цѣпочки, золоченые ключики; малолѣтніе, которыхъ нельзя еще выучить никакому ремеслу, щиплютъ старый холстъ на корпю. На-сколько здорово щипанье корпю изъ стараго холста — объ этомъ, конечно, никто не думаетъ. Стоитъ-ли заниматься такими мелочами? Нѣтъ тюрьмы, которая оставляла-бы болѣе безотрадное впечатлѣніе, даже по словамъ ея поклонниковъ вродѣ Дю-Бана и Фрежье. Невольно трогаешься, вспомнивъ, что эти несчастныя созданія — дѣти, говоритъ Дю-Банъ, что они переживаютъ именно тотъ возрастъ, когда нужное всего свобода, игры, движенія. Родители, приходя къ нимъ, видятъ ихъ въ пріемной, хотя нужно замѣтить, что въ первые пятнадцать дней заключенія дѣти не видятъ даже и родителей, такъ-какъ это должно довести ихъ, десяти и одиннадцати-лѣтнихъ мальчугановъ, „до болѣе глубокаго сознанія своихъ ошибокъ“; имъ даютъ кое-какіе уроки чтенія и письма, причежь учитель диктуетъ изъ конца коридора, такъ что дѣти не видятъ даже его; ихъ водятъ къ обѣднѣ въ церковь, гдѣ, впрочемъ, каждое дитя запирается въ отдѣльную келью и можетъ видѣть только алтарь, но не людей; у нихъ есть дворники или площадки

¹⁷⁾ *Frégier*, Loc. cit., t. II, p. 328.

при кельяхъ, гдѣ они обыкновенно прогуливаются съ надрывающимъ сердце меланхолическимъ видомъ; здѣсь имъ даютъ обручи, которыми они могутъ играть на отведенныхъ имъ нѣсколькихъ метрахъ пространства, но мѣсто такъ ограничено, обручъ такъ быстро ударяется въ стѣну, что ребенокъ, утомясь этимъ чисто-воображаемымъ развлеченіемъ, впадаетъ въ раздумье вмѣсто игры. Я встрѣтилъ одного здоровенькаго мальчика и спросилъ его: „Сколько тебѣ лѣтъ? — Одинадцать, отвѣтилъ онъ. — Кто тебя посадилъ сюда? — Тетя и мать. — За что? — Я двѣ ночи въ ряду ночевалъ не дома, а близъ стѣны кладбища Пэръ-Ла-Шеза. — Зачѣмъ-же? — Дома было слишкомъ жарко“¹⁸⁾. И вотъ такимъ-то несчастнымъ дѣтямъ приходится выдерживать весь ужасъ одиночнаго заключенія въ холодной, тѣсной, плохо устроенной тюрьмѣ и доходить до „глубокаго сознанія своихъ ошибокъ“, когда они, эти дѣти невѣжественной среды, ничѣмъ не отличаются по своему развитію отъ того одинадцати-лѣтняго мальчугана, о которомъ упоминаетъ Дю-Канъ, или отъ тѣхъ англійскихъ дѣтей фабричныхъ, о развитіи которыхъ мнѣ уже приходилось говорить въ этихъ статьяхъ. Максимъ Дю-Канъ и Фрежье говорятъ, что одиночное заключеніе должно исправить молодыхъ преступниковъ, и Фрежье даже указываетъ на то, что въ одиночномъ заключеніи дѣти не страдаютъ однимъ изъ тѣхъ пороковъ, которымъ страдаютъ они при общемъ заключеніи, дающемъ возможность для возбужденія страстей и половыхъ возбужденій. Но не сдѣлаетъ-ли одиночное заключеніе ихъ только тупыми? Не сдѣлаетъ-ли оно ихъ беспомощными? Не отучитъ-ли оно ихъ еще больше отъ самостоятельности, отъ общежитія? Не доведетъ-ли оно ихъ до преждевременной могилы? Эти писатели указываютъ на то, что въ два года, съ 1838 по 1840, или, вѣрнѣе сказать, въ пятнадцать мѣсяцевъ послѣ реформы тюрьмы изъ общей въ одиночную, число рецидивистовъ вдругъ убавилось: сперва было 30 изъ 130, а черезъ пятнадцать мѣсяцевъ 7 изъ 239. Если эти цифры и вѣрны, то все-таки онѣ не должны радовать и едва-ли можно думать, что число рецидивистовъ уменьшилось вслѣдствіе того, что одиночное заключеніе такъ благотворно повліяло на маленькихъ преступниковъ. Вѣрнѣе всего, что тюрем-

¹⁸⁾ M. du Camp, *Loc. cit.*, t. III, p. 308—310.

ное заключеніе стало только страшнѣе для этихъ дѣтей и, главнымъ образомъ, для ихъ родителей. Въ самомъ дѣлѣ, какое сердце нужно имѣть матери, чтобы вторично засадить своего одиннадцатилѣтняго сына за двухъ-дневный побѣгъ изъ дому въ эти узкія, низкія, сирадныя кельи, гдѣ нерѣдко температура бываетъ не выше нуля, даже по словамъ поклонника этой тюрьмы? Но какъ-бы ни было страшно положеніе мальчиковъ въ маленькой Ла-Рокеттѣ, положеніе дѣвочекъ въ тюрьмѣ Сен-Лазарь еще страшнѣе. Эта тюрьма дѣлилась на четыре отдѣленія, гдѣ принимались подслѣдственные арестантки, осужденныя преступницы, молодыя дѣвушки, отданныя на исправленіе родителями, и, наконецъ, публичныя женщины, задержанныя административнымъ порядкомъ. Но этого недостаточно. Сюда пересылались изъ депо Сен-Дени больныя, иногда страдавшія заразительными болѣзнями. Тщетно префектура полиціи требовала отдѣльныхъ помѣщеній для всѣхъ разрядовъ этихъ женщинъ съ 1842 года. Ей не удалось ничего сдѣлать, и дѣвочки, виновныя иногда въ ничтожныхъ проступкахъ, отданныя для исправленія невѣжественными родителями въ тюрьму, продолжали помѣщаться съ воровками и проститутками.

„Это позоръ для Парижа, позоръ для цивилизаціи, говоритъ Максимъ Дю-Банъ. — Каждая дѣвочка, входящая на исправленіе въ Сен-Лазарь, выходитъ отсюда порочною и испорченною до глубины души. Я перелистывалъ два молитвенника, взятые у дѣвочки, которой едва пошелъ шестнадцатый годъ и которая провела три мѣсяца по просьбѣ своего отца въ этомъ проклятомъ домѣ, гдѣ самыя стѣны заражены развратомъ. На поляхъ и бѣлыхъ страницахъ этихъ молитвенниковъ были записаны заключенною ея мысли. Онѣ были страшны. Святой Антоній въ пустынѣ не испытывалъ такихъ искушеній, какъ она. День за днемъ, подъ вліяніемъ среды, ея языкъ дѣлался все болѣе рѣзкимъ, мечты принимали новый характеръ, чувства говорили о заблужденіи, предметъ желаній измѣнялся, дѣлался болѣзненнымъ, оскорбительнымъ, неестественнымъ, и можно было подумать, что это замѣтки бѣжавшей изъ сумасшедшаго дома. Никогда у погибшей Сафо не вырывалось криковъ, болѣе жалобныхъ и болѣе рѣзкихъ, чѣмъ крики этой дѣвочки. Здѣсь опасность среды дѣлается вполне осязательною и дьявольскія традиціи заражаютъ здѣсь всѣхъ, проникаютъ въ сердце. Ни проповѣди, ни попечи-

тельство, ни посѣщенія патронесъ, ни грубая дисциплина, ничто не можетъ спасти здѣсь дѣвушекъ. Только чудо можетъ избавить ихъ отъ нравственной гибели, но времена чудесъ прошли ¹⁹⁾.

Въ 1865 году Жюль Симонъ произнесъ въ законодательномъ собраніи горячую рѣчь о тюрьмѣ Ла-Рокеттъ, объ этомъ мѣстѣ для родительскаго исправленія дѣтей, и рѣчь тронула императрицу Евгенію. Евгенія отправилась въ тюрьму, осмотрѣла ее, разспросила заключенныхъ и нашла, что система, примѣняемая здѣсь къ заключеннымъ, вовсе не соотвѣтствуетъ ихъ возрасту.

Слѣдствіемъ этого посѣщенія императрицею тюрьмы было составленіе комисіи для разсмотрѣнія вопроса о положеніи малолѣтнихъ преступниковъ въ малой Ла-Рокеттъ. Комисія, въ сущности, пришла къ тому заключенію, что пребываніе молодыхъ преступниковъ въ этой тюрьмѣ не должно быть продолжительнымъ, согласно съ духомъ закона 5 августа 1850 года, такъ какъ въ этомъ законѣ говорится: „Молодые заключенные, признанные дѣйствовавшими безъ сознанія, но невзятые родителями, отправляются въ исправительную колонію... Исправительныя колоніи принимаютъ равно и молодыхъ преступниковъ, осужденныхъ на тюремное заключеніе на срокъ болѣе шести мѣсяцевъ и не болѣе двухъ лѣтъ“ ²⁰⁾. „Эти колоніи, говоритъ Поль Зеръ въ своей книгѣ „Объ опасныхъ классахъ“ ²¹⁾, дѣлились на два разряда: одніе существовали на счетъ правительства и подъ управленіемъ его чиновниковъ; другія, напротивъ того, были ввѣрены частнымъ лицамъ, которыя за плату въ 60 сантимовъ за юношей старше 16 лѣтъ и въ 70 сантимовъ за дѣтей моложе 16 лѣтъ, должны были содержать, кормить, одѣвать и учить ремеслу этихъ дѣтей. Частныя колоніи уже втеченіи нѣсколькихъ лѣтъ выносятъ множество затрудненій; зависть окружающей ихъ среды, когда онѣ процвѣтаютъ, и трудность продержаться, когда случаются убытки и потери, не даютъ имъ возможности вести правильное существованіе, такъ что въ близкомъ будущемъ можно ожидать уменьшенія числа частныхъ колоній. Правительственныхъ учрежденій этого рода въ 1868 году было пять—четыре для мальчиковъ и одно для дѣвочекъ; частныхъ учрежденій этого рода въ

¹⁹⁾ Loc. cit. t., III, p. 302—305.

²⁰⁾ Loc. cit., t. III, p. 311.

²¹⁾ P. Cère, Loc. cit., p. 34.

тожь-же году было 53 — двадцать девять для мальчиковъ и 24 для дѣвочекъ. Лучшая изъ этихъ колоній была колонія въ Метрѣ. Но колонія въ Метрѣ находилась въ исключительномъ положеніи и была обязана своимъ процвѣтаніемъ только ловкости своего основателя. Эта колонія болѣе бьетъ на внѣшній эффектъ, чѣмъ заботится объ экономіи. Она получила съ своего основанія, кромѣ поденной платы отъ правительства, превышающей плату, получаемую другими колоніями, и кромѣ всевозможныхъ пожертвованій, отъ 4 до 5 миліоновъ франковъ. Несмотря на это, ежегодно требуются еще сборы, подписки, огромныя суммы для поддержанія ея существованія. Невольно задаешься вопросомъ, что будетъ съ колоніей въ Метрѣ, если умретъ ея ловкій основатель? Существованіе этого учрежденія чисто-искусственное. Каждый ребенокъ стоитъ здѣсь отъ 600 до 700 франковъ въ годъ, а на эти деньги ребенка можно-бы помѣстить въ любой изъ общинныхъ колегій, гдѣ, безъ сомнѣнія, онъ морализовался-бы не хуже, чѣмъ въ колоніи. „И въ этой лучшей изъ колоній, по словамъ Дю Кана, результаты даются слѣдующіе: съ января 1840 года по іюнь 1866 года въ колонію поступило 444 ребенка, рожденныхъ въ Сенскомъ департаментѣ; въ іюнь 1866 года 329 изъ нихъ были выпущены на свободу. На эти 329 человекъ, воспитанныхъ и исправленныхъ въ колоніи, 89 снова нѣсколько разъ появились передъ судомъ и надъ ними было произнесено 335 судебныхъ приговоровъ. Эта колонія, какъ и другія подобныя учрежденія, главнымъ образомъ является земледѣльческою, а между тѣмъ сюда поступаютъ парижане, которые послѣ исправленія снова возвращаются въ Парижъ, гдѣ, конечно, ихъ земледѣльческія знанія не приносятъ имъ пользы. Вообще эти исправительныя заведенія исправляютъ очень немногихъ. Въ 1855 году помѣстили тридцать молоденькихъ дѣвушекъ въ отдѣленіе одного изъ духовныхъ учреждений для исправленія падшихъ; дѣвушки стали убѣгать, особенно во время карнавала, и возвращались въ Парижъ для того, чтобы насладиться развлеченіями, неимѣющими ничего общаго съ той жизнью въ монастырѣ, которую хотѣли навязать имъ. То-же съ колоніями для мальчиковъ: директоръ колоніи въ Метрѣ говоритъ, что земледѣльческая жизнь не можетъ произвести серьезнаго исправленія, если она не будетъ продолжаться военной или флотской жизнью. Вслѣд-

ствіе этого съ 1861 года перестали почти вовсе посылать на исправленіе дѣтей въ земледѣльческія колоніи, да и сами директора этихъ колоній сознаются, что ихъ колонисты выносятъ изъ этихъ колоній немного. „Какіе результаты даетъ ваша система воспитанія?“ спросили у одного директора. — „Одинъ результатъ— побѣги“, отвѣтилъ онъ ²²⁾).

Впрочемъ, даже въ Германіи, гдѣ система „домовъ спасенія“ развита очень сильно и поддерживается очень тщательно, эти заведенія даютъ слѣдующіе результаты: въ 79 такихъ заведеній было:

1) умершихъ въ заведеніяхъ	247
2) взятыхъ родителями, противъ воли заведеній, вслѣдствіе ступидитета, падучей, болѣзней вообще и т. п. или вслѣдствіе побѣговъ	630
3) изъ выпущенныхъ изъ заведенія по окончаніи исправленія вели себя дурно.	644
4) изъ выпущенныхъ вели себя посредственно, то-есть то дурно, то порядочно.	1,251
5) изъ выпущенныхъ вели себя хорошо, т. е. добывали пропитаніе работою	4,529
6) пропавшихъ безъ вѣсти	799

Такимъ образомъ, по официальнымъ свѣденіямъ тѣхъ лицъ, которыя стараются представить въ лучшемъ свѣтѣ положеніе этихъ заведеній, среди исправлявшихся дѣтей было изъ 8,100 человекъ только 4,529 такихъ, про которыхъ можно было сказать, что они вели себя хорошо. Это, сравнительно, не особенно много, такъ-какъ „дома спасенія“ прилагаютъ всѣ средства для исправленія дѣтей и берутъ на воспитаніе исключительно не какихъ-нибудь до мозга костей испорченныхъ преступниковъ, а вообще „дурныхъ дѣтей“ ²³⁾).

Но хуже всего то, что филантропія сама должна часто говорить въ этихъ случаяхъ: „я не исполняю своего долга лучше не потому, что я не умѣю или не хочу его лучше исполнить, но потому, что я боюсь и не имѣю права сдѣлать его лучше“. Эту

²²⁾ *M. du Camp*. *Loc. cit.*, t. II, pp. 299—301.

²³⁾ *K. A. Schmid*, *Encykl. des gesam. Erziehungswesens*. 1869. B. V П. S. 420.

мысль ярче другихъ высказалъ такой ученый, какъ Фосеттъ. Онъ говоритъ въ главѣ о „помѣщеніи дѣтей бѣдняковъ въ постороннія семьи“²⁴⁾. „Въ то время, когда создавались эти страны, совѣтъ закона о бѣдныхъ обнаруживалъ распоряженіе о помѣщеніи дѣтей бѣдняковъ въ постороннія семьи, доказывающее, что Англія грозитъ опасность ежеминутно вернуться къ худшимъ злоупотребленіямъ“ закона о бѣдныхъ. Дѣло принимаетъ еще болѣе серьезный оборотъ вслѣдствіе того, что это распоряженіе было встрѣчено одобреніемъ общества и единодушными похвалами прессы. Никто не указалъ на то, что это распоряженіе поощритъ беззаботность, безнравственность и другіе общественные пороки, никто не противорѣчилъ этому распоряженію на томъ основаніи, что оно награждаетъ беспечныхъ въ ущербъ бережливымъ. Пресса обсуждала только то вліяніе, которое это распоряженіе будетъ имѣть на дѣтей, и ни на минуту не остановилась надъ окончательными послѣдствіями. Но мнѣ кажется, что краткое описаніе этого распоряженія докажетъ, что оно внесетъ больше зла, чѣмъ блага, и что оно будетъ имѣть деморализирующее вліяніе, которое будетъ способствовать усиленію науперизка. Это распоряженіе указываетъ, чтобы помѣщаемыя въ постороннія семьи дѣти поселялись въ здоровыя сельскія жилища, чтобы воспитатели, попеченію которыхъ ихъ ввѣряютъ, были-бы избираемы съ осмотрительностью; эти воспитатели могутъ получать до 4 шиллинговъ въ недѣлю за каждаго ребенка, исключая платы за школьное обученіе и медицинскую помощь, которая также выдается попечителями. Кромѣ того, попечители выдаютъ четыре раза въ годъ по 10 шиллинговъ на одежду. Когда дѣти заболѣваютъ, имъ выдается добавочная плата для того, чтобы дѣти пользовались питательной пищей. Никто изъ этихъ дѣтей бѣдняковъ не долженъ жить въ такомъ домѣ, гдѣ есть взрослый жилецъ. Ребенку, старше семи лѣтъ, запрещается спать въ одной комнатѣ съ воспитателемъ. Такии образомъ помѣщаютъ дѣтей отъ двухъ до десяти лѣтъ и ихъ благосостояніе охраняется такъ заботливо, что вѣроисповѣданіе ихъ воспитателей должно быть тождественно съ ихъ вѣроисповѣданіемъ. Но власти закона о бѣдныхъ, въ сожалѣнію, не указали способа узнать вѣроисповѣданіе заброшеннаго двухлѣтняго

²⁴⁾ *H. Fawcett. Loc. cit., p. 79—91.*

ребенка. Кромя этихъ двухъ мѣръ, касающихся благосостоянія дѣтей, это распоряженіе указываетъ, что дѣти будутъ находиться подъ надзоромъ мѣстнаго комитета и что члены комитета будутъ навѣщать ихъ отъ времени до времени. Очевидно, предполагается, что этотъ комитетъ будетъ состоять изъ благотворительныхъ дамъ, которыя будутъ пытаться сдѣлать жизнь дѣтей бѣдняковъ какъ можно пріятнѣе. Никто не станетъ отрицать того, что совѣтъ закона о бѣдныхъ, принимая описанныя мѣры, сдѣлалъ все возможное, чтобы жизнь этихъ дѣтей была пріятна. Имъ дается достаточный запасъ хорошей пищи, за ихъ обученіе платягъ, они всегда пользуются медицинскою помощью, они должны жить въ хорошихъ жилищахъ и быть порядочно одѣтыми; благотворительность мѣстныхъ комитетовъ призывается наблюдать за ихъ интересами и защищать ихъ отъ всякой несправедливости со стороны ихъ воспитателей. Дѣти, съ которыми такъ обращаются, будутъ имѣть всѣ шансы на благосостояніе, они будутъ лучше воспитаны и будутъ находиться въ болѣе здоровыхъ условіяхъ, чѣмъ большинство дѣтей изъ рабочаго сословія. Изъ этого можно было бы заключить, что система, которая такъ сильно содѣйствуетъ благосостоянію дѣтей, должна быть поощряема какъ можно больше. Это только одна сторона предмета и только съ этой точки зрѣнія смотрѣли на этотъ вопросъ власти закона о бѣдныхъ и большинство публики. Но на этотъ вопросъ слѣдуетъ взглянуть съ другой точки зрѣнія и тогда мы придемъ къ совершенно другимъ выводамъ. Мы не должны забывать, что эта система помѣщенія въ постороннія семьи примѣняется только къ слѣдующимъ дѣтямъ: во-первыхъ, къ сиротамъ, во-вторыхъ, къ незаконнымъ дѣтямъ, покинутымъ матерью; въ-третьихъ, къ законнымъ дѣтямъ, покинутымъ обоими родителями; въ-четвертыхъ, къ законнымъ дѣтямъ, покинутымъ однимъ изъ родителей, въ то время, какъ другой изъ нихъ или умеръ, или сумасшедшій, или въ тюрьмѣ, или въ Англіи. Вспомнивъ, какихъ дѣтей помѣщаютъ въ постороннія семьи, мы сравнимъ ихъ обстановку съ обстановкой жизни ребенка англійскаго труженика. Во-первыхъ, мы должны замѣтить, что около 5 шиллинговъ въ недѣлю тратится на содержаніе каждаго ребенка и въ эту сумму не включены ни плата за школьное обученіе, ни плата за медицинскую помощь. Мы вовсе не намѣрены утверждать, что это слишкомъ обширная сумма для

содержанія ребенка, но тутъ невольно приходитъ въ голову важный вопросъ: много-ли въ Англіи мастеровыхъ, обязанныхъ содержать семью средняго размѣра, которые въ состояніи заработать столько, чтобы употребить 5 шилинговъ въ недѣлю на содержаніе каждаго изъ своихъ дѣтей, не включая сюда платы за обученіе и медицинскую помощь? Пять шилинговъ представляютъ половину еженедѣльныхъ заработковъ многихъ земледѣльческихъ рабочихъ, и изъ этого заработка рабочій долженъ содержать себя, свою жену и троихъ или четверыхъ дѣтей. Значитъ, система помѣщенія дѣтей научить значительную часть нашего рабочаго населенія, что человѣкъ получить за содержаніе двухъ дѣтей бѣдняковъ столько, сколько онъ способенъ заработать тяжелымъ трудомъ. Конечно, такой выводъ долженъ способствовать распространенію того сознанія, что пауперизмъ—професія очень завидная и что дѣти бѣдняка гораздо счастливѣе и имѣютъ больше шансовъ на успѣхъ, чѣмъ дѣти человѣка, который старается сдѣлать все, что можетъ, для своей семьи. Слѣдующій невымышленный случай выяснитъ это вполне. Работникъ, извѣстный въ сосѣдствѣ за хорошаго, добросовѣстнаго рабочаго, работалъ на одной и той-же фермѣ нѣсколько лѣтъ и постоянно получалъ 12 шилинговъ въ недѣлю. Его жена—опрятная, трудолюбивая женщина, и оба они такіе люди, которые могутъ быть избраны мѣстными комитетомъ воспитателями дѣтей бѣдняковъ. Такъ-какъ члены ихъ семьи опредѣлились теперь на мѣста, то у нихъ будетъ достаточно помѣщенія, по крайней мѣрѣ, для троихъ дѣтей бѣдняковъ и мужъ и жена получаютъ около 14 шилинговъ и шесть пенсовъ въ недѣлю за содержаніе этихъ дѣтей. Сумма платы достигаетъ до 15 шилинговъ, если мы включимъ сюда плату за обученіе и за медицинскую помощь. Этимъ родителямъ приходилось нѣсколько лѣтъ содержать четверыхъ дѣтей, и такъ-какъ эти дѣти были слишкомъ малы, чтобы заработать что-нибудь, а время матери было вполне поглощено домашними обязанностями, то изъ этого слѣдуетъ, что у этого рабочаго была только та задѣльная плата, которую онъ получалъ, т. е. 12 шилинговъ въ недѣлю, и на эти двѣнадцать шилинговъ онъ долженъ былъ содержать себя, жену и четырехъ дѣтей. Значитъ, положеніе дѣтей бѣдняка было-бы не только лучше положенія дѣтей рабочаго, но дѣти бѣдняка обезпечили-бы за рабочимъ сумму, превосходящую на 25% ту сумму,

которую работникъ могъ заработать для поддержки своей семьи и себя. Но даже и этотъ примѣръ рисуетъ недостаточно ярко контрастъ. Деньги, употребляемыя на содержаніе дѣтей бѣдняковъ, гарантированы, независимы отъ всѣхъ колебаній промышленности и отъ всѣхъ случайностей здоровья. Рабочій, содержащій свою семью, можетъ лишиться работы вслѣдствіе отсутствія спроса, нѣкоторыя отрасли промышленности могутъ парализоваться войной или спекуляціей и десятки тысячъ людей могутъ остаться безъ работы. Наконецъ, рабочій можетъ захворать и его семья ежеминутно можетъ лишиться половины своего обычнаго дохода. Всѣ эти соображенія перспоримо доказываютъ, что предлагаемая система помѣщенія дѣтей бѣдняковъ не только заставитъ большинство самыхъ честныхъ и трудолюбивыхъ личностей сознать, что онѣ никогда не могли такъ обезпечить своихъ дѣтей, какъ бѣдняки, но и докажетъ цѣлой странѣ, что родители, покидая своихъ дѣтей, обезпечиваютъ за ними такую долю физическаго комфорта и такія выгоды, которыхъ они не могли-бы иначе достигнуть. Мы разсмотримъ подробно тѣ разряды дѣтей, къ которымъ должна быть примѣнена эта система, и тогда мы увидимъ еще яснѣе, какъ она награждаетъ беззаботность и поощряетъ безнравственность. Во-первыхъ, эта система можетъ быть примѣнена къ сиротамъ и въ этомъ случаѣ представляется наиболѣе доказательствомъ въ пользу принципа помѣщенія дѣтей въ постороннія семьи. Самимъ дѣтямъ, какъ мы уже сказали прежде, вѣроятно, это будетъ выгоднѣе; но всѣ выгоды этой системы парализуются, по нашему мнѣнію, тѣмъ обстоятельствомъ, что родители будутъ, такъ-сказать, получать денежное вознагражденіе за пренебреженіе къ своимъ обязанностямъ. Человѣкъ, который является виновникомъ появленія дѣтей на свѣтъ, не только обязанъ содержать этихъ дѣтей, пока онъ живъ, но обязанъ позаботиться о нихъ на случай своей смерти. Небрежное отношеніе къ этимъ обязанностямъ является въ значительной степени причиной существующей нынѣ нищеты и бѣдности. При системѣ помѣщенія дѣтей въ постороннія семьи у трудящихся классовъ не только не будетъ никакого повода заботиться о своихъ дѣтяхъ, но они сознаютъ, что даже въ интересѣ ихъ дѣтей вовсе не заботиться о нихъ. Въ настоящее время мало такихъ рабочихъ, у которыхъ есть какіе-нибудь шансы обезпечить своихъ дѣтей, такъ-какъ они

будутъ обезпечены при тѣхъ условіяхъ, о которыхъ мы уже упоминали. Значитъ, это распоряженіе закона о бѣдныхъ только внушить рабочимъ классамъ, что они поступаютъ глупо, пытаюсь сохранить свою жизнь и этимъ обезпечить дѣтей. Слѣдующій разрядъ дѣтей, къ которому примѣняется распоряженіе, — незаконныя дѣти, покинутыя своими матерями. Мы уже упоминали о томъ, что прежній законъ о бѣдныхъ поощрялъ безнравственность, но настоящій законъ присуждаетъ еще большую премію незаконнорожденнымъ, помѣщая дѣтей бѣдняковъ въ постороннія семьи; родители незаконныхъ дѣтей узнаютъ теперь, что если мать только согласится покинуть своего ребенка, то онъ будетъ гораздо лучше обставленъ, чѣмъ законный ребенокъ трудящагося рабочаго. Гдѣ-же вы найдете земледѣльца рабочаго, который въ состояніи издерживать на каждаго изъ своихъ дѣтей по пяти шиллинговъ въ недѣлю и который можетъ обезпечить дѣтей лучшей медицинской помощью и обильной пищей во время болѣзни? Конечно, такой планъ самымъ роковымъ образомъ подорветъ нравственность общества, каждая трудящаяся супружеская чета сознаетъ, что она не въ состояніи снабдить своихъ дѣтей такой хорошей пищей, такой одеждой и вообще окружить ихъ такими удобствами, которыя обезпечиваются, на счетъ общества, за дѣтьми, рожденными отъ порока и проституціи. Предположимъ, что кто-нибудь становится отцомъ троихъ дѣтей внѣ брачнаго союза; ему остается только убѣдить мать покинуть этихъ дѣтей и содержаніе ихъ будетъ тотчасъ обезпечено такимъ доходомъ, который нерѣдко значительно превышаетъ заработокъ ремесленника. Такое устройство, поощряя появленіе на свѣтъ незаконнорожденныхъ дѣтей, хуже всѣхъ мѣръ, встрѣчающихся въ прежнемъ законѣ о бѣдныхъ. Мы не должны забывать, что эта система помѣщенія дѣтей въ постороннія семьи занесена къ намъ изъ Шотландіи, гдѣ она была въ ходу втеченіи нѣсколькихъ лѣтъ, и замѣчательно, что, несмотря на религіозность шотландцевъ, въ этой странѣ болѣе незаконныхъ рожденій, чѣмъ во всей Великобританіи. Въ Шотландіи незаконнорожденные составляютъ 10% изъ всего числа рожденій, въ Англіи они составляютъ только 6, а въ Ирландіи только 3 процента. Вернемся еще разъ къ способу, избранному для обезпеченія незаконнорожденныхъ дѣтей. Достопримѣчательно то, что преимуществомъ системы помѣщенія въ посторон-

нія семьи могутъ пользоваться только тѣ незаконныя дѣти, которыя были покинуты ихъ матерью, если-же мужчина покинулъ ту женщину, которую онъ опозорилъ, то она должна сама содержать своихъ дѣтей или отправиться въ рабочій домъ. При настоящемъ положеніи рабочаго рынка женщины трудно будетъ заработать такую сумму, которая выдается на содержаніе каждаго ребенка, значить, если она хлопочетъ о благѣ своихъ дѣтей, ей остается только послѣдовать примѣру ихъ отца и покинуть ихъ также. Третій разрядъ дѣтей, въ которымъ примѣняется система помѣщенія, это законныя дѣти, покинутыя и отцомъ, и матерью. Каждый, знакомый на практикѣ съ бѣдняками, знаетъ, что въ дни недостатка труда или переполненія рынка часто случается такъ, что трудящійся получаетъ среднимъ числомъ не болѣе 9—10 шиллинговъ въ недѣлю и долженъ содержать себя, свою жену и четверыхъ малолѣтнихъ дѣтей. Значить, отнынѣ будетъ почти обязанностью лицъ, находящихся въ такомъ положеніи, покидать своихъ дѣтей, потому что они обезпечутъ благосостояніе этихъ дѣтей такимъ путемъ. Какимъ образомъ можетъ, напримѣръ, человекъ, получающій только 10 шиллинговъ въ недѣлю, содержать семью въ такомъ городѣ, какъ Лондонъ? Ему придется платить 3 или 4 шиллинга въ недѣлю за двѣ комнаты, значить можно быть почти увѣреннымъ, что вся семья будетъ скучиваться въ одной комнатѣ. Каждый ребенокъ не будетъ не только имѣть 5 шиллинговъ въ недѣлю на содержаніе, но родители не будутъ имѣть возможности тратить болѣе 1 шиллинга или 1 шиллинга 6 пенсовъ въ недѣлю на его пищу и одежду. Въ случаѣ, если ребенокъ заболѣетъ, отецъ не будетъ въ состояніи прибѣгнуть къ медицинской помощи и едва-ли онъ можетъ доставить ребенку достаточный запасъ питательной пищи. Если ребенокъ не одаренъ необыкновенно сильной организаціей, то онъ, по всей вѣроятности, захирѣетъ отъ недостатка пищи и здороваго воздуха. Распоряженіе закона о бѣдныхъ, повидимому, предназначено для того, чтобы внушить всѣмъ родителямъ, дѣти которыхъ живутъ въ такой грязи и нищетѣ, слѣдующее: бросьте вашихъ дѣтей и ихъ обстановка тотчасъ измѣнится къ лучшему; вмѣсто того, чтобы жить въ одной комнатѣ на какомъ-нибудь грязномъ дворѣ или въ закоулкѣ, они будутъ перенесены въ здоровыя сельскія жилища, гдѣ они будутъ спать въ хорошо вентилированныхъ комнатахъ,

гдѣ они будутъ снабжены обильнымъ запасомъ здоровой и питательной пищи, гдѣ они будутъ хорошо одѣты, получать хорошее образование, гдѣ за ними будутъ заботливо ухаживать во время болѣзни и гдѣ, наконецъ, самыя благотворительныя дамы будутъ наблюдать за ними. Можно-ли оправдать такую политику, которая поощряетъ большинство бѣдныхъ прѣвидать своихъ дѣтей? Нельзя придумать ничего болѣе несправедливаго, ничего болѣе противоположнаго заботливости и всякой общественной добродѣтели, какъ этотъ планъ, который заставитъ каждаго добродѣтельнаго, трудящагося человѣка и женщину сознать, что они должны трудиться, не встрѣчая ни сочувствія, ни помощи со стороны общества; но что это общество сдѣлаетъ все зависящее отъ него для дѣтей людей развратныхъ или пренебрегающихъ своими родительскими обязанностями. Но прежде, чѣмъ система помѣщенія будетъ принята повсемѣстно, страна должна обсудить хорошенько, какія издержки она повлечетъ за собою со стороны общества. Повидимому, власти закона о бѣдныхъ безмолвно утверждаютъ, что она не повлечетъ за собою увеличенія издержекъ, потому что стоимость помѣщенія ребенка, конечно, не превыситъ стоимости содержанія ребенка въ рабочемъ домѣ. Но такія разсужденія крайне неосновательны. Система помѣщенія, обѣщая премію незаконнорожденнымъ и покинутымъ, неизбѣжно увеличитъ число дѣтей бѣдняковъ. Конечно, эта система заставитъ бѣдняковъ сознать, что общество сдѣлаетъ все, что нужно, для ихъ дѣтей, причины, сдерживающія возрастаніе народонаселенія, исчезнутъ, потому что если дѣти станутъ хоть немного обременительными для своихъ родителей, то родители останутся только покинуть ихъ, и въ то-же время они могутъ быть вполне спокойны, зная, что объ ихъ дѣтяхъ позаботятся какъ нельзя лучше. Результатомъ этого будетъ увеличеніе стоимости пауперизма и толчокъ къ возрастанію народонаселенія, — значить, такимъ образомъ будутъ вызваны къ жизни двѣ силы, которыя еще ухудшатъ положеніе трудящагося. Ему придется добавить еще сумму къ налогамъ, а добавочные налоги вредно повліяютъ на промышленность, которой онъ зарабатываетъ себѣ хлѣбъ. Наконецъ, если-бы возрастанію населенія данъ былъ толчокъ, то всѣ обстоятельства, враждебныя его благоденствію, вліяли-бы съ удвоенной силой, рабочей рынокъ переполнился-бы еще болѣе и задѣльная плата понизилась-бы. Увеличившееся число потреби-

телей вызвало-бы возвышеніе цѣны на пищу, и поэтому онъ убѣдился-бы, что не только его задѣльная плата понизилась, но что ему приходится платить дороже за каждую вещь. Кроме того, трудящійся и независимый человѣкъ созналъ-бы, что всѣ эти трудности, съ которыми ему приходится бороться, отнюдь не неизбѣжны, но навязаны ему поддѣльной филантропіей, которая вѣчно старается наградить беспечныхъ въ ущербъ бережливымъ и трудящимся. Конечно, защитники системы помѣщенія дѣтей скажутъ, что она направлена къ пользѣ ребенка, а не для освобожденія родителей отъ справедливой отвѣтственности. Но принятія законъ о бѣдныхъ мѣры даютъ родителямъ возможность избавиться отъ отвѣтственности содержать своего ребенка; законъ не только не заботится о томъ, чтобы препятствовать имъ въ этомъ, но, какъ мы уже сказали, весь планъ, ставя помѣщаемого ребенка въ исключительно благопріятныя условія, прямо рассчитанъ на то, чтобы поощрять обычай бросать дѣтей. „Главная цѣль нашихъ замѣтокъ — доказать, что за администраціей закона о бѣдныхъ слѣдуетъ тщательно наблюдать. Тѣ, которые сопротивляются попыткамъ неразумной филантропіи и ложной благотворительности, навѣрно навлекутъ на себя упрекъ въ безсердечности, но они могутъ утѣшиться тѣмъ соображеніемъ, что ихъ поведеніе не можетъ быть названо ни жестокимъ, ни вреднымъ, если они стараются воспрепятствовать порочнымъ и безработнымъ благоденствовать на счетъ бережливыхъ и трудолюбивыхъ“.

Объ этихъ словахъ Фосетта стоитъ очень и очень серьезно задуматься...

А. Михайловъ.

(Окончаніе слѣдуетъ.)

НА БОВЪ.

ОЧЕРКИ ПАРИЖСКИХЪ НРАВОВЪ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

ГЛАВА XI.

Празднества въ честь вѣя.

На югѣ Франціи историческіе замки составляютъ рѣдкость. Только кое-гдѣ на зеленомъ откосѣ горы возвышается полуразрушенный и дрожащій фасадъ старинной постройки, испещренный отверстиями, которыя нѣкогда были окнами, а теперь мрачно смотрятъ на небо. Плющъ или барнокъ не обвиваютъ окаменѣлый памятникъ эпохи крестоносцевъ, онъ покрытъ лавендой и шхомъ. Среди такихъ развалинъ замокъ Сен-Романъ составляетъ счастливое исключеніе. Если вы путешествовали по южной Франціи, то, конечно, видали его и тотчасъ узнаете по моему описанію. Онъ находится между Валенсомъ и Монтелиморомъ, въ живописной мѣстности, гдѣ желѣзная дорога отвѣсно пробѣгаетъ по берегу Роны, у подножія богатыхъ, простирающихся на пять миль виноградниковъ Бома, Рокуля и Меркюрала, которые тѣсно скученной, кудрявой массой опускаются въ рѣку, усѣянную безчисленными островами, какъ Рейнъ близъ Базеля, съ тою только разницею, что Рона залита солнечнымъ свѣтомъ, какого Рейнъ никогда не видывалъ. Сен-Романъ стоитъ на противоположномъ берегу. Несмотря на быстроту поѣзда, который летитъ на всѣхъ парахъ и на каждомъ поворотѣ точно желаетъ бѣшено броситься въ рѣку, Сен-

Романъ такъ великъ, что кажется, будто онъ слѣдуетъ за безумнымъ полетомъ поѣзда, и въ памяти путешественника навсегда остается замокъ итальянской архитектуры, съ его балюстрадами, двумя невысокими этажами, съ терасой, украшенной колонками и окаймленной двумя павильонами съ черепичными крышами; громадный паркъ съ тѣнистыми аллеями, оканчивающимися бѣлѣющими на солнцѣ статуями или искрящимися фонтанами. Среди широкаго, зеленого лужка, какъ-бы иронически смѣющагося въ этомъ знойномъ климатѣ, гигантскій кедръ гордо поднимаетъ свою темно-зеленую шапку и, возвышаясь передъ стариннымъ домомъ откупщика Лудовика XIV, походить на великана-негра, держащаго зонтикъ придворнаго вельможи.

Отъ Валенса до Марсели, по всей долинѣ Роны, Сен-Романъ слыветъ подъ именемъ дворца фей, и, дѣйствительно, въ странѣ, сожженной мистралемъ, этотъ оазисъ свѣжей зелени и весело журчащей воды кажется чѣмъ-то волшебнымъ.

— Когда я разбогачѣю, мамѣ, я подарю тебѣ замокъ Сен-Романъ, говаривала Жансулэ ребенкомъ своей матери, которую онъ обожалъ.

И такъ-какъ жизнь этого человѣка дѣйствительно походила на сказку изъ „Тысячи одной ночи“, всѣ его самыя несбыточныя надежды исполнялись и самыя безумныя химеры осуществлялись онъ кончилъ тѣмъ, что купилъ замокъ Сен-Романъ и подарилъ его матери; онъ омеблировалъ его заново и реставрировалъ. Хотя добрая женщина жила въ немъ уже десять лѣтъ, она не могла привыкнуть къ этому великолѣпному жилищу. „Ты мнѣ пожаловалъ королевскій дворецъ, мой бѣдный Франсуа, писала она сыну; — я никогда не рѣшусь жить въ немъ“. И, дѣйствительно, она поселилась въ домикѣ управляющаго, небольшомъ павильонѣ въ современномъ стилѣ, находившемся въ концѣ парка, откуда можно было легче наблюдать за фермами, овчарнями, маслобойнями, безпредѣльными нивами, оливковыми плантаціями и виноградниками. Въ громадномъ замкѣ она считала-бы себя плѣнницей, перенесенной чудомъ въ одно изъ тѣхъ волшебныхъ жилищъ, гдѣ человекъ, среди безоблачнаго счастья, засыпаетъ на сто лѣтъ. На фермѣ старая поселянка, которая никогда не могла привыкнуть къ богатству, явившемуся слишкомъ поздно, издалека и такъ неожиданно, чувствовала себя какъ дома среди обычныхъ явленій

сельской жизни—пѣнія пѣтуховъ, пѣсней рабочихъ, мычавія коровъ, блеянія овецъ и т. д. Она считала себя надсмотрщицей надъ великолѣпнымъ помѣстьемъ и заботилась только о томъ, чтобы возвратить его въ должномъ порядкѣ своему Франсуа, когда онъ, наконецъ, достаточно разбогатѣвъ и уставъ жить у *турокъ*, придетъ, какъ обѣщаль, въ Сен-Романъ доживать свой вѣкъ.

Съ неутомимымъ рвеніемъ наблюдала она за всѣмъ. Ежедневно на разсвѣтѣ рабочіе фермы слышали ея густой, громкій голосъ:

— Оливье! Пейроль! Одиберъ! Эй вы всѣ! Уже четыре часа.

Одинъ прыжокъ—и она уже была въ громадной кухнѣ, гдѣ служанки, протирая глаза отъ сна, разогрѣвали супъ на веселомъ огнѣ. Ей тотчасъ подавали маленькую глиняную тарелку вареныхъ каштановъ, скромный завтракъ ея прежней, бѣдной доли, который она не хотѣла прохѣнать ни на какое роскошное блюдо. Держа въ одной рукѣ тарелку, а въ другой пралку, которая никогда не покидала ее, даже во время ѣды, она начинала свой хозяйскій обзоръ и ея присутствіе узнавалось по звяканью ключей на серебряномъ кольцѣ. Заглянувъ въ конюшню, гдѣ въ темнотѣ ржали лошади, и на скотный дворъ, откуда нетерпѣливо выглядывали головы коровъ, она быстрыми шагами, съ легкостью молодой дѣвушки, а не семидесяти-лѣтней старухи, посѣщала всѣ закоулки парка, едва освѣщеннаго первыми лучами солнца, какъ-бы безпокоясь, не похитила-ли ночь мраморныхъ статуй, не вырвала-ли столѣтнихъ деревьевъ или не осушила-ли весело журчащихъ источниковъ. Жгучее полуденное солнце еще заставало ее въ аллеяхъ, гдѣ она подбирала валявшіеся листья и отламывала засохшіе сучки, не обращая никакого вниманія на огненные лучи, скользившіе по ея затверлѣвшей кожѣ, какъ по старому булыжнику.

Около этого-же времени въ паркѣ появлялась другая фигура, но не такая живая, не такая дѣятельная. Это былъ человѣкъ больной, согбенный, безсильный, еле-таскавшій ноги, и по потухшимъ глазамъ котораго невозможно было опредѣлить его возраста; онъ двигался молча и, придя въ изнеможеніе, издавалъ жалобный крикъ, причемъ слуга, постоянно слѣдовавшій за нимъ, помогалъ ему сѣсть на скамью или прилечь на мраморную ступень, гдѣ онъ цѣлыми часами оставался неподвижнымъ, открывъ ротъ и моргая глазами.

Это мрачное человѣческое пятно на лучезарной природѣ былъ

старшій братъ Жансулэ, любимецъ отца и матери, которые, слѣдуя обычаю, установившемуся въ южной Франціи, не жалѣли ничего для своего первенца, гордости и надежды семьи. Красивый, честолюбивый юноша, отправленный въ Парижъ на послѣднія крохи родителей, вернулся оттуда черезъ десять лѣтъ исковерканнымъ, сплюсненнымъ, выжатымъ въ столичномъ горнилѣ, опаленнымъ его всепожирающимъ огнемъ, забрызганнымъ всей смрадной грязью столицы, — вернулся позорнымъ отребьемъ человѣчества, униженнымъ, забитымъ, беспомощнымъ. Отецъ его умеръ съ горя, а мать, продавъ все, что у нея было, поступила въ услуженіе къ богатымъ сосѣдямъ. По счастью, вскорѣ послѣ того, какъ Парижъ выбросилъ въ Сентъ-Андеоль эти поддонки своихъ больницъ, меньшой братъ, Франсуа, началъ богатѣть въ Тунисѣ и аккуратно высылать деньги своей матери. Стыдно было старухѣ въ глубинѣ ея души сознавать, что она одолжена всѣмъ и даже благосостояніемъ больно первенца здоровенному, мужественному Франсуа, котораго она хотя и любила, но не очень нѣжно, и считала съ пяти лѣтъ чернорабочимъ въ домѣ. Какъ она желала теперь имѣть при себѣ свое дорогое дѣтище и вознаградить его, хотя поздно, за всѣ материнскія ласки и попеченія, которыхъ онъ былъ лишень въ дѣтствѣ!

Но царственные богатства окружаютъ человѣка и царственными невзгодами. Вѣдная старуха Жансулэ въ своемъ блестящемъ замкѣ подвергалась долгимъ разлукамъ и тяжелымъ испытаніямъ настоящей королевы; одинъ изъ ея сыновей находился какъ-бы въ безчувственномъ состояніи, а другой жилъ далеко отъ нея, постоянно писалъ: „я приѣду“, и никогда не приѣзжалъ. В теченіи двѣнадцати лѣтъ она видѣла его только одинъ разъ, во время блестящаго, шумнаго посѣщенія замка Сен-Романъ тунисскимъ беємъ. По окончаніи торжественныхъ празднествъ онъ уѣхалъ вмѣстѣ съ своимъ государемъ, и старуха, которую онъ едва успѣлъ прижать къ своему сердцу, сохранила отъ этого столь давно ожидаемаго свиданія картинку въ иллюстраціи, изображавшую, какъ Франсуа Жансулэ представляетъ бею Ахмету свою старую мать, и громадный кедръ ливанскій, перенесенный въ сен-романскій паркъ изъ Туниса въ воспоминаніе великаго событія.

На этотъ разъ, по крайней мѣрѣ, она надѣялась, что ея сынъ, приѣхавшій во Францію на нѣсколько мѣсяцевъ, а быть можетъ и

на всегда, поселится съ нею въ замѣкъ Сен-Романъ. И вотъ въ одинъ вечеръ она посылаетъ два экипажа на станцію желѣзной дороги на противоположной сторонѣ Роны и Франсуа является передъ нею во всей своей славѣ, въ блестящей, официальной обстановкѣ, среди толпы гостей: графовъ, маркизовъ и парижскихъ франтовъ съ ихъ великолѣпными лакеями.

— Отчего-же вы меня не цѣлуете? сказалъ добродушно Набобъ. — Я полагаю, не стыдно прижать къ своему сердцу сына, котораго вы не видали много лѣтъ. Къ тому же всѣ эти господа — наши пріатели. Позвольте вамъ представить маркиза Монпавона и маркиза Буа-Ландри. Давно уже прошло то время, когда я приводилъ къ вамъ ѣсть похлебку изъ бобовъ маленькаго Кабасу и Бонпена. Вы знаете Поля Жери. Вотъ еще мой старый пріатель Кардальякъ, и тѣмъ кончается первая серія гостей. Но ихъ будетъ еще много; приготовьтесь къ большой суматохѣ. Мы будемъ черезъ четыре дня принимать тунискаго бей.

— Опять бей, сказала добрая женщина съ ужасомъ. — Я думала, что онъ умеръ.

Жансулэ и его гости не могли удержаться отъ смѣха при этой комической выходкѣ.

— Это другой бей, матушка, отвѣчалъ Набобъ; — по счастью, бей не вымираютъ. Только не бойтесь, не предстоитъ никакихъ заботъ. Мой другъ Кардальякъ взялъ на себя хлопоты по устройству празднествъ. Все будетъ на славу. Но теперь отведите намъ всѣмъ комнаты и дайте поскорѣе обѣдать. Бѣднѣе парижане устали и проголодались.

— Все готово, сынъ мой, отвѣчала просто старуха въ холстинковомъ платьѣ и въ чепцѣ съ пожелтѣвшими лопастями, котораго она никогда не снимала, даже въ праздники.

Счастье нисколько не измѣнило этой женщины; она оставалась по-прежнему поселянкой изъ ройской долины, гордой, независимой и простой, некичившейся своимъ богатствомъ. Она съ особеннымъ удовольствіемъ повела сына по великолѣпнымъ комнатамъ зѣяка, которыя она сохранила во всемъ ихъ блескѣ. Нигдѣ не видно было ни пылинки, ни пятна сырости на стѣнахъ. Длинный рядъ гостиныхъ съ штофной мебелью безъ чехловъ, наружныя, открытыя галереи съ мозаичными полами, громадная столовая, украшенная цвѣтами и растеніями, бильярдная съ богатыми люстрами

и арматурами на стѣнахъ, колоссальный портикъ, на который выходили окна-двери нижняго этажа, ослѣпили своимъ блескомъ прибывшихъ гостей, особенно среди вѣшной живописной природы, освѣщенной заходящими лучами солнца, которые пышно играли на зеркальныхъ стеклахъ и отражали въ мирной поверхности прудовъ плакучія ивы и тихо плававшихъ лебедей. Грандіозный фонъ этой картины былъ такъ великолѣпенъ, что рѣжущая глаза роскошь нѣкоторыхъ подробностей совершенно ступевывалась въ общемъ поразительномъ эффектѣ.

— Да, матеріалъ хорошъ, замѣтилъ Кардальякъ, оглядываясь по сторонамъ и соображая постановку блестящаго приѣма бѣя.

Даже горлый Монпавонъ, оскорбленный крестьянскимъ чепцомъ хозяйки дома, при видѣ всей этой роскоши просіялъ и снисходительная улыбка показалась на его лицѣ. Конечно, матеріалъ былъ хорошъ и, при помощи людей со вкусомъ, Жансулэ могъ достойно принять своего высокаго гостя. Весь вечеръ только объ этомъ и шелъ разговоръ. Кардальякъ уже составилъ подробный планъ блестящихъ празднествъ.

— Даете вы, Набобъ, *carte blanche* насчетъ расходовъ? спросилъ онъ.

— Конечно, отвѣчалъ Жансулэ; — устройте все на славу и пусть толстый Гемерлингъ лопнетъ съ досады.

Затѣмъ Кардальякъ пустился въ нескончаемныя объясненія своего проекта и, какъ истый директоръ театра, быстро составилъ програму различныхъ зрѣлищъ. Торжество должно было дѣлиться на дни, какъ во время знаменатаго приѣма Людовика XIV въ замкѣ Во. Остальные совѣтники молча кивали головами; Буа-Ландри дремалъ, покуривая сигару, а Монпавонъ постоянно выпячивалъ свою грудь, чтобъ отогнать отъ себя одолѣвавшій его сонъ.

Поль Жери тотчасъ послѣ обѣда удалился изъ столовой къ старухѣ Жансулэ, которую онъ знавалъ, еще будучи ребенкомъ. Сидя въ скромной комнатѣ павильона съ бѣлыми занавѣсками, онъ мирно разговаривалъ съ красивой, сѣдой старухой, которая прямо сидѣла на стулѣ, не прислоняясь къ спинкѣ. Они были старые друзья. Онъ называлъ ее Франсуазой, а она его г. Полемъ. И какъ вы думаете, о чемъ они разговаривали? Объ ея внукахъ, сыновьяхъ Франсуа, которыхъ она никогда еще не видала.

— О, г. Поль! говорила старуха, — какъ мнѣ хотѣлось-бы поскорѣе прижать ихъ къ моему сердцу. Я была-бы такъ счастлива, если-бъ онъ привезъ ко мнѣ своихъ трехъ мальчиковъ вмѣсто всѣхъ этихъ блестящихъ гостей. Подумайте только, я никогда ихъ не видала иначе, какъ на портретѣ. Ихъ мать меня нежного нугаетъ; она, говорятъ, важная барыня изъ фамиліи Афчинъ, но дѣти, я увѣрена, полюбили-бы свою бабуку. А я съ такой радостью окружила-бы ихъ тѣми ласками, которыхъ никогда не видалъ ихъ бѣдный отецъ. Вы знаете, г. Поль, родители не всегда справедливы къ своимъ дѣтямъ, но Богъ справедливъ. Предпочтеніе родителей часто приноситъ несчастье дѣтямъ и горькая судьба ждетъ любимчиковъ.

При этихъ словахъ старуха съ тяжелымъ вздохомъ взглянула на большой альковъ въ глубинѣ комнаты, изъ-за занавѣсей котораго долетали по временамъ странные звуки, нѣчто вродѣ жалобнаго стона ребенка, заснувшего въ слезахъ послѣ жестокаго наказанія.

Вдругъ на лѣстницѣ раздались тяжелые шаги и Жансулэ, показавшись въ дверяхъ, сказалъ почти шопотомъ:

— Не беспокойтесь, это я. Оставайтесь, милый Поль, въ свой челоуѣкъ и намъ не помѣшаете.

Когда гости улеглись спать и во всемъ домѣ были освѣщены только окна маленькаго павильона, Жансулэ пошелъ къ старухѣ-матери, чтобъ поговорить съ нею по сердцу наединѣ. Точно ребенокъ, онъ легъ на полъ у ея ногъ и, растянувшись во весь ростъ, началъ тихо, ласково бесѣдовать съ нею. Она была очень счастлива видѣть его, какъ ребенка, у своихъ ногъ, хотя ей было какъ-то неловко держать на колѣняхъ его курчавую голову, — такъ привыкла она представлять себѣ свое милое дѣтище грознымъ, всемогущимъ олимпійцемъ. Однакожъ, она добродушно расспрашивала его, хорошо-ли идутъ дѣла, доволенъ-ли онъ своими друзьями и т. д., но не смѣла задать ему того-же вопроса, какъ Полю Жеру: „отчего ко мнѣ не привезли моихъ внучатъ?“ Онъ первый заговорилъ о нихъ:

— Мои мальчуганы въ пансіонѣ, матушка. На каникулы я пришлю ихъ къ вамъ съ Бонпеномъ. Помните Жана-Батиста Бонпена? Они у васъ останутся цѣлыхъ два мѣсяца и вы будете рассказывать имъ чудесныя сказки, какъ мнѣ когда-то.

И, прижавшись къ колѣнямъ старухи, онъ припоминалъ веселые вечера своего дѣтства, когда ему позволяли дремать на груди матери, незанятой кудрявой головкой первенца. Теперь въ этой скромной комнатѣ онъ въ первый разъ со времени возвращенія во Францію вкушалъ нѣсколько минутъ сладкаго спокойствія среди безмолвной тишины ночи, нарушаемой только однообразнымъ боемъ старинныхъ часовъ и жѣрнымъ бѣненіемъ материнскаго сердца. Вдругъ въ альковѣ раздался глухой стонъ. Жансуэ поднялъ голову, взглянулъ на мать и тихо промолвилъ:

— Это онъ?

— Да; онъ спитъ здѣсь. Иногда я ему нужна по ночамъ.

— Можно посмотрѣть на него, поцѣловать его?

— Пойдемъ.

Старуха встала, взяла лампу, подошла къ алькову и, отдернувъ занавѣски, сдѣлала знакъ сыну, чтобъ онъ приблизился на цыпочкахъ.

Несчастный спалъ. Во снѣ воскресало въ немъ что-то, чего незамѣтно было на яву; вмѣсто апатичной неподвижности, въ которой онъ оставался цѣлый день, его тѣло находилось теперь въ постоянномъ судорожномъ движеніи, а лицо выражало страдальческое, но все-же живое сознаніе. Жансуэ былъ очень взволнованъ и съ сожалѣніемъ смотрѣлъ на исхудалыя, блѣдныя черты лица, на которомъ одна борода обнаруживала удивительную, энергическую дѣятельность. Потомъ онъ нагнулся и, прикоснувшись губами ко лбу, покрытому холоднымъ потомъ, почтительно сказалъ:

— Здравствуй, первенецъ.

Быть можетъ, душа несчастнаго услышала эти слова въ той мрачной области, гдѣ она обитала; губы его зашевелились и онъ отвѣчалъ раздражающимъ стономъ, наполненнымъ слезами глаза Франсуа и его матери.

На другой день рано утромъ начали сѣзжаться актеры и актрисы съ громадными запасами париковъ, шиньоновъ, ботфортъ, высокихъ ботинокъ, короткихъ юбочекъ и т. д. Конечно, женщины преобладали, потому что Кардальекъ понималъ, что для нея всего интереснѣе было слышать фальшивое пѣніе хорошенькихъ дѣвушекъ и видѣть обнаженныя, красивыя руки и хоро-

шенскія ножки съ округленными икрами въ дезабилье современныхъ оперетокъ. Всѣ пластическія знаменитости его театра были тутъ на лицо, и во главѣ ихъ Ами Фера, которая подточила своими блестящими зубками не одну золотую корону. Кромѣ того были выписаны нѣсколько извѣстныхъ клоуновъ, набѣленные лица которыхъ среди зеленой листвы парка должны были производить эффектъ гипсовыхъ статуй. Вся эта пестрая толпа, подстрекаемая деревенскимъ воздухомъ, широкимъ гостепріимствомъ и надеждой выудить себѣ что-нибудь въ мутной водѣ, была готова весело шутить, пѣть и плясать, какъ вырвавшаяся на берега Сены ватага молодыхъ парижанъ. Но Кардальекъ не желалъ предоставлять имъ свободу забавляться, какъ кто умѣлъ. Напротивъ, не успѣли они оправиться отъ путешествія и позавтракать, какъ онъ уже сунулъ имъ въ руки роли, и пошли безконечныя репетиціи. Нельзя было терять ни минуты. Актеры разучивали свои роли, а пѣвицы распѣвали куплеты въ маленькой гостиной подлѣ открытой галереи, гдѣ устраивался театръ. Самъ Кардальекъ то слѣдилъ за репетиціями, то, сидя подъ роскошнымъ цортикомъ, распоряжался толпами рабочихъ и садовниковъ, срубалъ деревья, заграждавшія видъ, рисовалъ модели триумфальныхъ арокъ, посылалъ телеграфическія депеши и нарочныхъ къ мэрамъ и префектамъ. Изъ Арля онъ требовалъ депутацію молодыхъ дѣвушекъ въ національныхъ костюмахъ, изъ Барбантоны лучшихъ плясунювъ *фарандолы*, изъ Фарамона быковъ и лошадей. Такъ-какъ подъ всѣми этими требованіями подпичывалось имя Набоба, а въ текстѣ упоминался тунисскій бей, то они тотчасъ охотно исполнялись; телеграфъ неуставно работалъ и гонцы скакали по всѣмъ направленіямъ, а маленькій Сарданапалъ театра Сен-Мартенскихъ воротъ бросалъ направо и налево пригоршни золота, вѣя себя отъ восторга, что имѣеть въ своемъ распоряженіи сцену въ пятьдесятъ миль, хорошо знакомый ему, родной Провансъ съ его богатой природой и живописными видами.

Старуха Жансулэ, отказавшись на-время отъ своихъ правъ хозяйки, болѣе не показывалась въ домъ и занималась исключительно своей фермой и большимъ сыномъ: ее пугала толпа блестящихъ гостей, дерзкихъ слугъ, почти ничѣмъ неотличившихся отъ своихъ господъ, женщинъ, кокетливыхъ и смѣлыхъ до безстыдства, чисто выбритыхъ стариковъ, похожихъ на разгульных па-

теровъ, и безумныхъ весельчаковъ, которые цѣлую ночь бѣгали по коридорамъ, бросая другъ въ друга подушками и мокрыми губками. Даже по вечерамъ она не могла болѣе пользоваться обществомъ сына, который обязанъ былъ оставаться съ гостями, прибывавшими безъ счета; это было тѣмъ тяжелѣе для бѣдной женщины, что она не могла по-прежнему бесѣдовать о внучатахъ съ г. Полежъ, котораго Жансулэ отпустилъ на нѣсколько дней погостить къ братьямъ. Она съ ужасомъ видѣла, какъ очищали ея комоды, полные великолѣпнаго столоваго бѣлья, расхищали серебро, опустошали кладовыя и, припоминая, въ какомъ жалкомъ положеніи остался замокъ послѣ посѣщенія его покойнымъ беемъ, восклицала съ ужасомъ:

— И отчего это милосердный Богъ не очиститъ землю отъ всѣхъ этихъ беевъ!

Наконецъ, насталъ день, знаменитый день, о которомъ еще до сихъ поръ говорятъ во всемъ Провансѣ. Около трехъ часовъ, послѣ великолѣпнаго завтрака, за которымъ возсѣдала сама хозяйка въ новомъ холстинковомъ платьѣ и въ обычномъ чепцѣ среди парижскихъ знаменитостей, мѣстныхъ депутатовъ, префектовъ въ мундирахъ, мэровъ съ ихъ официальными перевязями и чисто выбритыхъ патеровъ, Жансулэ, во фракѣ и бѣломъ галстухѣ, окруженный гостями, вышелъ изъ столовой и остановился подъ грандіознымъ портикомъ. Передъ ними, среди чудесъ южной природы, развѣвающихся знаменъ и триумфальныхъ арокъ, мелькали тысячи головъ, пестрѣли тысячи блестящихъ костюмовъ. Тутъ на зеленомъ лужкѣ видѣлся роскошный цвѣтникъ изъ южныхъ красавицъ Арля, въ кружевныхъ платочкахъ, рельефно выставлавшихъ ихъ матовыя лица; тамъ стояли веселой группой плясуны фарандолы съ тамбуринами, шляпами на бекрень и развѣвающимися лентами; далѣе толпились музыканты въ черныхъ фракахъ и красныхъ фуражкахъ; въ сторонѣ, на открытой полянѣ, обращенной въ импровизированный циркъ, черные быки и пикадоры на маленькихъ, кровныхъ лошадакахъ готовы были ринуться въ бой; а тамъ опять знамена, каски, штыки, до послѣдней триумфальной арки у входа въ паркъ. На другомъ-же берегу Роны, черезъ которую двѣ понтонныя роты перебросили временной мостъ для прямого сообщенія съ желѣзной дорогой, тянулась до горизонта сплошная масса головъ; жители всѣхъ окрестныхъ селеній навод-

няли жифаскую дорогу, представляя несковачаемую живую изгородь, надъ которой лучезарно свѣтилось солнце, отражаясь вездѣ: въ иѣдномъ обручѣ тамбурина, въ золотой бахромѣ знамени, въ стальномъ трезубцѣ пикадора, въ бурныхъ волнахъ свободной Роны, гордо несшей въ море вѣрное изображеніе этого царственного праздника. При видѣ всѣхъ этихъ чудесъ, въ которыхъ незримо блестяю золото изъ его туго-набитыхъ сундуковъ, Набовъ гордо выпрямился.

— Прекрасно! произнесъ онъ, поблѣднѣвъ.

— Слишкомъ прекрасно для человѣка, мы точно ждемъ Бога, прибавила его мать, еще болѣе блѣдная и подъ вліяніемъ какого-то неопредѣленного страха.

Чувства этой старой католической поселянки вполне раздѣлились всей толпой, сбѣжавшейся отовсюду на блестящее зрѣлище, и для которой посѣщеніе восточнымъ государемъ скромнаго сына Прованса было какимъ-то смутнымъ повтореніемъ легенды о царяхъ-волхвахъ.

Поздравленія посыпались на Жансулэ со всѣхъ сторонъ и Кардальекъ, неожиданно выскочивъ изъ толпы, воскликнулъ:

— Я говорилъ, что изъ этого матеріала можно сдѣлать чудо! Парижаке дорого-бы дали, чтобъ присутствовать на такомъ зрѣлищѣ.

Потомъ, понизивъ голосъ, чтобъ его не слыхала мать Набова, онъ прибавилъ:

— Вы видѣли нашихъ арлезіанокъ? Нѣтъ? Посмотрите хорошенько, особенно на первую, съ бузетомъ въ рукахъ.

— Да это Ами Фера!

— Да. Вы понимаете, любезный другъ, что если бей броситъ свой платокъ въ эту группу юныхъ красавицъ, то надо-же кому-нибудь сунуть его поднять. Другія ничего не поняли-бы, онъ слишкомъ невинны. Я обо всемъ подумалъ, все предусмотрѣлъ, все устроилъ, какъ на театрѣ.

Для доказательства, что организація праздника доведена до совершенства, онъ поднялъ палку; этотъ жестъ былъ повторенъ по всѣмъ терасамъ парка и въ ту-же минуту барабаны, трубы, тамбурины заиграли торжественный народный гимнъ: „Солнце Прованса“, а на другомъ берегу въ толпѣ пробѣжалъ говоръ, какъ-бы морская зыбь, отъ страха, что бей пріѣхалъ съ другой сто-

роны. Бардальякъ вторично махнулъ палкой и колоссальный оркестръ умолкъ, но не съ такой быстротою, хотя нельзя было требовать большаго отъ трехъ тысячъ участниковъ.

Вскорѣ были поданы экипажи: двѣ розовыя кареты съ золотомъ, по туниской модѣ. Онѣ служили уже при приѣмѣ покойнаго бей, но мать Жапсулэ такъ бережно сохранила ихъ, что золото, живопись и обивка были такъ же новы и блестящи, какъ въ первый день. Впрочемъ, и тутъ Кардальякъ выказалъ богатство своей фантазій; вмѣсто лошадей онъ запрягъ въ эти парадные экипажи по восьми муловъ, украшенныхъ лентами, серебряными бубенчиками и пр. Если бей не останется доволенъ такимъ приѣмомъ, то...

Набобъ, Монпавонъ, префектъ и одинъ изъ генераловъ сѣли въ первую карету, остальные гости во вторую и послѣдующіе экипажи, а мэры и патеры отправились пѣшкомъ во главѣ обществъ своихъ округовъ; шествіе двинулось по жифаской дорогѣ.

Погода была превосходная, но жаркая и душная не по сезону; впрочемъ, въ этой южной странѣ все торопится, все преждевременно. Хотя на небѣ не было ни одного облачка, но чрезвычайная тишина и отсутствіе малѣйшаго вѣтерка доказывали приближеніе грозы. Отъ природы безмолвная апатія перешла мало-помалу и на людей; слышались только брицапіе бубенчиковъ на мулахъ и тяжелые шаги пѣвцовъ, которыхъ Кардальякъ разставлялъ въ различныхъ мѣстахъ дороги.

— Откройте окно съ вашей стороны, генераль, сказалъ Монпавонъ, побагровѣвъ отъ духоты и боясь за свою разрисованную физиономію.

Когда опустили окна въ парадныхъ экипажахъ, народъ могъ свободно видѣть высокихъ сановниковъ, обтиравшихъ платками свои лица, на которыхъ выражалось ожиданіе, — ожиданіе бей, грозы или чего-то неопредѣленнаго.

Еще одна триумфальная арка. Это Жифа, съ его длинной, плохо вымощенной улицей и старинными, грязными домами. Но теперь всѣ стѣны украшены дорогими тканями, окна и балконы цвѣтами, а мостовая усѣяна зелеными пальмовыми вѣтвями. При выѣздѣ изъ селенія, маленькая, бѣлая станція желѣзной дороги, утопающая въ виноградникахъ, украшена знаменами и тро-

феями. Внутри единственная зала роскошно убрана коврами и турецкими диванами; на всякій случай тутъ устроенъ великолѣпный буфетъ, снабженный шерботомъ для его высочества бея.

Достигнувъ вокзала, Набобъ почувствовалъ, что безпокойное ощущение, овладѣвшее имъ, вдругъ исчезло. Префекты, генералы, депутаты въ мундирахъ и фракахъ стали ходить взадъ и впередъ по внутренней галереѣ и публика жадно смотрѣла на важныхъ сановниковъ, на Монпавона, по обыкновенію, выпячивавшаго свою грудь, на Кардальяка, едва переводившаго дыханіе отъ усталости, на своего Жансулэ, глаза котораго такъ блестяли среди загорѣлаго лица, что казались двумя золотыми гвоздями на кожаномъ переплетѣ. Вдругъ раздался электрической звонокъ и начальникъ станціи, выбѣжавъ на галерею, громко воскликнулъ:

— Господа! идетъ поѣздъ. Онъ будетъ черезъ восемь минутъ.

Всѣ вздрогнули и совершенно инстинктивно взяли за часы. Прошли двѣ минуты и какой-то неизвѣстный голосъ произнесъ:

— Посмотрите въ ту сторону.

Направо, откуда ждали поѣздъ, неожиданно показалась на небѣ громадная черная туча. „Будетъ гроза“, подумали всѣ, но никто не успѣлъ выразить громко этой мысли. Раздался звонкій свистокъ и поѣздъ показался въ мрачномъ, узкомъ проходѣ между двумя виноградниками. Это былъ настоящій королевскій поѣздъ, быстрый и небольшой, украшенный французскими и тунисскими флагами. Несшійся на всѣхъ парахъ локомотивъ съ большимъ букетомъ изъ розъ на груди началъ мало-по-малу сдерживать свой ходъ. Сановники размѣстились по группамъ, поправляя свои шпаги и мундиры; Жансулэ пошелъ на-встрѣчу поѣзду съ низкопоклонной улыбкой и подобострастно согбенной спиной. Поѣздъ медленно подходилъ. Жансулэ думалъ, что онъ сейчасъ остановится, и ухватился рукою за дверцу королевскаго вагона, сіявшаго золотомъ, но машина не могла вдругъ остановиться и Набобъ шелъ рядомъ съ вагономъ, тщетно стараясь отворить дверцу и знаками заставить машиниста прекратить ходъ. Наконецъ, онъ не вытерпѣлъ и съ пламеннымъ нетерпѣніемъ, которое такъ правилось покойному бейу, вскочилъ на бархатную подножку королевскаго вагона и громко воскликнулъ:

— Ваше высочество! станція Сен-Романъ.

Представившееся Жансулэ зрѣлище до того его поразило, что онъ не могъ произнести ни слова и едва не упалъ. Въ глубинѣ вагона полулежалъ на диванѣ бей въ до-верху застегнутомъ восточномъ сюртукѣ, съ лентой Почетнаго легіона и въ фескѣ съ бриліантовымъ плюмажемъ. Его красивое, матовое лицо, окаймленное длинной, шелковистой черной бородой, было неподвижно и онъ тихо обмахивался маленькимъ вѣеромъ, шитымъ золотомъ. Подлѣ него стояли два адъютанта и французскій инженеръ, начальникъ поѣзда, а напротивъ, на другомъ диванѣ, въ почтительной позѣ, но, очевидно, пользуясь милостью бей, сидѣли два филина въ бѣлыхъ галстукахъ, одинъ—толстый, другой—худощавый. Это были Гемерлинги, отецъ и сынъ; снова овладѣвъ беємъ, они съ торжествомъ везли его въ Парижъ. Какой страшный сонъ! Всѣ эти люди хорошо знали Жансулэ, однакожь, смотрѣли на него, какъ на незнакомаго человѣка. Блѣдный, дрожащій, онъ едва проговорилъ:

— Ваше высочество! Развѣ вы не остановитесь...

Его слова были прерваны блескомъ молніи и раскатомъ грома. Но глаза бей сверкнули еще страшнѣе. Приподнявшись на диванѣ, онъ сказалъ нѣсколько глухимъ голосомъ, но на чистомъ французскомъ языкѣ, очевидно, заранѣе подготовленные слова:

— Вернитесь домой, Мерканти. Ноги идутъ, куда ихъ ведетъ сердце. Мои никогда не вступятъ въ домъ человѣка, ограбившаго мое отечество.

Жансулэ хотѣлъ отвѣчать, но бей подаль знакъ рукою, инженеръ дотронулся до пюговки электрическаго звонка, черезъ секунду раздался свистокъ и поѣздъ понесся на всѣхъ парахъ.

Жансулэ стоялъ на платформѣ, обезумѣвъ отъ отчаянія и не замѣчая, что крупныя капли дождя падали на его обнаженную голову. Всѣ его окружили и забросали вопросами: „отчего бей не остановился?“

— Придворная интрига... адскій заговоръ, сказалъ Жансулэ едва слышно, по въ ту же минуту, съ налитыми кровью глазами и съ пѣной у рта, онъ закричалъ во все горло, грозя исчезнувшему поѣзду:—каналъ!

— Будьте приличнѣе, Жансулэ, сказалъ Монпавонъ и, взявъ его за руку, старался успокоить.

Потомъ, среди всеобщей паники официальныхъ лицъ, онъ повелъ Набоба къ каретѣ и посадилъ въ нее, безмолвнаго, безчувственнаго, какъ ближайшаго родственника послѣ похоронъ. Дождь лилъ ливнемъ, удары грома быстро слѣдовали одинъ за другимъ. Всѣ кое-какъ сѣли въ кареты и отправились въ обратный путь. Тогда произошло нѣчто очень печальное и комическое, одна изъ тѣхъ роковыхъ насмѣшекъ судьбы, которыя добиваютъ лежачихъ. Въ полумракѣ, быстро наступавшемъ благодаря грозѣ, толпа, стоявшая передъ вокзаломъ, приняла за бея одного изъ официальныхъ лицъ въ мундирахъ, и какъ только экипажи двинулись отъ станціи, поднялся давно сдерживаемый въ тысячѣ грудей громкій, страшный крикъ, повторяемый вдоль всей дороги: „да здравствуетъ бей!“ Предупрежденные этимъ условленнымъ знакомъ, оркестры и хоры огласили воздухъ народнымъ гимномъ, который, перекачиваясь, гремѣлъ безостановочно до самаго Сен-Романа, несмотря на то, что Кардальякъ, Жансулэ и другіе, высовываясь изъ оконъ каретъ, кричали:

— Молчите, молчите!

Эти слова пропадали въ общемъ гамѣ, и провансальцы, энтузіазмъ которыхъ распаялся съ утра и теперь достигъ до апогея, благодаря долгому ожиданію и грозѣ, неистово пѣли „Солнце Прованса“, перебивая пѣніе дикими криками: „да здравствуетъ бей!“ Большая часть толпы не знала, что такое „бей“, и даже не представляла его себѣ въ фантастическомъ образѣ, но это не мѣшало мужчинамъ махать шляпами, кричать и шумѣть, женщинамъ—проливать слезы умиленія, а мальчишкамъ, взобравшимся на деревья, громко кричать:

— Мама, мама, я его вижу!

Не одни мальчишки видѣли бея—всѣ его видѣли, и до настоящаго времени готовы въ этомъ присягнуть.

При такомъ общемъ безумномъ восторгѣ и невозможности успокоить толпу, сидѣвшимъ въ каретахъ оставалось только поднять окна и скакать сломя голову. Другого средства прекратить страшную пытку не существовало. Но тутъ началась бѣшеная скачка; вслѣдъ за экипажами пустилась бѣжать и вся толпа, въ томъ числѣ хоры, неперестававшіе пѣть, плюсуны фарандолы, извивавшіеся въ какихъ-то фантастическихъ фигурахъ вокругъ каретъ, добродушные патеры, приподнимавшіе свои рясы и все-же нахо-

дившіе силы кричать: „да здравствуетъ бей!“ Проливной дождь усиливалъ еще общую суматоху, придавая торжественному шествію видъ беспорядочнаго, комическаго бѣгства, сопровождаемаго пѣніемъ, бранью, хохотомъ и т. д.

Глухой звукъ колесъ по понтонному мосту заставилъ Набоба очнуться отъ безчувственнаго столбняка.

— Наконецъ, промолвилъ онъ, смотря на бурныя волны Ронны.

Но какъ только первая карета съѣхала съ моста и поравнялась съ триумфальной аркой, раздался барабанный бой, привѣтствовавшій пріѣздъ сюзерена во владѣнія его феодала, и на замѣтъ мгновенно загорѣлась газовая надпись, полузадуваемая вѣтромъ: „да здравствуетъ бей Махметъ“.

„Это букетъ“, подумалъ бѣдный Набобъ и напряженно, грустно засмѣялся.

Но онъ ошибался. Букетъ ожидалъ его у дверей замка. Какъ только карета остановилась передъ портикомъ, Ами Фера отдѣлилась отъ группы арлезіанокъ и подбѣжала съ букетомъ въ рукахъ, чтобы привѣтствовать бей. Но вмѣсто бей вышелъ Жансулэ, взволнованный, безмолвный, и быстро скрылся въ домъ, не обративъ на нее никакого вниманія.

— Возьми назадъ твой букетъ, красавица; твое дѣло не выгорѣло, сказалъ Кардальякъ, видя неловкое положеніе молодой дѣвушки;—бей не пріѣдетъ. Онъ забылъ свой платокъ, а такъ какъ онъ объясняется съ женщинами только съ помощью платка, то ты понимаешь...

Наконецъ наступила ночь. Все спитъ въ Сен-Романъ послѣ дневной суматски. Проливной дождь продолжаетъ идти и въ паркѣ образуются цѣлыя ручьи. Вездѣ только и слышно журчаніе воды. Одинъ въ своей роскошной спальнѣ, Набобъ ходитъ взадъ и впередъ, предаваясь самымъ роковымъ мыслямъ. Онъ уже не думаетъ о нанесенномъ ему оскорбленіи передъ тридцатью тысячами людей и о другомъ, еще болѣе тяжкомъ, оскорбленіи его беимъ въ присутствіи самыхъ жестокихъ его враговъ. Пламенный провансалецъ уже забылъ о своей мести и къ тому же онъ, какъ ири дворный, всегда былъ готовъ къ опалѣ. Его страшило совсѣмъ иное, именно послѣдствія нанесенной ему обиды. Все его состояніе, дома, конторы, корабли находились въ рукахъ бей, въ восточной странѣ, гдѣ не существовало другого закона, кромѣ воли госу-

даря. Прижавшись своимъ пылающимъ лбомъ къ окну, онъ безсознательно смотрѣлъ на паркъ, въ которомъ царилъ такой-же мракъ, какъ и въ его сердцѣ.

Вдругъ въ коридорѣ послышались шаги и кто-то постучался въ дверь.

— Кто тамъ?

— Важная депеша, присланная съ эстафетой! сказалъ Ноэлъ, входя въ комнату.

— Телеграмма! Что тамъ еще?

Онъ взялъ синій конвертъ и распечаталъ его дрожащей рукою. Уже два раза пораженный судьбою, онъ не надѣялся болѣе на свою неуязвимость; ему извѣстны такъ-же, какъ всѣмъ смертнымъ, страхъ и трепетъ. Прежде всего онъ посмотрѣлъ на подпись... Мора... Неужели это отъ герцога? Да, подъ депешей стоятъ четыре буквы: *М-о-р-а*. А содержаніе ея слѣдующее:

„Пополаска умеръ. Скоро выборы въ Корсикѣ. Вы официальный кандидатъ“.

Депутатъ!.. Вотъ въ чемъ было спасеніе. Съ представителемъ французской націи нельзя обращаться какъ съ простымъ торговцемъ.

— О, благородный герцогъ! сказалъ вслухъ Жансулэ;—Гемерлинги лопнуть съ досады.

Онъ былъ такъ взволнованъ, что не могъ подписать своего имени на квитанціи.

— А гдѣ чловѣкъ, принесшій депешу? спросилъ онъ вдругъ.

— Здѣсь, г. Жансулэ, отвѣчалъ добродушно провансалець.

— Войдите.

Счастье улыбнулось этому бѣдняку. Набобъ сунулъ обѣ руки въ карманы и, вынувъ двѣ пригоршни золотыхъ монетъ, бросилъ ихъ въ фуражку посланнаго, который былъ совершенно пораженъ этой неожиданной щедростью.

ГЛАВА XII.

Корсиканскіе выборы.

„Поццо-Негро.

„Наконецъ, любезный г. Жуазезъ, я имѣю возможность подать о себѣ вѣсть. Впродолженіи пяти дней, проведенныхъ нами на

Корсикѣ, мы столько путешествовали, столько мѣняли средствъ сообщеній, ѣздили въ каретахъ и верхомъ, то на ослѣ, то на мулѣ, то на человѣческихъ плечахъ при переправѣ черезъ горный ручей, столько говорили, писали писемъ, принимали прошеній, посылали школѣ, жертвовали въ церкви ризъ и престольныхъ одеждъ, возстановляли падающихъ колоколенъ, основывали дѣтскихъ пріютовъ, столько предлагали тостовъ, выслушивали рѣчей, выпивали толонскаго вина и съѣдали блага сыра, — что я рѣшительно не имѣлъ времени дружески побесѣдовать хоть на бумагѣ съ милымъ семейнымъ кружкомъ, въ которомъ вотъ уже двѣ недѣли я не появляюсь по обыкновенію. По счастью, мое отсутствіе не будетъ продолжительно; мы намѣреваемся послѣ завтра отправиться прямо въ Парижъ. Съ точки зрѣнія выборовъ, я полагаю, наша поѣздка очень успѣшна. Корсика — прекрасная страна, лѣнивая, бѣдная, гордая; дворянскія и даже буржуазныя семейства умѣютъ здѣсь сохранять приличную вѣжливость цѣною самыхъ тяжелыхъ лишеній, и многіе очень серьезно говорятъ о состояніи Пополаски, покойнаго депутата, которому только смерть помѣшала продать Набобу свою отставку за сто тысячъ фр. Всѣ корсиканцы, кромѣ того, отличаются жаждою административныхъ мѣстъ, мундировъ, фуражекъ съ офиціальнымъ околышкомъ. Предложите корсиканскому поселянину самую богатую ферму или скромную перевязь лѣсника — и онъ, не задумавшись ни минуты, выберетъ послѣднее. При этихъ условіяхъ, вы понимаете, что кандидатъ, имѣющій хорошее состояніе и пользующійся покровительствомъ властей, имѣетъ много шансовъ на успѣхъ. Поэтому, вѣроятно, Жансулэ будетъ выбранъ, особенно если удастся сдѣлка, для заключенія которой мы пріѣхали въ это селеніе, называемое Поццо-Негро (Черный Колодезь) и состоящее изъ пятидесяти маленькихъ хижинъ изъ краснаго камня, которыя лѣнятся въ глубинѣ зеленаго оврага по уступамъ крутыхъ утесовъ, покрытыхъ дремучими лѣсами. Изъ открытаго окна единственной гостиницы, въ которой я пишу, я вижу высоко надо мною небольшое пространство голубого неба, а внизу, на маленькой площадкѣ подъ тѣнью орѣшника, два пастуха въ козухахъ играютъ въ карты, прислонясь къ каменному колодезю. Картежная игра — бичъ этой лѣнивой страны, въ которой такъ мало своихъ жнецовъ, что ихъ приходится выписывать изъ Лукки. Мои игроки, конечно, не имѣютъ ни гроша въ кармаѣ

и потому ставка одного—ножь, а другого—кругъ сыра, завернутый въ виноградный листь. Не подалеку стоитъ патерь и, покуривая сигару, смотритъ съ живымъ интересомъ на ихъ игру. Вокругъ царитъ безмятежная тишина, прерываемая только изрѣдка восклицаніями игроковъ и голосами, раздающимися въ столовой гостиницы, находящейся надъ моей головой. Это мой другъ Жансуэ разговариваетъ съ помощью знаменитаго Паганетти съ не менѣе знаменитымъ Пьедигригіо.

„Пьедигригіо (Сѣрая Нога)—иѣстная знаменитость. Это семидесяти-пяти-лѣтній старикъ высокаго роста, съ длинной бѣлой бородой и въ коричневой каталонской шапочкѣ на сѣдыхъ волосахъ; за кушакомъ у него заткнуты ножницы, которыми онъ крошилъ на ладони листовую, зеленый табакъ. На взглядъ онъ очень почтенный старецъ и, видя, какъ онъ на площадѣ дружески жаль руку патеру и покровительственно киваль головой двумъ игрокамъ, я никогда не подумаль-бы, что это извѣстный разбойникъ Пьедигригіо, который съ 1840 по 1860 годъ былъ въ Монте-Ротовдо грозой солдатъ и жандармовъ. Теперь, прикрываясь давностью, онъ спокойно живетъ въ околоткѣ, прославленномъ его преступленіями, и пользуется общимъ уваженіемъ, несмотря на то, что на его душѣ семь или восемь убійствъ. Пьедигригіо не потерялъ своего прежняго значенія потому, что два его сына слѣдуютъ благородному примѣру отца и, въ свою очередь, служатъ грозой всей окрестной страны, избѣгая преслѣдованій правительства благодаря поселянамъ, увѣдомляющимъ ихъ о малѣйшемъ движеніи жандармовъ. Старшій, Сципіонъ, въ прошлое воскресенье приходилъ къ обѣднѣ въ Поццо-Негро. Грѣшно было-бы утверждать, что мирнымъ жителямъ этого скромнаго селенія пріятно пожатіе окровавленной руки разбойника, но его боятся и его воля—законъ.

„Эти страшные Пьедигригіо покровительствуютъ нашему сопернику и благодаря имъ два кантона могутъ подать голоса противъ насъ. Конечно, насъ поддерживаютъ жандармы, но разбойники гораздо сильнѣе. „Жандармы уходятъ отъ насъ, а разбойники всегда остаются среди насъ“, говорилъ намъ сегодня утрожъ трактирщикъ. Поэтому намъ оставалось только заключить сдѣлку съ Сѣрыми Ногами. Мэръ сказалъ два слова объ этомъ старику, онъ посоветовался съ сыновьями и теперь обсуждаетъ черезъ пе-

реводчика Паганетти съ Жансулэ условія союза. Я отсюда слышу голосъ Паганетти: „Ну, любезный товарищъ, ты знаешь, что я самъ старый корсикапецъ“... Потомъ раздаются спокойные отвѣты старика, прерываемые мѣрными звуками ножницъ, крошащихъ табакъ. „Любезный товарищъ“, кажется, не очень довѣряетъ Паганетти и я полагаю, что пока золото не зазвонитъ на столѣ, дѣло не пойдетъ на ладъ.

„Паганетти хорошо извѣстенъ въ своемъ отечествѣ. Лучшими доказательствами того, что стоитъ его слово, могутъ служить: Бортская площадь, гдѣ до сихъ поръ еще не поставленъ памятникъ Паоли, громадныя пустыни, которыя онъ предполагалъ засѣять морковью, но она не росла на каменистой почвѣ острова, и пустыя карманы мелкихъ землевладѣльцевъ, патеровъ и поселянъ, которыхъ онъ совершенно разорилъ своими блестящими предпріятіями. Надо имѣть его мѣдный лобъ и громадныя средства, которыми онъ теперь располагаетъ, чтобы явиться сюда.

„Что справедливо въ баснословныхъ операціяхъ, предпринятыхъ „Поземельнымъ банкомъ“?

„Ничего. Рудники существуютъ только на бумагѣ; въ каменоломняхъ до сихъ поръ еще не дѣйствовали ни ломъ, ни порохъ; необозримыя лѣса въ Монте-Ротондо недоступны для дровосѣка. То-же самое можно сказать о минеральныхъ водахъ, въ числѣ которыхъ источникъ Поццо-Негро занимаетъ первое мѣсто. О парходахъ нѣтъ и помину; только на старинной, полуразрушенной генуэзской башнѣ на берегу залива Аячіо красуется надпись: „Агентство Паганетти. Пароходная компанія. Контора“. Но въ этой конторѣ виднѣются лишь сѣрыя ящерицы и совы. Что-же касается желѣзныхъ дорогъ, то на всѣ мои вопросы корсиканцы отвѣчали таинственной улыбкой и страннымъ подмигиваніемъ; только сегодня объяснилась самымъ уморительнымъ образомъ эта тайна.

„Я читалъ въ бумагахъ, которыя отъ времени до времени предъявлялъ намъ Паганетти, актъ покупки мраморной каменоломни въ Тавернѣ, въ двухъ часахъ разстоянія отъ Поццо-Негро. Пользуясь удобнымъ случаемъ и не говоря никому ни слова, я сегодня утромъ отправился въ Таверну на мулъ съ проводникомъ, настоящимъ типомъ корсиканскаго контрабандиста съ большой, красной трубкой въ зубахъ и ружьемъ за спиной. Послѣ продолжительнаго странствія по изрытымъ разсѣлинами утесамъ и

бездоннымъ пропастямъ, по краю которыхъ бережно шагаль мулъ, мы спустились по крутому скату на пустынную площадку, усѣянную обнаженными скалами, покрытыми бѣлыми гуано морскихъ птицъ. Безмолвная тишина царила въ этомъ пустынномъ уголѣ и только слышались плескъ не вдалекѣ бушующаго моря и рѣзкій крикъ птицъ, кружившихся надъ скалами. Мой проводникъ боялся болѣе всего на свѣтѣ таможенныхъ чиновниковъ и жандармовъ, а потому остановился на обрывѣ, вдали отъ таможенной сторожки на берегу моря, а я отправился къ большому трехэтажному дому съ разбитыми стеклами, плохой черепичной крышей и громадной вывѣской надъ дверью: „Поземельный банкъ. Мраморная каменоломня“. Послѣднія слова вывѣски были частью смыты дождемъ, частью сожжены палящимъ солнцемъ.

„Конечно, здѣсь положено начало эксплуатаціи и въ землѣ пробуравлена большая дыра, на глубинѣ которой видѣются громадныя глыбы мрамора, извѣстнаго въ торговлѣ подъ названіемъ *griot*, но этимъ богатымъ матеріаломъ невозможно пользоваться за отсутствіемъ дорогъ и вблизи лежащаго порта, а главное—отъ недостатка средствъ для устройства того и другого. Эти грустныя подробности о нашемъ единственномъ недвижимомъ имуществѣ сообщены мнѣ бѣднымъ старикомъ, котораго я засталъ въ одной изъ комнатъ желтаго дома у дымящагося очага, на которомъ жарился кусокъ козы.

„Этотъ человѣкъ, соединявшій въ своемъ лицѣ цѣлое правленіе „Поземельнаго банка“ на Корсикѣ, мужъ кормилицы Паганетти, нѣкогда бывшій сторожемъ на маякѣ, а слѣдовательно, не боящійся одиночества. Директоръ держитъ его здѣсь изъ человѣволюбія, а частью для того, чтобъ время отъ времени получать изъ тавернской каменоломни письма, которыя дѣйствуютъ очень хорошо на акціонеровъ. Мнѣ, однакожь, стоило большого труда добиться какихъ-бы то ни было свѣденій отъ этого полу двѣаго старика, смотрѣвшаго на меня подозрительно; но все-же я кончилъ тѣмъ, что узналъ отъ него, какой смыслъ придаютъ корсиканцы желѣзнымъ дорогамъ и почему, говоря о нихъ, принимаютъ таинственный видъ. На мой вопросъ, извѣстенъ-ли ему проектъ желѣзной дороги на Корсикѣ, старикъ отвѣчалъ мнѣ не съ саркастической улыбкой большинства его соотечественниковъ,

а совершенно просто, спокойно и правильнымъ французскимъ языкомъ:

„ — Намъ здѣсь не надо желѣзныхъ дорогъ.

„ — Однакожь, онѣ очень полезны и драгоцѣнны.

„ — Я съ вами не спорю, но намъ довольно и жандармовъ.

„ — Какъ жандармовъ?

„ — Да.

„ Я долго не могъ понять, что хотѣлъ сказать корсиканецъ, и только послѣ продолжительныхъ разспросовъ отгадалъ, что туземцы называютъ тайную полицію желѣзными дорогами. Такъ-какъ много корсиканцевъ служатъ въ тайной полиціи на континентѣ, то на вопросъ: „гдѣ вашъ братъ, Амброзини?“ или „что дѣлаетъ вашъ дядя, Барбикаль?“ вамъ отвѣчаютъ, насунивъ брови: „онъ служитъ на желѣзныхъ дорогахъ“. Всѣ понимаютъ, что это значить. Въ народѣ, между поселянами, которые никогда не видали желѣзной дороги и не понимаютъ, что это такое, существуетъ твердое убѣжденіе, что императорская тайная полиція не имѣетъ другого названія. Нашъ главный агентъ на островѣ держится того-же наивнаго мнѣнія. Вотъ въ какомъ положеніи „желѣзная дорога изъ Аячіо въ Бастію черезъ Бонифачіо, Порто-Векіо и пр.“, существованіе которой торжественно занесено въ книгахъ банка. Вообще всѣ владѣнія „Поземельнаго банка“ заключаются въ двухъ ветхихъ постройкахъ, которыя напоминаютъ полу-разрушенные дома въ улицѣ св. Фердинанда.

„ Но куда-же пошли и куда идутъ въ настоящее время громадныя суммы, которыя Жансулэ и другія привлеченныя его магическимъ именемъ лица пожертвовали втеченіи послѣднихъ пяти мѣсяцевъ? Я вполне соглашался съ вами, что всѣ покупки земельныхъ участковъ и другія предпріятія, торжественно занесенныя въ наши торговныя книги, сильно преувеличены, но я никогда не подозрѣвалъ, что мошенничество доходитъ до поразительной степени, какъ я видѣлъ своими глазами. Такъ вотъ почему Паганетти не хотѣлъ, чтобы я ѣхалъ на Корсику! Однакожь, я не требовалъ отъ него немедленныхъ объясненій, потому что мой бѣдный Набобъ уже и то достаточно измученъ хлопотами по выборамъ. Но за то, какъ только мы вернемся въ Парижъ, я подамъ ему подробный отчетъ обо всемъ, что я узналъ, и добромъ или силою вырву его изъ этого разбойничьяго вертепа...

„Наверху разговоръ уже кончился. Старикъ Пьедигригіо прошесть черезъ площадку, старательно пряча туго-набитый кошелекъ. Вѣроятно, сдѣлка состоялась. Ну, прощайте, любезный г. Жуаезъ, передайте мой поклонъ вашимъ дочерямъ и сохраните мнѣ хоть маленькое мѣстечко за вашимъ круглымъ семейнымъ столомъ.

Поль Жери“.

Избирательная горячка, овладѣвшая Набобомъ на Корсикѣ, преслѣдовала его до самаго Парижа и тамъ наводнила его роскошный домъ на Вандомской площади всевозможными видоизмѣненіями двухъ главныхъ типовъ корсиканца: живого, хвастливаго болтуна и догматичнаго, безмолвнаго, сосредоточеннаго философа. Всѣ эти голодные островитяне, съ правильными, смуглыми чертами лица и черными бородами, съ утра до ночи толпились въ домъ Набоба, обращая его въ трактиръ и базаръ. Въ его столовой всегда можно было видѣть новаго, только-что прибывшаго корсиканца, который съ озабоченнымъ видомъ провинціальнаго родственника торопливо набивалъ себѣ брюхо.

Шумная, хвастливая раса избирательныхъ агентовъ вездѣ одна и та-же, только на Корсикѣ она отличается болѣе пламеннымъ рвеніемъ и безграничнымъ честолюбіемъ. Всякій мелкій чиновникъ, секретарь мэра или сельскій учитель говорилъ такимъ тономъ, точно у него былъ въ карманѣ цѣлый кантонъ. Дѣло въ томъ, что корсиканскія семейства такого древняго происхожденія и такъ многочисленны, что какой-нибудь бѣднякъ, граняцій камни на большой дорогѣ, находится въ близкомъ родствѣ съ самыми значительными лицами острова и потому пользуется серьезнымъ вліяніемъ. Національный характеръ этого гордаго, мстительнаго, злопамятнаго и склоннаго къ интригамъ народа увеличиваетъ опасности, которымъ подвергается человѣкъ, осмѣливающійся вступить въ эту страну, усѣянную западнями. Всего хуже было то, что корсиканцы, ненавидя другъ друга, бранились и ссорились за столомъ Набоба; они обмѣнивались грозными взглядами, схватывались при каждомъ словѣ за рукоятку ножа, кричали всѣ въ одинъ голосъ и упрекали другъ друга никому неизвѣстными фактами мѣстныхъ исторій. Бѣдный Жансулзъ боялся, чтобъ его роскошные завтраки не кончились когда-нибудь очень трагически, и старался примирить враговъ съ своей обычной добродушной улыб-

кой. Но Паганетти его успокаивалъ, говоря, что вендетта, существующая до сихъ поръ на Корсикѣ, прибѣгаетъ очень рѣдко, и то въ низшихъ классахъ населенія, къ кинжалу, а ея любимое оружіе—анонимное письмо. Дѣйствительно, каждый день на Вандомской площади получалась груда писемъ безъ подписи, вродѣ слѣдующаго:

„Г. Жансуля, я боюсь, что вашъ выборъ не состоится, если вы будете по-прежнему покровительствовать Жозуѣ Кастирла, измѣннику, купленному вашими врагами, тогда какъ его родственникъ Лучіани—человѣкъ въполнѣ вамъ преданный и необходимый“.

Хотя несчастный кандидатъ кончилъ тѣмъ, что не читалъ подобныхъ писемъ, но преслѣдуемый всѣми этими интригами, нервный, безпокойный, подозрѣвая всѣхъ и cadaго, онъ грустно сознавалъ справедливость корсиканской пословицы: „Если хочешь вреда твоему врагу, пожелай только выборовъ въ его семействѣ“.

Легко себѣ представить, что книга чековъ Набоба и ящички комода краснаго дерева много терпѣли отъ стаи саранчи, налетѣвшей на Вандомскую площадь. Однакожь, несмотря на комичную дерзость, съ которой корсиканцы требовали денегъ займа и набивали себѣ карманы ящичками сигаръ, не они были самыми опасными врагами кошелька Набоба. Подобно тому, какъ во время жары раны растрavляются, такъ и выборы усилили въ значительной мѣрѣ постоянный грабежь, систематически производившійся въ домѣ. Статьи Моессара, брошюры съ портретами и всевозможныя рекламы печатались и отправлялись на Корсику въ десяткахъ тысячъ экземпляровъ. Притомъ съ прежней силой работали обычные насосы, осушавшіе миллионный резервуаръ. Вифлеемскій пріютъ, Поземельный банкъ, Швальбахъ, Буга-Ландри и сотни другихъ большихъ и малыхъ насосовъ различныхъ силъ и величинъ, то громадныхъ, шумныхъ, въ нѣсколько тысячъ лошадиныхъ силъ, то микроскопическихъ, съ искусно-прилаженными и старательно смазанными клапанами, дѣйствовали съ необыкновенной энергіей и единодушіемъ, грозя въ концѣ-концовъ если не совершенно осушить резервуаръ, то, по крайней мѣрѣ, сильно понизить его уровень.

Мало-по-малу уже начинали распространяться тревожныя слухи

на биржѣ. Можетъ быть, это была интрига Гемерлинга, противъ котораго Жансулэ велъ постоянную финансовую борьбу, стараясь подтачивать всѣ его предпріятія и теряя громадныя суммы, такъ-какъ противъ него были хладнокровіе врага, собственное бѣшенство и ошибки Паганетти, неумѣвшаго вести дѣло какъ слѣдуетъ. Какъ-бы то ни было, но золотая звѣзда Набоба померкла. Поль Жери это зналъ чрезъ Жуаеза, который поступилъ бухгалтеромъ къ биржевому маклеру и былъ близко знакомъ со всѣмъ, что дѣлалось на биржѣ; молодого человѣка болѣе всего пугало странное волненіе, въ которомъ теперь постоянно находился Жансулэ. Забывъ свою провансальскую трезвость и хладнокровное спокойствіе, онъ иногда пилъ безъ мѣры, кричалъ во все горло, хохоталъ безъ удержа. Очевидно было, что онъ надрывался въ тщетныхъ усиліяхъ отогнать отъ себя роковую мысль, которая тревожно морщила его лобъ, когда онъ случайно заглядывалъ въ свою записную книжку. Но несмотря на все желаніе Поля Жери объясниться серьезно съ Жансулэ, Набобъ упорно избѣгалъ этого разговора. Всѣ ночи онъ проводилъ въ клубѣ, до половины дня валялся въ постели и потомъ вставалъ, окруженный уже толпою посѣтителей, наводнявшихъ его спальню. Когда-же Жери удавалось поймать его на минуту, онъ перебивалъ его на первомъ словѣ, прося отложить бесѣду до другого раза. Наконецъ, молодой человѣкъ прибѣгнулъ къ чрезвычайнымъ, героическимъ средствамъ.

Однажды, въ пять часовъ утра возвратясь домой изъ клуба, Жансулэ нашелъ на своемъ спальномъ столикѣ письмо, которое онъ сначала принялъ за анонимный доносъ. Дѣйствительно, это былъ доносъ, но открытый, благородный, подписанный. Поль Жери прямо, опредѣленно обнаруживалъ всѣ низости и мошенничества, которыя окружали бѣднаго Набоба. Безъ обиняковъ, по имени называлъ онъ негодаевъ, эксплуатировавшихъ миліонера. По его словамъ, всѣ обычные посѣтители дома Набоба одинаково лгали и воровали. Въ домѣ сверху до низу производился систематическій грабежъ. Лошади Буа-Ландри, картины Швальбаха, статьи Моессара — все одинъ шантажъ. Жери составилъ подробную записку обо всѣхъ этихъ дерзкихъ мошенничествахъ, но особенное вниманіе Жансулэ онъ обращалъ на положеніе „Поземельнаго банка“. Во всѣхъ другихъ дѣлахъ опасность грозила только его кар-

ману, но здѣсь затронута была и его честь. Привлеченные именемъ Набоба, его званіемъ предсѣдателя совѣта, сотни акціонеровъ попались въ роковую западню, и за ихъ разореніе будетъ отвѣчать онъ, Жансуль, а все это предпріятіе, какъ легко убѣдиться изъ отчета объ истинномъ положеніи дѣлъ, — ложь и обманъ.

„Вы найдете упоминаемую выше записку, говорилъ въ концѣ письма молодой человекъ, — въ верхнемъ ящикѣ моей конторки. Тамъ-же лежатъ различныя квитанціи. Я не положилъ всего этого въ вашу комнату, потому что не довѣряю Ноэлю, такъ-же какъ и всѣмъ другимъ служащимъ у васъ въ домѣ. Сегодня вечеромъ, выѣзжая изъ дома, я вамъ передамъ ключъ. Да, мой другъ и благодѣтель, я васъ покидаю, полный благодарности ко всему, что вы для меня сдѣлали, и сожалья, что не могъ, въ виду вашей слѣпой довѣрчивости, хотя отчасти отплатить за ваши благодѣянія. Но я по совѣсти, какъ честный человекъ, не могу болѣе оставаться бесполезнымъ зрителемъ грабежа и вашей гибели. Сердце мое разрывается при видѣ всего, что дѣлается въ вашемъ домѣ, и я не могу ничѣмъ помочь вамъ. Я долженъ пожимать руки мошенникамъ и я, вашъ преданный другъ, кажусь ихъ сообщникомъ. Почемъ знать, оставаясь долѣе въ этой тлетворной атмосферѣ, и я, пожалуй, могу сдѣлаться также недобрымъ?“

Набобъ прочелъ медленно, внимательно это письмо, не пропустивъ даже малѣйшаго перереза; оно произвело на него такое сильное впечатлѣніе, что онъ не легъ спать, а пошелъ тотчасъ къ своему юному секретарю, который имѣлъ въ домѣ небольшой кабинетъ, гдѣ ему ночью готовили постель на диванѣ. Весь домъ еще спалъ. Проходя по амфиладѣ гостиныхъ, въ которыхъ, за отсутствіемъ вечернихъ приемовъ, никогда не опускались занавѣси, Набобъ былъ пораженъ печальнымъ видомъ своихъ роскошныхъ комнатъ при мерцающемъ свѣтѣ парижской утренней зари. Новая мебель и свѣжая драпировка, пропитанная запахомъ табака и ликеровъ, казались полинялыми: на атласныхъ диванахъ видѣлись сальные пятна, великолѣпныя мраморныя статуи были обсыпаны золою сигаръ, на богатыхъ коврахъ отпечатались слѣды тяжелыхъ сапоговъ. Вся эта грязь и беспорядокъ напоминали вагонъ перваго класса на желѣзной дорогѣ, въ которомъ публика съ презрѣніемъ относится къ оплаченной роскоши. Среди этой

странной обстановки разыгрывалась ежедневно отвратительная комедія и собственная фигура Набоба, отражаемая въ двадцати холодныхъ, безмолвныхъ зеркалахъ, казалась роковой и коничной въ модномъ фракѣ, такъ мало идущемъ къ его грубой фигурѣ, опухшимъ глазамъ и раскраснѣвшемуся лицу.

Какое мрачное пробужденіе отъ безумной, блестящей жизни, которую онъ велъ до сихъ поръ!

Грустные мысли тѣснились въ его головѣ; но вдругъ онъ тряхнулъ головою и, выпрямившись во весь ростъ, несмотря на тяжелый гнетъ, горбившій его спину, твердо вошелъ въ комнату Жери. Молодой человѣкъ уже всталъ и перебиралъ бумаги въ конторѣ.

— Другъ мой, сказала Жансузэ, затворивъ за собою дверь, — прежде всего отвѣтите мнѣ откровенно на мой вопросъ: дѣйствительно ли вы рѣшились меня покинуть по тѣмъ причинамъ, которыя вы объяснили въ письмѣ? Не побуждаютъ-ли васъ къ этому низкія клеветы, распространяемыя въ Парижѣ на мой счетъ? Впрочемъ, я убѣжденъ, что вы въ такомъ случаѣ прямо объяснили-бы, въ чемъ дѣло, и доставили-бы мнѣ возможность оправдаться передъ вами.

Поль отвѣчалъ, что у него не было другихъ причинъ, кромѣ изложенныхъ въ письмѣ, но, по его мнѣнію, ихъ было совершенно достаточно.

— Такъ выслушайте-же меня, дитя мое, и я убѣжденъ, что вы останетесь. Ваше откровенное, благородное письмо ничего не сказала мнѣ новаго; я все это знаю, вотъ уже три мѣсяца. Да, любезный Поль, вы правы. Парижская жизнь сложнѣе, чѣмъ я предполагалъ. Мое несчастье, что я, прибывъ въ столицу, не нашелъ честнаго, безкорыстнаго человѣка, который предостерегъ-бы меня отъ негодяевъ. Но я попалъ въ руки низкихъ эксплуататоровъ. Всѣ заклеименные мошенники Парижа перебивали въ нихъ гостиныхъ. Я только-что съ грустью смотрѣлъ на эти несчастныя комнаты. Надо ихъ вымести, и клянусь, что я вымету изъ нихъ весь соръ. Но для этого надо быть депутатомъ. Всѣ эти негодяи содѣйствуютъ моему избранію, а оно мнѣ слишкомъ важно, чтобъ упустить малѣйшее средство къ достиженію успѣха. Вотъ въ двухъ словахъ мое положеніе. Тунискій бей не только не хочетъ отдать мнѣ занятая въ прошломъ мѣсяцѣ деньги, но

отвѣчалъ на мое требованіе встрѣчнымъ требованіемъ восьмидесяти миліоновъ, которые, по его словамъ, я похитилъ у его брата. Это дерзкая ложь и клевета. Мое состояніе нажито мною комисионной торговлей и мои деньги принадлежать мнѣ. Я пользовался милостями Ахмета и онъ самъ доставлялъ мнѣ случаи обогатиться. Можетъ быть, я иногда слишкомъ заботился о своемъ интересѣ, но о тамошнихъ дѣлахъ нельзя судить съ европейской точки зрѣнія. Громадныя прибыли левантинцевъ составляютъ обычное явленіе на Востокѣ; это дань, платимая дикарями за ознакомленіе ихъ съ западной цивилизаціей. Подлый Гемерлингъ, преслѣдующій меня, поступалъ гораздо хуже. Но объ этомъ говорить не стоитъ. Я теперь въ львиной пасти. Не дожидаясь рѣшенія суда, — а я знаю восточное правосудіе, — бей конфисковалъ всѣ мои помѣстья, корабли, дворцы и пр. Все это сдѣлано воплѣ законно, по постановленію верховнаго совѣта. Очевидно, объ этомъ постарался молодой Гемерлингъ. Если я буду депутатомъ, то все это пустая комедія; совѣтъ отиѣвнитъ свое постановленіе и отдастъ мнѣ все, что у меня конфисковано, съ тысячами извиненій. Если же меня не выберутъ, я потеряю все — восемьдесятъ миліоновъ и всякую надежду на поправленіе моихъ дѣлъ. Тогда я буду разоренъ, обезчещенъ... Неужели, сынъ мой, вы меня бросите въ такую критическую минуту? Подумайте, что вы единственный мой другъ. Вы видѣли мою жену и знаете, какой плохой поддержкой она можетъ быть для мужа. Дѣтей я никогда не вижу; встрѣтивъ на улицѣ, они едва ли узнаютъ меня. Отвратительная роскошь окружила меня не друзьями, а грабителями. Меня любятъ только два существа на свѣтѣ — моя мать и вы, котораго она же прислала ко мнѣ. Мать далеко, неужели и вы оставите меня одного на жертву низкимъ клеветникамъ? Въ клубѣ, въ театрѣ, вездѣ я вижу змѣиное жало баронесы Гемерлингъ, вездѣ слышу эхо ея убійственнаго свиста. На каждомъ шагу я замѣчаю насмѣшливые взгляды, лживыя улыбки или снисходительные взоры. Куда я ни повернусь, вездѣ меня встрѣчаетъ измѣна; всѣ спѣшатъ отвернуться отъ меня, какъ-бы предчувствуя несчастье. Вотъ, напримеръ, Фелиція Рюясъ, неизвѣстно по какой причинѣ, не хочетъ кончать моего бюста и отправить его на выставку! Я долженъ былъ повѣрить пустому предлогу, которымъ она оправдываетъ свое замедленіе, но я тотчасъ понялъ, что и здѣсь кроется ка-

кая-нибудь клевета. А мой бѣсъ на выставѣ, и еще работы такой знаменитости, оказалъ-бы мнѣ бодьшую услугу. Всякая мелочь въ критическую минуту пріобрѣтаетъ важное значеніе. Но мнѣ теперь все не удастся, все ускользаетъ изъ моихъ рукъ. Вы видите, любезный Поль, что вы не можете теперь меня бросить.

(Продолженіе будетъ.)

РОДСТВЕННИКИ.

ОЦЕНЫ ИЗЪ СОВРЕМЕННЫХЪ ПРАВОВЪ.

ВЪ 3-ХЪ ДѢЙСТВІЯХЪ.

ДѢЙСТВУЮЩІЕ ВЪ ПЕРВОМЪ ДѢЙСТВІИ.

Николай Васильевичъ Безпаловъ—богатый человекъ, 60 лѣтъ.

Ольга, пріемщица его, 25 лѣтъ.

Анна Федоровна Погонкина—двоюродная его сестра, бѣдная вдова.

Владимиръ Александровичъ Ветлужскій, племянникъ Безпалова, 27 лѣтъ.

Евгеній Ивичъ, 18 лѣтъ

Леонидъ, его братъ, 15 лѣтъ } воспитанники учеб. заведенія, его племянники.

Гриша, 30 лѣтъ, камердинеръ Безпалова.

Лиза—горничная.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Большой кабинетъ. Мебель стариннаго фасона. По стѣнамъ картины частью религіознаго, частью эротическаго содержанія. Шкафы съ книгами. Посрединѣ большой письменный столъ, уставленный множествомъ вещицъ. Двѣ двери: одна противъ сцены, въ залъ, другая, слѣва, въ спальню. Утро. Часы бьютъ девять. Сцена нѣсколько секундъ пуста. Изъ спальни слышенъ кашель.

ЯВЛЕНІЕ I.

Безпаловъ (одинъ).

Безпаловъ. (*Выходитъ изъ спальни въ халатъ, заглядываетъ за дверь въ залу, притворяетъ двери и подходитъ къ столу.*) Посмотримъ, удался-ли новый опытъ! (*Садится къ столу и начинаетъ считать пачки денегъ, разложенныя на столъ.*) Посмотримъ!.. хе... хе... хе... (*Закашливается.*) Эка душить, проклятый!.. Сто три... сто четыре... сто пять... Эта дѣла! Вѣрно, отсюда, изъ новенькой пачки, выкралъ! (*Считаетъ другую пачку.*) Новенькія соблазнительнѣй!.. Сто восемь... сто девять... И слипаются легче... Сто пятнадцать... сто шестнадцать... И эта дѣла! Удивительно, очень удивительно! Развѣ онъ въ старымъ чувствуетъ слабость? (*Считаетъ*

третью пачку.) Девяносто шесть... девяносто семь... Есть такіе люди, старья бумажки лбятъ... Сто восемь... сто девять... Всѣ сполна! Неужели Гриша спать меня провелъ, не укралъ? (*Быстро читаетъ четвертую пачку.)* Тамъ и есть—провелъ! Каналя! А задумаво было недурно! (*Добродушно смѣется.)* На облѣзвахъ вездѣ сто, сто, сто, а поджего солѣе. Догадался! Жаль! (*Считаетъ мелочь.)* Ну, мелочь Гришенька гнвче трогать не ставеть... хе... хе... хе... Думаетъ: скоро умереть старекъ... (*Вдуть мнѣя тонъ и стллая набожное крестное знаменіе.)* Псмилуй мя Господи!.. Еп грос стяну... И вѣдъ калъ, чай, ждеть мсей смерти, какъ ждеть!.. (*Въ заль слышны шаи. Безпаловъ поспшно отходитъ стъ стола и заводитъ стѣнные часы.)*

ЯВЛЕНИЕ II.

Безпаловъ и Гриша.

Гриша. (*Несетъ на поднось крсидель.)* Имѣю честь поздравить васъ, Николай Васильевичъ, со днемъ ангела и псжелать гамъ продленія жизни на многія лѣта... (*Хочетъ одной рукою поймать руку Безпалова.)*

Безпаловъ. Прикладываться зачѣмъ-же? Кажется, не угодникъ и не мощи! (*Закладываетъ руки назадъ.)* Спасибо, Гришенька. Я и забылъ, что имяниввишь, а ты вспомнилъ.

Гриша. Какъ не вспомнить, Николай Васильевичъ, этогого дня... Я... я... сами изволите знать... Отъ полноты души.

Безпаловъ. Какъ-же, знаю... знаю. А стихи сочинилъ, Гриша?

Гриша. Какіе, Николай Васильевичъ, стихи-съ?

Безпаловъ. Поздравительные.

Гриша. (*Улыбаясь.)* Если-бы только обучался...

Безпаловъ. Стихосложенія не знаешь!.. Впрочемъ, не печалься, другъ. Меня, конечно, племянники порадуютъ стихосложеніемъ. Ну, Гриша, крендель уноси и возьми въ знакъ признательности пять рублей. (*Подаетъ сумажку. Григорій дѣлаетъ снова движеніе схватить руку.)* Остановись! Безъ благодарностей. Сумма небольшая!.. А теперь поскорѣй чаю!

Гриша. Сію минуточку-съ! (*Уходитъ.)*

Безпаловъ (одинъ).

Безпаловъ. Отъ полноты души!.. Хе... хе... хе! И родственники всѣ сегодня покажутъ эту полноту!.. (*Смѣется.)* Восемьсотъ тысячъ наслѣдства. Рыба не маленькая. (*Полонкина выглядываетъ изъ среднихъ дверей и скрывается.)* На нее не грѣхъ со всѣхъ сторонъ закинуть крючки. То-то сегодня будетъ спектакль! (*Смотрится въ зеркало.)* Цвѣтъ лица плохъ... Шибко жилъ.. гмъ... шибко-

вато. За то теперь живу монахомъ, слѣдовательно... Странное животное человѣкъ... трусить смерти!.. (*Задумывается и высовываетъ языкъ.*) Бѣлый!.. А вѣдь, кажется, вчера обѣдалъ скромно. Что такое я ѣлъ?.. (*Припоминаеть.*) Бульонъ, бульи, легюмы, кусочекъ куропатки, компоть,—все, кажется, очень легкое, а бѣлый!.. Мерзавцы доктора! Беруть деньги и утѣшаютъ тебя только тѣмъ, что говорятъ: инфузема, катарръ... (*Погонкина въ дверяхъ вполголоса испуанно: „Ахъ, братецъ!“*) Но ты вылечи. Берешь деньги и вылечи. Вѣдь я-же не жалѣю денегъ... я не дряхлый-же старикъ... Я жить хочу! (*Вѣтаетъ и ходитъ по кабинету.*) Вѣрно сердится! Вчера разсердилась... такая недотрога! Она еще лучше, когда сердится... Но я ее утѣшу сегодня. (*Подходитъ къ этажеркѣ и беретъ оттуда футляръ.*) Сережки хорошенькія... Женщины брилліанты любятъ... (*Закашливается долмиъ кшлежъ.*) Проклятыя!.. Даже кашля остановить не могутъ!.. (*Раздражительно кричитъ.*) Гриша!.. Что-же чаю, каналья!

ЯВЛЕНІЕ III.

Безпаловъ и Погонкина.

Погонкина (*вбѣгаетъ*) Что съ вами, дорогой братецъ?

Безпаловъ (*изумляясь.*) А вы откуда это объявились, сестрица?

Погонкина (*оторопѣвъ.*) Я, братецъ, по-родственному. Съ днемъ ангела.

Безпаловъ. У дверей подглядывали?

Погонкина (*принимая слезливый тонъ.*) Братецъ!

Безпаловъ. Ну, сестрица, за платкомъ не лѣзьте. Не люблю и не повѣрю. Что-же дальше-то? Чего вы влетѣли, словно сорвавшаяся съ цѣпи собака?

Погонкина. Братецъ! За ваше здоровье просвиру вынула. У Никола Морского обѣдню раннюю отстояла. Вотъ она! Вашему святому помолилась. Я вѣдь, братецъ, не то что прочіе родные, изъ корысти. Мнѣ какой интересъ? Думаю, побѣгу пораньше, пусть братецъ посердится, а все первая поздравляю. Вѣдь кровь, братецъ, что ни говорите, а сказывается.

Безпаловъ. А дальше? (*Погонкина молчитъ.*) Ну, говорите. Вѣдь вы, разъ привѣсивши языкъ, можете трезвонить безъ устали.

Погонкина. Ахъ, братецъ!

Безпаловъ. Не ахайте. Ну, побѣжали... взглянули... (*Кашляетъ.*)

Погонкина (*вскакиваетъ.*) Подушечку не подложить-ли?

Безпаловъ. Не юлите, сестрица, сидите смирно. (Зво-
нитъ.)

ЯВЛЕНИЕ IV.

Тѣ-же и Гриша.

Гриша. (Изъ заля.) Сію минуто! (Подаетъ чай и съ изумле-
ніемъ смотритъ на Погонкину.) Подушку подъ ноги прикажете?
(Кладетъ подушку.) Такъ спокойнѣе будетъ! (Съ участіемъ смо-
тритъ на Безпалова. Погонкина привстаетъ съ кресла и тоже
выражаетъ желаніе помочь.) Подушку за спину? Сію секунду! (По-
гонкина снова вскакиваетъ, но Безпаловъ знакомъ приказываетъ ей
садиться.) Теперь вамъ будетъ хорошо. Виши изволили прини-
мать?

Погонкина. Вы, братецъ, принимали виши?

Гриша (зло взглядываетъ на Погонкину.) Докторъ безпремѣн-
но приказывалъ передъ чаемъ.

Безпаловъ. Чаю Аннѣ Федоровнѣ.

Гриша. Слушаю-съ... (Уходитъ и говоритъ вполголоса: „Таки
проскочила!“)

Безпаловъ. Ты что это, Гриша, ворчишь?

Гриша. Я? Нѣтъ-съ... Такъ!

Безпаловъ и Погонкина.

Безп. Очень преданный человѣкъ. Какъ вы находите, се-
стрица?

Пог. Чужая душа, братецъ, потемки.

Безп. У него душа свѣтлая. Любитъ меня.

Пог. Настоящая любовь, братецъ, у родныхъ. Кровь-то... кровь
одна... вотъ гдѣ настоящая любовь.

Безп. То одна, эта—другая. Онъ ходитъ за мной, преданъ мнѣ,
ну и разсчитываетъ, что не забуду.

Пог. Онъ и самъ себя не забудетъ.

Безп. Вы думаете?.. (Смѣется.)

ЯВЛЕНИЕ V.

Тѣ-же и Гриша.

Гриша. Вотъ и виши. Извольте выкушать! (Подаетъ Безпа-
лову стаканъ, а потомъ почти суетъ Погонкиной чашку и отхо-
дитъ въ сторону.)

Безп. (пьетъ). Вотъ и легче. Кашель не душитъ.

Пог. (крестится). Слава-богу!.. Николай угодникъ услышалъ
мои молитвы, услышалъ.

Безп. А ты, Гриша, не бойсь, не молишься за меня? Возьми-

ка стаканъ. (*Григорій бѣжитъ со всѣхъ ногъ. Безпаловъ смотритъ на него и улыбается.*) Теперь отдохни, довольно накулилъ, Гриша, и скажи, по случаю моего ангела, правду: очень обрадуешься, какъ меня свезутъ на Смоленское?

Гриша. Что вы изволите говорить, Николай Васильевич!

Пог. (*отмахиваясь руками*). Братецъ! Господь съ вами!

Безп. Анны Федоровны не стѣсняйся. Она тоже обрадуется.

Пог. Братецъ! И вамъ не грѣшно такъ думать о родной сестрѣ!

Гриша. Въ день ангела и такую мараль...

Безп. Скажи правду, Гриша, въ накладѣ не будешь. Подарокъ дамъ.

Гриша. Ахъ, Николай Васильевич!

Пог. Стоить давать!

Безп. А вамъ, сестрица, завидно стало?

Пог. (*обидчиво*). Вы, братецъ, хоть меня на одну доску-то съ валецомъ не ставьте!

Безп. А вы сидите смирно. Гриша человекъ правдивый. Онъ по совѣсти скажетъ.

Гриша. Господи!.. Да развѣ я...

Пог. Скажи-же, не раздражай брата.

Гриша (*Погонкиной*). Вы-то что!..

Безп. Говори-же: вѣдь правду сказать — дѣло хорошее. Если ты не меня, а деньги мои любишь, развѣ въ этомъ есть что дурное? Не правда-ли, сестрица, ничего нѣтъ дурного?

Пог. Естественно, ничего.

Безп. (*раздражительно*). Въ чемъ?..

Пог. Я, братецъ...

Безп. Обрадуешься?

Гриша. Обидно мнѣ...

Безп. Я тебѣ Михаила Федоровича за то подарю.

Пог. Деньги-то какъ идутъ... Господи!

Безп. А вамъ жаль, думаете, меньше останется! — Чай, немедленно столы обнюхаешь и обчистишь, пока родственники не подоспѣютъ? Вы, Анна Федоровна, смотрите, не прозѣвайте! Ты, Гриша, общица съ Богомъ, только имѣй въ виду, милый человекъ, что билеты, акции и чековая книжка именные. Хотя племянникъ Володя и хорошій адвокатъ, но врядъ-ли приметъ на себя твою защиту, такъ-какъ и онъ наслѣдникъ, готовый украсть не только всѣ мои акции, но и твои сбереженія на придачу. Кстати, долженъ онъ тебѣ?

Гриша. Должны-съ.

Безп. Успѣлъ! Сколько?

Гриша. Немного.

Безп. Однако?

Гриша. Все, что скопилъ отъ вашихъ милостей. Пятьсотъ рублей.

Безп. (*улыбаясь*). Скромно-же ты копишь. По сколько роста и погашенія?

Гриша. По десяти процентовъ въ мѣсяцъ расту-сь, а погашеніе, какъ заблагодарсудятъ.

• Безп. Документъ?

Гриша. Документъ.

Безп. Большой ты руки, Гриша, мерзавецъ. (*Полюбкина одобрительно покачиваетъ головой.*) Вы чего это, сестрица, радуетесь?

Пог. (*принимая серьезную мину*). Я, братецъ... Чего мнѣ радоваться!

Безп. Да, мерзавецъ. Не спорь, другъ. Нынче одни дураки не мерзавцы, а тебѣ Богъ умишка далъ, ну, значить, ты и мерзавецъ, но только помни: акцій не тронь.

Гриша. За что вы, Николай Васильевичъ, меня порочите да еще при постороннихъ?

Безп. Анна Федоровна скромна. Изъ избы сору не вынесетъ. (*Смѣется.*)

Гриша. Онѣ-то?

Безп. Вѣдь такъ, сестрица?

Пог. Мнѣ какое дѣло!

Безп. Видишь-ли. Ну, хорошо: я умеръ.

Пог. (*крестится*). Господь съ вами, что вы!

Безп. Анна Федоровна, не перебивайте меня, пожалуйста. Да садитесь подальше, а то вы такъ вниваете въ меня глазами, точно ждете, что меня сію-минуту кондрашка хватитъ.

Гриша. (*Зажимаетъ ротъ руками, чтобы не смѣяться.*)

Пог. Братецъ...

Безп. Тссъ... тссъ... Помолчите. Я умеръ. Ты, какъ слѣдуетъ, наличныя деньги выкралъ. Не забудь, Гриша (*тихо*), въ боковомъ ящикѣ обшарить. Не бойся, Анна Федоровна не слышитъ! Я туда, иной разъ, кладу деньги. Естественно, вещи поцѣвнѣй спряталъ. Что-же потомъ?.. Табачную лавку или кафе-ресторанъ?.. Анна Федоровна, что, по-вашему, лучше?

Гриша. Господи... И этакъ почти каждый день!

Пог. Кафе-ресторанъ, братецъ, лучше.

Безп. И я того-же мнѣнія. По твоему юркому характеру я-бы сперва кафе-ресторанъ, а тамъ дороги открыты. Хочешь—любишь, хочешь—нѣтъ... Деньги у тебя будутъ... И теперь есть... знаю.. Мнѣ Анна Федоровна говорила...

Гриша. Мало-ли что онѣ говорятъ!.. А вы, Николай Васильевичъ, меня-то пожалѣйте...

Безп. Трусъ ты, Гриша. Ты вотъ вьешься, какъ глисть, изнываешь, облизываешься—развѣ я не вижу, какъ тебя жжетъ при видѣ крупной асигнаціи, — а чтобы тебѣ разомъ отдѣлаться отъ твоего благодѣтеля, а?..

Гриша (*испуанно.*) Что вы говорите?

Погон. (*вскакивая.*) Братецъ.. Николай Васильевичъ... голубчикъ... Какъ это такъ можно?.. Не раздирайте сердца... Кровь...

Безп. (*хохочетъ.*) Что вы пристали съ кровью? Ступайте-ка лучше къ Ольѣ... она вѣрно встала, да посмѣшите ее... Кстати вотъ... я еще вчера послать хотѣлъ... (*Вынимаетъ бумажникъ и даетъ деньги.*) Дрова купите...

Пог. Благодарю васъ, братецъ... Сиротское мое дѣло... Если-бъ не вы...

Безп. Довольно... Ступайте-ка да, смотрите, у дверей не подслушивайте... А мы интересное будемъ рассказывать...

Пог. Вы все шутите, братецъ... Богъ вамъ судья... я... Благодарю за подарокъ... Сами знаете, для сына... Мало-ли что вы терпите...

Безп. Вы самомъ дѣлѣ?.. (*Вдругъ мнѣя тонъ, говоритъ искренно.*) Простите... простите меня... Не обижайтесь!..

Пог. Богъ простить... (*Уходитъ.*)

Безп. Ольгѣ не говорите...

Безпаловъ и Гриша.

Безп. (*Нѣсколько секундъ молчитъ. Потомъ смотритъ на Гришу и машетъ пальцемъ. Гриша подходитъ.*) Вѣдь это очень легко и безъ всякихъ подозрѣній... Я недавно читалъ въ газетахъ и, признаюсь, преинтересно описанъ этотъ случай удушенія... Ты не читалъ видно?.. Вотъ въ чемъ дѣло, Гриша... Когда я засну, ты потихоньку, не торопясь, подберись къ моей постели, разумѣется, ночью, этакъ часу во второмъ, въ полночь не хорошо, черти по домамъ шатаются...

Гриша (*вздрагиваетъ.*)

Безп. Внимательно осмотришь и, не горячась, съ Богомъ наложи чуть слегка подушку, нажимай, нажимай и...

Гриша (*вслушивается съ чрезвычайнымъ интересомъ. Безпаловъ подымаетъ на него глаза и въ ужасъ останавливается. Пауза.*)

Безп. (*испуанно встаетъ.*) Ты что такъ на меня смотришь... а?

Гриша (*оторопѣвъ.*) Я ничего-съ...

Безп. Ты что?.. Отойди... Отойди!.. Недобрые у тебя глаза...

Гриша. Господь съ вами, Николай Васильевичъ... Что вы... (*Испуанно крестится.*) Я... Занимательно вы рассказывали...

Безп. Занимательно? Ты прости меня, Гриша, прости старика. *(Униженно.)* Прости... обидѣлъ я тебя своими подозрѣніями... Я вѣдь такъ... испытать только. Ты вѣдь десять лѣтъ за мной ходишь. Я знаю: ты преданъ и за то будешь награжденъ, ей-богу.

Гриша. Помилуйте, Николай Васильевичъ, да развѣ я не чувствую. Господи!.. Мало-ли благодѣяніевъ отъ васъ я видѣлъ!

Безп. И еще будетъ, и еще. Вотъ тебѣ пока... *(Даетъ бумажку.)* Ступай, позови повара. Нѣтъ постой. Посмотри на меня: очень я старъ?

Гриша. Помилуйте, чѣмъ-же стары! **3**

Безп. Одышка только... А съ виду?

Гриша. Съ виду вы слава-богу.

Безп. Если правду говоришь, спасибо... Да... Скажи швейцару: сегодня я дома для всѣхъ... Сегодня я именинникъ... Ступай! *(Гриша уходитъ.)*

Возналовъ (одинъ).

Безп. Струсилъ, глупо струсилъ, точно подъ подушкой ре-вольвера нѣтъ... Скверные у него были глаза... Когда у тебя деньги и вдругъ видишь такіе глаза—непріятно какъ-то. Всѣ они до моихъ денегъ добираются... всѣ! Теперь родственники ноги готовы ли-зать, а прежде, когда я только-что рѣшился... Всѣ въ одинъ го-лосъ: подлець, негодяй... Отвернулись. Думали, что одна Си-бирь мнѣ мѣсто... А теперь? Теперь мой чередъ... забавляюсь. Да ужь очень они алчны. Такъ на тебя и смотрять, какъ-бы тебя растерзать, и старыи, и малыи, дѣти даже. Кажется, одна Ольга... *(Задумывается.)* И та, кажется... Странная дѣвушка!.. А выровнялась какъ? Взялъ въ домъ—такъ-себѣ, дѣвченка, а теперь... *(Страстнымъ шопотомъ.)* Такая хорошенькая... кругленькая... бѣленькая и удивительно не жадна къ деньгамъ... *(Шомолчавъ.)* А быть можетъ, хитрость? Видить—нравится, думаетъ больше... Да и что-жъ это она не идетъ?..

ЯВЛЕНИЕ VI.

Возналовъ и Ольга.

Ольга *(входитъ въ капотъ и подаетъ букетъ цвѣтовъ.)* Здравствуйте, дядя. Поздравляю васъ... Какой вы сегодня молодець...

Безп. Что-жъ такъ поздно, Ольга? Спасибо... твой букетъ мнѣ дороже всякихъ подарковъ, а поцѣлуй твой... Ты не разсердишься, какъ вчера?.. Нѣтъ?.. Я поцѣлую въ твои губки?.. Ишь, какія свѣженькія, точно ягодки! *(Хочетъ поцѣловать въ губы, но Ольга подставляетъ щеку. Возналовъ домо шлуетъ. Ольга отходитъ.)*

Безп. Ну, ну, не сердись... Посмотри-ка! *(Показываетъ серьги.)* Что-жъ ты не радуешься? Хороши сережки? Это тебѣ!

Ольга. Благодарю васъ...

Безп. Я для тебя все готовъ, для тебя одной... Вотъ по-смотри-ка! (*Подводитъ Ольгу къ стижсржкѣ.*) Все это твое будетъ, если захочешь!..

Ольга. Что вы, дядя... Зачѣмъ это мнѣ?..

Безп. Какъ зачѣмъ? (*Удивленно.*) Вѣдь тутъ... смотри, сколько брилiантовъ. Ты развѣ безсребреница? Развѣ не любишь камушковъ? Что-жь ты молчишь? (*Беретъ Ольгу за руку и цѣлуетъ пощипывая локтя.*)

Ольга (*отдергивая руку*). Щекотно, дядя.

Безп. Ужь и щекотно?.. Да что ты меня все дядей зовешь?

Ольга (*смѣясь*). Да вы сами хотѣли, чтобы я васъ такъ звала. Прежде я васъ называла папашей. Хотите, я васъ опять буду звать папашей... (*Отдергивая руку.*) Папаша!.. щекотно-же, я вамъ говорю!

Безп. (*раздражительно*). Какой я тебѣ папаша! Зови меня по имени.

Ольга. Извольте.

Безп. Теперь иди-ка сюда, что я тебѣ покажу! (*Подводитъ къ столу и показываетъ застѣжаніе.*) Вотъ... послѣ смерти тебѣ двѣсти тысячь. Видишь, какъ я тебя люблю, а ты?

Ольга. Благодарю васъ.

Безп. Такъ холодно?.. Этакія деньги, а ты хоть-бы глазомъ моргнула?

Ольга. Вы знаете, я не падка на деньги...

Безп. Такъ-ли? (*Смотритъ на Ольгу подозрительно.*) Ты, быть можетъ, много-много хочешь? За двѣсти тысячь можно и поцѣловать. (*Подходитъ къ ней и цѣлуетъ ее.*) И даже еще... еще... Вѣдь я старикъ... отечески... Я-бы тебя, Оля, сдѣлалъ счастливой... Я-бы... Ты меня не знаешь... Если я полюблю... Вѣдь ты такая красавица...

Ольга (*кокетливо*). Будто?

Безп. Ольга! Послушай... я одинокъ... никто меня не любить...

Ольга. А родственники?

Безп. Родственники? (*Смѣется*). Ну, поцѣлуй меня...

Ольга. Николай Васильевичъ... За что вы обижаете сироту?

Безп. Ну, вотъ! Ты всегда такъ: то горда, то обижаешься... Я тебѣ много-много дамъ денегъ... Я для тебя все сдѣлаю, будешь жить царицей... Олечка, скажи одно слово...

Ольга. Какое это?

Безп. (*шепчетъ на ухо*). Никто не узнаетъ!

Ольга (*встаетъ*.) Быть вашей любовницей? И вамъ не стыдно предлагать это? Вы думаете, всѣ изъ-за вашихъ денегъ готовы продать себя? Вы ошибаетесь... очень... Я васъ уважаю, я вамъ за все благодарна, но... вы оскорбили меня и я уйду отъ васъ. Я буду трудиться, буду въ бѣдности...

Безп. (*удивленно*.) Какъ? что?

Ольга. Я оставляю вашъ домъ...

Безп. (*испуанно*.) Что ты сказала?.. Что? Ты отказываешься отъ хорошей жизни... ты...

Ольга. Да, отказываюсь.

Безп. Ольга... Ольга... Оля... Не оставляй... не оставляй меня... (*Обнимаетъ Ольгу*.)

Ольга (*уходя*.) Оставьте... Вы оскорбили сироту. Я въ васъ уважала силу, умъ... а теперь... пеняйте на себя, Николай Васильевичъ! (*Уходитъ*.)

Возьловъ (одинъ.)

Безп. Ольга, Ольга! (*Садится и задумывается*.) Отказывается! Неужели она... не любить денегъ? Уйдетъ? Красавица.. Нѣтъ!.. Она не уйдетъ! А что, если жениться? Она уважаетъ меня... Ужъ не комедія-ли? Не попался-ли я въ сѣтку? Она умна. Она... (*Уходитъ въ раздумь въ спальню*.) Она, пожалуй, захочетъ тогда...

ЯВЛЕНИЕ VII.

Ветлужскій и Гриша.

Ветлужскій (*столомаса*.) Ты говоришь: опять новое?

Гриша. Да... разсердился третьяго дня и новое написалъ.

Ветлужскій. Это которое звѣщаніе по счету?

Гриша. Да я ужъ и счетъ потерялъ... при мнѣ тридцатое... Сколько нотаріусамъ переплачено.

Ветл. Гдѣ оно у него? Какъ-бы... понимаешь, Гриша?

Гриша. Понимать-то понимаю, но...

Ветл. Очень ужъ любопытно.

Гриша. Шея-то у меня, Владиміръ Александровичъ, споя.

Ветл. Кто говорить о шеѣ... Всего только ключъ... не даромъ-же... (*Подходитъ къ столу*.)

Гриша. Что вы? Неравно выйдетъ, Владиміръ Александровичъ!..

Ветл. Будь спокоенъ, слухъ у меня хорошій и, наконецъ, скачекъ назадъ... вотъ этакъ. (*Отскакиваетъ, затѣмъ подходитъ къ столу и ширитъ между бумагами*.) Ключъ подобрать не трудно, Гриша... Эге... Мы ищемъ звѣря, а онъ тутъ между бумагами... Старику, видно, того... къ смерти приближается... разсѣяннымъ сталъ..

вотъ она, духовная... (*Переворачиваетъ.*) Третьяго дня только писана... (*Пробтыаетъ.*) „Находясь въ здоровомъ умѣ и твердой памяти...“ Ну, это по боку... Суть-то, главное... Вотъ: „Любезному моему племяннику Владиміру Ветлужскому сорокъ тысячъ и библиотеку...“ Сорокъ тысячъ... Ай да дяди!

Гриша. А я упомянуть?..

Ветл. „Вѣрному моему Лигардѣ Григорію Петрову пять тысячъ и мое носильное платье“.

Гриша. Вы шутите, Владиміръ Александровичъ?..

Ветл. Какія шутки!.. Прочти самъ. (*Гриша подходитъ.*) Видишь?..

Гриша. Вижу...

Ветл. Ивинимъ... пятьдесятъ... Аннѣ Федоровнѣ десять... А Ольгѣ Николаевнѣ-то... двѣсти... Двѣсти тысячъ, Гриша... Понимаешь! Ну, довольно... (*Кладетъ завѣщаніе на мѣсто и отходитъ.*) И ключа не надо... Что, Гриша, какъ дядя... Скоро того?.. (*Смѣется.*)

Гриша. Бодрится.

Ветл. А докторъ что?

Гриша. Ёздить.

Ветл. Знаю, что ёздить, но какая у него рожа?

Гриша. (*Смѣется.*) Веселая... По пятнадцати рублей получаетъ.

Ветл. Вотъ что. Ты смотри въ оба да мнѣ не медля дай знать, чуть что, а то Ивины да Погонкина да Козень... Самъ знаешь, что въ накладѣ не будешь... Слѣди и чуть переписывать захочетъ, дай знать, а если умирать будетъ—не зѣвай...

Гриша. Будьте покойны...

Ветл. А въ какомъ сегодня расположеніи?

Гриша. Какъ водится, въ ядовитомъ.

Ветл. Такъ Богъ съ нимъ... Я пройду пока къ Ольгѣ Николаевнѣ... Вотъ не ожидалъ: двѣсти тысячъ... И за что? Такъ себѣ, съ вѣтру взята... Ужъ не замышляетъ-ли старый?.. Нѣтъ, не можетъ быть... Зачѣмъ-бы тогда двѣсти тысячъ?.. Смотри-же, Гриша!.. Ну, иди къ нему, а то разсердится... Вѣрно богатая наслѣдница ужъ встала... у васъ всѣ рано встаютъ. (*Григорій уходитъ въ одну дверь, Ветлужскій хочетъ уходитъ въ другую, но въ дверяхъ сталкивается съ Ивиними.*)

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Ветлужскій и Ивины.

Ветл. А... молодые Аяксы... здравствуйте... Поздравлять?

Евгеній. Да...

Леонидъ. Ты, Володя, видѣлъ новую горничную?

Ветл. Ну?..

Леонидъ. Не правда-ли?..

Ветл. Правда... *(Смѣется.)* Ахъ ты, страстный воробей... Ну, что мамаша?

Леонидъ. Да то-же, что и папаша!

Ветл. А папаша?

Леонидъ. Не даетъ денегъ... Говорить, что нѣтъ денегъ... И самъ ищетъ денегъ.

Ветл. И ты такъ-же?.. Похвально... Нынче всѣ ищутъ денегъ...

Евгеній. Тебѣ хорошо... Ты, говорятъ, много зарабатываешь?..

Ветл. Мало-ли глупостей говорить... Много!? Трачу тоже много... Сегодня въ Буффѣ, господа?

Леонидъ. Еще-бы!!

Ветл. Ну, до свиданія, молодые люди.

Евгеній. Что, дядюшка въ духѣ?

Ветл. Да я его не видалъ... Одѣвается.

Евгеній. Куда-же ты?

Ветл. Пройду къ Ольгѣ Николаевнѣ... Сейчасъ вернусь.

Леонидъ. И я съ тобой... Тамъ Лизу увижу.

Ветл. Лучше не ходи... Старикъ разсердится.

Евгеній. Конечно, Леонидъ. Мы подождемъ. *(Значительно миасть брату.)*

Ветл. Счастливаго вамъ успѣха... *(Уходитъ.)*

Ивны, потомъ Лиза.

Леонидъ. Ты думаешь, по скольку дастъ?..

Евгеній. По десяти.

Леонидъ. Только?.. Старый чортъ! Стоитъ изъ-за десяти рублей поздравлять!

Евгеній. Тссъ... Какой ты глупый мальчишка, Леонидъ: кричишь!

Леонидъ. Этакій богачъ и не можетъ роднымъ племянникамъ болше дать... Правда, что у него миліонъ?

Евгеній. Около того.

Леонидъ. И все награбилъ?..

Евгеній. Что за выраженія... Ты думаешь, умно? Совсѣмъ глупо... Какое намъ дѣло, какъ онъ нажилъ.

Леонидъ. Ты вѣчно съ правоченіями... Думаешь, такъ онъ намъ и оставитъ что-нибудь... Если-бы знать, что не достанется, я-бъ ему приподнесъ чегонибудь такого... *(Смѣется.)* Никто-бы не пожалѣлъ!..

Евгеній. Полно, братъ... Дядя и безъ того скоро умретъ...

Леонидъ. Жди...

Евгеній. А не то... Объявимъ его сьумасшедшимъ... Отецъ объ этомъ серьезно думаетъ.

Леонидъ. Вотъ это умно... Bravo!

Евгеній. Ты разболтай только...

Леонидъ. На цѣпуру!.. *(Хочетъ.)*

Евгеній. Да не кричи... болванъ! Изъ-за тебя всё мы наслѣдства лишимся. Развѣ не знаешь дядю?.. Вѣдь намъ по двадцати тысячъ.

Леонидъ *(свиститъ.)* Ты вѣришь завѣщанію? Послѣ того онъ ихъ, быть можетъ, двадцать написалъ... Ахъ, ты, хотячеша благо-разуміе.... А... вотъ она... *(Бѣжитъ къ двери.)* Лиза... Лиза!.. *(Лиза останавливается.)* Вы куда?

Евгеній *(подходитъ къ столу, останавливается и внимательно читаетъ сбоку.)*

Лиза *(въ дверяхъ.)* Никуда.

Евгеній. Всего сорокъ тысячъ... Все этой дѣвчонкѣ съ улицы...

Леонидъ *(обнимаетъ.)* Милая!

Евгеній *(оборачиваясь.)* Леонидъ!

Лиза *(вырываясь.)* Оставьте. Какъ вамъ не стыдно!

Леонидъ. А вамъ не стыдно быть хорошенькой! *(Хочетъ поцѣловать.)*

Лиза *(смѣясь.)* Только смѣйте!

Евгеній. Леонидъ! Брось!

Лиза. Ну?

Леонидъ. Вотъ тебѣ и ну. *(Цѣлуетъ ее.)*

Лиза. А вотъ и вамъ! *(Ударяетъ его по щеку и быстро уходитъ. Леонидъ бросается за ней.)*

Евгеній *(подбѣгая къ дверямъ.)* Леонидъ, Леонидъ! Этакій болванъ... еще скандалъ затѣветъ... Убѣжали... Надо отцу сказать... Вѣдь это чортъ знаетъ что. Роднымъ сорокъ тысячъ, а ей... Прекрасная невѣста! *(Уходитъ.)*

ЯВЛЕНІЕ XI.

Безпаловъ, Гриша, потомъ Лиза.

Безп. Посмотримъ!.. Теперь не уѣдетъ!.. Завтракъ въ часъ, въ столовой. Чтобы все какъ слѣдуетъ; вина побольше. *(Подходитъ къ столу, смотритъ бумаги и улыбается.)* Кто-нибудь былъ?

Гриша. Владиміръ Александровичъ.

Безп. Уѣхалъ?

Гриша. Они пошли къ Ольгѣ Николаевнѣ.

Безп. А! И Ивины братья тутъ, вотъ и шляпы. Вѣрно тоже

тамъ? (*Вынимаетъ изъ кармана записочку.*) Вотъ передай. (*Входитъ Лиза, запыхавшись*)

Лиза (*клянется.*) Со днемъ вашего ангела, Николай Васильевичъ.

Безп. Спасибо. Вотъ тебѣ. Ты что это такая красная?

Лиза. Бѣжала поздравить васъ, торопилась.

Безп. Поспѣла!.. Вотъ снеси Ольгѣ Николаевнѣ записочку. Скажи, что ѣду въ церковь. Да отдай въ руки. Поняла?

Лиза. Какъ не понять,—поняла.

Безп. Ужъ очень ты понятная, плутовка. (*Треллетъ ее по щеку. Къ Гришѣ.*) Карета готова?

Гриша. Готова-сь.

Безп. (*на ходу.*) Если кто пріѣдетъ, проси подождать. Скоро вернусь изъ церкви.

Гриша (*подавая кашне.*) Вы-бы кашне, Николай Васильевичъ, надѣли. Сегодня прохладно, долго-ли простудиться.

Безп. Спасибо, спасибо. Видишь, какой заботливый! (*Уходитъ въ дверь.*)

Гриша. Помилуйте, какже. Развѣ я не цѣню... (*Уходитъ за нимъ и по дорогѣ шепчетъ Лизѣ.*) Подожди меня!

ЯВЛЕНИЕ X.

Лиза одна, потомъ Гриша.

Лиза (*переворачивая въ рукахъ записку.*) Вѣрно опять какой-нибудь сюрпризъ. Только барышню одну и балуетъ, на одну ее и не скупъ. Счастливица! Сирота, чуть не съ улицы взята, а поди-жь, теперъ барышня, и какая гордая!

(*Входитъ Гриша.*)

Гриша (*протягивая руку.*) Давай.

Лиза. А не дамъ.

Гриша. Не до шутокъ. Давай, говорю.

Лиза. Грубишь ты, Гриша, очень ужъ со мной. Прежде женись, а потомъ и груби.

Гриша. Подожди. Жениться вѣдь не долго. Ну-ка давай. Запечатано?

Лиза (*протягивая письмо.*) А еще-бы.

Гриша. Стань у двери да смотри въ оба.

(*Лиза подходитъ къ двери. Гриша распечатываетъ письмо на свѣтъ къ и читаетъ. На лицѣ изумленіе.*)

Лиза. Интересно?

Гриша. Ну, братъ, Лиза, не ожидалъ. Поди-жь ты! То-то сегодня утромъ...

Лиза. Да ты скажи, что?

Гриша. Послѣ. Вотъ тебѣ и исторія... Исторія... Пойдетъ теперь у насъ новая линія, совсѣмъ новая.

Лиза. Гриша, скажи, голубчикѣ.

Гриша. Неси записку да, смотри, въ руки отдай... Исторія.. Теперь, значить, никому ни шиша. Напрасно только я съ Ветлужскимъ... (Къ Лизѣ.) Ну, ступай-же.

Лиза. Скажи, что тамъ?

Гриша. Ей-богу послѣ скажу. Ступай. (Лиза уходитъ.)

Григорій (однѣ.)

Гриша. Чудеса! Тоже выдумалъ, старая язва... Эхъ, кабы... (Машетъ рукой.) Тамъ-бы, кажется, и придушилъ его, если-бъ не владимірка.

(Занавѣсъ.)

Конецъ перваго дѣйствія.

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

ДѢЙСТВУЮЩІЕ:

Безпаловъ.

Ольга

Александръ Александровичъ Ивинъ

Агрипина Васильевна, его жена

Евгеній

Леонидъ } дѣти ихъ.

Мargarита Васильевна Ковенъ, 30 лѣтъ } родственники Безпалова.

Ветлужскій

Погонына

Вася, сынъ ея

Меркулова

Надинъ, ея дочь

Князь Херсонскій, старикъ 60 лѣтъ.

Гриша.

Большая, роскошно убранная гостиная въ квартирѣ Безпалова. Посреди круглый столъ съ иллюстраціями, книгами и пр. Рояль. Вазы, цѣfty. Дѣ двѣ двери. Одна, противъ сцены, открыта настежь. Другая, въ кабинетъ, закрыта.

ЯВЛЕНІЕ I.

Ольга и Ветлужскій.

Ольга (проходя въ двери.) Все это, быть можетъ, и очень трогательно, но...

Ветл. Но?

Ольга (*смѣясь*) Мало вѣроятно... (*Оборачиваясь*) А куда же скрылись Аяксы?

Вет. На билиардѣ вѣрно играютъ. (*Горячо*) Но что тутъ невѣроятнаго, Ольга Николаевна?

Ольга. Весь романъ съ начала до конца. Однако, что-жь мы стоимъ? (*Смѣясь*) Согласитесь, что романическія исторіи гораздо удобнѣ слушать сидя... (*Садятся около круглаго стола*.)

Вет. Что-жь, по-вашему мой герой не могъ полюбить... полюбить искренно, страстно, надѣясь связать свою судьбу съ судьбой дѣвушки, и... (*Взглядывая на Ольгу и останавливается*.)

Ольга (*едва улыбаясь, продолжаетъ въ тонъ Ветлужскаго*) И наслаждаться счастьемъ святыхъ семейныхъ узъ... Продолжайте, продолжайте. Вы, Владиміръ Александровичъ, вѣдь одинаково хорошо говорите и въ судѣ, и въ гостиной, и въ кабинетѣ у дядюшки... Продолжайте...

Ветл. (*вскакивая*) Ольга Николаевна! Вѣдь это... оскорбленіе...

Ольга. Будто?.. А играть комедію любви—не оскорбленіе?.. Вы, Ветлужскій, человекъ не глупый, но—простите за правду—актеръ не важный... Вамъ еще надо учиться на барышняхъ, которыя и послѣ сверной декламации падаютъ въ обморокъ и отдають руку и сердце... Я не на-столько наивна...

Ветл. Въ наивности васъ, кажется, трудно заподозрить!

Ольга. Вы ужъ и злитесь?.. Еще не успѣли остыть на губахъ слова любви, а уже злитесь! (*Смѣется*.) Нѣтъ, безъ шутокъ, Ветлужскій, вашъ романъ никуда не годится. Онъ спитъ на живую нитку.

Ветл. Такъ вотъ какая вы!

Ольга. А вы думали какая?.. Вы думали: пришли, сказали: любилъ, люблю, буду любить, и я упаду въ ваши объятія... Вы полагали осчастливить сироту, безъ роду, безъ племени... говорить-ли?

Ветл. (*Зло*) Отчего-жь... Продолжайте...

Ольга. Но съ надеждой наслѣдства отъ вашего дядюшки. Это банально, Ветлужскій, даже для васъ... Развѣ вы не помните, три года тому назадъ?.. Вѣдь и я не забыла. Или, быть можетъ, вы забыли, но я помню...

Ветл. Что это: сцена изъ Лукреціи Борджіа?

Ольга. Нѣтъ, изъ современныхъ нравовъ... Такъ лучше бросимъ этотъ романъ, руку и сердце... Давайте смотрѣть картинки въ ожиданіи родственниковъ... Что вы глядите такъ свирѣпо?.. Кинжалы не въ модѣ... Сорвалось! ха-ха-ха... Сорвалось!.. (*Смѣется злымъ, сухимъ смѣхомъ*.) Надъ вами смѣются... И кто-же? Взятая съ улицы дѣвчонка... Вы помните эти слова, когда вы, послѣ неудачной попытки свести меня въ качествѣ гувернантки и любов-

ницы съ Ивинимъ, расточали цвѣты краснорѣчія передъ дядюшкой. Я все знала, но ничего не говорила, и если говорю, то виноваты вы: зачѣмъ стали сочинять романы, и такіе плохіе... (*Смѣется.*) А вѣдь три года назадъ и этотъ романъ я-бы прочла съ удовольствіемъ, но... тогда духовнаго завѣщанія вы не читали...

Ветл. Вы говорите не дурно...

Ольга. Могла-бы распинаться за вдовъ и сиротъ?..

Ветл. Съ успѣхомъ. Благодарю за урокъ и... умолкаю...

Ольга. Зачѣмъ-же?.. Вы неглупый человѣкъ... Начните теперь хоть о Буффѣ... Переходъ самый естественный... Впрочемъ, даже и этого не надо... (*Оборачивается.*) По шуму слышно, что сюда летитъ само веселье... сама Прекрасная Елена...

ЯВЛЕНІЕ II.

Тѣ-же и Козень, братья Ивины.

Козень (*ведетъ Леонида за ухо*). Скверный мальчишка, лубопытный мальчишка... (*Хочетъ.*) Такъ цѣлуетъ свою тетку, — какая я вамъ, милый родственникъ, тетушка?—такъ цѣлуетъ, что даже мнѣ стало стыдно. (*Смѣется.*)

Леонидъ (*вырываясь*). Это и видно.

Козень (*здороваясь съ Ольгой и Ветлужскимъ*). А дядюшка?..

Ольга. Въ церкви...

Козень. Въ церкви?.. Это ново!.. Ну, а вы, Ольга... (*Смотритъ на нее.*) Сюрпризъ?.. Позвольте... (*Нагибается и смотритъ серьги.*) Это новость. Чистая вода. Васъ старикъ нашъ балуетъ. На вашемъ мѣстѣ я-бы его забрала въ руки и оставила-бы всѣхъ родственникововъ съ носомъ—исключая меня, разумѣется. Мнѣ за совѣтъ пятьдесятъ тысячъ. (*Смѣется.*)

Ветл. (*ехидно*). Ученаго учить—только портить.

Ольга (*смѣясь*). Совѣтъ недуренъ, но я такъ неопытна и, главное, боюсь его... (*Указывая на Ветлужскаго.*) Онъ вѣдь знаменитый адвокатъ, заведетъ процессъ. (*Смѣется.*)

Ветл. Непремѣнно.

Козень. Не врите. Вы притворяетесь злымъ, вы... (*Подходитъ къ нему и треплетъ его волосы.*) Васъ можно стричь, только надо лстить вашему самолюбію. Оно у васъ... А вы, гадкій мальчишка, что тамъ брату нашептываете?.. Вѣрно, какъ слѣдуетъ порядочному юношѣ, клеветаете на меня... вѣдь это такъ правдоподобно, клеветать на меня!.. (*Подходитъ къ Ивинимъ.*) Вотъ берите примѣръ со старшаго брата. Онъ благоразуменъ, солиденъ, какъ папаша, и такъ почтительно цѣлуетъ ручку у своей тетушки,—и то, если мамаша не узнаетъ,—что глядя на этого молодого человѣка, невольно хочется сказать: милый, умный молодой человѣкъ,

и, если онъ не разсердится, погладить его по головеѣ. (*Снимаетъ перчатку и гладитъ рукою, залитую бриліантами, Евгенія. Евгеній шмыгуетъ украдкой руку.*) Никто не видалъ?.. ха, ха, ха! Что-же ко мнѣ? Вѣрно, папаша съ мамашей не пускаютъ? Боятся, что такія добродѣтельныя дѣти развратятся? (*Хохочетъ.*) Ветлужскій, васъ точно побили. Старикъ вѣрно денегъ не далъ?..

Ветл. Я не просилъ.

Козень. Счастливецъ! значить, вамъ онъ не нужны, а мнѣ онъ всегда нужны. (*Присаживается къ Ольгѣ.*) Гордая, суровая Ольга, будьте моимъ адвокатомъ передъ дядей.

Ольга. А вы сами?

Козень. Я такъ часто прошу, а старикъ такъ скупъ.

Ветл. Вы умѣете такъ просить, что самый скупой и тотъ...

Козень. Видите-ли, Ольга, какъ онъ притворяется злымъ? Я готова была-бы не только просить его, но готова расцѣловать.

Леонидъ. За каждый вашъ поцѣлуй можно... тысячу рублей.

Козень (*хохочетъ*). Не жалѣйте, мальчикъ, цифрь, не жалѣйте, но когда у васъ будутъ тысячи, приходите ко мнѣ. Дядя ихъ такъ дорого не цѣнитъ, мой добродѣтельный мальчикъ. Ниче общаются эти тысячи только такіе птенцы, какъ вы, гадкій мальчишка, и то потому только, что ихъ нѣтъ. Впрочемъ, знаете-ли, господа, разъ со мною былъ этотъ сюрпризъ. За одинъ мой поцѣлуй... какъ вы думаете, что мнѣ дали за одинъ поцѣлуй?

Ветл. (*иронически*). Жизнь?

Козень. Глупо, Ветлужскій. На что мнѣ жизнь?.. Я не кроважная Клеопатра, а просто веселая Маргарита.

Ольга (*смѣясь*). Руку и сердце?

Козень. Это, моя милая, я получила отъ мужа, какъ вы знаете, по договору; это и поцѣлуя не стоитъ... (*Смѣется.*) Вы не угадали и я вамъ расскажу. Былъ здѣсь одинъ важный старикашка... впрочемъ, онъ и теперь еще живъ. Я тогда была моложе, лучше, свѣжѣй; онъ увидалъ меня въ театрѣ и, какъ онъ говорить, ему захотѣлось во что-бы то ни стало одинъ поцѣлуй. (*Смѣется.*) Его слова услышали умные люди... Меня просили и я къ нему поѣхала. Онъ былъ такъ-же любопытенъ, какъ (*указывая на Леонида*) эта цвѣтущая невинность, и добродѣтеленъ, какъ можетъ быть добродѣтеленъ семидесятилѣтній старикъ. Онъ сидѣлъ въ кабинетѣ и нюхалъ запахъ деревяннаго масла, горѣвшаго передъ образами; онъ былъ святъ и любилъ святость... (*смѣется*) въ старухахъ. Когда я вошла, мой святоша сперва осовѣлъ, потомъ... разумѣется (*передразнивая*): „charmante, superbe... enchanteresse... если-бы вы знали... enchanté...“ и такъ далѣе. Сижу и смѣюсь. „Подойдите...“ Самъ чуть не плачетъ и встать силы нѣтъ... „Одинъ поцѣлуй... пре-

сите, что хотите!“ „Зачѣмъ?“ Опять подымается. „Я васъ поймаю!“ Я смѣюсь: куда ему поймать! „Подойдите!“ Ну я и попросила подписать одну бумагу. „Хоть двѣ...“ За одинъ поцѣлуй — на большее онъ не былъ способенъ — я сдѣлала большое дѣло и получила на свою долю пятнадцать тысячъ.

Ветл. Поцѣлуй дорого обошелся акціонерамъ.

Козенъ. Это до меня не касалось... Но только теперь такіе старикашки перевелись. Поцѣлуй—поцѣлуемъ, а комисія — комисіей. (*Смѣется.*) Такъ какъ-же, Ольга, могу я на васъ рассчитывать? (*Говоритъ съ нею вполголоса.*)

Леонидъ (*показывая на дверь.*) Вонъ еще идутъ. Пожалуй, дядя теперь не дастъ...

Евгеній. А кто-же виновать?.. Вольно за горничными бѣгать.

Леонидъ. Я думаю, дастъ.

Евгеній. Думай. Ты всегда о пустякахъ думаешь.

Леонидъ. Вотъ, гляди... Смѣшныя какія родственницы. Это наши тетушки... ха, ха! На улицѣ встрѣтятся стыдно. Я думаю дастъ... Вѣдь въ Буффѣ во что-бы то ни стало... У этой Франсуазы такія икры... такія... Даже фатеръ восхищался. Да смотри-жь, Евгеній, какъ онъ передъ зеркаломъ... Ха, ха, ха!

Ветл. Вы чего, Аяксъ?

(*Леонидъ показываетъ ему пальцами и киваетъ головой на дверь.*)

ЯВЛЕНІЕ III.

Тѣ-же и Погонкина съ сыномъ, Меркулова съ дочерью.

Погонкина (*подталкивая сына.*) Иди-же, не бойся, Вася... все наши родственники. Да иди-же! (*Подталкиваетъ его такъ, что онъ пробѣгаетъ нѣсколько шаговъ и останавливается.*) Вася!.. на-лѣво... шаркни ножкой... (*Беретъ его и подводитъ къ Ольгѣ Николаевнѣ.*) Еще разъ здравствуйте! Это Васенька, мой сынъ. Вася, шаркни ножкой. (*Вася шаркаетъ.*) Маргарита Васильевна, васъ-ли я вижу? Вася, шаркни ножкой... Все такая-же красавица! (*Здоровается съ Козенъ.*)

Меркулова. Надинъ! Tiens toi droite. (*Обдериваетъ сзади платье.*) Не заставьте краснѣть... Ольга Николаевна, вы не знакомы?.. Надинъ,—моя дочь. (*Увидавъ Козенъ, быстро отворачивается и уводитъ дочь на другой конецъ.*) Удивляюсь, какъ эту женщину братецъ принимаетъ. Надинъ, не слушай... Закрой уши.

Козенъ. Ха, ха, ха! Видали, какъ меня испугались? Да и вы молодецъ еще, Анна Федоровна, право!

Ветлуж. (*подходя къ Ивину.*) Рѣдкіе экземпляры! (*Хихикаютъ.*)

Ольга (*отходитъ къ фортепіано и перебираетъ пальцами*).

Погонкина (*подходитъ къ Ивину.*) Вася, шарени ножкой. Это твои двоюродные братцы. (*Ивины небрежно здороваются.*) А папенька и маменька будутъ?

Евгеній. Непремѣнно.

Леонидъ (*тихо*). Экое чудело!..

Погонкина. Какъ посмотрю, какіе вы вышли престелные молодые люди. Я васъ вотъ какими знала. Еще тогда покойникъ мужъ живъ былъ. Вы по какой части пойдете?

Евгеній. По судебной.

Пог. Отлично... прекрасно. Это превосходная часть, судебная: и благородно, и выгодно.

Евгеній. Не особенно. Развѣ адвокатомъ...

Пог. Ну да, адвокатомъ, конечно. Мой Вася тоже будетъ по судебной. Ты, Вася, по судебной?.. Что-жь, отвѣчай?..

Вася. Адвокатомъ.

Пог. Видите, и онъ... Любитъ судебную часть. Способный мальчикъ! (*Отходитъ въ сторону.*) А ты не забылъ стишки? Не забудь, смотри.

Вася. Нѣтъ, маменька, какъ можно. (*Про себя.*) „Позвольте мнѣ, невинному дитяти, поздравить васъ отъ полноты души и пожелать... (*вспоминаетъ*) и пожелать... и пожелать... и пожелать...“

Пог. Что ты зарядилъ: пожелать, пожелать, пожелать!

Вася. И пожелать... Я забылъ, маменька.

Пог. Что?.. Ты съума сошелъ! Погляди... (*Подаетъ свертокъ.*)

Вася. Мнѣ только одно слово. (*Смотритъ.*) „Небесной... И пожелать небесной благодати“. (*Повторяетъ про себя.*)

Меркулова. Это все, Надинь, родственники... Всѣ ждуть смерти, какъ гіены. Ни въ комъ нѣтъ чувства.

Козень (*проходитъ мимо съ Ивинами*). Да... шикарна. Но въ Timbal d'argent она лучше.

Леонидъ. Но хуже васъ, ma tante.

Меркулова. Надинь, затени уши. Мерзкій мальчишка... Это Чвинь. И отецъ у него развратный. И мать, хоть и сестра, а скверная... Всѣ они...

Козень. Вы-бы, Ольга, сыграли. (*Ольга играетъ.*)

Меркулова. А это... приемышь... то-есть такъ говорятъ... приемышь, а вѣрнѣй... Гляди, Nadine, какія серьги. Это все братецъ... все братецъ... Тебѣ, родной племянницѣ, какой-нибудь билегъ восточнаго займа... и то еще за фальшивый примуть, а ей...

ЯВЛЕНИЕ IV.

ТѢ-ЖЕ и ИВИНЫ.

(Ивины важно проходятъ подъ руку. Ольга полуоборачивается и продолжаетъ играть. Ветлужскій подходитъ къ Ивинамъ, здоровается и идетъ за ними. Они проходятъ и садятся впереди. Ивина-дѣти быстро отходятъ отъ Козень. Она подходитъ къ Ольгѣ и облакачивается на роуль.)

Козень. Добродѣтельные мальчишки испугались папаши съ мамашей... ха, ха, ха!.. (Хохочетъ.)

Ивина (полу-оборачиваясь на смѣхъ Козень.) И эта здѣсь? Ее нигде не пускаютъ, такъ хоть къ брату. (Оглядываетъ присутствующихъ.) Преинтересный звѣринецъ... родственниковъ... (Ивину.) И сестрица здѣсь...

Меркулова (дочери.) Видишь... видишь, Надинъ, какъ эта выдра воображаетъ... Думаетъ, что жена генерала, извѣстнаго взяточника... Кареты... валансьень... Твой дядя ихъ очень хорошо знаетъ. Смотри, какъ они... Точно на какихъ-то лакеевъ смотреть. Да чего ты вытаращила на нихъ глаза?

Ивинъ (тихо Ветлужскому.) А Козень еще сохранялась...

Ветл. И очень...

Ивина (мужу.) Ты что говоришь?

Ивинъ. Гмъ... Я, Агриппине, говорю...

Ивина (перебивая.) У тебя всякая юбка—ерасавица.

Ивинъ. Ну, ужь и всякая... (Ветлужскому.) Что она, такъ-же весело живетъ?

Ветл. (смѣется.) Чего ей...

Евгеній (подходитъ къ матери и шепчетъ ей.)

Ивина. Не можетъ быть!.. Александръ! (Наклоняется и говоритъ ему на ухо.)

Ивинъ. C'est trop fort. Чортъ знаетъ, какая дѣвчонка... дочь, говорятъ, тамъ какого-то дворника...

Ивина. А какъ себя держать.

Ивинъ (ядовито.) Egalité, fraternité, liberté...

Погонкина (подводи сына.) Вася! шаркни ножкой... Л. цѣлуй ручку! Позвольте, ваше превосходительство, представить сына.

Ивинъ (къ жень.) Кто это такая?

Ивина. Родственница, Анна Федоровна.

Ивинъ. Очень радъ, очень радъ, Анна Федотовна.

Пог. Федоровна... Анна Федоровна... Вашей супруги, Агриппины Васильевны, двоюродная сестра. Еще, помните, въ Курскѣ у васъ бывали... Садъ такой великолѣпный, въ саду бесѣдка...

И в и н ъ. Какъ-же, какъ-же, бесѣдка... Очень радъ, очень... Славный молодой человекъ.

И в и н а. А я было васъ не узнала, Анна Федоровна,—богатой быть... *(Протягиваетъ руку. Погонкина лѣзетъ цѣловаться. Ивина обтираетъ губы и тихо Евгенію)* Вотъ пристала! *(Громко.)* Милый мальчикъ! *(Треплетъ по щекъ.)*

Пог. Единственный, Агрипина Васильевна, но за то способный. Онъ тоже по судебной части думаетъ, какъ и ваши прелестные сынки... Леонидъ Александровичъ—живой вашъ портретъ, сестрица!

Козенъ. *(Смѣется.)* Анна Федоровна не утерпѣла-таки, любить родственную кровь.

Ольга. Да... Терпѣливая женщина... Беспаловъ надъ ней потѣшается, она все сноситъ. Средствъ нѣтъ. Вы, Маргарита Васильевна, видно бѣдности не знавали?

Козенъ. И не желаю знать. *(Ольга перестаетъ играть и говоритъ съ Козенъ.)*

И в и н ъ *(Ветлужскому, показывая на Ольгу.)* Эта дѣвица выровнялась... хорошо сложена...

Ветл. И, кажется, питаетъ замыслы на Николая Васильевича. По-моему, на это надо обратить вниманіе. Такая красивая и рѣшительная дѣвушка...

И в и н ъ. Я уже объ этомъ подумалъ... подумалъ. Намъ надо вмѣстѣ подумать.

И в и н а *(Леониду.)* Видѣли дядю?

Леонидъ. Нѣтъ, мама. Онъ уѣхалъ въ церковь.

Евгеній. Одѣвался... мы въ это время у этой барышни сидѣли. Видѣли, мама, какія новыя серьги ей подарилъ дядя? *(Ивина смотритъ въ лорнетъ.)*

Погонк. А вы, сестрица, все на той-же квартирѣ?

И в и н а *(дѣлаетъ видъ, что не слышитъ.)* Какія наглыя манеры! Чего онъ смѣются! *(Отворачивается.)*

Погон. *(громче.)* А вы, сестрица, все на той-же квартирѣ?

И в и н а *(не отвѣчаетъ. Тихо сыну.)* C'est embetant enfin... Двѣсти тысячъ!!

Погон. *(отходитъ съ сыномъ.)* Горды они очень стали, Вася. Пойдемъ. Вотъ какъ мы выиграемъ съ тобой двѣсти тысячъ на дядинъ билетъ, тогда посмотримъ, каковы они будутъ. Ты тогда въ нимъ на лошади подѣдешь... красавцемъ. Тогда увидимъ... Смотри, Вася, стихковъ не забудь.

Вася. Нѣтъ, маменька, нѣтъ. *(Повторяетъ.)* Позвольте мнѣ, невинному дитяти, поздравить васъ отъ полноты души... и пожелать... "Маменька! У меня животь болигъ!"

Погон. Вотъ нашель время! Дядя имянинникъ, а у него болить животь! Очень?

Вася. Очень, маменька!

Погон. Ахъ, ты дуракъ, дуракъ! Пойдемъ, только, смотри, стишки не забудь. Какъ дядя придетъ... (*Уходятъ и черезъ нѣсколько времени возвращаются.*)

Козень (*громко.*) Вотъ и дядя! (*Всѣ встрепенулись.*) Нѣтъ никого... (*Хохочеть.*) Фальшивая тревога.

Ивина. Это чортъ знаетъ, что такое. Эта дама ничѣмъ не стѣсняется.

Ивинъ. Вообще вашъ братецъ отличается. Вы-бы ему скажали; вѣдь я его тогда спасъ.

Ивина. Дешево спасали, а теперь сами говорите съ нимъ.

Ивинъ (*значительно.*) Мы съ докторомъ поговоримъ и, наконецъ, правительство не потерпитъ, чтобы права собственности... родство... (*Къ Ветлужскому.*) По-моему, Безпаловъ того... (*Показываетъ на голову.*)

Ветл. Есть грѣшокъ! Вы сегодня будете на бенефисѣ?

Ивинъ. Какже, какже... Сперва маленькое засѣданіе, а потомъ проѣду въ театръ. Жюдикъ въ этой роли должна быть очаровательна... (*Чмокаетъ губами.*) Откровенный костюмъ... (*Смѣется.*)

Леонидъ. Папа, и мы пойдемъ.

Ивинъ. Идите, если мать пустить. Это ваше дѣло. (*Ветлужскому.*) Вы завтра, пожалуйста, ко мнѣ пораньше, прямо въ кабинетъ, скажите дежурному чиновнику ваше имя, чтобы не ждать, иначе придется вамъ долго дожидаться. Приемный день и—вы понимаете—много разнаго народа. Служба!

Евгеній (*подходитъ къ отцу.*) Папа, дядя пріѣхалъ.

Ивинъ. Ну, что-жь!? (*Оборачивается и привстаетъ.*)

ЯВЛЕНИЕ V.

Тѣ-же и Безпаловъ.

(*При входѣ Безпалова всѣ встаютъ, исключая Ольги. Она сидитъ у рояля, полуобернувшись ко всѣмъ, и холодно смотритъ.*)

Безп. (*входитъ съ просфорой въ рукахъ.*) А! добрые родственники! Очень радъ. (*Всѣ кланяются.*) Маргарита Васильевна! (*Целуется съ ней.*) По-прежнему цвѣтете?

Козень (*смѣется и тихо.*) И по-прежнему безъ денегъ...

Безп. Вамъ и государственнаго казначейства мало.

Козень. Ну, съ нимъ-бы я справилась. Вотъ вамъ моя работа! (*Подаетъ туфли.*)

Безп. (*смѣясь.*) Отъ Дарзанса?

Козень. Даровому коню въ зубы не смотреть!

Погонкина. (Со времени прихода Безпалова въ ажитации; то подталкивает Васю, то тащитъ его за рукавъ назадъ.) Ну, теперь иди. Не робѣй, голубчикъ! Нѣтъ... назадъ! (Дѣраетъ его назадъ.) Этотъ степной звѣрь всего братца заслонилъ!

Безп. (Къ Ивину.) Давненько не видались! Вашему превосходительству! (Хочетъ пройти на встрѣчу къ Ивину, но въ это время Вася, получивъ отъ Погонкиной толчекъ, стоитъ въ позѣ передъ Безпаловымъ. Погонкина нѣсколько сзади. За ней Меркулова съ дочерью.)

Меркулова (тихо). Ишь, пролѣзла-таки съ сыномъ. Сокровище! (Хочетъ пройти впередъ, но Погонкина дѣлаетъ снова движеніе и Меркулова остается сзади.)

Вася (декламируетъ):

Позвольте мнѣ, невинному дитяти,
Поздравить васъ отъ глубины души
И пожелать...

Погон. (качаетъ въ тактъ головою. Вся ея фигура изображаетъ умиленіе). Ну, вспомни.

Вася (продолжаетъ):

И пожелать небесной благодати,
А въ сердцѣ сладостной тиши.

Леонидъ (хихикая). Тиши, тиши... Ай да стихи!

Погон. (оборачиваясь). А вы и такихъ не сочините.

Вася (продолжаетъ):

Не нужно мнѣ серебра и злата,
Я жажду видѣть всей душой
Счастливымъ маминаго брата,
Мой добрый дядя, дорогой!

Ветл. (Ивиннымъ). Представленье?

Вася (продолжаетъ):

Не нужно камней драгоценныхъ...

Безп. Спасибо, спасибо, Вася. Это ты самъ?

Вася. „Мѣховъ не нужно и парчи...“

Безп. Спасибо... (Беретъ его и шлуетъ.)

Пог. Вася, шаркви ножкой.

Безп. Вотъ тебѣ... хоть ты и не желаешь злата, а оно все пригодится... (Даетъ полумперіаль.)

Погон. Вася! шаркви ножкой... Поцѣлуй ручку!

Безп. Не надо, не надо. Сестрица! Пожалуйста! (Погонкина отступаетъ, держа за руку сына, и не безъ гордости проходитъ мимо родственниковъ.)

Меркулова (торжественно.) Братъ! Мы люди бѣдные... люди горя. Мы словъ говорить не умѣемъ, что на сердцѣ, то на

языкъ. (*Мелодраматически.*) Будьте счастливы, братъ! (*Цѣлуется и толкает впередъ Надю.*) Сирота! Иди!

Надя (*конфузаясь.*) Поздравляю васъ, дорогой дяденька... (*Безп. цѣлуется и лѣзетъ въ карманъ.*)

Меркулова (*тихо.*) Avez-vous oubliez?

Надя (*конфузаясь еще болѣе.*) Когда персидскаго царя Ксантуса спросили, что онъ для себя желаетъ... (*Останавливается.*)

Ветлужскій. Древняя исторія!

Леонидъ. А изъ дѣвочки выйдетъ прокъ... Плечики какія кругленькія!..

Безп. Что-же онъ пожелалъ?

Надя. То сей великій государь отвѣтствовалъ: здоровья тѣла и здоровья души я желаю вамъ.

Безп. (*улыбаясь, взглядываетъ на Меркулову.*) Благодарю... Спасибо, Надя... (*Даетъ имперіаль.*)

Меркул. Напрасно, братъ, вы профанируете чувство... дѣвочки... Чувство вѣчно, металлѣ преходящъ.

Безп. Это Надино дѣло... Она, быть можетъ, купитъ себѣ... новую персидскую исторію.

Меркулова (*отходя; тихо.*) Combien?..

Надя. Cinq roubles...

Меркулова. По курсу цѣлыхъ восемь выйдетъ... (*Со злобой.*) Плюшкинъ!

Безп. (*здоровается съ Ивиными, съ Ветлужскимъ; въ его поздравляютъ.*) Вотъ здоровье только плохо... Старъ становлюсь...

Ивинъ (*смѣется.*) Что вы, Николай Васильевичъ, вы еще молодцомъ...

Ивина. Право, братъ... Ты, на мой взглядъ, лучше... Князь у тебя былъ?

Безп. Нѣтъ еще... Утѣшаете вы меня... И за то спасибо. (*Къ Ивинымъ-дѣтямъ.*) Вайъ, молодые люди, вотъ на театръ... Ну а ты, племянникъ, какъ поживаешь?..

Ветл. Какъ всегда...

Безп. Еще не нашель богатой невѣсты?

Ветл. Была, да сорвалась.

Безп. (*подозрительно.*) Это кто-же такая?..

Ветл. Вдова одна... (*Смѣется.*)

Безп. Съ твоимъ умомъ какъ не найти! (*Идетъ къ Ольгѣ.*) Ты сердишься? Ты получила письмо?

Ольга. Получила...

Безп. (*перебивая.*) Послѣ, послѣ поговоримъ... Что-жъ ты въ

сторонѣ?.. Ну... ну, какъ знаешь!... Я къ Ивину пойду... дѣло...
(Идетъ къ Ивину. Ольга смотритъ вслѣдъ и улыбается.)

Ольга (Козень). Разкажите что-нибудь, Маргарита Васильевна...

Козень (ласково). Что съ вами... точно горе?..

Ольга. У меня?.. (Улыбается.) Какое?.. Такъ хандра... (Уходятъ подъ руку въ другія комнаты. Погочкина съ сыномъ тоже.)

Безп. (подсаживаясь къ Ивину.) А я къ вамъ, Александръ Александровичъ, собирался... съ просьбой...

Ивинъ. Вы... съ просьбой, Николай Васильевичъ?.. Это рѣдкость и я, конечно, радъ...

Безп. Видите-ли... Одинъ изъ моихъ племянниковъ—вѣдь ихъ у меня сотня наберется, если не больше—увлекся и... мать просить... (Шепчетъ на ухо.)

Ивинъ. Это дѣло серьезное... Очень даже серьезное... Я не предрѣшаю, конечно, вопроса, но не могу не констатировать факта...

Безп. Да что тутъ серьезнаго?.. Неужели всякая глупость у васъ, у административныхъ свѣтилъ, такъ серьезна...

Ивинъ. Глупость глупости рознь, милѣйшій Николай Васильевичъ... Въ этой глупости, какъ вамъ угодно называть, мы усматриваемъ подрывъ основамъ цивилизаціи... вы понимаете, собственно-сти, семьи, религіи...

Безп. (смѣясь.) Что касается собственности, то... всякій до нея охотникъ и, если правду говорить, и мы съ вами не прочь, а?..

Ивинъ. Мы охраняемъ ее...

Безп. Ну... ну... съ вами не сговоришь... Положимъ, что и вы ее охраняете, господа, но дѣло не въ томъ... Нельзя-ли племянника спасти?.. У васъ, тамъ, связи...

Ивинъ. Это, право, трудно...

Безп. Эхъ, Александръ Александровичъ, какой вы стали охранитель... Помните, мы съ вами и трудныя дѣла дѣлали...

Ивинъ. Помню... помню... Если-бы не я, вамъ-бы...

Безп. То-есть, если-бы не пятьдесятъ тысячъ... Но что за охота мыть старое бѣлье... Я-бы съ удовольствіемъ, если за хлопоты нужно... Пройдите въ кабинетъ, а то Меркулова насторожила уши... (Беретъ его подъ руку и уводитъ.)

Меркулова. Пойдемъ, Надинь... Эта выдра (указывая на сестру) такъ смотритъ, точно съѣсть хочетъ... Пойдемъ!.. (Уходятъ.)

ЯВЛЕНІЕ VI.

Тѣ-же и князь Херсонскій.

Князь. Гдѣ-же дорогой имянинникъ?..

Ивина (подбѣгаетъ.) Моп ргіпсе...

Князь. Не узнаю... извините... не узнаю... Память плоха... Заботъ столько, столько...

И вина. И вина...

Князь. А... Charmé! (*Въ сторону: ей-богу забылъ!*)

И вина. Сюда, князь... Вотъ мои дѣти... Леонидъ, бѣги къ дядѣ... Учатся... Какъ ваше здоровье, князь?

Князь. Здоровье?.. Гдѣ намъ взять здоровья... (*Къ Ветлужскому.*) Молодой человекъ! Гдѣ я васъ встрѣчалъ?.. Ваше лицо мнѣ что-то знакомо?..

Ветл. (*подходя.*) Ей-богу не припомню, князь...

Князь. Тоже память плоха...

ЯВЛЕНІЕ VII.

Тѣ-же, Безпаловъ и Ивинъ.

Безп. Князь... Какъ я радъ...

Князь. Ну... со днемъ ангела... Очень доволенъ... отрадно... въ кругу родственниковъ... Вотъ и подарокъ за вашу дѣятельность. (*Подаетъ орденъ.*) Очень радъ...

Безп. Князь...

Князь. Не благодарите... Мы васъ еще попросимъ... Видите-ли, учреждается общество благотворительности...

Безп. (*морщась.*) Вы знаете, я всегда готовъ.

Князь. Знаю... знаю... Я еще вамъ долженъ...

Безп. Пустяки, князь...

Князь. Ну, некогда... До свиданія... Такъ вы пріѣдете ко мнѣ... Общество самое благотворительное... (*Безпаловъ провожаетъ и возвращается.*)

Безп. Старая развалина... Онъ и такъ ужъ перебралъ у меня... (*Къ Ивину.*) Значитъ, хоть вопросъ и серьезень, но племянника вы выручите... Не особенно трудное дѣло...

Ивинъ. Вы, Николай Васильевичъ, магъ и волшебникъ...

Безп. Ну, господа... прошу теперь закусить... Пожалуйте.. Сестра... Дѣти, ступайте... (*Всѣ уходятъ.*) Меня не ждите... Знаете... катарръ... (*Подходитъ къ двери и зоветъ Ольгу.*)

ЯВЛЕНІЕ VIII.

Безпаловъ и Ольга.

Безп. (*Притворяетъ двери.*) Письмо удивило тебя?

Ольга. Нѣтъ.

Безп. Какъ нѣтъ? (*Подозрительно.*) Развѣ ты этого ждала...

Ольга. Нѣтъ не ждала, то что-жъ тутъ удивительнаго?

Безп. Я старъ... ты молода... развѣ можно любить меня?

Ольга. Но вѣдь я васъ и не люблю...

Безп. Значить ты не согласна?

Ольга. Напротивъ...

Безп. Тебя прельщаетъ состояніе?..

Ольга. Какъ васъ испортили родственники, вы даже и **меня** готовы подозрѣвать!.. Развѣ я не могла-бы прямо сказать: не **хочу**? Вы, кажется, знаете, что я всегда дѣйствую прямо...

Безп. Конечно, могла-бы...

Ольга. И, однако, я не говорю этого; напротивъ, прямо **говору**: согласна... Я васъ не люблю, рассказывать о любви было—**бы** глупо, но я помню все, что вы для меня сдѣлали... (*Съ чувствомъ.*) Я, уважаю въ васъ силу, и не обману вашего довѣрія... Что **мнѣ** деньги? Вы вѣдь знаете, жадна-ли я до нихъ...

Безп. Правду ты говоришь?..

Ольга (*улыбаясь.*) Опять?..

Безп. Но вѣдь я раздражителенъ, капризенъ, ревнивъ...

Ольга. Я постараюсь утѣшить васъ... Я не подамъ повода ревновать. Вы знаете мою жизнь... Вы спасли меня отъ нищеты, отъ грязи, отъ перспективы замужества съ пьянымъ чиновникомъ; хоть я и молода, но я много испытала. Я не сантиментальная ба-рышня...

Безп. (*беря ее за руку.*) Ольга!.. Неужели ты правду говоришь? Повтори еще разъ.

Ольга (*улыбаясь.*) Согласна.

Безп. Вѣдь я одинокъ, совсѣмъ одинокъ, нѣтъ близкаго человѣка... Родственники? Ихъ, правда, много, но вѣдь развѣ кто-нибудь изъ нихъ привязанъ ко мнѣ... Они ждутъ смерти и наслѣдства... Иногда въ моемъ богатомъ одиночествѣ такая тоска, такая тоска... Я грѣшилъ, но неужели-же грѣхи такъ тяжки и я умру одинокимъ... съ вѣчнымъ подозрѣніемъ... Вѣдь нѣтъ?.. Ты будешь около... ты не оставишь меня... нѣтъ?.. (*Обнимаетъ ее. Ольга вздрагиваетъ.*)

Безп. (*подозрительно.*) Ты что это?.. Тебѣ... противно? Ты... меня обманываешь?

Ольга (*рѣшительно.*) Что вы?.. (*Цѣлуетъ его.*)

Безп. Спасибо тебѣ, мой ангелъ... Сегодня я получилъ самый цѣнный подарокъ... Пока никому ни слова.. Мы родственникамъ устроимъ сюрпризъ... А свадьба скорѣй... скорѣй... Пойдемъ, моя красавица... пойдемъ... (*Проходитъ впередъ.*)

Ольга (*останавливаясь.*) Наконецъ-то!

КОНЕЦЪ ВТОРОГО ДѢЙСТВІЯ.

МАРСКАЯ
 БИБЛИОТЕКА
 805
 ВЕНА

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

ДѢЙСТВУЮЩІЕ:

Везпаловъ.

Ольга.

Ивигъ.

Ивина.

Евгеній.

Ветлужскій.

Солопова. Ветхая старуха. Тетка Везпалова.

Козень.

Везпаловъ, Петръ Васильевичъ, братъ Николая Васильевича. Горькій пьяница безъ занятій.

Погонкина.

Меркулова.

Везумовъ. Молодой человѣкъ. Художникъ.

Перцовъ. Праздношатающийся молодой человѣкъ.

Чижъ. Молодой врачъ.

Неизвестный родственникъ.

Гриша.

Между вторымъ и третьимъ дѣйствіями проходить двѣ недѣли.

Кабинетъ Везпалова.

ЯВЛЕНІЕ I.

Гриша (одинъ.)

(Гриша зажигаетъ въ кабинетъ лампу и свѣчи, ставитъ лекарство, воду и газету на маленькій столикъ, къ которому придвигаетъ кресло. Двери въ юстинію открыты. Оттуда слышна порывистая, нервная игра, сперва минорная соната, которая вдругъ на серединѣ обрывается, затѣмъ офенбаховскіе мотивы и снова минорные, тоскливые звуки.)

Гриша. *(Смотритъ на часы.)* Седьмой часъ, а его нѣтъ! И не обѣдалъ дома... Гдѣ ему быть?.. Съ утра сегодня такой ехидный. Засмѣется, ровно змій ядовитый. Зашипѣлъ это утромъ *(передразнивая)*: „Скоро смерть моя, Гриша. Чувствую, говорю, скоро. Ты радъ будешь?..“ А самъ смѣется тихо такъ, старый дьяволъ! То есть такъ-бы и плюнулъ ему въ рожу!.. Сперва думаю: опять представленіе разыгрываетъ, но какъ закашлялся да посинѣлъ... *(Смѣется.)* Пора, видно, старому чорту... На томъ свѣтѣ давно паекъ идетъ... А еще жениться выдумалъ, приданое шьютъ... Это еще мы посмотримъ... посмотримъ! *(Внимаетъ изъ кармана письмо.)* Какъ это понравится!.. *(Смѣется.)* Каково на вкусъ той-то? *(Машетъ юловой на дверь.)* И чего она этакое все... терзательное играетъ, надоѣла даже... Ей-бы теперь тра-ла-ла да тра-ла-лю... Какъ ты завтра-то заиграешь послѣ этого... *(Вертитъ письмо и кладетъ въ карманъ.)* Триста

рубликовъ за него получено... (*Подходитъ къ этажеркѣ и открываетъ вещи въ футлярахъ.*) Лкбить, старый чортъ, эти вещи на виду держать. Хорошій перстенецъ! (*Надвываетъ на палецъ перстень*) Какъ разъ! Рублей, пожалуй, пятьсотъ... Спрятать развѣ? А потомъ въ гостяхъ либо въ театрѣ на... (*вертитъ на сѣту палецъ*) съѣшь... Откудова? Изъ брильянтовой лавки куплено... (*Смѣется.*) И куда онъ поѣхалъ? (*Кладетъ перстень обратно.*) Собирался... охаетъ, крихтитъ... Скверно, говорить, Гриша... Если-бы да только скорѣй... Надоѣло въ этомъ проклятомъ домѣ; если-бы не доходы, давно-бы плюнулъ... Д-да! Около денегъ ходишь, деньги собираешь! Пять тысячъ ровно съ этими тремя сотнягами за письмо... да еще коли сватъба разстроится, Ивинъ обѣщалъ да Ветлужскій... Имъ сватъбу (*мотаетъ головой въ гостиную*) хочется разстроить. Орудуютъ... Лизѣ перепало... Она это письмецо ловко... (*Смѣется.*) Бой дѣвка!.. Скорѣй-бы только ему сдохнуть, тогда... Небойсь, кафе-ресторана не открою... Мнѣ знакомый купецъ недавно говорилъ: теперь, говорить, можно очень хорошо капиталъ пристроить, если кожу или что другое для арміи... Процентъ, говорить, такой... такой... Тотъ-бы!.. Сегодня Гриша, а завтра Григорій Ивановичъ... подрядчикъ, либо маркитантъ... Нынче, слава-богу, цивилизація для всѣхъ... Теперь я лакей, а черезъ мѣсяцъ... (*Садится въ кресло.*) господинъ Григорій Ивановичъ Петровъ... Примѣровъ не мало: только бы деньги... Съ деньгами я самъ тогда могу все себѣ предоставить... Лизу по боку... Этакъ полковницкую дочь, чтобы по-французски: бонжуръ, оревуаръ... На вечерѣ въ кадрили... (*Подъ звуки офенбаховскаго мотива слегка канканчируетъ.*) Нынче для всѣхъ свободно... Сашка камердиверъ былъ, а теперь Александръ Петровичъ... ваше... (*Смѣется.*) Опять жалостное!.. То-то заиграешь, какъ это письмецо.. Носъ-то опустишь!.. (*Подходитъ къ этажеркѣ.*) Развѣ взять? А въ случаѣ чего въ спальню сунуть, а не то, много тутъ публики бываетъ... родственниковъ... (*Беретъ футляръ.*) А рассчитать?.. Побойтся... Привыкъ. И зачѣмъ онъ такія вещи на показъ кладетъ, будто нарочно людей соблазнять... дьяволь!.. А то положить? Еще успѣю... (*Кладетъ на мѣсто.*)

ЯВЛЕНІЕ II.

Ольга и Григорій.

Ольга. Николлай Васильевичъ не говорилъ, когда вернется?

Григ. Нѣтъ-съ. Ничего не говорили.

Ольга. Что онъ здоровъ былъ, какъ уѣхалъ?

Григ. Совѣтъ не хороши были, вовсе плохи, вотъ уже съ недѣлю... все о смерти говорятъ. Вы-бы, барышня, посовѣтовали барину стараго доктора вернуть, а то новый, молодой, только зной-

себѣ стучаешь, а лекарства ни-ни... Старый не стучалъ, а каждый разъ лекарство... Богъ знаетъ, какой онъ докторъ...

Ольга. Онъ докторъ хорошій.

Григ. Дай Богъ, дай Богъ... (*Льстиво.*) Вы, Ольга Николаевна, не обезсудьте простого человѣка... простите... Лиза все спрашиваетъ: правда, говорятъ, вы замужъ выходите?..

Ольга. (*Строго.*) Что вы вздоръ говорите, Григорій!

Григ. Простите, барышня... Я такъ... (*Уходя.*) Ишь ты!.. Еще, братъ, попадешься... Подцѣлимъ!..

Ольга (одна).

Ольга. (*Ходитъ.*) Глупое состояніе какое. Совѣмъ рѣшилась, а все-таки... Какъ вообразишь себѣ: этакій старый, гадкій, гнилой... фуй! (*Вздрагиваетъ.*) Нервы... Надо капель принять... Странно, что онъ будто избѣгаетъ меня нѣсколько дней... Подозрѣваетъ, что-ли? Ну что-жь... я на все готова. Сегодня-же узнаю... (*Нѣсколько времени молчитъ.*) Пять лѣтъ декабря, пять лѣтъ въ держки, и все-таки... Вѣдь только физически противно. Долго онъ не проживетъ. По словамъ стараго доктора, самое большее—годъ... Одиць только годъ—и я буду свободна... богата... Надо успокоить его... Но гдѣ-жь онъ... чего онъ не ѣдетъ? (*Садится и задумывается.*)

ЯВЛЕНІЕ III.

Ольга и Безумъ.

Безум. (*Тихо входя.*) Ольга Николаевна!

Ольга. (*Вздрагивая.*) Ахъ!.. (*Вскакиваетъ.*) Зачѣмъ вы пришли?.. Что вы?..

Безум. Что-жь тутъ страннаго, что я пришелъ?.. Кажется, не первый разъ. Я пришелъ еще разъ попытаться остановить васъ.

Ольга. Напрасно... Я рѣшилась.

Безум. Вѣдь вы губите себя...

Ольга. Знаю... Всѣ эти слова вы уже написали въ письмѣ и я вамъ отвѣчала...

Безум. Я не получалъ вашего письма...

Ольга. Какъ не получали? Не можетъ быть, я послала его съ вѣрнымъ человѣкомъ.

Безум. Но я его не получалъ...

Ольга. Странно... очень странно... Идите скорѣй домой.. узнайте, быть можетъ, вамъ забыли отдать. Ради Бога идите скорѣй!..

Безум. Какъ вы боитесь!..

Ольга. Да, боюсь. Какакая-нибудь глупость разстроить мою свадьбу... Идите...

Безум. Но, Ольга Николаевна... выслушайте...

Ольга. Я васъ выслушаю, только не здѣсь... Узнайте о пись-

мѣ и отвѣчайте на имя Маргариты Васильевны. И больше не пишете. Я рѣшилась... Ваши пылкія слова бесполезны.

Безум. Вы продаете себя?..

Ольга. Продаю.

Безум. Вѣдь это самоубійство. Если вамъ не жаль другихъ, то пожалѣйте себя.

Ольга. Опять?.. Значить, не жаль ни другихъ, ни себя. Всего годъ, а тамъ... (*Встряхиваетъ головой.*) И если вы... Впрочемъ, я глупости говорю... Нѣтъ, вы, мужчины... мягки. Вамъ подлость въ женщинѣ даже нравится. Вы вернетесь и предложите богатой вдовѣ руку и сердце.

Безум. Что вы говорите... Подумайте?

Ольга. Безумовъ! безъ мелодрамы... И съ какого права? Вы любите, но вѣдь я вамъ не признавалась... Идите-же, идите. (*Беретъ его за руку и уходитъ вмѣстѣ съ нимъ.*) И не думайте приходить сюда, пока я не позволю!

ЯВЛЕНІЕ IV.

Погокина и Григорій.

Григ. (*Остатокъ вѣзетъ Пог. у кабинета.*) Туда никакъ нельзя-съ...

Пог. Это отчего?

Григ. Оттого, что никакъ невозможно.

Пог. Братецъ болѣвъ, братцу хуже... Еще утромъ онъ жаловался и приказалъ придти. Я хочу его видѣть, быть при немъ... Кровь-то родная...

Григ. Да барина нѣтъ...

Пог. Какъ нѣтъ?

Григ. Да такъ... умерли!

Пог. Ахъ ты... Развѣ такъ можно шутить! Вотъ я братцу скажу... Будь, голубчикъ, спокоенъ, скажу. (*Кричитъ въ двери.*) Братецъ! Братецъ!

Григ. Я говорю вамъ: умерли!..

ЯВЛЕНІЕ V.

Тѣ-же и братья Безпаловы.

Петръ Безп. Ха-ха-ха... Подлецъ Гришка блокируетъ Анну Федоровну, а сестрица форсируетъ проходъ... Сестра!.. Приди въ мои объятія! Рано прилетѣла! Еще нашъ миліонеръ живъ... живъ... (*Къ Безп.*) Давай-же красненькую... Не будь жидоморомъ... Пора перестать...

Безп. Закутишь?

П. Безп. А тебѣ-то что?.. Ты не кутишь, ну и твое счастье... Вотъ ты миліонеръ отъ трезвой жизни и разныхъ фокусовъ... а я... нищій, но я веселъ, а ты ада боишься... Я чертей боюсь при жиз-

ни, иногда вижу ихъ въ стаканѣ, а ты боишься впереди... Ну, братъ, нечего... Я вѣдь рѣдкій гость... Давай...

Пог. Какъ ваше здоровье, братецъ?

П. Безп. Скоро... скоро умреть! (Смѣется.) Вамъ десять тысячъ по самому послѣднему завѣщанію... Только-что пятидесятое сдѣлалъ.

Безп. Что ты все врешь... Скверно, Анна Федоровна... Очень скверно...

Пог. Что мнѣ ваши деньги! Кровь... Не нужно-ли вамъ чего, братецъ?

Безп. Нѣтъ ничего, ступайте... ступайте...

Григ. Письмо... (Подаетъ письмо.)

Безп. (поворачивая его.) Кто подаль?

Григ. Посыльный.

Безп. Хорошо... Ступай... (Поголкина и Григорій уходятъ. Поголкина ходитъ по истинной и время отъ времени подходитъ къ дверямъ.)

П. Безп. Ты опять эту дрянь?.. Охота докторовъ слушать. Ты послушай меня: пей водку—все пройдетъ и меланхолю какъ рукой снимать... Ты посмотри на себя... Какой ты ехидный... Ну, давай-же, братъ...

Безп. Да на... отстань... Мнѣ не жаль... Все равно пропьешь! (Подаетъ деньги.)

П. Безп. Ого-го-го!.. Пятьдесятъ... Что это за великодушіе сегодня... (Подаетъ назадъ деньги.) Не ошибся-ли?.. Ты, братъ, перемѣни. Нѣтъ?..

Безп. (читаетъ письмо.) Да нѣтъ... Какая тутъ ошибка! Я въ деньгахъ не ошибался... Это второе письмо... Первое, къ Безумову, было хорошо, а это тоже недурно... И какъ эти подлецы доставятъ письма?.. Первое—Володя мерзавецъ, а это, вѣрно, дѣло рукъ Гришиныхъ... (Беретъ опять письмо и читаетъ.) „Какъ ни противенъ этотъ старый эгоистъ, какъ ни гадокъ онъ и нравственно, и физически, но я рѣшилась... все равно, ему года не прожить...“ (Вскакиваетъ въ быженство и бросаетъ письмо.) А я было повѣрилъ!.. Хотѣлось повѣрить!.. Лучше-бы, если-бъ этихъ писемъ не было... По крайней мѣрѣ, имѣлъ-бы удовольствіе обманутымъ быть... А теперь... Такъ молода и такая...

П. Безп. Братъ, ты что это монологи говоришь? Вели подать водки...

Безп. Вели!..

П. Безп. (кричитъ.) Мерзавецъ Гришка!.. (Гриша является.) Водку и закуску... да хорошую... Баринъ позволилъ... (Гриша уходитъ.)

Безп. (вынимая изъ кармана пакетъ и письмо) Ивины съ Во-

людей съумасшедшимъ меня хотятъ сдѣлать... (*Смѣется.*) Посмотримъ, кто посмѣется... Ничего этимъ мерзавцамъ... ничего... Лучше пусть пропадутъ мои деньги... Сожгу ихъ лучше!

П. Безп. (*у двери.*) Гришка, скорѣй!

Безп. Только и есть человѣкъ... любилъ меня, но за то и не бываетъ у меня... сынъ мой... Брошенъ былъ... Незаконный... Да развѣ этотъ Петръ, пьяница,..

П. Безп. Да что ты, братъ? Въ самомъ дѣлѣ, что-ли, ты тронулся... Вѣдь, знаешь, про тебя говорятъ, что ты того... Это ея превосходительство, наша сестрица, Марья Васильевна, распускаетъ... Еще говорятъ, будто ты женишься... Что-же, съ Богомъ!.. (*Опять подходитъ къ двери и принимаетъ изъ рукъ Григорія поднось.*) За твое здоровье... Послушай, выпей...

Безп. Братъ, брось ты пить!

П. Безп. Поздно... Не пить мнѣ теперь невозможно... Только этимъ и поддерживаю себя... Иногда, когда запью, бываетъ только скверно... Ужасно скверно, если-бъ ты зналъ!.. Знаешь-ли, братъ, такая тоска... такая.. сердце упадетъ... все это вспомнится, какъ мы дѣтьми были, мать тамъ и все такое... жизнь молодая... И вдругъ, какъ подумаешь, до чего низко упалъ... И самому стыдно, и силы нѣтъ... Въ это время просто такъ и тянетъ либо съ пятого этажа, либо къ ножу... А тоска... И свою низость видишь, и знаешь, что все равно... Выпьешь рюмку отравы этой—опять бодрѣ станешь, но это одинъ обманъ... Черезъ полчаса опять тоска... Опять рюмку... Наконецъ дѣлается просто ужасно... Черти свачуть... Тоска... Страхъ какой-то...

Безп. Перебирайся ко мнѣ...

П. Безп. Нѣтъ... У меня свои пріатели... Чуть запью, откуда ни возьмись, изъ разныхъ трущобъ лѣзутъ... и пьютъ вмѣстѣ.. Я ихъ ругаю, они слушаютъ и поютъ пѣсни. Запой кончится—они исчезаютъ... Кто они, гдѣ они... ищи... Такіе-же пропойцы...

Безп. Такъ съумасшедшимъ хотятъ объявить?

П. Безп. Хотятъ... Ха-ха-ха.. Да ты, въ самомъ дѣлѣ, похожь... Ишь какая у тебя рожа... злая... На кого ты это злишься? Сестрица! (*Машетъ рукой въ двери.*) Хотите рюмочку? (*Полонкина скрывается.*) Ахъ, охотница она подглядывать. Еще дѣвочкой любила!

Безп. Трудно это тебѣ объяснить... Такъ съумасшедшимъ?..

П. Безп. Ишь зарядилъ... Ты лучше выпей...

Безп. Увидимъ, увидимъ... Я васъ съ грязью смѣшаю... Подождите, голубчики...

П. Безп. Сыну деньги шлешь?

Безп. (*Мрачно*) Возвращаетъ!

П. Безп. Уходится... Жизнь сердце смягчить. Ну ты и вино-

вать передь нимъ. Сына прижилъ да и бросилъ... Свиныя ты, братъ... Ты меня извини, но вѣдь ты свинья...

Безп. Не ругайся...

П. Безп. Ну, не буду... Да что это съ тобой?

Безп. Скверно мнѣ...

П. Безп. А ты вотъ выпей... Сестрица! Не угодно-ли? (*Полонкина опять скрывается.*)

Безп. Оставь! (*Звонитъ.*)

ЯВЛЕНІЕ VI.

Тѣ-же, Григорій и Ольга.

Безп. Гриша, поѣзжай сейчасъ къ господину Чижу... проси пріѣхать немедленно. (*Григорій уходитъ и, оборачиваясь, внимательно глядитъ. Къ Ольгѣ.*) А, здравствуй, моя красавица!.. Вотъ, братъ, рекомендую: моя невѣста; она хоть и не любитъ меня, но уважаетъ. Она не похожа на другихъ... нѣтъ. Она къ деньгамъ даже отвращеніе чувствуетъ. (*Обнимаетъ ее и цѣлуетъ.*) Она... Вѣдь тебѣ не противно? Не правда-ли, красавица?.. Посмотри, братъ. Такіе свѣтлые глаза...

Ольга (*ласкаясь.*) Что съ вами? Вы за докторомъ послали. Развѣ вамъ хуже?

Безп. Нездоровится, Ольга, но это ничего, пройдетъ, и черезъ три дня мы будемъ мужъ и жена. Ты не боишься этого нѣтъ?

П. Безп. (*качая головой.*) Да онъ никакъ тронулся!..

Ольга. Чего-же бояться!.. (*Про себя.*) Какъ онъ странно говоритъ!..

Безп. (*тихо.*) Меня!.. Развѣ не боишься?.. Ну, ну... я шучу, а ты ужъ и въ самомъ дѣлѣ испугалась!.. Ну, поцѣлуй еще... (*Ольга цѣлуетъ.*) Ты вѣдь одна около меня... честный человекъ... Ты обманывать не станешь... ты не похожа на другихъ!.. Вотъ Ивинны съ племянникомъ... съумасшедшимъ хотятъ меня сдѣлать... (*Смѣется.*) Засадить въ желтый домъ... Они хотятъ разстроить нашу свадьбу... помѣшать нашему счастью... Но никто не помѣшаетъ... Никто... Не правда-ли?.. Однако мнѣ что-то нездоровится... Знаешь-ли что, моя милая... Обвѣнчаемся поскорѣй... Что ждатель?..

Ольга. Если хотите...

Безп. Еще-бы! Ты знаешь, что я хочу, а ты?

Ольга. Я?.. Если вы хотите, то и я рада... Вы знаете... Я обѣщала беречь васъ...

Безп. Такъ завтра, моя добрая... моя милая... завтра... И ужъ проговорюсь... Я тебѣ готовлю сюрпризъ: пятьдесятъ тысячъ передъ свадьбой...

Ольга. Добрый!.. Зачѣмъ это?.. *(Цѣлуетъ ея.)*

Безп. *(едва удерживаясь.)* Святая ты дѣвушка!..

Ольга. Какая я святая!.. Что вы... Вы слишкомъ хвалите...

Безп. Не скромничай... ты мой ангелъ хранитель... Вотъ, братъ, наконецъ-то и я счастливъ... Однако, мнѣ нездоровится что-то... Ты, Ольга, ступай... Я засну... Ступай. *(Цѣлуетъ ея.)* Похлопочи, чтобы завтра все было готово...

Ольга *(про себя.)* Что это такое?.. *(Уходитъ и оборачивается)* Неужели онъ...

Безп. Ты, братъ, сдѣлай мнѣ великое одолженіе — никого во мнѣ не пускай. Ни души, понимаешь?

П. Безп. Готовъ... Руки—слава-богу! *(Показываетъ кулакъ.)* Не здоровится?

Безп. Да, сильно не можется, пойду усну... Слышишь, одного только доктора пусти, а то никого...

П. Безп. Будь спокоенъ и иди... Въ эту комнату только по трупу Пьера Безпалова пройдутъ... *(Безпаловъ уходитъ.)*

ЯВЛЕНИЕ VII.

Погогонкина и П. Безпаловъ.

Погогонкина *(бѣжитъ прямо къ спальнѣ.)*

П. Безпаловъ *(загораживая рукой.)* Атанде!..

Погогонкина. Братцу худо... Мало-ли что можетъ случиться! Около него никого...

П. Безп. Ахъ, Анна Федоровна! Чего ты, вдова, юлишь всю свою жизнь! Видно, не пьешь. Если-бы пила, бросила-бы эту жадность.

Погогонкина. Вы сейчасъ... жадность! А родственное чувство?

П. Безп. Чувство при васъ и останется, а ты, Анна, все-таки усмирись и сядь.

Пог. Это, наконецъ, какъ-же? Бѣдный братецъ, быть можетъ, въ настоящую минуту страдаетъ, а я тутъ!? *(Хочетъ проскользнуть въ дверь.)*

П. Безп. Эге! военная хитрость... Шалишь! *(Отводитъ ея.)* Склонитесь, сестрица, передъ силою обстоятельствъ *(показываетъ руку)* и сядьте.

Погон. *(отходить.)* Безчеловѣчный вы человѣкъ!

П. Безп. Рюмочку водки, сестрица, а? Не хотите? Такъ я за ваше здоровье! *(Пьетъ.)* Вонъ еще „кровь“ подходитъ. Эка ихъ сколько! Какъ это они пронюхали скоро и словно воронье на падаль слетаются!.. Сестрѣ Надеждѣ мое нижайшее!..

ЯВЛЕНИЕ VIII.

Тѣ-же, Меркулова, Солопова и Перцовъ.

(*Вся эта сцена ведется вполголоса.*)

Мерк. (*бѣжитъ впередъ на цыпочкахъ.*) Ну что, какъ братецъ?

П. Безп. (*напряжено тихо.*) Ничего! (*Здороваются.*)

Солопова (*идетъ подъ руку съ горничной.*) И ты, пьяница, здѣсь? Здравствуй, здравствуй! (*Киваетъ головой.*) Что-жъ къ теткѣ не подходишь?

П. Безп. Извините, тетушка, дверь стерегу.

Солопова (*сердито.*) Разбойники, что-ли, мы? (*Горничной.*) Сюда, сюда, Аннушка, на диванъ. (*Усаживается.*) Подай коробку съ корками.

Мерк. За докторомъ послали?

П. Безп. Послали.

Мерк. Кто-жъ при немъ?

П. Безп. Да никого. Зачѣмъ беспокоить человѣка!

Мерк. Бѣдный братъ! Ни въ комъ чувства, только одинъ интересъ! Пойду скажу ему: братъ! не всѣ интересанты, есть и настоящее чувство!

Пог. Не вы однѣ, сестрица...

Мерк. Это позвольте мнѣ знать! (*Хочетъ идти въ кабинетъ*)

П. Безп. (*загораживаетъ рукой.*) Сестра! Нельзя!

Мерк. Какъ, сестрѣ? Я взглянуть.

П. Безп. И взглянуть нельзя. Онъ спитъ.

Мерк. (*Отходитъ.*) Я понимаю, понимаю. Вы всѣ противъ меня... Интрига! Хотите съ братомъ поссорить, но правда восторжествуетъ... (*Садится не вдалекѣ.*)

Солоп. Часовой какой! И тетку не пустишь?

П. Безп. Не пушу.

Солоп. Ай да молодцы! Послали-ли хоть за священникомъ?

П. Безп. Это зачѣмъ? Съ чего вы это взяли, что братъ такъ плохъ?

Перцовъ (*смѣясь.*) Я всѣмъ, признаться, рассказалъ. Сперва отъ Анны Федоровны слышалъ, что болѣзнь приняла опасный оборотъ. Я у нихъ утромъ кофе пилъ, два стакана со сливками, — сливки такія густыя! Анна Федоровна были здѣсь и рассказали, что дяденька Николай Васильевичъ...

П. Безп. Какой онъ тебѣ дяденька? Онъ тебѣ ни дяденька, ни тетенька, а если правду говорить, такъ развѣ троюродный дѣдушка.

Пер. Ну все равно: дѣдушка. Анна Федоровна и говорить, что дѣдушка плохи. Сама видѣла. Не ѣсть, не пьеть... ужасно

Отъ Анны Федоровны я вотъ къ бабушкѣ (*указываетъ на Солопову*) завернулъ позавтракать. Бабушка добрая, любить угостить... и рассказываю. А онѣ не вѣрятъ. Дали на конку: поѣзжай, говорятъ, у дворника разузнай; лакеи, говорятъ, и швейцары обманываютъ, а дворникъ за двугривенный правду скажетъ. Позавтракалъ, поѣхалъ. Къ дворнику. Далъ ему двугривенный и онѣ сказали, что дяденька... дѣдушка то-есть, очень болѣнъ, такъ болѣнъ... Я къ бабушкѣ... сообщилъ, а оттуда маршъ къ Надеждѣ Васильевнѣ,—ужь и не знаю, какъ онѣ мнѣ приходится?—обѣдать... четвертый часъ... Думалъ сообщить новость, но онѣ сами отъ швейцара узнали.

П. Безп. И это ты такъ каждый день по родственникамъ?

Перц. (*смѣется.*) Кормить... угощаютъ... Гдѣ чай, гдѣ кофе, гдѣ завтракъ, гдѣ обѣдъ. Только вратъ ужь заставляютъ очень... Непремѣнно ты имъ новость Расскажи. Пойти папироску взять... у дѣдушки турецкія, хорошія... здѣсь и не достать... (*Идетъ къ столу за папироской и возвращается къ Безпалову.*)

Солоп. Да когда-жъ пустятъ насъ? Что это, въ самомъ дѣлѣ, я съ Петербургской пріѣхала.

Мерк. (*тихо.*) Прѣсили пріѣзжать...

(*Поголкина встаетъ и подходитъ къ этажеркѣ.*)

Мерк. (*сѣдитъ за ней.*) Вы, Анна Федоровна, отъ этажерки то подальше. Неравно упадетъ, брата разбудите.

Пог. Не безпокойтесь, пожалуйста... Я, слава - богу, благородная женщина. За мной нечего наблюдать... Наблюдайте за собой.

Мерк. Мерсі... Но все-таки, Анна Федоровна, этажерка такая фразильная... сохрани Богъ, упадетъ... братъ проснется, а ему нуженъ сонъ... Лучше отойдите! (*Поголкина отходитъ и садится около Солоповой.*)

Перцовъ (*къ П. Безпалову.*) Поѣхали! (*Смѣется.*) То-есть такая умора, какъ онѣ за глаза другъ друга всстятъ! Все ты имъ Расскажи каждой, сколько ложекъ, вилокъ, тарелокъ, что ѣлъ, что пилъ. Расскажешь—угощаютъ. А ужь и костятъ-же! Иной разъ жалѣешь, что Богъ дарованія не далъ... описать. Только замѣтки о происшествіяхъ и могу. Такъ замѣтками и живешь.

П. Безп. Врешь, чай?

Перцовъ (*смѣется.*) Случается. Не каждый-же день новость. Иной разъ и сочинишь новость. Деньги тоже нужны.

Мерк. (*взглядывая вокругъ.*) Гдѣ это Гришка мерзавецъ? Надо пойти посмотреть. Да и та... Ольга. Того и гляди, пойдетъ теперь въ домъ грабежъ. (*Тихо пробирается въ юstinую.*)

Пог. Змѣя!

Солоп. Она еще дѣвочкой все шипѣла. Шипить, бывало...

Братъ покойный сѣкъ ее, да ничего не сдѣлалъ. Она и мужа своего этимъ шипѣніемъ въ гробъ свела.

Погонк. Ужь такой характеръ... Вы, Матрена Васильевна, въ конкѣ?

Солоп. Что ты! Нѣтъ, не люблю я ихъ... срамъ одинъ... Удивляюсь, какъ въ нихъ дворяне ѣздятъ. Благородную даму и вдругъ какой-нибудь кондукторишко беретъ за талію и этакъ... (Показываетъ.) Мы съ Аннушкой на извозчикѣ... (Подаетъ коробку.) Скушайте... корки... сама дѣлала.

Пог. (беретъ одну и прячетъ.) Сами?

Солоп. Да ты попробуй. Бери еще, спрячь сыну. Балдуешь ты его...

(Изъ спальни слышится кашель. Погонкина привстаетъ.)

Солоп. Экъ его! Скверный кашель...

Пог. А если-бы вы знали, Матрена Васильевна, какая у брата мокрота отдѣляется! Я третьяго дня спрятала кусочекъ... такая зеленая... и показываю доктору одному знакомому. Онъ качалъ головой... качалъ... Скверное, говорить, дѣло.

Солоп. Доктора эти—самые убійцы и есть... Я-бы докторовъ... Свадьба, видно, разстроится?

Пог. Это самъ Богъ не допустилъ. Жилъ себѣ братецъ холостымъ и вдругъ на старости лѣтъ...

Солоп. И хотя-бы благородная, а то... позоръ нашей фамиліи... солдатская дочь... Я думаю, она-то кулакомъ слезы утираетъ...

Пог. Каменная она... Богъ ей и слезъ не далъ.

ЯВЛЕНІЕ IX.

Тѣ-же, Ивины, Ветлужскій и Леонидъ.

Ивинъ (продолжая съ Ветлужскимъ разговоръ.) И что-жь, князь?

Ветл. Ничего... Если, говорить, Сюзета обманываетъ, то я, говорить, возьму Жанету...

Ивинъ. (Смѣется.) Успокоился?.. Князя всегда обманывали... Сегодня въ совѣтъ у насъ интересный разсказывали анекдотъ...

(Ивины и Ветлужскій проходятъ и садятся въ сторонѣ.)

Ивинъ (озирая въ лорнетъ.) Уже прискакали? (Кланяется Солоповой и Погонкиной.)

Солоп. Горда стала... еле кивнула.

Пог. И не говорите!.. (Озирается съ безпокойствомъ.) Куда это Меркулиха пошла?

Сол. Чай, нюхаетъ вездѣ...

Пог. Пойти посмотрѣть... (Уходитъ.)

Ивина. Вѣрно второе письмо подѣйствовало. Не показывается.

Ивинъ. Не при немъ-ли она?.. Ты-бы узнала, Agrippine.

Ивина (*подходитъ къ П. Безпалову*). Братъ! Пора намъ забыть ссоры... Теперь не время имъ... (*Протягиваетъ руку*.)

П. Безп. Я не ссорился... Вы не пускали меня. И то: пьяница, а у васъ комъ-иль-фо... Я не сержусь!..

Ивина. Ты Николая видѣлъ? Какъ его здоровье?..

П. Безп. Ничего... Заснулъ... Просилъ не ходить туда.

Ивина. Кто-жь при немъ?..

П. Безп. (*смѣясь*.) Успокойтесь, сестрица... никого...

Ивина. Чего мнѣ беспокоиться. Кажется, я могла спросить...

Не чужая...

Ивинъ. Agrippine! (*Ивина идетъ къ мужу*) Ты-бы все-таки сходила къ брату...

Ветл. Конечно, ma tante... сходите...

П. Безп. Нельзя, ваше превосходительство!

Ивинъ. (*Внушительно*.) Это почему?

П. Безп. Потому...

Ивинъ. Экіе у тебя родные, Agrippine!.. Просто чортъ знаетъ какіе невѣжи!..

П. Безп. (*Смѣется*.) Ваше превосходительство не кричите такъ... Тише пожалуйста... вы люди вѣжливые... брата разбудите. А онъ спитъ и, вѣрно, во снѣ видитъ, какъ его сьумасшедшимъ объявляютъ... (*Смѣется*)

Ветл. Это кто-же?..

П. Безп. Кому-жь, какъ не родственникамъ, милый молодой человекъ... Ваше здоровье, генералъ! (*Пьетъ*.)

Ивинъ (*тихо*) Тутъ еще на скандалъ нарвешься... Родственники!

ЯВЛЕНИЕ X.

Тѣ-же, докторъ Чиждъ, Ольга, Езовъ, Погонкина, Меркулова, Неизвѣстный родственникъ и Гриша.

(*Всю эту сцену родственники ходятъ по кабинету, то садятся, то встаютъ, то осматриваютъ вещи. Говорятъ вполголоса*.)

Чиждъ (*проходя окруженный нѣсколькими лицами*). Беспокоиться, господа, особенно нечего... Больной хорошо сдѣлалъ, что бросилъ нѣмца доктора и обратился къ намъ; нѣсколько дней—и, пожалуй, было-бы поздно. (*Всѣ, кромѣ П. Безпалова, обступаютъ доктора. Онъ останавливается и продолжаетъ, точно читая лекцію*.) Мы держимся новой школы: опытная діагноза, правильная гигиена и меньше лекарствъ. Я слушалъ больного сегодня утромъ и особеннаго ничего: только въ задне-правой сторонѣ и въ полости маленькій хрипъ... катаральное состояніе... Засимъ есть признаки тимпанита...

Пог. Ахъ, Боже мой... Тимпанить... Это что-же?..

Чи жъ. Вздутіе, сударыня, вздутіе... Что-же касается поло-сти сердца...

И вина. Докторъ! Какъ ни тяжело намъ, но вы не стѣсняй-тесь, говорите прямо: что съ сердцемъ бѣднаго брата?

Чи жъ. Сердце, какъ вамъ, господа, извѣстно, устроено вотъ такъ (*сжимаетъ кулакъ*) и лѣвая задняя сторона стучить обыкно-венно: тибъ-такъ, тибъ-такъ, но сегодня утромъ я слышалъ: тукъ-тукъ, тукъ-тукъ, и при этомъ съ паузами... Пока опаснаго ничего нѣтъ, но если аорта...

И вина. Вы не досказываете, докторъ... Я сестра, какъ мнѣ ни грустно, но...

Мерк. (*вставая*.) И я тоже... Не вы одиѣ, а 'то всегда впе-редь, точно старшая... Я постарше васъ... Что-же, докторъ, у бѣд-наго брата?..

(*Чи жъ продолжаетъ*).

Перцовъ (*подходитъ къ П. Безпалову*.) Аорта, право-зад-нее... Онъ несетъ ерунду, а онѣ... Усь, усь!

Погон. Не толкайтесь, сестрица... Мнѣ тоже хочется слы-шать...

Мерк. (*ядовито*). Небойсь, ждете смерти... рады... всѣ вы рады!..

П. Безп. Я-бы его въ шею... Выпей, внукъ Перцовъ... Дер-немъ... Эка у тебя карманъ какъ оттопырился. (*Запускаетъ руку*.) Полсотни будетъ... дѣдушкины? (*Смѣется*.) Турецкія?

Перцовъ. (*Конфузясь*.) Всего десятка два... Такихъ здѣсь не достать... Взялъ, чтобы не подходить къ столу каждый разъ...

П. Безп. Ничего... ничего... Папиросы хорошія... А онъ все лекцію читаетъ... На-ка! (*Наливаетъ рюмку и подаетъ*.)

Перцовъ. (*Выпиваетъ*.) Крѣпкая... Усь! усь! усь! (*Отходитъ*.)

Солоп. Ахъ, я не слышу, не слышу, голубчики... *Къ Перцо-ву*) Валентинъ! Поди сюда. Что говорить докторъ?

Перцовъ. Шабашъ, Матрена Васильевна. Аорта, говорятъ, лопнетъ!

Солоп. Аорта? (*Качаетъ головой*.) Ты не врешь?

Перцовъ. Мнѣ что врать... Мнѣ все равно, лопнетъ она или нѣтъ... Развѣ двѣсти рублей какихъ-нибудь, да и то если дѣдуш-ка вспомнилъ, что существуетъ Валентинъ Перцовъ.

Чи жъ (*проходя черезъ толпу въ кабинетъ*.) Конечно, опасно, если психо-патологическія вліянія... (*Уходитъ въ кабинетъ*.)

Солоп. Ничего не понимаю... Валентинъ!

Погон. (*подходитъ къ двери*.) Я въ щелку?

П. Безп. Въ щелку можно...

Пог. (*отходя*.) Ничего не видно...

Солоп Анна Федоровна!.. Видѣли... что?
 Пог. Ничего... Бѣдный братецъ... Теперь аорта лопнетъ!
 Мерк. Удивляюсь, какъ это вы волнуетесь! Кажется, всего двоюродная.

Пог. Другая двоюродная чувствуетъ болѣе родной.

Ветл. Mesdames!.. Теперь не время... Тихе, тихе... Дядя болѣнъ, а мы ссоримся...

Мерк. Не вамъ-бы говорить... Вы и радости скрыть не можете...

Козенъ. (Ольг.) Что это: комедія или онъ въ самомъ дѣлѣ плохъ?

Ольга. (Пожимая плечами.) Вы слышали доктора...

Козенъ. Слышала, но поняла очень мало. Они такъ смѣшно говорятъ... Это новая манера у нихъ пошла... Сюда я попала нечаянно. Ъхала мимо, вижу—карета Ивиныхъ, рысакъ Ветлужскаго; вездѣ свѣтъ; останавливаюсь, спрашиваю швейцара; оказывается, весь синклить въ сборѣ... Ну и я... Думаю, даровой спектакль.. Ъстати, ваша сватьба?..

Ольга. Какая?

Козенъ. Полно, полно, вѣдь я слышала и, право, рада была... Вы хорошее дѣло сдѣлаете... Молодой вдовой и съ состояніемъ... (Смѣется.) Заняла-бы у васъ денегъ... Ха-ха-ха... Посмотрите, какія у всѣхъ постныя фізіономіи, точно по заказу... Вонъ Ветлужскій въ образѣ примирителя... Недурно! Мирить родныхъ сестеръ—Ивину съ Меркуловой. Вы слышали, изъ-за чего онѣ возненавидѣли другъ друга? Смотрите... протягиваютъ руки... какъ трогательно!

Ольга. Изъ-за чего?

Козенъ. Изъ-за чайнаго сервиза! Два года тому назадъ, послѣ смерти матери остался серебряный чайный сервизъ, завѣщанія не было, на словахъ онъ былъ общанъ Меркуловой, но Ивина взяла его себѣ и послѣ того... Смотрите! Миръ не состоялся... Опять сервизъ! (Хохочетъ.)

Ивина. Покойная патап его мнѣ общала.

Меркул. Извините, сестра,—мнѣ!

Ивина. Всѣ знаютъ. Мужъ слышалъ, какъ патап говорилъ: сервизъ тебѣ!

Меркул. Еще-бы! Какъ-же вашему мужу не слышать, когда онъ у маменьки никогда не бывалъ.

Ивина. Сестра, стыдно! Изъ-за какого-нибудь сервиза!

Мерк. Такъ возвратите его мнѣ!..

Перцовъ. Усь, усь, усь!

Солоп. Анвучка!.. пододвинь меня поближе... поближе!

Ивина. Съ какой стати! Сервизъ мой.

Мерк. Конечно, вашъ. Захватили, такъ и вашъ...

И вина. Послушайте!

Ивинъ. Aggirpine!

Ветл. (*становясь между ними.*) Mesdames! (*Беретъ подъ руку Ивину.*)

Мерк. (*отходить.*) И еще называется сестрой... Господи! Ты видишь!

П. Безп. Ахъ, вы, родственники, родственники! (*Пьетъ и пьетъ рюмку водки.*) Собаки и тѣ лучше, а еще родныя сестры!.. А это еще кто? (*Показываетъ Перцову на неизвѣстнаго родственника, который внимательно разглядываетъ вещи въ кабинетъ.*)

Перц. Вѣрно тоже родственникъ.

П. Безп. Приведи-ка его ко мнѣ.

(*Перцовъ идетъ къ неизвѣстному родственнику и ведетъ его къ П. Безпалову.*)

Ивинъ. Это чортъ знаетъ что за общество! Тамъ у дверей пьявица... А вонъ нищій какой-то. (*Ветлуужскому.*) Да что-жь, наконецъ! Зачѣмъ мы здѣсь сидимъ?

П. Безп. (*неизвѣстному родственнику.*) Вы тоже родственникъ?

Неизв. Какже, какже. Моя матушка, Агафья Сергѣевна, двоюродная сестра покойной маменьки Николая Васильевича... Онъ мнѣ приходится...

П. Безп. Да васъ братъ знаетъ?

Неизв. Я собственно по бѣдности... не бывалъ, но какже... должны знать... собственно...

П. Безп. Вижу, братъ. Ты собственно на огонь пришелъ?

Неизв. Узналъ я... Конечно, по бѣдности...

П. Безп. Понимаю. Вотъ тебѣ, родственникъ, пять рублей и ступай съ Богомъ. Водку пьешь? (*Неизв. смѣется.*) На рюмку, выпей! (*Подноситъ.*) Теперь иди потихоньку. Внукъ Перцовъ, проводи родственника! (*Смѣется.*)

Неизв. Очень обязанъ вамъ, очень! (*Уходитъ.*)

ЯВЛЕНИЕ XI.

Тѣ-же и докторъ Чижъ.

(*При появленіи доктора всѣ подбѣгаютъ къ нему. Ольга съ Коземъ сидятъ въ сторонѣ. Въ это время Меркулова незамѣтно беретъ съ этажерки футляръ, суетъ его въ карманъ и подходитъ къ толпѣ. Евгенийъ вертится около стола и засматриваетъ въ сумачи. П. Безпаловъ пьетъ.*)

Чижъ. Господа, я не смѣю скрыть отъ васъ: больной очень лохъ.

И вина. Бѣдный братъ! Что съ нимъ? Говорите!

Ветл. *(тихо Ивину.)* Вы-бы, Александръ Александровичъ, распорядились, чтобы потомъ двери закрыть. За Григоріемъ надо въ оба...

Мерк. *(норываясь.)* Пустите меня къ нему, пустите!

Чи жъ. Большой умоляетъ васъ объ одномъ, чтобы къ нему никто не входилъ. Онъ проситъ только брата, Петра Васильевича. *(Къ П. Безпалову.)* Пойдемте!

И вина. Есть-ли надежда?

Мерк. Пустите меня.. пустите! Безчеловѣчны! *(Падаетъ на стулъ.)*

Чи жъ. Надѣяться всегда слѣдуетъ! *(Скрывается съ Безпаловымъ въ дверяхъ.)*
(Всѣ говорятъ еще тише. Ходятъ группами. То подходятъ къ двери, то отходятъ.)

Ивинъ. Я думаю, сейчасъ-же за полиціей.

Ветл. Непремѣнно... *(Проходя мимо Меркуловой.)* Бѣдная сестра!

Мерк. *(вскакиваетъ.)* Да... я чувствую, а вы... ждете...

Ивинъ. Оставьте ее. Завѣщаніе, вѣрно, у него?

Ветл. Сегодня новое привезъ. Мнѣ Гриша донесъ. Письмо видно, подѣйствовало. Онъ тогда былъ сильно взволнованъ...

И вина. Какъ тамъ ни говорите, а жаль брата. Каковъ тамъ онъ ни былъ, но теперь... *(прикладываетъ платокъ),* когда смерть у порога...

Козень *(хохочетъ.)* Уже и платки на сцену!

И вина. А эти обѣ? *(Показываетъ на Ольгу и Козень.)* Парочка! Эта бѣднаго брата и свела въ могилу... Онъ полюбилъ ее а она... *(Плачетъ.)*

Ивинъ. Agrippine! успокойся. Евгений, успокой мать!

Евгеній. Мама, успокойтесь... Всѣ смертны... *(Хлопочетъ около нея.)*

Ветл. *(Ивину.)* Вы-бы за столомъ посмотрѣли. Тамъ могутъ быть бумаги, деньги... Агрипина Васильевна, успокойтесь... Что дѣлать!

Солоп. *(Аннуикъ.)* Аорта—и конецъ. Богу, бѣдный, не молился... Господа! Что-же за священникомъ?

И вина *(машетъ рукой.)* Тише, тише... дайте ему побой.

Мерк. *(Подходитъ къ Гришѣ.)* Вы, Гриша, присматривайте... Не дай Богъ, несчастье... вещи тамъ... серебро.. у брата всего много... На васъ можетъ пасть подозрѣніе.

Гриша. Не безпокойтесь, цѣло будетъ. *(Меркулова отходитъ.)* Пойти-ка, въ самомъ дѣлѣ, припрятать. *(Уходитъ. Меркулова замахаетъ и хочетъ идти за нимъ.)*

Погон. (*громко.*) Сестрица, куда-жь вы?

Ветл. Господа! Я предлагаю затворить двери!

Мерк. А серебро... Развѣ на людей можно надѣяться?

Ивина (*про себя.*) Ну и на тебя тоже!

Погон. Я его позову.

Мерк. Нѣтъ, нѣтъ... я... я сестра...

Ветл. Позвольте мнѣ пойти?

Мерк. Не нужно... Онъ идетъ...

(*Гриша входитъ и что-то шепчетъ Ветлужскому. Всѣ подозрительно глядятъ.*)

Ветл. Все, господа, замкнуто.

Козень. Вы, Ветлужскій, предусмотрительны.

Ветл. Что дѣлать, Маргарита Васильевна. Поневолѣ... (*Подходя ближе.*) А вы, Ольга Николаевна, блѣдная какая... Впрочемъ, что-жь я! Это такъ понятно. Вы такъ любили Николая Васильевича и онъ васъ такъ любилъ.

Ольга. Тупо, Ветлужскій... Очень тупо! Исторія съ сьума-шествованіями остроумнѣе! (*Отвращивается.*)

Козень. Какъ это?

Ольга. Спросите у него.

Погон. (*съ безпокойствомъ смотритъ, какъ Ивина усаживается у письменнаго стола.*) Ваше превосходительство! вы извинитѣ... мы всѣ... у меня сынъ... Тутъ на столѣ... Мало-ли что...

Мерк. У меня дочь... Письменный столъ... священенъ.

Ивина (*встаетъ, презрительно олядывая ихъ.*) Это, наконецъ, изъ рукъ вовъ... Какіе люди!

Мерк. (*тихо.*) Пусты только козла въ огородъ!

ЯВЛЕНІЕ XII.

Тѣ-же, Петръ Везпаловъ и докторъ.

Чи жъ. Господа...

Мерк. Онъ ничего не говоритъ... Братъ! (*Рыдаетъ.*)

Чи жъ. Все кончено...

(*Общее изумленіе. Погонкина хочетъ идти въ спальню но ее не пускаютъ. Ивина въ обморокъ.*)

Чи жъ. Последнее желаніе Николая Васильевича, чтобы до завтра никто не ходилъ... Вотъ Петръ Васильевичъ слышалъ...

П. Безп. Да... Развѣ черезъ мой трупъ... Я... (*Смѣется.*) Рыдайте... (*Шатаясь.*) Кричите: ура!

Ивина. Господи!.. Онъ совсѣмъ пьянъ!..

П. Безп. Да... пьянъ... Тамъ у него... мадера!..

Чи жъ. вмѣстѣ съ тѣмъ мнѣ поручено передать вотъ этотъ пакетъ г. Ивину.

Ивинъ (*береть пакетъ и читаетъ*). „Прочестъ тотчасъ послѣ смерти, въ присутствіи родственниковъ“.

Чи жъ. Это копія съ послѣдняго духовнаго завѣщанія.

(*Всѣ подходятъ къ Ивину и толпятся около.*)

Ивинъ. Господа! Какъ ни тяжело въ такія минуты намъ всѣмъ, но надо исполнить волю покойнаго.

Ивинъ (*Ветлужскому*). Владиміръ Александровичъ, потрудитесь прочестъ.

Ветл. (*Береть завѣщаніе. Всѣ перебываютъ къ нему.*) Господа, не лучше-ли съѣсть?.. Григорій, вы не уходите!.. Я начинаю. (*Водворяется тишина. Вѣтъ жадно смотрятъ на завѣщаніе. Оля и Козень въ сторонѣ. П. Безпаловъ сидитъ у дверей. Докторъ Чижъ незамѣтно исчезаетъ.*) Засвидѣтельствовано у нотариуса, все по формѣ. (*Читаетъ.*) „Во имя Отца и Сына и Святого духа. Находясь въ здоровомъ умѣ и твердой памяти... „Ну, это обычныя формулы. „...Имущество-же мое, состоящее въ процентныхъ бумагахъ, акціяхъ и облигаціяхъ...“ тутъ слѣдуетъ перечисленіе.. „...итого восемьсотъ тысячъ...“

Пог. Восемьсотъ тысячъ!..

Мерк. Сестрица, не мѣшайте... воля брата священна!

Ветл. (*читаетъ.*) „Любезному моему брату Петру Васильевичу пять тысячъ единовременно и пожизненно по девятисотъ рублей въ годъ“.

Мерк. Братъ, вы слышите?..

П. Безп. Что, а? Слышу... Превосходная мадера...

Ветл. (*махая руками*). „Любезной сестрѣ моей Надеждѣ Васильевнѣ Меркуловой пять тысячъ и десять томовъ древней исторіи. Дорогой сестрѣ Аннѣ Федоровнѣ Погонкиной десять тысячъ...“

Пог. Спасибо ему, голубчику!..

Мерк. Братъ, братъ! Ты и за гробомъ меня преслѣдуешь!..
За что?

Ветл. (*читаетъ*). „Любезнымъ моимъ племянникамъ...“

Ивина. А я пропущена?

Ивинъ. Вѣрно ниже. Слушай, Aggirpine!

Ветл. „Николаю, Евгенію, Василию, Леониду, Петру, Діонисію, Захару и любезнымъ моимъ племянникамъ Елизаветѣ, Надеждѣ, Василисѣ, Агнѣ... по тысячѣ рублей каждому и каждой“.

Евгеній (*тихо*). Какая скотина!

Ветл. „Милой моей двоюродной сестрѣ Маргаритѣ Васильевнѣ Козень десять тысячъ и на тридцать тысячъ ея векселей“.

Козень (*смѣясь*). Вотъ и есть на что ѣхать за-границу. А векселя напрасно!

Ветл. (*читаетъ*). „Приемной моей дочери Ольгѣ Николаевнѣ Васильевой тридцать тысячъ“.

И вина. И то не стоит. Добрый братъ!

Ольга (*про себя*). Это что-же значить?

Ветл. (*вдруг мѣняется въ мнѣ*).

Всѣ. Читайте, читайте...

Ветл. Это... что-же... насмѣшка!..

Перцовъ (*подбѣгаетъ*). Позвольте, я не нервный... (*Беретъ записчаніе*.) „Любезному племяннику моему Владиміру Александровичу Ветлужскому пятьсотъ рублей на уплату за подкупъ Григорія...“ (*Смѣется*.) Сильно... очень сильно выражено! (*Читаетъ*.) „Милѣйшей сестрицѣ моей Агрипинѣ Васильевнѣ Ивиной тысячу рублей на возмѣщеніе расходовъ (*смѣется*) по хлопотамъ объ объявленіи меня сьумасшедшимъ...“ Весьма сильно! (*Останавливается*.)

И вина (*въ изумленіи*). Это... это... шутка, Александръ!..

Ивинъ. Это фальшивое записчаніе. Не можетъ быть. Онъ сьумасшедшій.

Ветл. Не можетъ быть. Онъ сьумасшедшій. Конечно!

ЯВЛЕНІЕ XIII.

Тѣ-же и Безпаловъ.

Безп. (*въ дверяхъ*). Ха, ха, ха... Фальшивое?.. Добрый вечеръ, милые родственники!.. Ха, ха, ха... Сьумасшедшій?..

(*Общее изумленіе. Солопова вскрикиваетъ: мерзавецъ!.. Полюккина крестится. Перцовъ хохочетъ. Гриша убѣгаетъ*.)

Безп. Фальшивое? Ну, ваше превосходительство, когда-же меня въ сьумасшедшій... ха, ха, ха! Кто смѣется? Что, объявите? Сестрица, а вы что-же... пришли въ себя?.. Въ защиту правъ собственности... да? Эхъ, вы, защитники собственности и охранители, всѣ вы хороши! Вы, Анна Федоровна, не юлите, вамъ десять тысячъ будетъ; вы хоть пакости дѣлаете изъ-за сына. До свиданія, милые родственники. Спокойной ночи! (*Всѣ расходятся*.)

Ивинъ. Я буду жаловаться. Это... это... наконецъ...

Безп. Ха, ха, ха! Жалуйтесь. Что, племянникъ, возьмешься меня въ сьумасшедшіе произвести? Старайся! Ольга, останься на два слова.

Козенъ (*подходя къ Безпалову*). Нечего сказать, хорошъ спектакль... Ай да кузенъ! До свиданія. Да, кстати, я завтра заѣду... попросить денегъ, совсѣмъ à sec. Можно?

Безп. (*улыбаясь*). Васъ ничѣмъ не проймешь. Приѣзжайте.

Козенъ. За это я васъ поцѣлю. (*Цѣлуетъ и уходитъ*.)

ЯВЛЕНІЕ XIV.

Безпаловъ, Петръ Безпаловъ и Ольга.

Безп. Ну, прямая, честная дѣвушка, возьмите ваши нисьма.

(*Подаетъ изъ.*) Сорвалось! Черезъ годъ не будете богатой вдовой? Съ противнымъ эгоистомъ не раздѣлите ложа? (*Смѣется.*) Вы умны, но не опыты еще. Ха, ха, ха... Лучше-бы сдѣлались любовницей, а? Ну, говорите. (*Бшиено*) Говори-же!

Ольга (*холодно.*) Что мнѣ говорить? Вы правы, я неопытна. Въ другой разъ, если встрѣчу такого-же развратнаго стараго эгоиста, я буду осторожнѣе.

Безп. И ты еще смѣешь смѣяться?

Ольга. А вы развѣ смѣете? Вы, награбившій состояніе, вы, взявшій меня съ цѣлю сдѣлать своей любовницей? Это не удалось, такъ вы предложили руку и сердце? Но развѣ я виновата, что вы были такъ недогадливы. Вы повѣрили, что за такого гадекаго, сквернаго эгоиста можно выйти замужъ иначе, какъ не въ надеждѣ, что черезъ годъ онъ умретъ? Ха, ха, ха! Посмотрите на себя въ зеркало. Посмотрите!..

Безп. (*бшиено.*) Подлая... замолчи!

Ольга. Вы жалки... вы... Быть можетъ, самъ Богъ меня спасъ... отъ этого шага.

П. Безп. А вѣдь, если правду сказать, братъ, то во всей этой исторіи ты самая большая свинья. Ей-богу. Я пьянъ... это вѣрно, но, сердись, не сердись, а ты свинья. Этакую пакость выдумать, такъ надругаться можетъ только великая свинья... Чего такъ смотришь!?. Чего злишься!?. Великая свинья!.. И я тебѣ помогаль... Глядя на васъ, какъ тутъ не запить!?. Невозможно!

Безп. (*съ бшиснствомъ.*) ¡Вонъ... вонъ... всѣ вонъ!.. Мерзавцы! (*Падаеть въ кресло.*)

ЯВЛЕНІЕ XV.

Тѣ-же и Гриша.

Гриша. (*Показывая на дверь.*) Пожуйте!.. (*Ольга и П. Безпаловъ уходятъ. Гриша, подбѣгая къ Безпалову.*) Подушечку прикажете? Виши изволили принимать? Я съ вами, Николай Васильевич!

Занавѣсъ.

К. Станюковичъ.

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

ПРОДУКТЪ ПОЛИТИКИ XIX ВѢКА.

(Benjamin Disraeli, Earl of Beaconsfield, a Biography, vol. I, London 1877.)

I.

Предъ нами толстая, довольно неуклюжая книга въ 750 слишкомъ страницъ, и она заключаетъ лишь исторію развитія, исторію молодости той замѣчательной личности, которая въ настоящее время считается, болѣе или менѣе вѣрно, одною изъ крупныхъ, если не самую крупною силою въ политическомъ мірѣ, вліяющею на судьбы современной войны, и слѣдоват. вообще на разрѣшеніе восточнаго вопроса. Событія, описываемыя въ этомъ томѣ, кончаются 1846 годомъ; слѣдовательно, читатель можетъ успокоиться: я не буду касаться и не могу касаться современныхъ политическихъ событій, которыя такъ болѣзненно разстраиваютъ нервы нашихъ патріотовъ,—а патріотовъ въ нашемъ отечествѣ такъ много,—и которые такъ надоѣли людямъ, хладнокровно и индифферентно относящимся къ современнымъ событіямъ, если таковые люди существовали-бы между нами. Нѣтъ, не только восточный вопросъ 1877 года, но и восточный вопросъ 1855 года выходятъ совершенно изъ предѣловъ моей программы. Предъ нами не высокоумный, раздражительно-честолюбивый, оканчивающій свою карьеру, страдающій подагрой,—какъ и приличествуетъ англійскому лорду,—премьеръ министерства тори, не врагъ русской политики на Востоку, даже не признанный предводитель партіи. Предъ нами пробивающій себѣ карьеру молодой еврей Бенжаменъ Дизраэли.

„Дѣло“, № 10, 1877 г.

сынъ свободно-мыслящаго литератора, перекрещенный 12-ти лѣтъ. Для насъ интересна даже не эта карьера сама по себѣ, а тѣ средства, которыя при этомъ пускаются въ дѣйствіе, тѣ первые шаги—которые дѣлаеть талантливый и безцеремонный искатель власти, чтобы со временемъ добиться перваго мѣста въ самой аристократической партіи самой гордой аристократіи,—одного изъ первыхъ мѣстъ въ европейской политикѣ вообще. Нынѣшній лордъ Биконсфильдъ для насъ—еще далекое будущее; самый Бенжаменъ Дизраэли—для насъ дѣло второстепенное. Намъ важенъ образчикъ, по которому можно судить, чѣмъ сдѣлались политики въ Европѣ XIX вѣка и какаго рода люди въ этотъ періодъ либеральныхъ завоеваній и гуманныхъ или патріотическихъ девизовъ выдвигались въ первые ряды этой политики.

На книгѣ нѣтъ имени автора, но это—прозрачная маска. Какъ извѣстно, авторъ этой біографіи есть Т. П. О'Конноръ, политическій и національный врагъ англійскаго премьера, и эту систематическую оппозицію авторъ слишкомъ выставляетъ на видъ съ первой и до послѣдней страницы своего произведенія. Правда, онъ очень добросовѣстно опирается каждую минуту на подлинные факты, на неоспоримыя цитаты. Онъ рылся въ приходскихъ книгахъ, онъ успѣлъ заглянуть въ рукописныя коллекціи; онъ не побѣдился перелистовать многочисленныя газеты, появившіяся въ Лондонѣ и въ провинціальныхъ городахъ Англіи; онъ не упустилъ изъ виду ни одной изъ рѣчей, произнесенныхъ въ парламентѣ этого періода, сколько-нибудь касающихся предмета его труда; онъ ознакомился съ біографіями личностей, участвовавшихъ въ карьерѣ Дизраэли; онъ, наконецъ, прочелъ внимательно беллетристическія и публицистическія произведенія будущаго лорда Биконсфильда. Словомъ, онъ оставилъ будущему историку нынѣшняго англійскаго премьера не особенно много работы по собранію матеріаловъ для его исторіи. Но при этомъ онъ слишкомъ часто и слишкомъ усердно выскакиваетъ предъ читателемъ съ своими поясненіями, съ подчеркиваніемъ фактовъ, съ своимъ приговоромъ, всегда строгимъ, надъ молодымъ франтомъ-политикомъ. Добрыхъ пятьдесятъ страницъ, если не болѣе, можно было-бы выкинуть изъ этого тома безъ всякаго вреда не только для его фактическаго содержанія, но даже для самой полемической цѣли автора. Напротивъ, полемическая навязчивость О'Коннора гадобѣдаетъ читателю, внушаетъ ему очень скоро недовѣріе и онъ почти готовъ стать на сторону обвиняемаго въ досадѣ на слишкомъ усерднаго обвинителя. И все это совершенно даромъ. Факты біографіи говорятъ за себя лучше, чѣмъ это можетъ сдѣлать ея авторъ.

Въ сущности, можно сказать, что особенная старательность, съ

которою О'Конноръ обработалъ біографію Дизраэли, совершенно напрасная работа. Цѣлую жизнь Дизраэли на виду у всѣхъ служилъ обществу и себѣ, но результаты этой долгой дѣятельности, по мнѣнію многихъ цѣнителей, довольно ничтожны. Онъ явился составителемъ бюджета, который во всемъ, что было въ немъ оригинальнаго, былъ такъ нелѣпъ, что всю эту долю пришлось отвергнуть. Онъ составилъ билль парламентской реформы, изъ котораго, по ехидному отзыву его друга, герцога Боклю (Bucpleugh), теперь осталось цѣлымъ только слово „потому что“, но и оно было навязано Дизраэли его политическими противниками. Онъ кое-что сдѣлалъ для удушенія движенія ритуалистовъ въ Англіи. Вотъ все, по мнѣнію многихъ, что можетъ быть въ строгомъ смыслѣ зачтено ему въ *дѣла* или въ общественную дѣятельность. Все остальное, входящее въ этотъ счетъ, *сдѣлано* было другими. Но *говорилъ* онъ много и *языкомъ* добился многогаго. Словами онъ подорвалъ сэра Роберта Пиля и сталъ на его мѣсто; словами онъ создалъ современную партію консерваторовъ; словами онъ подорвалъ значеніе виговъ. Какъ полемистъ, онъ былъ грознымъ и успѣшнымъ врагомъ. Почти всѣ его лучшія рѣчи были образцами желчныхъ нападокъ на политическихъ противниковъ. Большинство его сочиненій составляетъ руководство къ тому, какъ наилучшимъ образомъ пользоваться человѣческими слабостями. И онъ самъ умѣлъ очень хорошо ими пользоваться.

Возьмемъ изъ этой долгой карьеры политическаго дѣятеля XIX вѣка нѣсколько отдѣльныхъ чертъ, относящихся къ той эпохѣ, которую описываетъ книга О'Коннора, и характеристичныхъ для Бенжамена Дизраэли.

II.

Въ 1826 году появился первый томъ романа „Вивіанъ Грэй“ Автору этого романа было отъ 21 до 22 лѣтъ (точный годъ рожденія нынѣшняго англійскаго премьера опредѣлительно не извѣстенъ: 1804 или 1805). Онъ былъ сынъ свободно-мыслящаго еврей-литератора Исаака Дизраэли, автора „Curiosities of Litterature“, былъ крещенъ въ 1817 году и отличался неумѣренною склонностію къ франтовству. „Онъ былъ замѣчательный дэнди, пишетъ Джефферсонъ (Novels and novelists).—Изысканное франтовство, доведенное до безсмысла, было въ модѣ между молодыми людьми тогдашняго времени; но онъ превосходилъ всѣхъ своихъ соперниковъ въ украшеніи своей личности. Еще и теперь пожилыя дамы моднаго свѣта часто вспоминаютъ прелести, и отдѣльныя украше-

ня, и общій видъ молодого Дизраэли, когда онъ впервые вступалъ въ большой свѣтъ: локоны его черныхъ шелковистыхъ волосъ, его сверкающіе глаза, его женственный видъ и нѣжный голосъ, его фракъ изъ чернаго бархата, подбитый бѣлымъ атласомъ, его бѣлыя лайковыя перчатки съ длинной бахромой изъ чернаго шелка, его тросточку изъ слоновой кости...“ „Онъ блѣденъ, какъ мертвецъ, пишетъ Уиллисъ, встрѣчавшій его тогда въ гостинныхъ,—его глаза черны, какъ адъ, и ихъ выраженіе наиболѣе насмѣшливое, наиболѣе хитрое, какое можно себѣ представить. Его ротъ оживленъ постоянно нервною подвижностью... Его волосы такъ-же необыкновенны, какъ его жилеты. Густая и тяжелая масса черныхъ, какъ смоль, локоновъ падаетъ черезъ его лѣвую щеку почти до шеи безъ воротничка, тогда какъ на правомъ вискѣ волосы раздѣлены и приглажены со стараніемъ дѣвочки и сильно лоснятся... твоимъ неподражаемымъ масломъ, о, Макассаръ“.

На романѣ „Вивіанъ Грэй“ стоитъ эпиграфъ:

„Что-жъ! въ такомъ случаѣ міръ для меня—устрица, которую я открою мечомъ“.

Герой романа — политическій интриганъ, который рѣшается играть роль въ государствѣ, находя это удобнѣе, чѣмъ какую-либо другую карьеру, и ставитъ себѣ слѣдующую програму дѣйствія:

„Почему были государственные люди, которые никогда не управляли, и герои, которые никогда не побѣждали? Почему иные философы умерли на чердакахъ? Почему были поэты, на пѣсни которыхъ отзывалось лишь эхо природы? — Должно быть, эти существа забыли изученіе всѣхъ другихъ личностей и пренебрегли этимъ изученіемъ. Да, мы должны смѣшиваться съ толпою, входить въ ея чувства, льстить ея слабостямъ; мы должны симпатизировать ея печалямъ, которыхъ не чувствуемъ, и раздѣлять веселье дураковъ. О, да! чтобы управлять людьми, мы должны быть сами людьми; чтобы доказать, что мы сильны, мы должны имѣть слабости; чтобы доказать, что мы гиганты, мы должны быть карликами. Чтобы управлять людьми, даже боги придавали себѣ видъ, будто они чувствуютъ какъ люди, а иногда какъ животныя, были, повидимому, возбуждены самыми низкими страстями. Человѣчество поэтому есть крупная дичь, за которой я намѣренъ поохотиться... О, политика! великолѣпное передергиванье...“

Но для начала этой „охоты“ Вивіану Грэю нужно содѣйствіе человѣка съ высокимъ положеніемъ, и вотъ онъ пользуется первымъ сближеніемъ съ маркизомъ Караба за обѣдомъ, чтобы пригласить къ дѣлу.

Послѣ обѣда „пэръ“, сидя на верхнемъ концѣ стола, сталъ

говорить о политикѣ... Маркизь былъ положительно не правъ, и его сбивали учтивый членъ парламента и профессоръ. Маркизь возражалъ, пытался опровергнуть противниковъ, но былъ слишкомъ проницателенъ, чтобы не замѣтить, что онъ сбитъ съ позиціи, когда въ эту минуту, съ другого конца стола, раздался голосъ молодого человѣка, хранившаго до тѣхъ поръ глубокое молчаніе...

„По моему мнѣнію, сказалъ Вивіанъ Грэй,—благороднаго лорда не поняли“. Глаза маркиза блеснули и онъ замолчалъ. Вивіанъ Грэй приступилъ къ дѣлу самымъ хладнокровнымъ образомъ. Онъ комментировалъ выраженія, разбиралъ слова и давалъ имъ другое значеніе, предполагалъ мнѣнія и, наконецъ, цитировалъ цѣлый пассажъ изъ Болингброка, чтобы доказать, что „мнѣніе высокопочтеннаго маркиза Караба есть одно изъ основательнѣйшихъ, мудрѣйшихъ и самыхъ убѣдительныхъ мнѣній, которыя когда-либо были высказаны смертными“.

Цитата изъ Болингброка была сочинена защитникомъ маркиза, такъ-какъ „Вивіанъ Грэй поставилъ себѣ правиломъ никогда не высказывать своихъ собственныхъ мнѣній. Его система была—всегда выдвигать мнѣніе какого-нибудь замѣчательнаго и уважаемаго лица“. Вслѣдствіе этого „свѣтъ считалъ Вивіана Грея одареннымъ самою удивительною памятью, когда-либо существовавшею, такъ-какъ едва ли былъ предметъ спора, въ которомъ онъ не одержалъ-бы побѣды помощью великихъ именъ, введенныхъ имъ въ аргументацію“.

Конечно, Вивіанъ Грэй успѣваетъ въ обществѣ и въ политикѣ. Нравственныя требованія англійскихъ читателей помѣшали автору доставить ему окончательную побѣду: по англійской эстетикѣ двадцатыхъ годовъ (да, пожалуй, и по нынѣшней) порокъ *долженъ* быть наказанъ. Но случайность окончательной неудачи Вивіана Грея въ Англии нисколько не мѣшаетъ тому общему впечатлѣнію, которое производитъ на читателя не только самъ герой романа, но и всѣ политическіе люди, которыхъ выводитъ авторъ. Это—общее впечатлѣніе всеобщаго политическаго интриганства и отсутствія всякаго гражданскаго убѣжденія между руководящими личностями партій. Характеристичны, между прочимъ, въ этомъ отношеніи слова одной изъ главныхъ личностей романа—Клевелэнда, который говоритъ Вивіану Грэю:

„Изъ всѣхъ заблужденій, процвѣтающихъ въ этомъ безумномъ мірѣ, самое безумное, это—заблужденіе человѣка, который добровольно и невызванный другими поддерживаетъ интересы какой-либо партіи... Если, по какому-нибудь случаю, вы оказались-бы независимымъ и безъ связей, то не предполагайте ни на одну минуту, что вы можете достигнуть вашей цѣли, вступая въ борь-

бу за програму какой-либо партіи. Ея члены порадуются вашимъ успѣшнымъ дѣйствіямъ и потомъ посмѣются надъ вашею юною ревностью, или, благодаря Бога за неожиданное содѣйствіе, которое вы имъ оказали, будутъ слишкомъ трусливы, чтобы вознаградить нежданнаго защитника. Нѣтъ, Грэй, заставьте ихъ бояться васъ и они будутъ цѣловать ваши ноги. Нѣтъ такого измѣническаго или подлаго поступка, на который не была-бы способна политическая партія, потому что въ политикѣ нѣтъ чести!“

Послѣ нѣсколькихъ лѣтъ практической дѣятельности въ области политики, Дизраэли высказалъ уже не въ романѣ слѣдующее мнѣніе о нравственной обязанности политическаго дѣятеля:

„Государственный человѣкъ есть продуктъ своего вѣка, дитя обстоятельствъ, созданіе своего времени. Государственный человѣкъ есть по существу человѣкъ практической, и когда онъ призванъ къ управленію дѣлами, ему нечего справляться, каковы были и каковы не были прежде его взгляды на тотъ или другой предметъ. Онъ только долженъ взвѣсить, что нужно и что полезно и какимъ образомъ всего удобнѣе вести дѣла. Надо признать фактъ, что въ свободной и стремящейся впередъ странѣ не слѣдуетъ слишкомъ тщательно противопоставлять мнѣнія общественныхъ дѣятелей въ разные періоды ихъ карьеры. Люди имѣютъ свои страсти и общественные дѣятели даже обязаны иногда принимать мнѣнія, которымъ они не симпатизируютъ, потому что людямъ нужны предводители. Мнѣ смѣшно поэтому возраженіе противъ кого-нибудь, что онъ въ прежній періодъ своей жизни защищалъ политику, отличную отъ его нынѣшней политики“.

Очевидно, идеаль Вивіана Грэя очень близко подходилъ къ практическому идеалу, который имѣлъ предъ собой въ жизни лордъ Биконсфилдъ. И для него человѣчество было „крушой дичью“, и защищать въ политическомъ дѣятелѣ переходъ отъ однихъ мнѣній къ другимъ онъ имѣлъ полное основаніе, потому что онъ самъ на первыхъ-же шагахъ своей карьеры практиковалъ политическое ренегатство въ довольно обширныхъ размѣрахъ. Посмотримъ эти первые шаги.

III.

„Вивіанъ Грэй“ имѣлъ большой успѣхъ. Онъ высказывалъ безцеремонно то, что скрывалось въ душѣ многихъ. Онъ былъ политической исповѣдью политическихъ дѣятелей всѣхъ партій. „Его читали повсюду въ обществѣ, пишетъ біографъ Дизраэли, — начиная съ короля“. Нѣсколько лѣтъ, за тѣмъ слѣдовавшихъ, Диз-

раэли провелъ въ путешествіяхъ, особенно по Востоку, изъ которыхъ онъ черпалъ въ послѣдствіи много красокъ для своихъ произведеній и для своихъ рѣчей. Но все это было подготовкой. Реальный Вивіанъ Грэй долженъ былъ начать охоту за „крупною дичью“ именно въ области политики. Ему нужна была арена парламента и онъ рѣшился добиться представительства со всею упорною энергіей своего характера.

Но къ какой партіи могъ пристать молодой искатель политическихъ приключеній? Какъ сынъ литератора-еврея, онъ не имѣлъ традиціонныхъ семейныхъ связей ни съ одною партіею. Какъ реальный Вивіанъ Грэй, онъ тѣмъ менѣе могъ придавать значенія чему-либо столь маловажному, какъ политическое убѣжденіе. Историческая-же минута была довольно интересная.

Послѣ долгаго господства партія тори, надоѣвшая всѣмъ, несмотря на прославленіе на всѣ лады „жельзнаго герцога“, къ ней принадлежавшаго и которому англичане счумѣли только наставить по всѣмъ угламъ Лондона уродливыя статуи и монументы, должна была уступить вигамъ. Министерство лорда Грѣя вступило въ управленіе съ опредѣленною програмою, требовавшей реформы парламента. Оно опиралось, по необходимости, не только на группу публицистовъ и литераторовъ „Edinburgh Review“, на всезнайку и немножко шарлатана Брума, котораго, ко всеобщему удовольствію публики и къ досадѣ аристократовъ-лордовъ, посадили въ верхнюю палату въ званіи лорда-канцлера, но виги опирались въ этомъ случаѣ еще на парламентскихъ радикаловъ вродѣ Джозефа Юма; на радикаловъ еще болѣе рѣзкихъ, агитировавшихъ массы, подобно Коббету; наконецъ, на самыя массы, волновавшіяся во всей Великобританіи въ слѣпой увѣренности, что билль парламентской реформы дастъ голоднымъ хлѣба, притѣсненнымъ бѣднякамъ—человѣческія права. Крикъ: „билль! весь билль! и только билль!“ заглушилъ всѣ болѣе рѣшительныя требованія, соединилъ временно всѣ отѣнки оппозиціи. Сначала этотъ билль былъ встрѣченъ насмѣшками въ началѣ 1831 года; его два раза отвергали; въ домѣ Велингтона перебили всѣ окна, нѣсколько домовъ лордовъ сожгли, а въ Бристолѣ вспыхнулъ весьма серьезный народный мятежъ; наконецъ лорды увидѣли, что, вслѣдствіе отверженія ими билля, вопросъ: „что сдѣлають лорды?“ измѣнился въ другой, нѣсколько болѣе для нихъ щекотливый, именно: „что сдѣлать съ лордами?“ Тогда билль, наконецъ, прошелъ въ іюнѣ 1832 года при всеобщемъ удовольствіи, и Грэй, Россели, Брумы, Мэльбури оказались героями минуты.

Немедленно послѣ побѣды партіи реформы естественный союзъ виговъ-аристократовъ съ разными радикальными от-

тѣнками ослабѣлъ и сталъ распадаться. Естественныя противоположности выступили на первый планъ. Всѣ мыслящіе люди хорошо знали, что виги, защищая либеральные принципы, были на практикѣ иногда болѣе реакціонны, чѣмъ ихъ противники. Въ настоящую минуту Грэй и Мэльбурны были болѣе аристократичны и менѣе либеральны, чѣмъ даже обыкновенно бывали виги. Графъ Грэй, предводитель партіи, аристократъ изъ аристократовъ, конечно, не имѣлъ ничего общаго съ народными стремленіями: онъ прямо говорилъ, что „будетъ стоять за свое сословіе“, и мысль о введеніи въ палату лордовъ большого числа новыхъ членовъ изъ „новыхъ людей“, — мѣра, считавшаяся одно время необходимою для торжества билля о реформѣ, — была для него столь-же горька и противна, какъ для любого тори. Фактически графъ Грэй стоялъ очень крѣпко за „родныхъ человѣчковъ“, которыхъ не мало было въ знаменитомъ министерствѣ реформы. Немудрено, что радикалы разныхъ оттѣнковъ смотрѣли на эту клику съ недовѣріемъ, хотя поддерживали билль о реформѣ парламента. Въ парламентѣ Джозефъ Юмъ, Литтонъ Бульверъ, О'Коннель немедленно послѣ побѣды образовали зерно оппозиціи. Внѣ парламента Коббетъ снова сталъ писать о „кровавыхъ виггахъ“. Разбитые тори собирались съ новыми силами, чтобы подставить ножку политическимъ врагамъ, которыхъ собственно никто не любилъ.

Въ эту-то именно минуту молодой Дизраэли выступалъ на свою охоту за „крупною дичью“ на политическомъ поприщѣ. Дѣло шло о первыхъ выборахъ послѣ торжества вигговъ. Іюня 7 прошелъ билль о реформѣ парламента Англіи; іюня 13 Бенжаменъ Дизраэли вѣзжалъ кандидатомъ на члена парламента въ Гай-Уайкомбъ (High-Wycombe), мѣстечко, которое находилось на земляхъ герцога Бокингэма, но въ которомъ жило не мало радикаловъ. Выступая кандидатомъ въ парламентъ, молодой Дизраэли чувствовалъ, что время коалиціи около знамени чистыхъ вигговъ проходить, что звѣзда ихъ блѣднѣетъ, что выгоднѣе для начинающаго политика стать не въ ихъ ряды, а въ ряды новой оппозиціи. Но какой? На лицо были оппозиція тори и оппозиція радикаловъ. Молодой охотникъ за „крупной дичью“ могъ стать или въ ряды радикаловъ, которымъ нравилась рѣзкость высказываемыхъ имъ мнѣній, или въ ряды тори, съ которыми были нѣкоторыя связи у его отца и съ которыми молодой дэнди нѣсколько сближался въ салонахъ графини Блессингтонъ. Но это была слишкомъ простая игра для тонкаго политика. Бенжаменъ Дизраэли задумалъ опереться на *оба* эти оттѣнка одновременно, чтобы потомъ выбрать изъ нихъ тотъ, который для него будетъ удобнѣе.

13-го іюня 1832 года Дизраэли пріѣхалъ къ своимъ избира-

Телямъ „въ открытой коляскѣ четверней, сопровождаемый толпою поклонниковъ“. Къ этой толпѣ присоединилась другая за милю **отъ** города, и „такимъ образомъ, сопровождаемый музыкою, знаменами и поклонниками“, онъ въѣхалъ торжественно въ городъ, „посылая поцѣлуи всѣмъ женщинамъ въ окнахъ, глубококланяясь **отъ** времени до времени своимъ друзьямъ“. Онъ остановился въ главной гостинницѣ города подъ вывѣскою „Краснаго Льва“, вышелъ на крышу подѣзда и оттуда болѣе часа говорилъ съ толпою, „нападая на виговъ попеременно съ самою рѣзкою горячностію и съ самою несдержанною насмѣшкою“.

Онъ нападалъ на виговъ; но съ какой точки зрѣнія? Въ эту минуту онъ считалъ нужнымъ опираться на рекомендацію радикаловъ и придавалъ какъ можно большее распространеніе письмамъ ихъ предводителей, которые его поддерживали, болѣе или менѣе довѣряя его искренности. Литтонъ Бульверъ писалъ Дизраэли, увѣряя его въ „его (Бульвера) искреннихъ желаніяхъ успѣха, которыя, я увѣренъ, раздѣляютъ со мною всѣ настоящіе реформеры“. О’Коннелъ писалъ Бульверу: „я такъ-же увѣренъ, какъ вы, что его (Дизраэли) выборъ будетъ очень полезенъ для дѣла настоящей реформы“, и прибавлялъ: „я, конечно, вполне рассчитываю на его политическую и личную честность и мнѣ было-бы очень пріятно содѣйствовать, чѣмъ могу, его выбору“. Юмъ писалъ Дизраэли: „я надѣюсь, что реформеры васъ поддержать, такъ-какъ вы проповѣдуете либеральныя мнѣнія по всѣмъ отраслямъ управленія и готовы принять обязательство поддерживать реформу и сокращеніе расходовъ во всѣхъ отношеніяхъ“. Между этими письмами, относящимися ко 2 и 3 іюня, и выборами прошло немного дней, но въ это время начало уже между радикалами закрадываться недовѣріе къ искренности Дизраэли. Тѣмъ не менѣе первая рѣчь его къ избирателямъ сгруппировала около него радикаловъ и тори. Газета послѣднихъ поддержала его. Дизраэли объявилъ себя независимымъ и непринадлежащимъ ни къ какой партіи. „Реформа парламента, говорилъ онъ, — есть средство къ великой цѣли. Онъ надѣется, что изъ нея произойдутъ финансовая, церковная и судебная реформы. Онъ будетъ требовать и настаивать на этихъ мѣрахъ. Онъ будетъ также стремиться къ улучшенію положенія бѣдныхъ классовъ... Онъ думаетъ, что благо многихъ должно быть предпочтено благо немногихъ. О немъ говорятъ, что его поддерживаютъ тори; онъ очень радъ, что видитъ тори, хотя на этотъ разъ, на сторонѣ народа“. Далѣе онъ высказалъ, „что надѣется, что связь тори съ народомъ будетъ прочна“; онъ говорилъ друзьямъ: „тори должны опереться на насъ, а намъ нечего опираться на тори“.

Виги одержали побѣду, но въ октябрѣ 1832 года Дизраэли снова явился передъ тѣми-же избирателями. Здѣсь онъ обратился къ нимъ съ радикальными требованіями „тайнаго голосованія“, „трехлѣтнихъ парламентовъ“, „отмѣны налоговъ на знаніе“ и общалъ противоdѣйствовать всѣмъ министерствамъ, „которыя не предлагаютъ какой-нибудь крупной мѣры для улучшения положенія низшихъ классовъ“. Но въ послѣдбденной рѣчи, при этихъ выборахъ, Дизраэли, рядомъ съ повторенными требованіями трехлѣтнихъ парламентовъ, тайной балотировки, высказалъ слѣдующую формулу, соединяющую консерватизмъ съ радикализмомъ: „я консерваторъ, чтобы сохранить изъ нашей конституціи все, что въ ней хорошо, но я и — радикалъ, чтобы удалить изъ нея все, что въ ней дурно“.

Онъ опять провалился.

Въ 1833 году онъ явился кандидатомъ въ одномъ изъ радикальныхъ округовъ Лондона, въ Мэрилебонѣ. Здѣсь онъ сказалъ, что его не поддерживаетъ ни одна изъ аристократическихъ партій и что поэтому онъ: не имѣетъ „ни прямого, ни косвеннаго интереса въ продажности и въ дурномъ управленіи“. Онъ желаетъ, говорилъ онъ,—боротся за народъ, и повторилъ радикальныя выраженія своего послѣдняго адреса избирателямъ. Къ этому онъ прибавилъ пункты, на которые тогда смотрѣли, какъ на пункты не только радикальной, но прямо революціонной программы. „Я желаю назначенія парламентскаго комитета, который пересмотрѣлъ-бы всю систему нашихъ налоговъ съ цѣлію облегчить промышленность отъ тяжестей, которыя удобнѣе переложить на поземельную собственность“. Это было мнѣніе Коббета, Атвуда, Юма. Но ваканція въ Мэрилебонѣ, на которую рассчитывалъ Дизраэли, не состоялась. Дизраэли воспользовался дошедшимъ до него слухомъ, что графъ Грэй спросилъ о немъ: „кто онъ такой?“ И вотъ появилась брошюра: „Кто онъ такой?“ автора „Вивіана Грэя“. Онъ въ ней высказывалъ свое убѣжденіе, что „возстановленіе аристократическаго принципа въ управленіи страной сдѣлалось совершенно невозможнымъ“, что тѣмъ не менѣе онъ, авторъ „Вивіана Грэя“, можетъ „понять, что такое тори и что такое радикалъ, но что такое вигъ,—демократическій аристократъ, — этого я понять не могу“. „Если тори дѣйствительно отчаяваются возстановить принципъ аристократіи и искренни въ своихъ заявленіяхъ, что государство не можетъ быть управляемо нынѣшнимъ механизмомъ, въ такомъ случаѣ ихъ обязанность—слиться съ радикалами и дозволить обѣимъ политическимъ вичкамъ исчезнуть въ общемъ, понятномъ и достойномъ названіи „національной партіи“. Какъ средство, авторъ предлагалъ „немедленную отмѣну закона о семі-

лѣтнихъ парламентахъ, установленіе тайной балотировки для выборовъ въ парламентъ“ и тому подобныя мѣры.

Но это былъ высшій и крайній пунктъ радикализма Дизраэли, послѣ котораго онъ счелъ удобнѣйшимъ переимѣнить окраску своихъ рѣчей. Именно въ созданномъ его фантазіей планѣ союза между народомъ и консервативною аристократіею Дизраэли стали поддерживать не радикальные, а консервативныя пункты.

Основною причиною этой переимѣны было явное ослабленіе министерства виговъ. „Въ 1834 году, пишетъ біографъ Дизраэли,— министерство графа Грэй дошло до послѣдней степени безсилія. Министровъ ненавидѣлъ король; министры были въ меньшинствѣ въ палатѣ лордовъ и ихъ собственное большинство въ палатѣ общинъ притѣсняло ихъ безжалостно. Въ началѣ 1834 года между министрами произошли внутренніе раздоры и въ срединѣ года дошли до явнаго разрыва. Лордъ Грэй оставилъ министерство съ отвращеніемъ; лордъ Стэнли и сэръ Джемсъ Грэгемъ вышли изъ управленія, чтобы почти броситься въ объятія тори. Лордъ Мельбурнъ, новый первый министръ, не интересовался вовсе дѣлами, да едва-ли интересовался и чѣмъ-либо въ мірѣ; лордъ Эльторпъ (Althorp) жаждалъ возвратиться въ свои фермы; лордъ Брумъ вызывалъ хохотъ цѣлаго міра своими арлекинами въ палатѣ лордовъ, въ судѣ канцлера, въ своей родной Шотландіи, словомъ, всюду, гдѣ онъ только могъ дурачиться. Между тѣмъ сэръ Робертъ Пиль ежедневно увеличивалъ свое вліяніе на дѣла, потихоньку достигалъ положенія „національной необходимости“. Тутъ была опредѣленная растущая сила и къ этой растущей силѣ рѣшился примоститься реальный Вивіанъ Грэй.

Обстоятельства были до извѣстной степени благопріятны. Фермеры требовали отмены налога на солодъ; 26 апрѣля 1833 года представителямъ ихъ интересовъ удалось провести въ парламентѣ частную отмену этого налога; министры согласились не противиться; но чрезъ три дня и палата, и министры приняли рѣшеніе прямо противоположное. Началась агитація въ земледѣльческихъ округахъ и здѣсь Бенжаменъ Дизраэли выступилъ защитникомъ интересовъ фермеровъ, конечно, съ точки зрѣнія тори. Въ Бокингемшайрѣ былъ устроенъ сельско-хозяйственный съѣздъ подъ руководствомъ герцога Бокингема и его сына лорда Чэндоса; эти аристократы готовы были патронизировать вчерашняго радикала, но отодвигая его на приличное мѣсто. Рѣчи Дизраэли были полны прославленіемъ ихъ. Онъ не былъ даже назначенъ въ число ораторовъ, но подъ конецъ его вызвали присутствующіе и онъ произнесъ рѣчь.

Въ ней уже не говорилось о переложеніи тягостей съ промыш-

ленности на поземельную собственность, но за то тѣмъ болѣе говорилось о важности сельско-хозяйственныхъ интересовъ. „Я всегда думалъ, говорилъ ораторъ,—что среди нѣкоторыхъ классовъ этой страны существуетъ заговоръ противъ того, что называется сельско-хозяйственнымъ интересомъ... Ни одна нація не можетъ обойтись безъ сельскаго хозяйства и безъ земледѣльцевъ, съ нимъ связанныхъ. Если-бы промышленники Бирмингэма или Манчестера нашли выгоднымъ для себя когда-бы то ни было эмигрировать въ Бельгію, во Францію, въ Египетъ,—они сдѣлали-бы это. Сельскіе же хозяева проникнуты духомъ патріотизма. На ихъ сторонѣ богатство и интеллигенція и вся аристократія страны,—аристократія, которую самые крайніе либералы предпочтутъ той ублюдочной расѣ, которая уже развратила большую часть Европы. На ихъ сторонѣ джентльмены Англій и еще замѣтные остатки когда-то нимѣвшихъ себѣ соперниковъ свободныхъ земледѣльцевъ“ (yeomanry).

„Благородный герцогъ, пишетъ репортеръ того времени объ окончаніи сельско-хозяйственнаго обѣда и о герцогѣ Бокингэмѣ,— ушелъ среди громкихъ привѣтственныхъ кликовъ“.

„О, герцогъ! прибавляетъ къ этому биографъ Дизраэли,—если бы вы могли быть одарены даромъ предвидѣнья! Герцогъ Бокингэмъ могъ тогда попираить Бенжамена Дизраэли, но теперь герцогъ Бокингэмъ съ удовольствіемъ принимаетъ изъ рукъ того-же самаго человѣка не особенно хорошее назначеніе въ весьма дурномъ климатѣ (губернатора въ Мадрасѣ)“.

Покровительство Бокингэма и Чэндоса тѣмъ не менѣе подняло кандидата въ парламентъ. Къ тому-же Дизраэли сблизился съ лордомъ-канцлеромъ Линдгэрстомъ, однимъ изъ самыхъ талантливыхъ, но и самыхъ безнравственныхъ политическихъ людей Англій этой эпохи. Виги стали было раздумывать, какъ-бы переманить его на свою сторону. „Онъ долженъ быть черезчуръ безпристрастною личностью, писалъ ѣдкій Грэвилъ въ своихъ мемуарахъ,—если онъ колеблется между Чэндосомъ и Доргэмомъ“. Но, вѣроятно, тори могли дать больше на политическомъ рынкѣ. Къ тому-же старый Вильямъ IV вздумалъ привести въ дѣйствіе прерогативу короны, безъ всякаго парламентскаго повода прогналъ министерство Мельбурна (13 ноября 1834 года), и тори стояли временно во главѣ управленія. Сэръ Робертъ Пиль сдѣлался первымъ министромъ. Дизраэли снова выступилъ кандидатомъ въ парламентъ, уже поддерживая всячески партію тори и не упоминая болѣе ни о трехлѣтнихъ парламентахъ, ни о тайной баллотировкѣ, тѣмъ менѣе о переложеніи налоговъ съ промышленности на поземельную собственность. Онъ сдѣлался чистымъ торомъ и остался имъ.

Впрочемъ, не надо думать, что это доставило ему немедленно мѣсто въ парламентѣ, котораго онъ такъ добивался. Онъ еще два раза провалился, какъ кандидатъ партіи тори въ Гай-Уайкомбѣ и въ Таунтонѣ. Онъ долженъ былъ читать въ газетахъ либераловъ безпрестанныя нападки на свое ренегатство относительно радикальной программы. Онъ долженъ былъ прочесть въ газетахъ и рѣчь О'Коннеля, въ которой знаменитый агитаторъ говорилъ, между прочимъ, о немъ: „Онъ лжець въ дѣйствіяхъ и на словахъ. Его жизнь—воплощенная ложь. Онъ—позоръ для человѣчества. Онъ самый низкій человѣкъ своего рода и племени, и для Англіи позоръ, что она допускаетъ среди себя существованіе такого возмутительнаго, грязнаго и отвратительнаго мерзавца (misereant). Мои слова жестки и я долженъ извиниться. Это потому, что если-бы въ англійскомъ языкѣ были болѣе жесткія выраженія, я-бы употребилъ ихъ, такъ-какъ самое жесткое выраженіе могло-бы именно служить характеристикой для негодня этого рода. Это именно годный членъ для клуба консерваторовъ. Я думаю, что если-бы сэръ Робертъ Пиль не былъ подъ рукою, когда его призвали въ управленіе, этотъ молодецъ принялъ-бы на себя смѣлость замѣнить его. Онъ достаточно лживъ, достаточно развращенъ, достаточно себялюбивъ, чтобы сдѣлаться приличнымъ руководителемъ консерваторовъ“. Едва-ли самъ О'Коннель предполагалъ, что онъ угадаетъ такъ вѣрно будущее, какъ въ этихъ послѣднихъ словахъ... И впоследствии не разъ Дизраэли своимъ безцеремоннымъ отрицаніемъ самыхъ бесспорныхъ фактовъ его прежней политической жизни, когда его противникамъ было очень легко доказать ихъ документально, вызывалъ снова жесткія нападки. Объ одномъ подобномъ случаѣ его біографъ пишетъ: „почти каждое изъ положеній Дизраэли встрѣтило прямое отрицаніе и это прямое отрицаніе было доказано“. Его осмѣивали въ стихахъ, какъ его рвали на части въ прозѣ; но что ему было за дѣло? Онъ былъ уже *замѣтнымъ* человѣкомъ; его имя было извѣстно, его рѣчи слушали; тори должны были поддерживать его. Онъ не отходилъ въ сторону подъ ударами противниковъ. Онъ оставался на сценѣ.

Въ 1835 году онъ напечаталъ „Защиту англійской конституціи. въ письмѣ къ благородному и ученому лорду (Линдгэрсту), Дизраэли-младшаго“. Онъ тамъ доказывалъ, создавая довольно фантастическую исторію Англіи, что палата лордовъ на-столько-же представительница народа, какъ и палата общинъ. Онъ довольно ловко подтасовалъ, что послѣдняя вовсе не есть представительница многомиліоннаго народа (это были воспоминанія его прежнихъ радикальныхъ связей), и при этомъ спрашивалъ: „Неужели привилегированное сословіе, состоящее изъ 300,000 личностей и представ,

ляемое своими депутатами, можетъ быть болѣе отвѣтственно, чѣмъ привилегированное сословіе, состоящее изъ 300 дворянъ, которые представляютъ сами себя?.. Если безумно допустить, что чело-вѣкъ, принадлежащій къ самому высшему образованному классу общества, рождается съ правомъ сдѣлаться законодателемъ Англiи, когда достигнетъ законнаго возраста, то столь-же нелѣпо утверждать, что чело-вѣкъ, принадлежащій къ низшему и наименѣе образованному классу общества, рождается съ правомъ сдѣлаться избирателемъ законодателя, когда достигнетъ извѣстнаго возраста". Далѣе онъ увѣрялъ, что англійскіе епископы болѣею частію происходятъ изъ низшихъ классовъ, стоялъ за духовныхъ и свѣтскихъ лордовъ, говорилъ „о свѣтломъ умѣ и твердомъ духѣ"... кого-бы вы думали? — сѣумасшедшаго Георга III, о „демократической" (!) системѣ управленія тори, о „свободныхъ и демократич-ныхъ парахъ Англiи". Онъ доказывалъ, что тори, въ сущности, слѣдовали политикѣ прогресса и должны ей слѣдовать, что ихъ лишь по ошибкѣ считали консерваторами.

Затѣмъ слѣдовали въ „Times" письма за подписью Runnymede. Это было подражаніе знаменитымъ письмамъ Юніуса и они были направлены противъ новаго министерства виговъ, стоявшаго снова во главѣ государства. Пилъ выдержалъ только четыре мѣсяца и долженъ былъ уступить коалиціи всѣхъ старо-консервативныхъ, вигскихъ и радикальныхъ оттѣнковъ, руководимыхъ Росселемъ. Но, по всеобщему признанію, его политическое значеніе и вліяніе выросло въ упорной борьбѣ, которую онъ выдерживалъ въ эти мѣсяцы, и онъ сходилъ съ министерской скамьи болѣе чѣмъ когда-либо какъ „національная необходимость" въ глазахъ большинства націи, отдавая власть въ руки врагамъ, которые не имѣли ничьего уваженія и были раздѣлены между собою съ первой минуты образованія новаго министерства Мельбурна (въ апрѣлѣ 1834 года). Противъ виговъ были не только ихъ всегдашніе враги въ лагерѣ старыхъ тори; противъ нихъ была не только группа талантовъ (Стэнли, Грэгемъ), вчера стоявшихъ еще въ ихъ рядахъ, а теперь группировавшихся около Пила, рядомъ съ Велингтономъ, который начиналъ отдаляться отъ своихъ старыхъ друзей; противъ виговъ были не только радикалы, которыхъ обстоятельства толкали къ болѣе рѣзкой постановкѣ вопроса и къ програмѣ чартизма; противъ нихъ былъ теперь и Брумъ, которому не возвратили должности канцлера (по личной ненависти короля, но къ большому удовольствію и всѣхъ его прежнихъ коллегъ, съ которыми, при его нестерпимомъ характерѣ, ему было довольно трудно уживаться). Около Мельбурна были Россель и Пальмерстонъ, но и они умѣли лучше вести парламентскую войну, чѣмъ госу-

дарственныхъ дѣла, къ которымъ первый министръ относился, какъ и всегда, съ явнымъ пренебреженіемъ. Остальные-же члены министерства были люди безъ особеннаго значенія.

Противъ этого-то министерства безъ программы, безъ уваженія въ націи, безъ уваженія въ парламентѣ, и противъ виговъ вообще началъ Rannumede въ началѣ 1836 года рядъ писемъ, которыя безспорно выказывали полемическій талантъ, по своей ѣдкости и рѣзкости тона обратили на себя вниманіе, но отличались отъ своего политическаго образца,—неподражаемаго Юніуса,—тою особенностію, что въ нихъ ѣдкая сатира, направленная на виговъ, была перемежана съ прославленіемъ сэра Роберта Пиля и его новыхъ союзниковъ—Стэнли (будущаго Дерби) и другихъ. Письма были адресованы поочередно Мельбурну, Пилю, Пальмерстону, Бруму, народу и т. под. Очень часто они были слишкомъ несправедливы къ противникамъ, какъ, напр., письмо къ Росселю, гдѣ было сказано, что „онъ рожденъ съ большимъ честолюбіемъ и съ слабымъ умомъ“, онъ авторъ „самой плохой трагедіи на нашемъ языкѣ“, „самаго плохого романа въ нашей литературѣ“, „самой плохой, изъ извѣстныхъ, политической статьи“. Онъ „холоденъ, неодушевленъ, имѣетъ слабый голосъ и женственныя манеры“; онъ „убилъ“ лорда Грэя, „изгналъ изъ министерства всѣхъ талантливыхъ людей“; „вы стремитесь свести все на вашъ собственный низкій уровень... унижить все до того, чтобы оно было вредно, подобно вамъ. Короче, милордъ, когда путешественникъ узнаетъ, что вы руководите въ Англіи палатою общинъ, онъ начнетъ понимать, какъ египтяне могли поклоняться насѣкомому“. О Пальмерстонѣ и Грантѣ (министръ колоній, еще болѣе беззаботномъ относительно дѣлъ, чѣмъ Мельбурнъ) Rannumede писалъ: „Что касается лакированнаго Пальмерстона, благочестиваго Гранта и прочихъ государственныхъ людей, торгующихъ добродѣтелью по дешевой цѣнѣ, я думаю, что для нихъ было-бы полезно немедленно воздвигнуть политическій госпиталь св. Магдалины“. И въ другомъ мѣстѣ они ему напоминаютъ „двухъ изжившихъ бабъ-грѣшницъ: одна изъ нихъ легкомысленна, другая—разслаблена; одна, чтобы избѣжать презрѣнія, которое сознаетъ около себя, прибѣгаетъ къ румянамъ и къ искусственному хихиканію взволнованнаго безсилья, другая—къ водкѣ и благочестію“. Затѣмъ, возвращаясь еще разъ къ Пальмерстону, Rannumede пишетъ: „Въ нашемъ языкѣ нѣтъ презрительнаго выраженія, которое не было-бы исчерпано при прославленіи вашего характера; не придумаешь представленія объ униженіи, которое не было-бы, въ тотъ или другой періодъ, соединено съ вашею карьерою. Впрочемъ, семь министровъ, которымъ вы всѣмъ служили съ одинаковою вѣрностью, повидимому, могли

бы дать всё вмѣстѣ достаточныя свидѣтельства о вашемъ характерѣ, чтобы заштопать его; что-же касается вашего поведенія, то столь замѣчательный ораторъ, какимъ вы сдѣлались, никогда не будетъ нуждаться въ органахъ для того, чтобы побѣдоносно защитить это поведеніе... Виги, милордъ, оказали вамъ большія услуги и потому я думаю, что вы измѣните имъ". Письмо къ Пальмерстону кончается слѣдующимъ восклицаніемъ: „О, родина! счастливая, трижды счастливая Англія! Твоя судьба въ настоящую минуту въ рукахъ у лорда Фанни дипломатіи! Мнѣ кажется, что я вижу, какъ благородный лордъ, Игрокъ политики, ласкаетъ Францію утонченными комплиментами и угрожаетъ Россіи раздушенной тросточкой!" Прибавлю еще отрывокъ изъ письма, обращеннаго къ Вруму: „При вашемъ тщательномъ подражаніи лорду Бэкону, ваши самые неумолимые враги должны сознаться, что, по крайней мѣрѣ, въ одномъ отношеніи вы соперничаете съ вашимъ великимъ оригиналомъ,—вамъ удалось быть отставленнымъ. Можетъ быть, въ вашемъ трактатѣ о гидростатикѣ вы не вполнѣ сравнялись съ тонкими и глубокими изслѣдованіями „лорда-канцлера природы"; ваши самые горячіе поклонники, можетъ быть, поколеблются, слѣдуетъ-ли предпочесть „Penny Magazine" „Новому Органону"; даже бредъ Дженкинса и размышленія Томкинса, можетъ быть, не будутъ сочтены столь „интимнымъ, практическимъ и сердечнымъ требованіемъ людей", какъ безсмертные „Опыты"; но никто, — ни другъ вашъ, ни врагъ вашъ, — не можетъ отрицать, что васъ такъ-же избѣгаютъ, какъ ихъ автора, почти столько-же презираютъ". И далѣе: „Мнѣ сообщаютъ въ настоящую минуту, что вы, благородный лордъ, заняты переводомъ вашего разсужденія о натуральной теологіи на нѣмецкій языкъ по системѣ Гэмилтона. Переводъ сочиненія по предмету, о которомъ вы знаете немного, на языкъ, котораго вы совсѣмъ не знаете, мнѣ кажется вершиною тѣхъ фантастическихъ капризовъ честолюбивой поверхностности, которую наши живые сосѣди обозначаютъ болѣе нѣжнымъ названіемъ, чѣмъ шарлатанство".

Министерство виговъ съ трудомъ тянуло свое существованіе среди повсемѣстныхъ нападокъ, неудовольствій и парламентскихъ неудачъ. Второй парламентъ, выбранный послѣ билля о реформѣ, далъ, къ удивленію самихъ тори, несравненно болѣе значительный элементъ консерваторовъ, чѣмъ ожидали. Радикалы парламента, съ новыми элементами рабочаго класса, сходились уже составлять и подписывать проектъ „народной хартіи". Было сомнительно, удержится-ли министерство Мельбурна до конца сессіи. Его спасла на время случайность. Король Вильямъ умеръ 20 іюня 1837 года. Послѣ долгаго промежутка времени въ исторіи Англіи, когда выс-

шіе придворныя чины переломили свои трости послѣ опущенія въ могилу послѣдняго короля Великобританіи и Ирландіи, который былъ одновременно королемъ Ганноверскимъ, герцогомъ Брауншвейгскимъ и Люнебургскимъ, герольдъ привѣтствовалъ новое царствованіе словами: „да здравствуетъ королева!“ На престолъ вступила 18-ти-лѣтняя Викторія. Парламентъ былъ распущенъ, и когда онъ снова собрался (20 ноября), въ немъ засѣдалъ, наконецъ, какъ представитель Мойдстона, выбранный подъ вліяніемъ мѣстнаго богача и тупицы Уиндгэма Люиса (мужа будущей жены Дизраэли, 15-ю годами старшей своего второго мужа), Бенжамень Дизраэли. Цѣль его долгихъ исканій и поползновеній была достигнута.

Мы видѣли, что онъ не поцеремонился съ своими первоначальными радикальными заявленіями и вступалъ въ парламентъ, какъ сторонникъ тори, но подъ прикрытіемъ фантастической теоріи союза новыхъ тори съ народомъ. Въ своихъ литературныхъ произведеніяхъ и рѣчахъ онъ очень ловко доказывалъ, что палата общинъ, выбранная привилегированнымъ меньшинствомъ, не есть и не можетъ быть представителемъ интересовъ народныхъ массъ. По собственной натурѣ и на основаніи наблюденія онъ зналъ, что въ рядахъ его политическихъ враговъ онъ имѣетъ предъ собою политическихъ игроковъ и шарлатановъ, и не церемонился это высказывать имъ въ лицо. Самъ онъ, конечно, нисколько не вѣрилъ въ свои утвержденія о „демократичности“ палаты пэровъ и политики „настоящихъ тори“. Ему нужна была приличная маска, чтобы достигъ вліянія и власти, и онъ сознательно надѣвалъ ее, сознательно лгалъ въ рѣчахъ и въ брошюрахъ, совершенно готовый на то, что его опровергнуть, уличать; но ему и не нужно было *быть правымъ*; ему нужно было *произвести опредѣленное дѣйствіе* въ данную минуту. Онъ чувствовалъ, что его талантъ, какъ оратора и литератора, можетъ доставить ему вліяніе и власть. Онъ и добивался всѣми силами положенія, при которомъ этотъ талантъ, при его полной безцеремонности относительно теорій, фактовъ и мѣръ, могъ повести его къ этому вліянію и къ этой власти. Наконецъ, онъ былъ въ парламентѣ. Ему оставалось занять въ немъ прочное положеніе. Каковы-же были его политическіе соперники разныхъ партій? Могли-ли они похвалиться большею политическою послѣдовательностію, лучшею политическою нравственностію, чѣмъ реальный Вивіанъ Грэй, занявшій теперь мѣсто среди законодателей Великобританіи?

Лордъ Джонъ Россель руководить вигами въ первомъ парламентѣ королевы Викторіи; онъ въ эту минуту министръ внутреннихъ дѣлъ. Нѣсколько сомнѣваются еще въ его способности быть руководителемъ, и посторонній зритель въ палатѣ общинъ конца

1837 года готовъ раздѣлять эти сомнѣнія, когда взглянетъ на лорда Джона Росселя, сидящаго на министерской скамьѣ. Это маленькая, хилая съ виду фигурка; лицо его не особенно умно и скрыто отъ взоровъ шляпой съ широкими полями, надвинутой на глаза. Черный фракъ довольно стариннаго покроя и громадный бѣлый галстухъ не производятъ особенно выгоднаго впечатлѣнія въ его пользу. Но вотъ онъ снялъ шляпу и всталъ, онъ намѣренъ говорить. Его лицо освѣтилось; вы замѣчаете, что его лобъ широкъ и высокъ, его черты выражаютъ твердость характера. Очень блѣдное лицо, твердо сжатая губы, быстрые глаза, самое положеніе корпуса, прямое и не гибкое,—все въ немъ выражаетъ сдержанность, сознание силы. Его голосъ слабъ, однозвученъ и не лишенъ афектаціи, но его рѣчь ясна. Онъ начинаетъ общими мѣстами, невольно вызывающими мысль о посредственности. Но вотъ полетѣла стрѣла въ сэра Роберта Пиля и засѣла. Раздается аплодисментъ со стороны виговъ. Раздается жепственный смѣхъ Уарда, густой басовой хохоть Уарбэртона, рѣзкое взвизгиваніе ирландца Шейла, громкое восклицаніе Узкели и радикаловъ. Даже на скамьяхъ тори слышенъ сдержанный смѣхъ. Ораторъ ростетъ въ вашихъ глазахъ. Еще и еще удачный ударъ. Онъ то поднимается до широкихъ государственныхъ соображеній, то опускается до лести мелкимъ предразсудкамъ своей партіи, то одушевляетъ своихъ приверженцевъ, то съѣтъ подозрѣніе и недоверіе въ рядахъ противниковъ. Вы забыли маленькую хилую фигурку, забыли монотонный голосъ, забыли однообразный шагъ впередъ и шагъ назадъ, забыли некрасивый жестъ, когда ораторъ опирается лѣвымъ локтемъ на правую руку, а лѣвую руку поднимаетъ перпендикулярно вверхъ, какъ-бы угрожая своимъ противникамъ. Это не художникъ-ораторъ, не пламенный проповѣдникъ идеи, не энтузіастъ, который готовъ рисковать и рискуетъ многимъ изъ-за убѣжденія. Это расчетливый, умный, энергическій руководитель партіи, боецъ за вліяніе и за власть, который будетъ въ продолженіи десятковъ лѣтъ выжидать, комбинировать, составлять коалиціи, ловить ошибки враговъ и въ данную минуту сломить ихъ своимъ упорствомъ, своимъ умѣніемъ составить партію, льстить предразсудкамъ, перемѣшивать широкія идеи съ мелкими побужденіями, остановиться на требованіяхъ, которыя по плечу посредственностямъ, его окружающимъ и сидящимъ рядомъ съ нимъ въ собраніи законодателей Англіи. Такимъ образомъ онъ сдѣлался борцомъ за реформу парламента и достигъ цѣли. Такимъ образомъ онъ сумѣлъ, при полномъ ослабленіи партіи виговъ въ концѣ 20-хъ годовъ, собрать около нихъ и радикаловъ, и умѣренныхъ тори и создалъ около аристократа Грѣя народный крикъ: „билль (реформы), весь билль и только

Билль!" когда этотъ билль не только не заключалъ ничего относящагося къ нуждамъ народа, но былъ далеко ниже политическихъ требованій ораторовъ большинства народныхъ митинговъ. Такимъ образомъ онъ счумѣлъ три раза передѣлывать билль о реформѣ, дѣлая уступки, ослабляя враговъ, пока провелъ его. Такимъ образомъ онъ только-что передъ этимъ счумѣлъ снова и снова низвергнуть и обезсилить гораздо болѣе талантливаго Пила и создать противъ него коалицію изъ людей, большинство которыхъ болѣе ненавидѣло и презирало министерство Мельбурна, чѣмъ его противниковъ. Такимъ образомъ теперь, предъ растущей волной реформаціоннаго движенія, онъ, полагая, что виги уже не нуждаются въ радикалахъ, надѣясь на вліяніе Мельбурна, на молодую королеву, рѣшительно заявилъ, что ни къ какому расширенію политическихъ правъ народа виги стремиться не намѣрены; что билль 1832 года заключилъ собою требованіе парламентской реформы. Въ перемѣнчивости политики лорда Джона Росселя, конечно, обвинять было нельзя; онъ всегда былъ и до глубокой старости (въ 1877 году ему исполнилось 85 лѣтъ) остался вигомъ чистой крови; но его политика была всегда лишь политикою интригъ одной партіи противъ другой, политикою коалицій съ группами, которымъ онъ не намѣренъ былъ никогда уступать болѣе того, что уступить было необходимо для торжества *сво* партіи. Онъ никогда не имѣлъ политическихъ убѣжденій, которымъ въ жертву принесъ-бы пользу своей партіи,—убѣжденій, способныхъ помѣшать ему протянуть руку личности, которую онъ оттолкнетъ на другой день по минованіи въ ней надобности.

Вблизи Росселя сидитъ другое свѣтило правительства виговъ, которое скоро сдѣлается одною изъ самыхъ крупныхъ политическихъ знаменитостей въ Европѣ. Это лордъ Пальмерстонъ, составляющій прямой контрастъ съ руководителемъ министерской партіи. Онъ восемью годами старше Росселя, но съ виду и крѣпче, и моложе: высокій, съ крупными чертами лица, съ широкою грудью и полный здоровья, онъ имѣетъ видъ свѣтскаго жуира и одѣтъ по послѣдней модѣ. Предъ *этимъ* образчикомъ политическаго челоука молодому Дизраэли нечего конфузиться, потому что лордъ Пальмерстонъ „видаль виды“ и не кандидатомъ въ парламентъ, а членомъ высшей администраціи. Онъ былъ, какъ военный министръ, членомъ самаго реакціоннаго торійскаго кабинета лорда Ливерпуля; онъ былъ въ числѣ либеральныхъ тори, группировавшихся около Каннинга; онъ былъ, какъ министръ иностранныхъ дѣлъ, членомъ министерства реформы, а теперь—вигъ изъ виговъ; не даромъ Дизраэли упоминалъ о „семи министерствахъ“, которымъ Пальмерстонъ служилъ „съ одинаковою вѣрностью“, т. е., какъ

подразумѣвалъ его ѣдкій противникъ, программѣ которыхъ онъ одинаково легко измѣнялъ. Умный, рѣшительный и безцеремонный, онъ пока говорить мало въ парламентѣ, но у этого 53-х-лѣтняго (въ 1837 году) жуира еще политическое значеніе впереди, и онъ покажетъ въ свое время Англіи, что онъ сьумѣетъ обойтись столь же безцеремонно съ прерогативами короны, съ приличіями коллективнаго министерства и даже съ формами англійской конституціи, какъ онъ уже обошелся съ своими „убѣжденіями“ по вопросу о католикахъ, по вопросу о парламентской реформѣ.

Съ лордомъ Пальмерстономъ обмѣнивается веселыми анекдотами эцикурецъ лордъ Морпетъ, которому поручены ирландскія дѣла. Неподвиженъ, какъ статуя, сидитъ завѣдующій финансами Спрингъ-Райсъ. Бэрингъ бѣгаетъ отъ министерской скамьи въ коридоры и обратно, потому что его обязанность сгонять лѣнливыхъ вигсовъ и передавать имъ распоряженія главнаго штаба министровъ; онъ исполняетъ почетную парламентскую обязанность главнаго whip (плетки). Это все личности, которыя увеличиваютъ лишь численность, а не вѣсъ партіи, и ихъ нечего считать въ числѣ своихъ соперниковъ человѣку, подобному Дизраэли.

На передней скамьѣ оппозиціи сидитъ замѣчательная фигура: это высокій человѣкъ съ широкой грудью, съ крупными, правильными чертами лица, съ серьезнымъ и умнымъ взглядомъ. Онъ сидитъ одинъ; рѣдко съ кѣмъ перекинется словомъ, еще рѣже обратится кто-либо къ нему. Это сэръ Робертъ Пиль, руководитель оппозиціи.

Къ этой нервной натурѣ, неспособной вынести боли, мнѣ еще придется вернуться ниже, но теперь же напомнимъ нѣкоторыя перипетіи его карьеры. Онъ, конечно, стоялъ ввѣ подозрѣнія въ измѣнѣ убѣжденіямъ изъ-за личнаго интриганства и изъ-за службы партіи; его скорѣ обвиняли и могли обвинять въ слишкомъ безцеремонномъ отношеніи къ программѣ собственной партіи, въ слишкомъ свободномъ руководствѣ тѣми, которымъ онъ служилъ руководителемъ и отъ которыхъ онъ требовалъ не послѣдовательности въ проведеніи пунктовъ, составлявшихъ признанную программу партіи, но безусловнаго слѣдованія за ихъ предводителемъ даже тогда, когда этотъ предводитель находилъ нужнымъ оставлять пункты признанной программы вовсе въ сторонѣ. Онъ, противникъ католиковъ, былъ первымъ изъ вліятельныхъ тори, который заявилъ, что должно уступить въ вопросѣ объ эмансипаціи католиковъ, склонилъ къ тому Вэлингтона и, не разрушая связи партіи при перемѣнѣ ея программы, провелъ вмѣстѣ съ Вэлингтономъ билль эмансипаціи, къ ужасу Эльдоновъ, Бокингэмовъ и другихъ оаменѣлыхъ рутинеровъ. Онъ, противникъ реформы, прямо объявилъ, сдѣлавшись

первымъ министромъ, что тори признають билль реформы совершившимся фактомъ и не намѣрены дѣлать ни шагу для отмѣны какихъ-бы то ни было его постановленій или для отвращенія его неизбѣжныхъ слѣдствій. Онъ, наконецъ, естественный представитель интересовъ землевладѣнія, собирався удивить друзей и недруговъ отмѣною хлѣбныхъ законовъ, требуя, чтобы тори слѣдовали безусловно за нимъ во всѣхъ этихъ видоизмѣненіяхъ его убѣжденій. Хотя всѣ эти измѣненія оправдывались государственною и общественною пользою, но приходится посмотреть довольно скептически на твердость и ясность убѣжденія государственнаго дѣятеля, который въ данную минуту можетъ такъ легко переходить къ противоположнымъ взглядамъ. Приходится заподозрить достаточную долю презрѣнія къ программамъ политическихъ партій и къ самымъ этимъ партіямъ въ человѣкѣ, который не находитъ ничего возмутительнаго въ фактѣ, что партія, имѣющая политическій смыслъ только во имя своего служенія извѣстнымъ началамъ, въ данную минуту отказывается отъ этихъ началъ, но не распадается, какъ неимѣющая болѣе смысла, для новой группировки личностей по новымъ, болѣе современнымъ и живымъ вопросамъ, но продолжаетъ свое существованіе только изъ-за того, чтобы противопоставить одной группѣ именъ кандидатовъ на власть другую, подобную-же группу именъ, и остается коллективнымъ органомъ политической интриги, когда партія потеряла всякое значеніе, какъ органъ политическаго убѣжденія.

На скамьяхъ тори мы остановимся на немногихъ личностяхъ. Давно уже, со времени билля о реформѣ, на нихъ не засѣдаетъ пресловутый Вэтрель (Wetherell), забавляя всѣхъ присутствующихъ своимъ ѣдкимъ шутовствомъ, поражая новыхъ посѣтителей разгильдяйствомъ своей одежды, вѣчно сползающими штанами и выльзающею рубашкою,—Вэтрель, вызвавшій своею крутою оппозиціею реформѣ извѣстный бристольтскій мятежъ.— Но на этихъ скамьяхъ есть новые члены, стоящіе вниманія. Вотъ развалился чуть не во всю длину на скамьѣ Стэнли, будущій лордъ Дерби, будущій премьеръ тори. Это тотъ самый Стэнли, который не далѣе, какъ три года предъ тѣмъ, былъ членомъ министерства лорда Грэй, да, лорда Грэй, героя билля реформы, и въ этомъ министерствѣ Стэнли былъ однимъ изъ самыхъ ревностныхъ борцовъ за реформу, рядомъ съ Росселемъ. Вотъ сидитъ молодой человѣкъ (ему 28 лѣтъ) съ красивой наружностью, съ скромнымъ видомъ, внушающимъ расположеніе. Его „черные, какъ смоль, волосы съ тщательно сдѣланнымъ пробормомъ падаютъ изящно на лобъ“; его черты правильны, лицо выражаетъ здоровье. Его уже теперь слушаютъ со вниманіемъ. Это, въ настоящую минуту, тори изъ тори!

онъ только-что писалъ въ защиту ирландской церкви (протестантской, конечно) и два года предъ тѣмъ получилъ уже значеніе въ управленіи колоніями. Хотите знать, читатель, имя этого тори изъ тори? Онъ вамъ болѣе знакомъ теперь, въ 1877 году, чѣмъ былъ знакомъ читателямъ газетъ въ 1837 году. Это — Гладстонъ, нынѣшнее свѣтило виговъ, нынѣшній соперникъ Дизраэли. Времена измѣнчивы! Но заглянемъ еще въ темный и отдаленный уголокъ скамей тори. Кто это здѣсь сидитъ? Можетъ-ли повѣрить своимъ глазамъ случайный посѣтитель съ материка или изъ провинціи, не особенно тщательно слѣдившій за газетами въ послѣдній годъ? Да, это онъ; это вчерашній радикалъ изъ радикаловъ, ораторъ митинговъ, котораго за четверть вѣка передъ тѣмъ палата общинъ посадила въ лондонскую башню, но котораго давно разглядѣлъ насквозь Коббэтъ; это сэръ Фрэнсисъ Бордэтъ, столь-же горячо защищающій теперь свою консервативную вѣру, какъ недавно защищалъ самыя радикальныя предложенія. Лишь за годъ предъ этимъ Бордэтъ отрекся отъ убѣжденій своей молодости. Ему 67 лѣтъ, но онъ все, какъ въ молодости, „всѣхъ лучше одѣтъ въ Англии“, какъ выражалась о немъ когда-то леди Гэстеръ Стэнгопъ. Теперь, по выраженію его старыхъ союзниковъ и новыхъ противниковъ, это „почтенные остатки храма, посвященнаго свободѣ, но птицы дурного предзнаменованія свили гнѣзда и пріютились въ этомъ когда-то величественномъ зданіи“.—Реальному Виліаму Грэю совершенно привольно, должно быть, среди этихъ молодыхъ и старыхъ политическихъ волтижоровъ.

Но перейдемъ къ скамьямъ радикаловъ. На нихъ нѣтъ уже оригинальной фигуры Вильяма Коббэта, этой грозы и виговъ, и тори. Онъ умеръ въ 1835 г. Не слышно и громового голоса Генри Гэнта, оратора митинговъ; умеръ и онъ въ томъ-же году. Ихъ обоихъ, какъ слышно, свела въ могилу удушливая зала старой палаты общинъ, сгорѣвшей въ 1834 г., но тотъ и другой не оправдали въ парламентѣ ни ожиданій ихъ поклонниковъ, ни опасеній ихъ враговъ. Но тамъ все сидитъ Джозефъ Юмъ, который, какъ передаютъ другъ другу старожилы парламента, не пропустилъ ни одного засѣданія съ его перваго выбора въ палату много лѣтъ тому назадъ. Тамъ и 62-лѣтній О'Коннель, здоровый и могучій, сложенный, какъ Геркулесъ, съ шляпою на бекрень, съ широкою улыбкою и сознаниемъ своей силы, окруженный своими ирландскими адъютантами. Но радикалы отличаются и тѣмъ, что въ ихъ группѣ сидятъ самыя молодые и всего лучше одѣтые члены палаты. Вотъ рыжій дэнди, сэръ Вильямъ Молесвортъ, съ лорнетомъ въ глазу, глава радикаловъ-философовъ, основатель (1830) „London Review“; ему 27 лѣтъ и онъ получаетъ отъ 12,000 до 14,000

фунтовъ дохода въ годъ. Рядомъ съ нимъ его другъ, еще болѣе моложавый и тоже очень богатый, Лидеръ. А вотъ въ свѣтлыхъ цвѣтныхъ перчаткахъ, лакированныхъ сапогахъ, въ наимоднѣйшей шляпѣ, красивый и ловкій, „честный“ Дэнкомбъ, какъ его называютъ современники, но увь! мемуары Грэвиля обличили его для потомства, и писателю нашего времени приходится поставить это качественное при его имени въ кавычки. Вблизи радикаловъ сидятъ и Литтонъ Бульверъ и объ немъ никто еще не предсказалъ, что скоро ему нельзя будетъ упрекать Дизраэли въ ренегатствѣ, потому что онъ скоро будетъ самъ членомъ министерства торгъ. Да, времена измѣнчивы!

Изъ крупныхъ извѣстностей того времени Грэгамъ и Робуэкъ только-что провалились на выборахъ; Маколей находился въ Индіи.

Легко читателю видѣть изъ этого очерка, что Дизраэли, вступая въ парламентъ, встрѣчалъ среду, которая, по нравственному достоинству, по преданности идеямъ, по твердости убѣжденій, во все не стояла выше его. Политическое ренегатство, въ которомъ его упрекали, было эпидеміей, охватившей всѣ партіи и самыя крупныя личности изъ ихъ представителей. Политическая интрига безпрестанно заслоняла въ глазахъ дѣятелей государственные вопросы. Около немногихъ талантовъ разнаго рода толпилось большинство умственныхъ и нравственныхъ пигмеевъ всѣхъ видовъ, которые и не думали въ сущности ни о государственной пользѣ, ни даже о пользѣ своей партіи, сгонялись официально назначенными плетвами (whip) на голосованіе, которое исполняли механически, по знаку начальниковъ, и старались извлечь изъ своего положенія членовъ парламента возможно большее количество выгодъ и удовольствій, какое только могли извлечь. О томъ, какъ вело себя въ своихъ собраніяхъ это большинство законодателей Великобританіи, можно заключить изъ слѣдующей выписки изъ „Morning Post“ отъ 1835 г., описывающей одно изъ засѣданій палаты общинъ.

„Самые смутные звуки, таинственно смѣшиваясь, слышны изъ всѣхъ угловъ палаты. По временамъ раздается съ заднихъ скамеекъ какъ-бы жужжаніе шмеля или звуки ручного органчика; кашляютъ, чихаютъ, зѣваютъ съ искусственной продолжительностью, и все это, смѣшанное съ другими звуками, производитъ ансамбль, который едва-ли-бы могъ быть превзойденъ. Одинъ голосъ со скамьи приверженцевъ министерства подражаетъ очень удачно лающей собагѣ. Одинъ „почтенный членъ“ передразниваетъ такъ превосходно крикъ пѣтуха, что вы не отличили-бы его исполненіе отъ настоящаго пѣтуха. Недалеко оттуда-же раздаются звуки, удивительно похожіе на бляеніе овцы, иногда смѣшанные съ превосход-

нымъ подражаніемъ реву осла. Затѣмъ еще кашель и зѣвки, и другія безконечно разнообразныя вокальныя упражненія, составляющія самый нестройный хоръ“.

Среди этихъ мирно забавляющихся законодателей Великобританіи выступалъ новый охотникъ за „крупной дичью“, новый иска- тель власти и вліянія.

Первую „дѣвственную“ рѣчь произнесъ Дизраэли 7 декабря 1837 г. противъ О'Коннеля, въ защиту сэра Фрэнсиса Бордэтъ. Онъ былъ во фракѣ бутылочно-зеленаго цвѣта и въ бѣломъ жилетѣ, увѣшанномъ сѣтью золотыхъ цѣпочекъ; панталоны *fantaisie* и чер- ный галстухъ, надъ которымъ не видно было даже слѣда ворот- ничка, дополняли его костюмъ. На широкой, но низкой его лобъ съ совершенно черными глазами спускались локоны черныхъ, какъ смоль, волосъ. Онъ сильно жестикулировалъ во время рѣчи; „онъ, повидимому, даже дѣлалъ опыты, пишетъ одинъ свидѣтель, — съ какою быстротою онъ можетъ двигать свое тѣло съ одной сторо- ны на другую, бросать руки впередъ и отдергивать ихъ назадъ. Въ другихъ случаяхъ онъ поднималъ къ лицу то ту, то другую руку. И голосъ его необыкновенный. Въ цѣломъ и несмотря на его первый опытъ, я увѣренъ, что это человѣкъ, обладающій мно- гими достоинствами хорошаго дебатера“.

Слова „несмотря на его первый опытъ“ относились къ тому обстоятельству, что „дѣвственная“ рѣчь реальнаго Вивіана Грэй была далеко не такъ удачна, какъ это было предсказано авторомъ романа относительно фантастическаго Вивіана Грэй. Дизраэли пре- рывали, смѣялись, требовали прекращенія рѣчи. Наконецъ, онъ не могъ выдержать и кончилъ словами:

„Я вовсе не удивленъ, сэръ, приему, который я встрѣтилъ. (Продолжительный смѣхъ.) Я начиналъ въ разное время многія дѣла (смѣхъ) и часто успѣвалъ, наконецъ, въ моихъ начинаніяхъ. (Новые крики: „къ вопросу“.) Да, сэръ, и хотя я теперь дол- женъ замолчать, но настанетъ время, когда вы будете слушать меня“.

Эти послѣднія слова, произнесенныя очень громко, вызвали много смѣха со скамьи виговъ, но Дизраэли впослѣдствіи оправ- далъ ихъ. Онъ заставилъ себя слушать и его должны были слушать.

IV.

Въ ближайшіе слѣдующіе затѣмъ годы Дизраэли говорилъ въ парламентъ немного. Онъ оставался приверженцемъ сэра Роберта Пиза, хотя предводитель тори холодно встрѣчалъ предупредитель-

ныя похвалы своего поклонника. Въ сентябрѣ 1841 г. министерство Мельбурна пало, и Пиль принялъ управленіе дѣлами, но для Дизраэли не оказалось мѣста въ послѣднемъ. Онъ временно скрылъ свое раздраженіе, но сталъ чаще выступать на литературное поприще и тутъ-то сталъ поддерживать свой старый фантастическій планъ союза тори, какъ защитниковъ романтической аристократіи и романтической религіозности, съ рабочимъ народомъ, который въ это время волновался подъ знаменемъ чартизма. Въ 1844 г. появился романъ „Конингсби или два поколѣнія“; въ 1845 г.—„Сибиль или двѣ націи“. Здѣсь партизанъ тори еще смѣлѣе, чѣмъ въ своихъ рѣчахъ, улетучивалъ клерикализмъ епископальной церкви до романтическаго почитанія католичества, главнаго врага тори; улетучивалъ вражду аристократіи къ могучей буржуазіи до противоестественнаго совокупленія старо-феодальныхъ призраковъ съ демократическими порывами чартистовъ.

На первомъ элементѣ я не остановлюсь. Онъ былъ связанъ въ романахъ Дизраэли съ его дружественными отношеніями къ партіи „молодой Англіи“. Благонамѣренный читатель,—а я предполагаю, что всѣ мои читатели благонамѣренны,—не долженъ пугаться этого термина. Онъ не имѣетъ ничего общаго съ „молодою Европою“, выросшею изъ „молодой Италіи“ Маццини и давшюю въ формѣ развѣтвленій и „молодую Германію“, и „молодую Францію“, и разные другіе столь-же неблаговидные „молодые“ отростки, сильно беспокоившіе блаженной памяти Меттерниховъ и ихъ единомышленниковъ, а теперь обратившіеся въ археологическое воспоминаніе, засыпанное новымъ слоємъ историческихъ наносовъ, можетъ быть, не менѣе беспокоящихъ новое поколѣніе неумѣлыхъ и карикатурныхъ подражателей Меттерниха, но говорить о которыхъ мнѣ совершенно не по дорогѣ.

Молодая Англія была жалкимъ, худосочнымъ и запоздалымъ продуктомъ европейскаго романтизма въ Англіи—странѣ, всего менѣе склонной къ какимъ-либо романтическимъ грезамъ. Лордъ Джонъ Мэннерсъ и Джонъ Сидней Смитъ, впослѣдствіи лордъ Странфордъ, два молодыхъ человѣка, которымъ было по 24 года въ эпоху появленія „Конингсби“, были главными представителями „молодой Англіи“. Лордъ Мэннерсъ составилъ себѣ извѣстность стихами, вродѣ слѣдующихъ: „Нѣтъ! во славу именъ, записанныхъ на страницахъ исторіи, именъ, составляющихъ благородное наслѣдство Англіи, именъ, которыя будутъ жить еще несчетные годы, хранясь въ нашихъ сердцахъ вмѣстѣ съ названіемъ Креси и Пуатье,—пусть погибнетъ богатство и торговля, законы и ученость, но пусть живетъ наше старинное дворянство!“ О лордѣ Странфордѣ его вдова писала: „Романтическое чувство окраши-

вало и его политику, и его религію. Онъ любилъ вспоминать величіе древняго дворянства Англіи и Франціи, воспѣвать времена рыцарства, католическихъ королей и кавалеровъ, живописное великолѣпіе церковнаго церемоніяла... и вмѣстѣ съ своимъ другомъ, лордомъ Джономъ Мэннерсомъ, онъ мечталъ о могущественной аристократіи и о церкви, раздающей милостыню, которая вмѣстѣ покровительствовали-бы и вызвали привязанность зависимаго отъ нихъ крестьянства“.

Съ этими-то наивными и ограниченными почитателями средневѣковыхъ маскарадовъ сблизился, какъ третій членъ литературнаго, философскаго и политическаго союза, сорока-лѣтній скептикъ и шарлатанъ Дизраэли, отправляясь на задуманную охоту за крупной дичью, которая ему все еще не давалась легко въ руки въ это время. „British Quarterly Review“ писалъ по этому поводу: „Заимствуя термины у французской сцены, Бенжаменъ Дизраэли теперь уже слишкомъ завялъ и поблѣкъ, слишкомъ истаскался по дорогамъ міра, чтобы брать на себя роль *jeunes amoueux*; право, онъ уже болѣе чѣмъ въ зрѣлыхъ лѣтахъ, чтобы перейти на роли *reges pobles*; приемы и движенія и способы мыслить и чувствовать, которые можно простить его молодымъ друзьямъ, въ немъ неумѣстны, чтобы не сказать—смѣшны“.

Оставляя въ сторонѣ поклоненіе монастырямъ, воспоминанія о католичествѣ, мистическое обожаніе Палестины и все сюда относящееся, точно также какъ самую басню романовъ нынѣшняго премьера, и прежде неимѣвшую никакого особеннаго значенія, а теперь потерявшую всякій интересъ для читателя, я останавлиюсь лишь на томъ, что въ этихъ романахъ выражаетъ политическую задачу автора.

Самъ авторъ, въ предисловіи къ новымъ изданіямъ этихъ романовъ, писалъ о „Ковингсби“:

„Главная цѣль автора была—поддержать справедливыя требованія партіи тори сдѣлаться политическимъ и національнымъ союзомъ—цѣль, которую онъ болѣе или менѣе преслѣдовалъ съ самыхъ раннихъ лѣтъ своей жизни. Случай былъ удобенъ, чтобы произвести этотъ опытъ. Молодые умы Англіи только-что очнулись отъ опьяненія великою побѣдою консерваторовъ въ 1841 году и начинали спрашивать себя, что-же, наконецъ, имъ сохранить послѣ своей побѣды? Было, слѣдовательно, своевременно показать, что торизмъ былъ не фразою и что наши политическія учрежденія были воплощеніемъ общественной необходимости“. „Въ слѣдующемъ году, въ „Сибиль или двѣ націи“, я рассмотрѣлъ положеніе народа и весь трудъ посвященъ, вообще говоря, этой части моей задачи“.

Кончая „Сибиль“, авторъ высказался слѣдующимъ образомъ:

„Я дописываю послѣднюю страницу книги, которая, въ формѣ легкой и лишенной претензій, желала-бы внушить читателямъ нѣкоторыя соображенія совсѣмъ противоположнаго характера. Тому годъ я имѣлъ смѣлость предложить читателямъ нѣсколько томовъ, которые пытались обратить вниманіе читателей на состояніе политическихъ партій, на ихъ происхожденіе, ихъ исторію, ихъ настоящее положеніе. Въ эпоху политическихъ измѣнъ, низкихъ страстей, мелочныхъ мыслей мнѣ хотѣлось внушить растущему поколѣнію, чтобъ оно не отчаявалось, но искало-бы элементовъ національнаго благоденствія въ надлежащемъ пониманіи исторіи страны и въ энергіи героической молодежи. Въ настоящемъ трудѣ я дѣлаю еще шагъ по тому-же пути. Отъ состоянія партій я хотѣлъ бы обратить мысль читателя на состояніе народа, которымъ управляли эти партіи въ продолженіи двухъ вѣковъ. Пониманіе и разрѣшеніе этой болѣе обширной задачи зависитъ отъ тѣхъ-же силъ, которыя опредѣляютъ и первую; лишь прошедшее можетъ служить объясненіемъ настоящему и лишь молодежь можетъ дать форму будущему, которое принесетъ спасеніе. Писаная исторія нашей страны за послѣднія десять царствованій была не болѣе, какъ фантастическимъ призракомъ; она дала происхожденію и результатамъ общественныхъ отношеній характеръ и краски, во всемъ отличные отъ естественной формы и цвѣта этихъ отношеній. Въ этой могучей мистеріи всѣ идеи и всѣ вещи приняли видъ и наименованіе, противоположное ихъ дѣйствительному качеству и точному термину: олигархію назвали свободою; исключительный клерикализмъ окрестили именемъ національной церкви; суверенность составила титулъ чего-то ничѣмъ неповелѣвающаго, между тѣмъ какъ безусловная власть находилась въ рукахъ тѣхъ, которые называли себя слугами народа. Въ себялюбивой борьбѣ между двумя партіями изъ исторіи Англіи были вычеркнуты два великія существа: монархія и массы; на-сколько уменьшилась власть короны, на-столько исчезли привилегіи народа, до такой степени, что, наконецъ, скипетръ сдѣлался предметомъ церемоніи, а его подданные выродились снова въ крѣпостныхъ... Я молюсь о томъ, чтобы мы дожили до минуты, когда Англія имѣла-бы снова свободную монархическую власть, привилегированный и благоденствующій народъ; я убѣжденъ, что эти великіе результаты могутъ быть приобрѣтены лишь энергіею и преданностью молодежи. Мы живемъ въ эпоху, когда уже невозможно, чтобы слова: *молодой* и *индифферентный* составляли синонимы. Мы должны готовиться къ грядущему часу. Представителями требованій будущаго являются страдающіе миліоны; молодежь націи, это—уполномоченные потомства“.

Во имя этой задачи авторъ „Конингсби“ и „Сибилы“ могъ относиться весьма рѣзко къ старымъ тори до-реформеннаго времени, къ этимъ „архи-неспособностямъ“ (какъ онъ характеризовалъ лорда Ливерпуля), которымъ никогда не приходила въ голову великая мысль молодого еврейскаго новатора, что тори — именно настоящіе демократы и что пэры Англіи — представители народа. Въ этой критикѣ консерваторовъ и консерватизма, къ которымъ онъ стоялъ всего ближе и которыхъ зналъ всего лучше, выражается всего болѣе умъ и талантъ Дизраэли. Заботясь всегда лишь о собственномъ интересѣ, онъ прекрасно видѣлъ слабыя стороны всѣхъ партій и никогда не былъ ослѣпленъ тѣми фантазіями о „новыхъ тори“ и „молодой Англіи“, которыя такъ громко защищалъ въ своихъ романахъ. Вотъ какъ Дизраэли характеризуетъ министерскій кружокъ Ливерпуля:

„Главными членами этой официальной конфедерациі были люди, неотличавшіеся никакими замѣчательными государственными способностями. У нихъ не было ни одного божественнаго дара изъ тѣхъ, которые позволяютъ управлять собраніями и руководить совѣтами. Они не были ни ораторы, ни люди глубокой мысли или удачныхъ соображеній, или наблюдательнаго и быстрого ума. Они выказали нѣкоторую энергію въ приобрѣтеніи недостаточнаго, поверхностнаго знакомства съ внѣшними дѣлами; они такъ-же мало знали дѣйствительное состояніе собственной страны, какъ дикіе знаютъ о наступающемъ затмѣніи.

„Много толковали объ охранительныхъ принципахъ, но возникалъ трудный вопросъ, что охранять? Прерогативы короны... но съ условіемъ, чтобы онѣ не приводились въ дѣйствіе; независимость палаты лордовъ... но съ условіемъ, чтобы лорды не стремились ее осуществить; церковныя учрежденія... но съ условіемъ, чтобы ими руководили комисиі свѣтскихъ лицъ; короче, все, что установлено, пока это — фраза, а не фактъ. Между тѣмъ какъ формамъ и фразамъ воздавали религиозное поклоненіе, чтобы создать призракъ вѣры, на практикѣ слѣдовали минутной страсти или минутной комбинаціи. Консерватизмъ утверждалъ въ теоріи, что все однажды установленное должно быть поддержано, но принималъ на практикѣ, что изъ всего однажды установленнаго нельзя защищать ничего... Консерватизмъ былъ попыткою вести дѣла таинимъ образомъ, чтобы исполненіе обязанностей чиновника замѣняло совершеніе правительственныхъ функцій и чтобы поддержка системы отрицанія всякой новизны опиралась лишь на вліяніе собственниковъ, на приличное поведеніе въ частной жизни и на то, что называлось хорошими связями. Консерватизмъ изгоняетъ начало давности, пугается принциповъ, отрекается отъ прогресса; от-

бросивъ всякое уваженіе къ стародавнимъ правамъ, онъ не исправляетъ ничего въ настоящемъ и не готовится къ будущему“.

Переходя къ реформистскому движенію начала 30-хъ годовъ, Дизраэли особенно напираетъ на ту мысль о палатѣ общинъ, которую мы встрѣчали уже и ранѣе, именно, что палата общинъ есть также представительница привилегированнаго класса, а не народа, и указываетъ, что переходъ всего политическаго вліянія отъ короны и ея совѣтниковъ и отъ палаты лордовъ къ палатѣ общинъ былъ невольнымъ признаніемъ народоустрія въ самомъ обширномъ значеніи этого слова, а оно логически должно было повести къ всеобщему праву голосованія, къ тайнымъ выборамъ, къ полному демократизированію англійскаго политическаго строя,—словомъ, къ крайнимъ требованіямъ чартизма.

„Разсматривая палату третьяго сословія, пишетъ авторъ „Корингсби“,—какъ палату представителей народа, а не палату представителей привилегированнаго класса, министерство и парламентъ 1831 года въ сущности допустили принципъ всеобщаго избирательства. Съ этой точки зрѣнія цензъ въ 10 фунтовъ былъ произвольнымъ, неразумнымъ и не политическимъ ограниченіемъ. Онъ, правда, имѣлъ достоинство простоты, но это достоинство имѣла и конституція аббата Сіэса. Но его приняли и необходимымъ результатомъ былъ чартизмъ“. Взамѣнъ этого Дизраэли полагаетъ, что министры должны были-бы поставить своею задачею „расширеніе и перестройку третьяго сословія“, не искать „простоты элементовъ при новой постройкѣ“, но, „напротивъ, должны были-бы стремиться къ комбинаціи разнообразныхъ и измѣнчивыхъ матеріаловъ“. Въ такомъ случаѣ „къ общественнымъ классамъ государства прибавился-бы новый классъ, не менѣе многочисленный, какъ тотъ, который уже существуетъ, и обладающій привилегіями не менѣе важными; смутное-же выраженіе „народъ“ осталось-бы тѣмъ, что оно въ самомъ дѣлѣ есть,—терминомъ натуральной философіи, а не политической науки“. Нельзя не сказать, что и этотъ политическій проектъ въ достаточной мѣрѣ смутенъ, хотя, можетъ быть, Дизраэли и намѣренно сдѣлалъ его такимъ.

О политической жизни Англій послѣ реформы Дизраэли отзывался рѣзко, а онъ зналъ ее достаточно близко по опыту и по наблюденію, чтобы въ этомъ случаѣ отзывъ его можно было считать въ извѣстной мѣрѣ вѣрнымъ.

„Два года, послѣдовавшіе за реформою палаты общинъ, заключаютъ много поучительнаго для молодыхъ людей. Едва-ли возможно, чтобы эти молодые люди оставили изученіе лѣтописей этихъ годовъ безъ глубокаго отвращенія къ политическимъ интригамъ“.

Политикъ-романистъ среди традиціонно-конституціонной Англіи противопоставлялъ очень безцеремонно парламентскому интриганству „короля на престолѣ, свободнаго отъ предрасудковъ толпы и развратныхъ расчетовъ подданнаго“, короля, который „снова становится божественнымъ въ просвѣщенный вѣкъ“. Этотъ король есть „единственная сила, неимѣющая сословныхъ симпатій“, тогда какъ себялюбивая аристократія и остальное большинство склонны къ „сословному законодательству“. „Палата общинъ, говоритъ Конингсби въ романѣ того-же имени, — есть палата немногихъ; государь есть государь всѣхъ. Истинный руководитель народа есть личность, сидящая на тронѣ“.

Рядомъ съ этимъ возвеличеніемъ королевскаго принца Дизраэли указываетъ, что представительныя собранія не суть ни необходимые, ни единственно-возможные органы общества. „Представительство не заключается въ парламентъ ни по необходимости ни въ существенныхъ чертахъ; парламентъ не засѣдаетъ въ настоящую минуту и между тѣмъ нація имѣетъ представителей какъ высшихъ такъ и мельчайшихъ своихъ интересовъ. Ни одно неудовольствіе не ускользаетъ отъ вниманія и отъ исправленія... Общественное мнѣніе теперь стоитъ выше всего и выражается путемъ печати. Представительство путемъ прессы гораздо полнѣе чѣмъ представительство путемъ парламента. Последнее было счастливою мыслью болѣе грубаго времени, къ которому оно было превосходно приспособлено; это былъ вѣкъ полу-цивилизаціи, когда въ составъ политическаго общества входилъ и рабочій классъ но въ настоящее время это представительство парламента выказываетъ многіе признаки одряхлѣнія. Его контролируетъ система представительства, болѣе могучая и болѣе широкая; она усвоила его обязанности и выполняетъ ихъ болѣе дѣйствительно; въ ней полемика справедливѣе, а часто и глубже и сознательнѣе“. И въ другомъ мѣстѣ: „Образованная нація отворачивается отъ несовершеннаго замѣщенія ея тѣмъ, что называется представительнымъ правленіемъ. Палата общинъ, которая поглотила всѣ власти государства, вѣроятно, падетъ болѣе быстро, чѣмъ она возникла“. И въ учрежденіи присяжныхъ Дизраэли вовсе не видѣлъ „паладіумъ“ народной свободы, напоминая, что были эпохи (при Карлѣ II), когда судъ присяжныхъ былъ такъ-же несправедливъ, какъ судъ инквизиціи.

И въ противоположеніи тѣхъ „двухъ націй“ (именно богатыхъ и бѣдныхъ), борьбу между которыми онъ пытался изобразить въ „Сибилѣ“, какъ характеристическую черту новаго времени, Дизраэли видитъ результатъ новыхъ культурныхъ формъ, которыя отступили отъ стародавней гармоніи между разнообразными класса-

ми. „Существовали-ли, спрашиваетъ онъ,—поджигатели хлѣбныхъ скирдъ въ періодъ, когда господствовали (въ описываемой имъ мѣстности) лорды-аббаты? Если-же нѣтъ, то почему? И почему были истреблены скирды графовъ Мэрней (землевладѣльцевъ новаго времени), а скирды аббатовъ были цѣлы?“ Потому, отвѣчаетъ рабочій чартистъ въ „Сибилѣ“, — что на ихъ землѣ жили люди съ крѣпкимъ духомъ и съ независимую собственностью. „Тогда существовали свободные поселяне (yeomen), сэръ; страна не состояла изъ двухъ классовъ людей, изъ господъ и рабовъ; существовало нѣчто среднее между роскошью и нищетою“.

Картины нищеты рабочихъ поселенцевъ на земляхъ богатаго землевладѣльца, лорда Мэрней, достаточно рельефны, чтобы кто-нибудь могъ подумать теперь, что онѣ вышли изъ-подъ пера нынѣшняго лорда Биконсфильда.

„...Большія щели въ домахъ были открыты для всѣхъ вѣтровъ; кривыя трубы потеряли на половину свою прежнюю высоту; гнилыя бревна, очевидно, сдвинулись съ мѣста; соломенные-же крыши, во многихъ мѣстахъ съ дырами, открытыми и для вѣтра, и для дождя, и потому вполне неспособныя исполнять свое первоначальное назначеніе и охранять отъ непогоды, были больше похожи на верхушку навозной кучи, чѣмъ на крышу дома. Предъ дверями этихъ домовъ и часто около нихъ находились открытыя канавы со всякими животными и растительными остатками, которые разлагались, вызывая болѣзни, или, порою, при дурномъ проведеніи канавъ, образовывались грязныя ямы или лужи стоячей жидкости, между тѣмъ какъ концентрированный растворъ всякаго рода растворяющейся грязи просачивался сквозъ сосѣднія стѣны и сквозъ почву и пропитывалъ ихъ“.

Далѣе онъ описываетъ комнату въ этихъ лачугахъ, гдѣ „цѣлая семья, какъ-бы она ни была многочисленна, спитъ вмѣстѣ, безъ различія возраста, пола или болѣзни“; гдѣ мать мучается въ родахъ, вызывая къ жизни „новую жертву нашей беззаботной цивилизаціи“, а рядомъ отецъ лежитъ въ тифѣ, который влитъ въ его жилы его зараженнымъ жильемъ и жертвою котораго вскорѣ сдѣлается, можетъ быть, его поворожденный ребенокъ“. Дизраэли описываетъ, какъ землевладѣльцы стараются согнать съ своей земли нищее и больное населеніе; какъ приходы дѣлаютъ всевозможныя затрудненія къ приему возвращающихся въ нихъ бездомныхъ работниковъ; какъ имъ приходится къ длинному рабочему дню присоединять еще долгое путешествіе утромъ на работу, а вечеромъ въ „ту грязную лачугу, которая позорила названіе дома... Въ этотъ домъ, гдѣ гнѣздилась малярія и около бѣднаго очага котораго собирались иные гости, кромѣ семьи, истощенной тру-

домъ: и горячка всѣхъ формъ, и блѣдная чахотка, и изнурительная и перемежающаяся лихорадка.—въ этотъ домъ возвращался окончивъ работу на широкихъ поляхъ „веселой Англiи“, мужественный британецъ-крестьянинъ и встрѣчалъ самыя трудныя болѣзни, когда его тѣло было наименѣе способно противостоять имъ; когда оно, измученное трудомъ, не находило никогда поддержки животной пищи; когда онъ, промоченный насквозь бурей, не могъ переимѣнить своихъ мокрыхъ лохмотьевъ, и при этомъ единственнымъ топливомъ у него были обломанные вѣтромъ въ лѣсу сучья и деревья“.

Дизраэли описываетъ и біографію ребенка — Чортовой пыли (Devils-dust), который вышелъ изъ этой среды. Мать вернулась на фабрику какъ могла скорѣе послѣ рожденія ребенка, оставляя его весь день на попеченіи старухи за три пенса (около 10 копеекъ) въ недѣлю. Старуха давала ему дешевое сонное питье, которое „доставляло этимъ невиннымъ существамъ краткое опущеніе сладостей жизни и успокаивало ихъ, приготовляя ихъ къ спокойствію близкой могилы. Дѣтубійство, замѣчаетъ онъ, — практикуется въ Англiи въ такихъ-же широкихъ размѣрахъ и такъ-же легально, какъ и на берегахъ Ганга... Но начало жизни иногда разрушаетъ, даже въ самыхъ нѣжныхъ своихъ фазисахъ, заговоръ общества для уничтоженія жизни. Есть дѣти, которыя побѣждаютъ и голодь, и ядь, и безчеловѣчную мать, и няньку-демона. Таковъ былъ Безъмянный, о которомъ мы говоримъ. Нельзя сказать, чтобы онъ крѣпнулъ, но онъ не умиралъ“. Мать его пропала, и пенная плата прекратилась. „Его послали „играть“ на улицу, чтобы его раздавили. Но и это средство не удалось. Хотя онъ былъ моложе и слабѣе всѣхъ другихъ въ кучкѣ жертвъ, но Джэггернаутъ его пощадилъ для Молоха. Всѣ его товарищи погибли. Три мѣсяца „игры“ на улицѣ избавили міръ отъ этого юнаго сборища, босого, полунагого и нечесанаго, возрастъ котораго измѣнялся отъ 2 до 5 лѣтъ. Иныхъ раздавили, иные пропали, иные простудились, схватили горячку, поползли на свои чердаки и въ свои подвалы, были успокоены жидкостью Годфри и мирно умерли. Безъмянный не исчезалъ. Онъ всегда увертывался отъ колесъ и лошадей и не пропадалъ. Ему не давали пищи—онъ самъ фуражировалъ и дѣлилъ съ собаками выброски на улицѣ. Но онъ жилъ. Худой и блѣдный, онъ побѣдилъ даже горячку, которая была единственнымъ жильцомъ, непокидавшимъ его подвала. Онъ спалъ ночью на гнилой соломѣ... съ кучей навоза подъ головой, съ лужей помоевъ у ногъ, но все крѣпко держался за единственное жильё, которое охраняло его отъ бурь“. Когда ему было пять лѣтъ, всѣ около него вымерли отъ эпидеміи. „Одну ночь онъ

вернулся домой и увидѣлъ, что старуха умерла и была окружена только трупами. Ребенокъ и передъ этимъ спалъ на соломѣ рядомъ съ покойниками, но тогда хоть кто-нибудь дышалъ около него... Онъ выбрался изъ подвала, ушелъ изъ зараженнаго квартала и послѣ долгихъ странствованій уснулъ около двери фабрики". Онъ попадаетъ въ руки Молоха промышленности и получаетъ названіе „Чортовой пыли“.

Дизраэли выводитъ работника-чартиста (который потомъ оказывается, впрочемъ, тайнымъ аристократомъ) и влагаетъ въ его уста, между прочимъ, слѣдующую рѣчь:

„Когда французское дворянство объявлено было вымороченнымъ, тогда этихъ дворянъ было втрое меньше, чѣмъ теперь насъ, ручныхъ ткачей; между тѣмъ вся Европа. пошла войной за ихъ обиду, всѣ государства собрали денегъ, чтобы помочь имъ въ ихъ бѣдствіяхъ, и когда они вернулись въ свою страну, она уплатила имъ громаднаго вознагражденіе. Кто заботился объ насъ? Кто защищалъ насъ? Но мы, по крайней мѣрѣ, такъ-же мало виновны, какъ французское дворянство. Мы падаемъ и около насъ раздаются лишь наши собственные вздохи. Но если кто и выражаетъ сочувствіе намъ, что изъ этого? Сочувствіемъ утѣшаютъ бѣдняковъ, но богатымъ даютъ вознагражденіе“.

И въ другомъ мѣстѣ:

„Если общество, созданное трудомъ, внезапно становится независимымъ отъ этого труда (при введеніи машинъ), это общество обязано поддерживать людей, единственную собственность которыхъ составляетъ трудъ, изъ барышей той собственности, которая не потеряла своей доходности“.

Конечно, Дизраэли, согласно своей фантастической теоріи, высказывалъ, что спасеніе народа лежитъ въ содѣйствіи ему аристократической молодежи. „Единственные друзья народа, говорить чартистъ,—это младшіе сыновья (лордовъ), хотя они вообще находятся въ рядахъ нашихъ враговъ. Тѣмъ глупѣе съ ихъ стороны употреблять свои силы на поддержку системы, которая опирается на себялюбіе, ведетъ къ обману и которой первыми жертвами являются они сами“.—Въ другомъ мѣстѣ представитель аристократической молодежи говоритъ героинѣ романа, дочери рабочего-чартиста: „Народъ не ищетъ силы; народъ никогда не можетъ имѣть ея. Его попытки къ воздаянію собственными средствами окончатся лишь страданіями и смутами... Новое поколѣніе англійской аристократіи, Сибиль, состоитъ не изъ тирановъ, не изъ притѣснителей, какъ вы продолжаете думать. Они умомъ и, еще лучше, сердцемъ сознали отвѣтственность своего положенія.

„Дѣло“, № 10, 1877 г.

3

Но дѣло, лежащее предъ ними, не праздничное дѣло; не горячекъ поверхностнаго порыва можетъ разрушить глубоко-врытая преграда вѣкового невѣжества и вѣковой преступности. Довольно, что ихъ симпатіи возбуждены; время и размышленіе сдѣлаютъ остальное. Они—естественные предводители народа, Сибиль; по-вѣрьте мнѣ, они—единственные его предводители“.

Представителями этихъ „естественныхъ“ и „единственныхъ“ предводителей англійскаго народа въ романахъ Дизраэли являются личности, въ которыхъ критика видитъ портреты его друзей по союзу „молодой Англій“. И красивы-же эти политическіе дѣятели новаго рода! Одинъ изъ нихъ „не хочетъ вовсе слушать ничего о статистикѣ“ и руководится въ своихъ мнѣніяхъ „высшими соображеніями о томъ, что сословіе крестьянъ такъ-же древне, законно и признано“, какъ „сословіе“ дворянства; настаиваетъ на томъ, что „крестьянство“ (peasantry) такъ-же неприлично называть „рабочими“ (labourers), какъ лорда Эверингэма называть М-г Howard, а пляску около майскихъ шестовъ считаетъ нужнымъ сохранить „съ такимъ-же почтеніемъ, какъ собраніе кавалеровъ ордена Подвязки“.

Всего-же интереснѣе обстоятельство, которое самъ авторъ признаетъ въ другихъ частяхъ романа, именно, что „на дѣлѣ въ Англій не существуетъ болѣе аристократіи, потому что превосходство въ животныхъ качествахъ составляетъ существенное качество аристократіи“. Наконецъ онъ достаточно проникателенъ, чтобы вложить въ уста героини замѣчаніе, что отношеніе аристократіи къ народу измѣнилось просто „потому, что въ нѣкоторой мѣрѣ народъ созналъ свою силу“.

Тѣмъ не менѣе романъ, въ которомъ Дизраэли выказалъ себя „другомъ народа“, былъ на-столько восхваленіемъ аристократіи и только ея, что, по образцу тысячи романовъ, до сихъ поръ печатаемыхъ въ пошлыхъ еженедѣльныхъ журналахъ, продаваемыхъ за пенни, въ „Сибиль“ (какъ я упомянулъ выше) идеальныя рабочій-чартистъ и его еще болѣе идеальная дочь оказываются членами древняго рода и наслѣдниками громаднаго имущества.

„Вотъ вамъ признакъ бѣса, восклицаетъ по этому поводу „Westminster Review“.—Эти люди не могутъ представить себѣ,—и Дизраэли не можетъ этому научить ихъ,—ни могучихъ способностей, ни возвышеннаго характера внѣ условнаго воспитанія и дворянской крови. Не имѣя въ этомъ отношеніи ни малѣйшаго опыта, они не имѣютъ и понятія о тѣхъ благородныхъ стремленіяхъ, здравыхъ взглядахъ на вещи, о той нравственной силѣ, о томъ спокойномъ и сточическомъ терпѣніи, о тѣхъ горячихъ привязан-

ностяхъ, о томъ прирожденномъ вкусѣ, о той незапятнанной чистотѣ, непобѣдимой энергіи, о томъ неутомимомъ стремленіи къ саморазвитію, которые можно встрѣтить въ огромномъ числѣ среди тѣхъ, которые работаютъ изъ-за насущнаго хлѣба; еще менѣе имѣютъ первые понятія о чудесной силѣ рабочаго народа противостоятъ искушеніямъ, передъ которыми люди высшихъ классовъ, убажанные беззаботностью и роскошью, такъ-же безсильны, какъ Адамъ въ его раѣ непрерывнаго удовольствія“.

Дизраэли такъ-же не искренно относился къ народнымъ нуждамъ и бѣдствіямъ, которыя онъ прекрасно понималъ и умѣлъ вѣрно изобразить, какъ онъ не искренно относился къ фантазіямъ своихъ друзей-романтиковъ „молодой Англіи“. Когда онъ писалъ „Сибиль“, первый актъ чартизма былъ уже разыгранъ, и членъ парламента за Шрюсбери (съ 1841 г. Дизраэли былъ представителемъ Шрюсбери) не упустилъ употребить этотъ эпизодъ для своихъ цѣлей. Онъ произнесъ рѣчь, въ которой высказалъ „свою симпатію“ къ чартистамъ, представившимъ въ парламентъ свою громадную петицію. Онъ указалъ на билль о реформѣ 1832 г., какъ на источникъ народнаго движенія. Онъ обвинялъ новый привилегированный классъ въ томъ, что послѣдній, „занявъ высокое политическое положеніе“, не былъ „связанъ съ большинствомъ народа отправлениями общественныхъ обязанностей“, но пользуется властью только въ виду собственныхъ интересовъ. Онъ, словомъ, пытался и здѣсь утилизировать народное волненіе противъ виговъ въ видахъ собственной партіи. Затѣмъ, какъ-бы подтверждая мысль, высказанную въ романѣ, что къ бѣднымъ относятся лишь съ платонической и бесполезною „симпатіею“, ораторъ, выразивъ свою „симпатію“ чартистамъ, окончательно вотировалъ... *противъ* составленія комитета для принятія ихъ петиціи въ соображеніе.

Впослѣдствіи Дизраэли достигъ власти и тогда уже вполне ясно выказалъ, на-сколько ему были дороги всѣ грезы „молодой Англіи“ и всѣ теплыя „симпатіи“, которыя онъ высказывалъ страждущему народу, наконецъ, всѣ теоріи союза аристократа съ простолюдиномъ. Защитникъ въ романахъ монархическаго начала, какъ единственнаго представителя націи, такъ-же ревниво наблюдалъ за ограниченіемъ прерогативъ короны, какъ и виги, и не сдѣлалъ ни малѣйшей попытки усилить эти прерогативы на-счетъ власти палаты общинъ. Противникъ въ романахъ парламентаризма и политическихъ интригъ, онъ лучше другихъ умѣлъ пользоваться всѣми изворотами политическаго интриганства въ борьбѣ съ противниками. Поклонникъ въ романахъ католическихъ формъ богослуженія съ ихъ романтическими асоціаціями и съ ихъ дѣйствиємъ

на массу, онъ былъ однимъ изъ самыхъ ревностныхъ противниковъ ритуализма, который пытался нарушить клерикальную рутину епископальной церкви въ направленіи болѣе эффектнаго культа. Что-же касается „друга народа“, такъ жарко стоявшаго за пожираемыхъ Молохою промышленности рабочихъ Англій, то я приведу на этотъ счетъ слова его біографа:

„Въ „Сибилі“ онъ играетъ роль друга бѣдняковъ и употребляетъ всѣ усилія, чтобы описать страданія и несправедливости, претерпѣваемыя низшимъ классомъ. Далъ-ли онъ когда-либо при случаѣ практическое доказательство искренности своихъ чувствъ?

„Онъ осуждаетъ дурныхъ землевладѣльцевъ, которые ненавидятъ контракты съ рабочими. Но не онъ-ли самъ руководилъ оппозиціею противъ билля о пользованіи землею (Land Bill), цѣль котораго была охранить въ нѣкоторой степени ирландскихъ поселенцевъ на чужихъ земляхъ отъ жадности и тираніи ихъ землевладѣльцевъ, ненавидѣвшихъ контракты? Дизраэли въ романѣ рисуетъ отвратительнаго представителя землевладѣльцевъ въ лицѣ лорда Мэрней. Но въ дѣйствительной жизни Дизраэли не постыдился быть адвокатомъ англійскихъ и ирландскихъ лордовъ Мэрней.

„Далѣе въ „Сибилі“ Дизраэли выражаетъ глубочайшую симпатію къ сельскимъ рабочимъ. Но не онъ-ли самъ осмѣялъ и разсѣялъ движеніе сельскихъ рабочихъ, когда они, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, пытались разорвать свои цѣпи?

„Нельзя сказать въ его защиту, что средство, предложенное Арчемъ и его товарищами, было не средство Дизраэли. Конечно средство, предложенное Игремонтомъ (героемъ „Сибилі“) для уничтоженія несправедливости относительно бѣднаго населенія, есть вѣра въ дворянство, какъ „естественныхъ“ и „единственныхъ“ „руководителей народа“. Но Дизраэли очень хорошо зналъ, какіе результаты получились отъ исполненія его совѣта. Съ 1845 г., когда „Сибилі“ была напечатана, до 1872 г. сельскіе рабочіе предоставляли себя милости „естественныхъ“ и „единственныхъ“ „руководителей народа“; развѣ кто-либо забылъ ужасныя картины положенія этихъ рабочихъ, представленныя намъ въ 1872 г.? Если же Дизраэли когда-либо дѣйствительно вѣрилъ—что сомнительно—въ свои теоріи крестьянства, руководимаго и покровительствуемаго аристократіею, то открытія 1872 г. должны были разрушить эти иллюзіи. Если-бы симпатіи къ бѣднымъ и ненависть къ ихъ притѣснителямъ, выраженныя имъ такъ горячо, имѣли сколько-нибудь реальности, онъ сталъ-бы на сторону Арчей, а не Мэрнеевъ“.

Но смѣшно было-бы и представить себѣ, чтобы могъ быть искрен-

нимъ въ этомъ случаѣ радикаль, сдѣлавшійся тори; человекъ, который былъ первымъ мастеромъ политической интриги въ то время, какъ онъ ее такъ краснорѣчиво порицалъ въ своихъ сочиненіяхъ; писатель, соединявшій прославленіе самаго грубаго феодальнаго режима съ симпатіями въ рабочему классу; ораторъ, который не краснѣя провозглашалъ партію тори народною партією и палату лордовъ—демократическимъ учрежденіемъ. Все это была только „охота за крупной дичью“.

(Окончаніе въ слѣд. книгѣ).

НАУЧНАЯ ХРОНИКА.

Историческое воспоминаніе, нелишенное современнаго интереса. — Любопытный документъ, открытый Драпейрономъ въ парижской Національной библіотекѣ. — Турція два вѣка тому назадъ и виды на нее Франціи. — Французскіе Суворины XVII в. — Чѣмъ они отличаются отъ русскихъ Суворинныхъ XIX вѣка? — Во что обходится русско-турецкая война невоюющимъ державамъ? — Торжество науки и „ordge mogal“ въ Гаврѣ. — О расахъ ископаемыхъ людей (рѣчь Брокá). — Чего ждали гаврскіе негоціанты отъ конгресса „соревнователей преуспѣянія наукъ“ и оправдались-ли ихъ ожиданія? — Нравственно-сентиментальныя цѣли конгресса. — Ничто объ общеобразовательномъ значеніи ученыхъ съѣздовъ вообще и гаврскаго въ частности. — Какъ ученые съѣзды разъясняютъ профанамъ „общедоступныя и общентересныя“ вопросы? — Гаврскіе экономисты, разъясшающіе нравственно-экономическіе вопросы по формулѣ передовыхъ статей петербургскихъ газетъ. — Могутъ-ли они поступать иначе? — Кровавое шестіе „дѣвизація“ по дѣвственнымъ лѣсамъ внутренней Африки. — Письмо Стэнли. — Post-Scriptum. — Еще письмо Стэнли.

Ничто не ново подъ луною, да, ничто! не новы даже Суворины. Недавно одинъ изъ извѣстнѣйшихъ французскихъ географовъ, Людовикъ Драпейронъ, открылъ въ парижской національной библіотекѣ интересную рукопись, несомнѣнно доказывающую, что Суворины существовали два вѣка тому назадъ, правда, не въ Петербургѣ (Петербургъ еще не былъ тогда основанъ), а... въ Парижѣ. Парижскіе Суворины были такіе-же великіе патриоты и такіе-же великіе политики, какъ и петербургскіе; подобно послѣднимъ, они страхъ какъ не долюбивали турокъ и во что-бы то ни стало хотѣли стереть ихъ если не съ лица земли, то, по крайней мѣрѣ, съ лица Европы; и все, что наши теперешніе Суворины пишутъ и толкуютъ о „великой мисси“ Россіи на Востокъ, то, буква въ букву, слово въ слово, писали и говорили и французскіе Суворины, только, разумѣется, не по отношенію къ Россіи, а по отношенію къ Франціи. Провидѣніе, по ихъ словамъ, возложило на французскаго во-

роля великую задачу: онъ долженъ освободить изъ-подъ ига „не-честивыхъ“—своихъ братій христіанъ, онъ долженъ примѣрно наказать ихъ мучителей и притѣснителей; осуществить-же эту провиденціальную задачу онъ можетъ лишь тогда, когда прогнать всѣхъ „нехристей“ въ Азію, присоединить Константинополь къ французскому королевству и раздѣлить турецкія провинціи между христіанскими королями и принцами. „Сдѣлать это совсѣмъ не такъ трудно, какъ кажется, умозаключали Суворины Людовика XIV,—совсѣмъ не трудно, даже очень легко!“ И въ доказательство, что „это очень легко“, они на разные голоса распѣвали о радикальномъ разстройствѣ и упадкѣ Оттоманской имперіи и о средствахъ воспользо-ваться имъ и, разрушивъ турецкую имперію, возстановить Восточную въ пользу одного изъ дѣтей Франціи“ (т. е. одного изъ королевскихъ принцевъ). Одно изъ такихъ „размышленій“ *) Драпейронъ вырылъ нынче изъ архивной пыли парижской бібліотеки и обнаруговалъ... для свѣденія и поученія современныхъ російскихъ Суворинныхъ. Да, дѣйствительно, они не лишены для нихъ нѣкоторой поучительности. Дѣло въ томъ, что тогдашнее положеніе Турціи и отношенія къ ней Франціи представляютъ нѣчто аналогичное съ ея теперешнимъ положеніемъ и съ теперешними отношеніями къ ней Россіи.

Тогда, какъ и теперь, Турція переживала тяжелый кризисъ, даже несравненно болѣе тяжелый, чѣмъ теперь. Рядъ неудачныхъ войнъ съ нѣмецкимъ императоромъ, съ польскимъ королемъ, съ венеціанскою республикою и т. п. и въ особенности вѣнскій погромъ (въ 1683 году) деморализировалъ турецкія войска и совершенно истощилъ государственную казну. Политическому могуществу Турціи былъ нанесенъ рѣшительный ударъ; она потеряла всѣ свои владѣнія въ Венгріи, Трансильванію и Мореху; почти весь ея флотъ былъ уничтоженъ. Внутри страны господствовало всеобщее недовольство, администрація находилась въ какомъ-то хаотическомъ состояніи. Казалось, пробилъ послѣдній часъ Оттоманской имперіи и дни ея уже были сочтены. „Трудно описать хаосъ, царящій въ Турціи, пишетъ авторъ „Réflexions sur le mauvais Estat de l'empire Ottoman“.—Потеря столькихъ битвъ и столькихъ провинцій, въ

---

*) Réflexions sur le mauvais Estat de l'empire Ottoman avec les moyens d'en profiter et de restablir l'Empire d'Orient en faveur d'un des Enfants de France, en detruisant celui des Turcs. Этотъ интересный документъ, вмѣстѣ съ тремя другими записками (о турецкомъ флотѣ, о морскихъ силахъ, потребныхъ для сожженія Константинополя, и о проектѣ мира, который можетъ быть предложенъ туркамъ послѣ успѣшнаго окончанія константинопольской экспедиціи), составляющими какъ-бы дополненіе къ нему, и съ замѣчаніями на него Вобава, напечатанъ въ іюньской, іюльской и августовской книжкахъ „Revue de Géographie“.

особенности Нисы (Ниша) и Видина, повергли ее въ отчаяніе. По пути къ Константинополю нѣтъ ни одного укрѣпленнаго мѣста; страна со всѣхъ сторонъ открыта для нападенія. Имперцы (т. е. войска нѣмецкаго императора) безъ особеннаго труда могутъ въ слѣдующую кампанію дойти до Константинополя и овладѣть имъ. Турція не имѣетъ болѣе никакихъ ресурсовъ: ни генераловъ, ни министровъ, ни войска, ни денегъ, ни флота, ни союзниковъ, которые могли-бы выручить ее изъ бѣды. „Прибавьте ко всему этому необузданный произволъ пашей, продажность администраціи, полнѣйшую неспособность великихъ визирей (изъ которыхъ почти ни одинъ не умиралъ своею смертію), ожесточенную вражду гаремныхъ партій, придворныя интриги и конспираціи *); однимъ словомъ, по господствовавшему въ то время мнѣнію, „Турція находилась на краю пропасти“, и, казалось, достаточно было самаго ничтожнаго толчка, чтобы низвергнуть ее въ эту пропасть.

Франція, напротивъ, ослѣпляла Европу блескомъ своей славы и могущества. Она съ честью занимала первое мѣсто въ сонмѣ европейскихъ державъ. Войска ея, предводительствуемыя величайшими полководцами того времени, пользовались репутаціей непобѣдимыхъ. Финансы, сравнительно говоря, находились въ удовлетворительномъ состояніи, торговля процвѣтала, промышленность быстро развивалась, и если страна не могла себя чувствовать особенно довольною и счастливою подъ суровымъ игомъ деспотической власти, то, во всякомъ случаѣ, она могла похвастаться примѣрнымъ порядкомъ, тишиною и спокойствіемъ... Все трепетало и преклонялось передъ волею Людовика XIV; онъ держалъ въ своихъ рукахъ не только судьбы одной изъ цивилизованнѣйшихъ и богатѣйшихъ странъ міра,—онъ держалъ въ своихъ рукахъ судьбы всей Европы; европейскіе правители считали за честь находиться съ нимъ въ союзѣ. Какой поразительный контрастъ съ злополучнымъ Солиманомъ! Одинъ съ полнымъ правомъ говорилъ о себѣ: *l'état—c'est moi*; другой не могъ считать себя полновластнымъ хозяиномъ даже въ собственномъ гаремѣ. Царство одного какъ-бы воплощало въ себѣ идею силы и порядка, царство другого, напротивъ, идею безсилія и дезорганизаци.

*) Около этого времени (1687 г.) былъ только-что низложенъ султанъ Магометъ IV, прозванный „охотникомъ“, такъ-какъ кромѣ охоты онъ рѣшительно ничѣмъ не занимался. Новый султанъ, Солиманъ III, попавшій на тронъ прямо изъ тюрьмы, хотя и былъ очень свѣдущъ въ коранѣ и считался человекомъ довольно развитымъ и образованнымъ, но не отличался ни энергіею, ни характеромъ. Со всѣхъ сторонъ его окружали враги и завистники; при дворѣ господствовали двѣ партіи: партія низложеннаго султана и партія его сына; онъ во всемъ мѣшалъ злополучному султану и постоянно противъ него интриговалъ.

СА.
41-БИБЛИОТ.
ВЕНЦЫ

Какъ тутъ было не соблазниться французскимъ Суворинимъ, особенно когда въ ихъ головы засѣло убѣжденіе, будто само Провидѣніе предназначило великому монарху стереть Турцію съ лица Европы! По ихъ вычисленіямъ, исполненіе предначертаній Провидѣнія французскому королю не могло обойтись дороже 37,000,000 фр. (около 10,000,000 рублей), причемъ 8,000,000 фр. полагалось на непредвидѣнные расходы. Для завоеванія Константинополя за глаза было достаточно 30,000 — 40,000 человѣкъ. Даже по тогдашнему времени, ни эта армія, ни эти расходы не могли считаться особенно значительными для такого государства, какимъ была тогдашняя Франція. Такимъ образомъ, по мнѣнію Сувориныхъ, все дѣло заключалось лишь въ доброй волѣ короля: стоило ему захотѣть—и отъ турокъ и слѣда не останется. Вы видите, по части патріотической самоувѣренности, они мало чѣмъ отличались отъ Сувориныхъ новѣйшихъ... но, не въ обиду будь сказано послѣднимъ, по части политической предусмотрительности они стояли несравнено выше ихъ. Они весьма основательно соображали, что главная задача состоитъ все-таки не въ томъ, чтобы разбить турокъ и овладѣть Константинополемъ, а въ томъ, чтобы провести Европу. Они понимали, что европейскіе государи, и большіе, и маленькіе, не станутъ сидѣть сложа руки, пока Франція будетъ осуществлять свою провиденціальную миссію; возстановленіе Восточной имперіи не могло придтись имъ по вкусу; особенно не могло это нравиться нѣмецкому императору, который считалъ эту имперію своимъ законнымъ наслѣдіемъ и который, съ своей стороны, точно также былъ твердо убѣжденъ, что именно онъ, а никто другой, предназначенъ провидѣніемъ освободить Европу отъ турокъ. Поэтому, чтобы не возбуждать ничьихъ страховъ и опасеній и не раздражать нѣмецкаго императора, французскіе Суворины совѣтовали королю держать свои планы относительно Константинополя и Восточной имперіи въ строжайшемъ секретѣ *). Никто не долженъ былъ подозрѣвать, что его величество питаетъ какіе-нибудь честолюбивые виды на Турцію. Папу нужно было убѣдить, что христіаннѣйшій король, начиная войну съ турками, преслѣдуетъ исключительно интересы римской церкви; нѣмецкому императору слѣдовало внушить мысль, что Франція никогда не станетъ оспаривать у него его завоеваній, и если ему удастся овладѣть всею

*) Видите-ли, гг. Суворины, какъ поступаютъ умные люди! Не то что вы, чловѣкъ откровеннаго направленія. Ваши предшественники не менѣ васъ были одержимы похотью приобрѣтенія, но они не заявляли объ этомъ всему міру... А вы? Война еще не начиналась, а вы уже протягивали свои руки къ Константинополю, считая его губерскимъ городомъ Россіи. Можно-ли такъ глупо откровенничать!

европейскою Турціею, съ Константинополемъ включительно, то его величество ничего противъ этого имѣть не будетъ. Чтобы успокоить Польшу и привлечь ее на свою сторону, его величество долженъ пообѣщать польскому королю господство въ Молдавіи и Валахіи и выдать одну изъ своихъ дочерей замужъ за польскаго принца. Электору баварскому и Максимилиану слѣдуетъ дать понять, что одинъ изъ его племянниковъ (сестра Максимилиана была замужемъ за французскимъ дофиномъ: она была матерью герцога Бургонскаго, отца Людовика XV) будетъ возведенъ на престолъ Восточной имперіи. Герцога Лоренскаго можно привязать къ королю, поставивъ его во главѣ французскаго войска, предназначеннаго дѣйствовать въ Азіи. Англійскаго короля, какъ человѣка очень благочестиваго, его величеству не трудно будетъ расположить въ свою пользу, дѣйствуя на его религіозное чувство, и т. д., и т. д. Предполагалось привлечь къ союзу не только всѣхъ мелкихъ итальянскихъ и германскихъ владѣтельныхъ князей, но даже и царей московскихъ (въ это время русскимъ царствомъ управляла царица Софья). „Московиты“, по мнѣнію авторовъ проекта, должны были занять крымскаго хана и помѣшать ему явиться на помощь единовѣрнымъ туркамъ. За эту услугу французскій король готовъ былъ предоставить московскимъ царямъ Крымъ и всѣ прочія страны, которыя они завоюютъ. Вообще, каждому союзнику слѣдовало гарантировать неприкосновенность его завоеваній, каждаго союзника слѣдовало убѣдить, что, воюя съ Турціей, онъ воюетъ исключительно въ своихъ личныхъ интересахъ и что Франція отъ этого ровно ничего не выиграетъ. Но для того, чтобы союзники — и въ особенности нѣмецкій императоръ — въ самомъ дѣлѣ не вздумали воспользоваться плодами своихъ побѣдъ, чтобы они, чего добраго, не вырвали-бы изъ-подъ носа французскихъ Сувориныхъ самыхъ лакомыхъ кусковъ, чтобы они не захватили себѣ львиной части при дѣлежѣ добычи, — для предотвращенія всѣхъ этихъ неприятныхъ возможностей Суворини предлагали королю: во-первыхъ, отправить эскадру къ берегамъ Средиземнаго моря и занять Константинополь раньше, чѣмъ союзники успѣютъ подойти къ нему сухимъ путемъ. Укрѣпившись въ Константинополѣ и возбудивъ въ Сиріи и другихъ азіатскихъ владѣніяхъ Турціи возстаніе, онъ отрѣжетъ туркамъ путь отступленія и сдѣлается, такимъ образомъ, главнымъ рѣшителемъ судебъ войны. Во-вторыхъ, онъ долженъ заранѣе надавать какъ можно больше обѣщаній Польшѣ, венеціанской республикѣ, графу Текели (бывшему предводителю, въ 1676 г., венгерскаго возстанія противъ императора) и князю трансильванскому; тогда они сами уже будутъ зорко слѣдить за императоромъ и не позволятъ ему зарываться въ своихъ завоеваніяхъ. Императоръ, безъ сомнѣнія, бу-

деть платить имъ тою-же монетою, такъ-что въ-концѣ-концовъ въ серьезномъ выигрышѣ останется только одна Франція.

Придумавъ эту остроумную политическую комбинацію, авторы проекта „упраздненія Турціи“ не видятъ уже болѣе никакихъ препятствій къ его осуществленію. Разъ его величеству удастся налуть папу, императора и прочихъ большихъ и малыхъ европейскихкихъ государей,—все дѣло пойдетъ, какъ по маслу. Войска султана, отрѣзанныя съ моря французами и со всѣхъ сторонъ окруженныя гѣмпцами, венграми, поляками и возставшими славянами, не въ состояніи будутъ двинуты ни назадъ, ни впередъ. Пользуясь ихъ критическимъ положеніемъ, христіане должны избить ихъ всѣхъ до единого человѣка *). Затѣмъ, когда большая часть народонаселенія европейской Турціи, способнаго носить оружіе, будетъ перебита, — старцевъ, женщинъ и дѣтей слѣдуетъ переселить въ Азію, а турецкія провинціи раздѣлить между христіанскими правителями, приблизительно слѣдующимъ образомъ:

Императоръ возьметъ себѣ турецкую Венгрію, причемъ онъ долженъ дать формальное обязательство не расширять далѣе, на счетъ венгровъ, своихъ владѣній. Венеція получитъ Эславонію, турецкую Кроацію, Боснію, Далмацію, Албанію и Эпиръ. Въ вознагражденіе за эти пріобрѣтенія, она должна уступить французскому королю Морею, Ахаію и островъ Некропонтъ. Польшѣ отдастся Молдавія и Валахія; Франція, кромѣ Константинополя, удержитъ за собою Фессалію, Македонію, Сербію, Болгарію, Румынію и всѣ острова Архипелага.

Франціи, какъ видите, приходится въ этомъ дѣлѣжъ львиная доля. Но патриоты-прожектеры идутъ еще далѣе: „Занявъ Константинополь, подчинивъ себѣ Грецію и острова Архипелага, не трудно будетъ, увѣряютъ они, овладѣть и Египтомъ... Затѣмъ ничего не будетъ стоить завоевать Анатолію, Сирію, Палестину, и, такимъ образомъ, турки будутъ отброшены за Эвфратъ, въ Аравійскія пустыни“. („Le grand dessein secret de Louis XIV contre l'Empire Ottoman“, R. de Geogr., p. 458.)

Очевидно, фантазія и патриотическое усердіе Сувориныхъ XVII в. далеко превосходили, по своей смѣлости и своей рѣшительности, фантазію и усердіе Сувориныхъ XIX в.

---

*) Авторы съ особенною силою настаиваютъ на необходимости этого поголовнаго избіенія. „Если, говорятъ они,—имъ дана будетъ пощада, то удѣланнымъ войскамъ придется дать свободный пропускъ въ Азію; въ Азіи-же ничто не помѣшаетъ имъ снова организоваться и, такимъ образомъ, они могутъ надѣлать союзникамъ не мало хлопотъ“. (Revue de Géographie, Juin: „Le grand dessein secret de Louis XIV contre L'Empire Ottoman en 1688“, p. 448.)

Патріотическій проектъ Суворинныхъ XVII в. такъ и остался проектомъ „неподлежащимъ осуществленію“, однако, нельзя сказать, чтобы онъ былъ окончательно и безповоротно сданъ въ архивъ „политическихъ химеръ“. Нѣтъ, химера эта и впоследствии являлась то тамъ, то здѣсь въ самыхъ разнообразныхъ формахъ и видахъ.

И всякій разъ, когда она дѣлала попытку изъ міра заоблачныхъ фантазій, изъ міра грезъ и забвенія перейти въ міръ реальной, практической дѣйствительности,—страницы европейской исторіи обогрелись кровью. Впрочемъ, не одною кровью питалась „химера“; вмѣстѣ съ кровью она высасывала и деньги... и какую массу денегъ она уже высосала, и какую массу денегъ она еще высосетъ! Если кровавую дань она собираетъ только съ народовъ, прямо и непосредственно принимающихъ участіе въ ея осуществленіи или въ ея неосуществленіи, то дань денежную она собираетъ со всего свѣта и, во всякомъ случаѣ, со всей Европы. Чтобы составить себѣ хотя приблизительно понятіе о величинѣ этой дани, мы приведемъ здѣсь нѣсколько нелишенныхъ интереса и вполне современныхъ статистическихъ данныхъ; данныя эти мы заимствуемъ изъ небольшой замѣтки Элле (Hellés), помѣщенной въ одной изъ послѣднихъ книжекъ „La Réforme économique“ и трактующей о вліяніи нынѣшней русско-турецкой войны на европейскую торговлю.

Авторъ начинаетъ свою замѣтку съ общихъ разсужденій объ экономическомъ значеніи войны для воюющихъ сторонъ. „Всякая война требуетъ отъ воюющихъ державъ массы непродуцированныхъ издержекъ, безвозвратно пожираетъ ихъ сбереженія и обременяетъ долгами. Поэтому, съ чисто-экономической точки зрѣнія, война есть всегда предпріятіе въ высшей степени невыгодное и разорительное. Государство, ведущее войну, можетъ быть сравнено съ купцомъ, который прекращаетъ всѣ свои дѣла, закладываетъ все свое недвижимое имущество и отдаетъ кому-нибудь всѣ свои свободные капиталы, зная напередъ, что онъ не получитъ обратно ни единого гроша изъ своихъ денегъ. А такъ-какъ экономическіе интересы европейскихъ націй тѣсно связаны между собою, то, разумѣется, все, что вредно дѣйствуетъ на экономическое благосостояніе одной изъ нихъ, должно, въ большей или меньшей степени, отражаться и на экономическомъ благосостояніи всѣхъ остальныхъ. Въ настоящее время, на примѣръ, нѣтъ ни одного государства въ Европѣ, которое не испытывало-бы на себѣ гибельныхъ послѣдствій восточной войны. Но всего чувствительнѣе и всего непосредственнѣе отозвались они на торговлѣ Австро-Венгріи.

„Торговый флотъ австро-венгерской имперіи состоитъ изъ 8,000

кораблей, вмѣстимостью въ 600,000 тоннъ; его экипажъ простирается до 26,000 чел. Сумма стоимости ввезенныхъ и вывезенныхъ на немъ товаровъ въ 1875 г. равнялась 176,500,000 фл. (причемъ было вывезено на сумму въ 77,900,000 фл.; ввезено на сумму въ 98,600,000 фл.). Цифры эти относятся къ морской торговлѣ какъ съ Западомъ, такъ и съ Востокомъ. Какъ велика была сумма торговыхъ оборотовъ съ одною восточной Европой, этого нельзя опредѣлить вполне точно, за отсутствіемъ официальныхъ данныхъ. Тѣмъ не менѣе, основываясь на отчетахъ триестской коммерческой палаты, мы знаемъ, что въ Триестъ черезъ черноморскіе порты изъ Турціи, Молдавіи и Валахіи ввозилось товаровъ на 26,000,000 фл. (въ 1875 г.), а вывозилось изъ него черезъ тѣ-же порты болѣе, чѣмъ на 20,000,000 фл. Слѣдовательно, мы можемъ допустить, что общая сумма торговаго оборота Австріи съ Востокомъ равнялась отъ 40 до 50 миліоновъ фл.; теперь-же, благодаря войнѣ, она равняется нулю“.

Итакъ, морская торговля имперіи сократилась, по меньшей мѣрѣ, миліоновъ на 50 фл. Сухопутная торговля потеряла еще болѣе уцербъ. „Чтобы составить себѣ хотя приблизительное понятіе о величинѣ этой потери, говорить Элле, — достаточно только бросить самый бѣглый взглядъ на географическое положеніе Австріи. Сухопутная пограничная линія габсбургской имперіи простирается на 915 нѣмец. миль, причемъ пограничная линія съ Россіей простирается на 152 мили, съ Турціей—на 140 миль, съ Румыніей — на 133 мили, съ Сербіей — на 50 миль, съ Черногоріей—на 8 миль. Слѣдовательно, большая часть сухопутной пограничной линіи (483 мили) соприкасается съ территорією воюющихъ державъ“. Иными словами, сухопутная торговля должна сократиться теперь почти на половину, если не болѣе. Прежде она велась на пространствѣ 915 нѣмец. миль, теперь — всего только на пространствѣ 432 миль. Въ 1875 г. общій итогъ торговыхъ оборотовъ (по сухопутной границѣ) съ Россією равнялся 49,000,000; съ Турціей — 56,000,000; съ той и другой вмѣстѣ — 105,000,000. Если мы предположимъ, что въ настоящее время количество товаровъ, ввозимыхъ въ Турцію и Россію и вывозимыхъ изъ этихъ странъ, уменьшилось только въ два раза *), то окажется, что австрійская торговля понесетъ втеченіи одного года болѣе 100,000,000 фл. убытка, что составляетъ въ мѣсяцъ — 8,333,000 флориновъ.

*) Предположеніе чрезчуръ оптимистическое, такъ-какъ торговыя сношенія Австріи съ Турціей въ настоящее время почти совершенно прекратились.

Но это еще не все. Потребности войны заставили закрыть для торговаго движенія леополь-черновице-асскую линію желѣзной дороги. По этой линіи провозилось среднимъ числомъ въ годъ отъ 2 до 3 миліоновъ центнеровъ разныхъ товаровъ. Компанія судоходства по Дунаю перевозила среднимъ числомъ въ годъ изъ Оршовы въ Сулину и изъ Галаца въ Одессу, болѣе 9 миліоновъ центнеровъ товаровъ, стоимостью въ 7,500,000 фл. Всѣ эти цифры приходится теперь сбросить съ общаго итога оборотовъ австро-венгерской торговли. „Вообще, по словамъ Элле,—количество убытковъ, которые понесла австрійская торговля въ первые шесть мѣсяцевъ войны, доходить до 70—75 миліоновъ флор.

О торговыхъ убыткахъ прочихъ европейскихъ державъ можно судить по двумъ слѣдующимъ даннымъ: въ 1876 году черезъ Сулину (на Дунаѣ, который теперь, какъ извѣстно, закрытъ для торговаго движенія) прошло 1,943 корабля, вмѣстимостью въ 748,353 тонны, съ грузомъ въ 20,000,000 центн. пшеницы. Въ Левантъ до войны ежегодно приходило съ товарами среднимъ числомъ не мѣнѣе 40,000 парусныхъ судовъ и отъ 3 до 4,000 пароходовъ.

Но, впрочемъ, довольно о туркахъ, о войнѣ и разныхъ завоевательно-пріобрѣтательныхъ планахъ. Будемъ говорить лучше о наукѣ, о ея завоеваніяхъ и торжествахъ. Тема не совсѣмъ подходящая къ теперешнему настроенію нашего общества, но за то вполне безобидная... мирные и ультра-благонамѣренные ученые, члены „мирной и благонамѣренной“ асоціаціи „содѣйствователей“ процвѣтанію науки, собрались нынче, въ концѣ августа (23 числа), на свой обычный годичный конгрессъ въ городъ Гавръ.

Торжество началось, какъ это и всегда бываетъ, вступительною рѣчью предсѣдателя конгресса, знаменитаго антрополога, геолога, статистика и доктора Брокка. Указавъ въ нѣсколькихъ словахъ на быстрое развитіе асоціаціи „содѣйствія развитію наукъ“ и на то всеобщее сочувствіе, которое она встрѣчаетъ повсюду, даже среди неграмотнаго сельскаго населенія *), онъ заявилъ, что считаетъ

*) Асоціація была основана въ 1872 г. Вначалѣ имѣла около 800 членовъ. Въ первый-же годъ это число возрасло до 1,200, затѣмъ, послѣ каждаго годичнаго конгресса, оно постоянно увеличивалось; послѣ третьяго конгресса записалось новыхъ еновъ 300 человекъ, послѣ четвертаго—450, послѣ пятаго—284. Въ настоящее время общее число членовъ доходить до 2,234 чел. Что-же касается тѣмъ обстоятельствомъ, что во время экскурсій членовъ крестьяне выходятъ, будто-бы, въ праздничныхъ одеждахъ на-встрѣчу ученымъ и украшаютъ зеленую свои жилища. Въ этихъ праздничныхъ одеждахъ и въ этихъ гирляндахъ изъ листьевъ навывне „люди науки“ усматриваютъ несомнѣнный признакъ того ува-

вершено излишнимъ распространяться о цѣли асоціаціи и объ лугахъ, оказанныхъ ею наукѣ. Обо всемъ этомъ было уже много воровано, и онъ, не желая повторять и пережевывать старое, желъ за лучшее посвятить вступительную рѣчь вопросу о расахъ ископаемыхъ людей западной Европы.

Въ 20-хъ годахъ нынѣшняго вѣка, наука, въ лицѣ своихъ наиболѣе компетентныхъ авторитетовъ, самымъ рѣшительнымъ образомъ отрицала существованіе ископаемаго человѣка. Человѣкъ, тверждалъ Кювье, — появился на землѣ гораздо позже ископаемыхъ животныхъ; знаменитый авторъ „Discours sur les révolutions du globe“ (Бесѣда о переворотахъ земного шара) шелъ еще далѣе: по его мнѣнію, гипотеза объ ископаемыхъ людяхъ не только никогда не будетъ, но никогда не можетъ быть доказана, такъ-какъ она совершенно невѣроятна и даже нелѣпа. А между тѣмъ не прошло трехъ-четырехъ лѣтъ послѣ выхода въ свѣтъ „Discours“, какъ уже было сдѣлано нѣсколько открытій, несомнѣнно доказывавшихъ существованіе ископаемаго человѣка. Такъ, найдены были въ 1828 г. кучи человѣческихъ костей и утвари въ пещерѣ Биза (Bize, въ Одѣ); въ 1829—въ пещерахъ Гардъ и Геро и въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Нижней Австріи. Изслѣдованія Шмерлинга (1833 г.) въ пещерахъ и въ окрестностяхъ Лиежа и въ особенности изслѣдованія въ пещерѣ Энгисъ (Engis), прибрѣтшей впослѣдствіи въ наукѣ такую громкую извѣстность, могли, повидимому, убѣдить самыхъ упорныхъ скептиковъ, самыхъ закоснѣлыхъ рутинеровъ. Но тѣмъ не менѣе скептики и рутинеры продолжали стоять на своемъ: нахожденіе въ пещерахъ человѣческихъ костей рядомъ съ костями ископаемыхъ животныхъ четвертичнаго періода, по ихъ мнѣнію, ровно ничего не доказывало: эти кости могли попасть въ пещеры чисто-случайнымъ образомъ—или вслѣдствіе поднятія или осадковъ почвы, или потому, что историческіе люди хоронили въ нихъ своихъ покойниковъ, или потому, что вода, размывъ кладбище, занесла туда человѣческіе останки, и т. п. Чтобы уничтожить и окончательно опровергнуть эти фантастическія возраженія, необходимо было доказать присутствіе человѣческихъ костей не только въ пещерахъ четвертичнаго періода, не только подъ почвою горныхъ скатовъ,—почвою, дѣйствительно подверженною частымъ передвиженіямъ,—нужно было доказать ихъ присутствіе и подъ почвою большихъ долинъ, горизонтальное наслоеніе которой не подвергалось никакимъ измѣненіямъ и относительно которой нельзя

женія и той симпатіи, которая возбуждаетъ ихъ видъ „въ практическихъ людяхъ сохъ“. Ахъ, если-бы „практическіе люди“ присутствовали на гаврскомъ конгрессѣ, какъ они посмѣялись-бы надъ этимъ наивнымъ самообольщеніемъ наивныхъ людей!

было-бы допустить гипотезы объ естественныхъ или искусственныхъ перемѣщеніяхъ.

Къ песку и гравію, занесенному въ глубину долинъ водами четвертичной эпохи, въ большинствѣ случаевъ, подобная гипотеза совершенно непримѣнима. Поэтому, если-бы кому-нибудь удалось отыскать подъ ихъ наслоеніями человѣческія кости, то всѣ возраженія, приводимыя скептиками и рутинерами противъ доказательствъ существованія человѣка въ четвертичный періодъ, падали-бы сами собою. Буше-де-Перту это удалось. Въ окрестностяхъ Аббевиля онъ отыскалъ подъ слоями песка и гравія, рядомъ съ костями носорога и мамонта, кремневыя орудія и домашнюю утварь, несомнѣнно доказывавшія, что человѣкъ былъ современникомъ этихъ животныхъ. Въ первый разъ открытіе это было сдѣлано въ 1840 году, но на него, какъ и слѣдовало ожидать, не обратили должнаго вниманія. Цеховые ученые отнеслись къ нему съ полнѣйшимъ равнодушіемъ и даже пренебреженіемъ; какой-то Буше-де-Пертъ, никому неизвѣстный, никакими учеными степенями необлеченный, ни къ какой ученой корпораціи непринятой, имѣетъ наглость дѣлать открытія, противорѣчащія ихъ теоріямъ,— теоріямъ патентованныхъ и привилегированныхъ авторитетовъ науки. Очевидно, онъ долженъ быть величайшимъ шарлатаномъ! „Величайшій шарлатанъ“ не смутился, однако, отзывами патентованныхъ и привилегированныхъ авторитетовъ; онъ продолжалъ свои изысканія... и, наконецъ, черезъ 18 лѣтъ (въ 1858 г.) непрерывнаго труда и настойчивыхъ усилій ему удалось заинтересовать своими открытіями и ученый міръ, и даже неученую публику. Прежде всего на нихъ обратили вниманіе англійскіе геологи и палеонтологи; знаменитый Фальконеръ самъ отправился въ Аббевиль, чтобы на мѣстѣ осмотрѣть работы и находки Буше-де-Перта; за Фальконеромъ послѣдовали и другіе геологи (Приствичъ, Эвансъ, Фловель, Лайель). Убѣдившись въ важности открытій, сдѣланныхъ французскимъ ученымъ, они стали, по его примѣру, производить самостоятельныя изслѣдованія въ долинѣ Соммы. Изслѣдованія эти (особенно въ С. Ашелъ, около Амьена) увѣнчались полнымъ успѣхомъ. Авторитетъ Фальконера, Лайеля, Эванса и др. поколебался. Наконецъ, непреклонный скептицизмъ французскихъ рутинеровъ. Они усомнились въ непогрѣшимости Кювье и автора „Бесѣды о переворотахъ земного шара“ и послѣ долгихъ колебаній рѣшились сознаться, что всѣ ихъ возраженія противъ древности человѣка падаютъ теперь сами собою (Жюфруа Сентъ-Илеръ). Парижское „антропологическое общество“, втеченіи 18 лѣтъ упорно отказывавшееся признать за Буше-де-Пертомъ какія-бы то ни было научныя заслуги, взяло его теперь подъ свое „высокое“ покровительство и

Святило своею санкціею его выводы и открытія. Съ этихъ поръ ископаемый человѣкъ“ получилъ въ наукѣ всѣ права гражданства.

Но Буше-де-Перть, говоритъ Брока, — приподнялъ только уголокъ завѣсы, скрывающей отъ насъ первобытную исторію человѣчества. Онъ доказалъ, что человѣкъ жилъ втеченіи всего четвертичнаго (новѣйшаго) періода, что онъ былъ современникомъ сѣвернаго оленя, мамонта и многихъ другихъ, теперь уже исчезнувшихъ, животныхъ. Но когда именно появился онъ впервые на землѣ? Въ новѣйшій-ли періодъ или, быть можетъ, раньше? Не сохранилось-ли слѣдовъ его существованія въ наслоеніяхъ третичнаго періода? Открытія Буше-де-Перта и англійскихъ геологовъ невольно наводили на эти вопросы. И для ихъ разрѣшенія въ послѣднее время было сдѣлано нѣсколько попытокъ изслѣдовать третичныя формаціи, — попытокъ, увѣнчавшихся полнымъ успѣхомъ; французъ Денуайеръ открылъ въ Сень-Пре (въ окрестностяхъ Шартра) слѣды существованія человѣка въ пліоценовой формаціи. Открытіе это нашло себѣ подтвержденіе въ изслѣдованіяхъ итальянскаго профессора Каппелини, точно также открывшаго присутствіе человѣческихъ останковъ въ тѣхъ-же формаціяхъ около Тосканы. Наконецъ, изслѣдованія аббата Буржуа (произведенныя въ общинѣ Теней, въ департ. Луаръ-и-Шеръ) показали, что человѣкъ существовалъ не только въ пліоценовый, но даже въ міоценовый періодъ. Однако, хотя фактъ существованія человѣка въ третичный періодъ и допускается весьма авторитетными современными геологами, тѣмъ не менѣе большинство ученыхъ смотритъ на него только какъ на гипотезу, — гипотезу, очень правдоподобную, но, во всякомъ случаѣ, спорную и не вполне доказанную. Поэтому, говоритъ Брока, человѣкъ пліоценовой и міоценовой формаций занимаетъ въ настоящее время по отношенію къ наукѣ точно такое-же мѣсто, какое двадцать лѣтъ назадъ занималъ человѣкъ четвертичнаго періода. Онъ стоитъ у ея порога, но не допускается еще въ ея святилище. Но, конечно, какой-нибудь новый Буше-де-Перть не замедлитъ ввести его туда. А пока наука занимается изученіемъ его ближайшихъ потомковъ, людей плейстоценовой (делювіальной) формаціи. Благодаря массѣ костей, череповъ, оружія и утвари, найденныхъ въ различныхъ частяхъ европейскаго материка, она получила возможность не только прослѣдить ихъ исторію, воспроизвести ихъ общественный и домашній бытъ, но и опредѣлять ихъ расовыя особенности, — особенности, изъ которыхъ въ настоящее время выводится и которыми объясняется разнообразіе современныхъ намъ европейскихъ расъ. Еще очень недавно это разнообразіе, выразившееся главнымъ обра-

„Дѣло“, № 10, 1877 г.

зомъ въ строеніи черепа, объяснялось смѣшеніемъ первобытныхъ туземцевъ Европы съ выходцами изъ Азіи.

По мнѣнію знаменитаго шведскаго анатома Ретціуса, первобытные туземцы Европы—историческіе люди каменнаго періода, по строенію своего черепа должны были принадлежать къ типу кругло-головыхъ; напротивъ, жители азіатскаго материка принадлежали къ типу длинно-головыхъ. Великое эмиграціонное движеніе народовъ Азіи въ Европу повлекло за собою смѣшеніе обоихъ типовъ и, такимъ образомъ, породило всѣ тѣ разнообразныя посредствующіе элементы и типы, которые мы находимъ теперь у современныхъ намъ европейцевъ. Гипотеза Ретціуса, впервые высказанная въ началѣ 40-хъ годовъ, господствовала въ наукѣ до начала 60-хъ годовъ, т. е. до тѣхъ самыхъ поръ, пока не былъ окончательно удостовѣренъ и признанъ фактъ существованія ископаемаго человѣка. Изслѣдованіе найденныхъ человѣческихъ костей и череповъ показало, что объясненіе, даваемое господствующею теоріей происхожденію расовыхъ разновидностей, не выдерживаетъ ни малѣйшей критики. Оказалось, что эти разновидности существовали гораздо раньше переселенія народовъ изъ Азіи въ Европу, гораздо раньше каменнаго періода исторіи, что онѣ существовали уже въ эпоху сѣвернаго оленя, въ эпоху плейстоценовыхъ формацій. Мало того, оказалось, что типъ длинно-головыхъ появился на европейскомъ материкѣ не позже (какъ утверждалъ Ретціусъ), а гораздо раньше типа кругло-головыхъ; что подъ вліяніемъ послѣдующихъ эмиграцій и скрещиваній расъ, онъ постоянно ступевывался и регресировалъ, что кругло-головые были совсѣмъ не аборигены, будто-бы покоренные и вытѣсненные болѣе сильными и болѣе цивилизованными пришельцами; что, напротивъ, они сами были пришельцами, что они появились въ Европѣ лишь въ концѣ четвертичнаго періода и что потому мы должны смотрѣть на нихъ, какъ на ближайшихъ непосредственныхъ предковъ историческихъ людей (т. е. людей современной намъ геологической эпохи). До нихъ три расы ископаемыхъ людей послѣдовательно появлялись на европейской почвѣ. Самою древнею считается каштадтская раса *), кости (и въ томъ числѣ большой кусокъ черепа) представителей кото-

---

*) Расы ископаемыхъ людей получили свое названіе отъ тѣхъ мѣстностей, въ которыхъ впервые были найдены кости ихъ представителей. По общепринятому мнѣнію, такихъ расъ считается три: каштадтская, кроманьонская (Stoмагпоп) и фурфукская (Furfooz). Брока-же, какъ увидимъ ниже, признаетъ необходимымъ допустить существованіе четвертой расы,—кругло-головой по преимуществу. Черепы ея представителей найдены были въ поздвѣйшихъ песчаныхъ наслоеніяхъ Греннеля, а также около Грюна, въ Венгріи. Брока не даетъ этой новой, четвертой расѣ никакого спеціальнаго названія.

рой случайно найдены были землекопами въ Капштадтѣ (около Штутгарта) еще въ 1700 году. Впрочемъ, по капштадтскимъ костямъ довольно трудно было возстановить ея типическій характеръ. Только позднѣйшія открытія (въ особенности знаменитый неандертальскій черепъ, найденный въ пещерѣ Неандерталя въ 1857 г., и нижняя челюсть, найденная въ 1816 г. въ пещерѣ Нолетт, въ Бельгіи) дали ученымъ возможность съ точностью опредѣлить особенности ея черепа и скелета. Капштадтскіе люди принадлежать къ чистому типу длинно-головыхъ и, по строенію черепа, напоминаютъ отчасти современныхъ австралійцевъ и эскимосовъ; существенная разница состоитъ только въ томъ, что у послѣднихъ онъ представляетъ несравненно большую вмѣстимость, чѣмъ у первыхъ. Капштадтскій черепъ вообще замѣчательнъ не только по своей длинѣ, но и по своей приплюснутости; эта-то приплюснутость и отличаетъ его главнымъ образомъ отъ черепа второй расы ископаемыхъ людей—кроманьонской, а также и отъ черепа историческихъ людей каменнаго періода; и кроманьонцы, и люди каменнаго періода по части длинно-головости ничѣмъ не уступаютъ капштадтцамъ, потому, въ отличіе отъ первыхъ, послѣдніе извѣстны въ наукѣ подъ именемъ длинно-плоско-головыхъ. Судя по орудіямъ, найденнымъ вмѣстѣ съ костями этихъ длинно-плоско-головыхъ людей, ученые предполагаютъ, что капштадтская раса стояла на несравненно болѣе низкой степени культуры, чѣмъ кака-бы то ни было изъ извѣстныхъ намъ расъ. Однако, если взять во вниманіе ея географическое распространеніе (она занимала большую часть средней, западной и отчасти южной Европы) и ея живучесть, то придется допустить, что она вообще довольно удачно выдерживала борьбу за существованіе съ своими опасными врагами и могущественными соперниками — медвѣдями, мамонтами и носорогами. Только въ половинѣ четвертичнаго періода она столкнулась съ болѣе сильнымъ противникомъ,—противникомъ, передъ которымъ должна была спасовать и ступеваться. Какъ и откуда онъ появился, это остается—и, быть можетъ, навсегда останется—покрытымъ мракомъ неизвѣстности. Но какъ-бы то ни было, кроманьонцы, вторая раса ископаемыхъ людей, вытѣснили капштадтцевъ и завладѣли всѣми ихъ землями. Капштадтская раса сошла со сцены, угасла, подобно тому, какъ сходятъ со сцены и угасаютъ и въ наше время низшія цвѣтныя расы при столкновеніи съ бѣлыми людьми. Пришельцы по своему тѣлосложенію, по росту *) и въ особенности по строенію черепа стояли несравненно выше аборигеновъ. Это была раса

*) Средній ростъ капштадтца равнялся 1 метру 68 сант.; средній ростъ кроманьонца—1 м. 78 сант.

сильная, здоровая и въ высокой степени интеллектуальная. Средняя вмѣстимость черепа кроманьонца равняется и даже превосходить среднюю вмѣстимость черепа современныхъ парижанъ. А такъ-какъ вмѣстимость черепа находится въ прямомъ отношеніи къ количеству мозга, а количествомъ мозга опредѣляются обыкновенно у людей ихъ умственные способности, то мы должны допустить, что человѣку нужно было имѣть несравненно больше ума для того, чтобы обточить камень, выдѣлать какую-нибудь вещь изъ оленьяго рога или изъ слоновой кости, нацарапать на камнѣ или на деревѣ какую-нибудь безобразную фигурку, чѣмъ для того, чтобы изобрѣсти круповскія пушки и митральезы, телеграфы и желѣзныя дороги и всѣ чудеса современной промышленности, искусства, литературы и политики.

Кроманьонцы усовершенствовали кремневую промышленность и имъ-же приписывается изобрѣтеніе искусствъ: рисованія, гравированія и скульптуры. Когда у людей возникаетъ потребность записывать свои мысли, придавать имъ внѣшнюю, конкретную, такъ-сказать, осязательную форму, однимъ словомъ, когда у нихъ возникаетъ потребность въ „искусствахъ“, то это ясно показываетъ, что они уже достигли нѣкоторой, болѣе или менѣе высокой степени матеріальнаго благосостоянія, той степени, на которой вопросъ о кускѣ насущнаго хлѣба если и не отступаетъ совсѣмъ на задній планъ, то, во всякомъ случаѣ, не поглощаетъ уже всецѣло человѣческаго вниманія. Отсюда само собою слѣдуетъ заключеніе, что кроманьонцы были не только очень сильны и смѣшлены, но немножко и богаты; среди нихъ уже начинался, повидимому, процессъ накопленія богатствъ, — накопленія, обезпечивающаго человѣку нѣкоторый досугъ, освобождающій его отъ бремени непосильнаго физическаго труда и служащій, по мнѣнію всѣхъ экономистовъ и историковъ, вѣрнымъ залогомъ дальнѣйшаго прогресса и цивилизаціи. Ихъ главнымъ жизненнымъ ресурсомъ былъ сѣверный олень. Оленья промышленность играла въ ихъ социальномъ быту совершенно такую-же роль, какую играла промышленность земледѣльческая въ періодъ феодализма, какую играетъ мануфактурно-фабричная въ современный намъ буржуазный періодъ. Пища ихъ почти исключительно состояла изъ оленьяго мяса, а оленьи рога служили сырымъ матеріаломъ для ихъ ремесленной промышленности и для ихъ искусствъ. Поэтому эпоха сѣвернаго оленя была эпохою наивысшаго культурнаго развитія и процвѣтанія этой расы. Съ постепеннымъ исчезновеніемъ оленя (исчезновеніемъ, обусловленнымъ смягченіемъ климата) начинается и ея постепенное вырожденіе. На смѣну ей явились новые люди, новая раса, извѣстная

подъ именемъ фюрфудцкой *). Эти новые люди были во всѣхъ отношеніяхъ ниже кроманьонцевъ. Слабого тѣлосложенія, малорослые (средняя величина ихъ роста колеблется отъ 1 м. 53 сант. до 1 метр. 62 сант., т. е. они были ниже кашпштадцевъ на 6 сант. и ниже кроманьонцевъ на 16 сант.), по вмѣстимости своего круглоголоваго черепа они немногимъ ушли отъ кашпштадцевъ. Подобно кроманьонцамъ, они жили въ пещерахъ и существовали исключительно охотою. Но они не заимствовали отъ своихъ предшественниковъ ни ихъ знаній, ни ихъ искусствъ. Они не умѣли рисовать и вовсе не занимались скульптурою; ихъ оружіе и утварь изъ оленьяго рога и кремня поражаютъ своимъ безвкусіемъ, крайнею небрежностью и несовершенствомъ своей выдѣлки; вообще ихъ индустріальныя способности находились, по сравненію съ индустріальными способностями ихъ предшественниковъ, на очень низкой ступени развитія; сомнѣваются даже, умѣли-ли они владѣть лукомъ. Трудно предположить, чтобы эти слабые, совершенно дикіе и невѣжественные люди могли съ успѣхомъ бороться съ сильными и искусными кроманьонцами. По всей вѣроятности, они появились на европейскомъ материкѣ (именно въ Бельгій) лишь тогда, когда послѣдніе, не будучи въ состояніи приспособиться къ измѣнившимся атмосферическимъ условіямъ, на-столько уже выродились, что не въ силахъ были оказать пришельцамъ никакого серьезнаго сопротивленія. „Такимъ образомъ, говоритъ Брока, — если мы станемъ на чисто-археологическую точку зрѣнія, мы должны будемъ признать, что кроманьонцы исчезли съ лица земли (т. е. изъ средней и юго-западной Европы) вмѣстѣ съ сѣвернымъ оленемъ. Однако, изслѣдованія, произведенныя въ такъ-называемой пещерѣ Человѣка-Смерти (L'homme-Mort), въ Лозерѣ, а также въ Солотурѣ, убѣждаютъ насъ въ противномъ. Раса не погибла окончательно, хотя и выродилась; нѣкоторыя племена пережили сѣвернаго оленя и, породнившись съ пришельцами, передали имъ, а черезъ нихъ и послѣдующимъ поколѣніямъ, характеристическія черты своего типа. Даже въ наше время черты эти, по закону атавизма, проявляются иногда въ довольно рѣзкихъ формахъ у того или другого индивидуума, въ томъ или другомъ семействѣ... Очень вѣроятно, продолжаетъ Брока, — что, подъ влияніемъ скрещиванія фюрфудцевъ съ выжившими представителями выродившихся кроманьонцевъ, черепъ послѣднихъ утратилъ свою удлиненную форму, округлился, а черепъ первыхъ увеличился въ объ-

---

*) Кости представителей этой расы открыты были въ 1866 и 1867 гг. Дюпономъ въ нѣсколькихъ пещерахъ по лѣвому берегу Лессы, около деревни Фюрфудъ (въ Бельгій.)

емѣ. Такимъ образомъ, возникъ новый типъ черепного строенія, типъ, который можно назвать „кругло-головымъ“ по-преимуществу. Люди этого типа должны составить, по мнѣнію Брока, четвертую расу,—расу, которая по формѣ и вмѣстимости своего черепа должна стоять выше трехъ предшествовавшихъ ей расъ; мало-помалу она окончательно вытѣснила своихъ предковъ (если только фюрфуйцы и кроманьонцы были ея предками) и прочно осѣла во Франціи, Бельгіи, Австріи, Венгріи, Италіи и вообще въ средней и юго-западной полосѣ Европы. Но такъ-какъ она всецѣло принадлежитъ къ новѣйшему, современному намъ геологическому періоду, то ея дальнѣйшія судьбы не могутъ уже представлять существеннаго интереса для палеонтолога; онѣ должны подлежать вѣденію историка. Такимъ образомъ, эта раса служитъ какъ-бы связующимъ звеномъ между человѣчествомъ ископаемымъ и человѣчествомъ историческимъ.

Таково было въ общихъ чертахъ содержаніе вступительной рѣчи Брока. Можетъ быть, читатель немножко сердится на насъ, что мы позволили себѣ такъ долго утруждать его драгоценное вниманіе ископаемыми людьми. Но что-же дѣлать! Во-первыхъ, ископаемые люди играли на гаврскомъ конгрессѣ едва-ли не самую видную роль, а, во-вторыхъ, изъ всего безчисленнаго множества рѣчей, произнесенныхъ въ ученомъ ареопагѣ, вступительная рѣчь Брока всего скорѣе и всего сильнѣе могла заинтересовать обыкновенныхъ смертныхъ, неприурочившихъ еще себя ни къ какому спеціальному вѣдомству. Правда, такихъ обыкновенныхъ смертныхъ среди слушателей Брока было не особенно много: большинство аудиторіи, за вычетомъ спеціалистовъ-ученыхъ, состояло изъ практическихъ дѣльцовъ, торговцевъ, промышленниковъ, негодянтовъ. Людямъ этого сорта учено-популярная лекція ученаго антрополога должна была показаться немножко отвлеченною, а потому и не особенно интересною. Слушая его, практическій человѣкъ задавалъ себѣ вопросъ: а какой барышъ могу я извлечь изъ ископаемаго человѣка? Положимъ, разные тамъ капштадтцы, кроманьонцы, фюрфуйцы въ свое время и сдѣлали для меня кое-что, да вѣдь это было очень давно, а теперь на что они мнѣ нужны? Вотъ если-бы еще можно было торговать ихъ костями... тогда другое дѣло: сообщенія парижскаго профессора пригодились-бы намъ хоть... для рекламы... Теперь-же это выходитъ пустословіе одно“. Гаврскій мэръ, какъ истинный представитель своихъ практическихъ согражданъ, сейчасъ-же смеянулъ, что рѣчь Брока должна произвести на нихъ именно такое, а не иное впечатлѣніе. Очень можетъ быть, что и самъ онъ, несмотря на всю свою любовь къ просвѣщенію мучился подобными-же вопросами и сомнѣніями, но какъ-бы то ни

было, онъ счелъ своею обязанностью предупредить ученый ареопагъ, что „практическіе люди“ одними „ископаемыми людьми“ не удовлетворяются, что они ждутъ отъ господъ ученыхъ чего-нибудь болѣе существеннаго, чего-нибудь такого, что могло-бы содѣйствовать расширенію ихъ торговли и возрастанію ихъ барышей. „Господа, сказалъ достопочтенный мэръ,—позвольте мнѣ выразить надежду, что нынѣшняя сессія обогатитъ нашу страну однимъ изъ тѣхъ чудесныхъ практическихъ открытій, которыя, дѣлая честь наукѣ, питаютъ промышленность, а слѣдовательно, увеличиваютъ общественное благосостояніе“.

Разумѣется, розовой надеждѣ пракческаго мэра не суждено было осуществиться; никакихъ чудесныхъ открытій съѣздъ не сдѣлалъ, да и сдѣлать не могъ, такъ-какъ „дѣланіе открытій“ со-всѣмъ не входитъ въ програму ученыхъ съѣздовъ. Секретарь ассоціаціи, Дегеренъ (Dehérain), какъ человекъ болѣе его свѣдущій и не разъ уже имѣвшій случай вкушать отъ плодовъ „ученаго объѣда мыслей“, весьма тонко далъ понять наивному градоначальнику Гавра всю неумѣстность его ожиданій и тутъ-же, кстати, вразумилъ и его, и „почтеннѣйшую публику“ на-счетъ истинныхъ цѣлей и задачъ конгресса.

Мэръ, исчисляя въ своей рѣчи ученныя заслуги города Гавра, выставилъ, между прочимъ, на видъ и то обстоятельство, что этотъ городъ удостоился великой чести и великаго счастья быть родиною Делавина, Дикмора (Diquemore), Лезюера (Leseueur) и, наконецъ, самого Бернардэна Сэн-Пьера. Съ этого-то Бернардэна Сэн-Пьера и началъ ученый секретарь. „Не знаю, сказалъ онъ, — какъ-бы встрѣтилъ насъ въ своемъ родномъ городѣ знаменитый Бернардэнъ Сэн-Пьеръ, если-бы только онъ былъ теперь живъ. Вамъ извѣстно, что онъ, несмотря на всю свою любовь къ естественнымъ наукамъ, не слишкомъ-то церемонился съ учеными; помните, какъ онъ зло и ядовито осмѣялъ академіи въ своей превосходной „Индійской хижинѣ“ (Chaumiere indienne)? И кто знаетъ, быть можетъ, присутствуя сегодня на этомъ блестящемъ собраніи, видя этихъ людей науки, сошедшихся со всѣхъ странъ, со всѣхъ уголковъ Франціи,—кто знаетъ, быть можетъ, говорю я, онъ не могъ-бы скрыть насмѣшливой улыбки; онъ невольно вспомнилъ-бы о своемъ докторѣ-чудакаѣ, который доѣхалъ до самой Индіи, тщетно ища отвѣтовъ на три тысячи пятьсотъ вопросовъ, поставленныхъ лондонскою академіей. Однако, я думаю, что мысль объ этомъ докторѣ въ-концѣ-концовъ примирила-бы съ нами Сэн-Пьера. Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь его докторъ вынесъ изъ своихъ долгихъ путешествій не только запасъ новыхъ знаній, но и трогательное воспоминаніе о радушномъ гостепримствѣ, о вѣрныхъ,

преданныхъ друзей... Не то-же-ли будетъ и съ нами? Втеченіи недѣли, которую мы проведемъ здѣсь, мы будемъ имѣть возможность ближе познакомиться и сойтись съ почтенными гражданами, такъ радушно принимающими насъ, и я не сомнѣваюсь, что между нами устаноятся прочныя дружескія отношенія, которыя, конечно, переживутъ наше кратковременное пребываніе въ этомъ городѣ“.

Такимъ образомъ, по мнѣнію ученаго секретаря выходитъ, что будто почтенные ученые собираются со всѣхъ концовъ свѣта на ученые сѣзды не сколько съ научною, а тѣмъ болѣе торгово-промышленною цѣлью, столько съ цѣлью нравственно-сентиментальною: они хотятъ, видите, содѣйствовать, главнымъ образомъ, процвѣтанію дружбы, „этого величайшаго изъ всѣхъ земныхъ благъ“. по словамъ опять-таки того-же ученаго секретаря, — дружбы какъ въ своихъ взаимныхъ отношеніяхъ, такъ и въ своихъ отношеніяхъ къ „великодушнымъ“ гражданамъ, оказывающимъ имъ „безкорыстное“ гостепрѣимство. Положимъ, разсуждаютъ они, — изъ нашей ученой болтовни, да, именно болтовни (causerie), никакой особенной пользы человѣчеству для себя и не извлечетъ, но за то съ какими „трогательными воспоминаніями“ возвратимся мы къ своимъ роднымъ пенатамъ! Какъ насъ вездѣ радушно принимали! Какъ насъ угощали и увеселяли! Сколько мы выпили и сѣбли! Сколько новыхъ друзей и пріятелей у насъ завелось! О, если-бы скептикъ Сэн-Пьеръ былъ теперь живъ, право, онъ не сталь-бы надъ нами смѣяться, — онъ убѣдился-бы во-очію въ великомъ общественномъ, нравственномъ и даже чисто гастрономическомъ значеніи нашихъ періодическихъ сѣздовъ!

Такимъ образомъ, все или почти все, о чемъ и по поводу чего болтали господа ученые, было до такой степени узко-спеціально, до такой степени мало доступно пониманію профана, что послѣдній, при всемъ своемъ добромъ желаніи, не въ состояніи будетъ извлечь изъ ихъ болтовни ровно-таки ничего для себя поучительнаго. По всей вѣроятности, онъ не станетъ даже ее и слушать; еще менѣе можно допустить, чтобы онъ когда-нибудь рѣшился заглянуть въ тѣ безконечныя „протоколы“ и „отчеты“, въ которыхъ воспроизводятся эти невинныя дебаты; и ни одно популярно-періодическое изданіе, ни одинъ журнальный хроникеръ (за исключеніемъ хроникеровъ научно-спеціальныхъ журналовъ) никогда не возьметъ на себя неблагодарной работы знакомить его съ ея содержаніемъ. Причемъ-же тутъ, скажите на милость, популяризація и распространеніе знаній? Почтенные ученые обмѣнялись между собою нѣкоторыми спеціальными свѣденіями по нѣкоторымъ частнымъ, спеціальнымъ, на-

удачу выхваченнымъ вопросамъ науки и... и только. Публика, масса профановъ не выиграла отъ этого обмѣна ровно ничего; запасъ ея свѣденій не увеличился ни на волосъ.

Защитники общеобразовательнаго значенія конгрессовъ могутъ намъ замѣтить на это, что вѣдь не всегда-же и не на всѣхъ-же конгрессахъ дебатировались вопросы, по существу своему недоступные пониманію людей средняго образованія, людей, непріурочившихъ себя къ какой-нибудь одной спеціальности. На гаврскомъ, напр., конгрессѣ, рядомъ съ вопросами узко-спеціальными, были затронуты и вопросы, имѣющіе болѣе или менѣе общій интересъ и болѣе или менѣе доступные пониманію каждаго. Это правда. Но бѣда только въ томъ, что эти общедоступные и общеинтересные вопросы постигаются на конгрессахъ въ большинствѣ случаевъ весьма печальная участь. Проходя сквозь горнило ученаго „обмѣна мыслей“, они обыкновенно до такой степени запутываются, затемняются и осложняются, что мало-по-малу совершенно даже теряютъ свою прежнюю общедоступность. Ученая „causerie“ погребаетъ ихъ подъ кучку равнозначущихъ pro и contra, и затѣмъ ученые великодушно предоставляютъ самому-же профану разбираться въ этой кучѣ, какъ онъ хочетъ и какъ онъ знаетъ. Положеніе профана становится крайне затруднительнымъ. Если до конгресса онъ имѣлъ какое-нибудь опредѣленное мнѣніе насчетъ того или другого изъ этихъ общедоступныхъ вопросовъ, ну хоть, напр., насчетъ вопроса о торговыхъ привилегіяхъ и промышленныхъ монополіяхъ, то послѣ конгресса онъ, по всей вѣроятности, не будетъ имѣть о немъ никакого мнѣнія. На конгрессѣ ему, какъ дважды-два—четыре, докажутъ, что онъ жестоко ошибался, воображая, будто монополія вредна, будто привилегія оскорбляетъ общественную справедливость; напротивъ, практическій опытъ самымъ неопровержимымъ образомъ свидѣтельствуетъ о необходимости сохраненія и приумноженія всяческихъ монополій и привилегій; практическій опытъ ставитъ внѣ всякихъ сомнѣній ихъ полезность, законность и справедливость. Засыпанный градомъ цифръ и ловко подтасованныхъ фактовъ, профанъ, какъ человекъ безъ предвзятыхъ идей, пожалуй, и готовъ-бы былъ согласиться съ мнѣніемъ защитниковъ монополій и привилегій. Но тутъ поднимаются ихъ противники и столь-же неопровержимо доказываютъ ему, что монополія и привилегіи—величайшее зло, вопіющая неправда, воплощенное беззаконіе, корень всѣхъ общественныхъ бѣдствій, начало экономической нищеты и разоренія. Въ подтвержденіе своего мнѣнія они тоже будутъ ссылаться на практическій опытъ, на нескончаемые ряды цифръ и фактовъ... Кому вѣрять? Съ кѣмъ согласиться? Кто правъ? Кто ошибается? Или всѣ они одинаково

правы и одинаково неправы? *In media veritas*, т. е. „съ одной стороны, нельзя не согласиться... хотя, съ другой стороны, должно сознаться...“ И бѣдному, но безпристрастному профану, въ-концѣ-концовъ, придется или, заткнувъ уши, бѣжать отъ ученаго конгресса за тридевять земель, или, ставъ на аристотелевскую точку зрѣнія, примириться съ знаменитою формулою передовыхъ статей всероссийскихъ газетъ.

Вы скажете, что я говорю парадоксы, что я клевету на почтенныхъ мужей науки, что я извращаю и преувеличиваю факты. Прекрасно. Вотъ вамъ эти факты сырѣмъ, судите о нихъ сами.

Общедоступные и общественноинтересные вопросы на всѣхъ конгрессахъ составляютъ почти исключительную монополію секцій общественныхъ наукъ. Разумѣется, и на гаврскомъ конгрессѣ монополію эту пользовалась секція „политической экономіи и статистики“. Дѣйствительно, обсуждавшіеся въ ней вопросы были настолько-же общедоступны, на-сколько и общественноинтересны, и нѣтъ такого профана, который не имѣлъ-бы о нихъ хоть какого-нибудь своего собственнаго мнѣнія, который не интересовался-бы ими. Особенно это можно сказать по поводу перваго вопроса, стоявшаго на очереди,—вопроса, представляющаго въ настоящее время для насъ, русскихъ, помимо своего общаго интереса, еще животрепещущій интересъ современности. Это вопросъ о вліяніи чрезмѣрнаго, ничѣмъ необезпеченнаго выпуска бумажныхъ денегъ и ихъ низкаго курса на развитіе народнаго благосостоянія. Каждый профанъ, какъ-бы ни былъ онъ простъ, очень хорошо понимаетъ, что чѣмъ больше находится въ обращеніи ничѣмъ необезпеченныхъ бумажекъ, тѣмъ ниже стоитъ ихъ курсъ, т. е. тѣмъ дешевле деньги, тѣмъ дороже приходится платить за всѣ товары. Каждый профанъ, какъ-бы ни былъ онъ простъ, по личному опыту очень хорошо понимаетъ, какъ неприятно и какъ убыточно имѣть въ карманѣ кредитный рубль стоимостью въ 4 франка. за который, однакожь, даютъ ему на рынкѣ всего только 2 фр. Но если это неприятно и убыточно для каждаго профана, взятаго въ отдѣльности, то, очевидно, это должно быть въ такой-же степени неприятнымъ и убыточнымъ и для всего общества, въ которомъ профаны, какъ известно, составляютъ преобладающее большинство. Такъ разсуждаетъ обыкновенно профанъ, и, повидимому, разсуждаетъ весьма основательно,—по крайней мѣрѣ, ему такъ кажется. И что, въ самомъ дѣлѣ, можно возразить противъ этихъ разсужденій, опирающихся на несомнѣнную математическую истину, что два всегда меньше четырехъ? А вотъ подите-же, поучитесь немножко у ученыхъ экономистовъ и вы убѣдитесь, на-сколько бессмысленны и невѣжественны сѣтованія профановъ по поводу паденія курса бу-

мажных денегъ, вы убѣдитесь, что въ этомъ-то именно паденіи и заключается главный стимулъ экономическаго прогресса, что оно несетъ съ собою не нищету и разореніе, а, напротивъ, процвѣтаніе торговли и промышленности, всеобщее благоденствіе и обогащеніе. Невозможно, скажете вы, чтобы ученые экономисты могли защищать этотъ дикій и невѣжественный парадоксъ! Парадоксъ? Вы, профаны, считаете это парадоксомъ, а между тѣмъ это одна изъ самыхъ безспорныхъ и очевидныхъ экономическихъ истинъ,—такъ, по крайней мѣрѣ, утверждаетъ гражданскій инженеръ изъ Пернамбука, ученый господинъ Милле (Millet). „На низкій курсъ бумажныхъ денегъ за-границею, разсуждаетъ онъ, — можно смотрѣть какъ на налогъ въ пользу производителей и обладателей предметовъ отпускной торговли,—налогъ, взимаемый съ потребителей предметовъ ввозной торговли; слѣдовательно, чѣмъ ниже этотъ курсъ, тѣмъ больше выигрываетъ туземная промышленность и торговля. Такъ, напр., одесскій купецъ, отправляя теперь русскую пшеницу на заграничный рынокъ, получаетъ за каждую четверть, положимъ, тридцать франковъ, при курсѣ 3,0 фран. за рубль (курсъ 1874 г.); эти тридцать франковъ равнялись-бы 8 руб., при теперешнемъ-же курсѣ (2,1 фран. за рубль) они равняются 12 рублямъ. Такимъ образомъ, купецъ на каждую четверть получить барыша 4 бумажныхъ рубля. Если онъ вывезетъ 1,000 четвертей, то онъ вернется въ Одессу уже не съ 8,000 бумаж. руб., какъ въ 1874 году, а съ 12,000. Правда, низкій курсъ бумажныхъ денегъ поднималъ цѣну на всѣ туземные и ввозные товары, такъ что въ 1874 году на кредитный рубль можно было больше купить, чѣмъ въ 1877 году. Это обстоятельство, продолжаетъ ученый инженеръ-экономистъ,—до нѣкоторой степени умаляетъ выгоды, реализованныя купцомъ при продажѣ за-границею туземнаго товара, однако, оно не уничтожаетъ ихъ вполне, такъ-какъ цѣны на туземные товары поднимаются не вдругъ, а мало-по-малу, и притомъ далеко не въ такой степени, въ какой падаетъ курсъ. Когда курсъ падаетъ на 50⁰%, цѣны товаровъ поднимаются всего на какихъ-нибудь 20—30⁰%. Въ 1877 году одесскій купецъ не купитъ на 12 рублей столько, сколько онъ покупалъ въ 1874 г., но все-таки онъ купитъ больше, чѣмъ онъ купилъ тогда на 8 руб. Онъ не реализуетъ, слѣдовательно, барыша въ 50⁰% на 100, но онъ все-таки выгодаетъ процентовъ 20—30. Земледѣлецъ не дозволитъ, конечно, одному торговцу воспользоваться всею выгодою отъ этой счастливой операціи; онъ предъявитъ свои права на часть барыша и купецъ долженъ будетъ подѣлиться съ нимъ выигранными на курсѣ 4-мя рублями. Такимъ образомъ, низкій курсъ, облагодѣтельствовавъ купца, облагодѣтельствууетъ и производителя и тѣмъ дастъ могу-

щественный толчекъ развитію туземной торговли и промышленности". Да здравствуетъ-же низкій курсъ! Ахъ, зачѣмъ нашъ кредитный рубль стоитъ еще такъ высоко на заграничномъ рынкѣ! Зачѣмъ намъ даютъ еще за него 2 фр. 40 сант., а не 1 фр., не 50 сант.! То-то-бы возликовали наши купцы и земледѣльцы! Какими-бы гигантскими шагами зашагали мы тогда по пути экономическаго прогреса! Не годъ, не два, а двадцать два года могли бы воевать съ „туркою“ и даже не поморщились-бы! Напротивъ, мы были-бы очень рады: черезъ двадцать два года мы, не вступая ни въ какія сдѣлки съ провіантскими чиновниками и даже не принимая на себя казенныхъ подрядовъ по части обмундированія и продовольствія арміи,—мы всѣ, говорю я, сдѣлались-бы миліонерами. И это не пустая фантазія, не призрачная химера,—это, по словамъ автора, безспорный, несомнѣнный научный выводъ. И въ доказательство безспорности, несомнѣнности и научности этого вывода онъ ссылается на примѣръ Бразиліи. Въ 1865 г., говоритъ онъ, внутренніе беспорядки и внѣшняя война совершенно разстроили бразильскіе финансы: государственная казна была близка къ банкротству, промышленность и торговля находились въ полнѣйшемъ застоѣ, страна переживала тяжелый экономическій кризисъ; казалось, ничто уже не можетъ спасти ее отъ конечнаго разоренія и гибели. И вдругъ, о чудо! не прошло и четырехъ лѣтъ, и Бразилія стала неузнаваемой: вмѣсто ожидаемой гибели и разоренія явилось всеобщее довольство и благоденствіе, вмѣсто банкротства—цвѣтущее состояніе финансовъ, цвѣтущее состояніе торговли и промышленности. Страна дала правительству болѣе 500 миліоновъ франковъ (внутренній заемъ) для уплаты расходовъ по займамъ и войнѣ; кромѣ того выпущено было болѣе чѣмъ на сто миліоновъ бумажныхъ денегъ; несмотря на это, благоденствіе бразильцевъ было такъ велико, что въ 1869 и 1870 гг. они ввозили изъ заграницы товаровъ на сумму, въ два раза превышавшую сумму стоимости товаровъ, ввозимыхъ въ 1863 году.

Чѣмъ-же иначе, какъ не низкимъ заграничнымъ курсомъ бразильскихъ бумажныхъ денегъ и ихъ неразмѣнностью внутри страны можно объяснить это чудодѣйственное возрожденіе Бразиліи? вопрошаетъ своихъ удивленныхъ и ошеломленныхъ слушателей ученый инженеръ изъ Пернамбука. Чѣмъ, въ самомъ дѣлѣ? Оказывается, что рѣшительно нечѣмъ, и экономистъ-софистъ торжествуетъ. „Видите-ли, говоритъ онъ,—я былъ правъ“... Да, онъ былъ правъ. Бѣда только, что рядомъ съ фактомъ возрастанія экономическаго благосостоянія Бразиліи Милле замѣтилъ и другой фактъ—возвышеніе курса на бумажныя деньги. Въ 1876 г. на нихъ выдавалась даже премія. Слѣдовательно, если теорія инженера-эко-

номиста вѣрна, то мы должны теперь ожидать, что Бразилія, обогащенная низкимъ курсомъ, не замедлитъ снова впасть въ нищету и разореніе, благодаря высокому курсу.

Записка Милле произвела, повидимому, на его ученыхъ слушателей такое сильное впечатлѣніе, что они не нашлись даже, что ему отвѣтить.

Одинъ только изъ нихъ (президентъ собранія Кламежеронъ) позволилъ себѣ робко замѣтить, что вѣдь нельзя выводить общіе экономическіе законы, на основаніи частныхъ наблюденій надъ экономическими явленіями одной данной мѣстности, находящейся въ болѣе или менѣе исключительныхъ условіяхъ. Но Милле побѣдоносно возразилъ ему на это, что именно благодаря этимъ-то исключительнымъ условіямъ Бразилія и представляетъ самое удобное мѣсто для изученія законовъ обращенія бумажныхъ денегъ. Во всѣхъ другихъ странахъ бумажныя деньги не имѣютъ самостоятельнаго значенія, онѣ играютъ роль подчиненную, второстепенную, служа лишь знаками, представителями звонкой монеты. Въ Бразиліи-же звонкая монета сама по себѣ, а бумажныя деньги сами по себѣ; послѣднія не размѣниваются на первыя и потому здѣсь специфическія свойства бумажнаго обращенія не затемняются никакими посторонними вліяніями.

Итакъ, профанъ, чѣмъ меньше ты будешь получать за свой кредитный рубль, тѣмъ въ-концѣ-концовъ богаче ты станешь. Понимаешь-ли ты теперь, какъ ты глубоко забуждаешься, какимъ дурнымъ патріотомъ, какимъ невѣжественнымъ финансистомъ ты себя заявляешь, скорбя и сѣтуя о паденіи русскаго курса на заграничномъ рынкѣ?

Вслѣдъ за вопросомъ о бумажныхъ деньгахъ на очередь былъ поставленъ не менѣе интересный вопросъ о свободѣ торговли. Что лучше—свобода или тарифная опека? Какая политика для страны выгоднѣе: протекціонистская или фритредерская? Какъ ты думаешь объ этомъ, профанъ? Быть можетъ, ты привыкъ читать „Биржевыя Вѣдомости“ и потому твои симпатіи склоняются на сторону протекціонизма? Послушай, въ такомъ случаѣ, что говорить объ этомъ предметѣ Рози (Rozy), профессоръ юридическаго факультета въ тулузскомъ университетѣ. Рози — ярый защитникъ фритредерства; рядомъ самыхъ, повидимому, неопровержимыхъ цифръ онъ доказываетъ, что развитіе экономическаго благосостоянія страны всегда прямо пропорціонально пониженію таможенныхъ тарифовъ. Въ 1860 году, рассказываетъ онъ,—во Франціи сдѣлана была робкая попытка реформировать таможенную систему въ духѣ фритредерства и какъ ни была умѣренна произведенная реформа, но она все-таки не замедлила дать самыя благотворныя

результаты: въ 1858 г. сумма стоимости ввезенныхъ товаровъ не превышала 1 миллиарда и 600 миліоновъ; сумма стоимости вывезенныхъ товаровъ равнялась 1 миллиарду и 887 миліонамъ. Въ 1876 г. сумма стоимости первыхъ достигла 3 миллиардовъ и 350 миліоновъ; вторыхъ—3 миллиардовъ и 569 миліоновъ. Слѣдовательно, съ 1858 г. торговые обороты Франціи удвоились. Несмотря, однако, на это блестящее доказательство несомнѣнной выгоды для страны фритредерской политики, протекціонисты, продолжаетъ Роза,—не перестаютъ возставать противъ нея и горько жалуются на вытѣсненіе иноземными товарами товаровъ туземнаго производства. Особенно вредно отразилась, по ихъ мнѣнію, реформа 1860 г. на ткацко-прядильной промышленности. Такъ Пуье-Куртье утверждаетъ, будто за послѣдніе восемнадцать мѣсяцевъ во Францію было ввезено иностранныхъ продуктовъ этой промышленности на 200 миліоновъ фр., и, благодаря этому обстоятельству, туземные рабочіе лишились заработка на 120 — 130 миліоновъ. Если ввозная пошлина на заграничныя ткани будетъ еще понижена, въ такомъ случаѣ французскіе фабриканты окончателно не въ состояніи будутъ конкурировать съ англійскими, бельгійскими и др. фабрикантами и должны будутъ закрыть свои фабрики и выбросить на улицу нѣсколько сотенъ тысячъ рабочихъ. Роза находитъ подобныя заявленія совершенно неосновательными. Цифры, на которыя, говоритъ онъ,—ссылается Пуье-Куртье—невѣрны. Изъ официальныхъ статистическихъ данныхъ о движеніи французской торговли съ 1868 по 1877 г. оказывается, что въ 1868, 1869, 1870 и 1873 гг. вывозъ изъ Франціи продуктовъ ткацко-прядильной промышленности не только не былъ ниже ввоза, но, напротивъ, далеко превосходилъ его; такъ въ первые пять мѣсяцевъ 1868 г. хлопчато-бумажныхъ тканей было вывезено на 20 миліоновъ, а ввезено всего только на 7,517,000 фр. Точно также и для всѣхъ другихъ отраслей этой промышленности балансъ оказывается въ пользу Франціи; напримѣръ, въ то время, какъ цифра стоимости ввезенныхъ льняныхъ и пеньковыхъ тканей не превышала 6 миліоновъ, стоимость вывезенныхъ тканей доходила до 13 мил. Затѣмъ Роза, ссылаясь на наблюденія и цифры, собранныя Раулемъ Дювалемъ и Бальзапомъ, доказываетъ, что какъ-бы ни были низки таможенныя пошлины, туземные промышленники всегда будутъ имѣть достаточно силы, чтобы съ успѣхомъ выдержать конкуренцію иностранной промышленности.

Другіе ораторы-фритредеры (Нотель, Пасси, Филиппо и пр.) не довольствуясь фактами и цифрами, приведенными Роза, стараются съ чисто-принципіальной точки доказать преимущества свободной торговли передъ протекціонизмомъ. Протекціонизмъ создаетъ

привилегіи для нѣсколькихъ сотенъ крупныхъ промышленниковъ, въ ущербъ миліонамъ потребителей; онъ останавливаетъ успѣхи земледѣлія; онъ покровительствуетъ производствамъ, несообразнымъ съ данными климатическими и географическими условіями страны; онъ разъединяетъ народы, порождаетъ среди нихъ распри и раздоры и т. д., и т. д. Положимъ, все это аргументы довольно банальные, но тѣмъ не менѣе они неопровержимы. Какъ-же тутъ быть? И теорія, и практика, и „житейскій опытъ“, и „высшіе принципы“, все, повидимому, свидѣтельствуетъ противъ протекціонизма. Мудрость Полетики разлетается въ прахъ передъ голыми цифрами, и въ виду такого зрѣлища можетъ-ли профанъ не колебаться? Можетъ-ли онъ не увѣрять въ „великій принципъ“ свободной торговли? Можетъ-ли онъ ждать чего-нибудь хорошаго отъ покровительственной системы? Впрочемъ, пусть онъ послушаетъ, что говоритъ о фритредерской политикѣ ученый соревнователь „преуспѣянія наукъ“, господинъ Дюбаръ.

Дюбаръ—человѣкъ очень хитрый: онъ началъ свою рѣчь или, правильнѣе, свою лекцію (объ экономическихъ тенденціяхъ Европы) съ того, что заявилъ, будто онъ по всѣмъ главнымъ пунктамъ вполне согласенъ съ Рози, т. е. съ фритредерами, что онъ, какъ и они, признаетъ въ области торговой политики принципъ „разумной свободы“. Но... но, продолжаетъ онъ,—необходимо точно опредѣлить границы этой свободы. Рози утверждаетъ, будто съ 1860 г. обороты нашей (т. е. французской) заграничной торговли почти-что удвоились, и онъ объясняетъ это быстрое развитіе торговли пониженіемъ тарифовъ, имѣвшемъ мѣсто въ 60-мъ году. Дюбаръ не можетъ съ этимъ согласиться. Положимъ, съ 1860 по 1876 г. сумма стоимости вывозимыхъ и ввозимыхъ продуктовъ возрасла на 100%. Но вѣдь и въ предшествующій періодъ,—въ періодъ высокихъ тарифовъ, въ періодъ господства протекціонистской системы,—торговля наша развивалась съ такою-же и даже еще большею быстротою. Сумма стоимости отпущенныхъ за-границу и ввезенныхъ изъ-за границы товаровъ возрасла съ 1849—1859 г. на 110%. Слѣдовательно, между нашимъ торговымъ и промышленнымъ прогрессомъ съ одной стороны, и пониженіемъ тарифа съ другой—не существуетъ никакой необходимой связи, по крайней мѣрѣ, повидимому, въ дѣйствительности-же эта связь существуетъ, но только она совсѣмъ не такова, какъ полагаетъ Рози. Таможенная реформа 1860 г. имѣла самыя гибельныя послѣдствія для французской промышленности; до 1860 г. на хлопчато-бумажныхъ фабрикахъ Франціи считалось отъ 4,500,000 до 4,600,000 веретенъ, въ настоящее-же время число послѣднихъ едва доходитъ до 4,300,000; напротивъ, въ Англіи число веретенъ возрасло съ 1860 по 1867 г.

на 4,000,000 (съ 36,000,000 до 40,000,000.) Въ послѣдніе два года въ одномъ Лиллѣ должны были закрыться нѣсколько фабрикъ, изготовляющихъ льняные продукты, и общее число веретенъ, дѣйствовавшихъ въ этомъ городѣ, уменьшилось на 51,500. Шерстяная промышленность пострадала не менѣ хлопчато-бумажной: знаменитыя и такъ недавно еще пользовавшіяся всесвѣтною славою мануфактуры Руба (Roubaix) нашлись вынужденными сократить на нѣсколько процентовъ свое ежегодное производство и выбросить на улицу нѣсколько десятковъ тысячъ рабочихъ. Такъ же вредно повліяло пониженіе тарифа и на наше металургическое производство.

Но, быть можетъ, эти цифры и факты, эти чисто-эмпирическія доказательства не въ состояніи будутъ поколебать фритредерскихъ симпатій профана,—симпатій, опирающихся на „высшіе принципы науки“? Пусть онъ послушаетъ тогда другихъ ораторовъ (напр., Милле) и онъ убѣдится, что протекціонисты, подобно фритредерамъ, ищутъ и находятъ поддержку и оправданіе своимъ теоріямъ въ высшихъ принципахъ науки. Ихъ противники ссылаются, какъ извѣстно, на „благодарное“ начало конкуренціи и во имя его защищаютъ свободу торговли; но протекціонисты ссылаются точно также на это-же благодарное начало и точно также во имя его защищаютъ высокіе таможенные тарифы. Конкуренція, говорятъ они (Милле),—вещь превосходная, но... конкурирующія стороны должны находиться въ болѣе или менѣ равныхъ условіяхъ, въ противномъ случаѣ, это будетъ не конкуренція, а монополія. А для того, чтобы двѣ страны, стоящія на различныхъ ступеняхъ экономическаго прогресса, могли конкурировать другъ съ другомъ при равныхъ условіяхъ, необходимо, чтобы продукты менѣ развитой туземной промышленности стоили на мѣстѣ дешевле, чѣмъ продукты болѣе развитой заграничной промышленности. Отсюда сама собою вытекаетъ необходимость обложенія послѣднихъ высокими пошлинами. Затѣмъ, защитники протекціонизма, для вѣщаго воздѣйствія на чувствительное сердце профана, указываютъ на цѣлые разоренные и обезлюженные города единственно только благодаря свободѣ торговли. Въ свою очередь, защитники послѣдней (напр., Пасси) утверждаютъ, будто свобода торговли, гдѣ-бы и кѣмъ-бы и при какихъ-бы условіяхъ она ни практиковалась, всегда и повсюду разливаетъ довольство, богатство, миръ и благоденствіе.

Кто-же правъ? Кто лжетъ и подтасовываетъ, кто говоритъ правду и одну только правду? Два засѣданія длился споръ и, наконецъ, предсѣдатель Кламежеронъ, весьма основательно сообразивъ, что чѣмъ больше господа ученые будутъ спорить, тѣмъ болѣе запутается и затемнится вопросъ, счелъ за лучшее прекратить эти

безполезные дебаты. „Господа, сказалъ онъ,—предоставимъ законодателю рѣшить вопросъ, какъ и на-сколько можетъ быть примѣненъ на практикѣ принципъ свободы торговли; онъ болѣе насъ, въ этомъ дѣлѣ, компетентенъ. Мы-же перейдемъ лучше къ обсужденію другихъ вопросовъ...“ Но увы! и относительно другихъ вопросовъ оказалось, что рѣшеніе ихъ всего практичнѣе и разумнѣе предоставить властямъ предрѣжающимъ. Не останавливаясь на вопросахъ мѣстнаго интереса, укажемъ для примѣра лишь на пренія по поводу воспитательныхъ домовъ (Tourgs). Воспитательные дома давно уже уничтожены во Франціи. Въ свое время статистики, экономисты и моралисты находили весьма достаточными тѣ мотивы, которые побудили правительство декретировать ихъ закрытіе. Статистики, въ особенности Кетле и Виллерме, доказывали что смертность дѣтей въ турахъ вдвое, втрое, иногда вчетверо и болѣе разъ превосходить среднюю дѣтскую смертность во Франціи. Экономисты жаловались, что расходы по содержанію туровъ слишкомъ обременительны для департаментскихъ бюджетовъ и что въ высшей степени несправедливо заставлять все народонаселеніе платить налогъ въ пользу такого учрежденія, выгодами отъ котораго пользуется лишь ничтожное меньшинство и притомъ меньшинство порочное и безнравственное. Наконецъ, моралисты утверждали, что туры, давая возможность людямъ легкомысленнымъ и порочнымъ сваливать съ своихъ плечъ на чужія непріятныя послѣдствія ихъ легкомыслія или порока, содѣйствуютъ порчѣ общественныхъ нравовъ, разрушаютъ семью, вытѣсняюгъ любовь законную—любовью незаконною и т. п. Специальная комисія, назначенная въ 1860 г. для изслѣдованія вопроса о турахъ, вполнѣ подтвердила всѣ эти взводимыя на нихъ обвиненія и еще болѣе утвердила статистиковъ, экономистовъ и моралистовъ въ ихъ мнѣніи о турѣ, какъ о разсадникѣ всевозможныхъ дѣтскихъ болѣзней, главной причинѣ разврата взрослыхъ и смертности дѣтей. Но парижскій адвокатъ Лефоръ (Lefort) не убѣдился, однако, статистико-моральными доводами антагонистовъ этой системы. Мало того, изъ той-же статистики и изъ той-же морали онъ извлекъ массу новыхъ аргументовъ, доказывающихъ настоятельную необходимость ихъ немедленнаго возстановленія. Аргументы эти съ большою обстоятельностью были развиты имъ въ запискѣ, прочтенной на конгрессѣ. Противники туровъ утверждаютъ, говорилъ онъ,—будго туры поощряютъ родителей бросать своихъ новорожденныхъ дѣтей; но статистика показываетъ, что за все время существованія туровъ въ длинный періодъ съ 1758—1828 г. ежегодное число бросаемыхъ родителями дѣтей нисколько не увеличивалось; такъ въ 1758 г. оно равнялось 5,082, а въ 1828 г.—5,097. Законнорожденные дѣти

всегда составляли самый ничтожный процентъ изъ общаго числа дѣтей, приносимыхъ въ туры (не болѣе 20). Туры служили наилучшимъ предупреждающимъ средствомъ противъ дѣтоубійствъ и искусственнаго вытравленія плода; послѣ ихъ закрытія число какъ тѣхъ, такъ и другихъ удвоилось (съ 1844 по 1862 г. средняя ежегодная цифра дѣтоубійствъ равнялась 211, число случаевъ искусственнаго вытравленія плода превышало въ годъ 60); увеличилась также ежегодная сумма мертворожденій и случаевъ небрежнаго обращенія съ дѣтьми, оставленія ихъ на произволь судьбы и т. п. Число дѣтоубійствъ, въ періодъ, непосредственно слѣдовавшій за упраздненіемъ тура, было не только гораздо значительнѣе числа дѣтоубійствъ въ предшествовавшій періодъ, но оно, кромѣ того, въ восемь разъ превышало общее число покушеній на жизнь взрослыхъ людей. Въ департаментахъ, упразднившихъ туры (туры упразднялись не за-разъ, а постепенно), 1 дѣтоубійство приходилось на 263 жит., въ департаментахъ, еще не успѣвшихъ ихъ упразднить, 1 дѣтоубійство на 388 жит.

Цифры, повидимому, весьма убѣдительныя. Но Фридрихъ Паси, въ качествѣ набожнаго моралиста и свободномыслящаго экономиста, противопоставляетъ имъ другія цифры, не менѣе убѣдительныя. Онъ доказываетъ, во-первыхъ, что чрезмѣрная смертность въ турахъ сторицею искупала ихъ будто-бы благотворное вліяніе на уменьшеніе числа дѣтоубійствъ, выкидышей и т. п.; во-вторыхъ, что число дѣтоубійствъ съ 1858 г. не увеличивается; въ-третьихъ, что за послѣднія 15—20 лѣтъ число случаевъ оставленія дѣтей, а слѣдовательно и дѣтская смертность вообще, значительно уменьшились; наконецъ, въ-четвертыхъ, что туры благопріятствуютъ возникновенію незаконныхъ связей, распутству и т. п., слагая съ соблазнителя всякую отвѣтственность за судьбу его ребенка. Одни изъ ораторовъ поддерживаютъ моральнаго экономиста, другіе — его антагониста Лефора.

Аргументы „отъ разума“ съ обѣихъ сторонъ на-столько-же неопровержимы, какъ и аргументы „отъ опыта“. Что туры должны до нѣкоторой степени благопріятствовать возникновенію незаконныхъ связей, это а priori на-столько-же очевидно, какъ и то, что упраздненіе ихъ (т. е. туровъ) должно до нѣкоторой степени содѣйствовать пріумноженію дѣтоубійствъ, выкидышей и т. п. А priori очевидно, что „плодъ любви преступной“ или „несчастной“ не долженъ быть отвѣтственнымъ за порочность, преступность, а тѣмъ болѣе за нищету своихъ родителей, но точно также а priori очевидно, что туры создаютъ привилегію въ пользу матерей, необладающихъ сильно-развитымъ материнскимъ инстинктомъ, и въ ущербъ матерямъ, у которыхъ этотъ инстинкъ на-столько развитъ, что за-

лучшаетъ въ ихъ умѣ разныя утилитарно-экономическія соображенія. А ргіоні очевидно, что смертность въ турахъ при данныхъ условіяхъ должна на нѣсколько процентовъ превышать дѣтскую смертность вообще (что дѣйствительно и доказывается воспитательными домами всѣхъ странъ и народовъ), но точно также а ргіоні очевидно, что при отсутствіи туровъ должно увеличиться число мертворожденій и т. д., и т. д. Но скажите-же Бога ради, какой разумный выводъ можетъ сдѣлать профанъ изъ всѣхъ этихъ другъ друга побивающихъ аргументовъ? Кажется, только одинъ: „съ одной стороны, нельзя не согласиться... хотя, съ другой стороны, должно сознаться...“ Не такъ-ли?

Но если это такъ, то невольнo является вопросъ: гдѣ-же лежитъ причина этого страннаго, этого ненаучнаго отношенія ученыхъ конгрессовъ къ „общественнымъ и общественнымъ вопросамъ“? Неужели господа ученые, удостоивающіе ихъ своимъ вниманіемъ, совсѣмъ не ученые, а просто софисты, шарлатаны, для которыхъ на первомъ планѣ стоитъ не исканіе истины и одной только истины, а ловкое проведеніе „своей идейки“, —идейки, маскирующей какой-нибудь практической разсчетецъ, какой-нибудь эгоистической интересикъ? Нѣтъ сомнѣнія, что подобные господа—не рѣдкое явленіе въ ученыхъ ареопагахъ; очень часто они играютъ на нихъ весьма видную роль и занимаютъ весьма почтенное положеніе. Но несомнѣнно также и то, что рядомъ съ ними засѣдаетъ не мало людей совсѣмъ другого калибра, людей честныхъ и добросовѣстныхъ, искренно преданныхъ своей наукѣ, своей специальности, и ищущихъ въ ея предѣлахъ только истину, одну истину. Отчего-же и эти честные и добросовѣстные люди, эти серьезные ученые оказываются на-столько-же безсильными и неспособными разяснить и распутать интересующіе профановъ нравственно-экономическіе вопросы, какъ и ихъ коллеги, шарлатанствующие софисты и „практическіе дѣльцы“? Отчего это?

Намъ кажется, причину этого страннаго явленія слѣдуетъ искать не столько въ самихъ ученыхъ, сколько въ сущности, въ природѣ тѣхъ вопросовъ, которые мы для краткости опредѣлили прилагательными: общедоступные и общественные.

Каждый изъ этихъ вопросовъ, взятый въ отдѣльности и взятый въ томъ видѣ, въ какомъ ставить его на очередь практическая жизнь, не можетъ допускать никакого разумнаго опредѣленнаго ршенія,—не можетъ, во-первыхъ, потому, что всѣ они находятся въ слишкомъ тѣсной между собою зависимости, во-вторыхъ, потому, что жизнь ставитъ ихъ обыкновенно въ высшей степени неправильно, неразумно и ненаучно. Возьмемъ для при- мѣра хоть тѣ два вопроса, о которыхъ такъ долго и такъ бесплодно

„трактовали“ гаврскіе ученые. Жизнь поставила на очередь такую задачу: слѣдуетъ рѣшить, въ какой мѣрѣ и съ какихъ границъ должна быть допущена торговая конкуренція въ международныхъ отношеніяхъ? Очевидно, для того, чтобы сколько-нибудь разумно рѣшить этотъ частный вопросъ, нужно начать съ вопроса основнаго, съ вопроса о торговой и о всякой другой конкуренціи вообще; но послѣдній вопросъ, въ свою очередь, можетъ быть удовлетворительно рѣшенъ только послѣ предварительнаго рѣшенія цѣлаго ряда другихъ соціолого-психологическихъ вопросовъ. Такимъ образомъ, узко-спеціальная задача расширяется, обобщается, и только въ этомъ обобщенномъ видѣ она и допускаетъ какое-нибудь строго-научное и разумно-опредѣленное рѣшеніе. Но ученые специалисты, не желая ни на минуту отрѣшиться отъ узко-житейскихъ потребностей, стораая нетерпѣніемъ оказать посильную услугу „практическому дѣльцу“, спѣшатъ съ своими якобы научными отвѣтами на каждый его запросъ, какъ-бы самъ по себѣ онъ глупъ и бессмысленъ ни былъ. И что-же выходитъ? Общій, основной вопросъ, обуславливающий рѣшеніе вытекающихъ изъ него частныхъ практическихъ вопросовъ, оставляется въ сторонѣ; слѣдовательно, для рѣшенія послѣднихъ не оказывается никакого разумнаго, научнаго критерія и ученымъ приходится рѣшать ихъ, руководствуясь чисто-личными эмпирическими наблюденіями, личными симпатіями и антипатіями, личнымъ житейскимъ опытомъ. Отсюда и происходитъ тотъ невообразимый хаосъ рѣшеній, та масса противорѣчивыхъ, другъ друга уничтожающихъ отвѣтовъ, среди которыхъ профану нѣтъ никакой возможности различить ложь отъ правды, софистику — отъ разумнаго вывода, шарлатанство — отъ учености. Еще-бы! каждый ученый рѣшаетъ практическую задачу по своему субъективному разумѣнію, а этихъ „субъективныхъ разумѣній“ ровно столько-же, сколько и ученыхъ.

Та-же исторія и съ вопросомъ о воспитательныхъ домахъ для незаконнорожденныхъ. Слѣдуетъ-ли или не слѣдуетъ обществу брать на свое иждивеніе незаконнорожденныхъ? Пока вы будете биться въ тѣсныхъ границахъ этого частнаго вопроса, вы никогда не выпутаетесь изъ заколдованнаго круга противорѣчій: „съ одной стороны“, воспитательные дома поощряютъ незаконныя связи и противодействуютъ торжеству великаго принципа „*restraint moral*“, въ которомъ правовѣрные экономисты англійской школы и по сіе время продолжаютъ видѣть единственную и наиболѣе радикальную панацею отъ всѣхъ соціальныхъ золъ и бѣдствій; но, „съ другой стороны“, при отсутствіи воспитательныхъ домовъ неизбѣжно должно увеличиться число мертворожденныхъ, число дѣто-

убійствъ, выкидышей и т. п. Противорѣчіе неустрашимое.—неустрашимое съ точки зрѣнія даннаго частнаго вопроса. Очевидно, что при существующихъ условіяхъ и возстановлять туры дурно, и не возстановлять ихъ дурно. Но необходимы-ли, нормальны-ли эти условія? Отъ рѣшенія этого общаго вопроса зависитъ и рѣшеніе частнаго — въ настоящемъ случаѣ, вопроса о турахъ. Но увь! этотъ-то именно общій вопросъ и изыять изъ вѣденія ученыхъ, собирающихся на конгрессы. Практическая жизнь не ставитъ его на очередь, она не только не ставитъ, но даже не дозволяетъ и касаться его. Представьте себѣ, что почтенные ученые, вмѣсто того, чтобы разыгрывать роль бѣлки въ колесѣ и ломать свои многодумныя головы надъ неразрѣшимою задачею, обратились-бы прямо и непосредственно къ самимъ матерямъ незаконнорожденных дѣтей и предложили-бы имъ рѣшить, что для нихъ лучше: освободиться-ли отъ своихъ дѣтей при помощи тура, гдѣ ребенокъ имѣетъ въ три раза больше шансовъ умереть, чѣмъ внѣ его, или же онѣ предпочитаютъ раздѣлаться съ нимъ при помощи акушера и т. п.? Навѣрное онѣ отвѣтили-бы господамъ ученымъ: „а нельзя-ли, господа ученые, такъ устроить, чтобы намъ совсѣмъ не предстояло рѣшать этой дилеммы? И та, и другая перспектива для насъ одинаково непріятна. Избавьте насъ отъ выбора! Подумайте-ка объ этомъ!“ Но ученые не могутъ объ этомъ думать: это не относится къ ихъ задачѣ *). Такимъ образомъ, ради желанія услужить мелкимъ интересамъ дня, они должны малодушно отворачи-

---

*) Отношеніе ученыхъ конгрессы къ общественнымъ вопросамъ весьма остроумно и ваглядно было охарактеризовано въ слѣдующей карикатурѣ одного изъ американскихъ сатирическихъ листковъ. Карикатура эта была написана по поводу тюрнаго конгресса, нѣсколько лѣтъ тому назадъ собиравшагося въ Лондонѣ. Ученые юристы и тюрмовѣды глубокомысленно обсуждаютъ вопросъ о томъ, какой изъ системъ тюрнаго заключенія слѣдуетъ отдать предпочтеніе: общей-ли, смѣшанной или пенитенціарной? И та, и другая, и третья имѣютъ свои недостатки и свои достоинства. Но которая-же изъ нихъ самая лучшая? „Какъ ты объ этомъ думаешь?“ спрашиваетъ предсѣдатель арестанта, приведеннаго подъ конвоемъ въ ученый ареопагъ къ качествѣ эксперта. „Т. е., вы желаете знать, отвѣчаетъ ему эксперт-арестантъ,—подъ какимъ соусомъ я предпочитаю быть съденнымъ? Говори откровенно, ни подъ какимъ; поэтому не можете-ли вы такъ устроить, чтобы совсѣмъ меня не ѣсть?“ На лицахъ ученыхъ при этомъ неожиданномъ отвѣтѣ выразилось изумленіе и негодованіе. Они какъ-будто говорятъ: ишь чего захотѣлъ! И какъ ты смѣешь обращаться къ намъ съ подобною просьбою, дерзкій и невѣжественный негодяй? А вѣдь между тѣмъ этотъ „дерзкій и невѣжественный негодяй“ оказался въ данномъ случаѣ человекомъ несравненно богѣе ихъ образованнымъ и здравомыслящимъ. Не ясно-ли, что вопросъ: нужно-ли съѣсть такого-то человѣка и не полезнѣ-ли (удѣтъ оставить его въ живыхъ,—долженъ предшествовать вопросу: какъ его изжарить—на вертелѣ или на сковородѣ, подъ краснымъ или подъ бѣлымъ соусомъ?

ваться отъ интересовъ крупныхъ, отъ реальнѣхъ, жгучихъ потребностей практической жизни.

Впрочемъ, будемъ справедливы: не всегда они жалодушно отворачиваются отъ того, что правильно и неправильно считаютъ крупнымъ интересомъ практической дѣйствительности, реальной потребностью... цивилизаціи. Иногда на нихъ нападаетъ удивительная смѣлость,—такая смѣлость, что за нихъ даже становится страшно. Когда имъ приходится вести борьбу за цивилизацію у себя дома, они обыкновенно поражаютъ васъ своею трусостью и какою-то робкою уступчивостью: они жмурятся и стыдливо опускаютъ глазки передъ грозными взорами каждаго лавочника, они вѣжливо уступаютъ дорогу каждому эксплуататору, съ нѣжною заботливостью менажируютъ его интересы, вступаютъ въ позорные компромисы съ самыми отвѣщеннѣйшими изъ своихъ враговъ—съ человѣческою глупостью, рутиною и слѣпымъ, своекорыстнымъ эгоизмомъ. Но пустите ихъ въ дѣвственный лѣсъ Африки или безлюдныя степи Азіи и предложите имъ вести борьбу за цивилизацію тамъ, среди дикарей, чуждыхъ „самыхъ элементарныхъ понятій о торговлѣ“ и неимѣющихъ въ своей средѣ ни биржевиковъ, ни кулаковъ-промышленниковъ,— тутъ-то вотъ вы и увидите, какіе они храбрые и неустрашимые: ничто ихъ не смущаетъ, ничто не останавливаетъ; никакихъ компромисовъ, никакихъ колебаній; они лѣзутъ напроломъ; попадается на ихъ пути жалкая деревушка, мѣшающая ихъ побѣдоносному шествію впередъ, они, не задумываясь, жгутъ ее и сравниваютъ съ землею; встрѣчается имъ толпа полуголодныхъ и полунегихъ туземцевъ—они хватаютъ ихъ за горло и, приставивъ пистолеть къ ихъ груди, предлагаютъ имъ немедленно цивилизоваться; если тѣ вздумаютъ упрямиться, они, не говоря болѣе ни слова, разстрѣливаютъ ихъ во славу и во имя цивилизаціи. Правда, не всегда туземцы встрѣчаютъ ихъ съ голыми руками, не всегда дозволяютъ они безнаказанно убивать себя... иногда они рѣшаются на протестъ, осмѣливаются даже открыто сопротивляться своимъ цивилизаторамъ, и тогда положеніе цивилизаторовъ становится не особенно завиднымъ...

Много разъ уже намъ приходилось упоминать о подвигахъ янки Стэнли, отправленнаго въ Африку американскими и англійскими промышленниками (т. е. ихъ литературными представителями: редакціями американской газеты „New-York-Herald“ и англійской— „Daily-Telegraph“) для разрѣшенія весьма важнаго для господъ промышленниковъ вопроса о рѣкѣ Луалабѣ, одной изъ самыхъ значительныхъ рѣкъ центральной Африки. Не изъ этой-ли рѣки беретъ свое начало Ниль? Въ какомъ отношеніи она находится къ рѣкѣ Конго? и т. п. Чтобы разрѣшить эти вопросы, ему нужно

было самолично прослѣдить большую часть теченія этой громадной рѣки. Во многихъ мѣстахъ рѣка оказалась на-столько мелководною или представляла такіе опасные пороги и водовороты, что ѣхать на лодкѣ не было никакой возможности. Исслѣдователямъ пришлось вытаскивать лодки на землю и двигаться по берегу, сквозь непроницаемыя чащи дѣвственнаго лѣса. Туземцы, попадавшіеся на пути, относились къ бѣлымъ людямъ, въ первое, по крайней мѣрѣ, время, довольно дружелюбно; они только удивлялись и недоумѣвали; но затѣмъ, когда убѣдились, что бѣлые люди не считаютъ нужнымъ особенно съ ними церемониться, они стали не на шутку ихъ побаиваться и рѣшились, наконецъ, отражать силу силою. Цивилизація не щадила ихъ, какой-же имъ-то былъ резонъ щадить ее? И дѣйствительно, изъ письма Стэнли, полученнаго въ прошломъ мѣсяцѣ редакціею „Daily-Telegraph“, видно, что они не намѣрены давать ей ни милости, ни пощады, что они готовы бороться съ нею на жизнь и смерть. Стэнли попалъ въ довольно критическое положеніе, однако, въ-концѣ-концовъ онъ все-таки восторжествовалъ надъ невѣжественными дикарями и почти достигъ главной цѣли своего путешествія... Приводимъ это интересное письмо цѣликомъ.

„Эмбама (на западномъ берегу Африки), 10 августа 1877 г.

„Восьмого числа я прибылъ въ Эмбама въ сопровожденіи 115 человекъ. Мы находимся въ ужасномъ положеніи. Я оставилъ Нгангиво (въ Маніемѣ) 5 ноября 1876 г. и направился черезъ Убоггу. Непроходимые лѣса до такой степени затрудняли нашъ путь, что я долженъ былъ переплыть Луалабу и идти по лѣвому берегу рѣки. Туземцы нападали на насъ и днемъ, и ночью; многіе изъ моихъ товарищей были ранены и убиты (о равныхъ и убитыхъ туземцахъ Стэнли благоразумно умалчиваетъ). Наконецъ, мы увидѣли себя въ невозможности продолжать борьбу съ этими канибалами. Мы было хотѣли успокоить ихъ подарками, но они съ негодованіемъ отвергли ихъ; въ нашихъ предложеніяхъ они усмотрѣли только несомнѣнное доказательство нашей трусости. Къ довершенію горя, конвой въ 140 человекъ, нанятый много въ Нгангиво, отказался идти съ нами далѣе. А между тѣмъ туземцы, собравъ свои послѣднія силы, снова бросились на насъ. Мы защищались, какъ могли; но вскорѣ увидѣли, что намъ ничего болѣе не остается, какъ или отказаться отъ путешествія и вернуться назадъ, или сѣсть на лодки и продолжать путь водою. Мы избрали послѣднее. Хотя на лодкахъ мы находились въ болѣе безопасномъ положеніи, тѣмъ не менѣе туземцы продолжали на насъ нападать и мы подвигались впередъ среди непрерывной битвы. Вскорѣ мы наткнулись на пять большихъ водоворотовъ (съ югу и сѣверу отъ

экватора), проѣхать черезъ которые не было никакой возможности. Мы должны были высадиться на берегъ и идти пѣшкомъ, прокладывая топоромъ дорогу среди непроницаемой чащи лѣса, подвергаясь ежеминутнымъ нападеніямъ дикарей. Такимъ образомъ мы прошли 12-ть миль, таща за собою тринадцать лодокъ⁴.

„Около 2° сѣв. широты р. Луалаба поворачиваетъ съ сѣвера къ сѣв.-западу, затѣмъ къ западу и, наконецъ, принимаетъ юго-западное направленіе. Ширина рѣки достигаетъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ пятнадцати километровъ, въ другихъ—не превышаетъ трехъ: среди нея видѣется много острововъ. Чтобы укрыться отъ отравленныхъ стрѣлъ дикарей, мы должны были плыть по самой серединѣ, но вскорѣ голодъ,—три дня мы буквально ничего не ѣли.—заставилъ насъ приблизиться къ берегу и мы высадились на лѣвомъ берегу. На наше счастье, племя туземцевъ, жившее въ этихъ мѣстахъ, имѣло нѣкоторыя понятія о торговлѣ. Они приняли насъ довольно дружелюбно (у нихъ было всего только четыре ружья), продали намъ часть своихъ сѣстныхъ припасовъ и сообщили, что рѣка, по которой мы ѣхали, называется Икутунія-Конго. Запасшись пищею, мы отправились въ путь, постоянно стараясь держаться ближе къ лѣвому берегу. Черезъ три дня мы вступили въ территорию одного могущественнаго племени; всѣ члены котораго вооружены ружьями. Едва только туземцы замѣтили насъ, какъ тотчасъ спустили на воду 54 лодки и приготовились насъ атаковать. Напрасно старались мы показать знаками, что питаемъ къ нимъ самыя дружескія чувства, напрасно предлагали имъ разныя матеріи и другіе подарки. Они сдѣлали по насъ нѣсколько выстрѣловъ и я, видя, что трое изъ моихъ людей убиты, велѣлъ открыть огонь. Битва продолжалась на разстояніи 70 километровъ. Это была предпоследняя изъ 32-хъ битвъ, выдержанныхъ нами на рѣкѣ Луалабѣ. Луалаба въ различныхъ мѣстахъ носитъ различныя названія, и, приближаясь къ Атлантическому океану, она называется Квонго или Заиро. Басейнъ ея занимаетъ пространство въ нѣсколько градусовъ, между 26° и 17° восточной долготы; течетъ она безъ перерывовъ на разстояніи 2,250 километровъ, перерѣзывая цѣпь горъ, отдѣляющихъ этотъ басейнъ отъ Атлантическаго океана.

„Прежде, чѣмъ намъ удалось добраться до той ея части, которая вполне удобна для плаванія (между водопадомъ Юлала и Атлантическимъ океаномъ), намъ пришлось переплыть тридцать водопадовъ. Потери наши ужасны. Последній изъ моихъ бѣлыхъ товарищей, храбрый Франсисъ Пококъ (Росокъ), погибъ 3-го іюня въ водоворотѣ Массасѣ. Въ тотъ-же день я самъ, вмѣстѣ съ семью изъ моихъ людей, чуть было не утонулъ, переправляясь черезъ во-

допадъ Мова. Шестъ недѣль спустя, моя лодка попала въ Мбольскій водоворотъ и я только чудомъ спасся отъ смерти. Въ числѣ погибшихъ находится и мой молодой товарищъ Кулулу.

„Людей, которыхъ я взялъ съ собою съ восточнаго берега Африки, я отправляю теперь моремъ въ Занзибаръ.

„Г. Прайсъ, изъ Ливерпуля, берется доставлять вамъ мои письма. Стэнли“.

Post-Scriptum. Этимъ письмомъ Стэнли мы хотѣли было заключить нашу хронику, но въ сегодняшнемъ № „Daily Telegraph“ (отъ 11-го октября) обнаружено новое его письмо,—письмо, о которомъ стоитъ сказать хоть нѣсколько словъ. Написано оно изъ Кабинды, передъ самымъ отъѣздомъ экспедиціи въ Сень-Поль-де-Лоанда, резиденцію португальской колоніи въ южной Гвинее. Стэнли извѣщаетъ посланія его редакціи (письмо это появилось одновременно и въ „New-York-Herald“) о благополучномъ окончаніи возложеннаго на него порученія. „Съ живѣйшею радостью, пишетъ онъ,—слѣшу сообщить вамъ, что англо-американская экспедиція увѣнчалась полнымъ успѣхомъ. Мы прошли весь африканскій континентъ, начиная отъ Занзибара и кончая устьями Конго. Инструкціи ваши исполнены мною во всей точности. Мы обследовали озеро Викторія и Танганика и пополнили открытія, сдѣланныя раньше насъ Спикомъ, Грантомъ, Буртономъ и Ливингстономъ. Только чудомъ можно объяснить, что мы не попались въ рабство дикимъ каннибаламъ, не погибли отъ ихъ стрѣлъ и пуль и счастливо переплыли пятьдесятъ семь водоворотовъ. Провидѣніе привело насъ цѣлыми и невредимыми къ берегу Атлантическаго океана...“ „Хотя Конго изобилуетъ водоворотами и порогами, тѣмъ не менѣе это самый удобный путь для торговли: слѣдуя по немъ, она проникнетъ въ самое сердце Африки. На-сколько я могу судить, восточную и западную части центральной Африки слѣдуетъ цивилизовать двумя различными способами. Правда, африканцы вообще легче сходятся и болѣе благоволятъ къ купцу, чѣмъ къ миссіонеру. Но все-таки я полагаю, что въ восточной Африкѣ главную и наиболѣе дѣятельную цивилизаторскую роль долженъ играть миссіонеръ; въ западной-же, напротивъ, эта роль должна принадлежать купцу. Дѣло въ томъ, что племена восточной Африки находятся въ большинствѣ случаевъ подъ властью императоровъ и королей. Здѣсь мы находимъ, между прочимъ, обширную имперію Угонды съ народонаселеніемъ, доходящимъ до пяти миліоновъ, имперію Уранди съ трехъ-миліоннымъ населеніемъ; королевства Усагара-Уенись, Уніора, Карагве, Усангора и Укереве. Всѣ эти государ-

ства управляются деспотически. Поэтому миссіонеру нужно будетъ только заручиться милостью царя, приобрести его покровительство (а этого нетрудно добиться при нѣкоторой ловкости), и его вліяніе на народъ будетъ обезпечено. Напротивъ, въ западной части центральной Африки, начиная съ озера Танганика и до устьевъ Конго, большихъ, централизованныхъ имперій совсѣмъ не существуетъ племена живутъ разбросанно по маленькимъ городкамъ и деревушкамъ, и каждый городокъ, каждая деревушка управляются самостоятельно, имѣя во главѣ своей собственнаго, ни отъ кого независимаго вождя. Чѣмъ ближе къ западному берегу, тѣмъ все болѣе и болѣе увеличивается число этихъ изолированныхъ, самостоятельныхъ общинъ. Вожди общинъ очень падки до торговли“.

Итакъ, пути и средства для цивилизаціи Африки найдены! Съ одной стороны, миссіонеръ, попъ-іезуитъ, втирающійся въ милость къ мѣстному деспоту и съ его помощью и съ его разрѣшенія просвѣщающій невѣжественный народъ; съ другой — хитрый лавочникъ, обирающій и обдирающій нагихъ и голодныхъ туземцевъ при содѣйствіи мѣстныхъ вождей, съ которыми онъ, конечно, будетъ дѣлиться барышами.—таковы должны быть, по мнѣнію Стэнли, истинные свѣтоочи африканской цивилизаціи; іезуитизмъ и барышничество, эксплуатація матеріальная и эксплуатація духовная, — вотъ тѣ „великія блага цивилизаціи“, которыми „бѣлые люди“ великодушно общаются подѣляться съ своими младшими братцами—чернокожими. Какіе, право, добрые эти „бѣлые люди“, и какъ должны быть злы и неблагодарны ихъ черные братцы; вмѣсто того, чтобы принимать своихъ заботливыхъ цивилизаторовъ съ распростертыми объятіями, они встрѣчаютъ и провожаютъ ихъ пулями и отравленными стрѣлами! Впрочемъ, цивилизаторы хотя и добры, но не совсѣмъ безкорыстны: „когда я нѣсколько оправлюсь отъ утомительнаго путешествія, пишетъ Стэнли далѣе, — я обращаю ваше вниманіе на тѣ громадныя выгоды, которыя всемірная торговля можетъ извлечь изъ нашихъ открытій; въ то-же время я представляю вамъ подробный очеркъ этихъ до сихъ поръ неизвѣстныхъ странъ Африки, изобилующихъ богатыми мѣдными и золотыми рудами...“

„Громадные торговые барыши“, „золотые рудники“—какъ рада этого не порадытъ о просвѣщеніи младшихъ братцевъ!

„Заканчивая мое письмо, не могу удержаться отъ слѣдующаго замѣчанія: всѣ существующія карты западной Африки преисполнены самыхъ грубыхъ ошибокъ. И ошибки эти дорого намъ обошлись: благодаря имъ, погибъ мой храбрый товарищъ Френсисъ

Покоя и съ нимъ вмѣстѣ пятнадцать моихъ людей; благодаря имъ, чуть было вся наша экспедиція не кончилась полнѣйшей неудачей; имъ-же я обязанъ тѣмъ страшнымъ нервнымъ разстройствомъ, которымъ я теперь страдаю и которое до того меня измучило, что я, несмотря на свои 35 лѣтъ, имѣю видъ дряхлаго старика... Стэнли“ *).

П. Гр—оли.

---

*) Вмѣстѣ съ этимъ письмомъ „Daily Telegraph“ напечаталъ еще слѣдующія бумаги Стэнли: 1) дубликатъ его длинной записки о торговлѣ неграми (оригиналъ, переданный Стэнли въ 1876 г. одному арабскому купцу для отсылки въ Европу, не дошелъ по адресу); 2) копія съ двухъ писемъ, посланныхъ имъ изъ Ни-Санды (6 августа 1877 г.) и изъ Банца-М’Бука на имя негоціантовъ Эмбомы—господъ Виега (Viega) и В. Гаррисона, великодушно снабдившихъ его съѣстными припасами и оружіемъ.

Самаякая Зидысотка

ИСТОРИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯ.

(ПОКАЗАНИЕ СВИДѢТЕЛЯ.)

(Histoire d'un crime, par V. Hugo, Paris. 1877.)

Болѣ четверти вѣка прошло съ тѣхъ поръ, какъ совершился декабрьскій переворотъ во Франціи, но воспоминаніе о немъ еще живо, такъ живо, что какъ-будто онъ случился вчера, на нашей памяти, на нашихъ глазахъ. Хотя главные герои декабрьской ночи уже давно сошли со сцены, разыгравъ послѣдній актъ своей драмы подъ Седаномъ и Мецомъ, но слѣды ихъ преступленія еще глубоко отпечатлѣваются на современномъ поколѣніи. Первоклассныхъ актеровъ уже болѣе нѣтъ, но пьеса, поставленная ими на политической сценѣ, еще не потеряла своего обаянія, и готова разыгратъ снова такими фиглярами, какъ герцогъ де-Брольи и Фурту-Риберакъ. Вышедшіе изъ той-же школы, въ которой воспитались Морни, Флери и Персиньи, они обладаютъ всѣми достоинствами этихъ бандитовъ, за исключеніемъ одного—той рѣшительной отваги, которая необходима для совершения громкаго преступленія. Это такіе-же промотавшіеся игроки, которымъ собственно нужна не монархія, не клерикальная Франція, а государственная касса и полная свобода распоряжаться ея деньгами. Самую республику они ненавидятъ и подкапываютъ подъ нее только потому, что она не даетъ имъ возможности захватить въ свои руки, вмѣстѣ съ властію, и богатство. Творцомъ этой политической школы былъ Наполеонъ III; если не онъ создалъ ея внутреннее содержаніе, ея хитросплетенный механизмъ, то ему принадлежитъ несомнѣнная заслуга усовершенствовать, рафинировать и примѣнять

ее въ Франціи. Недаромъ его любимымъ чтеніемъ въ гамской тюрьмѣ былъ „Принцъ“ Макиавели, а идеаломъ его авторскаго самолюбія—„Юлій Цезарь“. Рисуя профиль этого декабрьскаго и седанскаго героя, В. Гюго изображаетъ его въ слѣдующихъ чертахъ: „Люи Бонапартъ былъ человѣкъ невозмутимо-индифферентный; онъ не зналъ ничего, кромѣ своей цѣли. Пройти дорогу для достиженія ея—въ этомъ была вся его задача; все остальное не интересовало его. Раздавить республиканцевъ и поставить на задній планъ роялистовъ — въ этомъ заключалась вся его политика“.

„У Люи Бонапарта не было никакой страсти. Пишущій эти строки, разговоривая однажды съ старымъ королемъ Вестфалии, замѣтилъ: въ немъ голандецъ нейтрализируетъ корсиканца.—Если только въ немъ есть корсиканецъ, отвѣтилъ Жеромъ.“

„Люи Бонапартъ всегда былъ человѣкомъ, выжидающимъ случая; на лицѣ его лежала блѣдная задумчивость плутующаго игрока. Шулерство требуетъ дерзости, но не допускаетъ гнѣва... У него не было семейства, и онъ самъ не зналъ, кто его отецъ—Бонапартъ или Вергюель; у него не было отечества, и онъ колебался между Франціей и Голандіей... Это былъ серьезный политикъ, человѣкъ хорошаго общества, замкнутый въ свои соображенія, ничѣмъ неувлекавшійся и ничего недѣлавшій сверхъ того, что было назначено, безъ порывовъ, безъ рѣзкихъ словъ, начитанный, всегда ровный и осторожный, говорившій совершенно спокойно объ убійствѣ, если оно было необходимо, и самъ готовый убивать, если это было нужно. И все это, повторяемъ,—безъ всякаго гнѣва и страсти. Это былъ одинъ изъ тѣхъ людей, которые подверглись глубокому охлажденію Макиавели. Только такой человѣкъ и могъ потопить имя Наполеона I и покрыть 2-мъ декабря 18-е брюмера“. (Hist. d'un crime, стр. 125.)

Да, только такой человѣкъ и могъ создать ту политическую школу, которая выдвинула на сцену такихъ людей, какъ Морни, Флери, Сентъ-Арно, Персиньи, Бильо, Мопя, Фурту, де-Брольи, Мак-Магоны и проч., и проч. Всѣ они, при всѣхъ индивидуальныхъ особенностяхъ, имѣютъ много общаго между собою, такъ что нравственная фізіономія одного совершенно сливается съ фізіономіей другого. Возьмемъ, напр., ближайшаго изъ дѣятелей Наполеона III, Морни, и всмотримся въ его портретъ, такъ живо нарисованный В. Гюго: „Что такое былъ этотъ Морни? Скажемъ о немъ. Это былъ напыщенный весельчакъ, интриганъ, но не суровый, другъ Ромье и сторонникъ Гизо, обладавшій свѣтскими манерами и обычаями игрока въ рулетку, самодовольный, не глупый, соединявшій извѣстный либерализмъ идей съ необходимостью выгодныхъ преступленій, находившій возможность граціозно улыбаться, выставляя на видъ свои скверные зу-

бы, жившій въ свое удовольствіе, разсѣянный, но задумчивый, безобразный, живой, жестокой и всегда хорошо одѣтый, отважный, охотно оставившій за тюремной рѣшеткой одного брата и готовый рискнуть своей головой ради другого своего брата, императора, имѣвшій одну мать съ Люи Бонапартомъ и какого-то отца, не то Богарне, не то Флаго, но называвшій себя Морни, въ литературѣ искусившійся до водевиля, а въ политикѣ ушедшій до трагедіи, жуиръ, убійца, отличавшійся легкомысліемъ салоннаго фронта и характеромъ головорѣза, отличный сюжетъ для очерковъ Мариво, но съ тѣмъ, чтобы послѣднее клеймо было положено на него Тацитомъ, человѣкъ безъ всякой совѣсти, но безукоризненно-элегантный, безстыдный и любезный, въ случаѣ надобности—настоящій герцогъ. Таковъ былъ этотъ заговорщикъ“. (Стр. 24.) Для дополненія этой характеристики надо прибавить, что Морни былъ не только рулетный, но и биржевой игрокъ и предприимчивый спекуляторъ. На биржѣ онъ научился искусству играть въ повышение и пониженіе курсовъ, сначала денежныхъ, а потомъ политическихъ; тамъ онъ могъ подробно изучить человѣческую алчность, всегда способную на подкупъ для какого угодно дѣла: отсюда онъ вынесъ то холодное презрѣніе къ людямъ, которымъ отличаются политическіе авантюристы; тамъ-же онъ усвоилъ и похоть къ легкой, случайной наживѣ,—безъ труда и честности,—къ наживѣ игрока, сегодня незнающаго, на что пообѣдать, а завтра миліонера. Для роли, которую разыгралъ Морни въ декабрьскомъ переворотѣ, нуженъ былъ человѣкъ именно такого закала. Улыбаясь, онъ отдавалъ приказанія произвести рѣзню 4 декабря, и на вопросъ полковника Эспинаса: какъ поступить съ непокорными депутатами?—хладнокровно отвѣчалъ: „разстрѣлять всѣхъ, кто будетъ сопротивляться!“ Когда онъ ночью ворвался, съ ротой улановъ, въ министерство внутреннихъ дѣлъ и напалъ въ постели на полусоннаго министра Ториньи, представивъ ему письмо Бонапарта объ отставкѣ, онъ, улыбаясь, объявилъ ему эту новость, но когда озадаченный и протиравшій себѣ глаза Ториньи забормоталъ: „Э! Но! Такъ президентъ под....—Да, докончилъ Морни, и громко расхохотался.

Точно такіе-же были и остальные „елисейскіе братцы“. Флери, говоритъ Тено, былъ „человѣкъ преданный удовольствіямъ, отличный спортсменъ, знавшій основательно все, что касалось лошадей; онъ, кажется, изъ-за этого послѣдняго качества и попалъ, въ генеральный штабъ президента республики“. („Парижъ и провинція 2 дек. 1851 г.“, стр. 103.) Впослѣдствіи этотъ берейторъ былъ высшимъ государственнымъ сановникомъ и близкимъ лицомъ къ Наполеону III. Фіалэнъ де-Персивья началъ не съ берейтора,

а съ унтеръ-офицера, и послѣ декабрьскаго *coup d'état* превратился въ герцога, сенатора и члена тайнаго совѣта. Онъ принималъ участіе въ страсбургскомъ и булонскомъ заговорѣ, ему принадлежитъ, какъ говорятъ, гениальная мысль поддѣлать картоннаго орла, съ которымъ долженъ былъ выступить Люи Бонапартъ передъ войскомъ; поддѣлавъ орла, онъ поддѣлалъ и свое имя *Персиньи*, котораго не носилъ его отецъ. Освобожденный изъ тюрьмы февральской революціей, онъ измѣнилъ бонапартистамъ и преобразился въ горячаго республиканца, но его республиканскій пылъ продолжался не долго, и когда Люи Бонапартъ сдѣлался президентомъ республики, Фіалэнъ де-Персиньи снова обернулся въ бонапартиста. Это былъ тоже своего рода игрокъ, такой-же ограниченный и хищный, какъ и Морни, но менѣе отважный и неспособный на отчаянныя ставки.

Вотъ тѣ люди, которымъ Наполеонъ III обязанъ былъ созданіемъ второй имперіи и осуществленіемъ той политической программы, которая, по выраженію Тено, была „цѣлой школой политическихъ заговоровъ, обмана и подлоговъ“. Подмѣняя лица, событія и слова, она обладала неистощимымъ запасомъ лицемерія и жестокости, и, наконецъ, развратила Францію до того, что въ ней, казалось, было потеряно всякое различіе между добромъ и зломъ, между злодѣемъ и честнымъ человѣкомъ. Когда эти люди говорили *свобода*, то въ дѣйствительности они вели къ *деспотизму*; когда они клялись въ вѣрности республикѣ, то въ душѣ они готовили измѣну ей; когда они увѣряли Францію, что они призваны *спасти* ее, то это значило, что они готовятся *погубить* ее; когда они давали торжественное обѣщаніе сохранить миръ—это значило, что война составляетъ главную задачу и поддержку ихъ. Они начали ниспроверженіемъ республики, арестами представителей народа, убійствами, ссылкой и изгнаніемъ 100,000 лучшихъ людей Франціи, конфискаціей, галерами, а кончили Седаномъ и глубокимъ паденіемъ Франціи.

Но нельзя не отдать справедливости имъ въ одномъ отношеніи: въ искусствѣ не только поддѣлывать себя, но и поддѣлываться подъ другихъ. Это было необыкновенно счастливое соединеніе Тартюфа съ Жаверомъ изъ „*Misérables*“. Декабрьскій переворотъ, какъ утверждаютъ теперь историки единодушно, готовился исподоволь и постепенно, а между тѣмъ даже наканунѣ никто его не предвидѣлъ, никто не сомнѣвался въ искренности Люи Бонапарта. Чтобы быть такъ готовымъ для такого громаднаго *coup d'état*, какъ были готовы „елисейскіе братцы“, чтобы держать въ своей рукѣ всѣ разнообразныя нити заговора и въ одну ночь натянуть ихъ такъ искусно,—наконецъ, чтобы окружить себя соучастниками и

исполнителями, такими энергическими и ловкими,—для этого необходимо было и время, и долгое соображеніе, и зрѣлый планъ, и заранѣе обдуманная рѣшимость. Переворотъ, собственно, совершился въ нѣсколько часовъ, такъ что, нѣсколько не преувеличивая, можно сказать, что французы проспали республику въ декабрьскую ночь. Когда закипѣла борьба на барикадахъ, послѣ легальнаго, болѣе комическаго, чѣмъ дѣйствительнаго протеста, то дальновидные люди уже предчувствовали, что борьба бесполезна и что финаль ея будетъ самый плачевный. По этому поводу В. Гюго рассказываетъ о своей встрѣчѣ съ Прудонъ въ эту роковую ночь. Вотъ что сказалъ Прудонъ *) В. Гюго, наивно вѣрившему, что дѣло республиканцевъ еще не проиграно: „Я пришелъ предупредить васъ, какъ другъ. Вы ошибаетесь. Народъ сосредоточился въ себѣ и не пойдетъ на борьбу. Бонапартъ одолѣетъ его. Эта нелѣпость, восстановление всеобщей подачи голосовъ, обманываетъ пигмеевъ. Бонапарта считаютъ *соціалистомъ*. Вѣдь это онъ сказалъ: „я буду императоромъ канала“. Это—наглость, но вѣдь наглость всегда оканчивается успѣхомъ, когда ей помогаетъ каналъ“. И Прудонъ, показавъ пальцемъ на зловѣщій блескъ штыковъ, продолжалъ: „У Бонапарта есть цѣль. Республика создала *народъ*, а онъ хочетъ передѣлать его въ *сво-лочь*. Онъ побѣдитъ и вы проиграете. На его сторонѣ сила, пушки, заблужденіе толпы и глупости Национальнаго собранія. Нѣсколько человекъ лѣвой стороны, къ которой вы принадлежите, не рѣшатся идти до конца государственнаго переворота. Вы люди честные, а онъ негодий, и въ этомъ его преимущество надъ вами. У васъ есть совѣсть, а у него ея нѣтъ, и въ этомъ онъ выигрываетъ передъ вами. Повѣрьте мнѣ, что сопротивляться не стоитъ. Положеніе безнадежное. Надо выждать, но въ настоящую минуту борьба была-бы ошибкой“. (Hist. d'un crime, стр. 178—179.) Прудонъ, какъ показали событія, былъ совершенно правъ. Борьба не только была бесполезна, но она дала въ руки „елисейскихъ братцамъ“ слишкомъ вѣскій предлогъ для террора и кровопролитій. Такимъ образомъ, тайно и давно обдуманная западня была разставлена Франціи такъ ловко, что она опомнилась только въ ту минуту, когда уже стояла въ ней обѣими ногами. До какой степени декабрьскій ударъ былъ неожиданнымъ для Парижа,—о провинціи нечего и говорить, — это видно изъ превосходныхъ страниць

---

*) Прудонъ въ это время содержался въ тюрьмѣ, приговоренный къ трехлѣтнему заключенію за оскорбленіе Люи Бонапарта, и выпущенъ былъ на нѣсколько дней совершенно случайно наканунѣ 2 декабря. Онъ вызвалъ Гюго на улицу, неподалеку отъ Бастиліи, чтобы сказать ему нѣсколько словъ.

3. Гюго, тѣмъ болѣе интересныхъ, что онъ первый коснулся этого факта. Передадимъ ихъ здѣсь буквально:

ПЕРВЫЙ ДЕНЬ.

ЗАПАДНЯ.

I.

Безопасность.

1-го декабря 1851 года генераль Шарасъ пожалъ плечами и разрядилъ свои пистолеты. Въ самомъ дѣлѣ, вѣрить въ возможность *coup d'état* было-бы унижительно. При серьезномъ взглядѣ на дѣло насильственный переворотъ со стороны Люи Бонапарта казался невѣроятнымъ. Самымъ жгучимъ вопросомъ настоящей минуты, очевидно, было избраніе г. Девинка; всѣ думали, что правительство только этимъ и занято. И кто-бы могъ предполагать, что оно ведетъ заговоръ противъ республики и народа? Гдѣ былъ тотъ, который отважился-бы на подобный замыселъ? Для трагедіи нуженъ актеръ, а на этотъ разъ именно актера и не доставало. Нарушить право, закрыть національное собраніе, разорвать конституцію, задушить республику, подавить націю, осквернить знамя, обезчестить армію, развратить духовенство и магистратуру, достигнуть успѣха и торжества, управлять, руководить, ссылатъ и изгонять, разрушать, убивать, господствовать на основаніи закона, опозореннаго до степени публичнаго ложа, — какъ! всѣ эти крайности пустить въ ходъ, и кому-же? Колоссу? Нѣтъ, пигмее. Это вызывало невольный смѣхъ. Никто не говорилъ: какое преступленіе! но всѣ говорили: какой фарсъ! Потому что, наконецъ, стали размышлять. И для совершенія злодѣяній нужна своего рода сила. Есть преступленія, которыя не по плечу карлику. Чтобы произвести восемнадцатое брюмера, надо было имѣть въ своемъ прошломъ Арколь и Аустерлицъ. Быть великимъ бандитомъ не всякому по силамъ. Обыкновенно говорили: „что это такое — этотъ сынъ Гортензій? За нимъ стоятъ Страсбургъ вмѣсто Арколя, Булонь—вмѣсто Аустерлица; это французъ, родившійся въ Голандіи и натурализованный швейцарецъ; это Бонапартъ, повязавшійся съ Вергюлемъ; онъ знаменитъ только по своей смѣшной импера-

торской позѣ, и если-бы кто-нибудь вырвалъ изъ его орла перо, то это перо оказалось-бы гусинымъ. Въ арміи его считаютъ нулемъ; для нея это фальшивая монета, не столько золотая, сколько оловянная, и ужь, конечно, французскіе солдаты не сдадутъ намъ ее—эту поддѣльную наполеоновскую монету — бунтомъ, жестокостями, измѣной и убійствами. Если этотъ фальшивый Наполеонъ предприметъ какую-нибудь гадость, онъ оборвется. Ни одинъ полкъ не двинется съ мѣста. Да и къ чему было-бы предпринимать гадость? Нѣтъ сомнѣнія, что онъ не изъ чистыхъ людей, но зачѣмъ-же предполагать въ немъ непременно злодѣя? Такія крайнія покушенія—выше его. Онъ неспособенъ на нихъ *матеріально*; какъ-же ему быть способнымъ *нравственно*? Не связанъ-ли онъ словомъ чести? Не онъ-ли говорилъ: „никто въ Европѣ не сомнѣвается въ моемъ словѣ“. Слѣдовательно, бояться нечего. На это можно было возразить: преступленія совершаются или въ грандіозныхъ размѣрахъ, или по мелочамъ. Въ первомъ случаѣ дѣйствуютъ Цезари, во второмъ — Мандрэны. Цезарь переходитъ Рубиконъ, Мандрэнъ—перепрыгиваетъ клоаку. Но люди умные заступались: не будемъ, говорили они,—отдаваться ложнымъ и оскорбительнымъ выводамъ. Этотъ человекъ испыталъ изгнаніе и несчастіе. Изгнаніе просвѣщаетъ, несчастіе исправляетъ.

Съ своей стороны Люи Бонапартъ протестовалъ энергически. Фактовъ въ его оправданіе было много. Да и почему не быть ему человѣкомъ добросовѣстнымъ? Онъ принялъ на себя великія обязательства. Въ концѣ октября 1848 года, будучи кандидатомъ на президента, онъ пришелъ въ улицу de la Tour-d'Auvergne, № 37, къ одному пріятелю и сказалъ: „я хочу объясниться съ вами. На меня клеветаютъ. Неужели я произвожу на васъ впечатлѣніе безумца? Говорятъ, что я хотѣлъ-бы повторить Наполеона. Есть два человѣка, которыхъ самое крупное самолюбіе можетъ считать своимъ идеаломъ: это Наполеонъ и Вашингтонъ. Первый — гениальная личность; второй — высоко-честный человекъ. Было-бы глупо думать: я хочу сдѣлаться гениальнымъ. Но было-бы благородно стремиться сдѣлаться добродѣтельнымъ. Что зависитъ отъ насъ и что превышаетъ наши желанія? Быть гениемъ? Нѣтъ. Быть честнымъ? Да. Обладать гениемъ—это не въ нашей волѣ; быть добросовѣстнымъ—это въ нашей власти. И въ чемъ я могъ-бы подражать Наполеону? Въ одномъ — въ преступленіи. Вотъ прекрасная мечта! Зачѣмъ-же представлять меня съумасшедшимъ? Какъ скоро установлена республика, я уже не великій человекъ и не пойду по слѣдамъ Наполеона; но я человекъ честный и буду подражать Вашингтону. Мое имя, имя Бонапарта, отгѣтится на двухъ страницахъ исторіи Франціи: на первой будетъ преступленіе и слава,

а на второй—честность и благородство. И вторая, вѣроятно, будетъ стоять первой. Почему? Потому что если Наполеонъ болѣе великъ, то Вашингтонъ лучше его. Между преступнымъ героемъ и добрымъ гражданиномъ я предпочту послѣдняго. Въ этомъ все мое честолюбіе“.

„Отъ 1848 до 1851 прошло три года. Давно уже подозрѣвали Люи Бонапарта, но долгое подозрѣніе ослабляетъ вниманіе и ту-пѣеть въ силу своего бесполезнаго напряженія. У Люи Бонапарта были двусмысленные министры, какъ Манъ и Руэръ; но у него были и прямодушные министры, какъ Фоше и Одилонъ Баро; эти послѣдніе утверждали, что онъ поступаетъ искренно и честно. Его видѣли, какъ онъ билъ себя въ грудь передъ воротами Гама; его молочная сестра, Гортензія Корню, писала Мирославскому: „я преданная республиканка и отвѣчаю за него“. Его гамскій другъ, Поже, человекъ благородный, отзывался о немъ такъ: „Люи Бонапартъ неспособенъ на измѣну“. Не ему-ли принадлежитъ сочиненіе объ *Уничтоженіи пауперизма*? Въ его интимномъ елисейскомъ кругу былъ принятъ республиканецъ, графъ Потоцкій, и либеральный графъ д'Орсе. Люи Бонапартъ говорилъ Потоцкому: „я человекъ демократіи“, а графу д'Орсе: „я человекъ свободы“. Маркизь Галей былъ противъ государственнаго переворота, а маркиза Галей — за него. Люи Бонапартъ говорилъ маркизу: „не бойтесь ничего“ (правда, что онъ въ то-же время на-шептывалъ маркизѣ: „будьте спокойны“.) Національное собраніе, показавъ нѣкоторые признаки безпокойства, притихло и заснуло. Оно имѣло генерала Неймайера, который *былъ увѣренъ* и который изъ Ліона, гдѣ онъ находился, могъ двинуться на Парижъ. Генераль Шангарнье восклицалъ: „представители народа, разсуждайте спокойно“. Самъ Люи Бонапартъ вездѣ носился съ слѣдующимъ достопамятнымъ выраженіемъ: „я посмотрю, какъ на врага, на того, кто задумалъ-бы силою измѣнить то, что установлено закономъ“. А силою этой, конечно, была армія. Въ арміи были свои вожди, славные и любимые вожди: Ламорисьеръ, Шангарнье, Кавеньякъ, Лефло, Бедо, Шарасъ. Могъ-ли кто представить себѣ, чтобы африканскіе солдаты рѣшились арестовать африканскихъ генераловъ? Въ пятницу 28 ноября 1851 года Люи Бонапартъ сказалъ Мишелю де-Буржъ: *Если-бъ я и хотѣлъ сдѣлать зло, то не могъ-бы. Вчера я пригласилъ къ себѣ обѣдать пять полковниковъ парижскаго гарнизона; пришла мнѣ фантазія потолковать съ каждымъ изъ нихъ отдѣльно. Всѣ единодушно объявили мнѣ, что армія никогда не стане ть на сторонѣ насильственнаго акта и не покусится на неприкосновенность національнаго собранія. Вы можете передать это вашимъ друзьямъ.* — И онъ при

этомъ улынулся, и я, разувѣренный, тоже размѣялся, прибавлять де-Буржъ. Потому-то онъ съ высоты трибуны сказалъ: „это мой человекъ“. Въ томъ-же самомъ мѣсяцѣ одинъ сатирическій журналъ напечаталъ карикатуру, представлявшую стрѣльбище, гдѣ Люи Бонапартъ прицѣливался въ конституцію; обвиненный въ клеветѣ на президента республики, журналъ этотъ былъ приговоренъ къ уплатѣ штрафа и къ тюремному заключенію. Министръ внутреннихъ дѣлъ Ториньи торжественно заявилъ въ совѣтѣ, въ присутствіи президента, что представитель власти никогда не долженъ являться нарушителемъ закона, иначе онъ былъ-бы...—*Неодяй*, добавилъ президентъ. Всѣ эти слова и всѣ эти факты имѣли общественное значеніе. Матеріальная и нравственная невозможность государственнаго переворота бросалась каждому въ глаза. Покушаться на Національное собраніе! Арестовать представителей народа! — Какой вздоръ! Всѣ видѣли, что и Шарась, такъ долго державшійся на-сторожѣ, наконецъ, совершенно успокоился. Безопасность казалась полною и всеобщею. Только въ собраніи было нѣсколько человекъ, которые сомнѣвались и время отъ времени пожимали плечами; но насъ считали людьми полоумными“.

(Hist. d'un crime, стр. 1—5.)

Такимъ образомъ, Парижъ, этотъ *мозгъ вселенной*, какъ его называлъ Рошфоръ, былъ вполне убѣжденъ, что республика безопасна, что президентъ ея—человекъ честный, котораго все честлюбіе состояло въ томъ, чтобы подражать благороднѣйшему изъ людей, Вашингтону. И это убѣжденіе вмѣстѣ съ Парижемъ раздѣляла вся Франція. А между тѣмъ конспираторы дѣлали свое дѣло: Люи Бонапартъ успокаивалъ, разубѣждалъ и увѣрялъ и въ то-же время дѣятельно работалъ надъ устройствомъ западни. Онъ собиралъ около себя соумышленниковъ, однихъ подкупая, другихъ убѣждая; онъ вызвалъ изъ Африки генерала Сэнтъ-Арно и поставилъ его во главѣ войска. Кавеньякъ, зная лично Сэнтъ-Арно, считалъ это назначеніе яснымъ признакомъ готовившагося переворота. По войскамъ отдавались гласные и безгласные приказы о пассивномъ повиновеніи только военнымъ начальникамъ и о томъ, чтобы не слушаться депутатовъ. Единственная нравственная опора Національнаго собранія, генералъ Шангарнье, командовавшій парижскими войсками, былъ смѣненъ, а Флери и Маньянъ приближены къ президенту. Каникулярные мѣсяцы Люи Бонапартъ посвятилъ смотрамъ, парадамъ и разѣздамъ по Франціи. Вездѣ онъ производилъ рѣчи, которыя дышали искренней преданностью конституціи; съ солдатами онъ говорилъ о величіи и славѣ Франціи подъ знаменемъ своего дяди; съ народомъ онъ бесѣдовалъ, какъ авторъ „Уничтоженія пауперизма“; съ прелатами, какъ ревностный като-

ликъ. Въ одномъ мѣстѣ онъ увѣрялъ, что „неизмѣннымъ правиломъ моей политической жизни во всѣхъ обстоятельствахъ будетъ *исполненіе моего долга*, ничего кромѣ долга“. Въ другомъ мѣстѣ онъ говорилъ: „Гордый моимъ происхожденіемъ и моимъ знаменемъ, я всегда останусь имъ вѣренъ; я весь отдамъ страпѣ, чего бы она ни потребовала отъ меня, *отступленія* или *упорной стойкости*... Я ни за кѣмъ не признаю права называть себя представителемъ народа болѣе, чѣмъ я“ *). Но какъ ловкій діалектикъ, уже давно практиковавшій составленіе подложныхъ манифестовъ и воззваній, онъ искусно вставлялъ довольно прозрачныя намеки на противорѣчія конституціи, на слабость власти, которою онъ уполномоченъ, на необходимость *сильнаго импульса*, могучей руки, чтобы отразить анархію и примирить партіи, на великія воспоминанія о первой имперіи, и чѣмъ ближе былъ переворотъ, чѣмъ сильнѣе охватывала Францію сѣть тайнаго заговора, тѣмъ болѣе тонъ этихъ рѣчей, нѣкогда вкрадчивый и осторожный, теперь переходилъ въ полновластный и угрожающій. Но Національное собраніе, занятое своими внутренними дрязгами, борьбой партій, ничего не видѣло и не слышало; роялисты относились болѣе чѣмъ апатично, а республиканцы предавались своимъ розовымъ иллюзіямъ о невозможности переворота. Они считали Люи Бонапарта человѣкомъ крайне ограниченнымъ и, благодаря его ограниченности, неспособнымъ на государственннй переломъ. Да и чего ему еще желать? говорили они и на томъ успокоивались. И въ самомъ дѣлѣ, чего было еще желать бѣдному сыну Гортензіи, искателю приключеній вродѣ булонской буфонады и страсбургскаго фарса, тому самому Бонапарту, который переодѣвался въ лондонскаго полисмена и считалъ за особенную честь пожать два пальца Пальмерстону, ему, содержателю игорныхъ домовъ, нерѣдко нуждавшемуся въ нѣсколькихъ стахъ франковъ? Чего еще было желать ему, теперь президенту первой республики въ мірѣ, верховному правителю страны, изъ которой онъ еще такъ недавно былъ изгнанъ. ему, окруженному блескомъ своего высокаго положенія и уполномоченному избраніемъ пяти миліоновъ голосовъ французскаго народа? Какое честолюбіе не могло-бы удовольствоваться такой ролью? Какая дѣятельность могла-бы найти себѣ болѣе обширное поприще для своего удовлетворенія? Но республиканцы разсуждали, какъ наивные оптимисты, и просмотрѣли одинъ капитальный фактъ: Люи Бонапартъ былъ интриганъ по натурѣ, по традиціи, по воспита-

*) См. эти рѣчи у Тено — „Парижъ и провинція 2 декабря“ — стр. 30—40; у Кинглека въ его разсказѣ о переворотѣ 2 декабря въ „Исторіи второй имперіи“, Делора.

нiю; онъ былъ фанатикъ своей идеи, всю жизнь только и думавшiй о томъ, чтобы возвратить свое право на императорскiй престолъ и повторить своего дядю, на-сколько можетъ повторить карликъ—великана. Это была его постоянная мечта, съ которой онъ не разставался ни въ изгнанiи, ни въ тюрьмѣ, ни въ счастiи, ни въ несчастiи своей жизни. Онъ вѣрилъ въ нее, какъ Наполеонъ I—въ свою звѣзду, и, вѣруя долго, наконецъ, свыкся съ ней, какъ съ своимъ идеаломъ. Эжень Сю, долго изучавшiй Люи Бонапарта и его жизнь, справедливо замѣтилъ: „есть два сорта измѣнниковъ—одни по ремеслу, другiе—по глубокому убѣжденiю; первые относятся ко вторымъ, какъ слѣпое орудiе къ направляющей его рукѣ. Первые только презрѣнны, а вторые—опасны“. (Vie de Louis Bonaparte, p. 107.)

Итакъ, республиканцы были спокойны и уснули въ ночь на 2 декабря блаженнымъ сномъ, но вотъ каково было ихъ пробужденiе.

II.

Парижъ спитъ; ударъ звонка.

2 декабря 1851 года верхне-саонскiй депутатъ Версинья, жившiй въ Парижѣ, улица Леони, № 4, спалъ глубокимъ сномъ. Онъ работалъ въ продолженiи ночи. Это былъ молодой человекъ, лѣтъ тридцати двухъ, прiятный блондинъ, очень живого ума, сосредоточеннаго на изученiи социальныхъ и экономическихъ наукъ. Первые часы ночи онъ провелъ за чтенiемъ книги Бастиа, на которую наносилъ свои замѣтки; оставивъ книгу открытою на столѣ, онъ заснулъ. Вдругъ въ просонкахъ будить его рѣзкiй ударъ звонка. Онъ вскакиваетъ. На дворѣ были еще сумерки; часы показывали около семи утра.

Недумывая, что могло-бы быть поводомъ такого ранняго визита, и полагая, что кто-нибудь ошибся дверью, онъ снова легъ и сталъ засыпать; раздался второй ударъ звонка, болѣе знаменательный, чѣмъ первый, и разбудилъ его окончательно. Онъ поднялся съ постели въ одной рубашкѣ и отворилъ дверь.

Мишель де-Буржъ и Теодоръ Бакъ вошли. Первый былъ сосѣдомъ Версиньи; онъ жилъ въ улицѣ Милана, № 16.

Теодоръ Бакъ и Мишель были блѣдны и въ возбужденномъ состоянiи.

— Версинья, сказалъ Мишель, — одѣвайтесь немедленно; арестовали Бона.

— Да! вскричалъ Версинья;—неужели опять поднимаютъ исторiю Могюэна?

— Нѣтъ, это почище этой исторіи. Жена и дочь, съ полчаса времени, какъ были у насъ; онѣ разбудили меня. Бонъ былъ арестованъ въ постели, въ шесть часовъ утра.

— Что-же это значить? спросилъ Версиньи.

Звякнулъ новый звонокъ.

— Вотъ, вѣроятно, кто расскажетъ намъ, отвѣчалъ Мишель де-Буржъ.

Версиньи отперъ дверь и впустилъ депутата Пьера Лефранка, который дѣйствительно принесъ разгадку тайны.

— Знаете вы, что дѣлается? сказалъ онъ.

— Да, отвѣчалъ Мишель:—Бонъ арестованъ.

— Этого мало; вся республика арестована, сказалъ Лефранкъ.—

Читали вы объявленія?

— Нѣтъ.

Пьеръ Лефранкъ объяснилъ имъ, что всѣ стѣны Парижа уже покрыты афишами, что толпы любопытныхъ тѣснятся около нихъ, что на углу своей улицы онъ прочиталъ одну изъ нихъ. Переворотъ готовъ.

— Какой переворотъ! возразилъ Мишель;—скажите: злодѣяніе!

Лефранкъ прибавилъ, что онъ видѣлъ три афиши: одинъ декретъ и двѣ прокламаціи, на бѣлой бумагѣ, наклеенныя одна около другой. Декретъ напечатанъ крупнымъ шрифтомъ.

Вслѣдъ затѣмъ явился старый конституціоналистъ Лесака, жившій, подобно Мишелю, по сосѣдству. Онъ принесъ тѣ-же новости и рассказалъ о новыхъ арестахъ, произведенныхъ ночью.

Нельзя было терять ни одной минуты. Тотчасъ-же отправились предупредить секретаря Національнаго собранія, избраннаго лѣвой стороной, жившаго въ улицѣ Бурсо.

Надо было собраться, извѣстить и созвать немедленно республиканскихъ представителей, еще оставленныхъ на свободѣ. Версиньи сказалъ: „я пойду къ Виктору Гюго“.

Пробыло восемь часовъ утра; я уже проснулся и работалъ въ постели. Слуга мой вошелъ и съ какимъ-то испуганнымъ видомъ доложилъ мнѣ:

— Пришелъ какой-то депутатъ и желаетъ говорить съ вами.

— Кто?

— Господинъ Версиньи.

— Примите его.

Версиньи вошелъ и передалъ мнѣ сущность дѣла. Я вскочилъ съ постели.

Онъ назначилъ мнѣ свиданіе у Лесака.

— Поторопитесь дать знать другимъ представителямъ, сказалъ я Версиньи.

Онъ ушелъ“.

Таково было пробужденіе Парижа. Когда онъ проснулся и открылъ, въ чемъ дѣло, онъ уже былъ въ рукахъ Люи Бонапарта и его друзей. Въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ уже распоряжался Морни, разсылая телеграммы провинціальнымъ префектамъ и отдавая приказанія агентамъ парижской полиціи. 80-ти-тысячное войско стояло уже подъ ружьемъ и, въ случаѣ надобности, такое-же могло быть вызвано въ нѣсколько часовъ. Типографіи, мэрии, префектура, телеграфъ — все было занято полицейскими комиссарами или солдатами. „Какъ только пробило пять часовъ утра, говоритъ В. Гюго, — разомъ на всѣхъ пунктахъ Парижа тихо выступила изъ всѣхъ казармъ пѣхота, предводимая своими полковниками. Адъютанты и ординарцы Люи Бонапарта, разбѣянные по всѣмъ военнымъ постаамъ, присутствовали при выступленіи полковъ. Только спустя три четверти часа послѣ пѣхоты было приказано двинуться и кавалеріи; слишкомъ раннимъ появленіемъ ея на улицахъ боялись разбудить спавшій Парижъ“. (Стр. 15.) При этомъ Гюго рассказываетъ слѣдующій эпизодъ: одинъ изъ полковниковъ, получивъ приказаніе выступить изъ казармы съ своимъ полкомъ, заколебался, но кто-то изъ елисейскихъ братьевъ, вынувъ изъ своего кармана запечатанный пакетъ, обратился къ нему съ слѣдующими словами: „Полковникъ, я знаю, что мы подвергаемся большому риску. Вотъ вамъ пакетъ, который мнѣ поручено вручить вамъ; *на всякій случай* вы найдете въ немъ сто тысячъ франковъ банковыми билетами“. — Пакетъ былъ принятъ и полкъ двинулся впередъ.

„Вечеромъ 2 декабря этотъ полковникъ сказалъ одной женщинѣ: „Сегодня утромъ я выигралъ сто тысячъ франковъ и генеральскія эполеты“. — Женщина выгнала его отъ себя.

„Ксавье Дюрё, сообщившій намъ этотъ фактъ, полюбопытствовалъ видѣть эту женщину. Она ему подтвердила его. Конечно! Она выгнала этого негодяя: солдатъ, измѣнившій своему знамени, смѣетъ являться къ ней! И она станетъ принимать у себя такого человѣка! Нѣтъ, она не изъ такихъ! И при этомъ, передаетъ Дюрё, она прибавила: но вѣдь я не болѣе, какъ публичная дѣвушка“. (Стр. 16.) Полковникъ этотъ былъ Эспинасъ. Морни не стоялъ даже на высотѣ нравственнаго достоинства этой проститутки. Эжень Сю говоритъ, что онъ, какъ рыночный мѣняла, торговался съ Люи Бонапартомъ изъ-за денегъ, которыми хотѣлъ располагать *на всякій случай*, накануне 2 го декабря. Ему было дано полмиліона на его экстраординарные расходы. Неизвѣстно, торговался ли нѣтъ доблестный маршалъ Леруа-Сэнтъ-Арно, но и ему *на всякій случай* было отсыпано 300 тысячъ франковъ. Къ семи

часамъ утра всѣ присутственныя мѣста, главные площади и мосты были уже заняты войсками.

Но самая дѣятельная работа шла въ префектурѣ, подъ руководствомъ Мопя. Еще съ вечера онъ пригласилъ къ себѣ всѣхъ полицейскихъ агентовъ и роздалъ имъ свои приказанія, каждому отдѣльно. „Никто не отказался, говорить Гюго,—а нѣкоторые даже благодарили“. Распоряженіе Мопя состояло въ томъ, чтобы схватить на дому, ночью, 78 болѣе вліятельныхъ демократовъ и 16 представителей народа, преимущественно генераловъ, нераздѣлявшихъ намѣреній елисейской компаніи. По всему городу началось необыкновенное движеніе. „Въ эту ночь, рассказываетъ Гюго,—по всѣмъ мѣстностямъ Парижа совершались факты какого-то разбоя. Неизвѣстныя личности, предводившія вооруженными людьми и сами вооруженныя топорами, кистенями, клещами, отмычками, кастетами, шпагами, скрытыми подъ платьемъ, пистолетами, ручки которыхъ виднѣлись изъ-подъ полы, незамѣтно обходили домъ, осаждали улицу, становились у всѣхъ входовъ, отпирали отмычками парадныя двери, душили привратниковъ, взбѣгали на лестницы, выламывали двери и нападали на спящаго человѣка. И когда разбуженный въ просонкахъ спрашивалъ этихъ бандитовъ: кто вы такіе?—начальникъ отвѣчалъ: комисаръ полиціи. Такъ случилось у генерала Ламорисьера, котораго буквально схватилъ за горло полицейскій агентъ, Бланше“. Тѣ-же сцены повторялись у Греппо, Кавеньяка, Тьера, Шараса и Шангарнье. У генерала Лефло, который былъ квесторомъ Національнаго собранія, въ эту ночь гостила его сестра съ мужемъ; они спали въ одной комнатѣ, дверь которой выходила въ коридоръ. Вдругъ ночью полицейскій комисаръ толкнулъ эту дверь и съ шумомъ ворвался, вмѣстѣ съ своими алгвазилами, въ комнату, гдѣ спала женщина. Шуринъ генерала вскочилъ съ постели и закричалъ ему, спавшему въ сосѣдней комнатѣ: Адольфъ! ломаютъ двери, домъ наполненъ солдатами. Генералъ проснулся и увидѣлъ передъ собой стоящаго комисара Бертоліо.—Генералъ! я являюсь исполнить свою обязанность.—Понимаю, отвѣчалъ Лефло,—вы—предатель. И онъ сталъ одѣваться. Надѣвъ свой полный парадный мундиръ и воображая, что онъ встрѣтитъ на пути своихъ товарищей, генераловъ Африки, онъ встрѣтилъ только генераловъ „елисейской западни“. Жена поцѣловала его, а сынъ, семилѣтній мальчикъ, вскочивъ въ одной рубашкѣ и заливаясь слезами, сталъ упрашивать комисара: „сжалось, господинъ Бонапартъ!“ „Комисаръ и агенты увели генерала. Онъ гнушался этихъ людей и не говорилъ съ ними; но когда онъ очутился на дворѣ, увидѣлъ солдатъ и узналъ полковника Эспинаса, его бретонское сердце возмутилось. — Полковникъ Эспинасъ,

сказалъ онъ,—вы негодяй, и я еще надѣюсь прожить на-столько, чтобы сорвать съ васъ этотъ мундиръ. Полковникъ Эспинасъ наклонилъ голову и пробормоталъ: я васъ не знаю“.

Эти ночныя сцены часто сопровождались не только глубочайшими оскорбленіями депутатовъ, но и насиліемъ, доходившимъ до рукопашныхъ схватокъ. Такъ, при арестованіи другого квестора, База, когда онъ сталъ сопротивляться силѣ, на него напали четверо агентовъ, какъ ночные воры. „Въ домъ поднялся страшный шумъ; жена и дочери перепугались и начали кричать, служанку слыши бить сержанты кулаками и, поднявъ на воздухъ База, унесли его, голаго, въ изорванномъ халатѣ, исцарапаннаго и окровавленнаго“. Всѣхъ арестованныхъ въ эту ночь отправили въ тюрьму Мазасъ и нѣкоторые были заключены въ казематахъ рядомъ съ ворами и мошенниками.

Въ то время, какъ производилась облава на отдѣльныя личности, готовились и гуртовые аресты. Въ елисейскомъ дворцѣ были убѣждены, что Національное собраніе, какъ оно ни было плохо и раболопно, возстанетъ противъ нарушенія конституціи и напомнить народу о 68 статьѣ ея, уполномочивающей депутатовъ правомъ низложить президента республики въ случаѣ государственной измѣны его. Поэтому Морни рано утромъ приказалъ осадить войсками законодательный корпусъ и разогнать силой членовъ его, если-бъ они собрались на совѣщаніе. „Въ восемь часовъ громадная масса войска осадила палату. Всѣ выходы были отплены, всѣ двери заперты“. Нѣсколько депутатовъ, однакожь, успѣли кое-какъ пробраться въ залу палаты и открыть совѣщаніе. „Въ первый разъ, говоритъ В. Гюго,—всѣ члены слились въ одно сердце и въ одинъ голосъ. Каждый говорилъ о человѣкѣ елисейскаго дворца то, что онъ думалъ, и теперь-то для всѣхъ было ясно, что Люи Бонапартъ уже давно создалъ полнѣйшее единодушіе собранія, *единодушіе презрѣнія*, хотя никто и не отдавалъ себѣ въ этомъ отчета“ (Стр. 63.) Отдавая полную справедливость гражданскому мужеству В. Гюго, какъ горячаго участника въ этихъ событіяхъ, мы, однакожь, должны замѣтить, что онъ часто смотритъ на дѣло сквозь свои поэтическіе очки и усматриваетъ *единодушіе презрѣнія* тамъ, гдѣ его вовсе не было. Многіе изъ трусости и выжиданія конца не явились въ собраніе, многіе колебались, не зная, къ какой сторонѣ пристать. Самъ президентъ законодательной палаты, Дюпэнъ, необходимый въ эту минуту, скрылся; его не могли нигдѣ отыскать. „Подлость, говоритъ Гюго, — имѣетъ свои никому неизвѣстныя дыры“. И такихъ трусовъ было не мало. Гдѣ-же единодушіе презрѣнія? Да и къ чему оно теперь было? Протестовать рѣчами, полными негодованія, противъ штыковъ, торжествен-

ными процесіями по улицамъ Парижа, съ депутатскими шарфами черезъ плечо — противъ наведенныхъ пушекъ, декламировать о правѣ и неприкосновенности представителей народа въ виду 80-ти-тысячнаго войска — все это было болѣе, чѣмъ комично. Это была ужасная иронія надъ своей собственной недалковидностью, надъ своимъ тупоуміемъ. Тотъ призракъ, та тѣнь независимости, которая еще оставалась въ рукахъ депутатовъ, не имѣла ничего дѣйствительнаго. У нихъ не было въ распоряженіи даже какой-нибудь плохой типографіи, чтобы напечатать воззваніе къ народу о низложеніи президента, какъ измѣнника. Въ то время, когда представители народа *единодушно негодовали и презирали*, „ворвался въ собраніе посторонній человекъ, въ мундирѣ, съ эполетами офицера высшаго ранга и съ шпагой на боку. Это былъ баталіонный начальникъ 42 полка, попросившій депутатовъ выйти вонъ. Всѣ, какъ роялисты, такъ и республиканцы, бросились на него, какъ утверждаетъ очевидецъ-свидѣтель. Генераль Лейде обратился къ нему съ нѣсколькими словами, которыя попадаютъ не въ ухо, а прямо въ щеку. — Я дѣлаю свое дѣло, исполняю приказъ, забормоталъ офицеръ. — Вы безчестный человекъ, если вы думаете, что дѣлаете свое дѣло, закричалъ ему Лейде, — и вы негодяй, если вы сознаете, что совершаете преступленіе. Слышите-ли вы, что я говорю? Сердитесь, если только смѣете. — Офицеръ не думалъ сердиться и спросилъ: Итакъ, господа, вы не хотите разойтись? — Нѣтъ! — Тогда я прибѣгну къ силѣ. — Пусть такъ!“ Офицеръ отправился къ Морни и возвратился отъ него съ новыми инструкціями, въ которыхъ никто не сомнѣвался. Между тѣмъ депутаты, надѣвъ свои шарфы, вошли въ залу засѣданія, еще незанятую солдатами, и размѣстились на скамейкахъ. Прошло нѣсколько минутъ молчаливаго ожиданія; никто не говорилъ, но каждый ожидалъ чего-то рѣшительнаго. Въ это время жандармы, предводительствуемые капитаномъ съ саблею на-голо, появились на порогѣ. Депутаты вдругъ поднялись съ своихъ мѣстъ и воскликнули: да здравствуетъ республика! и потомъ опять сѣли. Солдаты смѣшались и остановились. „Тогда депутатъ Моне прочиталъ 36, 37 и 68 статьи конституціи. Первые двѣ статьи освящали неприкосновенность представителей, а 68 статья утверждала низверженіе президента въ случаѣ его измѣны. Минута эта была торжественная. Солдаты слушали молчаливо... Солдаты, обратился къ нимъ депутатъ лѣвой стороны, сидѣвшій неподалеку отъ нихъ, д'Аделсвардъ, — вы видите, что президентъ республики — предатель и хочетъ сдѣлать васъ такими-же предателями. Вы нарушаете священное мѣсто народнаго представительства. Во имя конституціи, во имя законовъ мы повелѣваемъ вамъ удалиться. Когда говорилъ

это д'Аделсвардъ, начальникъ жандармскаго баталіона вошелъ въ залу. — Господа, сказалъ онъ, — я получилъ приказаніе пригласить васъ удалиться, и если вы не удалитесь сами, — выгнать васъ". (Стр. 66.) И вслѣдъ затѣмъ онъ скомандовалъ своему отряду: Впередъ! Гоните ихъ вонъ! „Тогда началась какая-то рукопашная свалка, продолжаетъ Гюго, — между жандармами и законодателями. Солдаты съ ружьями въ рукахъ ворвались на сенатскія скамейки. Реплэнъ, Шанай, Рансіонъ силою были вырваны изъ ихъ кресель. Два жандарма бросились на Марка Дюфресса. двое—на Гамбона. Они долго отбивались на первой скамейкѣ справа, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ обыкновенно сидели Одилонъ-Баро и Абатучи. Полтэнъ Дюрье попытался отразить силою насилие и только трое могли оторвать его отъ мѣста. Моне былъ опрокинутъ на скамейкѣ, занимаемой комисарами. Д'Аделсварда схватили за горло и выбросили вонъ изъ залы. Дряхлый Ришарде былъ смятъ и грубо оскорбленъ. Нѣкоторыхъ коснулось остріе штыковъ; почти на всѣхъ было изорвано платье. Офицеръ кричалъ солдатамъ: выметайте всѣхъ! Такимъ образомъ, шестьдесятъ народныхъ представителей были схвачены за глотку рукою *сир д'этат* и выгнаны изъ собранія. Фактическое насилие дополняло измѣну; матеріальный актъ былъ достоинъ нравственнаго". (Стр. 67.) Почти такъ-же были выброшены вонъ за двери палата верховнаго суда и другіе органы республики. Къ 3-мъ часамъ дня елисейская клика могла считать себя уже полнымъ хозяиномъ Парижа, а съ нимъ и всей Франціи.

Разогнанные, оскорбленные и избитые депутаты большею частью были арестованы и отведены въ казарму д'Орсэ. Нѣкоторые изъ нихъ еще успѣли собраться въ зданіи мэрии 10-го округа, составили и подписали протоколъ о низложеніи Люи Бонапарта, но и отсюда ихъ разогнали силою, арестовали и къ вечеру заключили въ Мазасъ. Многіе изъ заключенныхъ не имѣли ни постелей, ни бѣлья и должны были провести ночь, какъ самые горемычные арестанты. „Впрочемъ, замѣчаетъ Гюго, — съ извѣстной точки зрѣнія, это заключеніе творцовъ этого тюремнаго склепа намъ нравится. Можетъ быть, въ переворотѣ 2 декабря есть частичка и добра. Провидѣніе, бросивъ законодателей въ Мазасъ, дало имъ хорошій урокъ. Кушайте-ка, господа, вашу собственную страпню—она никакъ не хуже тѣхъ, которые устраиваютъ подобныя творямы въ видѣ пробы". (Стр. 147—148.)

Такимъ образомъ, первый актъ этой темной и грязной драмы кончился. Я не буду говорить здѣсь ни о послѣдующей открытой борьбѣ съ душителями республики, ни о тѣхъ общественныхъ элементахъ, которые подготовили побѣду Люи Бонапарту и въ кото-

рыхъ онъ почерпнулъ свою силу; объ этомъ мы уже подробно говорили въ нашемъ журналѣ *). Намъ остается сказать о самой книгѣ В. Гюго.

„Книга эта, говоритъ Гюго,—была написана уже двадцать шесть лѣтъ, въ Брюсселѣ, въ первые мѣсяцы моего изгнанія. Она была начата 14 декабря 1851 года, на другой день по прибытіи автора въ Бельгію, а окончена 5 мая 1852 года, какъ-будто судьбѣ угодно было подтвердить годовщину смерти перваго Бонапарта осужденіемъ второго... Разсказъ этотъ о декабрьскомъ переворотѣ былъ написанъ, какъ говорится, еще неостывшею рукою отъ борьбы съ его виновниками. Изгнанникъ немедленно превратился въ историка. Онъ унесъ съ собою негодующее воспоминаніе о преступленіи и не хотѣлъ предать его забвенію. Вотъ источникъ этой книги. Рукопись 1851 года очень мало исправлена; она осталась въ ея прежнемъ видѣ, обильная подробностями и, такъ-сказать, животрепещущая дѣйствительностію. Авторъ принялъ на себя роль судьи-слѣдователя; его товарищи по борьбѣ и изгнанію изъ отечества были для него свидѣтелями. Онъ подтвердилъ ихъ показанія своими. Теперь исторія возстановила факты. Пусть-же она и судить. Если Богу угодно, печатаніе этого труда будетъ скоро окончено. Продолженіе и конецъ его явятся 2 декабря. Приличное время для такой книги!“ (Note.)

Дѣйствительно, появленіе книги В. Гюго наканунѣ выборовъ, въ ту минуту, когда призракъ только-что пережитой мрачной эпохи, созданной бандитами *сюр д'ѣтат*, опять всталъ передъ Франціей во всемъ его отвратительномъ ужасѣ, когда та-же политическая школа насилія и подлоговъ выступила на сцену, подъ авторитетомъ ограниченнаго президента, съ явнымъ намѣреніемъ повторить событія 2 декабря, когда, наконецъ, безпристрастная оцѣнка этихъ событій и голосъ истины такъ необходимы для колеблющихся умовъ, для неустановившихся убѣжденій и сомнѣвающейся совѣсти, — въ такую минуту значеніе этой книги становится глубоко-соціальнымъ и нравственнымъ. Она какъ-бы говоритъ отъ лица любимаго и высоко-честнаго писателя Франціи:—посмотрите, французы, на ваше прошлое, сравните его съ настоящимъ и не заблуждайтесь на-счетъ вашего будущаго. Кромѣ того, она имѣетъ для насъ особенный интересъ, какъ произведеніе человѣка, участвовавшаго въ событіяхъ, которыя онъ описываетъ. Въ качествѣ депутата и члена демократической партіи, В. Гюго боролся, стра-

*) См. ст. „Имперія декабрьской ночи“—„Дѣло“ 1869 года, январ. и март. книжки.

даль, и двадцати-лѣтнимъ изгнаніемъ подтвердилъ неизмѣнность своихъ убѣжденій и преданность дѣлу, которое онъ отстаивалъ. Какимъ онъ былъ восторженнымъ, граждански-честнымъ и искренно-преданнымъ своей идеѣ поэтомъ, такимъ онъ остается и въ своей книгѣ, не драпируясь ни въ героя, ни въ мученика, — со всѣми недостатками оптимиста и со всѣми достоинствами великаго писателя и благороднаго гражданина.

Г. В.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Вопросъ о поразрядной подати, поднятый „Голосомъ“.—Почему „Голось“ счѣтаетъ необходимымъ введеніе новаго налога?—Приблизительныя жертвы Россіи на войну. — Вытѣсненіе бумажнаго рубля металлическимъ. — Кому платить долги?—Долги и налоги, какъ единственное наличное средство противъ безденежья.—Поспѣшность, съ какою „Голось“ хватается за московскій проектъ поразрядной подати.—Поможетъ-ли проектъ „Голоса“ экономическому положенію или снова сдѣлаетъ земледѣльца козломъ отпущенія?

„Голось“ уже доказывалъ разъ необходимость введенія у насъ поразрядной подати, а теперь, въ № 229, говоритъ объ этомъ еще разъ и дѣлаетъ такое замѣчаніе: „Немедленное введеніе *подходной подати*—по оцѣнкѣ чистаго дохода каждаго лица, — которое можетъ быть будущимъ дальнѣйшимъ развитіемъ классной подати, перенесло-бы вѣсть въ міръ финансовыхъ фантазій, въ которыхъ, кромѣ неборимыхъ техническихъ затрудненій и раздраженія плательщиковъ, ничего въ пользу казны не осталось-бы. Впрочемъ, всего вѣроятнѣе, что *подходная подать*», о которой стали снова писать въ нашихъ газетахъ и къ которой вовсе не подготовлена наша финансовая практика и администрація, должна остаться предметомъ досужихъ преній и разговоровъ. При этомъ нельзя не припомнить одной возможной бѣды, которая однажды уже и случилась. Фантастическія разсужденія о *подходной* и *прогрессивной* подати были одною изъ причинъ, отпугнувшихъ отъ здравомыслящей податной реформы, къ которой и правительство, и земство были со всѣмъ готовы въ 1869—1870 годахъ“. Какія-же у „Голоса“ причины такъ бояться *подходной* подати и желать немедленнаго введенія поразрядной? Сначала мы отвѣтимъ на второй вопросъ.

Когда началась война, то иностранные финансисты, которымъ состояніе русскихъ финансовъ гораздо лучше извѣстно, чѣмъ нашей публикѣ, прежде всего усомнились, достанетъ-ли у Россіи денегъ, чтобы не только кончить, но и начать войну. Что намъ не обойтись

безъ значительнаго займа, это было ясно даже и намъ, но чѣмъ можетъ быть покрытъ заемъ, чѣмъ мы будемъ выплачивать проценты—такъ далеко мы не заглядывали. Да и зачѣмъ? Заглядывай или не заглядывай, но если ужъ война началась, то отъ нея нельзя отступить, да и кончить ее нельзя, не добившись торжества русскаго оружія. А между тѣмъ Турція оказалась неожиданно такимъ упорнымъ противникомъ, что всѣ наши расчеты на легкость торжества оказались нѣсколько скороспѣлыми, и Россіи пришлось вытянуть всѣ свои силы. Иностранцы, или, точнѣе, англичане, которымъ издали видѣе, рѣшили, что затянувшаяся война потрясетъ наши экономическія и производительныя силы, по крайней мѣрѣ, на двадцать лѣтъ. Не желая раздѣлять таковаго мрачнаго взгляда, мы предположимъ, что потрясеніе будетъ чувствоваться только десять лѣтъ. И этого достаточно, чтобы оцѣнить, на-сколько дорого обойдется идея, за которую мы сражаемся. Впрочемъ, истинную величину потерь, переводя ихъ на деньги, даже и опредѣлить нельзя. У насъ есть возможность опредѣлить только нѣкоторыя потери, самыя очевидныя и наглядныя, и чтобы не зарываться въ цифры, мы упростимъ нашъ расчетъ по возможности. По вычисленію одного изъ англійскихъ корреспондентовъ, каждая недѣля войны стоитъ намъ 7 мил. руб. или 28 мил. въ мѣсяцъ или 336 мил. въ годъ, если война протянется годъ. Мы не считаемъ тѣхъ расходовъ, которые беретъ на себя общество, въ видѣ всякихъ видовъ пожертвованій, въ видѣ санитарной помощи, въ видѣ обезпеченія сиротъ и т. п. Но такъ-какъ средства нашего казначейства не на-столько велики, чтобы оно могло обезпечить своими собственными источниками расходы войны, то ему пришлось прибѣгнуть къ займу и къ усиленному выпуску бумажныхъ денегъ.

Въ связи съ выпускомъ бумажныхъ денегъ обнаружилось впрочемъ слѣдующее обстоятельство, послѣдствія котораго будутъ имѣть тоже миліонный итогъ. Напимъ финансамъ, какъ кажется, придется повторить то-же, что нѣкогда они уже испытали въ 1830 г. И тогда, какъ нынче, явились двѣ валюты: одна бумажная, другая металлическая. Въ бумажныя деньги вѣра поколебалась. Серебряный рубль убилъ рубль асигнаціонный и бумажки сошли со счетовъ казначейства; говоря яснѣе, какъ только былъ принятъ металлическій рубль, владѣльцамъ бумажекъ пришлось убѣдиться, что въ ихъ карманахъ хранится не то число рублей, которое они воображали. Въ обращеніи тогда находилось, по словамъ „Финансоваго Обозрѣнія“, 597 миліон. рублей. По курсу на серебро они составляли 170 миліон. рублей, разность или 427 миліон. улетучились въ видѣ сложившагося само собою безпроцентнаго долга. Въ настоящее время количество бумажныхъ денегъ увеличилось

уже на 200 миліон. рублей и каждую недѣлю ихъ прибываетъ на 5 миліон.; а такъ-какъ до войны мы имѣли 700 миліон. кредитными билетами, то ясно, что очень скоро бумажное обращеніе дойдетъ до одного миліарда. При твердомъ курсѣ это неопасно, но нашъ курсъ уже успѣлъ понизиться на 40%. Это значитъ, что на 40% упали бумажки или на тѣ-же сорокъ процентовъ поднялся полуимперіалъ. И это-бы еще ничего, если-бы уже не явился одинъ зловѣщій признакъ. Въ прошломъ году какъ, встати министерство финансовъ установило взимать таможенную пошлину золотомъ. Такое предпочтеніе золота немедленно обнаружило свое послѣдствіе. У желѣзнодорожниковъ явилась мысль приложить то-же начало къ тарифу желѣзныхъ дорогъ, а спустя еще немного—стало входить въ обычай и между крупными капиталистами разсчитываться на металлическую валюту. Теперь вовсе не рѣдкость встрѣтить арендные или другіе контракты, въ которыхъ сумма найма исчисляется полуимперіалами. Съ начавшимся движеніемъ уже ничего не подѣлаешь—оно должно расти и будетъ расти; сама жизнь стремится замѣнить бумажный рубль металлическимъ и вытѣснить бумажку изъ обращенія. Такъ-какъ есть полное основаніе предполагать, что это переложеніе асигнацій на золото не остановится, то и нужно думать, что въ недалекомъ будущемъ экономическая практика обобщитъ этотъ разсчетъ и закону останется лишь его утвердить и санкціонировать. Но какому-же разсчету совершится переложеніе? Таможенное вѣдомство установило нормою за одинъ металлическій рубль два рубля кредитными. Слѣдовательно, при денежномъ обращеніи въ одинъ миліардъ рублей окажутся они равными 500 мил. рублей металлическихъ, а разность или 500 мил. рублей снимутся сами собою со счета. Вотъ еще жертва, которую можно считать вполне несомнѣнною и выраженною точно въ рубляхъ.

Хотя русская публика и не дѣлала точныхъ разсчетовъ, во что обойдется намъ война, но тѣмъ не менѣе она какъ-будто смутно чувствовала, что всякая идея и всякая отвлеченность имѣетъ свою конкретную форму и всякая жертва можетъ быть выражена въ рубляхъ. Паденіе курса прежде всего заставило подумать объ этихъ жертвахъ, а тутъ еще на обѣду русская печать и больше всего „Новое Время“ ужъ слишкомъ назойливо заиграло на стрункѣ патріотизма, вызывая общество ко всякимъ видамъ пожертвованій. Многимъ показалось, что Россія находится, дѣйствительно, въ безвыходномъ положеніи. Барыни, у которыхъ никто не просилъ этихъ жертвъ, рѣшили не носить дорогихъ платьевъ, не покупать никакихъ предметовъ роскоши; другіе взывали къ жертвамъ „всѣмъ достоиніемъ“, и опять тѣ-же дамы понесли на алтарь отечества свои

драгоценности. Даже искалѣченные инвалиды и старушки несли на нужды войскъ свои послѣднія серебряныя ложки, сломанныя запонки и часовые ключики. А между тѣмъ ни состояніе финансовъ, ни трудности войны не требовали подобныхъ приношеній. Эти „жертвы“ производили только переполохъ въ обществѣ, возбуждали недовѣріе къ нашимъ финансовымъ силамъ, а что хуже всего—роняли нашъ кредитъ за-границей. То, что мы дѣлали по невинности и простодушію, иностранцы принимали за настоящую монету и предсказывали Россіи въ скоромъ будущемъ чуть-ли не полное разореніе.

До разоренія дѣло, конечно, не дойдетъ, но что для Россіи потребуется громадное напряженіе силъ, что война потрясетъ наши финансы, что она отразится на сельской и промышленной производительности и торговлѣ и что затѣмъ потребуются не только серьезныя, но и радикальныя перемѣны въ нашемъ народно-государственномъ хозяйствѣ, это не подлежитъ никакому сомнѣнію. Хорошая сторона теперешней войны именно въ томъ и заключается, что она непремѣнно заставитъ наше общество призадуматься надъ вопросами внутренняго хозяйства и отказаться отъ того простодушія и младенческаго невѣденія, съ какимъ оно до сихъ поръ относилось ко всѣмъ финансовымъ и экономическимъ вопросамъ. Нужно-же, наконецъ, образумиться и покончить съ тою самоувѣренною хвастливостью и вѣрой въ себя, которая превращала насъ въ повинниковъ во всемъ, въ чемъ хотите. Несомнѣнно, что мы станемъ серьезнѣе, станемъ зрѣлѣе, станемъ умнѣе, а когда мы станемъ умнѣе, мы станемъ богаче, а когда мы станемъ богаче, мы станемъ сильнѣе.

Итакъ, обращаемся опять къ началу, Война требуетъ жертвъ, или, говоря точнѣе, для нея прежде всего нужны деньги. „Голось“ совершенно справедливо говоритъ, что такъ-какъ мы, дѣйствующее поколѣніе, затѣяли войну, то намъ и слѣдуетъ нести ея жертвы; иначе говоря, дѣлая долгъ, мы не можемъ предоставить будущему поколѣнію платить его за насъ и слѣдующіе за него проценты. Конечно, эту мысль можно оспаривать. Если, оплотившись за идею, мы сдѣлаемъ свое дѣло такъ, что создадимъ ей торжество, и плодъ нашей идеи достанется грядущему поколѣнію, то, слѣдовательно, оно должно и платить за него. Весь вопросъ въ томъ, усмотритъ-ли послѣдующее поколѣніе идею въ томъ, въ чемъ мы ее видимъ? Нужна-ли она ему въ такомъ видѣ и дадимъ-ли мы ему въ дѣйствительности то, что ему нужно, или только то, что намъ кажется нужнымъ? Не ошибаемся-ли мы въ своей идеѣ? Вопросъ въ этомъ видѣ, конечно, довольно спорный, и „Голось“, увѣряющій, что мы имѣемъ право разсуждать за послѣду-

ющее поколѣніе и навязывать ему свои идеи, ничѣмъ этого не доказалъ.

Почтенная газета сдѣлала-бы лучше, если-бы, не пускаясь въ философію, начала-бы прямо съ дѣла. Сущность-же дѣла въ томъ, что война требуетъ денегъ, которыя во что-бы то ни стало должны быть на лицо. Какъ-же ихъ достать?

„Голосъ“ предлагаетъ два средства и оба кажутся ему неизбежными. Въ справедливости и возможности одного онъ вполне увѣренъ, въ справедливости и вѣрности другого онъ увѣренъ менѣе; взятыя-же вмѣстѣ, оба эти средства должны, по его мнѣнію, помочь нуждѣ. Въ критику средствъ „Голосъ“ не вдается, а беретъ ихъ какъ голый фактъ. Мы-же думаемъ, что ни къ тому, ни къ другому средству нельзя относиться такъ легко, и прежде, чѣмъ дѣлать, надо знать, что дѣлаешь. Если „Голосъ“ былъ такъ предусмотрителенъ, что впередъ рѣшилъ, что мы торжествомъ своей идеи создадимъ счастье послѣдующему поколѣнію, то ему слѣдовало-бы быть такъ-же предусмотрительнымъ и во второй половинѣ своего сужденія, т. е. будетъ-ли послѣдующее поколѣніе такъ-же счастливо тѣмъ долгомъ, который мы ему оставимъ, и удовольствуется-ли оно тою поразрядной податью, которую оно получить отъ насъ въ наслѣдство? Заботясь такъ о счастья послѣдующихъ поколѣній не мѣшало-бы подумать и о томъ, чтобы они не назвали насъ промотавшимися отцами.

„Голосъ“ признаетъ вполне безспорнымъ, что лучшее средство есть заемъ. Докторальная газета даже и не допускаетъ какихъ-нибудь сомнѣній, а прямо, категорически и авторитетно говоритъ объ немъ, какъ о средствѣ, недопускающемъ никакихъ возраженій. Европа, дѣйствительно, практикуетъ систему безконечныхъ долговъ, процентную уплату которыхъ отецъ возлагаетъ на своихъ дѣтей. Мы думаемъ, что читатель не посѣтуетъ, если мы объяснимъ ему, что такое долгъ и въ чемъ заключается его тягость. Займы, какъ извѣстно, дѣлаются почти исключительно на военные надобности. Бывали и другіе займы; такъ, у насъ на постройку николаевской желѣзной дороги былъ сдѣланъ заемъ, и займы эти, смотря по тому, на что они предназначаются, называются производительными или непроизводительными. Займы на военные надобности—займы непроизводительные, а займы съ хозяйственными, промышленными и экономическими цѣлями, оставляющими въ странѣ тотъ или другой матеріальный признакъ—займы производительные. Всякій заемъ всегда поражаетъ народный капиталъ, потому что отнимаетъ его отъ народнаго хозяйства, и занятый такимъ образомъ капиталъ погибаетъ для страны безвозвратно. Для народа всегда выгодише, если-бы деньги были прямо взяты отъ него. Нужно, на примѣръ, намъ 100

мил.: мы опредѣляемъ новый налогъ, раскладываемъ его на плательщиковъ, собираемъ деньги, тратимъ на свои государственныя надобности и, оставивъ заботы о будущемъ поколѣніи, предоставляемъ народу самому установить нарушенное въ его хозяйствѣ равновѣсіе. Предположите, что вы въ видѣ экстреннаго налога уплатили 10 руб. Какъ вы поступите, чтобы возмѣстить этотъ налогъ? Очень просто. Вы съэкономите его отъ такихъ статей вашего хозяйства, гдѣ это возможно, и въ мѣсяцъ, два или меньше ваше хозяйство опять придетъ въ равновѣсіе. То-же самое сдѣлаетъ и каждый плательщикъ изъ народа. Слѣдовательно, если-бы можно было каждый заемъ превращать въ налогъ, мѣра эта была-бы самою лучшей. При существующей - же теперь системѣ займа вопросъ ставится иначе. Государство для своей надобности дѣлаетъ, положимъ, заемъ въ 200 мил. и на народъ возлагаетъ уплату процентовъ. Занятые 200 мил. положительно улетучиваются и, такъ-сказать, отнимаются отъ народнаго хозяйства, на народъ-же вы возложите платить ежегодные проценты, и только на сумму этихъ процентовъ народъ будетъ пытаться усиливать свою дѣятельность, а не на всю занятую сумму. Если Европа дѣлаетъ такъ легко долги, то вовсе не потому, чтобы она не знала, что это средство анти-экономическое; вся причина въ томъ, что долги дѣлать легко. Слѣдуя-же примѣру „Голоса“, конечно, можно для успокоенія совѣсти утѣшать себя тѣмъ, что, дѣлая долги, мы оставляемъ дѣтямъ реализованную благую идею. Пусть за эту идею они и платятъ проценты. Оказывается, слѣдовательно, что несомнѣнное по словамъ „Голоса“ вовсе не такъ несомнѣнно, и что та бережливость, которая составляетъ основу всякаго частнаго хозяйства, есть основа и народнаго хозяйства. Бережливость-же-всегда лишеніе, поэтому и всякая уплата займа, производимая на счетъ народной бережливости, есть ничто иное, какъ уменьшеніе производительнаго народнаго капитала.

Второе средство, предложенное „Голосомъ“, есть налогъ. Прежде, чѣмъ разбирать тотъ поразрядный налогъ, о которомъ говоритъ газета г. Краевскаго, мы опять сдѣлаемъ маленькое теоретическое отступленіе. Налогамъ сдѣлана давно уже критическая оцѣнка и, конечно, мы имѣемъ право предполагать, что „Голосъ“, говоря о новомъ усиленномъ налогѣ, имѣетъ теоретическое понятіе о томъ, о чемъ онъ говоритъ. Европейскіе экономисты еще въ началѣ нынѣшняго столѣтія, слѣдовательно, лѣтъ 50 тому назадъ, уже опредѣлили сущность налоговъ. Они видѣли въ нихъ такое дѣйствіе, которое всегда мѣшаетъ накопленію и всегда мѣшаетъ производительности; значить, какой-бы налогъ ни былъ, онъ имѣетъ всегда подавляющее значеніе. Рикардо говоритъ, что налогъ произво-

дѣть такое-же дѣйствіе, какъ неблагопріятная почва, дурной климатъ, утрата какихъ-нибудь полезныхъ машинъ, какъ дурная организація труда или уменьшеніе ловкости и трудолюбія рабочаго. Хотя между налогами есть и такіе, которые производятъ дурное дѣйствіе въ болѣе сильной степени, а другіе въ меньшей, но взятые въ цѣломъ, они всегда являются затрудненіемъ производства, они всегда отнимаютъ часть народнаго труда, всегда мѣшаютъ экономической дѣятельности. И не въ этомъ одномъ парализующая сущность налога. Самый легкій налогъ можетъ быть страшно тяжелъ, если онъ ложится неравномѣрно, и тѣмъ онъ, конечно, будетъ труднѣе, чѣмъ сильнѣе парализуетъ производительныя силы; значить, посмотримъ, какъ „Голосъ“ и его послѣдователи, а ихъ, конечно, не мало, относятся къ экономической сущности того, что они предлагаютъ, и такъ-ли проста эта экономическая сущность, какъ это имъ кажется.

„Голосъ“ желаетъ, чтобы у насъ былъ осуществленъ проектъ московской комисіи, составленный ею еще въ 1869 г. Проектомъ этимъ предполагалось ввести поразрядную подать по примѣру прусской. „Голосъ“, не приводя никакихъ цифръ, думаетъ, что „дохода отъ одной классной подати будетъ слишкомъ достаточно, чтобы покрыть сумму процентныхъ платежей по новымъ займамъ, которые будутъ вызваны продолженіемъ войны“. Мы-бы хотѣли знать, на чемъ „Голосъ“ основываетъ свое недопускающее возраженій увѣреніе? Въ такомъ дѣлѣ, какъ налоги и проценты платежей, нужно говорить цифрами, мы-же, не зная въ точности ни размѣровъ долговъ, которые сдѣлались, а тѣмъ болѣе тѣхъ, которые сдѣлаются, не имѣемъ ровно никакихъ данныхъ, чтобы сказать, какъ будетъ велика классная подать. А между тѣмъ руководящая общественнымъ мнѣніемъ газета прямо говоритъ, что налоги будутъ слишкомъ достаточны для покрытія процентовъ. Когда явился московскій проектъ, ему была посвящена довольно подробная статья въ „Дѣлѣ“, и, сколько мы помнимъ, излишекъ, обѣщанный московскимъ проектомъ, составлялъ менѣе 2-хъ миліоновъ. Конечно, эти „менѣе двухъ миліоновъ“ едва-ли будутъ „слишкомъ достаточны“. Мы готовы предположить, что статья въ „Дѣлѣ“ ошиблась въ своихъ расчетахъ, что проектъ, поступившій на разсмотрѣніе министерства финансовъ, обогатился новыми данными о числѣ плательщиковъ и новыми данными для возможности усиленія налога, такъ-что вмѣсто исчисленныхъ „почти двухъ миліоновъ“ получится лишнихъ пять миліоновъ. Неужели „Голосъ“ полагаетъ, что этими пятью миліонами покроются проценты? Для насъ совершенно ясно, что панацея, придуманная „Голосомъ“, окажется вовсе не такой спасительной, какъ думаетъ газета г. Краевского.

Далѣе „Голосу“ кажется, что если предстоящимъ земскимъ собраниямъ предложить нынѣ-же рассмотретьъ проектъ московскаго собранія, то въ декабрѣ вопросъ этотъ будетъ совершенно разработанъ, рѣшенъ, утвержденъ, а въ январѣ сборщики податей пойдутъ по вѣсямъ и по деревнямъ и по городамъ, и къ февралю приподнесутъ новую подать, слишкомъ достаточную, чтобы заплатить впередъ проценты. Какая юношеская наивность,—и со стороны такого солиднаго органа, какимъ желаетъ онъ казаться! А еще „Голось“ говорить, что онъ никогда не увлекается, что онъ во всемъ предвидитъ и предусматриваетъ послѣдствія, что онъ удерживалъ отъ войны и что все то, что онъ предсказывалъ, сбывается и сбывается!..

На-сколько то, что кажется „Голосу“ простымъ, вовсе не просто и на-сколько предлагаемая имъ мѣра не приведетъ ни къ чему справедливому, мы увидимъ сейчасъ. Мы не споримъ, что, организовавъ немедленно новый налогъ, мы могли-бы собрать вѣскольکو миліоновъ на надобности войны; но развѣ вопросъ только въ этомъ? Вопросъ не въ томъ, чтобы собрать деньги: наложите лишнихъ 10 коп. на душу,—а это сдѣлать вовсе не такъ трудно, — и при 80-ти-миліонномъ населеніи получится сразу 8 мил., которые гораздо больше пяти миліоновъ, обѣщаемыхъ московскимъ проектомъ. Значитъ, вопросъ не въ простотѣ, вопросъ въ томъ, чтобы налогъ явился хозяйственной мѣрой, и если это такъ, то мы-бы думали, что лучше не спѣшить и ужь, во всякомъ случаѣ, не предпринимать такого дѣла теперь-же въ декабрѣ, которое, можетъ быть, въ будущемъ декабрѣ придется пере-дѣлывать.

„Голосу“ очень нравится поразрядная подать и онъ ссылается на Пруссію. Но въ чемъ заключается нашъ московскій проектъ и въ чемъ заключается прусская классная подать, „Голось“ умалчиваетъ. Ему нравится только простота, а если это такъ, то зачѣмъ „Голось“ предлагаетъ московскую простоту, а не прусскую? Между ними есть разница, и разница эта прежде всего въ томъ, что прусская система вовсе не такъ проста, какъ проектъ московскій. Московскій проектъ предполагаетъ раздѣлить все населеніе на десять разрядовъ. Границы этихъ разрядовъ онъ устанавливаетъ довольно произвольныя и затѣмъ рѣшаетъ, что каждый разрядъ слѣдуетъ обложить слѣдующимъ налогомъ: первый разрядъ въ 1 руб.; второй — въ 1½ рубля; третій—въ 2 руб.; четвертый — въ 3 руб.; пятый — въ 10 руб.; шестой — въ 30 руб.; седьмой — въ 100 р.; восьмой—въ 300 руб.; девятый—въ 600 руб.; десятый — въ 1,200 руб.

Московскій проектъ, исходя изъ той-же осторожности, которую

ысказываетъ и „Голось“, т. е. изъ боязни „не раздражить плательщиковъ“, принялъ для низшихъ сословій, которыя и до сихъ поръ несли всѣ тягости налоговъ, такое-же отношеніе, какъ и въ Пруссіи. Для среднихъ-же и высшихъ сословій, которыя до сихъ поръ были избавлены отъ платежей, московская комісія проектировала *шесть* слѣдующихъ разрядовъ: — 10, 30, 100, 300, 600 и 1,200 рублей. Въ Пруссіи для тѣхъ-же сословій, по обложенію 1851 года, принято *тридцать* разрядовъ: 30, 36, 42, 48, 60, 72, 84, 96, 108, 120, 144, 180, 216, 288, 360, 480, 600, 720, 960, 1,200, 1,560, 1,920, 2,400, 3,000, 3,600, 4,200, 4,800, 5,400, 6,000, 7,200. Разрядъ, соотвѣтствующій нашему шестому, Пруссія начинаетъ втрое большимъ налогомъ, а ея послѣдній разрядъ платитъ въ шесть разъ больше нашего — значитъ, и въ этомъ отношеніи московскій упрощенный расчетъ далеко не похожъ на прусскій. И если „Голось“ и теперь такъ увѣренно говоритъ о „нынѣшнемъ патріотическомъ настроеніи нашихъ высшихъ классовъ, которые всѣ готовы къ жертвамъ, но въ жертвамъ сколько-нибудь правильнымъ“, то почему-же онъ ихъ патріотическому настроенію не предлагаетъ прусскаго расчета и не предложитъ первыя цифры платежей, соотвѣтствующихъ нашимъ разрядамъ? Мы думаемъ, что нашъ патріотизмъ не былъ-бы искушень требованіемъ подобной жертвы, и тѣ-же самые разряды, если только кромѣ простоты ничего не требуется, согласились-бы на такую дополнительную поправку: 30, 72, 144, 480, 1,560, 4,200.

Мы и тутъ дѣлаемъ уступку простотѣ и уступку тому, чтобы не вызвать „раздраженія“, котораго, казалось намъ, не могло-бы явиться, если несомнѣнно то патріотическое настроеніе классовъ, о которомъ говоритъ „Голось“. Тогда разряды, получили-бы такой видъ: 60, 120, 360, 1,200, 3,600, 7,200. Обращаясь только къ патріотическимъ чувствамъ и къ жертвамъ, „Голось“, конечно, не могъ-бы усмотрѣть въ этихъ цифрахъ никакой чрезмѣрности, ужъ только потому, что для другихъ нѣтъ ни времени, ни правила, ни закона. Чѣмъ она больше, тѣмъ она выше, тѣмъ она святѣе.

Но, съ другой стороны, неужели жертва была-бы такъ велика, что могла-бы возбудить неудовольствіе, какъ говоритъ „Голось“, и была-бы выше силъ жертвователей? Чтобъ отвѣтить на этотъ вопросъ, посмотримъ, какіе разряды будутъ платить, по московскому проекту, высшіе налоги. Высшіе привилегированные плательщики начинаются съ пятого разряда. Къ нему принадлежатъ собственники, владѣющіе такимъ недвижимымъ имуществомъ, которое обложено государственнымъ налогомъ отъ 25—100 руб. въ годъ; арендаторы, платящіе того-же налога свыше 100—300 рубл.; купцы

второй гильдіи; лица, состоящіа на частной и общественной службѣ, получающія свыше 1,000—2,000 руб.; наконецъ, лица, занимающія въ городѣ квартиру свыше 200—500 рублей. Эти лица, по московскому проекту, обязаны будутъ вносить только 10 руб. Въ Пруссіи лица, соответствующія этому классу, платятъ 30 талеровъ а доходы ихъ предполагаются только отъ 1,000—1,200 талеровъ. Каковъ-же весь расходъ этихъ лицъ и какъ можетъ быть труденъ для нихъ налогъ? Сдѣлаемъ расчетъ по цѣнѣ квартиры. У лицъ этого разряда расходы на квартиру составляютъ 19% ихъ общаго расхода; допуская для краткости 20% или лютую часть, мы увидимъ, что лица, платящія за квартиру въ годъ 500 р., проживаютъ не меньше 2,500 р. Слѣдовательно, не требуя даже никакой жертвы, можно было-бы съ такого состоятельнаго человѣка попросить взносъ вмѣсто 10—30 рублей. Къ шестому разряду, платящему по московскому проекту 30 р., приурочены, между прочимъ, лица, получающія жалованья свыше 2,000—4,000 р. и занимающія въ городѣ квартиры свыше 500—1,000 р. Мы-бы спросили безпристрастнаго читателя, можетъ-ли человѣкъ, проживающій 5,000 руб. въ годъ, удѣлнить совершенно нечувствительно 30 р. или-же съ него можно ожидать большей платы? Даже 100 р. московскій проектъ обязываетъ платить тѣхъ, кто получаетъ жалованья до 7,000 р. и платитъ за квартиру до 2,000 р. Что-же касается послѣдняго разряда, то къ нему причисляетъ проектъ тѣхъ, которыхъ состояніе и не сосчитаешь. Это лица, получающія болѣе 20,000 р. жалованья, нанимающія квартиру minimum 4,500 р., сюда-же принадлежатъ всякія компаніи на акціяхъ и всѣ миллионныя воротилы. Неужели какого-нибудь Губонина или Полякова, которые считаютъ свои доходы миллионами, можно сравнить съ приказчикомъ перваго разряда или съ купцомъ 2-й гильдіи, съ которыхъ „Голосъ“ хочетъ брать по 10 р.? Мы думаемъ, что и Губонинъ, и Поляковъ съ большей легкостью уплатили-бы 7,000 р., чѣмъ приказчикъ перваго разряда 10 р. Напомнимъ почтенному „Голосу“ еще и то, что желая ввести прусскую классную систему и вида въ ней высшій идеалъ, онъ не замѣтилъ, что въ этомъ высшемъ идеалѣ есть налогъ въ 7,200 р. И Пруссія беретъ его, не взывая ни къ какимъ жертвамъ, ни къ какому патріотическому воодушевленію, какъ это дѣлаетъ „Голосъ“, желая обложить нашихъ новыхъ будущихъ плательщиковъ десятирублевымъ налогомъ. Пруссія беретъ свои налоги совершенно спокойно, въ спокойную минуту, не играя ни въ какой государственный или общественный савтиментализмъ, вида въ налогъ одну государственную неизбѣжность. Въ оправданіе Пруссіи мы прибавимъ и слѣдующее обстоятельство: въ ней до 1851 г. была такъ-называемая чисто-классная подать, но съ 1851 г. она ввела

поправку въ свою податную систему и, оставивъ для низшихъ трехъ классовъ прежнюю подать, для остальныхъ классовъ, получающихъ болѣе 1,000 талеровъ въ годъ, установила подоходный классный налогъ. Конечно, классный налогъ Пруссіи есть налогъ сословный и въ первыхъ трехъ классахъ онъ есть собственно подоходный налогъ. Но, съ другой стороны, — и въ этомъ-то выражается прусская безпристрастность, — прусская система есть процентное обложеніе и она не мирволитъ никому. Мы скажемъ даже больше: прусская классная подать имѣетъ тенденцію прогрессивности. Это можетъ показаться страннымъ „Голосу“, который не только въ прогрессивномъ, но даже въ классномъ налогѣ видитъ нѣкоторую мечтательность, но мы представимъ „Голосу“ доказательство и онъ, конечно, убѣдится, что быть мечтателями способны даже положительные и неувлекающіеся пруссаки. По прусской классной подати, бобыль и поденщикъ изъ своего заработка въ 100 и до 150 тал. платятъ отъ 0,3 до 0,5%. Съ слѣдующихъ ближайшихъ берется отъ 2,3 до 2%, а затѣмъ лица, подлежащія классной подоходной подати, платятъ 3%. Въ этомъ есть математическая точность, чувствуется опредѣленная норма, а не такъ какъ у насъ, единственнымъ основаніемъ обложенія и по московскому проеѣту, и по мыслямъ „Голоса“, является боязнь „не раздражить плательщиковъ“. Все это мы говоримъ для того, чтобы показать „Голосу“ и его читателямъ, что прусская система вовсе не идеаль той первобытной простоты, которую хочется видѣть „Голосу“. Рекомендую эту систему Россіи, „Голосъ“ думаетъ, что для введенія ея не потребуются никакихъ знаній, никакой оцѣнки, никакого труда. Сочинилъ себѣ классы, а затѣмъ и бери съ каждаго, что назначено по табличкѣ.

Воображаемая „Голосомъ“ простота въ дѣйствительности не будетъ существовать ни при классной подати, ни при подоходной. Несмотря на кажущуюся простоту этого дѣла, первое введеніе у насъ классной подати, какъ первый опытъ подоходнаго обложенія всѣхъ сословій, встрѣтитъ очень большія трудности. Изъ словъ „Голоса“ можно заключить, что классная подать не представляетъ никакихъ „техническихъ затрудненій“ и такъ-же проста, какъ практическое исполненіе теперешней подушной подати: ходятъ по деревнямъ мужики съ бирками, стучать подъ окнами, требуютъ подати, подать вносится и дѣло кончено. Мы думаемъ, что если предположеніе „Голоса“ окажется осуществимымъ, т. е. что уже вывче въ декабрѣ земству будетъ поручено заняться раскладкой класснаго налога, то это совершится далеко не такъ просто, какъ думаетъ „Голосъ“. Съ чего-бы ни начало земство, ему нельзя будетъ вписать въ списокъ ни одного имени, не опредѣливъ, сколько

у этого имени въ карманахъ ежегоднаго дохода—отъ торговли-ли, отъ промысловъ-ли, отъ земли-ли—все равно. Значить оцѣнка неизбежна. Что-же нужно будетъ сдѣлать? Возьмемъ хоть опредѣленіе дохода съ земли. Существуютъ у земства какія-нибудь опредѣленные нормы оцѣнки? Нѣтъ, нормъ никакихъ не существуетъ. Самъ московскій проектъ говорить, что для раскладки по губерніямъ и областямъ поземельнаго налога нужно принять за основаніе статистическія свѣденія, вліяющія на доходность и производительность земли. И мы не знаемъ, есть-ли какая-нибудь другая возможность установить справедливое обложеніе, а тѣмъ болѣе у насъ. Нигдѣ въ мірѣ земля не несетъ такихъ тяжелыхъ налоговъ, какъ наша русская крестьянская земля. Быть можетъ, три четверти Россіи выплачиваютъ болѣе, чѣмъ даетъ земля дохода. Будь поземельная подать низка, всякая несправедливость ея обложенія чувствовалась-бы менѣе. Предлагаемый московскою комисією способъ подесятиннаго обложенія—способъ слишкомъ первобытный и практикуемый нынче только въ Турціи, которой мы, конечно, какъ образцомъ увлекаться не захотимъ. Будь Россія страной крошечной и не представляй она никакихъ особенностей въ разнообразіи и качествѣ своихъ почвъ; производи она вездѣ одинаковые хлѣба и вообще въ смыслѣ земледѣльческой культуры не представляй никакихъ рѣзкихъ различій, не говоря уже о различіи климатовъ,—можно-бы еще предлагать подесятинное обложеніе. Но какъ вы примирите архангельскую тундру съ южнымъ берегомъ Крыма, холодную глину петербургской губерніи съ волжскимъ черноземомъ или пинскія болота съ курской губерніей? Или раздѣлить Россію и въ смыслѣ почвъ на классы? Думаетъ-ли „Голосъ“, что это такъ просто и что всякое земство знаетъ, въ какомъ почвенномъ классѣ оно пребываетъ? Если-же земство этого не знаетъ, то кто-же создастъ для него норму, кто скажетъ каждой губерніи: „ты, молъ, принадлежишь къ такому-то разряду“? Или принять какія-нибудь огульныя нормы, раздѣливъ, напримѣръ, Россію на черноземную и нечерноземную, на лѣсистую и безлѣсную, и брать налогъ по четыремъ нормамъ? Въ такомъ случаѣ, зачѣмъ-же мы плачемся на наше дурное сельское хозяйство? Не будетъ-ли такая огульная система безразличнымъ смѣшиваніемъ всего въ одну кучу, не будетъ-ли при этомъ хорошо обработанная десятина платить столько-же, сколько платить дурно-обработанная? Не будутъ-ли неумѣстны при этомъ и наши воздыханія о томъ, что житница Европы превращается въ пустой хлѣбный амбаръ, въ которомъ скоро не будетъ ни зерна? И съ какой стати земледѣлецъ, на котораго мы теперь такъ нападаемъ за его невѣжество и за нежеланіе пользоваться средствами рациональнаго сельскаго хозяйства, будетъ

платить тѣмъ больше, чѣмъ хуже его земля? Не будетъ-ли это по-ходнымъ налогомъ, который „Голосъ“ считаетъ мечтательностью, но только въ обратномъ смыслѣ, и съ человѣка возьмутъ тѣмъ больше, чѣмъ онъ имѣетъ меньше? Не будетъ-ли это, наконецъ, еще новымъ стимуломъ къ заброшенности земледѣлія и новымъ побужденіемъ, чтобы искать подспорья и средствъ къ существованію въ чемъ-нибудь другомъ? Для насъ совершенно не ясно, какой простой нормой нужно руководствоваться, чтобы исполнить задачу, считаемую „Голосомъ“ очень простой. Если не принять подесащинной оцѣнки, которая послужитъ не больше, какъ премію въ пользу конечнаго пренебреженія земледѣліемъ, а взять другой существующій способъ оцѣнки—по валовому доходу, то и этотъ способъ едва-ли окажется простымъ. Валовой доходъ, такъ-же какъ и взиманіе налога по площади, не служитъ мѣриломъ податной силы. Положимъ, что вы и я получаемъ каждый съ своего участка земли по 200 р. валового дохода; вы, чтобы получить этотъ валовой доходъ, должны истратить 100 руб., а я рублей 25. Между тѣмъ и васъ, и меня могутъ обложить одинаковыми 30 рублями. Что-же окажется? У васъ возьмутъ 30 руб. изъ ста и останется 70 руб., у меня возьмутъ 30 руб. изъ 175 р. и останется 145 рублей. Конечно, вы постараетесь не тратить на свое сельское хозяйство столько, чтобы у васъ оставалось меньше половины валового дохода, и даже побоитесь всякаго возвышенія дохода, потому что онъ немедленно будетъ отобранъ „Голосомъ“ въ видѣ классной подати. Значитъ, и валовой доходъ, если-бы на немъ захотѣло остановиться земство, тоже не можетъ служить нормой оцѣнки. Что-же остается,—кадастръ? Но извѣстно, что дорого стоящій кадастръ ни во Франціи, ни у насъ не только не привелъ ни къ чему, но онъ и не можетъ изображать собою неподвижной оцѣнки. Съ каждой переменною доходности кадастръ теряетъ всякое значеніе и долженъ быть произведенъ вновь. Къ сожалѣнію, мы не имѣемъ цифръ расходовъ министерства государственныхъ имуществъ на нашъ кадастръ, тогда-бы читатель убѣдился, сколько времени и сколько денегъ ушло у насъ на это безрезультатное дѣло. Кадастръ еще и потому невозможенъ, что прежніе его выводы теперь непримѣнимы, а сдѣлать новый кадастръ въ декабрѣ мѣсяцѣ, въ который „Голосъ“ желаетъ, чтобы земство повончило съ классною податью, ужъ, конечно, очень мечтательно. Значитъ, что-же остается дѣлать и какимъ образомъ наше земство втеченіи одного декабря изобрѣтетъ нормы и составитъ расчеты всѣхъ раскладокъ, не имѣя въ рукахъ никакихъ точныхъ данныхъ?

Если мы говоримъ обо всемъ этомъ, то, конечно, только для того, чтобы показать, какъ дѣло, простое по мнѣнію „Голоса“, не

только не просто, а, напротивъ, на-столько сложно и важно, что остается только удивляться сангвинической поспѣшности солиднаго и неторопливаго „Голоса“. Мы, впрочемъ, не хотимъ увѣрять, что опредѣленіе оцѣночной нормы составляетъ совершенно непреодолимую трудность: мы говоримъ только о томъ, что простота классной подати, облюбованной „Голосомъ“, не можетъ обойтись безъ точныхъ оцѣнокъ, необходимыхъ и для подати подоходной. А если и для той, и для другой нужно преодолѣть одинаковыя трудности, при второй-же получится большая уравнительность и податная справедливость, то ясно, въ какую сторону долженъ склониться выборъ.

Подоходному налогу мы придаемъ еще и потому особенное значеніе, что введеніе новой системы налога имѣеть у насъ важность не для одного государственнаго казначейства. Значеніе податной реформы гораздо глубже и шире. Если-бъ она была нужна только для полученія какихъ-нибудь лишнихъ восьми миліоновъ рублей, то она не привлекла-бы къ себѣ такого всеобщаго вниманія, какъ нынче. Возьмите любую газету: каждая говоритъ только о необходимости введенія новаго налога и о привлеченіи къ платежамъ всѣхъ сословій. Нѣкоторыя газеты, какъ, напримѣръ, „Финансовое Обозрѣніе“, до того прогрессируютъ, что не желаютъ ни прусскаго класснаго налога, ни англійскаго подоходнаго, а проповѣдуютъ французскую систему, — систему на-столько усложненную, при которой англійскій подоходный налогъ является идеаломъ самой упрощенной простоты. Эта система, которую у насъ желало-бы ввести „Финансовое Обозрѣніе“, заключается въ томъ, чтобы каждому самостоятельному доходу соответствовала особый налогъ, построенный на принципѣ подоходности, и чтобы ни одинъ доходъ не оставался свободнымъ отъ обложенія, такъ чтобы всѣ доходы облагались прямо пропорціонально суммѣ жизненныхъ удобствъ, доставляемыхъ ими владѣльцу. Только наиболѣе скромные голоса раздаются нынче въ пользу подоходнаго налога, а въ пользу классной подати высказался одинъ „Голосъ“. И если-бы онъ высказывался въ пользу теперешней прусской подати, а то онъ высказывается въ пользу московскаго проекта. Московскій-же проектъ взятъ за основаніе первый опытъ прусскаго обложенія, сдѣланный въ 1820 году, или ровно за 57 лѣтъ назадъ. Ну, почему-бы намъ отодвигаться на пол-столѣтія назадъ? Вѣдь не возьмемъ-же мы для образца прусскія ружья того времени, прусскія понятія того времени, прусскія знанія того времени. По какой-же логикѣ намъ слѣдуетъ взять финансовую систему того времени?

Преобразование податной системы имѣеть для насъ одно значеніе, и, какъ мы уже сказали, значеніе въ смыслѣ народно-государственнаго хозяйства. Что-бы ни говорилось о нашей земледѣль-

ческой отсталости, о томъ, что съ рынковъ Европы насъ вытѣснятъ Америка и Турція, Молдавія и Венгрія, что для экономическаго преуспѣянія намъ необходимо развитіе промышленности и техническихъ знаній, Россія еще на-долго, очень на-долго останется страной чисто земледѣльческою. Конечно, очень желательно, чтобы наши фабрики не уступали ни въ чемъ англійскимъ, чтобы успѣшность труда нашего рабочаго равнялась-бы успѣшности труда англійскаго рабочаго и чтобы балансъ нашей заграничной торговли былъ бы выгоднѣе настоящаго. Но такъ-какъ всѣ наши пожеланія успѣхамъ развитія будутъ только тогда не мечтательны, когда мы будемъ держаться практической почвы и будемъ идти послѣдовательнымъ шагомъ, то истинно-практическимъ и успѣшнымъ путемъ будетъ для насъ тотъ, при которомъ мы прежде всего обратимъ вниманіе на возможность русской почвы производить выгодно сырье и на возможность русскаго сельскаго хозяйства давать доходъ. Вѣдь у насъ 60,000,000 изъ 80,000,000 живутъ только землею, они живутъ ею вѣка, и пока до сихъ поръ не умѣютъ жить никакимъ другимъ средствомъ. Періодъ промышленнаго развитія, въ который вступила Европа, для насъ пока отдаленная мечта. И куда намъ вступать въ періодъ промышленности, когда у насъ не только нѣтъ капиталовъ для того необходимыхъ, но когда мы не умѣемъ даже производить порядочнаго сырья! Земледѣльскій періодъ поэтому останется еще на-долго нашимъ настоящимъ, а промышленный періодъ мы приблизимъ къ себѣ лишь тѣми благопріятными условіями, которыя создадимъ для нашего земледѣлія и для нашего земледѣльца. Преобразование податной системы есть именно первый шагъ къ тому, чтобы поставить наше земледѣліе и нашего земледѣльца, какъ производителя сырья, въ условія наиболѣе благопріятныя для развитія его производительныхъ силъ. Равенство въ обложеніи податей, какъ и равенство въ рекрутской повинности, какъ и равенство въ юридическихъ правахъ, созданное Положеніемъ 19 февраля, имѣютъ всѣ одну цѣль, — цѣль, которая можетъ быть оцѣнена не моральными или идеальными принципами, а чисто-экономическою выгодностью. Поэтому обращенія къ „Голосу“ къ патріотическимъ чувствамъ въ такихъ экономическихъ вопросахъ, какъ вопросъ податной, мы не придаемъ никакого существеннаго значенія. Мы думаемъ, что проведеніе принципа податнаго равенства съ такою безпощадностью, какъ это дѣлаетъ московскій проектъ, скорѣе можетъ мѣшать, чѣмъ содѣйствовать цѣли. Налоги имѣютъ дѣло съ реальными вещами, съ осязаемыми богатствами и съ живыми людьми. Принципъ-же безусловнаго равенства есть принципъ отвлеченный, который менѣе всего можетъ быть примѣняемъ

къ земледѣлію. По принципу безусловнаго равенства, московскій проектъ и сочувствующій ему „Голось“ желаютъ обложить налогомъ каждую десятину земли. Этотъ принципъ, встрѣчая на своемъ пути богатое барское имѣніе съ парками и садами, съ оранжереями и охотничьими дворами, облагаетъ ихъ поземельной подагью, а поклонники отвлеченнаго равенства рукоплещутъ и ликуютъ. Для нихъ ясно, что московскій проектъ и „Голось“ хотятъ заставить трудиться богатую праздность и наказатъ ее за то, что землю, которая должна давать хлѣбъ, она превращаетъ въ предметъ удовольствія. Отвлеченный принципъ ликуетъ, видя въ этой мѣрѣ принудительный приемъ, чтобы заставить богатую праздность передать землю, неприносящую ей ничего, въ руки тѣхъ, у кого она дастъ доходъ. Но вотъ совѣмъ въ другомъ мѣстѣ и совѣмъ въ другомъ углу Россіи, гдѣ-нибудь на далекомъ сѣверѣ, лежатъ пустопорожнія земли,—все равно, принадлежащія крестьянамъ или другимъ владѣльцамъ,—но земли, которыя не даютъ имъ никакого дохода, лѣса, которые славятъ некуда, и сокровища, погруженныя въ такія нѣдра, откуда ихъ не вытащишь. Будеть-ли податной справедливостью облагать владѣльцевъ подобныхъ пустырей и что выиграетъ русская земледѣльческая производительность, если налогъ ляжетъ на физическую невозможность извлеченія дохода? Московскій-же проектъ, рекомендуемый „Голосомъ“, это-то именно и дѣлаетъ. Отъ поразряднаго налога онъ освобождаетъ тѣхъ, кто не можетъ работать и у кого нѣтъ дохода, а отъ поземельнаго онъ не освобождаетъ никого, не освобождаетъ даже бобылей, хотя-бы надѣлъ не давалъ имъ ничего. Безпочадность, съ которой московскій проектъ относится къ землѣ, именно и составляетъ самую слабую его сторону.

Мы повторимъ еще разъ, что преобразование податной системы можетъ имѣть только одну цѣль и цѣль эта заключается въ томъ, чтобы поднять производительныя средства и силы земледѣльца и поставитъ русское земледѣліе въ условія болѣе благоприятныя, чѣмъ теперешнія. Новая податная система должна быть не фискальной мѣрой, какъ это думаетъ „Голось“ и московскій проектъ; она должна быть мѣрой возвышенія уровня народнаго хозяйства. Все остальное явится само собою неизбѣжнымъ послѣдствіемъ увеличившагося народнаго богатства. Если-же русское земледѣліе и производитель сырья не очутятся въ лучшемъ положеніи, никакіе паліативы не помогутъ: народъ останется бѣденъ по-старому, а съ нимъ будетъ бѣдно по-старому и государство. Смѣшно читать мудрыя предостереженія и предусмотрительныя замѣчанія, встрѣчающіяся въ печати. Такъ въ одной газетѣ мы читаемъ, что еще осенью прошлаго года, когда былъ от-

данъ приказъ о мобилизаціи части нашей арміи, наши землевладѣльцы должны были взвѣсить послѣдствія этой мѣры. Они, говорить газета, должны были знать, что война отвлечетъ много рукъ, и замѣнить выбывшихъ рабочихъ другими. Землевладѣльцы должны были закупить машины; они должны были законтрактовать заранѣе работниковъ, и такъ-какъ они ничего этого не сдѣлали во-время, то имъ и приходится теперь довольствоваться женщинами и стариками. Скажите, какъ все это просто! Да будь наше сельское хозяйство сильно, неужели вы думаете, что оно не выдержало-бы войны, какой хотите? А теперь, когда земледѣлецъ отдастъ почти повсюду весь свой земельный доходъ, а землевладѣльцы не меньше тридцати процентовъ, мѣстами-же и больше, какое сельское хозяйство удержитъ равновѣсіе, когда оно виситъ на волоскѣ и самаго ничтожнаго толчка достаточно, чтобы оно сорвалось? И вотъ приходится придумывать разныя подспорья и искать вѣчной поддержки въ кредитѣ да въ ссудахъ, да въ займахъ и залогахъ. Вѣчно нуждающійся въ деньгахъ сельскій хозяинъ долженъ 'будетъ по необходимости торопиться продажей хлѣба—и для податей, и для прожитка. А что значитъ эта торопливость, вызванная безденежемъ, мы выяснимъ слѣдующимъ фактомъ. Осень для русской деревни вовсе не такое красивое время, какъ увѣряетъ пословица, гласящая, что „осенью и у воробья пиво“. Можетъ быть, только у воробья оно и есть. Осень—это время скупщиковъ и кулаковъ. Крестьянинъ, нуждающійся въ деньгахъ, продаетъ четверть овса за полтора рубля, и каждый Антошка-хриstopродавецъ приберегаетъ затѣмъ скупленный имъ овесъ къ веснѣ, зная, что во время посѣва онъ продастъ его тому-же мужику за 6 рублей. И чтобы спасти земледѣльца отъ Антошки-хриstopродавца, устроили для народа ссудо-сберегательныя кассы, а мужикъ все-таки, по-прежнему, покупаетъ весною четверть овса по 6 рублей или платитъ по 50%, занимая деньги на покупку сѣмянъ.

„С. Петербургскія Вѣдомости“, сочувствуя положенію, въ которомъ находятся нынче землевладѣльцы, предлагаютъ открыть для нихъ кредитъ подъ залогъ хлѣба. И, какъ-бы отвѣчая этому воззванію, государственный банкъ разрѣшилъ въ херсонской и харьковской губ. подобныя ссуды. Неужели эта мѣра хоть на волосокъ поможетъ теперешнему затруднительному положенію земледѣльца? Представьте только въ общихъ чертахъ сущность механизма подобнаго залога и вы поймете его невозможность. Отдѣленіе банка, открывшее свои сундуки для русскаго земледѣлія, помѣщается въ губернскомъ городѣ, а земледѣлецъ или землевладѣлецъ живетъ за 300, 400, 500, 1,000 верстъ. Какія существуютъ средства, чтобы доставить ему свой хлѣбъ въ городъ, когда

повсюду только бездорожница? Ну а если-бы всё нуждающіеся вдумали везти свой хлѣбъ въ городъ, развѣ это не вышло-бы вавилонскимъ столпотвореніемъ? Предположите, что земледѣльцы будутъ дѣйствительно непредусмотрительны и длинные обозы ихъ направлятся къ Харькову или Одессѣ. Куда банкъ помѣститъ всё эти транспорты, когда нѣтъ у него помѣщеній для хлѣба и имѣть ихъ невозможно, или банкъ будетъ давать подъ залогъ, не трогая хлѣба съ мѣста? Но гдѣ ручательство, что владѣлецъ хлѣба не продастъ его или позаботится о томъ, чтобы хлѣбъ не испортился? Мысль „Петербургскихъ Вѣдомостей“; конечно, очень доброжелательная; къ готовности банка помочь южнымъ хозяевамъ тоже нельзя отнестись иначе, какъ съ благодарностію, но видѣть во всемъ этомъ что-нибудь дѣйствительно практическое невозможно и помощь къ нашему земледѣлію придетъ, конечно, не этимъ путемъ. Надобно, чтобы оно окрѣпло на собственныхъ ногахъ, а для этого есть только одно средство.—чтобы оно встало на собственные ноги. Поэтому-то нельзя не сочувствовать тому дружному заявленію, которое сдѣлала теперь вся русская печать, указывающая на необходимость пракческаго осуществленія стоящей на очереди податной реформы. Но чтобы введеніе новой податной системы принесло именно тѣ результаты, которыхъ желаетъ печать, мы видимъ единственную возможность лишь въ томъ, чтобы прежде всего забылся окончательно московскій проектъ, на который ссылается „Голосъ“. Не утопическія или мечтательныя причины заставляютъ насъ говорить это, а то, что московскій проектъ приноситъ наше сельское хозяйство и земледѣіе въ жертву и хочетъ снова сдѣлать его тѣмъ-же козломъ отпущенія, каковымъ оно было 1,000 лѣтъ. Если-бы мысль „Голоса“ оказалась осуществленной, то проектируемая имъ система сдѣлалась-бы лишь простымъ привлеченіемъ къ платежамъ новыхъ плательщиковъ и имѣла-бы исключительно фискальное значеніе, но отнюдь не народно-хозяйственное. Денегъ въ государственномъ казначействѣ неоспоримо прибавилось-бы, но только не прибавилось-бы ихъ у перваго производителя, и всё великія чаянія нашего земледѣльца и его обремененной земли оказались-бы безплоднымъ воплемъ о помощи, котораго не поняла даже впечатлительная и чуткая къ слезамъ печать. Поэтому мы хотѣли-бы думать, что статья „Голоса“, противъ которой мы писали свое возраженіе, больше ничего, какъ поспѣшность ежедневной газеты, и что если для разрѣшенія податного вопроса наступитъ очередь, то факты, засвидѣтельствованные высочайше утвержденной комисіей для изслѣдованія сельскаго хозяйства, послужатъ матеріаломъ для разрѣшенія совсѣмъ не въ томъ направленіи, какое указываетъ „Голосъ“.

Н. И.

КАЛЕЙДОСКОПЪ.

(Литературныя и общественныя замѣтки.)

Умніе въ рядахъ нашихъ шовинистовъ. — „Это не я, это Петръ Ивановичъ!“ — Потухшая „всемирная свѣча“ „Отечественныхъ Записокъ“. — Князь А. И. Васильчиковъ, бодрствующій на стражѣ славянофильскихъ идей. — Самаринская теорія объ нашей исконной враждѣ съ Западомъ. — Существуетъ ли подлинно такая вражда? — Мистическое значеніе русской общины. — Почему европейскій пролетарій не стремится въ нашу обѣтованную землю? — Междоусобная война въ нашей журналистикѣ. — Походъ „Отечественныхъ Записокъ“ противъ „Сѣвернаго Вѣстника“. — Походъ г. Полетикова противъ г. Суворина. — Битва князя Крапоткина и профессора Фойницкаго съ непокорными директорами здѣшняго тюремнаго комитета. — Злосчастная судьба пріюта арестантскихъ дѣтей. — Ростовщикъ-педагогъ. — Ученая прогулка казанскихъ археологовъ и недоумивіе туземнаго плебса. — Ода мѣстнаго стихотворца и наша реплика ему.

Въ началѣ апрѣля, до объявленія войны, одинъ изъ нашихъ журнальныхъ шовинистовъ, всѣхъ пламеннѣе стремившійся въ Константинополь, всѣхъ необузданнѣе ругавшійся и титуловавшій „туркофиломъ“ всякаго, кто не раздѣлялъ его помысловъ, — писалъ въ крайнемъ огорченіи: „И до сихъ поръ мы еще не знаемъ: вошемъ-ли мы или нѣтъ? Есть люди, которые готовы вѣрить, что все еще можетъ перемѣниться, какъ по мановенію волшебнаго жезла, что Турція можетъ вдругъ остановиться и сказать: я на все готова, я всѣ реформы введу, я разоружусь—ну, руку! и будемъ жить въ мирѣ и согласіи. И мы спрячемъ свои знамена въ чехлы и разойдемся по домамъ, восхваляя бога мира, которому такъ усердно молились. Кто знаетъ, можетъ быть, на этихъ дняхъ, вмѣсто наступленія впередъ и пушечныхъ выстрѣловъ, мы увидимъ голубя въ чашѣ и съ масляничнымъ чубукомъ мира во рту... Мы передъ Европою такъ стали бить себя по щекамъ, что лучшіе

европейскіе органы (?) сочли своимъ долгомъ замѣтить намъ, что это, наконецъ, неприлично, что мы безъ толку преувеличиваемъ свои раны. Рождалось мнѣніе, что Турція лучше насъ, что ужъ хорошо-ли мы дѣлаемъ, что возстаемъ на Турцію, что восточный вопросъ больно такъ-ли ужъ важенъ, чтобъ стоило ломать изъ-за него копья. Въ Петербургѣ, разумѣется, это мнѣніе наиболѣе нашло себѣ приверженцевъ, ибо Петербургъ всегда склоненъ шататься и играть въ «глубокомысліе» и пр., и пр. («Новое Время», № 399.) Рѣшительно: барыня требуетъ весь туалетъ! Ни-ни, ни чуточки, ни минуты отерочки, ни секунды размышленія! Вынимай знамена, играй побѣдный маршъ и шествуй безъ оглядки впередъ... à Constantinople! Кто сомнѣвается въ неотложности борьбы, тотъ бьетъ самъ себя по щекамъ, кто стоитъ за миръ, тотъ надѣваетъ чалму, кто толкуетъ о неготовности къ войнѣ, о дурномъ положеніи финансовъ, о нашей экономической и нравственной бѣдности, которой не къ лицу братья за разрѣшеніе міровыхъ вопросовъ, за облагодѣтельство чужихъ земель, — тотъ, значитъ, «шатается и играетъ въ «глубокомысліе»».

Что за возмутительная игра въ безстыдство, что за противное поддѣсьиваніе изъ-подъ забора, что за неряшливое обращеніе съ печатнымъ словомъ! Даже Булгаринъ былъ менѣе развязанъ въ своихъ полемическихъ приемахъ, даже онъ поколебался-бы такъ безцеремонно затыкать ротъ несогласному съ нимъ убѣжденію. Безстыдство всегда трусливо, и какъ только вѣтеръ подулъ въ другую сторону, оно сейчасъ-же водружаетъ новое знамя, а старое прячетъ, до времени, на чердакъ. Не успѣли мы еще стать твердою ногою въ Балканахъ, не успѣли взять Плевну, не говоря уже о первоклассныхъ крѣпостяхъ, вродѣ Рущука и Шумлы, а «Новое Время» затянуло уже иную пѣсню... Оказалось, что и вооруженіе-то наше плохо, и продовольственная часть никуда не годится, и санитаровъ мало, и генераловъ-то хорошихъ нѣтъ. Въ довершеніе бѣды, солдаты наши, посмотрѣвъ на зажиточность болгарскихъ крестьянъ, стали недоумѣвать: отъ какой напасти при-шли мы освобождать этихъ «братьевъ», когда русскій мужикъ, да-же въ хлѣбородныхъ и многоземельныхъ губерніяхъ, во снѣ не видалъ такого благосостоянія? Но, спрашивается, зачѣмъ-же вы, г. Суворизъ, ничего этого не зная, не понимая и не предвидя, такъ торопились вынимать знамена изъ чехловъ? Вотъ вы такъ ужъ, дѣйствительно, сами себя теперь хлещете по щекамъ, и ни-кто, конечно, не станетъ васъ воздерживать отъ такого достой-наго возмездія. Совершенно растерявшись, «Новое Время» приня-лось даже увѣрять насъ, что война и тѣмъ, молю, хороша, что приподнята занавѣсъ, за которымъ прятались наши собственные

недостатки, наши внутреннія неурядицы, и теперь ихъ легче поправить, потому что онѣ сдѣлались извѣстны, и діагнозисъ произведенъ имъ самый тщательный... Скажите, какая новость! Стало быть, вы вовсе не о разрушеніи Турціи хлопотали? Но кто-же, кромѣ васъ, не зналъ этихъ неурядицъ? Кто, съ умысломъ, закрывалъ на нихъ глаза? И почему для изобличенія вашего спеціальнаго невѣжества нужно было непременно „вынимать знамена изъ чехловъ?“ Недоумѣваемъ.

Словомъ, войнолюбіе уступило мѣсто крайнему разочарованію, и въ нашемъ обществѣ, также какъ и въ журналистикѣ, разыгрывается во-очію сцена изъ „Ревизора“, въ которой Бобчинскій и Добчинскій,—эти „сороки короткохвостыя“, по энергическому выраженію городничаго,—стараются другъ на друга свалить „открытие“ ревизора... „Нѣтъ, это не я, это Петръ Ивановичъ!“ отчаянно вопіютъ они, махая руками. Г. Суворинъ оповѣстилъ на всю Россію, въ своемъ письмѣ изъ Горнаго Студеня, что даже князь Черкасскій, „начальникъ гражданскаго управленія въ Болгаріи“, и тотъ утверждаетъ, что былъ противъ войны, считая ее преждевременной, и что за это онъ чуть не разсорился съ своими друзьями, кричавшими, подобно самому г. Суворину, о необходимости скорѣе отслужить благодарственный молебень въ храмъ св. Софіи. Не знаемъ, право: вѣрить или не вѣрить г. Суворину? Но если сказаніе его правдиво, то князь Черкасскій можетъ похвастаться своею прозорливостью, а друзьямъ его („ахъ эти мнѣ друзья, друзья!“ сказалъ еще нѣкогда Пушкинъ) да будетъ стыдно, также какъ и г. Суворину. Погасла и „всемирная свѣчка“, зажженная въ прошломъ году „Отечественными Записками“ за освобожденіе балканскихъ славянъ,—свѣчка, которая, какъ мы думали, претендовала въ этомъ журналѣ на роль неугасимой лампы. И погасла эта свѣчка не сама собою, за недостаткомъ питательнаго матеріала, но потушила ее недавно грубая рука какого-то „иностранца“, якобы тридцать лѣтъ прожившаго въ Россіи и, наконецъ, надумавшагося, *post factum*, разъяснить намъ, что балканскимъ славянамъ вовсе не такъ худо живется, какъ вообразили себѣ чувствительныя московскія просвирни, и что можно было повременить войною за ихъ освобожденіе. Г. иностранецъ опасается даже, чтобы эта война не повела, вмѣсто освобожденія, къ совершенному истребленію болгаръ, которыхъ, пожалуй, не останется и „на сѣмена“ къ тому времени, когда г. Аксаковъ закажетъ благодарственный молебень съ литією въ Константинополь... Изъ всѣхъ показаній корреспондентовъ, говоритъ онъ, — нетрудно понять, что войною за освобожденіе славянъ создано въ Турціи такое положеніе, которое дѣлаетъ взаимную истребительную борь-

бу между магометанскимъ и христіанскимъ населеніемъ — неизбѣжною. Нѣкоторые корреспонденты говорятъ, что нельзя слишкомъ строго судить болгаръ за ихъ жестокости противъ турокъ. Получивъ оружіе отъ русскихъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, возможность распоряжаться съ своими вѣковыми врагами, они (болгары) не могутъ удержаться, чтобы не сорвать сердца надъ турками, какъ скоро представляется къ тому случай. Положимъ, такъ; положимъ, что съ животной точки зрѣнія это очень естественно; но съ этой точки зрѣнія еще болѣе естественно то озлобленіе, которое возбуждается подобными дѣйствіями со стороны болгаръ въ туркахъ. Какъ могутъ турки — эта втеченіи вѣковъ господствовавшая надъ славянами раса, — не свирѣпѣть и не неистовствовать, видя, какъ вчерашніе ихъ рабы, болгары, сдѣлались не только скрытыми ихъ измѣнниками, предателями, союзниками русскихъ, но и осмѣливаются открыто поднимать на нихъ руку? Напрасно звѣрства турокъ во время настоящей войны хотятъ объяснить ихъ природною жестокостью и низкимъ уровнемъ ихъ общественнаго развитія. Примѣры звѣрства въ случаѣ открытаго возстанія бывшихъ подданныхъ, въ случаѣ ихъ тайной измѣны, въ случаѣ даже только подозрѣнія этой измѣны, мы встрѣчаемъ въ самыхъ образованныхъ націяхъ. Припомните крестьянскія войны въ Германіи, возстанія крестьянъ въ Англіи. Припомните, что дѣлали съ синаями англичане. Припомните положеніе ни въ чемъ неповинныхъ, а только подозрѣваемыхъ нѣмцевъ въ Парижѣ во время франко-прусской войны“. Далѣе г. иностранецъ, въ примѣръ того, какъ легко всякая народная масса раздражается до неистовства, коль скоро она подозрѣваетъ въ какихъ-нибудь тайныхъ подвохахъ инородцевъ, живущихъ среди нея, приводитъ разсказъ корреспондента „Сѣвернаго Вѣстника“ о повальномъ избіеніи всѣхъ евреевъ въ Кіевѣ только за то, что нѣкоторые изъ нихъ, избѣгая призыва въ ополченіе, переписались въ различные участки бесарабской губерніи, гдѣ, какъ извѣстно, ополченцы избавлены отъ призыва. „Представьте-же себѣ теперь, восклицаетъ иностранецъ, — что евреи навели-бы на богоспасаемый Кіевъ, положимъ, хоть австрійцевъ и поляковъ. служили-бы имъ лазутчиками и шпионами — этого мало: подъ защитою приведеннаго ими войска стали-бы открыто нападать на русскихъ, убивать, грабить, жечь ихъ дома. Чтò бы тогда сдѣлали съ еврейскимъ племенемъ граждане города Кіева? Подумайте объ этомъ внимательно и потомъ рѣшайте: на-сколько можно приписывать природному жестокосердію или крайней неразвитости турокъ тѣ жестокости, которыя они учиняютъ надъ болгарами въ нынѣшнюю войну“. Что же касается турецкаго управленія въ мирное время, финансовыхъ и административныхъ порядковъ, гос-

подствовавшихъ въ Болгаріи до тѣхъ поръ, пока она вела себя покорно и не поднимала открытаго бунта, то на этотъ счетъ г. иностранецъ владаетъ даже въ трогательную идеализацію, серьезно рекомендуя всей Европѣ (а не однимъ только намъ) взять рецептъ у Митхада-паши, какъ можно возвести народъ на степень „самаго цвѣтущаго матеріальнаго благосостоянія“. Положимъ, что Европѣ позднею уже брать уроки финансовой и политической мудрости у бывшаго турецкаго визиря, который самъ старался, елико возможно, долицетворить въ себѣ типъ худшаго „европейскаго администратора“, и если не успѣлъ разорить въ конецъ Болгарію, то только потому, что не пользовался полною свободою въ дѣйствіяхъ; положимъ, что г. иностранецъ, научившись этой восточной премудрости, слишкомъ самоувѣренно провозглашаетъ, что „нелегальные поборы (даже съ ятаганомъ въ рукѣ) нисколько не ослабляютъ народнаго благосостоянія“; но нѣкоторый пафосъ и нѣкоторое преувеличеніе въ хорошую сторону весьма понятны и извинительны у прозелитовъ турецкаго режима, еще такъ недавно затепливавшихъ „всмірныя свѣчи“ и поднимавшихъ всю Европу на брань съ невѣрными... Читатели „Отечественныхъ Записокъ“, вѣроятно, не забыли еще, что г. Черняевъ именовался въ этомъ журналѣ „благопотребнымъ мужемъ“, обнажившимъ свой мечъ въ самую, что ни на есть, благопотребную минуту; они, можетъ быть, помнятъ и то, что „внутренній обозрѣватель“ журнала собирался даже самъ „вскинуть ружье на плеча“ (то-то молодость! то-то неопытность!) и идти сражаться подъ знаменемъ гг. Черяева и Хлудова, — этихъ новѣйшихъ Пересвѣта и Ослиаби. Судьбѣ угодно было сохранить драгоцѣнную жизнь внутренняго обозрѣвателя, не допустивъ его до такого рискованнаго шага, какъ прогулка на дьюнишскія высоты; но кто могъ-бы предвидѣть, что пылкому юношѣ придется черезъ годъ терпѣть рядомъ съ собою, въ одномъ журналѣ, присутствіе строгаго изобличителя своихъ славянскихъ увлеченій? Мы думаемъ, что такая перспектива ужаснѣе для юнаго сердца, чѣмъ самая смерть подъ турецкою саблею! Кто-нибудь одинъ изъ двухъ—или „иностранецъ“, или „внутренній обозрѣватель“—несомнѣнно долженъ будетъ распрощаться съ редакціей „Отечественныхъ Записокъ“, если только въ этой почтенной редакціи не происходитъ, по временамъ, чудесное превращеніе иностранцевъ во внутреннихъ обозрѣвателей, а внутреннихъ обозрѣвателей—въ иностранцевъ...

Въ то время, какъ наши отечественные Бобчинскіе торжественно, на всѣхъ стогнахъ, отпираются отъ своихъ словъ и тычутъ пальцами другъ на друга, восклицая въ перемежку: „это вы!“ „нѣтъ, это не я!“ „у васъ зубъ со свистомъ!“ „а у васъ тетка съ

уланомъ сбѣжала“ и пр., и пр.,—въ это самое время, тревожное и измѣнительное, приятно видѣть рыцаря, твердо стоящаго на стражѣ славянофильскихъ идей, которымъ мы одолжены, между прочимъ, заварившейся теперь кашей и въ литературѣ, и въ общественной жизни. Рыцарь Тогенбургъ, пламенѣющій любовью къ таинственной и никому невѣдомой красавицѣ (въ данномъ случаѣ — „славянской цивилизаціи“), конечно, являетъ собою довольно плачевный образъ; но этотъ образъ, несмотря на свои комическія черты, все-таки сносите „сороки короткохвостой“, которая трещитъ намъ въ уши о томъ, о семъ, воображая, что ея сорочья трескотня можетъ быть интересна и для человѣческой публики, а не для одного лишь птичьаго кагала.

Такимъ вѣрнымъ послѣдователемъ славянофильской традиціи выступилъ недавно князь А. И. Васильчиковъ, который, принявъ бразды правленія въ здѣшнемъ славянскомъ комитетѣ, счелъ нужнымъ изложить публично, въ одномъ изъ засѣданій комитета, свою profession de foi. Объ этой исповѣди мы намѣрены поговорить съ нѣкоторою подробностью, такъ-какъ славянофильство, и „пестрое“ (т. е. дѣлающее уступки европейскимъ понятіямъ), и „чистокровное“ (коснѣющее во всѣхъ традиціяхъ Хомякова, Кирѣевскаго и К. Аксакова), не встрѣчая почти нигдѣ серьезнаго отпора, начинаетъ забирать у насъ вліяніе, отъ котораго мы не ждемъ никакихъ особенныхъ благъ.

„Виды, цѣли и вообще значеніе славянскаго дѣла, такъ началъ свою рѣчь князь Васильчиковъ, — были, по сіе время, для большей части образованныхъ людей, не только въ чужихъ странахъ, но и въ самой Россіи нѣсколько темны и сбывчивы, и отъ этого часто происходили недоразумѣнія.“ Чтобы устранить эти недоразумѣнія и внести свѣтъ въ затуманенныя головы (для начала это довольно безпристрастно, такъ-какъ ясная сама по себѣ теорія не можетъ произвести путаницы въ умахъ), князь Васильчиковъ и взялъ на себя трудъ пересмотрѣть „полное собраніе законовъ“ славянофильскаго лагеря и извлечь оттуда дѣйствующій кодексъ, обязательный для всѣхъ, приемиющихъ это ученіе. Посмотримъ, что изъ этого вышло.

Въ славянскомъ дѣлѣ, по мнѣнію кн. Васильчикова, — нужно различать двѣ стороны. Одна, очень популярная, доступная всѣмъ, способна воодушевлять и увлекать народныя массы: это—состраданіе къ бѣдствіямъ, терпимымъ единокровными и единовѣрными славянами. Но это только одна сторона вопроса. Если-бъ вести политику по народнымъ симпатіямъ и антипатіямъ, то пришлось-бы перестроить весь государственный бытъ всѣхъ частей свѣта. Поэтому нельзя ссылаться исключительно на религіозныя и ва-

ціональныя сочувствія, а надо разъяснить и другую сторону вопроса. Но эта „другая сторона“ и составляет до сихъ поръ камень преткновенія даже для самихъ апостоловъ славянофильства; тѣмъ болѣе, многіе изъ людей образованнаго класса недоумѣваютъ: откуда происходитъ и куда направляется то, что принято называть славянскимъ дѣломъ? „Одни, по словамъ оратора, — спрашивали, во-первыхъ, какаѣ-же опасности угрожаютъ россійской имперіи оттого, что нѣкоторая часть славянъ находится подъ властію другихъ державъ; во-вторыхъ, допуская чувства единовѣрія, единоплеменности, человѣколюбія и пр., они сомнѣвались: могутъ-ли эти соображенія вызвать Россію къ вооруженному вмѣшательству или заставить ее изъ своихъ скудныхъ матеріальныхъ и нравственныхъ средствъ удѣлять еще другимъ племенамъ образовательныя силы, въ которыхъ она сама крайне нуждается; однимъ словомъ, имѣемъ-ли мы въ восточномъ вопросѣ такіе кровныя, существенныя интересы, которые, независимо отъ сочувствія, гуманности и пр., побуждали-бы насъ дѣйствовать на свой страхъ и рискъ?“ Въ этихъ сомнѣніяхъ, какъ думаетъ князь Васильчиковъ, есть много правильныхъ основаній: вообще трудно допустить, чтобы какое-либо правительство или какаѣ-либо партія, приписывающая себѣ значеніе народной патріотической партіи, имѣла-бы право призывать народъ на защиту такихъ интересовъ, которые не касаются его непосредственно; войны, столь часто опустошавшія разныя страны въ видахъ политическихъ и завоевательныхъ или для поддержанія могущества государства и славы оружія, приносили вообще мало пользы самимъ народамъ, и на платоническихъ чувствахъ любви, сочувствія и пр. едва-ли можно основать прочныя международныя союзы.

Казалось-бы, что возраженія, приводимыя кн. Васильчиковымъ, на-столько сильны, что можно съ ними вполне согласиться, на крайней мѣрѣ, въ той долѣ, которая касается вопроса о неотложности военнаго вмѣшательства; но ораторъ не унываетъ и надѣется побороть ихъ, призвавъ себѣ на помощь свои послѣднія бесѣды съ покойнымъ Самаринымъ, изъ которыхъ, будто-бы, и вытекаетъ настоящій, вѣрный взглядъ на славянское дѣло. У славянскихъ племенъ, изволите видѣть, общая черта — преобладаніе осѣдлаго, хозяйственнаго быта, крестьянскаго элемента, владѣющаго землею, въ противоположность западно-европейскому помѣстному быту, при которомъ крестьянинъ является батракомъ. Во всѣхъ славянскихъ земляхъ, кромѣ великороссійскаго края, два элемента — крестьянскій и помѣстный, изъ которыхъ послѣдній былъ, большею частію, элементомъ пришлымъ и завоевательнымъ, вступили между собою въ борьбу, отъ Литвы до Босніи, отъ Эльбы до Днѣпра. Эта борьба

окончилась полнымъ экономическимъ порабощеніемъ крестьянства. Великоросійскій-же край, незнавшій этой борьбы съ ея прискорбными послѣдствіями, остался до сихъ поръ лучшимъ образцомъ крестьянскаго быта, въ сравненіи съ прочими славянскими землями, въ томъ отношеніи, что крестьянство сохранило за собой право на землю и общественное, мірское самоуправленіе. Это-то и составляетъ главную опору того вліянія, которымъ мы пользуемся. Иноземные славяне видятъ въ Россіи страну, гдѣ главная масса жителей живетъ осѣдло, домовито, гдѣ помѣстное сословіе исповѣдуетъ ту-же вѣру, говоритъ тѣмъ-же языкомъ, какъ и большинство народа, гдѣ надѣляютъ землею поровну отцовъ и дѣтей, — и эти порядки кажутся имъ лучшими. Но и этими натянутыми соображеніями все-таки нельзя еще оправдать необходимости вынуть мечъ изъ ноженъ для пропаганды наилучшаго поземельнаго устройства, и князь Васильчиковъ выдвигаетъ изъ своего арсенала старую, ржавую пушку, стрѣляющую намеками и попреками насчетъ исконной вражды, будто-бы питаемой гнилымъ Западомъ противъ славянскаго міра. Мы переступили уже давно предѣлы великоросійской національности и на западныхъ нашихъ границахъ встрѣтились лицомъ къ лицу съ прирожденными, злыми врагами. Нашъ общественный строй противенъ духу, стремленіямъ, интересамъ культурныхъ слоевъ Запада: общинное владѣніе, земельный надѣлъ, крестьянское самоуправленіе—это все такіе порядки, съ которыми не могутъ помириться высшія сословія чужихъ краевъ. Поэтому Европа стремится подавить славянство, завладѣть его территорією и, успѣшно сдѣлавъ это, получить возможность вліять и на Россію, если не прямо войною, то политической и религіозною проповѣдью. Греко-россійское исповѣданіе есть столпъ славянства, и Европа подкапывается подъ него, но, кромѣ того, она пытается вредить намъ и въ свѣтскихъ вопросахъ—„даже среди мира, въ совѣтахъ и совѣщаніяхъ, въ дѣлѣ нашего внутренняго устройства“, — пытается обезличить нашъ народъ и создать такого рода клерикализмъ, который проникалъ-бы въ нѣдра домашней и семейной жизни. Итакъ, будемъ бороться за славянство противъ цѣлой Европы!

Вотъ и вся сущность славянофильскаго ученія, сжатая въ нѣсколько краткихъ, но выразительныхъ апофегмъ, удобныхъ для общественной пропаганды.

Не трудно, однако, замѣтить, что все это, претендующее на стройность, логическое зданіе построено, такъ-сказать, „на песцѣ“, и стоитъ только дунуть на этотъ карточный домикъ, чтобы онъ сейчасъ-же опрокинулся вверхъ дномъ. Это тѣмъ легче сдѣлать, что орудія разрушенія находятся подъ рукою — въ собственной рѣчи

князя Васильчикова, который привелъ очень сильныя возраженія противъ мечтательной и платонической политики, но нисколько не опровергъ ихъ своею дальнѣйшею аргументаціею. Въ самомъ дѣлѣ, какая-же опасность угрожаетъ собственно намъ, собственно русскому государству или русскому племени, оттого, что западные и южные славяне находятся подъ властію Австріи, Пруссіи и Турціи, и нужно-ли намъ вооруженною рукою вмѣшиваться въ славянскія дѣла, вызывая на бой чуть не полсвѣта? На-столько-ли мы сильны въ военномъ отношеніи и такъ-ли богаты духомъ, чтобы, во-первыхъ, побѣдить трехъ названныхъ противниковъ, а, во-вторыхъ, облагодѣтельствовать славянъ новымъ и лучшимъ общественнымъ строемъ? Но вѣдь за этими тремя противниками (изъ которыхъ съ двумя первыми мы сами дѣлились славянскими областями), насъ встрѣтитъ грудью, по увѣренію князя Васильчикова, и вся остальная Европа, такъ что бой затѣвается тутъ не на животъ, а на смерть, и притомъ безъ всякаго шанса выигрыша для славянъ, которые могутъ быть окончательно раздавлены въ этомъ звѣрски-стихійномъ столеновеніи. Въ виду такой прямой и очевидной опасности, на которую наталкиваетъ насъ воинствующее славянофильство,—что значать тѣ выдуманнные страхи, которыми хочеть запугать насъ князь Васильчиковъ, утверждая, что Европа спитъ и видитъ, какъ-бы половчѣе покуситься ей на какой-то паладіумъ нашего національнаго величія?! Да и что именно въ паладіумѣ возбуждаетъ такую смертную зависть Европы? Наше греко-россійское исповѣданіе, кажется, стоитъ очень твердо, и едва-ли кто-нибудь изъ образованныхъ европейцевъ обнаруживаетъ намѣреніе пошатнуть этотъ столпъ славянства... Такое намѣреніе было-бы совершенно бесплодно уже потому, что чехи, напр., и при своемъ католицизмѣ, вовсе не думаютъ отказываться отъ славянскихъ симпатій, и даже именно духовенство ихъ весьма усердно отстаиваетъ свою національную самобытность. Ясно, что причина движенія кроется тутъ не въ вѣроисповѣданіи, а въ чемъ-то другомъ, отстоящемъ на равномъ разстояніи какъ отъ католицизма, такъ и отъ православія. Къ тому-же западная Европа, по крайней мѣрѣ, въ лицѣ своихъ лучшихъ представителей въ политикѣ и литературѣ, такъ удалилась уже отъ конфесіональныхъ распрей, что, конечно, не двинется на насъ походомъ ради внесенія частицы „filioque“ въ нашъ символъ вѣры. Пускай г. Аксаковъ увѣщеваетъ чешскихъ вождей обратиться на правую стезю, пускай грозитъ имъ отлученіемъ отъ общеславянскаго семейнаго очага,—они едва-ли послушаются его, а Европа развѣ только снисходительно улыбнется надъ этими запоздалыми увѣщаніями и угрозами. Гусъ, конечно, былъ великій человекъ, но зачѣмъ-же

по этому случаю стулья-то ломать, зачѣмъ увѣрять довольно твердыхъ въ своей исторіи чеховъ, что главная заслуга Гуса заключалась въ его мнимомъ возвращеніи на лоно православія? Вѣдь у чеховъ есть свой національный историкъ — Палацкій, который имѣлъ возможность изучить гуситское движеніе по самымъ точнымъ документамъ, который, подобно всѣмъ чехамъ, благоговѣлъ предъ личностью Гуса, но... тѣмъ не менѣе до конца дней своихъ оставался вѣрнымъ сыномъ католической церкви. Значить, не Европа, а сама славянофильская братія, ревнуя о единствѣ и солидарности соплеменниковъ, возжигаетъ между ними новую религиозную распрю, вдобавокъ къ тѣмъ старымъ раздорахъ и счетамъ, которые спокойнѣе вѣковъ раздѣляютъ славянскую семью и, помимо всякихъ европейскихъ вліяній, мѣшаютъ ея развитію и благосостоянію.

За изытіемъ религіознаго вопроса изъ того паладіума, на который будто-бы покушается западная Европа, зависть къ намъ возбуждена еще образцовымъ устройствомъ нашего поземельнаго быта: общиннымъ землевладѣніемъ, выборной крестьянской администраціей и отсутствіемъ вражды между помѣстнымъ и земледѣльческимъ классами населенія. Эта зависть, по мнѣнію кн. Васильчикова, такъ сильна, что съ нами никогда „не могутъ помириться высшія сословія Европы“; иноземные-же славяне видятъ въ нашихъ деревняхъ и селахъ какой-то новый эдемпъ, куда и стремятся всѣми своими желаніями и помысленіями. Во всѣхъ этихъ разсужденіяхъ, которыя повторяются, какъ аксіомы, славянофилами разныхъ отѣнковъ, есть очень немного правды и много преувеличеній, есть ложка меду и бочка дегтю. Что наше общинное устройство гарантируетъ намъ, до нѣкоторой степени, отъ развитія пролетаріата (хотя количество безземельныхъ крестьянъ плодится и у насъ годъ отъ году)—это, пожалуй, можно допустить, съ нѣкоторыми оговорками, для настоящаго времени, то-есть для такого времени, когда свободныхъ земель имѣется еще достаточно для надѣла большинства нуждающихся и когда самое населеніе не разрослось еще до той густоты, какой оно давно достигло уже въ западной Европѣ. Съ переменною этихъ обстоятельствъ, а также съ неизбѣжнымъ развитіемъ фабричной промышленности, находящейся у насъ пока въ зародышѣ, нашей сельской общинѣ предстоитъ серьезное испытаніе, послѣ котораго только и можно будетъ говорить объ ея устойчивости и выставлять ее передъ Европою, какъ нѣкій талисманъ, имѣющій избавить насъ отъ всѣхъ бѣдъ и напастей. Дѣло въ томъ, что подобный порядокъ землевладѣнія существовалъ нѣкогда и въ Европѣ, но, несмотря на свои теоретическія достоинства, онъ не выдержалъ пробы времени

и снесенъ прочь развитіемъ политической жизни. Можетъ быть, это очень худо, можетъ быть, Европа обязана этому обстоятельству многими своими смутами и шатаніями, но историческій фактъ на лицо: та доля развитія личности, культуры и политической свободы, которую выработала себѣ западная Европа, соединяется въ исторіи съ упадкомъ общиннаго хозяйства и съ замѣною его хозяйствомъ личнымъ. Французскій крестьянинъ, напр., ни за что не поступится своимъ клочкомъ земли: право это онъ взялъ себѣ съ бою и отдастъ его не иначе, какъ тоже съ бою. Удастся ли намъ обойти, миновать тотъ круговоротъ развитія, въ которомъ Европа потеряла свою земельную общину, но приобрѣла, въ то-же время, кое-что другое,—это вопросъ еще очень спорный, и господа славянофилы напрасно торопятся отвѣчать на него въ утвердительномъ смыслѣ, обнадеживая насъ, что авось, молъ. Господь пронесетъ мимо этого подводнаго камня. Конечно, великъ Богъ земли русской, но нельзя-же забывать, что даже и теперь, при обилии незаселенныхъ пространствъ, у насъ появился уже, какъ мы сказали, типъ безземельнаго крестьянина, что цѣлыя волости, скудно надѣленные землею, хлопчутъ о переселеніи (благо есть еще куда перебраться, не выходя изъ предѣловъ Россіи) и что вышняя община не удовлетворяетъ уже всѣхъ мало-мальски зажиточныхъ крестьянъ своимъ фискальнымъ прикрѣпленіемъ народа къ землѣ. А это еще только цвѣточки, ягоды впереди, и хотя мы искренно желаемъ, чтобы наша община развивалась и совершенствовалась въ уровень съ требованіями времени, не измѣняя своему основному началу, но предсказывать навѣрняка такое безмятежное развитіе не беремся... Пусть ужъ такими прорицаніями занимается, на досугѣ отъ комерческихъ дѣлъ, г. Аксаковъ съ братією!

Кромѣ того, восхваляя нашу сельскую общину и тыча ею въ носъ „гнилому Западу“, славянофилы поступаютъ слишкомъ опрометчиво и въ томъ отношеніи, что забываютъ совершенно о существованіи другихъ потребностей въ развитомъ обществѣ,—потребностей, неисчерпываемыхъ однимъ избавленіемъ отъ голодной смерти. Не о хлѣбѣ единомъ живъ будетъ человѣкъ, и если-бы развитому европейцу предложили на выборъ: вполнѣ обезпеченный земельный надѣлъ въ калмыцкихъ улусахъ или хорошую заработную плату на англійской фабрикѣ, то онъ, можетъ быть, сознательно предпочелъ-бы положеніе пролетарія. Поэтому мы очень сомнѣваемся, чтобы низшіе классы въ западной Европѣ, хотя-бы и недовольные своимъ положеніемъ, взирали на наши неоглядныя степи, какъ на нѣкоторую обѣтованную землю, и чтобы они стремились, даже въ душѣ, заселить ихъ. Факты говорятъ проти-

воположное: европейскіе переселенцы направляются не къ намъ, а въ Америку: саратовскіе-же колонисты, весьма достаточно надѣленные землею, покинули свои давно-насиженные мѣста не изъ опасности умереть съ голоду. Даже братья-славяне, и тѣ не особенно охотно переселялись къ намъ изъ-подъ гнета своихъ помѣстныхъ владѣльцевъ, хотя мы и заманивали ихъ разными широкими льготами. Притомъ-же наши собственные помѣстные владѣльцы, принадлежавшіе къ одному племени съ земледѣльческимъ классомъ и исповѣдывавшіе одну съ нимъ вѣру, едва-ли превосходили своимъ гуманнымъ обращеніемъ, въ крѣпостное время, владѣльцевъ завоевательной расы.

Затѣмъ стоитъ-ли говорить о той якобы систематической враждѣ, которую питаетъ Европа ко всякому нашему доброму дѣлу и начинанію, о тѣхъ коварныхъ подвохахъ, къ которымъ будто-бы прибѣгаетъ она, чтобы затормозить грандіозное шествіе русскаго прогресса и подѣйствовать зловредно на наше „внутреннее устройство“. Эти фразы только потому и пускаются нынѣ въ ходъ, что ихъ перестали опровергать. Европейскому влиянію обязаны мы всѣмъ царствованіемъ Петра Великаго и лучшими годами Екатерины II и Александра I; европейскіе-же передовые мыслители привѣтствовали освобожденіе русскихъ крестьянъ съ землею и введеніе у насъ гласнаго суда, уставъ котораго и выработывался на основаніи европейскихъ образцовъ. Можно думать, что и на будущее время намъ придется еще многимъ позаимствоваться у Европы. Славянофильское-же направленіе, по большей части, сказывалось у насъ мракобѣсіемъ, крѣпостничествомъ и политическою отсталостію. Послѣдователь французскихъ энциклопедистовъ, Радищевъ, первый, громко и смѣло, заговорилъ о несчастномъ положеніи крѣпостныхъ крестьянъ, а поклонники „Домостроя“ всѣ горой стояли за сохраненіе крѣпостнаго права, вида въ немъ священное наслѣдіе вѣковъ и наилучшій оплотъ нашего національнаго развитія. Если-же въ сороковыхъ годахъ наши славянофилы стали играть въ оппозицію и заговорили другимъ языкомъ о крѣпостномъ правѣ, то это показываетъ только, что время и для нихъ не прошло даромъ, и они успѣли вкусить европейскаго образованія на-столько, что имъ совѣстно стало защищать безправное состояніе народной массы. Но во всѣхъ другихъ вопросахъ они остались такими-же заскоруждыми обскурантами, каковыми были ихъ предшественники во времена Шишкова. Но-прежнему, они сурово нападали на „развитіе личности“, какъ-будто, въ самомъ дѣлѣ, для этой личности уже открытъ былъ на Руси необычайный, зловредный для общественныхъ интересовъ просторъ; по-прежнему, изгоняли изъ науки начало свободной критики, замѣ-

няя его рабскимъ преклоненіемъ предъ авторитетами; по-прежнему, идеализировали старозавѣтную бытовую обстановку съ ея враждебнымъ отношеніемъ ко всякому новшеству. Петровская реформа все еще стаповилась имъ всѣмъ поперегъ горла.

Этими соображеніями мы не думаемъ приговаривать славянъ къ лишенію національной самобытности и отнюдь не желаемъ сказать, чтобы они не могли внести какихъ-нибудь своихъ, новыхъ элементовъ въ развитіе европейской цивилизаціи. Но мы протестуемъ противъ той вызывающей, высокомерной осанки, которую наши славянолюбцы позволяютъ себѣ принимать въ отношеніи къ старѣйшей и испытанной цивилизаціи, на томъ лишь основаніи, что мы, дескать, новые силы, призванныя наследовать дряхлой Европѣ. Во-первыхъ, самое наследство еще не открылось, и Европа лучше насъ сознаетъ свои неудачи, громче насъ заявляетъ о нихъ и энергично заботится объ ихъ исцѣленіи, такъ-что смертный часъ ея не можетъ быть опредѣленъ даже и съ приближительной точностью; во-вторыхъ, приготавливаясь вступить въ права наследства, мы должны-бы, по малой мѣрѣ, составить подробную опись наследуемому имуществу и не швырять въ печку, заодно съ негоднымъ хламомъ, и цѣнныя вещи, которыя пригодились-бы юнымъ наследникамъ въ ихъ домашнемъ обиходѣ. Всего-же умнѣе было-бы, не загадывая о будущемъ, съ его медовыми рѣками, и не смѣшивая возможности съ фактической дѣйствительностью, выбиться поскорѣе изъ севернаго настоящаго, хотя-бы съ помощью тѣхъ средствъ, которыя сама западная Европа радушно предлагаетъ въ распоряженіе славянъ. Посмотрите на венгерцевъ: они сумѣли уже всего добиться отъ габсбургскаго дома, а наши братья-чехи все еще не могутъ столковаться о томъ, посылать имъ или не посылать своихъ депутатовъ въ австрійскій рейхстагъ, и все ждутъ чудесъ отъ своей „пассивной оппозиціи“, воображая, что политическая свобода спрятана въ старой шапкѣ Юрія Подѣбрада и не сегодня, такъ завтра выскочитъ оттуда совсѣмъ готовая. А между тѣмъ національное ихъ движеніе, когда-то весьма сильное, все гаснетъ да гаснетъ; кружковыя распри, выступая на первый планъ, заслоняютъ общіе, крупныя вопросы, и нѣмецкій языкъ, потихоньку да полегоньку, вытѣсняетъ языкъ чешскій... Вотъ такъ-то и всегда происходило въ славянской исторіи, — и на кого-же сѣтовать, кого винить въ той странной роли „казанскихъ сиротъ“, которая выпала исключительно на долю славянъ? Всѣ-то ихъ обижаютъ, тѣснятъ, не даютъ имъ простора, всѣ покушаются на ихъ національное добро, а и всего-то добра у нихъ пока — одна преувеличенная надежда на будущее.

Что-же касается специально нашей роли, участія Россіи

въ славянскомъ движеніи, то мы думаемъ, что намъ вовсе не слѣдъ развѣртывать панславистское знамя, которое суютъ намъ въ руки мистики-націоналисты, придумавшіе антитезу „европейской“ и „славянской“ цивилизаціи. Съ этимъ знаменемъ мы наживемъ себѣ много новыхъ хлопотъ, истощимъ безплодно наши финансовыя ресурсы, едва удовлетворяющіе ближайшимъ потребностямъ нашего внутренняго развитія, и, ослабивъ себя, лишимся возможности содѣйствовать славянамъ даже нравственнымъ авторитетомъ сильнаго государства.

Военный пылъ заразителенъ. Съ полей битвы онъ перенесся уже и на мирныя стогна россійской журналистики, скромно и тихо курлыкавшей „про умъ Молчалина, про душу Скалозуба“. Молчалины и Скалозубы вдругъ приободрились, опоясали свои чресла мечами и выступили въ походъ, оглашая воздухъ грозными криками... Воюютъ они съ туркой, позорятъ Англію, конфузятъ Австрію, но прежде всего и больше всего раздраютъ свои собственные внутренности. Полстика (или Полетика, какъ онъ сталъ, съ недавняго времени, величать себя ради генеалогической точности), истыкавъ поле своихъ „Биржевыхъ Вѣдомостей“ земными поклонами въ честь „Отечественныхъ Записокъ“, почувствовалъ потребность вознаграждать себя за прежнее раболѣпство и ожесточенно вцѣпился въ г. Суворина; хроникеръ „Отечественныхъ Записокъ“, — тотъ самый, который не успѣлъ „вскинуть ружья“ на защиту Сербіи, — палитъ теперь изъ этого ружья, холостыми зарядами, въ рецензента „Сѣвернаго Вѣстника“. И тотъ, и другой, т. е. и хроникеръ, и г. Полетика, въ азартѣ междоусобной брани, рѣшительно не замѣтили, какую комическую окраску получили при этомъ ихъ собственные воинственныя фигуры.

Рецензентъ „Сѣвернаго Вѣстника“ совершилъ, въ самомъ дѣлѣ, нѣсколько тяжкихъ преступленій: онъ осмѣлился сказать, что „Отечественныя Записки“ болѣе сильны по части беллетристики, чѣмъ по части науки и политики, что онѣ даже свысока третируютъ, какъ тринъ-траву, всю европейскую науку и цивилизацію, едва-ли имѣя объ этой тринъ-травѣ сколько-нибудь удовлетворительное понятіе; онъ дерзнулъ также утверждать, что въ своихъ разсужденіяхъ о славянскомъ вопросѣ вся русская пресса, въ томъ числѣ и „Отечественныя Записки“, ничего не сумѣла выразить, кромѣ теплоты чувствъ и значительной наклонности къ туманному славянофильскому мистицизму, для котораго весь этотъ вопросъ исчерпывается одними племенными симпатіями весьма сомнительнаго качества. Съ своей стороны, рецензентъ сдѣлалъ по-

пытку — перенести вопросъ съ національной и племенной почвы на почву экономическую, совершенно упущенную изъ виду какъ чистокровными, такъ и пестрыми славянофилами. „Наши западники и славянофилы, говоритъ онъ, — занимались болѣе возвышенными проявленіями народной жизни, пѣснями, эпопеями и пр., а не такими пустяками, какъ экономическіе счеты“, между тѣмъ какъ настоящая задача славянства состоитъ „не въ восстановленіи мурмолокъ, не въ всесвѣтномъ торжествѣ кирилицы, но въ уничтоженіи преградъ къ его собственному экономическому развитію и открытію затѣмъ свободнаго пути цивилизаціи къ азіятской территоріи“.

И Боже мой, какъ раздражился хроникеръ „Отечествен. Записокъ“ изъ-за этихъ, очень скромныхъ и сдержанныхъ замѣчаній! Самъ Иванъ Ивановичъ Перерепенко, несмотря на всю свою щекотливость въ личныхъ отношеніяхъ, не оскорблялся такъ прозвищемъ „гусака“. Прежде всего хроникеръ заявилъ, что въ таинственныхъ буквахъ, поставленныхъ подъ рецензію, онъ прозрѣваетъ какую-то ненавистную ему личность стараго журнальнаго врага, поклявшася будто-бы по гробъ жизни вредить „Отечественнымъ Запискамъ“; при этомъ хроникеръ, уподобляя газетный отзывъ преступному „покушенію [на чужую собственность“, грозитъ раскрыть анонимъ рецензента (?!), во имя, такъ-сказать, общественной безопасности. Продолженіе этой полемики, по своимъ нравственнымъ качествамъ, вполне соотвѣтствуетъ ея безпримѣрному началу: всѣ газетные рецензенты обзываются продажными людьми, которыхъ можно подкупить если не прямо деньгами, то другими путями и средствами, въ частности-же, рецензентъ „Сѣвернаго Вѣстника“, вмѣстѣ съ редакторомъ этой газеты, г. Коршемъ, осыпаются такою грубою и пошлою бранью, что мы не хотимъ даже воспроизводить ее на этихъ страницахъ. Только одни славянофилы, которыхъ хроникеръ беретъ подъ свою обязательную защиту, фигурируютъ въ качествѣ разумныхъ мыслителей, такъ-какъ они не однѣми, моля, пѣснями занимались, но и всѣ экономическіе и политическіе вопросы прекрасно себѣ усвоили. Рецензентъ „Сѣвернаго Вѣстника“, конечно, можетъ быть очень польщенъ такимъ вниманіемъ: нѣсколькихъ строкъ его, какъ оказывается, было достаточно, чтобы взволновать и свести съума редакцію „Отечественныхъ Записокъ“; онъ еще болѣе можетъ ликовать и смѣяться теперь, когда въ томъ-же самомъ журналѣ, черезъ одну его книжку, появилась статья, убѣдительно доказывающая, до какой степени лживости и невѣжества доходила у насъ славянофильская пропаганда, дѣйствительно ничего невидѣвшая дальше мурмолокъ и кирилицы. Но публика негодуетъ и вправѣ

негодовать на то, что ее угостили, подъ видомъ обсуждения литературно-политическихъ вопросовъ, безнабашною руганью, вполне достойною какихъ-нибудь задворковъ мелкой прессы. Забавное уже перестаетъ быть забавнымъ и дѣлается просто невыносимымъ и отвратительнымъ, когда мы вспомнимъ, что этими вздорными дрязгами живетъ и дышетъ даже та часть русской журналистики, которая, кажется, могла бы сохранить хоть ничтожную дозу нравственной порядочности и добрыхъ традицій! Г. хроникеръ невольно заставляетъ насъ догадываться, что то лицо, въ которомъ онъ нынѣ видитъ своего злѣйшаго врага, принадлежало не такъ давно къ числу его друзей и единомышленниковъ, что они работали вмѣстѣ въ одномъ журналѣ, пользовавшемся громкою репутаціею, работали въ лучшіе годы своей жизни, когда ихъ помыслы не поглощались однимъ четвертакомъ и литературные взгляды не обуславливались расчетами на журнальную подписку. Кто изъ нихъ былъ правъ, кто виноватъ въ этой распрѣ, мы не будемъ разбирать теперь, но намъ кажется, что ради уваженія къ себѣ, къ публикѣ, къ литературѣ вообще, имъ не слѣдовало бы выносить этой распри на всенародное торжище, не слѣдовало бы топтать въ прязнь лучшія убѣжденія и вѣрованія своей молодости, чтобы получить въ награду презрительную улыбку зрителей, очень довольныхъ тѣмъ, что журнальные проповѣдники и руководители оказались, по своему развитію, не выше уличныхъ гаменовъ. Еще постыднѣе разжигать старую и уже забытую исторію, чтобы доставить себѣ удовольствіе одного лишняго попрека и новаго, крѣпкаго словечка, по адресу недавняго друга и сотоварища...

Въ виду такого примѣра, у насъ уже не поворачивается языкъ строго осуждать гг. Полетику и Суворина за ихъ печатное объясненіе другъ съ другомъ. Г. Полетика (Полетыка—тожь) къ литературѣ никогда не принадлежалъ, убѣжденій своихъ никогда не имѣлъ, но сколачивалъ себѣ состояніе на чууно-литейномъ заводѣ, весьма мало заботясь какъ объ своей репутаціи, такъ и объ общественныхъ интересахъ. Въ журналистику онъ попалъ уже въ то печальное время, когда доступъ въ нее былъ открытъ всѣмъ и каждому, начиная отъ кабатчиковъ и закладчиковъ, и кончая крупными промышленниками, задумавшими промышленять и печатнымъ станкомъ. Понятно, что г. Полетика самъ не разумѣетъ своихъ писаній, упрекая г. Суворина въ томъ, что онъ былъ „грязненькимъ нигилистомъ за чужою спиною“ (это, между прочимъ, за спиною самого г. Полетики!); понятно, что и г. Суворинъ, сотрудничая въ „Биржевыхъ Вѣдомостяхъ“, по его словамъ, „выучился только одному—презирать г. Полетику“. Такія милыя отношенія нынче уже не въ диковину, и тутъ, право, не разберешь, кто

лучше: редакторъ-ли, который, посидѣвъ въ Барнаулѣ въ помойной ямѣ, во время бунта заводскихъ рабочихъ, попадаетъ вслѣдъ затѣмъ въ „руководители общественнаго мнѣнія“, или сотрудникъ, который, отлично зная все это, не гнушается, однако, принять работу въ газетѣ, отдающей букетомъ помойной ямы?! Кажется, что оба хуже.

Междоусобная брань кипитъ и въ здѣшнемъ тюремномъ комитетѣ, и ей перипетіями наполнялись, втеченіи двухъ-трехъ мѣсяцевъ, почти всѣ петербургскія и московскія газеты. Въ настоящее время эта брань, съ удаленіемъ предсѣдателя тюремнаго комитета, пришла къ своему вождельному концу и ея прискорбные итоги исполнѣ выяснились для публики.

Около года тому назадъ въ канцеляріи комитета оказались разные беспорядки по денежной части, и для изслѣдованія этихъ беспорядковъ назначена была, изъ среды директоровъ комитета, особая комисія подъ предсѣдательствомъ г. Ивана Фойницкаго, довольно извѣстнаго юриста, автора диссертаци: „Воровство-мошенничество по русскому праву“. Выборъ г. Фойницкаго, вѣроятно, и основывался на томъ, что ему, какъ специалисту по воровству-мошенничеству, скорѣе другихъ можно было добраться до источника злоупотребленій въ комитетской канцеляріи. Но специалистъ не оправдалъ своей репутаци, и въ комисіи возникли разногласія, которыя до сихъ поръ остались неразмощрѣнными ни въ общемъ собраніи тюремнаго комитета, ни въ окружномъ судѣ. Г. Фойницкій отнесъ къ „легкомыслію“ и „стремительности“ (?) дѣлопроизводителя канцеляріи такіе поступки, которые, по мнѣнію другихъ членовъ комисіи (гг. Хартулари и Брянчанинова), должны были-бы получить совсѣмъ иное объясненіе. Съ этого-то времени и начались между директорами тюремнаго комитета, съ одной стороны, и предсѣдателемъ комитета—съ другой, взаимныя пререканія и неудовольствія, которыя дошли, наконецъ, до того, что предсѣдатель комитета (кн. Крапоткинъ), для того, чтобы отдѣлаться отъ своихъ враговъ и изобличителей, пустилъ въ ходъ небывалый еще въ исторіи комитета приемъ, а именно сталъ ходатайствовать предъ г. президентомъ попечительнаго о тюрьмахъ общества объ исключеніи изъ числа директоровъ г. Никитина — одного изъ главныхъ обвинителей комитетской канцеляріи, по докладу котораго и возбуждено было самое дѣло о беспорядкахъ. (Замѣтка „Сѣвернаго Вѣстника“ по этому поводу была уже перепечатана нами въ сентябрьской книжкѣ „Дѣла“). Натурально, что г. президентъ наотрѣзъ отказалъ въ ходатайствѣ кн. Крапоткина; но до

„Дѣло“, № 10, 1877 г.

полученія этого отвѣта въ одномъ изъ засѣданій комитета произошло очень бурная сцена, въ которой кн. Крапоткинъ, при содѣйствіи г. Фойницкаго, „приглашалъ“ г. Никитина удалиться изъ залы, а г. Никитинъ, поддержанный въ своемъ правѣ преосвященнымъ Варлаамомъ, вице-президентомъ комитета, и директоромъ А. П. Пятковскимъ, не изъявлялъ ни малѣйшаго желанія подчиниться такому любезному „приглашенію“.

Право г. Никитина присутствовать въ засѣданіяхъ тюремнаго комитета теперь уже подтверждено г. президентомъ попечительнаго о тюрьмахъ общества, и, стало быть, вопросъ о „личномъ достоинствѣ“ директорвъ комитета, подвергавшихся незаконному нападенію со стороны г. предсѣдателя,—разрѣшенъ въ удовлетворительномъ смыслѣ. Можно надѣяться, что вмѣстѣ съ тѣмъ и самое дѣло о злоупотребленіяхъ не заглухнетъ въ комитетѣ, но дождется своего гласнаго разсмотрѣнія, которое, въ особенности теперь, послѣ всѣхъ возбужденныхъ толковъ, рѣшительно необходимо въ интересахъ самого комитета. Также необходимо комитету заняться повнимательнѣе судьбою „пріюта арестантскихъ дѣтей мужского пола“. Этотъ пріютъ, прежде вызывавшій къ себѣ большое сочувствіе общества, попалъ нынче въ такія руки, изъ которыхъ его надо освободить какъ можно скорѣе. Достаточно сказать, что пріютъ управляется г. Эйхгольцемъ, который до сихъ поръ былъ извѣстенъ всему Петербургу, какъ ростовщикъ, но никогда и ничѣмъ не заявлялъ своихъ педагогическихъ познаній и способностей. Ростовщикъ въ званіи педагога! да вѣдь это злая насмѣшка надъ несчастными дѣтьми, ввѣренными его надзору и руководству. Мудрено-ли, что и результатъ вышелъ достойный этихъ вѣжныхъ попеченій. „Много было говорено, пишутъ въ газетѣ „Новости“, — по поводу перевода пріюта арестантскихъ дѣтей-мальчиковъ въ купленный тюремнымъ комитетомъ, по инициативѣ его предсѣдателя, князя А. И. Крапоткина, негодный домъ, который обошелся болѣе, чѣмъ въ 18,000 р., и о произведенной княземъ Крапоткинымъ перемѣнѣ въ личномъ составѣ управленія пріюта (т. е. о назначеніи г. Эйхгольца вмѣсто уѣзжавшаго въ отпускъ А. П. Пятковскаго.) Теперь намъ сообщаютъ изъ достойнаго источника печальные результаты посѣщнаго и радикальнаго измѣненія положенія пріюта. Мальчики жалуются посѣтителямъ на обращеніе съ ними ихъ надзирателей; многіе изъ нихъ страдаютъ чесоткою вслѣдствіе того, что они цѣлое лѣто спали на грязномъ, сыромъ полу; трехлѣтняго мальчика Петю почти ежедневно наказывали въ коридорѣ подъ лѣстницею (вѣдь это ужъ настоящее избиеніе младенцевъ!). Мало того: дѣтямъ будто-бы объявили, что директоръ пріюта г. Эйхголецъ устроитъ карцеръ и по-

зводитъ ихъ съч. Однимъ словомъ, этотъ чистенькій нѣкогда во всѣхъ отношеніяхъ и прекрасный пріютъ втеченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ сдѣлался положительно неузнаваемъ“.

„Сѣверный Вѣстникъ“ сообщаетъ, что г. Пятковскій, уже возвратившійся изъ отпуска, протестовалъ въ тюремномъ комитетѣ противъ педагогическихъ опытовъ г. Эйхгольца, и намъ хотѣлось-бы думать, что этотъ протестъ принесетъ пользу бѣднымъ малюткамъ. Покуда-же мы посвятимъ обоимъ прославленнымъ дѣятелямъ тюремнаго комитета, и г. Фойницкому, и г. Эйхгольцу, нижеслѣдующія стихотворенія:

ИВАНУ ФОЙНИЦКОМУ.

(Автору диссертациі о воровствѣ-мошенничествѣ.)

Углубясь въ воровскія дѣянія,
Изучивши всѣ плутни до ниточки,—
Обнаружилъ ты мало старанія
Намъ раскрыть комитета убыточки.
Не „привлекъ“ ты виновника бѣдствія,
Но ему изыскалъ оправданія,—
Ты, поборникъ „формальнаго“ слѣдствія
И такого-же точно каранія!

РУДОЛЬФУ ЭЙХГОЛЬЦУ.

(Ростовщичу-педагогу.)

Набивъ себѣ карманъ отдачей денегъ въ ростъ,
Онъ къ славѣ вздумалъ пріобщиться,
Но этотъ путь не больно простъ,
И доброй славы не легко добиться.
Разславили тебя, Эйхголецъ, на всѣ лады...
Но ты едва-ли былъ доволенъ,
Когда, страшнѣй комерческой бѣды,
Раздался звонъ со всѣхъ газетныхъ колоколенъ.
Вся Русь уже твердитъ о подвигахъ твоихъ,
Ихъ не забыть втеченъи полувѣка...
Прими-жь и отъ меня на память этотъ стихъ,
О, ты, подобье человѣка!

Среди буръ и напастей послѣдняго времени, въ суетѣ житейской и литературной, пріятно отдохнуть душою на собраніи почтенныхъ

археологовъ, съѣзжавшихся въ Казани нынѣшнимъ лѣтомъ для ученаго собесѣдованія и прогулокъ по казанскимъ окрестностямъ. Вотъ ужъ подлинно благодущные и безмятежные люди! Собирались они часто, толковали много, напекли кучу прелкбопытныхъ рефератовъ, какъ, напр., „объ одной колоннѣ въ токмакскомъ уѣздѣ Ташкентскаго края“, „о зырянскихъ переводахъ Стефана Пермскаго“ и пр., изслѣдовали массу замѣчательныхъ древностей вродѣ какого-то образка, якобы „принесеннаго коровушкою въ копытѣ“, но, не довольствуясь этими скромными наслажденіями, придумали себѣ настоящій пикникъ, съ пичіями и яствами, подъ предлогомъ ученаго обзорія развалинъ древняго болгарскаго царства. Остроумный сатирикъ подтрунивалъ какъ-то надъ нашими учеными съѣздами, утверждая, что для участниковъ этихъ съѣздовъ всего интереснѣе не скучныя бесѣды о матеріяхъ важныхъ, но застольныя торжества, которыя обыкновенно слѣдуютъ за научными толками. „А вотъ мы ужъ выпьемъ изъ этой самой древней посуды!“ смакують, будто-бы, про себя наши ученые мужи, обсуждая самый сухой археологическій вопросъ и любуясь на самую завалящую археологическую находку. Этотъ сатирикъ, повидимому, не далекъ отъ истины и вовсе не клеветалъ на ученыхъ жрецовъ... Вотъ какъ описываетъ корреспондентъ „Сѣвернаго Вѣстника“ помянутый пикникъ казанскихъ археологовъ: „11-го августа было одно только утреннее засѣданіе съѣзда; вечеромъ-же, въ 6 часовъ, члены съѣзда, въ количествѣ 80 человекъ, если не болѣе, отправились въ село Успенское для обзорія развалинъ древняго города Болгарь. Эта прогулка ученой компании стоитъ того, чтобы описать ее подробно. Къ чести казанскихъ гражданъ надо отнести то, что одинъ изъ нихъ, г. Журавлевъ, предоставилъ два большихъ и очень хорошихъ парохода въ распоряженіе съѣзда для поѣздки въ Болгары, безъ всякаго вознагражденія“.

„Такъ-какъ эти пароходы, „Праотецъ“ и „Родоначальникъ“, оба буксирные, то на нихъ нѣтъ постояннаго буфета. Коптовать путешественниковъ вызвался буфетчикъ „соединеннаго собранія“, подъ условіемъ, если составитя подписка на 70 человекъ съ 5 рублевымъ взносомъ за полное продовольствіе ихъ втеченіи полутора сутокъ. Подписка состоялась, и мы благодуществовали. Нѣкоторыя, впрочемъ, члены, поэкономнѣе, взяли съ собою свою провизію, не принимая участія въ общемъ столѣ. Путешественниковъ оказалось болѣе 80 человекъ. Откуда, спросите вы, такое множество? Это произошло отъ маленькой непредусмотрительности предварительнаго комитета, предоставившаго право всякому, кто внесъ три рубля, не только посѣщать засѣданія съѣзда, но и участвовать въ экскурсіяхъ, и даже получить экземпляръ „Трудовъ

съѣзда“, которые прочимъ смертнымъ будутъ продаваться, по всей вѣроятности, не дешевле, какъ за 15—20 рублей. Вѣдь это кладъ: столько удовольствій за три рубля! И вотъ, кромѣ собственно ученыхъ, на пароходѣ оказались и трактирщики, и еще Богъ вѣсть какіе подобные археологи, которыхъ дотолѣ никто нигдѣ не видѣлъ на заѣзданіяхъ съѣзда. Мѣстные археологи понабрали съ собою ребятишекъ прокатиться. Разумѣется, эта разнокалиберщина quasi-учебнаго кагала производила не особенно пріятное впечатлѣніе. Поэтому старались хоть какъ-нибудь разсортировать публику по пароходамъ. Одинъ шутникъ, желая выкурить случайныхъ, прозванныхъ трехрублевыми, археологовъ, рассчитывая на ихъ благочестіе, распустилъ между ними слухъ, что на другомъ пароходѣ будетъ постное кушанье (замѣтите: дѣло происходило въ успенскій постъ), и отчасти достигъ своей цѣли, хотя на другомъ пароходѣ не было не только никакого постнаго кушанья, но даже и самовара. Погода стояла превосходная; пароходы были просторныя, и вскорѣ образовались группы, въ которыхъ велись болѣе или менѣе оживленные разговоры, конечно, сообразно настроенію бесѣдовавшихъ. Симпатичный старичокъ, мѣстный нумизматъ, забавлялъ насъ своею добродушною болтовнею, которую онъ не иначе ведетъ, какъ рифмованной прозой, чѣмъ извѣстенъ цѣлой Казани. Другой археологъ, г. П., все время суетился и хлопоталъ о томъ, нельзя-ли ему прочесть свой рефератъ хоть на пароходѣ, потому что на сухомъ пути постарались кое-какъ отдѣлаться отъ его ученаго сообщенія, не ожидая отъ него ничего путнаго. Но ужъ отъ кого не было никому спасенія, такъ это отъ нѣкоего финляндскаго ученаго, который положительно тиранилъ тѣхъ, кто только имѣлъ неосторожность вступить въ разговоръ съ нимъ, своимъ медленно-язычнымъ разглагольствованіемъ о тридцати югорскихъ именахъ городовъ, съ которыми онъ носился все время. Въ числѣ случайныхъ археологовъ находился нѣкто г. Хлѣбниковъ, будто-бы практический знатокъ казанскихъ инородческихъ мѣстностей и преданій. Его нарочито выписали изъ Мамадыша, въ чайніи получить отъ него свѣденія, которыя-бы могли быть пригодны для археологическихъ розысканій. Но оказалось, что онъ какой-то странный самоучка, чтобы не сказать болѣе. Вотъ онъ что разъ сказалъ, и притомъ съ жаромъ, одному любопытному: „А знаете-ли вы, что прошлою осенью сюда пріѣзжалъ изъ Турціи султанъ Абдуль-Мезидъ (?) вшестеромъ, инкогнито, чтобы напиться воды изъ источника Аель-Тюпе, почитаемаго у татаръ чудодѣйственнымъ и священнымъ?“ — „Да откуда-же вы узнали?“ — „Объ этомъ писано было въ газетахъ.“ — „Я читаю газеты, но ничего подобнаго не встрѣчалъ.“ —

„Мнѣ сказывалъ это ящикъ (?!), когда я ѣхалъ изъ Стерлитамака въ Стерлибеть“. Вотъ вамъ и ученая новость.

„Переночевавъ на пароходахъ, мы поутру, на 30 или 40 подводкахъ, запряженныхъ парами и тройками, во всевозможныхъ экипажахъ, поѣхали, въ ясное, превосходное утро, въ Болгары...“

Здѣсь господа археологи, уже увлекаемые мыслью о предстоящей выпивкѣ, прослушали недолго, хотя комическіе разговоры съ недоумѣвающими „простолюдинами“, пришедшими поглазѣть⁸ на затѣжихъ „господъ“, и могли нѣсколько развлечь ученыхъ туристовъ...

„Осмотръ развалинъ вначалѣ былъ веденъ совершенно послѣдовательно подѣ предводительствомъ профессора Шпилевскаго въ качествѣ чичероне и началъ былъ съ извѣстнаго четырехугольника, о которомъ разные ученые дѣлаютъ различныя соображенія: кто говорить, что это былъ укрѣпленный замокъ, кто предполагаетъ, что тутъ было мусульманское медресе; иные думаютъ, что тутъ была мечеть, такъ-какъ татары и до сихъ поръ иногда собираются на этихъ развалинахъ на молитву. Послѣдняго мнѣнія держится и профессоръ Шпилевскій, сославшись на то, что онъ самъ видѣлъ раньше, какъ тутъ собирались татары, которые, прибавилъ онъ, „по свидѣтельству извѣстнаго (?) знатока мусульманства В. В. Радлова, совершали торжественное моленіе“, хотя, кстати замѣтить, вовсе не требуется быть какимъ-то особеннымъ знаткомъ мусульманства, чтобы отличить весьма незатѣливую процедуру татарской молитвы отъ всякаго другого занятія“... „Послѣдовательное обзорѣніе не долго продолжалось: соблазнъ приобрѣсть у жителей какія-нибудь находки взялъ свою силу, и большинство археологовъ и неархеологовъ разбрелись по всѣмъ направленіямъ за поисками старинныхъ рѣдкостей. А этихъ рѣдкостей было въ изобиліи: больше всего предлагали черепковъ, осколковъ металлическихъ зеркалъ, монетъ, сережекъ, колець и необыкновенное множество какихъ-то глиняныхъ просверленныхъ кружочковъ, назначеніе которыхъ еще доселѣ объясняется различно. Замѣчательно, что почти въ каждомъ крестьянскомъ домѣ имѣется желѣзный щупъ, такъ что, надо полагать, въ Болгарахъ давно все изрыто въ поискахъ кладовъ, можетъ быть даже и не всегда безъ успѣха. Нашелся одинъ чужакъ, какой-то г. Глинскій, который уговорился съ мужиками произвести большую раскопку съ условіемъ раздѣлить пополамъ кладъ, который онъ думалъ отыскать въ одномъ мѣстѣ возлѣ четырехугольника. Неудивительно поэтому, что когда мы спрашивали крестьянъ, зачѣмъ, по ихъ мнѣнію, мы пріѣхали къ нимъ, они совершенно серьезно отвѣчали: „Сказываютъ, что искать кладовъ; теперь военное время: золото очень требуется. Вчера, слыш-

но, и колдунъ ужъ прѣхаль, вишь, присланный изъ синода по этому случаю". — „На что-же колдунъ-то?" „Какъ—на что? Вѣстимо, что безъ колдуна кладъ не дается". Нѣкоторые изъ обывателей пускаются на хитрости: найдутъ, на примѣръ, цѣльное металлическое зеркало, да и разобьютъ его на нѣсколько частей, съ тѣмъ, чтобы продать одну находку нѣсколькимъ охотникамъ до древностей. Такъ случилось съ профессоромъ Самоквасовымъ: онъ въ разныхъ концахъ села купилъ два такихъ зеркальныхъ осколка, которые потомъ можно было отлично сложить вмѣстѣ. Иные-же просто-напросто выносятъ теперешнія пряжки, сережки и т. п. дрянъ и находятъ покупателей среди мнимыхъ знатоковъ и цѣнителей древностей".

Но вотъ наступилъ, наконецъ, и вождедѣнный мигъ...

„Прекрасный завтракъ, устроенный на лужайкѣ возлѣ церкви, на которомъ мы съѣли, между прочимъ, 3,000 славящихся своимъ вкусомъ спаскихъ раковъ, долженъ былъ быть только антрактомъ, послѣ котораго предполагалось продолжать обзорѣние развалинъ. Завтракъ прошелъ великолѣпно: во главѣ длинной вереницы столовъ, собранныхъ чуть-ли не со всего села, гдѣ засѣдали, между прочимъ, и губернаторъ, и уѣздный предводитель дворянства, показывалось даже шампанское и персики, хотя въ умѣренномъ количествѣ. Не было недостатка и въ тостахъ. Одинъ мѣстный литераторъ даже сказалъ стихи, которые мы позволяемъ себѣ привести здѣсь, тѣмъ болѣе, что они не велики:

„Здѣсь, на развалинахъ царства болгарскаго,
Мы собрались, господа.
Царства великаго магометанскаго
Скоро не будетъ слѣда.

* * *

Пусть-же прѣздъ вашъ въ селенье Болгары
Будетъ началомъ добра,
И оживятся нѣмыя развалины
Въ нашихъ трудахъ, господа!"

„Не знаю, оживятся-ли развалины въ трудахъ археологовъ, но археологи очень были оживлены и весело бесѣдовали".

Хромые, хотя и „отъ чистаго сердца", стихи казанскаго обывателя не удовлетворили самихъ господъ археологовъ, и одинъ изъ нихъ, вооружившись бичемъ сатиры, прислалъ намъ другого рода куплеты, которыхъ онъ не рѣшился произнести на мѣстѣ пиршества, чтобы не разстроивать хорошаго пищеваренія своихъ соварищей. Мы охотно даемъ мѣсто этому произведенію юнаго археолога:

КАЗАНСКИМЪ ГОСТЯМЪ.

(На повѣдку въ Болгары.)

Здѣсь, на развалинахъ царства античнаго,
 Вы собрались, господа,
 Мѣста другого, вамъ болѣ приличнаго,
 И не найти никогда.

*
*
*

Сами вы—тѣ-же развалины древности,
 Тѣ-жь черепки и горшки,—
 Яркій примѣръ „не по разуму ревности“,
 Знаній ненужныхъ мѣшки.
 Оно, конечно, не такъ лестно, но за то справедливо.

Н. Миваитроповъ.

ВОЕННАЯ ХРОНИКА.

Дорога изъ Александрополя въ Карсъ и ближайшія ея окрестности много разъ служили ареной битвъ между русской и турецкой арміями. Въ прошлую турецкую войну, въ кампанію 1854 г., на этой мѣстности русскія войска одержали двѣ блистательныя побѣды: при Башъ-Кадыкларѣ и Кюрюкь-Дара. Эти побѣды, впрочемъ, не повлекли за собой наступательныхъ дѣйствій русской арміи; онѣ только обезопасили Кавказъ отъ вторженія туда турецкой арміи со стороны Александрополя. Кавказская армія начала наступательныя дѣйствія только въ слѣдующемъ году, когда главнокомандующимъ ея былъ назначенъ ген. Муравьевъ, цѣлью которыхъ была осада Карса. Эта сильная турецкая крѣпость сдалась нашимъ войскамъ, какъ извѣстно, не вслѣдствіе штурма, окончившагося неудачно, а была вынуждена къ сдачѣ тѣсною блокадою.

И въ настоящую кампанію на этой самой мѣстности происходилъ рядъ битвъ, и удачныхъ, и неудачныхъ, окончившихся поражениемъ арміи Мухтара-пашы 2 и 3 октября.

Получивъ подкрѣпленія, въ которыхъ очень нуждался, главный корпусъ нашей кавказской арміи началъ наступательныя дѣйствія 20 сентября атакой на лѣвый флангъ расположенія турецкой арміи на горахъ большая и малая Ягны (верстахъ въ 12 отъ Башъ-Кадыклара). Послѣ двухчасового боя турецкая позиція на горѣ большая Ягны была взята, причемъ защищавшій ее турецкій отрядъ былъ частію уничтоженъ, частію взятъ въ плѣнъ, въ числѣ 200 человекъ. Атака на сильно-укрѣпленную позицію на горѣ малая Ягны была безуспѣшна. Въ то-же самое время нашимъ войскамъ пришлось имѣть дѣло съ 15 турецкими батальонами, вышедшими изъ Карса на помощь Мухтару-пашѣ. Турецкія войска были отброшены, а наши остались ночевать на занятыхъ ими позиціяхъ.

21 сентября турки, въ свою очередь, произвели нападеніе на

нашъ лѣвый флангъ, но были отброшены, причеъ наши войска преслѣдовали непріятеля до его лагерей. Несмотря на полученный успѣхъ, наши войска 22 сентября очистили гору большая Ягны. Трудно сказать, что побудило оставить взятую съ бою непріятельскую позицію. О сраженіяхъ 20 и 21 сентября еще не получено подробныхъ извѣстій; телеграфическая депеша сообщаетъ только, что большая Ягны очищена по недостатку тамъ воды. Но едва-ли это могло быть побудительной причиной; турки долго занимали эту позицію—добывали-же они откуда-нибудь воду. Вѣрнѣе всего, что по измѣнившемуся плану дѣйствій для нашей арміи не предстояло болѣе надобности удерживать эту позицію; объявлять-же объ этомъ сочли неудобнымъ, иначе легко могъ обнаружиться планъ будущихъ дѣйствій, который слѣдовало хранить въ тайнѣ. Послѣдующія дѣйствія подтверждаютъ это предположеніе.

Наши потери въ бояхъ 20 и 21 сентября значительны: 83 офицера и 3,300 нижнихъ чиновъ убитыми и ранеными. Турки, по собраннымъ свѣденіямъ, въ эти дни потеряли до 6,000 чел.

Послѣдствіемъ наступательнаго движенія нашей арміи было отступленіе праваго фланга и большей части центра турецкой арміи, 27 сентября, на сильно-укрѣпленную визинкевскую и аладжинскія позиціи; лѣвый флангъ арміи Мухтара-паши и часть ея центра остались на прежнихъ позиціяхъ; позиція на горѣ малая Ягны прикрывала сообщеніе турецкой арміи съ Карсомъ и ее слѣдовало удерживать во что-бы то ни стало.

Занятая турецкой арміей позиція были сильно укрѣплены. Онѣ состояли изъ ряда передовыхъ укрѣпленій и окоповъ и изъ главной позиціи, правый флангъ которой находился на склонѣ горы Аладжи, центръ на высотѣ Чифть-тепеси, лѣвый флангъ на горѣ Авлиаръ, а резервъ на Ормокскихъ высотахъ, подлѣ Визинкева; отдѣльный отрядъ былъ выдвинутъ впередъ на горы большую и малую Ягны; впрочемъ, отрядъ, занимавшій эти горы, вскорѣ былъ переведенъ въ Визинкевъ. Эта ошибка дорого стоила Мухтару-пашѣ.

Передовыя укрѣпленія новой турецкой позиціи, соединенныя между собой траншеями, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ имѣли батареи, вооруженныя полевыми орудіями. Сѣверный склонъ Аладжи, занятый главною массою турецкихъ войскъ, былъ укрѣпленъ сильнѣе всей остальной позиціи: укрѣпленія были устроены въ два яруса, на оконечностяхъ двухъ терасъ, возвышающихся одна надъ другою; эти терасы круты и скалисты, а оконечность праваго фланга позиціи обезпечена глубокимъ оврагомъ съ отвѣсными скатами. Высота Чифть-тепеси, окруженная съ трехъ сторонъ крутымъ и глубокимъ оврагомъ, труднодоступна; на самой вершинѣ ея была

сооружена батарея на десять орудій. На горѣ Авліарь было поставлено 6 орудій; Орлокскія высоты, самый возвышенный пунктъ этой мѣстности, съ которой легко было обстрѣливать и авліарскую, и визинкевскую позиціи, если-бы ихъ занялъ непріятель, доступны только съ сѣверо-западнаго склона, гдѣ всходъ отлогъ; прочіе-же склоны этихъ высотъ очень круты.

Фронтальная атака этой позиціи представляла большія трудности и должна была повлечь за собой огромныя потери для атакующей арміи. Такія качества позиціи прямо указывали на планъ, котораго слѣдовало держаться нашей арміи, — планъ не новый, уже много разъ испытанный извѣстными полководцами. Планъ этотъ очень простъ, но удается только при самомъ точномъ его выполненіи. Извѣстно, что тактика Наполеона I заключалась въ слѣдующемъ: онъ обыкновенно велъ фронтальную атаку для отвлеченія силъ противника, но главный ударъ всегда наносилъ обходнымъ движеніемъ, атакой на одинъ изъ фланговъ расположенія непріятельской арміи. Другой замѣчательный полководецъ, уже нашего времени, графъ Мольтке, поступаетъ точно также; обходнымъ движеніемъ онъ одержалъ побѣду надъ австрійцами подъ Садовой; обходное движеніе обезпечило ему успѣхъ подъ Мэцомъ; ловкій фланговый маневръ отдалъ ему въ плѣнь подъ Седаномъ французскую армію Мак-Магона купно съ Наполеономъ III. Конечно, успѣхъ Мольтке обезпечивался и тѣмъ, что онъ сражался съ противникомъ, располагавшимъ слабѣйшими силами, чѣмъ его. Но въ умѣнїи сосредоточить противъ противника болѣе значительныя силы и состоитъ главная задача полководца, разумѣется, полководца талантливаго, потому что неспособный и съ превосходными силами противъ непріятели съумѣетъ проиграть сраженіе.

Наша кавказская армія, стоявшая противъ Мухтара-паши, располагала силами значительно превосходящими силы турецкой арміи и ловко воспользовалась своимъ преимуществомъ, примѣняя тактику Наполеона I и Мольтке. Теперь дѣло шло уже не о простомъ пораженіи арміи Мухтара-паши; цѣлью атаки было желаніе отрѣзать эту армію отъ Карса, что удалось исполнить, хотя, можетъ быть, и не вполне, такъ-какъ Мухтаръ-паша успѣлъ съ частію арміи отступить за Саганлугъ. По слухамъ, въ составленіи плана сраженія принималъ участіе недавно прибывшій къ кавказской арміи ген. Обручевъ, извѣстный какъ талантливый военный писатель.

Дѣло началось 2 октября; колона ген. Лазарева, посланная въ обходъ непріятельской позиціи, атаковала Орлокскія высоты и овладѣла ими. Такимъ образомъ, колонна нашихъ войскъ расположи-

лась въ тылу турецкой арміи, лучше сказать, части ея, расположенной на горѣ Авліарѣ, и угрожала центру турокъ, занимавшему позицію на Чифтъ-тепеси. Для выполнения предположеннаго плана, нашей арміи приходилось овладѣть горою Авліаромъ и тѣмъ отрѣзать большую часть турецкой арміи отъ Карса. Это и было исполнено 3 октября. Главная атака была направлена на гору Авліаръ и къ полудню укрѣпленная позиція на ней была взята штурмомъ колоною ген. Геймана, состоявшею изъ трехъ полковъ и одного стрѣлковаго батальона, и турецкая армія была разрѣзана на двѣ части. Лѣвое крыло ея, бросившееся къ Карсу, было встрѣчено во флангъ войсками ген. Лазарева, а съ тыла преслѣдовалось штурмовою колоною ген. Геймана. Эта часть турецкой арміи къ 5 часамъ пополудни была совершенно разсѣяна и только небольшая часть ея достигла Карса. Не говоря уже о большомъ количествѣ убитыхъ, турецкая колона оставила въ нашихъ рукахъ нѣсколько тысячъ плѣнныхъ и 4 орудія. Въ то-же самое время наши войска произвели атаку на правый флангъ турецкой арміи, расположенный на Аладжинскихъ высотахъ. Здѣсь турки, въ составѣ трехъ дивизій, были окружены нашими войсками и къ вечеру принуждены были положить оружіе; побѣдителямъ досталась масса плѣнныхъ съ семью пашами, 32 орудіями и огромнымъ количествомъ военнаго матеріала. Наши потери сравнительно не велики, въ особенности если принять во вниманіе послѣдствія этой побѣды. Они заключаются въ 56 офицерахъ и 1,385 нижнихъ чинахъ выбывшими изъ строя; процентъ убитыхъ незначителенъ.

Мухтаръ-паша, съ остатками своей арміи (10,000 чел.), не перся въ Карсѣ, а отступилъ за Саганлугъ и намѣренъ защищать подступы къ Эрзеруму. Турецкое правительство успѣшило послать значительныя подкрѣпленія изъ европейской Турціи для пополненія совершенно разстроеной анадолійской арміи.

Таковы официальныя свѣденія о сраженіи на Аладжинскихъ высотахъ, полученныя по телеграфу; никакихъ частныхъ свѣденій оттуда не имѣется, такъ-что не представляется возможности пополнить ими далеко неполныя официальныя свѣденія. Такъ, до сей поры положительно неизвѣстно, какъ велики трофеи, намъ доставшіеся; какое именно число турокъ взято въ плѣнъ; неизвѣстны, наконецъ, подробности битвы, надо полагать, весьма интересныя.

Кромѣ обаянія, производимаго побѣдой, въ свою очередь, распространяющей панику въ непрітельской арміи, успѣхъ нашей арміи подъ Аладжей окончателно обезпечилъ, въ нынѣшнемъ году, кавказскій край отъ вторженія турокъ. Послѣдствіемъ нашей побѣды было отступление Измаила-паши, стоявшаго противъ ген. Тергукасова на русской землѣ. Другимъ послѣдствіемъ было по-

вое обложене крѣпости Карса главнымъ корпусомъ кавказской арміи.

Побѣда подъ Аладжей тогда только будетъ рѣшительною, если наши войска стануть на-столько быстро преслѣдовать турокъ, что лишать возможности Мухтара-пашу соединиться съ Измаиломъ-пашей, и утвердятся на пути отступленія послѣдняго къ Эрзеруму. Что разсѣянная армія Мухтара-паши находилась подъ вліяніемъ паники, доказывается нѣсколькими частными усѣхами нашихъ войскъ. Такъ, на третій день послѣ побѣды хоперскій казачій полкъ достигъ къ сѣверу отъ Кагызмана турецкій отрядъ, и тотъ, въ числѣ 23 офицеровъ, 200 нижнихъ чиновъ и 3 горныхъ орудій, почти безъ выстрѣла, сдался въ плѣнъ. Подобныхъ случаевъ сдачи безъ выстрѣла было нѣсколько. Этой паникой разбитой арміи и слѣдовало воспользоваться быстро и безостановочно. Еще неизвѣстно, удалось-ли ген. Гейману опередить Измаила-пашу. Официальная телеграма извѣщаетъ насъ только, что 10 октября изъ Тикмы (въ 15 верстахъ отъ Карса по дорогѣ въ Эрзерумъ) выступилъ отрядъ ген. Геймана къ Хорасану и Кеприкею. Отсюда до Хорасана 85 верстъ. 13 октября отрядъ Измаила-паши находился у Зейдеяна, въ 50 верстахъ отъ Хорасана. Гдѣ въ этотъ день стоялъ ген. Гейманъ—неизвѣстно, слѣдовательно, трудно сказать, кто былъ ближе къ Хорасану, онъ или Измаиль-паша. Если ген. Гейманъ предупредитъ турокъ въ Хорасанѣ, положеніе Измаила-паши будетъ весьма незавидное, въ особенности если отрядъ ген. Тергукасова, 13 октября находившійся въ нѣсколькихъ верстахъ сзади турокъ, ускоритъ свое преслѣдованіе. Поставленный между двухъ огней, Измаиль-паша принужденъ будетъ отступить къ Эрзеруму по горнымъ тропинкамъ, причемъ несомнѣнно потеряетъ свою артилерію и обозы. По частнымъ извѣстіямъ, отряды ген. Геймана и Тергукасова соединились между собой, что заставило Мухтара-пашу продолжать отступленіе.

Возвратимся къ дѣйствіямъ отряда ген. Тергукасова, расположеннаго на укрѣпленной позиціи у Игдыря и имѣвшаго противъ себя отрядъ Измаила-паши. Потерпѣвъ неудачу при атакѣ нашей позиціи 15 сентября, Измаиль-паша занялся укрѣпленіемъ своей позиціи, ожидая, вѣроятно, нападенія ген. Тергукасова. Этого нападенія, однакожь, не было, и турецкій генераль рѣшился самъ снова перейти въ наступленіе. 2 октября Измаиль-паша атаковалъ правый флангъ расположенія ген. Тергукасова, но былъ отбитъ. Получивъ извѣстіе о поражении анатолійской арміи, Измаиль-паша, въ ночь съ 4 на 5 октября, оставилъ свои позиціи на Зрскихъ высотахъ, на южной границѣ эриванской губерніи, и началъ

свое отступление къ Эрзеруму, преслѣдуемый генераломъ Тергукасовымъ.

Въ этомъ мѣсяцѣ наши дѣла значительно поправились и въ европейской Турціи.

Битва 9 сентября при Церковнѣ, краткое извѣстіе о которой сообщено въ прошлой нашей хроникѣ, имѣла по своимъ послѣдствіямъ важное стратегическое значеніе. До нея турецкая дунайская армія дѣйствовала наступательно, хотя и медленно, заставляя наши войска отступать къ Янтрѣ. Если-бы ей удалось прорвать наше расположеніе въ верховьяхъ баницкаго Лома, она могла угрожать Тырнову и поставить въ критическое положеніе нашъ отрядъ, занимающій шипкинскій проходъ. Своевременное-же сосредоточеніе арміи Наслѣдника Цесаревича на сильныхъ позиціяхъ и успѣхъ, одержанный отрядомъ ген. Татищева при Церковнѣ, измѣнилъ положеніе дѣла. 12 сентября Мехмедъ-Али-паша началъ общее отступление по всей линіи къ Черному Лому, которое значительно затруднялось проливными дождями.

Считаемъ нелишнимъ сообщить подробности боя подъ Церковной или Чаиркюй, которому вначалѣ не было придано того важнаго значенія, какое онъ заслуживаетъ по своимъ послѣдствіямъ.

9 сентября турки, въ числѣ 20,000 человекъ съ 40 орудіями, атаковали правый флангъ отряда ген. Татищева, которымъ командовалъ ген. Горшковъ. Атака ихъ была такъ смѣла, что они подошли на 30 шаговъ къ нашей батарее. Ее прикрывалъ батальонъ курскаго полка; командиръ его, майоръ Домбровский, подпустилъ турокъ безъ выстрѣла и, ударивъ въ штыки, привелъ ихъ въ смятеніе и заставилъ отступить, причемъ они бросили 200 убитыхъ.

Оттѣсненные на нашемъ правомъ флангѣ, турки повели атаку на лѣвый флангъ нашей позиціи, но и здѣсь были отбиты вятскимъ полкомъ.

Несмотря на двѣ послѣдовательныя неудачи, турки рѣшились произвести третью атаку и на этотъ разъ атаковали центръ отряда ген. Татищева, но были отбиты съ большимъ для нихъ урономъ. Рыльскій полкъ подпускалъ безъ выстрѣла непріятеля на 400 шаговъ и затѣмъ открывалъ бѣглый убійственный огонь.

Бой окончился въ 7 часовъ вечера. Турки такъ поспѣшно отступили, что оставили на полѣ сраженія всѣхъ своихъ раненыхъ. На другой день они прислали парламентаря и, при помощи нашихъ солдатъ, похорошили 800 своихъ убитыхъ.

Неудача при Церковнѣ была оцѣнена въ Константинополѣ.

Турецкое правительство, недовольное медленностью и нерѣшительностью своего главнокомандующаго, смѣнило его. На мѣсто Мехмеда-Али-паши назначенъ Сулейманъ-паша, отличившійся энергической, упрямой, но неудачной атакой на шипкинскій перевалъ. Вначалѣ, какъ только принялъ командованіе, Сулейманъ-паша, повидимому, намѣревался снова перейти въ наступленіе, направивъ свои усилія на Бѣлу, а не на Тырново, какъ его предшественникъ. 25 и 26 сентября турки произвели два нападенія на наши передовые посты у Кошева и Кадыкюя (на нижнемъ теченіи Лома), но были отражены. 3 октября Сулейманъ-паша выслалъ на рекогносцировку 4 небольшіе пѣхотные отряда, которые переправились черезъ Ломъ, верстахъ въ 20 къ юго-западу отъ Рушукъ, но были остановлены огнемъ нашихъ передовыхъ постовъ. Высланный противъ нихъ нашъ отрядъ уже не нашелъ ихъ на лѣвомъ берегу Лома: они отступили къ своимъ позиціямъ. 12 октября была произведена рекогносцировка непріятельскаго расположенія за р. Ломомъ шестью отрядами, направленными на Басарбово, Іованъ Чифтликъ, отъ Кошева на Кадыкюю, отъ Табачки на Нисово, отъ Кацелево на Соленикъ и черезъ Церовичу на Констанцу. Отрядъ у Басарбова встрѣтилъ сильное сопротивленіе со стороны турокъ; напротивъ, у Іована Чифтлика турецкіе посты, стоявшіе на лѣвомъ берегу Лома, были отбѣснены нашими отрядами на правый берегъ; во время этого дѣла убитъ его высочество князь Сергѣй Максимиліановичъ Романовскій, герцогъ Лейхтенбергскій; пуля попала въ околышъ фуражки около кокарды и пробила черепъ: смерть была мгновенная. На всѣхъ прочихъ пунктахъ рекогносцировка достигла цѣли, т. е. обнаружено положеніе непріятельской арміи. По словамъ частныхъ корреспондентовъ газетъ, на нѣкоторыхъ пунктахъ наши войска увлеклись дальше, чѣмъ предполагалось по плану. Такія увлеченія очень обыкновенны во время рекогносцировокъ. Военная исторія представляетъ нѣсколько примѣровъ, когда рекогносцировка, благодаря увлеченію войскъ, превращалась въ серьезное сраженіе. Потеря наша во всѣхъ шести отрядахъ: 4 офицера и около 300 нижнихъ чиновъ.

Эти рекогносцировки, произведенныя разомъ въ шести пунктахъ, указываютъ на то, что въ рушукскомъ корпусѣ въ скоромъ времени должны совершиться серьезныя событія. На шипкинскомъ перевалѣ, гдѣ недавно шель бой на смерть, напротивъ, въ настоящее время полное затишье, которое едва-ли можетъ быть скоро нарушено. Возобновленію здѣсь военныхъ дѣйствій препятствуютъ: во-первыхъ, климатическія условія—на горахъ выпалъ такой глубокой снѣгъ, что атака ихъ сдѣлалась рѣшительно невозмож-

ной до наступленія оттепели; во-вторыхъ, турецкая армія, дѣйствующая противъ шипкинскаго перевала, сильно ослаблена какъ громадными потерями, понесенными ею во время атакъ нашей позиціи, такъ и отдѣленіемъ значительной части въ особый отрядъ, расположившійся въ Орханіе для поддержанія сообщеній Османа-паши съ Софіей; отрядъ этотъ, какъ описано будетъ ниже, разбитъ ген. Гурко въ бою 12 октября. Кромѣ того назначеніе Реуфа-паши на мѣсто энергичнаго Сулеймана-паши не общается рѣшительныхъ дѣйствій со стороны турокъ. Реуфъ-паша никогда не рискнулъ-бы на тѣ атаки на шипкинскій перевалъ, которыя съ такой настойчивостью велъ его предшественникъ. По извѣстіямъ иностранныхъ газетъ, Реуфъ-паша занялъ отдѣльными отрядами всѣ выходы изъ Балканъ въ долину Тунджи, а главныя свои силы сосредоточилъ въ Казанлыкѣ и Филипполѣ, укрѣпивъ оба эти города. Съ нашей стороны наступленіе за Балканы обусловливается или уничтоженіемъ арміи Османа-паши въ Плевнѣ, или большимъ успѣхомъ, одержаннымъ рушукскимъ отрядомъ надъ арміей турецкаго главнокомандующаго Сулеймана-паши.

Этому успѣху, вѣроятно, будетъ содѣйствовать корпусъ ген. Циммермана, до сихъ поръ проявлявшій свою дѣятельность болѣе или менѣе удачными кавалерійскими набѣгами и поисками. По послѣднимъ извѣстіямъ, ген. Циммерманъ подходитъ къ Силистріи. Но корреспонденты такъ часто направляли добруджскій корпусъ къ этому пункту, а онъ по-прежнему продолжалъ стоять на мѣстѣ, что, можетъ быть, и настоящее извѣстіе придется отнести къ категоріи прежнихъ. Въ виду такого положенія корпуса ген. Циммермана, одна газета задала себѣ вопросъ, не лучше-ли-бы все не занимать Добруджи? Эту газету поразило бездѣйствіе 40-тысячной арміи въ то время, когда на другихъ пунктахъ театра военныхъ дѣйствій шла и идетъ ожесточенная борьба. Очень можетъ быть, что добруджскій корпусъ могъ-бы дѣйствовать энергичнѣе, но сказать этого утвердительно нельзя: объ этомъ корпусѣ такъ скудны извѣстія, точно онъ находится за нѣсколько тысячъ верстъ и въ странѣ почти совершенно разобщенной съ остальнымъ міромъ. Однакожъ, необходимость его очевидна и въ меньшемъ составѣ онъ не могъ-бы исполнить своего главнаго назначенія—прикрывать сообщенія нашей арміи съ Россіей и препятствовать туркамъ перейти Дунай и вторгнуться въ Румынію, а оттуда въ Бессарабію. Почему знать, можетъ быть, на долю этого корпуса выпадетъ важная задача: нанести рѣшительное пораженіе арміи Сулеймана-паши, дѣйствуя ей въ тылъ или во флангъ въ то время, когда рушукскій корпусъ атакуетъ ее съ фронта.

Подъ Плевной дѣла пошли гораздо лучше. Послѣ атаки 30 вгуста, сопровождавшейся незначительными результатами для нашей арміи, въ особенности, если принять въ расчетъ большія потери, ею понесенныя, было, какъ кажется, рѣшено измѣнить планъ дѣйствій противъ сильно-укрѣпленной плевненской позиціи. Въмѣсто послѣдовательныхъ штурмовъ, требующихъ громадной потери въ людяхъ, найдено болѣе соотвѣтственнымъ вести правильную осаду и рѣсно обложить непріятельскую позицію. По сообщеніямъ нѣмецкой газеты „Politische Correspondenz“, съ пріѣздомъ къ арміи ген. Тотлебена осадныя работы пошли быстро и безостановочно. Сперва наши союзники, румыны, значительно опередили насъ въ осадныхъ работахъ, но теперь и наши саперы догнали ихъ; по всей линіи работы сильно подвинулись впередъ. Обложеніе Плевны также, наконецъ, совершилось послѣ успѣшныхъ битвъ 12 и 16 октября при Горномъ Дубнякѣ и Телишѣ.

Этому успѣху предшествовалъ рядъ стычекъ и битвъ. Печальное обстоятельство, что нашъ отрядъ, наблюдавшій за плевно-софійскимъ шоссе, не могъ воспрепятствовать проходу въ Плевну подкрѣпленій и транспорта съ продовольственными запасами, естественно вызвало необходимость усиленія этого отряда; но встрѣтились препятствія—войскъ было мало—и отрядъ не былъ усиленъ до того размѣра, какой требовался для успѣшности дѣйствій, почему еще долго сообщенія Османъ-паша съ Софіей не прерывались. Однакожь, надо полагать, что транспортъ провіанта и фуража, вошедшій въ Плевну 16 сентября, былъ не особенно великъ, потому что Османъ-паша нащелся вынужденнымъ выслать изъ Плевны, 19 сентября, особый отрядъ для фуражировки въ тылу своихъ позицій. Этотъ отрядъ, состоявшій изъ 5 батальоновъ пѣхоты съ артилерією и кавалерією, наткнулся у дер. Дальній Нетрополь, верстахъ въ 10 къ западу отъ Плевны, на нашу и румынскую кавалерію; бой продолжался недолго и турки принуждены были вернуться въ городъ, не достигнувъ своей цѣли. Потеря наша въ этомъ сраженіи состояла изъ 2 офицеровъ и 40 ниж. чин. выбывшими изъ строя.

19-го сентября, на плевно-софійскомъ шоссе, у д. Радомирцы (въ 40 верстахъ къ юго-западу отъ Плевны), владикавказскій конный полкъ отбилъ турецкій транспортъ съ солью и лекарствами, болѣе 1,000 головъ скота и разрушилъ мостъ у Радомирцы, а также восстановленную турками телеграфную линію. На слѣдующій день этимъ-же полкомъ уничтоженъ другой мостъ у Червенебрега, на р. Панегѣ, верстахъ въ 7 къ сѣверу отъ дер. Радомирцы.

20 сентября Османъ-паша принялъ нашего парламентаря и между нимъ и нашимъ главнымъ штабомъ установилось соглаше-

ніе насчетъ погребенія убитыхъ и уборки раненыхъ. До этой поры Османъ-паша не соглашался допустить насъ убрать массу убитыхъ и гниющія тѣла сильно заражали воздухъ въ окрестностяхъ Плевны.

21 сентября изъ Ловчи была выслана казачья сотня для поисковъ; она сдѣлала два смѣлыхъ набѣга въ верховьяхъ р. Видъ, разсѣлала на пути непріятельскіе разбѣды, уничтожила найденные ею въ м. Турецкомъ Изворѣ склады продовольствія и дошла до гор. Тетевена, лежащаго въ балканскомъ ущельѣ того-же имени, верстахъ въ 60-ти отъ Ловчи.

Въ ночь съ 23 на 24 сентября турецкая колонна изъ 4,000 человекъ пѣхоты, съ 5 орудіями и нѣсколькими сотнями черкесовъ, атаковала нашъ наблюдательный кавалерійскій отрядъ, подъ начальствомъ полковника Левиза, у дер. Радомирце, на плевно-софійскомъ шоссе. Атака была произведена съ двухъ сторонъ; долго отбивались наши спѣшившіеся кавалеристы, но къ утру принуждены были отступить на сѣверъ, вдоль р. Искера. Послѣ этого сообщеніе между Орханіе (гдѣ стоялъ отрядъ, отдѣленный отъ корпуса Реуфа-паши) и Плевной оставалось болѣе или менѣе свободнымъ и турки, для полного обезпеченія тыла арміи Османа-паши, устроили сильно-укрѣпленную позицію, верстахъ въ 17-ти къ юго-западу отъ Плевны, между Горпымъ Дубнякомъ и Телишемъ. Мы не могли препятствовать возведенію этихъ укрѣпленій по невозможности отдѣлать достаточный для этого отрядъ отъ арміи, осаждающей Плевну, и рѣшительныя дѣйствія на этомъ пунктѣ были отложены до прибытія ожидаемыхъ подкрѣпленій (гвардейскаго корпуса).

Съ 24 сентября по 5 октября подъ Плевной было тихо. Съ 5-го-же числа наши батареи, поставленныя въ траншеяхъ, открыли болѣе частый огонь противъ Плевны, на который турки отвѣчали слабо. 7 октября часть румынскихъ войскъ, составляющихъ правый флангъ арміи, осаждающей Плевну, попыталась овладѣть буковскимъ редутомъ, до котораго доведена уже четвертая параллель. Два раза румыны ходили на штурмъ, но, встрѣчаемые каждый разъ страшнымъ ружейнымъ огнемъ съ близкой дистанціи, принуждены были отказаться отъ своего намѣренія. Они потеряли болѣе 900 человекъ выбывшими изъ строя.

Между тѣмъ прибыли ожидаемыя подкрѣпленія и составленъ былъ отрядъ изъ всѣхъ родовъ оружія, численностію, по словамъ вѣнской газеты „Press“, въ 35,000 человекъ, при 80 орудіяхъ. Этотъ отрядъ, ввѣренный ген. Гурко, получилъ приказаніе дѣйствовать на сообщенія Османа-паши съ Софіею. Конечно, первымъ дѣломъ его было атаковать укрѣпленную турецкую позицію между

Горнымъ Дубнякомъ и Телишемъ. Послѣ ожесточеннаго десятичасового боя наши войска взяли приступомъ позицію у Горнаго Дубняка и утвердились на софійской дорогѣ. Побѣда нашихъ войскъ была довольно рѣшительная, потому что ими взято въ плѣнъ: Ахметъ-паша и его начальникъ штаба, 3,000 чел. пѣхоты, цѣлый кавалерійскій полкъ, 2 знамени, 4 орудія, много ружей и патроновъ. Болѣе подробныхъ свѣдѣній объ этомъ сраженіи еще не получено. Дополнить ихъ можно только сообщеніемъ газеты „Presse“, утверждающей, что отрядъ Ахмета-Хивзи-паши, сражавшійся въ этотъ день съ нашими войсками, состоялъ изъ 20 батальоновъ пѣхоты, 3 эскадроновъ кавалеріи и 15 орудій. Число взятыхъ нашими войсками плѣнныхъ эта газета опредѣляетъ такъ: 3,000 пѣхоты, 3 эскадрона кавалеріи и батарея артилеріи. Наши потери простирались до 2,500 человекъ выбывшими изъ строя.

Взятіемъ позиціи у Горнаго Дубняка еще не достигалась предположенная цѣль — полное обложеніе Плевны; оставалось взять телишскую позицію и она была взята. По словамъ официальной телеграммы, 16-го октября, войска гвардіи, подъ начальствомъ ген. Гурко, окружили турецкую укрѣпленную позицію у Телиша на софійскомъ шоссе и начали обстрѣливать ее изъ 72 орудій. Послѣ двухчасового бомбардированія, гарнизонъ Телиша, состоящій изъ семи таборовъ пѣхоты съ тремя орудіями, подъ начальствомъ ливы Измаила-Хаки-паши, сдался на капитуляцію и положилъ оружіе; изъ состава его бѣжало не болѣе 300 человекъ, остальные, въ томъ числѣ самъ паша и болѣе 100 офицеровъ, находятся пока въ редутѣ у Горнаго Дубняка, но будутъ отпущены на свободу. Паша и нѣкоторые офицеры предпочли, впрочемъ, остаться въ плѣну. Во взятіи Телиша участвовали: 1-я бригада 2-й гвардейской пѣхотной дивизіи, 1-я бригада 3-й гвардейской пѣхотной дивизіи, 2-я гвардейская кавалерійская дивизія и кавказская казачья бригада. Наша потеря во всей пѣхотѣ: одинъ убитый, 15 раненыхъ. Въ л.-гв. уланскомъ полку, который атаковалъ пѣхоту, ранены: 6 офицеровъ и около 50 нижнихъ чиновъ; въ остальныхъ частяхъ потери еще неизвѣстны, но, во всякомъ случаѣ, ничтожны. Со взятіемъ этой позиціи, кажется, можно считать Плевну окончательно обложенной.

Большой броненосецъ, принадлежащій къ эскадрѣ Гобарта-паши, блокирующей входъ въ устье Дуная, вошелъ, 27 сентября, въ сулинское гирло, наскочилъ на наши минныя загражденія и взлетѣлъ на воздухъ.

ВО ВСѢХЪ ИЗВѢСТНЫХЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ

продается слѣдующія изданія редакціи журнала „Дѣло“:

Происхожденіе человека и половой подборъ. ЧАРЛЬСА ДАРВИНА. Перев. съ англ.; подъ редакцію Г. Е. Благосвѣтлова. Въ трехъ выпускахъ, составляющихъ около 80-ти печ. листовъ, съ 150-ю рисунками, рѣзанными на деревѣ. Цѣна тремъ выпускамъ 5 р. сер.; съ перес. 5 р. 60 к.

Теорія естественнаго подбора. Очерки Альфреда Росселя Вилласа. Перев. съ англ. Цѣна 1 р. 20 к.; съ перес. 1 р. 50 к.

Популярная гигиена. Настольная книга для сохраненія здоровья и рабочей силы въ средѣ народа. Карла Реклама. Перев. съ нѣмецк. Изданіе третье. Съ приложеніемъ „Дѣтской Гигиены“ д-ра М. С. Зеленскаго и вступительной ст. В. О. Португалова: „Безпредѣльность Гигиены“. Съ рисунками. Ц. 2 руб.; съ пересылкой 2 р. 30 к.

Вопросы общественной гигиены. В. О. Португалова. Около 40 печатныхъ листовъ. Цѣна 3 р.; съ перес. 3 р. 50 к.

Усовершенствованіе и вырожденіе человѣческаго рода. В. М. Флоринскаго. Ц. 50 к.; съ пер. 70 к.

О питаніи въ физиологическомъ, патологическомъ и терапевтическомъ отношеніяхъ. Д-ра Жюля Сира. Перев. съ французскаго, подъ редакціей А. Н. Моригеровскаго. Цѣна 2 р.; съ перес. 2 р. 30 к.

Уроки элементарной физиологіи. Т. Гексли. Пер. съ англ., съ предисловіемъ Д. И. Писарева. Изданіе третье. Ц. 1 р. 25 к.; съ пер. 1 р. 40 к.

Комедія всемірной исторіи. Гог. Шерра. Историческій обзоръ событій съ 1818 по 1851 годъ. Перев. съ нѣмец. Два выпуска. Цѣна обомъ выпускамъ 3 р.; съ пересылкой 3 р. 50 коп.

Исторія крестьянской войны въ Германіи. Д-ра В. Диммермана, составл. по лѣтописямъ и разсказамъ очевидцевъ. Переводъ съ нѣмецкаго. Три выпуска, составл. болѣе 70-ти печ. листовъ. Изданіе второе. Цѣна тремъ выпускамъ 2 руб.; съ перес. 2 р. 50 к.

Избранныя рѣчи Джона Брайта. Съ біографическимъ очеркомъ и портретомъ автора. Переводъ съ англійскаго, подъ редакціей Г. Е. Благосвѣтлова. Цѣна 2 р.; съ перес. 2 р. 30 к.

Одинъ въ полѣ—не воинъ. Романъ Фр. Шпильгагена. Перев. съ нѣмецк. Изданіе четвертое, съ портретомъ автора и предисловіемъ Г. Е. Благосвѣтлова. Два тома, около 60-ти печатн. листовъ. Цѣна 3 р.; съ перес. 3 р. 50 к.

Десятисто третій годъ. Романъ В. Гюго, въ двухъ томахъ. Переводъ съ французскаго. Ц. 2 р.; съ перес. 2 р. 40 к.

Современные политическіе дѣятели. (Біографіи и характеристики) Э. Реклю (М. Триго). Цѣна 2 р.; съ перес. 2 р. 30 к.

Исповѣдь старика. Политическій романъ Иполита Ньвево, перев. съ итальянскаго В. А. Зайцева. Цѣна 2 р.; съ перес. 2 р. 30 к.

О подчиненіи женщины. Лж. Ст. Миля. Переводъ съ англійскаго, подъ редакцію и съ предисловіемъ Г. Е. Благосвѣтлова. Въ концѣ книги приложена ст. Гог. Шерра: „Историческіе женскіе мифы“. Изданіе второе. Цѣна 1 р.; съ перес. 1 р. 25 к.

Автобиография Джона Стюарта Милля. Переводъ съ англійскаго, подъ редакціей Г. Е. Благосвѣтлова. Цѣна 1 р. 20 к.; съ перес. 1 р. 50 к.

Русскія историческія женщины. (Женщины до-петровской Руси). Д. Л. Мордовцева. Ц. 2 р. 75 коп.; съ перес. 3 р. 25 коп.

Внѣ общественныхъ интересовъ. Романъ П. Лятнева, изданный безъ предварительной цензуры. Ц. 1 р. 50 к.; съ перес. 2 р.

Американка. Романъ Лунзы Алькотъ. Перев. съ англ. Цѣна 1 р. 20 к.; съ пересылкой 1 р. 50 к.

Сочиненія О. М. Толстаго. (Повѣсти и рассказы). Съ предисловіемъ Д. И. Писарева. Два тома: Ц. 1 р. 50 к.; съ перес. 1 р. 80 к.

Мертвая петля. драма въ пяти дѣйствіяхъ, Н. Потькина. Ц. 1 р. 20 к.; съ перес. 1 р. 50 к.

Записки военнаго. Белетристическіе очерки, рассказы и картины изъ военнаго быта. Д. Гирса. Ц. 1 р. 60 к.; съ перес. 1 р. 80 к.

Отъ земли до луны 97 часовъ прямого пути. Ж. Верна. Переводъ съ французскаго. Ц. 50 коп.; съ перес. 70 к.

Бриллиантовое ожерелье. Романъ Антоня Троллопа. Перев. съ англ. Ц. 1 р. 20 к.; съ перес. 1 р. 50 к.

ИСПОВѢДЬ СТАРИКА.

ПОЛИТИЧЕСКІЙ РОМАНЪ

ИПОЛИТА НЬЕВО.

Переводъ съ итальянскаго, В. И. Зайцева; около 35 печатныхъ листовъ. Цѣна безъ перес. 2 р.; съ пересыл. 2 р. 30 коп.

ПОЛИТИЧЕСКІЕ ДѢЯТЕЛИ

Э. РЕКЛЮ (М. ТРИГО.)

(Биографіи и характеристики). Цѣна 2 р.; съ перес. 2 р. 30 к.

На всѣ вышеозначенныя изданія подписчикамъ журнала „ДВЛО“
уступается 20% съ номинальной цѣны (стоимость книги безъ
пересылки).

въ 1878 году

СЕМЬЯ И ШКОЛА

(Годъ восьмой.)

Иллюстрированный журналъ домашняго и общественнаго воспитанія, будетъ выходить еженѣсячно, по 10—12 листовъ печати, въ двухъ книгахъ (за исключеніемъ мѣсяцевъ іюня и іюля, когда выходятъ только по одной книгѣ), въ $\frac{1}{8}$ долю листа.

Въ теченіи семилѣтняго существованія „Семья и Школа“ постоянно имѣла цѣлю: во 1-хъ) содѣйствовать правильной постановкѣ учебно-воспитательнаго дѣла и распространенію въ обществѣ здоровыхъ педагогическихъ понятій; во 2-хъ) давать возможно лучший матеріалъ для умственнаго и физическаго развитія нашего юношества.]

Сообразно этой цѣли, „Семья и Школа“ выходитъ въ двухъ книгахъ:

Книга I. (Семейное чтеніе). Сюда входятъ статьи религіозно-нравственнаго содержанія, рассказы, стихотворенія, путешествія, жизнеописанія и пр., а также игры, работы, руководія, мастерства и проч. матеріалъ для умственнаго и физическаго развитія. Всюду, по мѣрѣ надобности, прилагаются рисунки и картины.

Книга II. (Воспитаніе и обученіе). Содержитъ въ себѣ: общія статьи педагогическаго содержанія, статьи по воспитанію и обученію домашнему и общественному, нравственному, умственному и физическому; критику и библиографію; біографическіе очерки педагоговъ и статьи по исторіи педагогіи; смѣсь; отдѣлъ математическій (самостоятельныя изслѣдованія въ области элементарной математики; разработка тѣхъ или другихъ частей курса средне-учебныхъ заведеній на научно-педагогическихъ основаніяхъ; историческія замѣтки; библиографія и т. п.)

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

На полный журналъ (22 кн.)	На „Семейное чтеніе“ (12 кн.)	„На воспитаніе и обученіе“ (10 кн.)
I. Въ С. Петербургѣ 1) безъ доставки . . . . . 11 р. — к.	„ „ 9 р. — к.	„ „ 4 р. — к.
Въ С.-Петербургѣ 2) съ доставкой . . . . . 11 „ 50 „	„ „ 9 „ 50 „	„ „ 4 „ 50 „
II. Въ имперіи. 12 „ — „	„ „ 10 „ — „	„ „ 5 „ — „
III. За границу. 16 „ — „	„ „ 13 „ — „	„ „ 7 „ — „

Подписка принимается: а) при городской конторѣ редакціи: Васильевскій островъ, по 9 линіи, между Большимъ и Среднимъ проспектами, д. № 24, кв. № 6; б) иногородные и заграничные высылаютъ по почтѣ исключительно въ главную контору (Спб., Вас. остр., 15 линія, д. № 8, кв. № 20), съ сообщеніемъ подробнаго адреса, имени, отчества, фамиліи и того почтового учрежденія, его губерніи и уѣзда, гдѣ есть выдача газетъ и журналовъ.

Издатель Н. Краевичъ.
Редакторъ Юл. Симашко.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на самую дешвую ежедневную политическую и литературную газету

НОВОСТИ

на 1878 годъ.

Газета „НОВОСТИ“ выходитъ безъ предварительной цензуры ежедневно, не исключая понедѣльниковъ, полными нумерами, а въ дни, слѣдующіе за табельными праздниками, въ видѣ прибавленій или телеграфныхъ бюллетеней.

Газета „НОВОСТИ“, по подписной цѣнѣ, на половину дешевле всѣхъ большихъ ежедневныхъ газетъ, а по разнообразію, полнотѣ и свѣжести содержанія, стоитъ на одномъ уровнѣ съ ними, въ чемъ можетъ убѣдиться каждый читатель, сравнивъ содержаніе любого нумера „НОВОСТЕЙ“ съ нумерами другихъ газетъ, вышедшими въ одинъ и тотъ-же день.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ:

	Съ доставкою въ С.-Петербургѣ.	Съ пересылкою.
На 1 годъ	8 р.	9 р.
„ 11 мѣсяцевъ	7 — 50 к.	8 — 25 к.
„ 10 „	7 —	7 — 50 „
„ 9 „	6 — 50 „	7 —
„ 8 „	6 —	6 — 50 „
„ 7 „	5 — 50 „	5 — 75 „
„ 6 „	5 —	5 —
„ 5 „	4 — 50 „	4 — 50 „
„ 4 „	3 — 80 „	4 —
„ 3 „	3 —	3 —
„ 2 „	2 —	2 —
„ 1 „	1 —	1 —

Подписывавшіеся сразу на всѣ послѣдніе мѣсяцы 1877 г. и

на весь 1878 г., безъ разсрочки, прибавляютъ къ годовой подписной цѣнѣ по 75 к. за каждый лишній мѣсяць. Такимъ образомъ за время, напримѣръ, съ 1-го сентября 1877 г. по 1 января 1879 г., т. е. за 16 мѣсяцевъ, платять всего 12 р., съ 1-го октября 1877 г. по 1 января 1879 г., т. е. за 15 мѣсяцевъ — всего 11 р. 25 к., съ 1-го ноября — всего 10 р. 50 к., и съ 1-го декабря 9 р. 75 к.

Разсрочка платежа допускается чрезъ посредство казначеевъ или по соглашенію съ конторою редакціи.

Письма и деньги адресуются: въ Петербургъ, въ редакцію газеты „НОВОСТИ“.

О ПОДПИСКѢ НА 1878 ГОДЪ.

БУДИЛЬНИКЪ,

САТИРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЬ СЪ ХРОМОЛИТОГРАФИРОВАННЫМИ РИСУНКАМИ И КАРИКАТУРАМИ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

НА ГОДЪ:

Безъ доставки	6 р. — к.
Съ доставкою въ Москвѣ.	7 " — "
Съ пересылкой въ города	7 " 50 "

НА ПОЛГОДА:

Безъ доставки	3 р. 50 к.
Съ доставкою.	4 " — "
Съ пересылкою	4 " 50 "

ЗА ПЕРЕМѢНУ АДРЕСА РЕДАКЦІЯ ВЗИМАЕТЪ 20 К. С.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: въ Москвѣ — въ редакціи (на большой Никитской), у Н. А. Мейера (Маросѣйка, домъ Леонова) и во всѣхъ книжныхъ магазинахъ *).

Кромѣ Москвы подписка принимается въ книжныхъ магазинахъ всѣхъ губернскихъ городовъ Имперіи. Въ Парижѣ: въ главной конторѣ общества Гавасъ, Лафиттъ и К^о — Paris, Place de la Bourse, № 8.

Редакція покорнѣе проситъ гг. иногороднихъ подписчиковъ присылать свои требованія заблаговременно, дабы предотвратить несвоевременную высылку журнала.

*) У А. Н. Мейера — исключительный приемъ объявленій и рекламъ.

идей. — Самаринская теорія о нашей исконной враждѣ съ Западомъ.— Существуетъ-ли подлинно такая вражда? — Мистическое значеніе русской общины.—Почему европейскій пролетарій не стремится въ нашу обтѣванную землю? — Междоусобная война въ нашей журналистикѣ. — Походъ „Отечественныхъ Записокъ“ противъ „Сѣвернаго Вѣстника“. — Походъ г. Полетики противъ г. Суворина. — Битва князя Крапоткина и профессора Фойницкаго съ непокорными директорами здѣшняго тюремнаго комитета.— Злосчастная судьба пріюта арестантскихъ дѣтей.—Ростовщикъ-педагогъ.— Ученая прогулка казанскихъ археологовъ и недоумѣніе туземнаго плебса.— Ода мѣстнаго стихотворца и наша реплика ему. .

18. ВОЕННАЯ ХРОНИКА. . . . .

19. ОБЪЯВЛЕНІЕ ОБЪ ИЗДАНИИ ЖУРНАЛА „ДѢЛО“
ВЪ 1878 ГОДУ.

**ВО ВСѢХЪ ИЗВѢСТНЫХЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ
ПРОДАЮТСЯ СЛѢДУЮЩІЯ КНИГИ:**

**СОВРЕМЕННЫЕ
ПОЛИТИЧЕСКІЕ ДѢЯТЕЛИ.**

Э. РЕБЛЮ (М. ТРИГО.)

(Биографіи и характеристики). Цѣна 2 р.; съ перес. 2 р. 30 в.

**ДЕВЯНОСТО ТРЕТІЙ ГОДЪ,
РОМАНЪ В. ГЮГО.**

Въ двухъ томахъ. Перев. съ франц. Изд. Редакціи журнала „Дѣло“. Цѣна 2 р. безъ перес., съ перес. 2 р. 40 в.

При этомъ № прилагаются слѣдующія объявленія: 1) объ изданіи журнала „Дѣло“ въ 1878 г.; 2) объ изданіяхъ редакціи журн а „Дѣло“; 3) объ изданіи журнала „Семья и Школа“ въ 1878 г.; 4) о подпискѣ на газету „Новости“ и 5) о подпискѣ на журналъ „Будильникъ“ въ 1878 г.

При этомъ № предлагается иногороднымъ подписчикамъ каталогъ журналовъ и періодическихъ изданій на 1878 г. книжнаго магазина Э. Мелье.

ПОДПИСКА НА ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ

„ДѢЛО“

въ 1877 году

принимается въ С.-Петербургѣ, въ Главной Конторѣ Редакціи
журнала „Дѣло“ (по Надеждинской улицѣ, д. № 39.)

Редакція будетъ считать себя отвѣтственной за исправную и своевре-
менную высылку журнала только передъ тѣми изъ своихъ подписчиковъ,
которые подпишутся по указанному выше адресу.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА

годовому изданію журнала „ДѢЛО“:

Безъ пересылки и доставки	14 р. 50 к.
Съ доставкою въ С.-Петербургѣ.	15 „ 50 к.
Съ пересылкою иногороднимъ	16 „
„ за-границу	19 „

Для служащихъ дѣлается разсрочка, но не иначе, какъ за поручи-
тельствомъ гг. назначевъ.

Редакторъ-издатель **Н. ШУЛЬГИНЪ.**

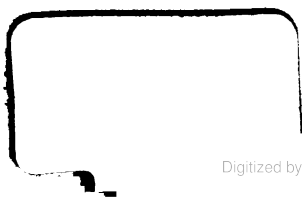

Widener Library

3 2044 079 302 345